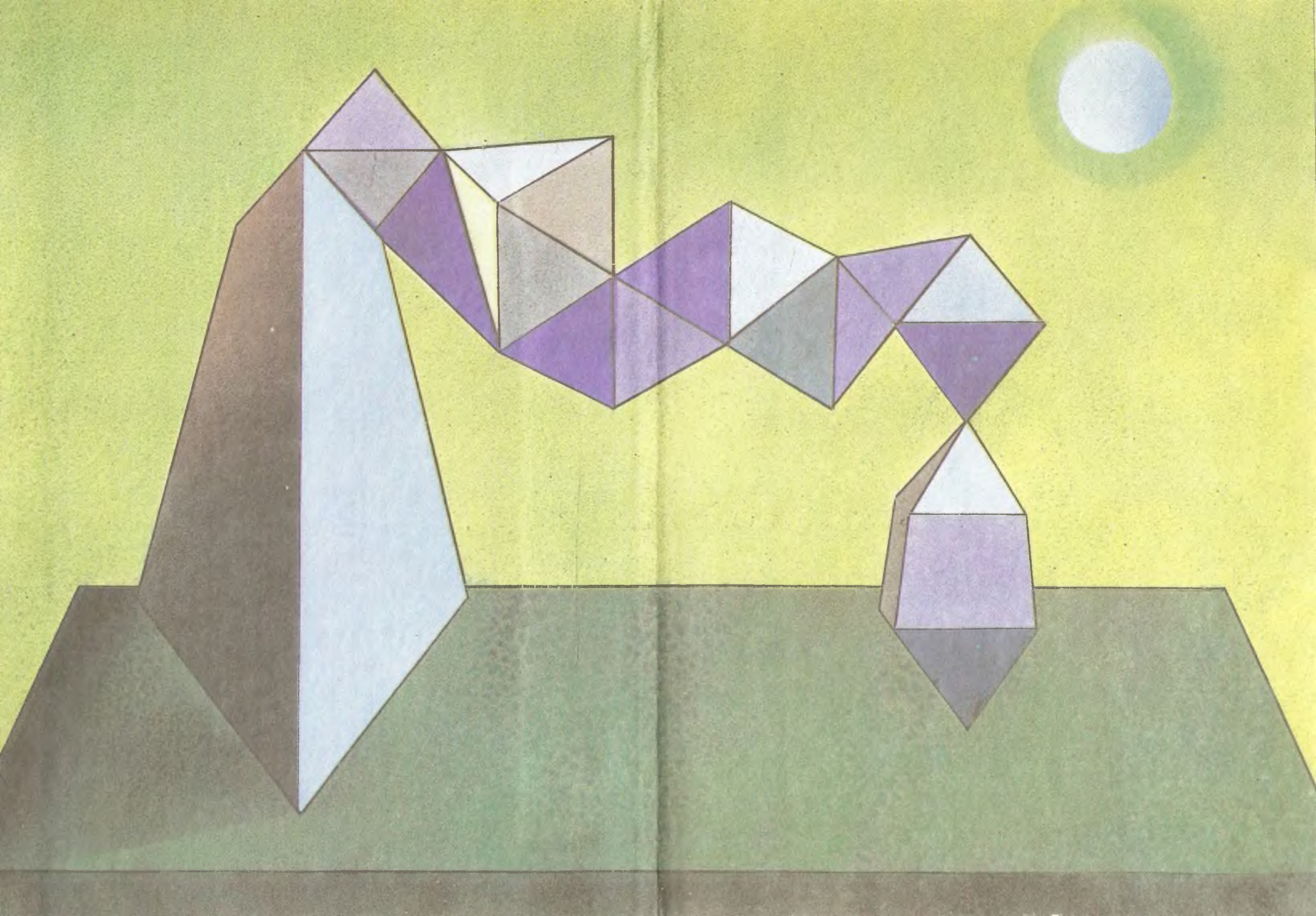

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФАТА-МОРГАНА 8

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

DATA MORFANA

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

БРАЙАН ОЛДИСС

ВЕРЖЕ ФОРИ

ФРЭНК БАШБИ

КРИС НЕВИЛ

РИЧАРД МЭТИСОН

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

ДЖОН УИНДЕМ

АЛАН БЕРХОУ

ГЕНРИ СЛИЗАР

НОРМАН СПИГРАД

ФИЛИПП КЮРВАЛЬ

ДЖОН БРАННЕР

ДЖЕЙМС ГАНН

МАРК КЛИФТОН

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

КЛИФФОРД САЙМАК

МАК РЕЙНОЛЬДС

ФАТА МОРГАНА 8

Фантастические
рассказы
и повести

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

**ББК 84.0
Ф 27**

Художник В. Ан

**На обложке использована
работа художника Б. Вальехо**

Ф 27 **Фата-Моргана 8: Фантастические рассказы и повести / Пер. с
англ. и фр. Сост. С. Барсов. — Нижний Новгород: Флокс, 1993. —
479 с.: ил.**

ISBN 5-87198-045-7

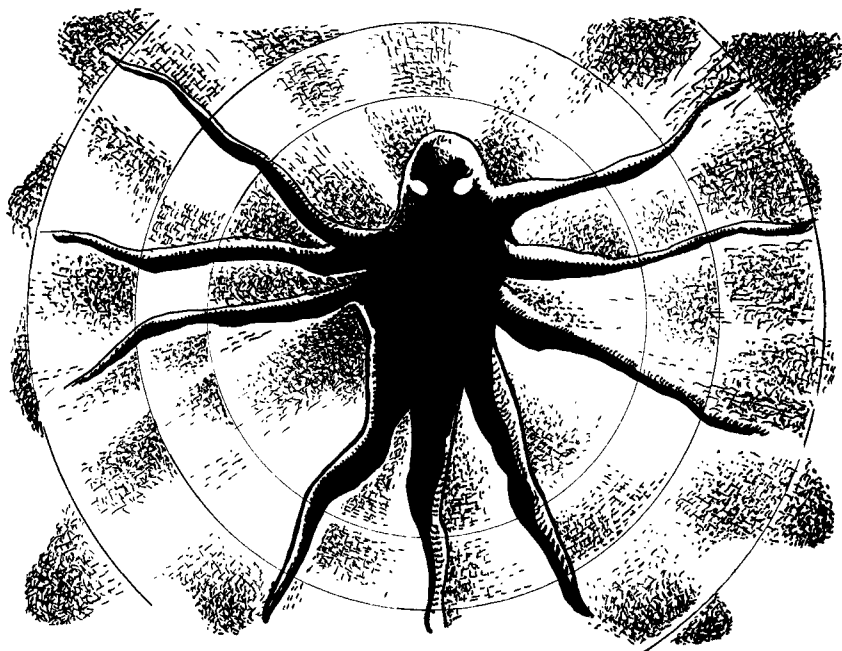
Серия «Фата-Моргана 8» представляет читателю новый сборник повестей и рассказов современных западно-европейских и американских фантастов. Все произведения публикуются на русском языке впервые.

Ф 4703040100-015 без объявл.
Д40(03)-93

ББК 84.0 США

ISBN 5-87198-045-7

© Перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1993

Брайан Олдисс

ПЕРЕВОДЧИК

Мысли — это сила, которая еще не изучена до конца. Они неразрывно связаны с высшими существами, как сила тяготения с планетами, и кружат вокруг меня, пока мой разум превращает внешний мир в символы. Все, что я познаю, каким-то образом изучается моими мыслями.

Низость, которую моя собственная раса нулов совершает на Земле... действительность ли это или просто ошибочная интерпретация моего разума?

Однако сейчас и здесь, без денег и далеко от дома, я должен сосредоточиться на более практических проблемах. Я должен по-прежнему искать шанс. Кого-то нужно обогнать, чтобы я смог вернуться домой. Мышление похоже на игру: порой в голову приходят интересные мысли, порой — скучные. Может, потому я и стал игроком: надеюсь, что мне удастся обнаружить нечто большее, чем очередной шанс.

Сейчас я наверняка думаю об интересных вещах, лежа на широ-

кой стене у старого порта и глядя вверх, на Вселенную. Сейчас ночь, и я вижу звезды империи, находящиеся в руках расы, к которой я принадлежу.

Меня зовут Ваттол Форли, и я — нул. Без гроша в кармане, но не беспомощный, я лежу на низкой стене на темной стороне планеты, которую ее кривоногие ублюдки называют Стомин. Разве это не интересная мысль?

Пожалуй, не очень. Гораздо важнее мои чувства, мои ценные чувства. Подумайте сами: у меня нет причин для оптимизма, но я полон им. Я бог знает в скольких световых годах от Партассы, но не тоскую по дому. Может показаться, что я одурманен алкоголем, но мозг мой так же точен и действен, как вино, которое я выпил у Фаррибидуче.

Однако есть еще один уровень моих мыслей, регистрирующий опасность. Один мой глаз обращен в сторону Галактики, второй — на мое внутреннее я, но одновременно с этим я вижу головореза, который крадется ко мне из боковой улочки. Он выскальзывает из-за разрушенного деревянного кабестана и минует кучу отходов и раковин в том месте, где днем стоит киоск с морскими лакомствами. Он идет как разбойник.

Я вижу, что это нул, и значит, он так же нагл, как я. У него есть нож, которым этот глупец явно попыбует меня запугать. Откуда ему знать, что здесь лежит Ваттол Форли?

Может ли он представить себе мысли, вспыхивающие в моей голове, как звезды там, на небе? Мысли, которые разбегутся, когда он наконец отважится произнести свое «руки вверх» или другой мелодраматический вздор.

Ваттол Форли позволил мыслям проплывать через свою голову, наслаждаясь собственным спокойствием перед лицом опасности. Для нула у него действительно была довольно сложная натура, но даже ему, лежащему пьяным на стене порта на Стомине, и не снились события, от которых зависела судьба целой планеты, а может, даже всей Галактики.

Впрочем, даже знай он об этом, все равно был в таком настроении, что, наверное, лишь махнул бы пренебрежительно рукой.

И не то, чтобы он был фаталистом, просто верил в важность действия и в то, что в Галактике с четырьмя миллионами цивилизованных планет действия эти в конце концов аннулируются.

Пока он с удовольствием восстанавливал в памяти особенности своего характера, в нескольких метрах от него холодно сказали:

— Подними руки и сядь. Только тихо.

Ваттол не терпел такого обращения, особенно на своей планете. Он знал, что кривоногие жители Стомина с удовольствием растопили

бы его или любого другого нула, чтобы получить тран. Все еще не шевелясь, он повернул глазной стебель, чтобы взглянуть на противника.

В полумраке виднелась трехногая фигура, похожая на него самого.

— То, что ты нул, еще не повод вести себя так, — лениво произнес он.

— Садись, приятель. Вопросы буду задавать я.

Ваттол сплонул.

— Ты не обычный грабитель, потому что слишком глуп, чтобы прикончить меня без лишних, театральных жестов. Подойди и скажи, чего хочешь, как цивилизованное существо.

Тот приблизился, не на шутку разозлившись.

— Я сказал, чтобы ты сел...

Ваттол наконец сделал это, одновременно прыгнул на второго нула и ударил его под самую диафрагму. Они рухнули на землю, длинный кривой нож сверкнул в свете далекой лампы.

— Подожди! — крикнул грабитель. — Ты игрок, правда? Разве не ты был недавно у Фаррибидуче, за главным столом?

— Сейчас не время для бесед, идиот!

— Ты игрок, правда? Приношу свои глубочайшие извинения! Я принял тебя за обычного бездельника.

Они поднялись с земли, грабитель был полон раскаяния и рассылал комплиментами. Звали его, как он сказал, Джикса, и, чтобы извиниться перед Ваттолом за свой возмутительный поступок, он робко предложил тому пойти выпить, уверяя, что лишь темнота причина ошибки.

— Мне это нравится не больше, чем твое недавнее поведение, — сказал Ваттол. — Честно говоря, я вообще не желаю с тобой общаться. Убирайся и дай мне спокойно подумать.

— У меня есть для тебя предложение. Хорошее предложение. Послушай, мы, нулы, должны держаться вместе — разве не так? Стомин ужасное место, здесь пересекаются столько дорог, что вокруг так и кишит разный сброд.

— Вроде тебя!

— Нет, мне просто временно не везет, впрочем, как и тебе. Но вместе мы снова можем разбогатеть. Так уж получилось, что я тоже игрок.

— Так бы сразу и говорил и не тратил сил понапрасну, — сказал Ваттол, отряхивая пыль и рыбью чешую с одежды. — Пошли выпьем. Можешь мне поставить и заодно изложить свое предложение.

Они нашли местечко под названием Паркит, где слегка воняло, но было достаточно удобно, а все прочие формы жизни были не слишком омерзительны. Усевшись в углу, двое нулов углубились в дискуссию на тему азартных игр.

— У Фаррибидуче я проигрался до нитки.

— Тогда откуда твое восхищение моей игрой? — спросил Ваттол. Джикса улыбнулся.

— Разумеется, они мухлевали, я видел это, но ничего не сказал, чтобы мне не перерезали горло. Просто удивительно, что ты продержался так долго. Глядя на твою игру, я решил, что мы были бы хорошими партнерами.

— Я не скрываю, что мне нужны деньги. До моего дома не менее половины Галактики.

— А куда ты направляешься?

— На саму Партассу. Я ее гражданин, если это еще можно считать честью. Со мной обошлись так подло, словно я представитель какой-нибудь молодой расы.

— Я тоже не люблю властей, — признался Джикса. — А что с тобой произошло?

— Еще несколько месяцев назад я был Третьим Секретарем Комиссии на планете, полной двуногих. Милая и спокойная раса, но мне не нравилось, как Губернатор по имени Пар-Хаворлем обходится с ними. Подлая скотина! Я заявил протест, а он вышвырнул меня вон. Даже не дал денег на билет до дома — кстати, Заграничный отдел всегда делает так.

У меня были кое-какие сбережения, чтобы купить место на корабле, идущем на Хоппаз II, а оттуда добраться до Кастакоры, главной планеты сектора. Будь уверен, эта Кастакора — просто вонючая дыра! Как и большинство главных планет, не может свободно даже пальцем шевельнуть. Я торчал там около года, чтобы заработать на билет сюда. Брался даже за физическую работу.

Джикса сочувственно буркнул что-то.

— Но, по крайней мере, я сделал на Кастакоре две полезные вещи. Во-первых, пришел к выводу, что после того, как со мной обошлись, мир обязан меня содержать, и с тех пор полагаюсь на собственное везенье и ловкость и думаю, что доберусь до Партассы.

— Такими темпами тебе потребуется двадцать лет. Оставайся со мной, будем вместе обирать туристов.

Ваттол решил для себя, что Джикса ему не нравится, и все же он мог пригодиться в долгой игре прыжков, которыми Ваттол перебирался от планеты к планете.

Джикса осушил стакан и заказал новую порцию.

— А вторая полезная вещь, которую ты сделал на Кастакоре? — спросил он.

Ваттол кисло улыбнулся.

— Ты когда-нибудь слышал о Синворете? Это большая шишка в Высшем Совете Партассы. В Заграничном департаменте у него репутация одного из немногих неподкупных нулов, которые еще остались! Я собрал все доказательства против Губернатора Пар-Хаворлема и отправил их с Кастакоры Синворету.

— И что тебе с этого? — спросил Джикса.

— Не каждое удовольствие можно купить, приятель. Ничто не обрадует меня больше, чем известие, что эта вошь — Пар-Хаворлем — смещен, а долг планете, на которой он бесчинствует, уплачен. Синворет самый подходящий нул для этого дела.

Джикса шмыгнул носом. Не впервые встречался он с безумными претензиями чиновника, лишенного должности.

— А как называется та планета, на которой ты работал у Пар... как там его? — равнодушно спросил он.

— Это захолустье называется Землей. Сомневаюсь, чтобы ты когда-нибудь слышал о ней.

Потягивая свой напиток, Джикса признался, что никогда о такой не слышал.

1

Стул резко контрастировал с брошенным на него пальто. Как и комната, в которой он стоял, стул был огромен, излишне разукрашен и чрезмерно нов.

Пальто было простого покроя, но поношенным и немодным. Пошитое хорошим партассианским портным, оно имело обычные три рукава с отверстиями подмышками и высоким воротником, доходящим почти до глазных стеблей — такие носили сейчас только представители старой школы дипломатов. Край воротника обтрепался, так же как края трех широких манжет.

Пальто принадлежало Подписывающему Архиграфу Армаджо Синворету. Спустя десять секунд после того, как он бросил его на свой резной стул, шкаф вынул крючок и втянул поношенное пальто в свои объятия. Опрятность — добродетель низших существ и машин.

Не обратив на это внимания, Синворет продолжал расхаживать по своей новой комнате. Он вел суровый образ жизни, посвятив ее введению партассианской справедливости в других мирах. Эта комната, одновременно фривольная и претенциозная, казалась, символизировала все принципы, с которыми он так часто боролся. В душе он бунтовал против переезда сюда из старого кабинета, несмотря на все вытекающие из этого почетные привилегии.

Синворет взял в руки первый пакет со стола. Внутри конверта из фольги находился еще один. Более десятка разноцветных марок говорили о многозначительном путешествии через Галактику до места назначения. На самой первой марке со штемпелем КАСТАКОРА, СЕКТОР ВЕРМИЛИОН, красовалась дата двухлетней давности. С растущим интересом Синворет вскрыл конверт.

Внутри находилось несколько документов и объяснительная записка, с которой Синворет и начал чтение:

«Подписывающему Высшего Совета Графу Армаджо Синворету, Г.Л.Л., И.Л., Л.Ц.У.С.С., П.Ф., Р.О.Р (Оми), Фр.Г.Р.Т. (П), Совет Колонизированных Планет, Партасса.

Уважаемый господин Подписывающий! Поскольку моя фамилия не могла дойти до вас раньше через всевозможные стебли иерархии и световые года, которые нас разделяют, позволю себе представиться. Я Ваттол Форли, некогда Третий Секретарь Его Светлости Графа Хаверлема Пар-Хаворлема, Губернатора Галактики на планете Земля. Чтобы избавить Вашу Светлость от изучения бумаг, позволю себе добавить, что Земля — это планета класса 5Ц в Системе 5417 Административного Сектора Вермилион.

Дело в том, уважаемый господин, что меня вышвырнули.

Управление этой несчастной планетой нашими представителями не нравилось мне ни под каким видом, но, когда я осмелился представить Губернатору Пар-Хаворлему рапорт по этому вопросу, он вызвал меня и вышвырнул с работы.

Вы, как особа, отлично знающая министерскую жизнь, вероятно, в курсе условий обычного галактическо-колонияльного контракта для служащих Четвертого Уровня Колонияльной Службы, вроде меня: «нарушив» правила, я должен возвращаться домой за свой счет. Принимая во внимание, что я нахожусь в десяти тысячах световых лет от Партаussy, сомневаюсь, что мне удастся увидеть родные места еще до достижения преклонного возраста. Ничего не скажешь, действенный способ выведения из строя противника, ха!

Однако же, уважаемый господин, главная моя забота не моя судьба, а судьба подвластной расы Земли, называемой землянами. При близком знакомстве земляне оказываются вполне порядочными существами со многими положительными чертами, близкими нам. То, что они двуноги, говорит не в их пользу, как в случае большинства двуногих рас остального мира.

Дело обстоит так, что, по-моему, эти двуногие систематически используются и унижаются нашим Земным Губернатором. Пар-Хаворлем превышает свои полномочия. Надеюсь, что присланные мной документы убедят вас в этом. Если его правление будет продолжаться, вся земная культура будет уничтожена еще до того, как сменится поколение.

Необходимо остановить Пар-Хаворлема. Занять его место должен справедливый нул, если такие еще существуют. Наша могучая Империя прогнила насквозь! Однако, боюсь, что, если даже эти бумаги дойдут до Вас, господин, Вы все равно и пальцем не шевельнете.

Почему именно Вам я пишу, уважаемый господин? Я должен был направить свое письмо кому-нибудь из Подписывающих Совета Колоний, тех, кто может что-то сделать. Я выбрал Вас, поскольку слышал, что во времена молодости Вы среди прочего занимали должность Вице-Губернатора Старьи, планеты в секторе Вермилион, а Ва-

ше правление было примером светлой справедливости. Насколько я знаю, Вы по-прежнему имеете репутацию особы честной и искренней.

Если все так, прошу Вас, сделайте что-нибудь для землян и направьте Пар-Хаворлема туда, где он не сможет причинить большого вреда. А может, у вас слишком много работы, чтобы заниматься этим делом? Ведь сейчас Эра Перегруженного Нула?

Ваш экс-слуга в отчаянии, вот кто я, высокоуважаемый Подписывающий, я Ваттол «Большая Голова» Форли».

Гребень на сморщенной от старости голове Подписывающего Синворета дрожал от гнева, направленного не только против Ваттола Форли. По его мнению, черед сменяющих друг друга бездарных министров привела к тому, что Министерство Колониальных Дел стало все менее компетентным в своих делах. По мере того, как уходили года, Синворет все более убеждался, что нигде ситуация не была такой, как во времена его молодости, и письмо Форли лишь подтвердило это.

Он подошел к узорчатому стулу, сел на него и разложил бумаги Форли на столе. Документы оказались именно такими, как он и предполагал.

Копии подписанных Пар-Хаворлемом внутренних распоряжений, вводящих расовые ограничения.

Копии приказа армии, разрешающего стрелять в любого землянина, замеченного в полукилометре от главной дороги.

Копии инструкций земным властям о передаче произведений искусства властям Партассы «под вечную защиту» взамен за ничего не стоящие гарантии.

Рапорты из отделений Подкомиссии на Земле, содержащие подробности, касающиеся принудительных рабочих лагерей.

Копии нескольких договоров с гражданскими контрагентами, горнодобывающими предприятиями, руководителями межпланетных линий и военными советниками — «один из последних, это Генерал Звезды на Кастакоре» — все до единого содержащие пункты и расходы, значительно превосходящие лимиты, установленные для Комиссии 5Ц.

На первый взгляд это напоминало финансовые преступления. Документы, большинство из которых было фотоснимками, раскрывали систематическое принуждение и ограбление местного населения. Когда-то Подписывающий уже имел дело с такими документами. В обширной империи Партассы имелось много возможностей для злоупотреблений. Моральный распад ширился, несмотря на усиленную борьбу.

Одновременно и, пожалуй, не менее часто, недовольные служащие пытались уничтожить начальников, которых обвиняли в своих неудачах.

Синворет сохранил твердость мышления, разум его был холоден, как рыба кровь. Он встал, подошел к окну и открыл его, глядя на лес башенок, образующих район крупнейшего города Галактики. Потом, повернув глазные стебли, посмотрел в небо, где раскинулась собственность Партаппы — четыре миллиона миров. Мысль, что ни один нуль, ни одна комиссия, ни один компьютер не может знать даже миллиардной части того, что там происходит, отрезвила его.

Не поворачиваясь, он нажал звонок. Немедленно явился молодой секретарь, улыбающийся и распластавший свой гребень. Может, Форли был просто таким же карьеристом?

— Что у нас на сегодня первым пунктом? — спросил Синворет.

Секретарь сообщил ему.

— Отмените это. Я хочу, чтобы вы проверили Центральную Картотеку и доставили мне все доступные данные, касающиеся планеты Земля из Системы 5417 ГАС Вермилион и Графа Хаворлема, Губернатора планеты. И запишите меня на завтра к Верховному Советнику.

Зал Аудиенции Верховного советника находился в самом центре огромного нового здания, в котором располагалась и контора Синворета. Явившись туда, Синворет облегченно вздохнул, увидев Советника, пожилого нула по фамилии Грейликс. Кроме него в зале был только робот-магнитофон.

— Входи, Армаджо Синворет, — приветствовал его советник, поднимаясь на ноги. — Давно мы не встречались частным образом.

— Предупреждаю, что пришел с официальной просьбой, Верховный, — сказал Синворет, на мгновение соприкоснувшись глазным стеблем со своим начальником. — Мой секретарь, договариваясь о встрече, переслал также копии некоторых документов.

Грейлик указал на пачку голубых листочков на столе.

— Ты имеешь в виду документы Форли? Они здесь. Садись и поговорим об этом, если хочешь. Это дело скорее для департамента Правонарушений и Психического Порядка, чем для нас.

— Нет, Верховный, я считаю иначе и пришел просить разрешения мне отправиться на Землю.

— Ты хочешь ехать на Землю? Зачем? Чтобы изучить ситуацию, описанную этим уволенным Третьим Секретарем? Тебе не хуже меня известно, что эти доказательства, вероятно, фальшивые. Сколько раз слышали мы о таких высосанных из пальца обвинениях со стороны подчиненных, уволенных за серьезные недостатки!

Синворет невозмутимо кинул.

— Это верно. Форли прислал нам доказательства в виде документов, а при современных методах фальсификации мы уже не можем верить таким доказательствам. Более того, это фотостатические копии. И все же чувствую необходимость действовать и прошу разрешить мне отправиться на Землю с целью изучения ситуации.

— Разумеется, это можно сделать. Дело несложное. Мы официально отправим тебя с инспекцией.

— Значит, ты мне поможешь?

Верховный уклончиво шевельнул гребнем.

— Полагаю, официально я не могу тебе отказать. Рапорты относительно злоупотреблений следует либо подтверждать, либо опровергать. Однако частным образом я хотел бы напомнить тебе кое о чем. Ты один из наиболее ценных Подписывающих и в молодости активно работал в неприятных пограничных секторах вроде Вермилиона. У тебя опыт нескольких Комиссий, ты старый, твердый нул, Армаджо Синворет.

Подписывающий Синворет прервал его, смущенно улыбаясь, однако начальник продолжал:

— Однако ты стар, как и я, и должен помнить об этом. Сейчас ты хочешь отправиться на какую-то дрянную планетку в двух годах пути отсюда. Ты потеряешь четыре года — по крайней мере четыре года — чтобы удовлетворить минутную прихоть. Если тебе нужен отдых, езжай в отпуск.

— Я хочу поехать на Землю, — сказал Подписывающий Синворет, шевеля гребнем.

Теребя складки рукавов, он обошел длинную комнату.

— Может, мы и стареем, Верховный, но по крайней мере мы — честные нулы и в наших руках честь империи. Ты знаешь, что рапорты о злоупотреблениях приходят довольно часто, и самое время, чтобы кто-то ответственный занялся ими лично, вместо отправки Контролеров Доброй Надежды, которые тут же продадутся и после возвращения заявят, что все в порядке. Меня подкупить нельзя, я слишком упрям и слишком богат. Позволь мне поехать! Если, как ты говоришь, это минутная прихоть, отнесись к ней снисходительно.

Он замолчал, заметив, что говорит более резко, чем собирался. Замечание о возрасте задело его. Верховный мягко улыбнулся, и это еще более задело Синворета: он не терпел, когда его успокаивали.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Верховный не стал отвечать на вопрос прямо.

— Получив бумаги Форли, я, разумеется, запросил в Центре его дело. Он очень молод: всего пятьдесят шесть. Выехал с Партаussy на Землю, оставив четыре тысячи бьяксисов карточных долгов.

— Я тоже запрашивал Центр. Карточные долги не делают нула лжецом, Верховный.

Советник кивнул.

— Однако дело Пар-Хаворлема чисто.

— Он так далеко, что грязь перестала быть заметной, — сухо заметил Синворет.

— Да, я вижу, ты твердо решил ехать, Армаджо. Что ж, я восхищен, хотя и не завидую. Эта кислородная планета — Земля — не

очень-то привлекательна. Пришли завтра на Заседание секретаря, и я дам тебе предварительный список кандидатов в сопровождающие.

— Я сокращу их число до минимума, — пообещал Синворет, вставая. Перед отъездом его ждало множество дел.

— И помни, Армаджо Синворет, что губернатор Пар-Хаворлем должен быть официально уведомлен о намеченной тобой инспекции.

— Я бы предпочел явиться туда неожиданно!

— Это понятно, но протокол требует предварительного сообщения.

— Тем хуже для протокола, Верховный.

Синворет был уже в дверях, когда Грейликс остановил его.

— Скажи, что в действительности склонило тебя на это путешествие на другой конец Галактики? В конце концов, что значит для тебя будущее одной из миллиона малых планет?

Синворет поднял руки в нуловской кривой улыбке.

— Как ты сам заметил, Верховный, я старею. Может, справедливость стала моим новым хобби?

Он вышел, а оказавшись в своем кабинете, немедленно продиктовал письмо:

«Губернатору Колонии Его Светлости Графу Хаверлему Пар-Хаворлему, И.Л.У.С., Л.Г.В.С., М.Г.С.С., Р.О.Р. (Сми), Земля, Система 5417, ГАС Вермилион.

Сообщаю об официальной территориальной инспекции планеты Земля, находящейся под вашим управлением. Не жду специальной подготовки к моему визиту. Не принимаю участия в пресс-конференциях или приемах, за исключением необходимого минимума, и не требую никаких особых выступлений. Прошу лишь возможности совершить самостоятельные поездки и предоставления переводчика, говорящего на земном языке. Точная дата приезда будет сообщена позже. Синворет».

2

Партассианские правительства в этой могучей Империи были суrowsыми, но беспринципными. Нулы на подчиненных планетах руководствовались скорее математическими законами, нежели эмоциями. Земля для них — по крайней мере для тех, кто жил на Партассе — была просто планетой 5Ц. По этой экономической классификации «5» означало природные ресурсы, а «Ц» — кислородно-азотную атмосферу.

Природных ресурсов было много, но Земля экспортировала главным образом древесину из лесов, которые выращивали и вырубали земляне.

В двухтысячном году партассианского владения Землю покрыва-

ли леса, в большинстве своем организованные так же старательно, как и фабрики. В некоторых районах методы широкомасштабного залесения себя не оправдывали, и их отвели для разведения скота породы африззиан. Кое-где находились старые независимые земные города и поселки, частью еще населенные, частью — превратившиеся в руины на лесных полянах.

Отличные партассианские дороги из вакуумного велкана тянулись во всех направлениях под защитой силового поля. Партассианцы занимались прежде всего транспортом, и дороги являлись их символом. Они первыми проложили регулярные трассы в пространстве и основали крупнейшую межзвездную империю.

Одна из таких дорог проходила через Район Еввора, Плодородную долину Канала и Регион Велкобрит, где попадала под защиту столицы доминиона.

Здесь, в своих личных апартаментах дворца, Губернатор, Его Светлость Граф Пар-Хаворлем читал телеграмму, которую ему только что вручили. Он прочел ее дважды, прежде чем протянуть своему приятелю, Маршалу Терекоми.

— Похоже, этот Синворет изрядный прохвост, — заметил он.

— Ничего, видали мы и прохвостов, — сказал Терекоми.

— Да, и справились с Синворетом и его бандой. Крупная шишка всегда становится мелкой рыбешкой, попадая на границу. Во всяком случае это здорово, что устав Колониальной Службы требует предварительного сообщения о визите. Это дает время на подготовку...

Он взглянул на дату телеграммы.

— Скоростные корабли доставят сюда Синворета чуть меньше, чем за два года объективного времени. За это время нужно позаботиться, чтобы он увидел лишь то, что мы захотим.

— Отлично. Мы покажем ему Землю как лучшую планету сектора, — саркастически заметил Терекоми. — Однако меня беспокоит, зачем он вообще сюда едет.

— Может, услышал какие-то сплетни.

— Например?

— Скажем, что вооруженные силы, которыми ты командуешь, превышают разрешенную численность в три раза.

— Или что вы кладете в карман по два бьяксиса с каждого ствола, который мы экспортируем.

— Ладно, Терекоми, все это мы знаем. Дело в том, что Партасса уже не следует за своими интересами, и нужно действовать осторожно, чтобы исключить ее вмешательство. Синворет должен увидеть лишь то, что мы хотим ему показать, и ничего больше. Закажи инспекционный корабль, нужно немедленно приниматься за работу. Для начала проведем осмотр территории. Кажется, прошло уже три местных года с тех пор, как я покидал Город Губернии.

Корабль прибыл еще до того, как они поднялись на крышу зда-

ния, и перенес обоих партассианцев через силовое поле города в ядовитую для нулов атмосферу Земли.

Губерния Партассы занимала десять квадратных миль, и во все стороны от нее расходились широкие дороги, накрытые силовыми полями. Поскольку средний нул весит около тонны, наземный транспорт пользовался большим распространением, чем воздушный.

Около двух тысяч лет назад, когда первый разведывательный корабль могучей и непрерывно расширяющейся галактической империи Партассы добрался до Земли, жители планеты были в восторге от включения в состав Империи. Был подписан Договор о Патронате.

Выгоды от огромного материального и технологического превосходства Партассы дали о себе знать практически сразу. Фантастические программы помощи появлялись, как грибы после дождя, на всей планете. Поступали колоссальные кредиты, ежедневно начинались реализации новых планов развития. Тысячи дальнзорких трехногих существ прибывали на Землю через поспешно строящиеся порты, привоза идеи, деньги и семьи.

Земля бурлила жизнью.

— Новое возрождение! — кричали оптимисты, повторяя партассианскую пропаганду.

Вскоре были построены великолепные новые дороги, пересекающие земные шоссе. Окруженные силовыми полями, водонепроницаемые и безопасные, они вызывали зависть всей Земли, даже когда стало известно, что предназначены исключительно для партассианцев.

По мере того, как согласно плану удивительные новые проекты стали давать результаты, земляне все яснее понимали, что партассианско-земное благосостояние было лишь пародией, а все выгоды односторонними. Людям не разрешали даже покидать свою систему, за исключением выезда на несколько определенных планет для полурабской работы.

Когда они поняли это окончательно, было уже слишком поздно для сколько-нибудь успешного противодействия. А может, было поздно с самого начала? Партасса имела за собой два миллиона лет истории и правила четырьмя миллионами планет. В состав ее дипломатического корпуса входили особы хитрые и непреклонные, не обращавшие внимания на все более громкие протесты землян. Они вели себя с невозмутимой терпеливостью, которая встречается у опекунов умственно отсталых детей. Их нечестность оправдывалась законом. Губернатор за губернатором обходился с непокорными двуногими довольно мягко, стараясь хранить доброжелательность, хотя оснований для этого было немного.

Пар-Хаворлем изменил все. Заняв должность Губернатора Земли двадцать три года назад, он ввел систему взяток, превратившую его в одного из сильнейших и наиболее ненавидимых нулов в ГАС Вермилион, регионе, насчитывающем шесть тысяч звезд.

Летя сейчас со своим Маршалом высоко над равнинами Земли, он смотрел на сожженные поля и вырубленные леса, пятнающие упорядоченный пейзаж. Это были следствия партизанской войны, начавшейся как протест против его живодерства. По всей планете земляне взялись за оружие, уничтожая все, что иначе могло попасть в руки чужаков.

— Партизаны действуют не слишком эффективно, — заметил Пар-Хаворлем, посматривая вниз. — Перед приездом Подписывающего придется уничтожить наши плантации и сжечь поля вокруг города. Он должен поверить, что банды двуногих разбушевались не на шутку. Мы должны предстать перед ним притесненными и осажденными.

Маршал Терекоми с энтузиазмом согласился.

— Это объяснит численность нашей армии, — сказал он.

Его огромное трехкамерное сердце было полно уважения к необычайному воображению Губернатора. Это даже пробудило его собственное воображение.

— Знаете, мы можем, пожалуй, устроить небольшое сражение для нашего гостя, — предложил он. — Я подумаю над этим.

Под ними проплывал центральный лесной округ; колонна тяжелых транспортников двигалась к ближайшему космопорту. Методы эксплуатации Пар-Хаворлема были удивительно просты. Под предлогом того, что толпа людей может взбунтоваться, он издал двадцать лет назад указ, ограничивающий количество людей, которые могли работать у земных администраторов. Благодаря этому нулы получили дешевую рабочую силу, а сэкономленные таким образом деньги шли в карман Губернатора.

— Возвращаемся, — буркнул Пар-Хаворлем. Настроение его порой резко менялось, и обычно хорошие манеры сменялись яростью. Сейчас он был недоволен тем, что размеренная жизнь внезапно нарушилась. Самолет повернул к Городу, и Терекоми некоторое время тактично молчал.

— За последние несколько лет мы расширили наш район, Хаворлем, — сказал он. — И жили с удовольствием, несмотря на то, что это плохая планета. Даже Город в два раза больше, чем предусматривает статус планеты 5Ц. Этого нам никогда не объяснить.

— Да, ты прав. На Партассе хотят, чтобы мы жили как нищие. Наш город должен быть полностью покинут и укрыт от внимательного взгляда Подписывающего, а мы построим и заселим временный Город положенных размеров на новом месте. Когда же наш любимый инспектор уедет, все пойдет по-прежнему.

Терекоми продолжал задумчиво смотреть на ненавистный пейзаж, мелькающий внизу. В глубине души он вновь восхищался Губернатором Пар-Хаворлемом и благодарил Троицу, что судьба привела его сюда, где он мог служить этому прирожденному лидеру, а не заставила сидеть в клонящемся к упадку сердце Империи.

— Когда мы вернемся, — равнодушно сказал он, — пошлем за одним из наших земных представителей — ваш переводчик Тоулер подойдет, — чтобы предложить подходящий район для нового Города.

Главный Переводчик Гэри Тоулер любил делать покупки, хотя это было не самое приятное занятие.

Туземный район Города был, как и весь Город, накрыт большим силовым куполом, а улицы его заполняла та же ядовитая смесь сероводорода и других газов, что и прочие части партассианского поселения. В квартирах и магазинах туземного района поддерживалась кислородно-водородная атмосфера, а входили туда через воздушные шлюзы, поэтому поход за покупками подразумевал надевание скафандра.

— Я хотел бы три четверти кило вон той лопатки, — сказал Тоулер, показывая на кусок мяса африззиана, лежавший на прилавке у мясника. Африззианы были быстро размножающимися млекопитающими, привезенными с другой планеты сектора, и большие их стада распространились по всей Земле.

Мясник откашлялся, молча обслуживая Тоулера. Землян, находящихся в постоянном контакте с партассианами, презирали даже те, кто, живя в том же Городе, зарабатывал на жизнь другим способом. Этих в свою очередь презирали полудобровольные рабочие группы, каждую ночь вывозимые из Города, а их — оставшееся большинство землян, предпочитающих умирать от голода, нежели иметь дело с чужаками.

Забрав завернутое мясо, Тоулер закрыл лицо щитком скафандра и вышел из магазина. Почти пустые улицы туземного района не были ни красивы, ни особо уродливы; спроектировал их архитектор-нул с Кастакоры, сектор НQ, видевший двуногих существ только на экране, и видение его материализовалось в ряде собачьих будок. Однако Тоулер шел радостно, ведь дома его должна ждать Элизабет.

Тоулер жил в небольшом четырехэтажном здании, в которое входили через воздушный шлюз. Оставив за спиной двойную дверь, он открыл лицо и торопливо пошел по коридору, жалея, что не может причесать волос, остающихся под шлемом. Открыв дверь своей трехкомнатной квартиры, он облегченно вздохнул — она была там.

С середины потолка свисал контрольный шар, и Элизабет стояла точно под ним. Это было единственное место, где нельзя было разглядеть выражение ее лица. Глаза Тоулера заблестели при виде ее, хотя он знал, что, когда открывал дверь, где-то далеко прозвучал сигнал и сейчас нул — а может, даже человек — склонялся над экраном, наблюдая, как он входит, видел, что он принес, слышал, что говорит.

— Рад видеть тебя, Элизабет, — сказал он, стараясь забыть о том, что за ним наблюдают.

— Я не должна была приходить, — заметила женщина, и такое начало не сулило особых надежд. Ей было двадцать четыре года, была она худой, даже слишком худой, с вытянутым светлым лицом и живыми голубыми глазами. Не красавица, но что-то в лице делало ее ослепительнее красавиц.

— Поговорим, — мягко сказал Тоулер. Он жил один, отдельно от других людей, и почти забыл, что такое мягкость. Взяв женщину за руку, он подвел ее к столу.

Каждое ее движение выдавало неуверенность. Всего десять дней назад она была свободна, жила вдали от Города и редко видела нулов. Заводик ее отца выпускал консервы из африззиан, и внезапно обнаружилось, что в течение пяти лет он платил налоги меньше, чем — в правление Пар-Хаворлема — следовало. Заводик отняли, а единственную дочь Элизабет забрали на работу в учреждениях города. Здесь, испуганная и тоскующая по дому, она стала подчиненной Тоулера. Жалость, а может, и нечто большее, заставило его предложить ей помощь.

— Они будут слышать, о нем мы говорим? — спросила она.

— Каждое сказанное слово попадет в Центр Контроля Комиссариата Полиции, — ответил Тоулер, — где записывается. Но, разумеется, они не думают, что мы их любим. Поскольку они хозяева нашей жизни и смерти, несколько слов на ленте мало что меняют. Это просто средство предосторожности.

Она вздрогнула, слыша покорность в его голосе. Он тоже принадлежал к чуждому ей миру. Они могли коснуться друг друга, но до сих пор между ними не было истинного понимания.

— В таком случае, — сказала Элизабет, — сколько они будут держать меня здесь?

Теперь вздрогнул он. Тоулер работал здесь десять лет, с тех пор как двадцатилетним его привезли сюда за провинность еще меньшую, чем та, что привела сюда Элизабет Фоллодон. И все это время он ни разу не покидал Города. Нулы выдавали своим двуногим помощникам билет только в одну сторону.

— Ты увидишь, что здесь не так плохо, — сказал он вместо прямого ответа. — Множество милых женщин и мужчин работают для партассианцев, а большинство чужаков, когда привыкнешь к их пугающему виду, оказываются совсем не страшными. Тебе повезло, что ты попала в Контору Переводчиков, мы образуем как бы отдельное сообщество.

— Я люблю Питера Ларденинга, — сказала она.

— Это многообещающий молодой человек.

Сказав это, он понял, что говорит покровительственно, и почувствовал, что кровь приливает к его щекам. Ларденинг действительно был лучшим из молодых переводчиков, примерно того же возраста, что и Элизабет. Слишком рано для ревности, подумал Тоулер. Они с

Элизабет не были хорошо знакомы, и по многим причинам такое положение должно сохраниться.

— Мне кажется, он весьма мил, — сказала женщина.

— Да, действительно.

— И полон сочувствия.

— Да, он понимает других.

Тоулер вдруг потерял нить разговора. Ему хотелось сказать, что это он Главный Переводчик, именно он может больше всего сделать для нее.

Почти с облегчением принял он писк коммуникатора, хотя в другое время это могло бы его напугать. Печально улыбнувшись, он отвернулся от женщины и, подойдя к коммуникатору, произнес:

— Алло?

Когда его личный диск оказался в пределах луча, экран осветился, и Тоулер узнал одного из мелких служащих дворца, человека с вытянутым лицом, знакомым ему, хотя все их разговоры сводились к обмену ничего не значащими приветствиями.

— Гэри Тоулер, прошу быстро явиться во дворец. Срочный вызов.

— У меня один свободный день в месяц, — сказал Тоулер. — Как раз сегодня. Не может этот срочный вызов подождать до завтра?

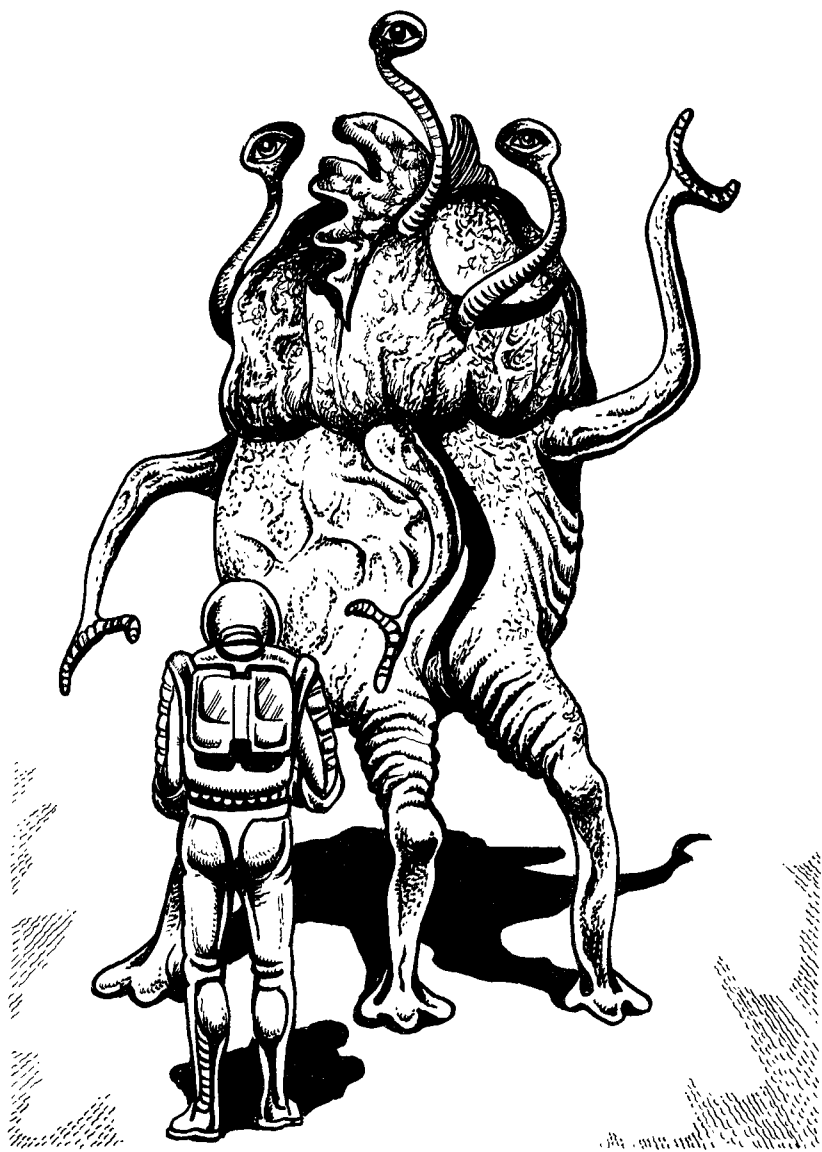
— Сам Губернатор хочет видеть вас, так что поторопитесь.

— Хорошо, иду. Не беспокойтесь!

3

Шестнадцать с половиной минут спустя Главный Переводчик Гэри Тоулер кланялся Губернатору, Его Светлости Графу Пар-Хаворлему. После стольких лет работы в Городе Тоулер по-прежнему дрожал от страха при виде партассианина. Пар-Хаворлем был трех метров высоты, необычайно крепкого сложения, и его огромное тело выглядело бы как цилиндр, не будь у него рук и ног. Он напоминал пузырь в двумя тройными разветвлениями: одним снизу, образующим ноги, другим на середине — руки.

Как и у других представителей этого вида, у Пар-Хаворлема с трудом можно было различить черты лица. Каждая длинная рука кончалась двумя гибкими, противостоящими друг другу пальцами с выдвигаемыми когтями, которые обычно оставались спрятанными. Наверху цилиндрического тела имелись три симметрично расставленных глазных стебля, а на макушке «головы» — мясистый гребень. Прочие части лица: рот, дыхательные отверстия и уши, а также половые органы, скрывались под широкими плечами. Нулы были таинственными существами, внешний вид которых мало о чем говорил. Лишь гребень часто выражал то, что творилось у них внутри, придавая им жестокий вид.

— Переводчик Тоулер, — сказал Пар-Хаворлем безо всякого вступления, — с сегодняшнего дня наш образ жизни меняется. Близятся неприятности, мой маленький двуногий друг. Вот в чем будет заключаться твоя задача...

В нескольких километрах от них Маршал Терекоми смотрел на далекую башню, казавшуюся ему такой же мрачной и отталкивающей, как Губернатор Тоулеру.

— Так говоришь, предводитель земных мятежников в этой башне? — спросил Терекоми.

— Там его патрули, господин, а он, наверное, сидит внизу. Потому я отправил сообщение, прося вас прибыть поскорее.

Собеседником Терекоми был Главный Артиллерист Ибовиттер, недавно прибывший на Землю нул, командовавший отрядом, обслуживающим новейшее экспериментальное оружие — стереосонус.

Терекоми был удивительно спокоен.

— Я вижу, ты действуешь очень четко, артиллерист, — сказал он.

— Стараюсь, как могу. Меня прислали сюда со Старьи, еще одной планеты двуногих, а там я славился эффективными действиями.

— Я читал твое дело, — по-прежнему спокойно заметил Терекоми.

Слегка смущенный, что начальник не выражает энтузиазма, Ибовиттер продолжал.

— Так вот, я передал сообщение, решив, что вы захотите присутствовать при экзекуции. Этот земной вожак Риварс уже долгое время доставляет нам неприятности... Я думал, что вы...

Он замолчал, видя цвет гребня Терекоми.

— Если я что-то не так сказал, господин...

— Судя по твоему делу, — дружеским тоном сказал Терекоми, — тебя прислали сюда со Старьи потому, что во время экспериментов с новым оружием ты перебил почти две тысячи двуногих. На Старье, как я слышал, к двуногим относятся гораздо мягче, чем здесь. Там у правительства свободные взгляды, но здесь, хвала Троице, все иначе! Однако, если ты насчет уничтожения землян своим дьявольским оружием, клянусь, мы не ограничимся простой депортацией. Я сам разорву тебя на куски!

— Но, господин, этот Риварс...

— Риварс сопротивляется слабо, а без него у нас не будет оснований для введения ограничений, однако он дорого обходится нам и следует слегка ограничить его деятельность. Имей он оружие, какое имеешь ты, ситуация резко изменилась бы, но все обстоит иначе. Уничтожение его сил — это пустяк, особенно сейчас.

Терекоми оглядел волнистую местность, башню из серого камня,

построенную задолго до открытия Империей Земли, и уходящие вдаль бескрайние зеленые заросли, обильно растущие в этом кислородном климате. Порой он испытывал холодную симпатию к этой планете: именно здесь он смог пригодиться Пар-Хаворлему. Маршал не сердился на Ибовиттера, он был рад, что предотвратил нежелательное происшествие.

— Жалко, что мы не можем полностью ликвидировать двуногих, — сказал Ибовиттер.

— Держи при себе свои мысли. Они стоят слишком дорого. Миллионы бьякисов вкладываются в малые планеты вроде этой. Как могут работать без двуногих перегонные заводы, фабрики, мельницы и все остальное? Применение роботов обошлось бы раз в пять дороже.

— Да, мне объясняли ситуацию.

— Вот и не забывай об этом.

Пора возвращаться в Город, к Пар-Хаворлему, подумал Терекоми. Здесь он не чувствовал себя свободным. Из укрытия Ибовиттера можно было видеть немного, кроме этой башни и тихой зелени, непрерывно выдыхающей в атмосферу ядовитый кислород. В этой зелени скрывались двуногие. Земляне. Теоретически можно было без труда перебить их, но всегда имелась какая-то причина — политическая или экономическая, личная или тактическая — чтобы этого не делать. Может, они протянут достаточно долго, чтобы выйти когда-нибудь из зеленой чащи и снова овладеть планетой, которую покинут нулы? Не исключено, что двуногие не признают компромисса, тогда как Империя построена на нем.

Такие мысли испортили Терекоми настроение.

— Я не хотел сбивать тебя с толку, Ибовиттер, — сказал он. — Ты делал лишь то, что считал своим долгом. Но приказ был просто задержать Риварса. Правда такова, что мы не можем позволить себе уничтожить всех сражающихся против нас двуногих. Через два года они нам потребуются, чтобы показать одному посетителю, насколько они опасны.

— Господин?

— Неважно, я говорил сам с собой.

— Минуточку, маршал. Значит ли это, что придет время, когда нужно будет разыгрывать сражение или что-то подобное, с большим числом двуногих?

Терекоми, уже шедший к своей машине, замедлил шаги, лишь этим показав свой интерес.

— А если да, то что? — спросил он.

Видя, что произвел на собеседника впечатление, Ибовиттер заговорил доверительным тоном.

— Я прошу дать мне разрешение воспользоваться кораблем. Мы всегда можем импортировать несколько тысяч двуногих.

— Ты не знаешь, что переселение колониальных рас с одной пла-

неты на другую противоречит закону, — равнодушно заметил Терекоми.

— Многие вещи противоречат закону, — ответил Ибовиттер. — Но противоречие это можно доказать лишь тогда, когда преступление обнаружено. Видишь ли, господин, у меня есть контакт со Старьей...

Он умолк, хитро глядя на Терекоми.

— За свои достоинства ты заслуживаешь продвижения по службе, — сказал Терекоми. — Если умение молчать — одно из них, через несколько недель тебя ждет интересная работа. Я подумаю над твоим предложением, но ты забудь о нем. Кстати, двуногие Старьи похожи внешне на землян?

— Очень, господин. Во всем, за исключением некоторых деталей.

— Гмм. Хорошо. Проследи, чтобы Риварс спал сегодня спокойно. Это все.

Машина, урча взлетела в воздух. Терекоми улыбнулся под плечами: кажется, он нашел способ помочь Пар-Хаворлему. Однако авторство плана должно принадлежать только ему.

Дорога, по которой он мчался, была лишь ниткой на глобусе, над которым склонялись Пар-Хаворлем, несколько его чиновников и Тоулер. Они выбирали место для временного Города, размером соответствующего с правилами. Кто-то из чиновников предложил новый район, указывая различные части планеты.

— Нет, — сказал после долгого раздумья Пар-Хаворлем. — Не вижу смысла обрекать себя на лишние неудобства, связанные с переездом, даже ради любопытного Подписывающего. Кроме того, мы не должны терять контакт с армией Риварса.

Он вытянул руку в направлении откоса над Долиной Канала.

— Может, туда? Когда-то к югу от этого места находилось узкое море, но один из моих предшественников, наделенный фантазией, осушил его. Город с таким видом может быть приятным местом. Кроме того, здесь пересекаются две дороги, а недалеко находятся руины города, который туземцы называли Истбон. Ты знаешь что-нибудь об Истбоне, переводчик?

— Он существовал задолго перед приходом Империи, — сказал Тоулер.

— Хорошо. Запиши, переведи на земной язык, передай в Трансляцию и проследи, чтобы дошло до всех. Например, так: «Наемных работников извещают о том, что скоро будет работа для четырех тысяч особей в районе Истбона у пересечения дорог 2А и 43Б. Предполагается занять на период до одного года. Стандартный контракт для всех степеней. Отдел Трудоустройства Туземцев».

Он повернулся к своим чиновникам, а Тоулер поклонился и направился в Зал Трансляции. Итак, Губернатор не только покинул

дворец, но и совершил воздушное путешествие. Кажется, это первый подобный случай! Хотя некоторые детали оставались еще неясны, очевидно было, что готовится нечто важное.

Идя во дворец, Тоулер встретил молодого переводчика Питера Ларденинга, который вытянул руку, словно желая остановить его.

— Переводчик Тоулер, простите, но я хотел бы поговорить об Элизабет Фоллодон. Как вы думаете...

— Прошу прощения, но я спешу, — ответил Тоулер.

Даже Элизабет и ее дела приходилось откладывать в сторону.

Тоулер быстро направился в комнату переводчиков за баллоном кислорода; Ларденинг шел следом. В комнате, курия и беседуя, сидели несколько других переводчиков: Реонаши, Меллер, Джонс и Ведман; они сердечно приветствовали Главного переводчика.

— А ну-ка, постучите, парни, — сказал он, приветственно кивнув.

Переглянувшись, они принялись стучать по стенам кулаками или открытыми ладонями. Принимая во внимание систему слежки, ведущейся в городе, можно было не сомневаться, что и эту комнату прослушивают, поэтому, если требовалось обговорить что-то важное, они стучали по стенам, вызывая вибрацию, обезвреживающую скрытые микрофоны. Это был один из способов обмануть захватчиков.

— Мы не будем переезжать из Города, по крайней мере, на какое-то время, — зазвучал сквозь шум голос Тоулера. — Видимо, кто-то сообщил на Партассу, что здесь творится, и должна прибыть инспекция. Хав явно обеспокоен. Будьте внимательны и передайте всю информацию.

Радостный крик перекрыл стук, а затем они засыпали Тоулера вопросами.

Тоулер вернулся в свою квартиру сразу после окончания работы. Не теряя времени на снятие скафандра, он несколько минут что-то делал на кухне, не обращая внимания на вечно настороженный глаз шара, потом отнес купленное утром мясо обратно мяснику. Мясник, собиравшийся уже закрывать магазин, подозрительно уставился на него.

— Не люблю жаловаться, но тот кусок не свежий, — сказал Тоулер. — Я хотел бы его вернуть.

Мясник немного поторговался, потом забрал мясо, бросил его под прилавок и дал Тоулеру другой кусок. Закрыв магазин, он вернулся к прилавку и вынул возвращенное мясо, пальцы его быстро нашли пластиковую капсулу, которую спрятал Тоулер. Утром следующего дня капсула попадет к мусорщику, работа которого требовала ежедневно выезда из Города, и вскоре послание попадает к патриотам, прямо в руки Риварса.

Не прошло и двадцати четырех часов с момента предварительного сообщения о визите Подписывающего Синворета, а все уже пришло в движение.

Следующие два года объективного времени были весьма насыщены. В то время как Подписывающий этап за этапом приближался к Земле, различные части планеты готовились к его прибытию каждая по-своему.

Для Синворета и его сопровождения субъективное время путешествия составляло всего четыре месяца. По крайней мере половину этого времени они проводили в креслах космических портов, рассеянных по Вселенной, ожидая кораблей. Даже с первоочередным билетом путешествие имело пять этапов.

В конце четвертого прыжка Синворет приземлился на планете под названием Аппелобетнис III. Ему повезло: план предусматривал два дня ожидания корабля Государственных Линий, который должен был доставить его на землю через Кастакору, но неожиданно стало известно о грузовике, летящем до Партаассы через Сатурн.

Синворет вызвал капитана грузового и быстро договорился с ним.

— Разумеется, я смогу высадить вас на Земле и забрать на обратном пути с Сатурна, — сказал капитан. Это было волосатое существо, ростом с нуля, но формой напоминающее креветку.

— Поскольку во время прыжка между системами мы будем в обычном пространстве, ваше пребывание на Земле продлится восемь или десять дней. А потом я заберу вас обратно на Партаассу.

— Отлично, — воскликнул Синворет.

— Вы сядете на Гебораа сегодня вечером, а покинем мы Аппелобетнис III завтра в десять.

Прежде чем сообщить своей свите об изменении планов, Синворет отправился на прогулку по порту.

Его беспокоило чувство облегчения, охватившее его после обеспечения себе возвращения домой еще до прибытия к цели путешествия. Хотя он и объяснял себе, что девяти дней хватит, чтобы доказать или опровергнуть обвинения против Пар-Хаворлема, но все же не мог забыть, что совсем недавно обещал себе остаться там как можно дольше.

— Старею, — буркнул он. — Тоскую по дому.

Успокоившись, Синворет отправился в отель, просто изменив направление, как локомотив, а не повернувшись, как человек. Когда он подошел к ограждению порта, его окликнул какой-то нул снаружи. Синворет изогнул глазной стебель и увидел, что оборванная фигура отделяется от толпы прохожих и подходит к ограждению, явно заинтригованная мундиром Синворета. Подписывающий остановился.

— Вы похожи на цивилизованного нуля, — сказал оборванец из-за забора. — Ставлю десять против одного, что через несколько часов вас уже не будет на этой проклятой планете. Дипломатическая служба, верно? Я тоже когда-то служил, но колесо фортуны повернулось, и я гнию на этой болотистой планете.

— Безработный? — Синворет задал вопрос осторожно, не желая выслушивать историю неудавшейся жизни.

— Не по своей воле, господин. И не моя вина, что я вынужден обманывать, чтобы достать бьяксис и выбраться с этой дыры. Умоляю, дайте мне десять десятков.

Синворет умел быть щедрым, если подарок гарантировал исчезновение нахала.

— Пожалуйста, — сказал он, подавая несколько монет. — Но почему ты просишь десять десятков, а не целую сотню?

Оборванец поднял руки в партассианской улыбке.

— Я игрок, господин, играю, чтобы раздобыть деньги на билет домой. Десять десятков — это цена одного билета местной лотереи — и именно эту сумму я прошу! Выигрыш составляет почти столько, сколько нужно на дорогу до Патрассы, а шанс на выигрыш — один из девяносто шести миллионов.

— Я бы не поставил десять десятков на такой маленький шанс, — заметил Синворет.

— Девяносто шесть миллионов — мое счастливое число, — ответил оборванец, шевельнув гребнем, и исчез в толпе.

Качая головой над глупостью нуля, Синворет вернулся в отель сообщить свите о новом времени отъезда. Двадцать часов спустя они были уже на пути к Земле.

А на Земле заинтересованные стороны как раз закончили подготовку к их приему.

Вооруженная оппозиция Риварса действовала так хитро и решительно, что начало работ на новом Городе в Истбоне задержалось на несколько недель, пока пехота маршала Терекоми (удерживаемая приказом по мере возможности избегать кровопролития) наводила порядок. Начал возникать новый Город скромных размеров, рассчитанный так, что даже самый подозрительный инспектор ничего не смог бы сказать против него.

Потом начались неприятности с группами туземцев, работающих на строительстве. Политика «задержек» продолжалась три дня, пока не выбрали двадцать двуногих и публично не ликвидировали их стереосонусом. Работа продолжалась, и наконец строительство закончилось. Первый шаг к обману Синворета был сделан.

Оставив сильный резерв в старом Городе, скрытом за негавизийскими экранами, Пар-Хаворлем смог довести численность населения до границ официально установленного минимума.

Терекоми энергично реализовал свой не менее трудный план, который ему удавалось по-прежнему держать в секрете от своего начальника. Главный артиллерист Ибовиттер прибыл, чтобы сообщить о выполнении своей части плана. С важным лицом вошел он в Комиссариат Полиции, постукивая картой по боку.

Он показал Терекоми карту с двумя заштрихованными районами.

— Мы полагаем, что именно здесь сконцентрированы главные силы мятежников Риварса, господин, — сказал он. — Я лично проследил, чтобы здесь разместили пять тысяч старьян мужского и женского рода, — как известно, у двуногих только два пола. Они находятся на территории с хорошими условиями для защиты и нападения.

Терекоми внезапно помрачнел. До него дошло, что желание понравиться Пар-Хаворлему поставило его в неловкое положение: сообщив начальнику о совершенном, он мог навлечь на себя его гнев вместо благодарности.

— Как ты забрал их со Старьи? Уверен, что никто ничего не заметил?

— Абсолютно, господин. Я взял три корабля, мы приземлились ночью и забрали всех взрослых жителей города на холме. Их усыпили, и все прошло безо всяких помех. Я считаю это своей самой удачной операцией.

Терекоми презрительно покачал гребнем.

— Нужно было привезти сюда одного из этих двуногих, чтобы я мог его осмотреть. Насколько они похожи на земных двуногих?

— Разница почти не заметна. У них рудиментарные хвосты, перепонки на ногах — океаническое происхождение, господин, — и мелкие модификации половых органов — не о чем беспокоиться. У вас есть еще вопросы?

С ханжеской смесью презрения и угодливости Терекоми позволил внутренней части своего гребня позеленеть.

— Ты знаешь, зачем мы держим здесь эти дьявольские создания, Ибовиттер. Чтобы приготовить хорошее представление для приезжего инспектора и убедить его, что землян нужно держать сильной рукой. Почему ты решил, что они и земляне будут сражаться?

Артиллерист поднял руку в жесте тонкой иронии. Он был образованным нулом и много читал об истории обоих видов, которые так успешно уничтожал.

— Ответ, господин, как и большинство ответов, можно найти в прошлом. Группа двуногих будет сражаться с любой другой группой двуногих, руководствуясь законом, который называется Выживанием Сильнейшего.

— Это все, Ибовиттер. Твои заслуги будут вознаграждены. Я умею ценить преданность.

Слегка обиженный Ибовиттер вышел из комнаты, прошел по коридору, спустился на лифте и повернулся к двери Комиссариата. Прежде чем он до них дошел, трое крепких нулов схватили его и, несмотря на протесты, заперли в подземной камере. На следующий день было сообщено о его трагической гибели в дорожном происшествии.

Сразу после разговора с Ибовиттером Терекоми пошел к Пар-Хаворлему, чтобы представить ему план относительно старьян.

Пар-Хаворлем принял его слова с умеренным энтузиазмом.

Он был весьма доволен собой и не мог дождаться приезда Синворета, наслаждаясь артистизмом, с которым подготовился к обману этого нула. В действительности Пар-Хаворлем был хитрым администратором, пошедшим по кривой дорожке. Желание и возможность управлять легко сменяются стремлением к манипуляциям. Дергание за веревочки доставляло Пар-Хаворлему удовольствие, а использование своих жертв являлось побочным продуктом этого удовольствия.

— Ты рисковал, забирая старьян с их родной планеты, — серьезно сказал он. — История последнего миллиона лет говорит об опасности предоставления двум расам хотя бы малейшей возможности к объединению. Есть жестокие правила, которые должны предотвратить такую возможность. Если твой гениальный ход когда-нибудь станет известен кому-то неподходящему — например, Синворету — сомневаюсь, что даже твои купленные дружки с Кастакоры сумеют нам помочь.

Терекоми не понравилось слушать собственные аргументы.

— Никто не узнает, мы явились туда и исчезли тайно. А что касается объединения землян и старьян... Эти несчастные находятся на чужой планете и не знают местного языка, поэтому не будут настроены на переговоры. Да и Риварс тоже. Для него они захватчики, которых нужно ликвидировать, поэтому, хотя их конечное поражение неизбежно, прежде чем это произойдет, наш гость и его свита смогут увидеть первоклассную гражданскую войну.

— Ты хорошо придумал, — сказал Пар-Хаворлем, и гребень Терекоми покраснел от радости.

На так называемом внутреннем фронте произошли значительные изменения. Гэри Тоулеру повысили оклад и увеличили количество сверхурочных работ. Он заметил, что Пар-Хаворлем явно старается быть с ним вежливым, и среди персонала Города пошли сплетни о фаворите.

Тоулер сносил это мужественно. Растущую неприязнь остальных переводчиков он старался компенсировать неожиданными привилегиями, вытекающими из жизни в новом Городе.

Однако ничто не могло возместить ему все большей холодности Элизабет. За последние два года она смирилась со своей судьбой и даже повеселела. Она располнела и похорошела, став светлым пятном в одинокой жизни Тоулера, и сейчас он содрогался при мысли, что женщина начнет его избегать.

Накануне приезда Синворета Тоулер вернулся домой раньше обычного. Он уже перестал ходить за покупками, поскольку не любил сталкиваться с неприязненным отношением людей. Теперь продукты доставляли ему домой.

С аппетитом уселся он за одинокий ужин и, разрезав мясной рулет, нашел в нем пластиковую капсулу. Побледнев, он вытер ее салфеткой и открыл.

Сообщение было коротким: он должен явиться в мясной магазин вечером в 19.55, перед самым закрытием. Был разработан план вывоза его из Города на конференцию к крепости патриотов, а перед рассветом его должны были доставить обратно, чтобы он смог вернуться к работе. Сообщение подписал Риварс, почти легендарный вожак патриотов.

Тоулер уже не мог есть мясо, желудок его судорожно сжимался от волнения. Он уничтожил капсулу и, бегая по комнате, попытался взять себя в руки. Ему даже в голову не приходило, что можно не выполнить распоряжения, он знал, что, возможно, будущее Земли лежит на его плечах.

Когда зазвенел звонок, Тоулер на дрожащих ногах подошел к двери. Они никого не ждал.

Это была Элизабет. Как она была красива: узкое лицо с тонким длинным носом и не жесткими, но хищными чувственными губами. Губы, нос и светлые глаза создавали неповторимое целое, и Тоулер гордился, что немногие замечали ее особую прелесть. Два года, проведенные в Губернии, не сломили ее, а помогли повзреть.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул он. — Входи, Элизабет. Ты давно не была у меня.

— Пять дней, — с улыбкой сказала она, и он сразу заметил, что она осторожна.

— Пять дней — это слишком много, Элизабет. Когда я слышу, как на работе ты говоришь холодным партассианским языком, ты кажешься мне совершенно другим существом, как и я становлюсь другим рядом с тобой. Ты должна знать, что...

В ее глазах вспыхнул огонек — они меняли оттенок вместе с настроением.

— Прошу тебя, Гэри, не говори больше ничего, — умоляюще произнесла она, прервав его, — Мне будет труднее сказать тебе то, что должна.

Она умолкла и посмотрела вверх.

— Говори, что хочешь, — резко сказал он. — В этом новом городе нет шпионящих шаров и подслушивания. Говори, что ты хотела сказать.

— Мы не должны больше встречаться наедине. Спасибо за помощь в партассианском.

— Почему так внезапно?

— Ну... просто мне кажется, что у нас разные интересы. Это все.

Тоулер не относился к людям, которые настаивают или убеждают, но мог лишь принять ее слова к сведению. Внезапно ему захотелось оказаться далеко отсюда, избавить ее от произнесения слов, наверняка причиняющих ей боль. Он взглянул на женщину, и настроение его изменилось.

— Например, интерес к Питеру Ларденингу? — спросил он. — Такое утверждение не в твоём стиле.

Женщина обиделась.

— Откуда тебе знать, что в моем стиле, а что нет?

— Послушай, Элизабет, даже когда мы рядом, между нами словно стена, правда? Это не моя вина... это барьер можно убрать. Понимаешь, я живу в постоянном напряжении... Лучше, чтобы ты это знала — я человек Риварса и передаю ему информацию из дворца. Мое положение достаточно трудно.

Он не собирался ей этого говорить, а сказав, сразу почувствовал угрызение совести. Ее ответ донесся до него словно издалека.

— Это все меняет. Мне было тяжело, Гэри.

Он вдруг схватил ее и привлек к себе: женщина умолкла, потом вырвалась, и глаза ее гневно засверкали.

— Злость делает тебя еще красивее! — пришел в восторг Тоулер. — Элизабет, почему я всегда должен бояться откровенного разговора с тобой? Ты очень близка мне, потому что часто ведешь себя так же, как и я.

— В самом деле? Это значит — как?

— Как? Ты хочешь со мной порвать, наслушавшись того, что говорят другие переводчики, вместо того, чтобы полагаться на собственную интуицию. Ты думала, что я фаворит Хава, правда? У меня нет к тебе претензий, Элизабет, но ты мыслила стерсотипно, как часто и я сам. Мы оба традиционалисты, оказавшиеся в необычной ситуации, и должны найти в ней свое место.

— Гэри, ты такой... такой робкий. — Лицо ее по-прежнему оставалось воинственным. — Да, я люблю тебя, ты очень мне помог, но тебе следует быть менее доверчивым.

— Попытайся понять, что каждому из нас нужно распутать в своей жизни множество вопросов. Твое достоинство в том, что внутри тебя спит тигр, как и у меня, и это нас объединяет. Потому мы и нужны друг другу.

Спеша к мяснику, Тоулер удивленно думал о том, что сказал Элизабет. Такая откровенность, особенно перед женщиной, потребовала от него больших усилий. Только Элизабет открыл он тайное чувство, давно мучившее его, и сейчас чувствовал, что близится минута, когда он сможет скинуть свою личину.

В магазине Тоулера бесцеремонно столкнули под прилавок, и он сидел там до закрытия. Затем мясник помог ему встать.

— Подумать только, через несколько часов вы будете говорить с Риварсом! — воскликнул он. — Тот город был слишком напигован шпионажными устройствами, чтобы кто-либо мог выбраться из него или пробраться внутрь. Здесь пока все по-другому, и это отличная возможность для вас. Я вам завидую.

Взволнованный предстоящим, Тоулер только буркнул что-то в ответ. Мясник, не поняв его, решил, что тот относится к нему с прехосодством.

— Мне очень неприятно, что мы всегда смотрели на вас, как на подонка, — сказал он извиняющимся тоном. — У меня сердце разрывается, что я должен быть с вами таким суровым, ведь я так вас уважаю. Но приказ есть приказ, и никогда не знаешь, следят ли за тобой, даже в этом городе, правда? Вы настоящий герой, и я горжусь знакомством с вами. А сейчас, если бы вы залезли в этот мусорный бак...

Закрыв шлем скафандра, Тоулер скорчился в баке в неудобной позе, чувствуя, как его накрывают мешком и засыпают мусором. После недолгого ожидания к задним дверям подъехала машина, и бак с человеком внутри бесцеремонно закинули в нее. Еще полчаса они крутились по улицам, собирая мусор.

Наконец добрались до «ворот». Партассианские охранники обошли машину вокруг, бегло ее осмотрели и пропустили. Включился нейтрализатор, силовое поле в одном месте угасло, и они въехали в туннель воздушного шлюза, а через две минуты были уже на свежем земном воздухе, в темноте.

Перед мусорной кучей, полукилометром дальше, контейнер с Тоулером сняли с машины, и мусорщик помог ему выбраться. Тоулер с удовольствием распрямился, рядом с огромным устройством для уборки мусора он выглядел карликом.

— А теперь идите вперед, — сказал мужчина. — Когда я разгружаюсь, силовые поля отключены. За этой кучей увидите одинокое дерево, от него начинается тропа, которая приведет вас в Долину Канала. Идите быстро, как только можете, а там вас встретят. Пароль «сухой хлеб», отзыв «горячий лед». Запомнили? Тогда в дорогу и — удачи!

В почти полной темноте трудно было держаться слабой тропинки. Тоулер напрягал все свои силы, голова его кружилась от страха и возбуждения, воздух, густой, как сметана, казалось, омывал его тело. Впервые за десять лет он оказался на открытом месте, впервые за десять лет видел над головой сверкающие звезды. Может, когда-нибудь...

В темноте кто-то крикнул:

— Сухой хлеб!

Тоулер испуганно произнес отзыв.

Какой-то худой человек как тень появился на более светлой тропе и без единого слова сделал Тоулеру знак идти за ним. Они спустились по склону в полосу высоких зарослей, двигаясь так быстро, что Тоулер едва не запросил передышки. Он с трудом переводил дыхание, на нем по-прежнему был скафандр, и пот покрывал все его тело. Проводник привел его на каменистую поляну, где ждали три лошади, одна с наездником.

Они ехали на восток более часа. Тоулер никогда не ездил ни на каком животном, и каждая минута была для него минутой страдания.

Главным образом, они спускались вниз, через удивительно перекоруженную местность, потом миновали лесной питомник. Когда добрались до оврага и остановились перед рядом шалашей, укрытых под скальным навесом, одеревеневший Тоулер сполз с лошади и осморгнулся.

Временный лагерь Риварса состоял из нескольких палаток и шалашей, по крайней мере, только их и было видно. Они использовали естественное укрытие в овраге, хотя опасность обнаружения нуловской разведкой была невелика. Неприязнь к воздушным путешествиям объясняла то, что нулы редко летали самолетами, а уверенность, что их дороги неприступны, вызывала пренебрежение к промежуткам между ними.

Привязав лошадей, проводники провели Тоулера в один из шалашей, где его ждали еда и питье.

Он еще не кончил есть, когда вошел Риварс.

5

В эти критические для Земли дни Риварс был, пожалуй, единственным человеком, имя которого знала вся планета. Существовали и другие вожди патриотов, рассеянных по всем континентам, но никто не находился так близко от центра нулов. Одно то, что Риварс противопоставил Городу свою хитрость и силу, способствовало его известности.

Это был крепко сложенный мужчина среднего роста, лет пятидесяти с небольшим, в его густых черных волосах бросалась в глаза седая прядь. Он носил кожаный комбинезон, длинное пальто, высокие ботинки и круглую фетровую шляпу. Внимательный взгляд его пронизывал насквозь, а тяжелые веки делали глаза похожими на глаза орла. Хотя он вошел в шалаш безо всяких церемоний, его окружила атмосфера власти, и Тоулер, положив вилку, встал.

Риварс сделал ему знак сесть, а сам взял стул и уселся напротив.

— Я рад, что ты приехал, Тоулер, — сказал он. — Понимаю, что ты рискуешь, находясь здесь, но мне нужно поговорить с тобой лично, и, к счастью, отсутствие достаточного количества полицейских в новом Городе делает это возможным.

Без дальнейших отговорок он перешел к приезду Подписывающего Синворета, который должен был появиться через несколько часов.

— Благодаря твоим письмам, мы знаем, что происходит во дворце, но я хочу убедиться, что правильно понял значение этого визита. Итак, во-первых, Партассианский Совет Колоний хочет посмотреть, как используются подчиненные планеты вроде Земли. Но ведь это использование строго определено Договором, верно?

— Да, — согласился Тоулер. Разумеется, они называют это развитием, а не использованием.

— И Пар-Хаворлем переступает границу эксплуатации и нарушает пункты Договора?

Он грустно улыбнулся, когда Тоулер снова ответил:

— Да.

— Хорошо. Прибыль с этой эксплуатации идет в карман Пар-Хаворлема, его друзей и тех, молчание кого они считают необходимым купить. Верно?

— Совершенно верно.

— И эта коррупция, несомненно, должна доходить до его начальников в Штабе ГАС Вермилиона на Кастакоре?

— У нас нет доказательств, но все должно быть именно так. Как вы знаете, инспектора с Кастакоры время от времени посещают Землю, но ничего не меняется. Видимо, они купили там кого-то крупного, иначе Пар-Хаворлема уже давно вышвырнули бы.

Риварс долго молчал, обдумывая факты.

— Поскольку я не более, чем капитан повстанцев, — сказал он наконец, — то задаю этот вопрос из чисто академического любопытства. Как по-вашему, почему внутри могучей Империи процветает взятничество?

Это был непростой вопрос.

— Трудно получить какую-либо информацию о том, что происходит в других частях Галактики, — сказал Тоулер. — Но думаю, что творящиеся на Земле должны быть типично для всех так называемых Колонизированных Планет. Одним словом, система партассианского управления начала выходить из строя. Пока слишком рано делать выводы, но думаю, старая Империя вступает в период распада.

— Понимаю. Но если так, то пара порядочных восстаний на нескольких планетах типа Земли может ускорить ее падение?

— Да.

Риварс улыбнулся холодной улыбкой кондора и не сказал ничего. Мысленно он видел миры, взрывающиеся, как снаряды.

Внезапно вытянув руки, он погасил свет, подошел к окну, буркнув Тоулеру, чтобы тот сделал то же. Включив фонарь, он пустил в темноту луч света.

Свет вырвал из темноты противоположную скалу, неожиданно сделал видимыми детали камня, покрытого узорами и свисающей травой. На самом верху в воздух почти вертикально вонзался тонкий шпиль.

— Это символ для тебя, Тоулер — мачта древнего корабля. Ему по крайней мере тысяча двести лет. Этот район был морем всего несколько веков назад. Корабль затонул в результате одного ряда случайностей, а другой ряд вывел его на поверхность. То же самое произойдет и с Землей, и наша задача правильно руководить событиями.

Демонстрация, по мнению Тоулера, была наивной. Он мысленно одернул себя за нелояльность, но, честно говоря, не знал, почему

должен вести себя лояльно. Вспыхнул свет, и он прищурился; они с Риварсом вернулись на старое место. После минутной слабости голос Риварса звучал решительно и деловито.

— Перейдем к цели нашей беседы. Визит Подписывающего на-верняка имеет огромное значение для всех нас. Возможно, это единственный раз за пять веков, когда имеющий абсолютную власть член самого Совета Объединенных Миров лично приезжает на Землю. Скажи мне, сможет ли Пар-Хаворлем купить Синворета?

Тоулер заколебался, Риварс налил ему вина, и переводчик машинально выпил.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал он после долгой паузы, — если Синворет обнаружит, что в действительности происходит на Земле, Пар-Хаворлему конец. Несомненно, справедливость бы восторжествовала, и жизнь наших людей пришла бы в норму. Я верю, что Синворет, который бескорыстен и занимает высокую должность, неподкупен. И, думаю, Пар-Хаворлем знает, что его нельзя подкупить. Отсюда эта двухлетняя подготовка.

Вождь встал, перевернув стул. Со сверкающими глазами кружил он по шалашу, ударяя кулаком в ладонь.

— Значит, мы все-таки пробьемся, Тоулер! Все наши жертвы не напрасны. Если мы не сможем познакомить этого честного нула с настоящим положением, значит, мы не заслуживаем даже тени свободы.

До этой минуты они оба были едины — двое мужчин с одинаковыми желаниями. Напряжение, ночь, шепот охранников на улице, ужин, остывший на столе, все забылось, пока Тоулер разговаривал с вождем, в которого все безгранично верили. Наконец-то он почувствовал, что оказался в центре всего, рядом с правдой.

И вдруг, после триумфальных слов Риварса, вера Тоулера раскололась сверху донизу. Он оказался на краю пропасти, сомнений и уверен был лишь в одном: Риварс слишком наивен.

Понять это было нетрудно: Риварс был солдатом, вождем. Он знал методы солдат и тактику генералов, ему было хорошо известен вкус борьбы, но он совершенно не понимал интриги дипломатов.

Тоулер же был вынужден жить среди дипломатов.

Он знал, что взятка — лишь один из видов оружия в арсенале Пар-Хаворлема, и догадывался, что губернатору известно не менее дюжины способов обеспечить молчание Синворета.

Он встал, чтобы запротестовать, выразить свои мысли, но вождь хлопнул его по плечу и предложил выпить за будущее.

— Я позабочусь, чтобы доказательства коррупции дошли до Подписывающего Синворета! Это будет просто! — воскликнул он.

В эту страшную минуту Тоулер понял, что, возможно, будущее Земли лежит не на широких плечах Риварса, а на его собственных. Риварс просто не знал, с чем имеет дело.

Отвернувшись, Тоулер потягивал вино.

— Ситуация может оказаться более сложной, чем вам кажется. Во всяком случае, доказательства, которые мы предоставим Синворету, должны быть совершенно однозначны. Документов тут слишком мало. Они могут убедить Синворета, но, когда он увезет их за полгалактики, они не убедят Совет.

— Понимаю. Мы сейчас же займемся этим, — коротко ответил Риварс.

Воцарилась тишина, где-то далеко за шалашом кто-то рассмеялся.

— Дружище, ты играешь важную роль в нашем деле, — сказал Риварс, глядя на часы. — Близится время твоего возвращения в Город, поэтому буду краток. Признаться, как ты, наверное, подозревал, у меня есть другие источники информации в окружении Пар-Хаворлема, хотя никто не подошел к нему так близко и не ценится выше тебя. Частично это потому, что я хочу быть уверенным, что не лишусь информации, если с тобой вдруг что-то произойдет.

Тоулер действительно догадывался об этом, но подтверждение этих догадок задело его. Значит, его ценили не так высоко, как утверждал Риварс.

— Это лишь одна из выгод, — прямо сказал он, — вытекающих из глупости и невежества врагов, не желающих изучать язык своих жертв. Это делает их зависимыми от этих жертв. — Риварс рассмеялся, словно лишь сейчас заметил этот аспект дела.

— Мои информаторы сообщают, — продолжал он, — что продвижение и лучшее обращение к тебе продиктовано тем, что Пар-Хаворлем хочет использовать тебя как личного переводчика, чтобы ты передал Подписывающему его версию. Именно тебе придется убеждать Синворета, что на Земле все в порядке.

Сердце Тоулера на мгновение замерло.

— Так я и думал, — глухо сказал он.

Риварс взглянул ему прямо в глаза.

— Предложение Пар-Хаворлема стоит обдумать.

Переводчик стоял с каменным лицом. Гнев его все усиливался при мысли, что этот человек, не понимающий многих вещей и не выдерживающий испытания, теперь испытывает его. Пауза все тянулась, и Тоулеру показалось, что она заполняет всю его память.

— Я землянин, вождь, — сказал он наконец, — и знаю, с кем мое место.

— У нас тоже есть для тебя предложение, — поспешно сказал Риварс. — Если мы хорошо проявим себя на будущей неделе, нас ждет свобода. Твои заслуги не будут забыты, Тоулер: ты получишь десять акров земли и дом у моря. Тебе не придется больше работать.

Тоулер снова почувствовал горечь, зная, что обещание это означает лишь отсутствие полного доверия и уверенности в нем Риварса.

Он встал.

— Дайте мне инструкции — они будут выполнены.

— Сядь и выпьем еще, — сказал Риварс, а когда они сели, продолжал: — Мы должны представить Синворету доказательства. Как ты сам заметил, копии документов немного будут значить на Партассе. Подписывающий должен увезти с собой какое-то простое, убедительное доказательство того, что Пар-Хаворлем злоупотребляет своей властью. Если нам удастся это сделать, Земля освободится от его тирании.

Тоулер скептически принял его слова.

— Какое доказательство вы имеете ввиду?

Казалось, тень неуверенности промелькнула по лицу человека напротив.

— Я что-нибудь найду, — пообещал Риварс. — И постараюсь, чтобы это попало к тебе в течение трех дней. Твоя задача — передать это Синворету в подходящий момент. Пока такой момент не наступит, чтобы не возбуждать подозрений, ты должен играть роль, которую назначит тебе Пар-Хаворлем. А потом, разумеется, ты искренне ответишь на все вопросы, которые задаст тебе Подписывающий. Это ясно, Гэри Тоулер?

Переводчик смотрел на свои пальцы, чувствуя сильную усталость.

— Я сделаю все, как вы сказали. Можете на меня рассчитывать.

Риварс встал и тряхнул его руку.

— Земля надеется на тебя, — торжественно сказал он. — Не подведи нас.

Тоулер взял со стола шлем, и они вместе вышли в холодную ночь. Уже вошел месяц. Стоя с руками в карманах, Тоулер смотрел по сторонам. В овраге торопливо передвигались люди в обшитых мехом куртках. Он заметил блеск ядерного оружия, этого патетического, старомодного земного оружия, бессильного против партассианских силовых полей. Тоулер слушал приказы, произносимые тихо, но звучащие в его ушах, как колокол. Все эти люди двигались в едином порыве, однако для него это был момент ледяного одиночества. Он знал, что не является человеком действия, и при мысли о напряжении, которое ждет его в ближайшие несколько дней, ноги его подгибались.

— Визит сюда и разговор с вами — большая честь для меня, — церемонно сказал он.

— Я рад, что временная слабость Пар-Хаворлема сделала это возможным, — ответил Риварс. — Несомненно, он будет рад вернуться в безопасный старый город. Кстати, он сейчас закрыт?

— Минимум обслуживающего персонала находится там постоянно. Ежедневно на рассвете охрана отвозит им приказы и продукты. Просто ужасно, что нам придется туда вернуться уже в конце месяца.

— Это ненадолго, — громко сказал Риварс.

Два проводника Тоулера подвели лошадей, и он неохотно уселся в седло. К Риварсу подбежал какой-то человек.

— Караул с Бикерс Хилл сообщил, что старьянская армия численностью около двухсот солдат свернула лагерь и движется на северо-восток в сторону Верн Хейтс.

— Иду, — откликнулся Риварс и быстро исчез в темноте, забыв о Тоулере.

— Поехали, — сказал один из проводников.

В свете месяца они быстро ехали по своим следам. Путешествие прошло безо всяких неожиданностей. Несмотря на неудобства и усталость, Тоулер испытывал удовольствие, разглядывая таинственный район вокруг себя, темные деревья, под которыми проезжал, и огромный купол неба, вздымающийся над ними безо всякой опоры.

Около груза мусора его ждала пустая машина, и Тоулеру пришлось спрятаться в ящик с инструментами под сиденьем водителя. Всю обратную дорогу до города он просидел там в чудовищно неудобной позе. Сердце его учащенно забилося, когда они остановились у ворот, но все обошлось, и он вновь оказался в рабстве.

Было еще темно, когда Тоулер вошел в свою комнату, изнемогая от страха, что его отсутствие обнаружено. Однако все оказалось в порядке: пустые квадраты стен, темное потертое кресло, безотказный регулятор температуры и свет над головой. Здесь, в неподвижном одиночестве, он почувствовал себя в безопасности.

Лежа лицом вниз, он спал и когда взошло солнце, и когда транспортный корабль Гебораа с Синворетом на борту сел на Землю.

6

Подготовка шла к концу. Ее испытали на себе все люди и нулы Города, и сейчас общество ждало, пока Пар-Хаворлем пустит в ход свой колоссальный блеф и сыграет роль справедливого правителя.

За пределами Города тоже ощущали результат визита. На вырубках, в подгуберниях, на фермах аффризиан и других местах, которые Подписывающий должен был посетить или проконсультировать, неестественная скорлупа приготовлений застыла, словно лед.

Почти одновременно с посадкой корабля Синворета повстанцы Риварса впервые атаковали старьян, нарушавших их границы, и отбросили противника, нанеся ему большие потери.

Подписывающий Армаджо Синворет прибыл на Землю с твердым намерением. Он пересек полгалактики и большую часть двух последних объективных лет провел в джарме — трансе, практиковавшемся кастой высших чиновников Партаcсы. Благодаря этому разум его собрался с силами, а стремление к справедливости возросло десятикратно.

Едва корабль коснулся земли порта, силовое поле сомкнулось над ними, и через десять минут воздух стал пригоден для дыхания нулов. Главная часть корабля открылась, и Синворет спустился по лестнице.

Его свита состояла всего из четырех нулов: камердинера, молодого секретаря, немого телохранителя Ратбола и старшего члена Департамента Психо-Контроля Гэзера Ройфуллери. Их общее совместное путешествие и дополнительные расходы обошлись правительству ПартаССы почти в мегамиллиард бьякисисов. Одну из главных причин коррупции на окраине Империи составляли деньги: стоимость отправки беспристрастных инспекторов на какую-либо из дальних планет была колоссальна.

Синворет прибыл, намереваясь вскрыть все проявления коррупции. Он понимал, что главным мотивом Верховного Советника Грейликса, пославшего его сюда, было желание доставить ему удовольствие, и это накладывало на Подписывающего обязательство, освободиться от которого он мог, лишь доказав вину Пар-Хаворлема.

Однако с момента приезда усыпление его подозрений шло довольно гладко. Небольшой приветственный комитет, встретивший его в порту, состоял из Пар-Хаворлема собственной персоной, Маршала Терекони и трех низших чиновников, а также небольшой группы гражданских лиц, один из которых произнес краткую речь. Речь была искусной смесью обычных фраз, касающихся стремлений, достижений и предназначения нулов. После этой церемонии гражданские подошли, чтобы сплестись руками с Синворетом и сказать несколько банальностей об интересном путешествии. Все шло, как запланировал Пар-Хаворлем, рассчитывающий на усталость Синворета.

Сам Губернатор, отведя своего именитого гостя с сторону, старался вести себя не слишком угодливо. Он играл роль озабоченного добросердечного руководителя бунтующей планеты, слишком перегруженного делами, чтобы иметь время для любезностей. Соответственно этому эскорт сел в потрепанный автомобиль, а Пар-Хаворлем проводил Подписывающего и Гэзера Ройфуллери к дорожнику — такого типа, в каком обычно перевозят грузы.

— Простите за неудобную машину, Подписывающий, — извинялся Пар-Хаворлем. — В исключительных ситуациях все подчиняется первоочередным нуждам. Здесь, на Земле, нам незнакома роскошь. Надеюсь, нам удастся сделать ваше пребывание здесь в меру комфортабельным. Я уверен, что на ПартаССе...

— Я могу обойтись без роскоши, — сказал Синворет.

Они мчались по одной из прекрасных дорог под туманной силовой аркой, размытый пейзаж мелькал по сторонам. За время поездки нулы оценивали друг друга. Возможно, испытывая то же зловещее обаяние, восхищавшее Терекони, Синворет гадал, какого пола Пар-Хаворлем. Пол у нулов — мужской, женский или нейтральный — не был виден внешне, они раскрывали его только потенциальным партнерам по

любовному трио. Нулы, особенно первичная группа с Партассы, были сдержаны во всем, особенно в этих вопросах. Порт находился недалеко от Города, и вскоре они уже въезжали в него. Город был целым миром, причем партассианским миром. Кони Города существовали по всей Галактике, все идентичные, независимо от того, на какой планете размещались. Партассианцы не адаптировались к внешней среде, предпочитая приносить с собой собственную.

Синворет поглядывал по сторонам с интересом и некоторым опасением. Дни, когда он был Губернатором Старьи и других колоний, давно миновали, и он забыл, какие спартанские условия царили в городах на планетах низшего класса, где нельзя было дышать. Большинство зданий служили общественным целям и были, кроме того, стандартными и сборными. Пар-Хаворлем решил провезти своих гостей по Городу и — сделал это, время от времени разясняя что-либо.

Всеобщую мрачность еще более подчеркивало отсутствие краски, и Гэзер Ройфуллери из Департамента Психо-Контроля вежливо спросил об этом.

— К сожалению, мятежники сбили один из наших транспортников в момент, когда он входил в порт, — объяснил Пар-Хаворлем, радуясь, что может лгать как по-писаному. — Они почти беззащитны, когда снижаются над портом, прежде чем силовое поле закроет их. К счастью, в этом случае в самолете находилось лишь двадцать две тысячи литров краски.

— Вам следовало сделать повторный заказ, — мягко сказал Синворет. — Простите мое старческое замечание, но светлые цвета хорошо действовали бы на психику жителей. Партассианцы любят цвета.

— У нас есть более важные проблемы, — сурово ответил Пар-Хаворлем.

Он очень внимательно относился к чувствам представителей своей расы. Многочисленными успехами на Земле Губернатор был обязан умелому использованию характеров окружающих его особ и сейчас оценивал и изучал характер этого нула, который был его потенциальным врагом, и поступал соответственно своей оценке. Мнение у него уже почти сформировалось. Ему казалось, что Синворет может оказаться бесцеремонным и честным нулом, скорее капризным, чем утонченным, который будет принимать суровость за искренность задетого проверкой ветерана.

Проезжая по улицам, они видели мало пешеходов, вероятно, работающих неполный рабочий день партассианцев или земных рабочих. Некоторые из первых махали проезжающим машинам.

— Сколько в Городе жителей, Губернатор? — спросил Синворет.

Он помнил на память максимальные цифры, установленные Статутом для колонии 5Ц, типа Земли: 150 Высших Чиновников, 1800 Низших Чиновников, 200 Военнослужащих, 2000 Туземцев Всех Уровней, 4500 Служащих Всех Уровней. Всего — 8500.

— Сейчас около десяти тысяч, Подписывающий. Как правило, нас меньше, но сейчас пришлось принять вооруженный отряд, присланный с Вермилиона для подавления гражданской войны туземцев, и разместить беженцев из подгуберний.

Синворет вспомнил, как трудно удержать открытыми подгубернии в беспокойные времена. Фактически подгубернией называли каждый город или поселок на колониальной планете; если там находился хотя бы один нуд. Они редко бывали укрепленными, а присутствие управляющих привлекало со всех сторон местных авантюристов.

— Я хотел бы познакомиться с точной картиной происходящего, — сказал Синворет. — Информация, имеющаяся на центральной планете, может быть во многом устаревшей.

— После скромного обеда, приготовленного для вас, состоится информационное заседание, — ответил Пар-Хаворлем.

— Спасибо. Это поможет мне в оценке ситуации, когда я буду говорить с местными наблюдателями.

Почувствовав холодность в голосе собеседника, Губернатор ответил в той же тональности.

— Вы сможете начать завтра, когда я подберу вам земного переводчика, а до тех пор нет никакой официальной программы. Мы считаем, что после такого долгого путешествия вы захотите отдохнуть.

— Я не любитель официальных программ, — коротко откликнулся Синворет.

Обед во дворце действительно оказался скромным: подали самые обычные блюда и дешевое партассианское вино. Пар-Хаворлем с радостью отметил, что афронт, нанесенный его дворцу, полностью компенсирован разочарованием гостя при виде убогого стола.

— Надеюсь, на кораблях, которые вас сюда доставили, кормили хорошо? — спросил Губернатор, запихивая подмышку очередную порцию пищи.

— Я почти все время провел в джарме.

— О, это требует поста.

После обеда, как и обещал Пар-Хаворлем, состоялась конференция.

Группа гражданских экспертов с серыми гребнями подкрепила свои сообщения трехмерными снимками и стереокартами. Они говорили более двух часов, представляя соответственно подготовленный образ происходящего на Земле и убеждая попутно, что планета, племена которой ведут гражданскую войну, вовсе не поработана. Будь это так, разве жители не объединились бы против захватчиков?

Пар-Хаворлем не стал дожидаться окончания, а вышел, взволнованный и нетерпеливый. Сейчас, когда обман начался, он хотел, чтобы все побыстрее закончилось. С помощью личного контрольного шара Губернатор позвал Терекоми.

— Ты спросил спутников Синворета, когда они уезжают?

— Транспортник Гебораа возвращается с Сатурна через восемь или девять дней, в зависимости от состояния пространственного туннеля через пояса астероидов. Отсюда он вылетает через десять часов, пополнив запасы топлива.

— Это лучше, чем мы думали. Я боялся, что это затянется на несколько месяцев.

Тереками утешительно шевельнул глазным стеблем.

— Не бойтесь, Хаворлем, скоро он будет в наших руках. У меня есть кое-какие мысли.

— Только будь осторожен, — предупредил Пар-Хаворлем. — Не перегни палку. Слышал, как он говорил за обедом, что был на Старье? Ничего не предпринимай без разговора со мной.

И он прервал разговор.

Это действительно был поединок между ним и его знаменитым гостем. Найдя какие-либо нарушения в управлении колонией, Синворет мог — если бы захотел — поднять такой шум, что Пар-Хаворлем лишился бы должности. Следовало использовать чары и хитрость. Только какие чары могли подействовать на этого ветерана дипломатии?

Губернатор рассказывал по своей комнате, а его тренированный разум существовал как будто отдельно от него. Что действует на Синворета?.. И вообще, как действует все вокруг? Галактика кишела правящими и подвластными существами самых различных форм, но никто не мог сказать — почему и зачем. Проблема эта волновала Пар-Хаворлема с детства, подобно тому, как некоторых чарует вопрос секса.

На столе стояла ваза с земными цветами, накрытая колпаком из трансплекса, задерживающим их умирание в партассианском воздухе. Пар-Хаворлем схватил пурпурный цветок, выдернул и растер в пальцах. Цветок жил, но зачем и почему? По какой причине? Лепестки в его ладони не могли этого объяснить.

Губернатор позвонил.

В земных цветах все было напоказ — как у людей. Иначе обстояло дело с партассианскими цветами и нулами. Их цветы напоминали камни, старательно скрывая внутри все свои сложные и интересные части. Партассианец прятал все, кроме глаз, под складками плеч, и познать его мог только любовник.

В ответ на звонок появилась одна из служащих, молодая землянка, одетая в оливковый скафандр в знак принадлежности к прислуге.

— Иди сюда, Клотильда, — приказал Пар-Хаворлем. — Прочти мне одну из ваших земных поэм, а я буду тебя разглядывать.

— Снова?! Пожалуйста, господин, не нужно! — умоляла женщина.

— Да, снова. Я приказываю тебе.

Он грозно навис над нею, превосходя ее в два раза, и женщина

испуганно начала читать на языке, которого он никогда не поймет. Без труда подняв ее вверх, он смотрел, приблизив два глазных яблока к стеклам ее шлема.

Женщина тараторила что-то, но он ее не слушал, вглядываясь сквозь стекло и наслаждаясь движением ее челюсти, глаз, губ, языка. Все это должно быть спрятано всегда, за исключением интимной близости, однако вот форма жизни, хрупкая, ненавистная, двуногая форма жизни,ставляющая это напоказ. Это было неприлично, отвратительно, но Пар-Хаворлем не мог оторвать от нее глаз.

Только когда женщина расплакалась и начала вырываться, а он насладился видом ее слез, Губернатор Земли отпустил ее. Не всегда этим существам удавалось ускользнуть так легко, но сегодня он был занят другим. Прежде всего требовалось поговорить с Тоулером.

7

Конференция наконец закончилась, прозвучали последние вопросы, были получены последние ответы. Докладчики с серыми гребнями отложили указки и свернули карты. Подписывающий Синворет и Гэзер Ройфуллери вместе вернулись в свои апартаменты.

— Великолепная, исчерпывающая информация, — прокомментировал Гэзер, записавший всю конференцию на пленку.

— Исчерпывающий почти до скуки, — согласился Синворет.

— Я много узнал о жизни двуногих, — сказал Ройфуллери, тактично осуждая ничего не значащий ответ.

— А я нет, — сухо заметил Синворет. — Мне просто показали, как трехногие существа видят жизнь двуногих. Мало сказать, что партассианцы никогда не делились на народы и не вели между собой войн, а у землян это было в порядке вещей, нужно помнить и то, что мы развивались на разных планетах. На Партассе не было и экстремальных температур, и непреодолимых горных хребтов, медлительные реки были скорее дорогами, нежели препятствиями, а прежде всего — не было морей. Так что причины, по которым у нас никогда не было наций, скорее физической, чем психической природы. Может, по этой причине двуногие существа более сложны, чем мы.

Ройфуллери шевельнул гребнем, слыша такую ересь, но ничего не сказал, удовлетворившись мыслью, что те, кого считают более простыми, вероятно, правы.

— Наша простота, — продолжал Синворет, — помогла нам занять главенствующее положение среди других видов Галактики, но это не значит, что мы не должны уважать двуногих, а именно таков был смысл услышанного нами на конференции...

И на это Ройфуллери ничего не ответил. Он чувствовал, что его начальник прибыл на Землю с твердым намерением найти виновато-

го. Он был настроен необъективно, и этим следовало осторожно заниматься. Ройфуллери тихонько вздохнул.

Подписывающий отправился к себе на квартиру, но отдыхать не стал. Минут пять он провел в позе джармы, потом переоделся в менее броский мундир и пошел искать выход из дворца. Рагтбол, его личный телохранитель, следовал за ним на некотором расстоянии.

Через боковую дверь Синворет вышел во двор, постоял немного, глядя на зеленое свечение поля над головой, потом прошел через двор к воротам. Охранник узнал его, отсалютовал и пропустил.

Когда дворец скрылся из виду, Синворет остановился на углу улицы, телохранитель поспешно замер в двух шагах от него.

Он прибыл на Землю с твердым намерением получить информацию из первых рук. Больше всего ему хотелось поговорить с каким-нибудь туземцем, хотя, судя по многолетнему опыту, все сказанное жителем Губернии будет противоречить мнению жителя извне. И все же это было очень важно, хотя бы для сравнения. На улице находилось мало прохожих, и все были партассианцами, шагающими торопливо, словно на работу или с нее. Синворет не обращал на них внимания.

Маршал Терекоми наблюдал всю эту сцену из комнаты Комиссариата Полиции. Нажимая кнопки, он мог получить на экране изображение различных стратегических точек на улице Города. Это было одно из устройств, от которых не рискнули отказаться ни Пар-Хаворлем, ни Терекоми, когда строили этот новый город. Изошренная система подслушивания и наблюдения в каждом помещении отпадала, поскольку такое беззаконие выдавало бы наличие режима любому пытливому врагу, но несколько камер в общественных местах были необходимы для поддержания порядка.

Цветное изображение Синворета и его телохранителя отчетливо виднелось на экране. Терекоми поднял руку вверх.

— Предприимчивый тип, — сказал он своему помощнику. — Хотитесь за туземцами, насколько я знаю дипломатов. Что ж, один ему попадется.

Он перешел в соседнюю комнату к радиостанции. Схема на стене изображала план города, а перемещающиеся огоньки указывали местонахождение партассианцев и землян, тайных агентов Терекоми.

Найдя одно из пятен с нужным номером, Терекоми набрал радиотелефонный номер и заговорил.

— Вызываю Е 336. Объект и один сопровождающий стоят на углу Эссресп им Фандандал. Ты к ним ближе всех. Подойди и действуй по инструкции. Старайся, я буду слушать. Вперед!

Терекоми вернулся к экрану в большой комнате.

Через несколько секунд из-за угла вышел землянин, едва не налетев на Синворета.

— Боюсь, что мы, партассианцы, занимаем много места, — не-

медленно воспользовался случаем Подписывающий. — Удивительный закон Вселенной заключается в том, что трехногие всегда по крайней мере в два раза больше двуногих. Полагаю, ты знаешь партассианский?

— Разумеется, — ответил землянин с ноткой раздражения в голосе. — Знание вашего языка — одна из черт культурного человека. Ваш язык гораздо изящнее нашего.

— Значит, вас восхищает партассианская культура?

— Вы, кажется, приезжий?

— Вы правы, это мой первый визит на Землю, — сказал Подписывающий.

— Это очень интересно. Значит, вам неизвестно о соревновании двуногих за право служить в вашем великолепном Городе и благодаря этому общаться с настоящей цивилизацией.

— Но неужели приятно проводить в скафандре большую часть дня?

— Даже у неба есть свои темные стороны, господин.

Сказав это, землянин поклонился и пошел дальше. Подписывающий не пытался анализировать этот разговор, его ошеломил вид лица двуногого. Впервые за многие годы он увидел подобное существо вблизи, а не на фотостате, и понял, что пережил шок, моральный шок. Лицо землянина с открытыми отверстиями было отвратительным. Короче говоря, реакция его была примитивной и эгоцентричной.

— Старсю, — печально сказал он сам себе. — Может, и не следовало сюда приезжать. Но до чего же отвратительны их лица!

Не обращая внимания на Рагбола, он тяжелыми шагами вернулся во дворец и закрылся в своем апартаменте, не желая видеть даже Ройфуллери.

Впервые осознал он тяжесть ответственности, лежащей на нем. Он прибыл сюда, чтобы открыть правду, но правда всегда бывала эфемерной, и на всех четырех миллионах планет, которые колонизировала Партасса, встречались лишь ее местные варианты. В сложной вселенной правда, как и время, может быть и объективной и субъективной, и примирить их невозможно. Синворет вдруг ощутил одиночество и тоску по дому. Ему казалось, что даже воздух здесь, в сердце Губернии, отвратительно воняет кислородом.

Весь вечер он избегал компании и не покидал своего апартамента. Нельзя было сказать, что Пар-Хаворлем был этим недоволен; он не решился позвонить в комнату Подписывающего, но надеялся, что высокий гость испытывает тоску по дому. Впрочем, ностальгия Синворета прошла, как только заработал его аналитический ум.

Его вместительная, натренированная джармой память прокрутила ему весь разговор с землянином. Он не мог проверить этого экспериментально, но чувствовал в нем что-то искусственное. Некоторые обороты речи двуногого звучали фальшиво, даже принимая во вни-

мание факт, что он говорил на чужом языке. «Даже у неба есть свои темные стороны». Что за банальность? И это сочетание — «мы, двуногие»! Разве представитель свособразной культуры 5Ц мог называть себя таким образом? Нет, нет, от этого несет обманом.

А взять его появление. Единственный землянин в округе появляется внезапно и так торопливо, словно по заказу. А его уход?словно сыграл роль и с облегчением ушел. А может, ему это только кажется?

Приподнявшись, Синворет вызвал Гэзера Ройфуллери на совещание.

Примерно в это же время Пар-Хаворлем тоже созывал совещание. Гэри Тоулер скромно сидел перед ним в кресле, которое по сравнению с мебелью Губернатора выглядело просто кукольным.

— Мы знакомы со времени моего пребывания на Земле, — сказал Пар-Хаворлем Главному Переводчику. — Думаю, мы знаем друг друга настолько хорошо, насколько это возможно между разными расами. Несомненно, ты понимаешь, что я всегда старался делать все возможное для твоих строптивых соплеменников. Теперь мои старания подвергаются сомнениям. Скажу тебе честно, Гэри Тоулер, Подписывающий прибыл сюда с целью провести инспекцию, решив доказать, что вокруг меня ширится коррупция. Подписывающий Синворет всего лишь пешка в политической игре на Партассе. Он хочет заменить меня одним из своих ставленников, диктатором, который, несомненно, задушит Землю и ее народ.

Так вот какую позицию занял Хав! Тоулер задумался. Короче говоря, спасите меня или получите кого-нибудь еще хуже. Угроза была неприкрытой, но подход довольно тонким. Он согласно кивнул и ждал продолжения.

— Как видишь, Гэри Тоулер, опасности подвергается и ваше, и мое будущее. С твоей помощью мы можем справиться с опасностью.

— Я всего лишь представитель подчиненной расы, господин.

— Я сказал, что с твоей помощью мы можем с этим справиться. Ты мой Главный Переводчик и будешь приписан к Синворету на время его пребывания здесь.

— Это большая честь, — сказал Тоулер, думая, что эта ложь может оказаться услугой Земле.

— Да, честь, но и серьезная ответственность, которая будет хорошо вознаграждена. Ты говоришь по-партассиански не хуже нас, а Подписывающий, разумеется, не знает ни одного земного диалекта. В контактах с туземцами он будет целиком зависеть от тебя. Ты должен позаботиться о том, чтобы он не слышал никаких фальшивых или злостных высказываний, свидетельствующих об отсутствии понимания трудностей, с которыми нам приходится бороться. Никакие предубеждения против нашего правления не должны дойти до ушей Синворета. Одним словом, ты будешь переводчиком и цензором. Ясно?

— Ясно, господин. Если туземец говорит: «Все запасы наших металлов экспортируются», я персведу Подписывающему: «Наши металлы не экспортируются».

Гребень на голове Пар-Хаворлема шевельнулся, и Губернатор встал.

— Я вижу, что ты умен, Гэри Тоулер, — сказал он, наклоняясь над землянином. — Это не угроза, но хочу предупредить, что за тобой будут ссудить.

— Понимаю.

— Отлично. Один из служащих Маршала Терекоми детально проинструктирует тебя, и утром ты явишься к Подписывающему. Понял?

Тоулер встал и кивнул.

— Это все?

— Нет. — Широкие плечи шевельнулись властным жестом. — Еще одно, и это уже мое личное замечание. Ни один землянин никогда не был на Королевской планете Партаппы. Если этот дерзкий визит закончится благополучно, клянусь, ты туда поедешь и сможешь забрать с собой кого захочешь. В специально построенных городах там живет множество существ, дышащих кислородом, и тебе было бы там удобно. Кроме того, ты стал бы известен, и, что наверняка понравится твоей альтруистической натуре, был бы послом своей планеты, и мог бы свободно выступать от ее имени. А если тебе не понравится на Партаппе, ты и сопровождающая тебя особа можете перебраться на одну из планет типа Земли, которую сами выберете. Иди и подумай над этим предложением.

Тоулер закусил губу. Вот оно, предложение, которое предвидел Риварс. Над ним действительно стоило подумать. По сравнению с предложением вождя повстанцев, говорившем о десяти акрах земли и доме, это было достаточно, чтобы вскружить голову такому темпераментному человеку, как Тоулер.

Даже на мгновение не возникло у него мысли о соглашении с Пар-Хаворлемом, но простое выслушивание предложения доставило Тоулеру удовольствие. Оказывается, новые двери могут, как по маговению волшебной палочки, открываться даже перед человеком его возраста. И если бы Элизабет вошла с ним в эти двери...

Весь дрожа, он вышел из кабинета, удовлетворение ослабело. Предстоящие действия уже не казались ему так отчетливо, как прежде, а моральный сумбур в голове причинял боль. Однако вместо попыток прояснить ситуацию он добавил еще один вопрос: нельзя ли действовать с выгодой и для Риварса, и для себя? Иными словами, нет ли способа передать Синворсту доказательства Риварса — какими бы они ни были и откуда бы ни пришли — так, чтобы Пар-Хаворлем ничего не узнал об этом?

Следовало обязательно подумать об этом. Прежде чем идти к Те-

реками за инструкциями, Тоулер заглянул в комнату переводчиков. Проходя через воздушный шлюз, он снял шлем.

Когда он вошел, четверо людей повернулись, внезапно оборвав разговор. Тоулер смущенно остановился, потом подошел к ним. В комнате находились Элизабет, Ларденинг, Хеттл и Ведман. Двух последних обычно прикрепляли к Дворцовой Полиции.

Только Элизабет улыбнулась Тоулеру.

— Как дела? — просто спросила она.

— Хав назначил меня переводчиком Синворета на время его визита.

Хеттл кашлянул. Их реакция была враждебной, но без удивления.

— Значит, ты сможешь сказать Синворету, насколько здесь плохо, — заметил Ведман.

— Трудно будет остаться с ним наедине. За нами будут наблюдать, — сказал Тоулер.

После этих слов Хеттл подбежал к нему. Был он низеньким, темным мужчиной с волосатыми руками.

— Слушай, Гэри, эта неделя для нас единственный шанс, и мы его не упустим. Если тебе не хватает смелости, чтобы рассказать обо всем Синворету, приведи его сюда и мы скажем ему сами. Это крупная рыба, и он вышвырнет Хава, если узнает, какой тот опасный фанатик.

Тоулер отступил, лицо его было мрачно.

— Пойми одно, Ци — Хав далеко не фанатик. Фанатизм выгорает сам по себе, а Хав никогда не уgomонится. Жестокость, эксплуатация, тирания для него не образ жизни, а просто хобби. Именно потому он более опасен, чем тебе кажется...

— Если ты так считаешь, то почему ждешь? — спросил Ларденинг, скорее с любопытством, чем со злостью.

— Потому что он опасен, потому что за нами наблюдают, потому что ситуация более деликатна, чем тебе кажется.

Этого говорить не следовало, деликатность ситуации касалась главным образом его самого. И тем не менее все умолкли, кроме Элизабет.

— Не вижу проблемы, Гэри, — сказала она. — Наша позиция достаточно ясна: Синворет должен узнать о фактах, которые Хав желает скрыть. С каждым днем Хав становится все хуже, сегодня днем он едва не убил Клотильду. А вчера исчезла одна из девушек, работающих на компьютерах, и похоже, это его рук дело.

Питер Ларденинг положил руки ему на плечи.

— Я поговорю с Синворетом, — сказал он. — Я не боюсь нулов.

— Я тоже не боюсь, — сдавленным голосом сказал Тоулер, делая шаг вперед.

— Почему же ты этого не докажешь? — почти шепотом спросил Ларденинг.

Они не собирались уступать. Элизабет смотрела на Тоулера, и он поднял сжатый кулак, но Ларденинг презрительно оттолкнул его открытой ладонью.

— Иди к черту, Тоулер, — сказал он, — но сначала займись Синворетом.

Он направился к двери, Хеттл и Ведман, взяв шлемы, пошли следом.

— Вы ничего не понимаете, глупцы! — крикнул Тоулер. — Нам ничего не нужно делать, Синворет сам увидит, что происходит.

Ларденинг повернулся и кивнул Элизабет.

— Пошли, — нетерпеливо сказал он.

— Я останусь здесь.

Дверь хлопнула, и они остались вдвоем с Тоулером.

Тоулер схватил ее за руки со слезами на глазах. Ему столько нужно было сказать ей, что его настоящее «я» не участвовало в этой унижительной сцене, что он храбрее, чем они думают, что мечтает о ней и надеется.

— О, Элизабет, я так люблю тебя! — воскликнул он.

К его удивлению, эта высокая, прекрасная женщина прижалась к нему, а он страстно целовал ее шею, а потом откинул голову назад, чтобы заглянуть ей в глаза.

В них сияло то же чувство, что у него. Ее кошачье треугольное личико изменилось, и Тоулер рассмеялся, гладя рукой ее удивительные волосы.

— Почему? — спросил он. — Почему, Элизабет, почему?

— Когда ты стоял перед ними, я вдруг поняла всю твою жизнь, твое одиночество и правоту. О, Гэри!

Они смеялись, пока он не поцеловал ее в мягкие, хищные губы. Несколько месяцев он провел вдалеке от нее. Элизабет уезжала по службе в восточную подгубернию. Тоулер знал, что в последнее время она чаще встречалась в Ларденингом, чем с ним, и все же взаимное понимание привело к тому, что время, проведенное отдельно, не имело значения.

Его любовь и благодарность окружила ее, как тень. Только Элизабет знала, что он вынужден вести двойную игру.

7

На город снова опустился вечер, и ослабевший свет смягчал напряжение, нараставшее в течение дня. За пределами Города до вечера оставалось еще несколько часов. На Холмах Верн, где люди и существа, похожие на них, сражались и погибали, светило солнце, накладывая тонкий и бесполезный компресс на кровоточащие раны. Город жил по своему собственному времени, был замкнутым миром

со своими проблемами. Для большинства его жителей он вполне мог быть космическим кораблем, дрейфующим в межгалактической ночи, настолько слабым был их контакт с Землей.

Однако изменения происходят даже в самой неизменной среде. Сам Город не был тем старым Городом, а лишь его меньшей и более новой версией. Для живущих в нем землян различия были почти незаметны, однако вызывали какую-то неопределенную перемену в их жизни.

Была и более очевидная перемена. На одном краю туземного района находилась полоса голой земли, и здесь Пар-Хаворлем, играя роль великодушного деспота, приказал построить на время визита Синворета что-то вроде Луна-парка.

Это был довольно скромный Луна-парк. Нулы имели собственную концепцию развлечений и не предавались им публично, как большинство двуногих. Кроме того, многие аттракционы не были приспособлены к физическим и умственным возможностям подчиненной расы. Например, там было кино, где показывали фильмы для трехглазых существ типа нулов.

И все-таки Луна-парк пользовался успехом у жаждущих впечатлений землян из Города. По крайней мере, кафе его снабжалось хорошо.

Гэри Тоулер сидел за одним из столиков, потягивая легкий тонизирующий напиток. Он ждал Элизабет, и настроение у него было лучше, чем обычно.

Впервые видел он жителей Города в праздничном настроении. Снаружи, в разрушающихся земных городах, еще сохранились некоторые древние культуры, но здесь, среди чужаков, они давно умерли. Однако, сидя под зонтиком в ожидании привлекательной женщины, можно было поверить, что радость жизни может вернуться. Несколько пар пытались танцевать в такт партассианской музыке.

Пора бы уже появиться Элизабет. Тоулер вышел из кафе и пошел среди павильонов. Внезапно он увидел Элизабет на другой стороне улицы, она быстро шла между Хеттлом и Ведманом. При виде переводчиков Тоулер почувствовал укол ревности и торопливо двинулся за ними. Ревность сменилась предчувствием неприятностей.

Три фигуры мелькали среди других пешеходов, а когда он почти нагнал их, исчезли в округлом здании. Только последний знак «ДЖАРМБОРИ» над входом в серо-коричневое строение указывал на его связь с развлечениями.

Тоулер нерешительно остановился, он не хотел никому мешать. В другое время он просто ушел бы, но сегодня его мучили дурные предчувствия. Он вынул монету в три бьяксиса и бросил ее в отверстие. Дверь раскрылась, и он вошел.

Внутри в круглом зале царил полумрак, мрачный вальс тяжело давил на уши. Около ста кресел — больших, для нулов — стояли

вокруг какого-то устройства, и на каждом имелось некое подобие наушников. Это мог быть тайный зал суда или даже лекционный зал. Внутри никого не было, кроме Элизабет и двух полицейских переводчиков.

— Гэри! — облегченно воскликнула Элизабет.

Она направилась было к нему, но Хеттл придержал ее за талию.

— Останься здесь, — приказал он. — Чего ты хочешь, Тоулер?

— Я хочу забрать мисс Фоллодон.

— Мы разговариваем с ней. Убирайся.

— Минуточку! — вмешался Ведман.

Как ни в чем не бывало он подошел к Тоулеру.

— Лучше останься здесь. То, что мы хотим сказать, прямо касается и тебя.

— Я только хочу... — начал Тоулер, но закончить ему не дали. Внезапно Ведман сильно ударил его в солнечное сплетение, Тоулер согнулся пополам и со стоном упал на пол.

Элизабет вскрикнула, Хеттл растерялся. До сих пор ему казалось, что Ведман просто выполняет приказы.

— Зачем ты это сделал? — спросил он. — Это было лишнее.

— По-моему, все и так ясно. Лучше, чтобы Тоулер был здесь, где мы можем держать его под контролем. Мы не знаем, на чьей он стороне — ты же видел, что он следил за нами. Вероятно, продался Хаву. Чем меньше риска, тем лучше. Помоги мне, быстрее! Элизабет, стой на месте, с Тоулером ничего не случится.

Хеттл и Ведман затащили Тоулера на ближайшее кресло. Удар оглушил его, и он не сопротивлялся.

— Пристегни его сюда, — сказал Ведман.

Они сунули руки и ноги мужчины в зажимы на кресле, затем Ведман с насмешливой улыбкой надел Тоулеру наушники.

— Тебе будет здесь удобно, — прошептал он, потом огляделся.

Около самого выхода находился пульт управления. Ведман энергично подошел к нему и принялся манипулировать переключателями. Когда он нажал кнопку, свет погас. Он снова включил его и продолжал нажимать кнопки. Дверь плотно закрылась.

— Хорошо, теперь нам не будут мешать, — угрюмо заметил он, возвращаясь к Хеттлу и девушке.

— Я улажу все с Элизабет, — тихо сказал Хеттл. Неожиданный поворот дела заставил его почувствовать себя неуверенно.

— Начинай. Ты же знаешь, что она не в моем вкусе.

Хеттл взглянул на Элизабет. Она была холодна и спокойна, и лишь глаза выдавали ее злость. Начало было не из лучших.

— Элизабет, мне очень жаль, — сказал он неожиданно мягким голосом. — Мы не палачи, но ситуация такая напряженная... С Гэри Тоулером ничего не случится. Мы делаем это не для себя, а ради всех.

— Цель, как обычно, оправдывает средства, — спокойно сказала

она. — Хорошо, Ци, чего вы хотите, что пришлось закрыть меня здесь?

— Мы хотим, чтобы сегодня вечером ты убила Пар-Хаворлема, — резко вступил в разговор Ведман.

Сознание устремилось вовнутрь, регистрируя лишь импульсы боли, которые, выходя из желудка Тоулера, рассеивались по всему его организму, как испуганные рыбы. Задолго до того, как они утихли, появился новый сигнал, приковывающий внимание, доминирующий.

Этот сигнал говорил Тоулеру, что он нул, и постепенно сквозь человеческую боль он все более понимал, что перестал быть человеком. Его цилиндрическое тело имело три с половиной метра высоты и медленно двигалось в просторной комнате, где стояли два других нуля, сплетенные руками. Схватив, они наклонили его назад, и это было гротескно, но приятно. Их глазные стебли соприкоснулись, и он снес нечто, похожее на яйцо — скользкое, студнеобразный шарик с черными полосами. Двое остальных подняли шарик, вложили ему под одну руку, потом под другую. Шарик передвигался с удивительной скоростью, словно был живым существом.

Тоулера охватил ужас, и он вяло открыл один глаз. Он по-прежнему был нулом, но теперь сквозь фигуры своих партнеров заметил трех разговаривающих двуногих существ, одно из которых было женского пола. С огромным трудом он узнал в ней ту, которую любил. Он даже вспомнил ее имя. Элизабет.

В этот момент галлюцинация несколько изменилась. Теперь ему казалось, что он одновременно и нул, и человек. Желая лучше видеть, он потряхнул головой. Ведман плохо надел наушники, и сейчас они сползли.

Тоулер сознавал и то, что его окружало. Какая-то часть его продолжала оставаться нулом, совершающим странный, эротический танец, но в то же время он понимал, что находится в «Джармбори». В этом округлом здании предлагали коммерческую версию танца джарм, а «наушники» стимулировали мысли, которые должны были доставлять удовольствие. Вероятно, будь Тоулер нулом, он чувствовал бы себя очень хорошо.

Остатками сил Тоулер отталкивал клубящиеся образы, но пока он был прикреплен к креслу, представление продолжалось. Теперь его руки сплетались с руками остальных нулов. Они держали в них яйцо, теплое между их цилиндрическими телами — и одновременно с этим он слышал фрагменты разговора трех людей.

— Кроме того, мы обеспечим, мы обеспечим тебе бегство с планеты, — сказал один из них. — Транспортный корабль Гебораа, который привез Синворета, сегодня вечером покинет Город. Мы с Ведманом говорили с одним из экипажа, и он гарантирует, что незаметно проведет тебя на корабль и спрячет в пустом баке из-под воды.

— Я не могу это сделать, Ци, — ответила девушка по имени

Элизабет. — Уже были покушения на жизнь Хава и все — неудачные. Трудно убить нула, к тому же я не настолько сильна. Их кожа почти пуленепробиваема, а тело такое твердое.

— У нас есть план, — настаивали двое мужчин. — Сегодня вечером ты будешь переводчиком Хава в ночную смену. Добейся, чтобы он тебя схватил и поднял.

Теперь они танцевали вместе, держа яйцо посередине, их ноги перемещались по земле, поднимая пыль, окутывавшую их забвением.

— Ты знаешь его странную склонность к женщинам. Мы дадим тебе нож, он у нас с собой. Когда он будет тебя поднимать, ты ударишь, целя в подмышку — там у них слабое место.

— Я не могу этого сделать.

— Мы будем рядом, если что-то случится.

— Я не могу этого сделать.

Они несколько не устали и были оживлены. Теперь яйцо находилось в центре крутящейся вселенной. А вселенная была тройственной: все было тройственно, весь мир, все его стихии. Три бога, три тела, три полюса компаса.

— Вы не можете требовать, чтобы я это сделала. Это просто безумие!

— Это необходимо. Мы много требуем, но другого выхода нет.

— Вы сошли с ума, Ци. Мы уже столько раз говорили об этом. Даже если Хав будет просто ранен, Терекоми перебьет всех в Городе.

— Возможно. Но пока здесь Синворет, у них связаны руки.

— Ерунда! Он убьет Синворета и свалит вину на нас.

— Хватит болтать, Элизабет. Мы должны попробовать. Шанс невелик, но мы должны его исполнить. Видишь своего друга? Или ты согласишься сделать это сегодня вечером, или я перережу ему горло...

— Я не могу! Ты спятил! Ци, останови его!

— Невелика потеря.

— Ну, пожалуйста, не надо!

— Тогда соглашайся!

— Смотри...

В безумном танце Тоулер смотрел, как они идут. Они кружили, не видя вселенной в вихре самих себя, острыми краями ног вонзаясь в землю, из которой вышли. Руки они подняли высоко над головой, губы из соприкасались и не оставалось никаких тайн, никаких тайн...

Даже острый стилет, прижатый к горлу, ничто не значил по сравнению со страшным единением танца. Даже полный боли крик Элизабет до конца не разрушил транс.

Ничто не могло спасти его. Ведман уже наклонился, и вдруг открылась дверь: двое нулов Терекоми стояли в ее проеме с ужасным партассианским оружием в руках. Они двинулись вперед своим лишенным грации шагом, как тюлени.

Ведман страшно перепугался, выронил нож и в панике нырнул под ближайшее кресло. И в этот момент они выстрелили.

Квадратный фрагмент зала развалился, цепь джармы прервалась, и разум Тоулера освободился от этого эротического круговорота, зажимы на руках и ногах раскрылись. А Ведман разлетелся кусками плоти и костей.

Полицейские тяжело шагали вперед, и Ци Хеттл стоял, дрожа, пока они не дошли до него. Он не сопротивлялся, когда его вели к ждущей снаружи трехколесной машине.

Машина уехала, и стало тихо.

С трудом хватая ртом воздух, Тоулер встал, чувствуя кроме боли эмоциональную пустоту. Еле передвигая ноги, он подошел к Элизабет и обнял девушку. Девушка не шевелилась с момента, когда вошла полиция, но его прикосновение словно разрушило чары.

— Видишь, они постоянно за нами следят, — прошептал он. — Откуда они узнали, что здесь происходит? Почему арестовали заговорщиков, а нас оставили?

Тоулер расхохотался рваным смехом. Отвага вернулась к нему, едва он коснулся девушки.

— А рабочие, помогавшие строить это здание, говорили, что здесь нет никаких ценей, кроме необходимых для этого устройства... Боже, Элизабет, я понял! Великолепный пример партассианской хитрости! Электрод в наушниках вызывает в мозгу образы, но может принимать их и из него. Другими словами, он регистрирует все происходящее в твоём мозгу.

— Это лишь предположение, — недоверчиво сказала девушка.

— Это больше, чем предположение. Я слышал, что говорили тебе Хеттл и Ведман, а это устройство передало их слова прямо в Комиссариат Полиции. Неплохо, а? Поняв, что готовится покушение на Хава, они сразу приехали и забрали заговорщиков. И вовремя.

Напряжение спало. Элизабет взяла Тоулера за руку, погладила ее. Потом улыбнулась.

— А ты, настоящий заговорщик, вышел из этого целым.

— К счастью, я был слишком ошеломлен, чтобы думать о Риварсе. Поэтому они предоставили нас самим себе.

После воспоминания о Риварсе настроение его испортилось.

Таинственное доказательство еще не дошло до вождя. Взяв себя в руки, Тоулер улыбнулся и тут заметил стилет, которым размахивал Ведман. Он лежал в проходе, матово поблескивая. Виновато оглянувшись, Тоулер поднял его и спрятал в карман. Потом взял Элизабет за руку.

— Еще рано. Пойдем что-нибудь выпьем в ресторане — это пойдет тебе на пользу!

Она сунула руку в его ладонь, и они вместе пошли через почти пустой Парк. Появление полиции явно испортило всем развлечение.

Честно говоря, думал Тоулер, чему им вообще радоваться? Завтра встреча с Синворетом, а потом неизвестность.

Когда он вошел в ближайший ресторан, он решил на какое-то время забыть о заботах.

Они сидели вместе около часа, пока не пришло время Элизабет идти на ночное дежурство. Перед возвращением домой Тоулер проводил ее до конторы. Это место показалось ему серым и пустым, как внутренности коробки.

В комнате переводчиков они застали Питера Ларденинга, чье дежурство закончилось. Взглянув на них, он поднял брови.

— Говорят, у вас была сегодня масса приключений, — сказал он, махнув рукой в сторону еще влажного объявления на информационной доске.

Тоулер и Элизабет подошли, чтобы его прочесть. В сообщении говорилось, что, по Закону в Колониях, переводчик Ведман казнен, а переводчик Хеттл будет казнен завтра за участие в заговоре против жизни высокопоставленных нулов.

— И что? — спросил Тоулер, повернувшись в Ларденингу. Ему не понравилось выражение лица младшего коллеги.

— Ходят слухи, что полиция приехала спасти тебя от Хеттла и Ведмана, что это ты их вызвал.

— Это ложные слухи, Ларденинг. По-твоему, Хава заботит, кто из нас живет, а кто умирает?

— В случае с тобой — да. Люди в Парке видели происшедшее. Что бы ты ни затевал, Тоулер, смотри, чтобы кто-нибудь не решил убрать тебя с дороги.

Сказав это, он взглянул на Элизабет и добавил, словно про себя:

— И кто тогда займется этим прелестным существом?..

9

Наступило утро, но новостей от Риварса все так и не было.

Со времени визита в убежище патриотов Тоулер сознательно избегал всех своих тайных связей, на случай, если за ним или кем-то другим ведется наблюдение. Когда возникает необходимость, с ним свяжутся. Он молился, чтобы получить доказательство побыстрее, это заставило бы его начать действовать. Но пока он мог лишь продолжать играть роль, которую ему определил ему Риварс, и гадать, можно ли верить Пар-Хаворлему, что он выполнит обещание. Тоулер не знал, что, прежде чем кончится день, ему сделают третье предложение.

Что бы ни делал Риварс, он не бездействовал. Его отряды после столкновения с силами старьян отбросили их на пересеченную местность Холмов Верн. Все это время силы Терекоми следили, чтобы

район сражения не слишком приближался к Городу, однако Риварс перехитрил их. Он лично возглавил небольшую группу партизан, проскользнул сквозь линию партассианцев и уничтожил небольшой город Ашкар, откуда в Город поставляли топливо.

Ашкар, не защищенный силовыми полями, понес потери в нулах и людях. Удар по нуловской самоуверенности был силен. Прежде чем противник сориентируется в ситуации, Риварс был уже далеко.

Когда Тоулер, проинструктированный Терекони и выглядевший спокойнее, нежели он себя чувствовал, предстал перед Синворетом и его свитой, Подписывающий заинтересовался подробностями нападения на Ашкар.

— Ты принадлежишь к воинственному виду, — были его первые слова, обращенные к Тоулеру.

— Но мы не захватчики, господин, и хотим мира.

— Тогда почему не принимаете мир, предложенный вам Партассой?

Тоулер молчал. До сих пор, пока необходимо, он будет играть роль довольного жителя колонии. Пар-Хаворлем узнает обо всем — его чиновники крутились по маленькой комнате — и если он сфальшивит, его уберут, и тогда он не поможет никому, даже себе. Его задача — не потерять расположение Подписывающего до тех пор, пока он не перестанет играть, представит неопровержимое доказательство и отдаст себя на милость Синворета.

Когда Синворета, по крайней мере те ее места, которые не закрывал мундир, была матово-серой и сморщенной. Он склонился над Тоулером.

— Уничтожая нефтяные скважины, вы уничтожаете свое богатство. Что ты об этом думаешь?

— Разве я отвечаю за это?

— Это не ответ, переводчик, и надеюсь, ты достаточно развит, чтобы понимать это. Позволь задать тебе еще один вопрос. Предположим, мы с тобой отличаемся внутренне так же, как и внешне. Почему бы нам, когда я вернусь на Партассу, не писать друг другу письма?

Вопрос смутил Тоулера, он не знал, какого ответа от него ждут.

— Потому что мы не переписываемся, — сказал он наугад.

Старый нул слегка поднял руку и шевельнул гребнем.

— Я вижу, ты не только отлично знаешь наш язык, переводчик Тоулер, но между нами есть и некоторое сходство, поскольку вы, земляне, умеете шутить. А может, ты научился этому у нас?

Тоулер молчал, злясь на этот покровительственный тон и одновременно радуясь, что ему удалось сдать экзамен. Синворет неуклюже похлопал его по спине, и Тоулер стукнулся головой о стекло шлема. Как будто повинувшись невидимому знаку, к ним подошел Рейфуллери.

— Прошу быть готовым к выезду из Города, переводчик, — ска-

зал он. — Губернатор запланировал на сегодня детальный осмотр Города, но мы отложили его из-за нападения на Ашкар. Подписывающий и я решили отправиться туда и посмотреть, что произошло. Ты поедешь с нами. Губернатор тоже.

Эта идея не понравилась губернатору, он не желал рисковать жизнью или отвечать за смерть высокого гостя. В далекой Партассе любой несчастный случай выглядел бы подозрительно. Поскольку он не мог открыто отказать Синворету, Пар-Хаворлем изо всех сил оттягивал выезд, и лишь около полудня небольшая группа отправилась в путь.

В первой бронированной машине ехали Синворет, Пар-Хаворлем и Тоулер, во второй — Терекоми, Раггбол и Ройфуллери. Эскорт состоял из двух вооруженных машин — единственное, чем можно было заменить силовые экраны, которые невозможно установить без тяжелого оборудования. Они быстро доехали до контрольного пункта и остановились там, ожидая отключения экранов. Когда это произошло, машины выехали на незащищенную, более плохую дорогу, ведущую через земную местность.

Чужаки сидели в неудобных скафандрах, а Тоулер радовался, что может дышать холодным воздухом. В каждом вдохе, казалось, заключается смысл жизни. Элизабет тоже должна дышать этой живой субстанцией.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты последний раз был за Городом? — спросил Синворет, обращаясь к нему.

— Десять лет, господин.

— Почему тебе нельзя его покидать?

— Мне никто не запрещает, но я не хочу. Я никого не знаю вне Города. — Удачный ответ, подумал Тоулер. Одна ложь для Хава, другая для Синворета. — Мои родители из поселка Лондон умерли много лет назад.

— У тебя есть друзья в Городе?

— Конечно есть, господин.

— Ты не чувствуешь себя одиноким, переводчик?

— Все люди одиноки, господин.

— Скажи, не является ли причиной твоего одиночества привычка отвечать общими фразами?

Тоулер не ответил.

Пар-Хаворлем оттянул выезд настолько, что Терекоми хватило времени разработать план событий на вторую половину дня.

Никто не собирается позволить экспедиции доехать до настоящего Ашкара, всех заботило, главным образом, чтобы как можно больше действительных фактов осталось тайной. Некая богатая семья нулов купила концессию на добычу нефти в Ашкаре и поселилась там. Во время ночного налета Риварса семья была уничтожена и осталось лишь двое старейшин рода, которые резко возражали против дерзких

предприятий Пар-Хаворлема. Правда была такова, что наравне с двуногими они явились косвенными жертвами его тирании, несмотря на некоторые материальные выгоды.

Эти нулы пожаловались бы прямо Синворету на его собственном языке, и Пар-Хаворлем не смог бы их остановить. Поэтому Синворета нужно было просто убедить, что он видит Ашкар. Согласно этому замыслу фальшивый Ашкар возник в безопасном районе, из которого изгнали отряды Риварса. Раненых туземцев из Ашкара перевезли туда же, чтобы придать сцене большую достоверность. Были устроены пожары, а из Города привезли дополнительных людей, чтобы усилить суматоху. Партассианские солдаты в боевом облачении бегали взад-вперед, время от времени стреляя в воображаемого врага.

Бронированные машины остановились, укрытые поросшим папоротником откосом.

— Думаю, нам лучше не ехать дальше, — сказал Пар-Хаворлем. — Мы всего в нескольких десятках метров от линии огня.

Все вылезли и молча стояли на дороге. В двух километрах, за заграждениями, виднелись поросшие лесом холмы, вокруг стояла зловещая тишина. Промчалась машина скорой помощи, направляясь в больницу, массивный офицер-нул подошел к ним, отсалютовал и тихо сказал что-то Терекоми.

Синворет и Ройфуллери стояли, нюхая воздух, как два старых боевых коня. Вблизи поля битвы кровь в их жилах закружилась быстрее, он почувствовали себя молодыми и беспокойными.

Чувствуя дуновения свободы, Тоулер тоже беспокоился. Риварс должен быть где-то недалеко, но связаться с ним невозможно. Вождь патриотов не знает, что он здесь, вне Города.

Чтобы дополнить картину, толпа беженцев-землян, специально привезенных для представления из Губернии, с мешками и рюкзаками прошла перед двумя машинами. У Тоулера, который, как и Синворет, не знал, что происходит, дрогнуло сердце при виде этих людей.

— Они атакуют из-за тех лесов, — заметил Терекоми, — то есть с самой слабой стороны Ашкара. Как вы слышали вчера на конференции, гражданская война не доходила сюда — до вчерашней ночи. Разумеется, обе стороны интересуется нефть. Мы экспортируем ее большую часть, а они хотели использовать ее для военных целей.

— Почему твои силы в такой стратегической точке не были больше? — спросил Синворет.

Маршал шевельнул гребнем.

— Колониальные правила разрешают держать на этой планете всего пятьсот нулов. Этого слишком мало, но мы вынуждены подчиняться.

Тоулеру стало дурно.

Мимо как раз проходила группа усталых беженцев. Гэзер Рой-

фуллери указал тросточкой на старушку с покрытым потом и пылью лицом, тащившую какой-то чемодан.

— Спроси, куда она идет, — сказал он Тоулеру.

Вежливо остановив старушку, Тоулер перевел вопрос. Она выслушала его, глядя в землю, потом подняла голову, и в глазах ее, кроме безнадежности, он заметил злость на него, союзника чужаков. Это потрясло его, как если бы он куснул мягкий плод и сломал зуб на твердой косточке.

— Меня привезли из Губернии, и теперь я должна вернуться туда пешком, — сказала она. — Я не получу за это ни одного бьяксиса.

Не поняв ответа, Тоулер все же несколько изменил его, прежде чем повторить нулю из Отдела КИ.

— Она говорит, что хочет укрыться в Губернии.

— Спроси, что стало с ее домом, — приказал Ройфуллери.

Старушка стояла, размышляя над вопросом и не обращая внимания на проходивших мимо беженцев.

— Скажи этому мерзкому ублюдку, что я не знаю, о чем он говорит. Ему лучше меня известно, что это за идея. А я ничего не знаю.

— Она ошеломлена. Кажется, она вас не понимает.

— Спроси, уничтожен ли ее дом. Это она должна понять.

— Я не знаю, что происходит, — сказал Тоулер. — Вы должны мне помочь. Во время ночного полета ваш дом был уничтожен?

— У меня одна комната в Городе. С ней все в порядке. Меня привезли сюда сегодня утром, и сейчас я возвращаюсь. А если говорить о том, что происходит, я уже сказала, что ничего не знаю. Будут еще какие-нибудь вопросы?

Тоулер взглянул на гребень Пар-Хаворлема и заметил, что тот замер. Губернатор жалел, что не подготовил переводчика к подобной ситуации. Поколебавшись, Тоулер решил соблюдать осторожность.

— Она говорит, что люди Риварса уничтожили ее дом, — сказал он Ройфуллери.

— Спроси ее, где остальные члены ее семьи.

— Где остальные члены твоей семьи?

— Иди ты к черту! — разозлилась старушка и двинулась дальше.

— Она говорит, что все погибли, — доложил Тоулер.

Его колебание подчеркнуло значение этого небольшого происшествия. Синворет слушал с большим интересом, а потом подошел к Пар-Хаворлему и, понизив голос, сказал:

— Можно ли верить этому переводчику, Губернатор? Мне кажется, он что-то скрывает. Я бы хотел, чтобы вы лично допросили одного из беженцев. Спросите, достаточно ли суровые средства применяем мы против мятежников.

Небольшое затруднение выросло в нечто гораздо большее.

Пар-Хаворлем выпрямился.

— Я полностью доверяю своему переводчику, — сказал он. —

Некоторые туземцы говорят на жутком жаргоне, и это, безусловно, затрудняет перевод...

— И все-таки я хочу, чтобы вы поговорили с одним из этих созданий, — настаивал Синворет. — Например, с той толстушкой с ребенком на спине.

Выхода не оставалось.

— Я не знаю их варварского языка, — с достоинством сказал Пар-Хаворлем. — На этой планете много диалектов, и все они бесмысленны.

Синворет отвернулся и некоторое время смотрел на заросли. Наконец тихо заговорил:

— Губернатор, вам не кажется, что для понимания местных обычаев, законов, традиций, религий, обрядов, философии, литературы, истории нужно изучать их язык?

— Вы считаете, что понимание этих вопросов помогает управлять, однако на этой ужасной планете все по-другому.

Гребень Синворета покраснел от злости.

— Ничего подобного. Справедливость одна, независимо от того, к кому она приложена. Этот принцип положен в основу наших юридических и административных систем.

Внезапный взрыв прервал разговор. Камни и комья земли взлетели в небо и дождем посыпались на группу. Партассианцы бросились на землю, неуклюжие в своих скафандрах. Когда все стихло, они подняли головы, но следующий взрыв снова заставил их уткнуться в землю.

— Враг контратакует, — сказал Пар-Хаворлем. — Это легко понять. Мой долг, господин, увезти вас в безопасное место. Если позволите, вернемся в Город.

Именно в эту минуту Тоулер понял, что все происходящее — просто обман. Он узнал звук стереосонического оружия. У патриотов не было такого оружия, а Синворет никогда не слышал этой новинки в деле. Оба взрыва были запланированы Пар-Хаворлемом и произвели нужное впечатление. Тоулер вспомнил, что Терекоми несколько минут назад незаметно отошел в сторону. Маршал с помощью импровизированного взрыва спас положение.

Тоулер со злостью думал о словах старушки, теперь он понял, что она имела в виду. Где бы они ни находились, это не был район Ашкара. Синворет не узнает правды, Тоулер и сам не знал, что происходит.

Внезапно ему стало страшно. Планы Пар-Хаворлема, реализация которых началась два года назад, набирали размах. Если он не помещает, Губернатор добьется своего.

Когда они торопливо расселись по машинам, вернулся Терекоми, спокойный — истинный солдат.

— Опасности нет, господа, — сказал он. — Просто мы находимся

в пределах досягаемости огня мятежников. Если быстро переберемся на другую сторону, может, успеем увидеть наш контрудар.

Они двинулись вперед, дорога поднималась в гору. Когда Терекони сказал, что они вышли из угрожаемого района, машины остановились и все посмотрели назад.

— О! Контрудар! — воскликнул Пар-Хаворлем, вытянув вперед руку.

Перед ними, над линией поросших лесом холмов, вспыхнул странный свет. Долина, ручьи, тихие леса, все на секунду осветилось, а затем исчезло. Парящая красная земля опадала и шипела, как лопнувшие губы.

— Пусть попробуют, что это такое! — воскликнул Гэзер Ройфуллери. Гребень его побледнел.

Тоулер тоже был бледен.

Пятьсот бандитов для Терекони было слишком много. Даже пятьдесят смогли бы за неделю превратить Землю в пустыню, если бы им позволили. Эта демонстрация силы потрясла его.

Такой же была реакция Синворета и Ройфуллери. В Город они возвращались молча.

10

Они вновь оказались в непроницаемом для опасности Городе, но именно здесь Тоулер чувствовал себя в наибольшей опасности. Отныне у него не было друзей: после казни Хеттла никто не хотел с ним знаться. Элизабет была единственным человеком, который мог нарушить запрет на контакт с ним и поговорить с Тоулером.

Ему хотелось пойти с ней, но мешало дежурство. Усталый, он сидел в небольшом конференц-зале, пока Синворет изливал свои впечатления от последней поездки. Тоулер не старался вслушиваться в его слова. Подписывающему представили фальшивые факты, так какое значение могли иметь его выводы?

Однако вскоре возбужденный голос Синворета привлек внимание Тоулера. Подписывающий устраивал разнос Губернатору.

— ...не могу отделаться от впечатления, что допущение до гражданской войны было с вашей стороны безрассудством.

— Согласно Договору мы даем двуногим максимально возможную свободу, — ответил Пар-Хаворлем. — По своей природе они примитивны и воинственны, и, если хотят воевать друг с другом, глупо было бы запрещать им это, ибо тогда злость может обратиться против нас. Вероятно, вам известно, насколько трудно подавить восстание на планете, хотя бы потому, что пройдет много времени, прежде чем подкрепления с других планет сектора Вермилион дойдут до нас. Поэтому мы предпочитали не удерживать земных авантию-

ристов, контролируя конфликт ограничением передвижения и доступа к оружию. Приходится действовать деликатно.

Гладкий ответ. Никто из собравшихся нулов не мог догадаться, что на самом деле Земля объединилась в ненависти к Партассе и Пар-Хаворлему.

— Хотя я и считаю, что вы должны давить на Кастакору, требуя подкреплений, — взял слово Гэзер Ройфуллери, — однако думаю, вы поступаете разумно, но сегодня это не так. Я согласен, что восстание, охватившее всю планету, везде, кроме пограничных районов, очень трудно подавить.

— Как так? — резко спросил Терекоми, у которого никогда не возникало проблем с подавлением сопротивления. — Почему существует такое различие между планетами колониальными и пограничными?

— В Департаменте Психо-Контроля мы детально изучили этот вопрос, — ответил Ройфуллери. — Представьте себе, что расширяющееся влияние Партаassy — это огромный шар, увеличивающийся благодаря пространственным трассам, а не надуванию. Поверхность шара — это периметр наших территорий. Пограничные планеты, как вам хорошо известно, именно на них мы должны контролировать свои силы, Маршал. Когда планета окажется внутри периметра — другими словами, после ее усмирения, — возникает Государство, а главные силы должны двигаться дальше.

— Это вполне очевидно, но...

— Такое сравнение с шаром позволит вам понять факт, — продолжал Ройфуллери, проигнорировав замечание Терекоми, — что чем больше Империя расширяется, тем слабее становится. По мере течения времени нам труднее собирать нулов и оружие с периметра для решения проблем внутри шара. Слишком сильный натиск на границы — и шар лопнет. Поэтому в последнее время некоторым восставшим планетам позволено обрести независимость. Относительно слабого удара хватит, чтобы вновь их покорить, но эти слабые удары обычно не окупаются. В будущем нам придется стараться сохранить то, что мы имеем. Советую запомнить эту лекцию.

Вечером Тоулер наконец освободился и сразу же нашел Элизабет. Обняв, он поднял ее и крепко прижал к себе.

— Жаль, дорогая, ты не слышала, что болтал сегодня Ройфуллери! Видимо, он забыл о моем присутствии или решил после сегодняшнего, что я не пойму. Мы хотим выгнать отсюда Пар-Хаворлема и получить вместо него честного Губернатора, но из слов Ройфуллери следует, что, если нам удастся вышвырнуть нулов, Империя не станет пытаться вернуться обратно. Земля не настолько важна.

— В это трудно поверить. Они слишком алчны, чтобы отказаться от чего-либо.

— И все же он это сказал. Цензура Пар-Хаворлема мешает уз-

нать, как в действительности обстоят дела в империи, а она слабее, чем мы думали. О, Элизабет, если бы мы... — Он оборвал фразу и спросил: — Почему ты улыбаешься?

— Тебе идет подобное настроение, — сказала она. — Никогда я не видела тебя таким оживленным. Дорогой, будь внимателен, не подвергай себя опасности!

— Я не забочусь о себе, Элизабет, все мои мысли о тебе. Земля ничего не значит для меня, но ты — это все. Я готов на все, чтобы увидеть тебя свободной и счастливой. На все!

Они поцеловались так страстно, словно их жизнь зависела от этого.

— Гэри, дорогой, за последние дни я увидела тебя заново, — сказала она наконец, глядя его волосы. — Глоток свежего земного воздуха пошел тебе на пользу... Знаешь, когда меня привезли сюда два года назад, я смотрела на вас всех, как на узников, пожалуй, даже презирала. Но теперь я вижу, что, по крайней мере, ты стоишь многого.

— Я же говорил, что во мне живет тигр, даже если я мяукаю, как кот, — полушутя сказал он, увлекая ее в кресло.

— Тогда надеюсь, ты не ошибся, говоря, что во мне тоже живет тигр. Понимаешь, я... никогда не просыпалась на самом деле. О, Гэри...

Когда он коснулся ее груди, она поцеловала его. У Тоулера закружилась голова.

— Элизабет, дорогая, — заговорил он после паузы, — я хотел бы поговорить с тобой на партассианском.

— Зачем?

— Из любопытства. Ты знаешь, что я о них думаю, но мне доставляет удовольствие говорить на их языке.

Он сразу переключился на этот другой язык, и сразу же ему показалось, что он понимает все иначе, словно способ восприятия подобно словам перенесся в иную плоскость.

— Это очень старый язык, Элизабет. Через некоторое время начинает казаться, что чувствуешь, насколько он стар. Не забывай, он уже существовал в такой форме еще до появления людей на Земле. Трудно в это поверить, правда? Для меня он стал почти физической силой, он формировал меня наравне с окружением.

— Я не хочу говорить с тобой на нем, — сказала Элизабет — все-таки на партассианском. — В нем нет тепла, которое я хотела бы тебе передать. Когда я говорю на этом языке, то понимаю, почему у нулов нет поэтов.

— Да, он подходит к их природе, неизменной и без прикрас. И все же он несомненно влиял на их успехи в завоеваниях. Это язык солдат и правителей.

Он рассмеялся, потом добавил уже по-английски.

— Но не любовников, — тут ты совершенно права. Впрочем, сей-

час я не хочу ничего говорить. Я безумец, Элизабет, просто безумец. Сейчас я мог бы пойти прямо к Синворету и рассказать ему все!

— Будь осторожен, Гэри. Что бы ни случилось, все должно оставаться, как прежде, пока не придет сообщение от Риварса. Это наш вождь.

Тоулер скривился.

— Он ошибается как и любой из нас.

— Неправда. Будь это так, он не стал бы вождем. Мы должны ждать, пока он пришлет доказательство для Синворета.

Но доказательство не пришло, и пропал еще один день визита Синворета.

На следующее утро Тоулер пришел во дворец пораньше. Когда он вошел в крыло персонала, ежедневный транспорт из четырех грузовиков отправлялся в настоящий Город. Это напомнило Тоулеру, что через две недели Пар-Хаворлем несомненно вернет туда всех, и они потеряют возможность освободиться, которая имелась сейчас.

Никто не разговаривал с ним. Когда он проходил мимо Питера Ларденинга, ему показалось, что тот едва заметно кивнул, но все остальные переводчики упрямо игнорировали Тоулера.

Хорошо же, подумал он, еще увидите... Честно говоря, он и сам не знал, что такое они увидят. Если бы он мог узнать, в какой степени Синворет поверил в блеф Пар-Хаворлсма, ему наверняка было бы легче.

По крайней мере, этот вопрос вскоре прояснился.

Половину утра он бесцельно ходил следом за Синворетом, его секретарем, телохранителем и Ройфуллери. Они проводили инспекцию финансов, и Ройфуллери с помощью секретаря тщательно проверял книги. Синворет задал через Тоулера несколько вопросов ассистентам-землянам, но даже не попытался скрыть своей скуки. Когда наконец они закончили, Синворет быстро вернулся в свои апартаменты.

— Я хочу чтобы ты пошел со мной, переводчик, — сказал он.

Тоулер послушно побрел за четырьмя могучими партассианцами. Мысли его текли по привычному, проложенному за десять лет руслу: если бы какой-нибудь партассианец атаковал меня, я был бы беспомощен, даже имея нож. Нож был единственным оружием, которое он имел. Он все еще прятал под мундиром стилет, которым Ведман хотел убить его в «Джармбори».

В апартаментах Подписывающего чужаки сняли скафандры.

Тоулер стоял посреди комнаты, а нулы отдыхали. После десятилетнего общения с ними трудно было бы сказать, что он видел в них что-то странное. Однако, когда они уселись в кресла, его удивила слабость ног и рук в сравнении с огромными цилиндрическими тела-

ми. Вежливо, но решительно Синворет удалил из комнаты своего секретаря и телохранителя, а потом обратился к Тоулеру.

— А сейчас, переводчик Тоулер, — весело начал он, — познакомимся поближе. Мой визит на Землю короток — осталось всего пять дней — но по многим причинам мы с тобой должны подружиться. Подойди сюда и сядь.

— Спасибо, господин, но эти кресла для меня не подходят — или, пожалуй, я не подхожу для них. Я лучше постою.

— Как хочешь. Видишь ли, переводчик, очень многое зависит от нашего взаимопонимания. Можно даже сказать, что от этого зависит будущее Земли.

Тоулер ничего не ответил, и Синворет нетерпеливо шевельнул гребнем.

— Я хочу, чтобы ты сел и почувствовал себя свободнее, переводчик. Понимаешь, то, что я хочу сказать, неофициально и не должно выйти за пределы этой комнаты. Тебе знакома фамилия Форли? Это был нул, занимавший три года назад должность Третьего Секретаря.

— Нет, — сказал Тоулер. — Я редко общаюсь с кем-нибудь, кроме Первого Секретаря.

— Ну, неважно. Я приехал сюда, чтобы изучить положение на Земле. Я планировал несколько самостоятельных поездок, но губернатор считает, что это неразумно из-за довольно опасной обстановки. Таким образом, мои возможности ограничиваются. Программа следующих дней достаточно напряжена, и мне трудно найти возможность и время для независимых наблюдений, которые мне нужны. Понимаешь, что я имею в виду?

— Да.

Синворет еще не заглотил крючка Пар-Хаворлема, он по-прежнему мыслил самостоятельно.

— Возможно, тебе только кажется, что ты понимаешь, — бесцеремонно вмешался Гэзер. — Подписывающий хочет сказать, что Губернатор желал бы показать свое хозяйство с лучшей стороны, и это вполне естественно. А нам нужен объективный взгляд — и это не менее естественно.

Оба нула обменялись гневными взглядами.

— Я здесь для того, чтобы искать проблемы, — сказал Синворет. — Да садись же, переводчик!

— Спасибо, господин, но я предпочитаю стоять.

— Пойми меня правильно. Я просто хочу убедиться, что на Земле все обстоит так, как выглядит на первый взгляд.

После этих слов гребень Ройфуллери расслабился, но Синворет продолжал:

— Однако некоторые детали нарушают целостность образа. Ты, например, очень хорошо знаешь наш язык, но почему-то заколебал-

ся, переводя слова старой беженки из Ашкара. Ты точно перевел ее ответы?

— Да. Я немного боялся, ведь мы были в опасном районе.

О, Боже, сколько еще ему придется лгать? Ни друг Риварс, ни враг Пар-Хаворлем не понимали, как много от него требуют.

Синворет положил свой гребень.

— Я не глуп, переводчик, — сказал он, — Я сам служил в колониях и понимаю, что кто-то может оказать на тебя давление. Буду краток. Я — полномочный представителем Совета Объединенных Миров, приславшего меня сюда проверить обвинение в коррупции и эксплуатации.

— Может, лучше бы, господин... — начал, вставая, Ройфуллери, но Синворет не обратил на него внимания.

— Разумеется, эксплуатация практически неизбежна в контакте начальника и подчиненного. Такими мелкими случаями я не интересуюсь. Однако мне интересно, насколько правдива информация, что Губернатор является диктатором, угнетающим вас, землян. Поскольку ты единственный землянин, с которым я общаюсь, я и обращаюсь с этим вопросом к тебе. Не бойся ответить мне так, как считаешь правильным.

Тоулер молчал.

Глазные стебли Синворета и Ройфуллери повернулись друг к другу, и второй сказал что-то, чего Тоулер не понял. Синворет кивнул.

— Подожди немного, переводчик, — сказал он.

Они с Ройфуллери перешли в другую комнату, оставив Тоулера, неуклюже стоявшего в своем скафандре. Частью разума он отметил факт, что два нуля не были в полном согласии. Его вдруг посетила невероятная мысль, что они пытками заставят его говорить, что пошли для этого за Рагболом.

Он не мог доверять никому, не был уверен даже в самом себе.

Нулы вернулись через две минуты, они явно договорились, и Ройфуллери начал:

— Разумеется, я твоих собственных интересах и в интересах твоего вида полная откровенность с нами. Если ваш Губернатор справедлив и порядочен, ты должен сказать это, чтобы сохранить его. Если же нет, ты должен сказать, чтобы его можно было снять.

И вновь эта ужасная, ядовитая тишина, в которой Тоулер повторял себе, что эти создания, кажущиеся вполне откровенными, всего лишь партассианцы и им нельзя верить так же как Пар-Хаворлему. Хоть это и было маловероятно, но, может, Пар-Хаворлем уже сумел убедить их, и сейчас они проверяют его лояльность. Откровенность нужно отложить до тех пор, пока не придет неопровержимое доказательство от Риварса. Пот заливал его лоб, стекал по щекам.

— Мы понимаем, — сказал после паузы Синворет, — что кто-то

мог обеспечить твоё молчание обещаниями или угрозами, поэтому заверяю тебя, что, прежде чем ты решишься на что-либо, можешь, если хочешь, покинуть Землю вместе с нами и избежать мести.

Тоулер вдруг сел на одно из ближайших огромных кресел. Он догадывался, что последует дальше.

— Чтобы доказать, насколько мы ценим то, что ты можешь нам сообщить, позволь рассказать тебе кое-что, — продолжал Синворет.

— В молодости я был Губернатором с этого сектора Вермиллион, управлял планетой Старья. Согласно Императорскому Договору, я по-прежнему являюсь владельцем одного из островов планеты. Острова, занимающего одну двадцатую часть суши и протянувшегося от умеренной зоны до экватора. Старья — планета с кислородно-азотной атмосферой, как и твоя, с близкой силой тяжести и миролюбивым населением двуногих, как и вы. Взамен на твоё сотрудничество я готов забрать тебя и других землян, которых ты выберешь, числом до двенадцати, и доставить на этот остров. Он будет передан тебе и твоим наследникам навсегда. Ты будешь более чем свободным человеком, ты будешь самодержавным владыкой. Это в моей власти. Признаться, я разочарован твоей некоммуникабельностью, но понимаю, что у тебя есть на то причины. А сейчас иди и подумай. Губернатор хочет, чтобы завтра я принял участие в охоте, поэтому ты не понадобишься. Мы встретимся здесь и поговорим завтра вечером. Надеюсь, к тому времени ты решишься сотрудничать с нами. А теперь оставь нас.

Ошеломленный Тоулер вышел. Предложение Ривароса, предложение Пар-Хаворлема, а теперь предложение Синворета, одно другого лучше — от всего этого у него кружилась голова. Они подействовали на него так, как внезапное зрелище воды на умирающего от жажды человека. В этих условиях необходимость принятия решения была почти физической тяжестью, и он едва не рухнул в коридоре, перед дверью Подписывающего.

Он не мог верить никаким обещаниям — и меньше всего, пожалуй, Риварса. Если Пар-Хаворлем и его соплеменники будут изгнаны с земли, в неразберихе, которая, несомненно, начнется потом, Риварса может сменить кто-то из его соперников. А чего стоит слово Синворета? В конце концов, он всего лишь нул...

Тоулер потащился к выходу из дворца и затем по улицам до квартиры Элизабет. Нужно поговорить с ней обо всем, упорядочить мысли — её мозг так же точен, как её пальцы.

У Элизабет тоже были разговоры без утешительных результатов. Сменившись со смены, она нашла Питера Ларденинга и договорилась встретиться с ним через десять минут в одном из кафе туземного района.

Мужчина встал, когда она вошла в зарезервированный им бокс. Чувствовал он себя неловко.

— Очень приятно поговорить с тобой, Элизабет. В последнее время ты, кажется, избегаешь меня.

— Странно. Это, скорее, меня все избегают.

— Это для твоего же добра, Элизабет. Я должен сказать тебе...

— Пожалуйста, Питер! Вспомни, что это я хотела с тобой поговорить.

— Хорошо. Начинай. Я заказал какао, буду тихонько пить и слушать. — Он обиженно смотрел на нее. Постепенно Питер успокоился.

— Знаешь, ты удивительно нетрадиционная девушка, Элизабет.

Женщина опустила голову, вспомнив, как Тоулер говорил о ее традиционности. Вот насколько различался ее образ в глазах обоих мужчин. За последние несколько дней она стала застенчивой, начала обращать внимание на то, как ведет себя, что говорит, на то, как двигаются при ходьбе ее стройные бедра.

— Я хочу поговорить с тобой о Гэри Тоулере, — сказала она. — Вы несправедливы к нему. Ваш бойкот, — это так по-детски, Питер. Я хочу, чтобы ты использовал свое влияние на других переводчиков и покончил с этой глупостью.

— Только если он перестанет быть пешкой Хава.

Принесли какао, и Ларденинг взял себя в руки. Когда официант отошел, он начал с другой стороны.

— Пойми, Элизабет, для тебя должно быть очевидно, что я тебя люблю. Позволь тебя предупредить: Тоулер тебе не пара. Он никому не делает ничего хорошего. Когда-то я восхищался им, но теперь не понимаю, что с ним происходит. Замечено, что он тебя навещает — в этой проклятой дыре ничего не скроешь. Поверь мне и не связывайся с ним. Если не знаешь почему — неважно, просто постарайся избегать его.

— Питер, Гэри нужна помощь, а не подозрения.

Она едва не сказала ему о связях Тоулера с Риварсом, но в последний момент сдержалась.

— Это опасный город, Элизабет, здесь царствуют подозрения. Все мы на подозрении. Слуги Терекони гнались за каким-то бедняком, когда я шел сюда. Что-то висит в воздухе, неужели ты этого не чувствуешь?

Он закурил, нервно затанулся и огляделся по сторонам.

— Напряжение растет, это чувствуем и мы, и нулы. Пять дней до отъезда Синворета... И эти пять дней могут стать адом. Я просто не хочу, чтобы ты была в это замешана. А Тоулер впутается в это, если не будет осторожен, и потому я прошу тебя держаться от него подальше.

Элизабет барабанила пальцами по столу.

— Ты не отворишь меня от человека, которого я люблю, — тихо сказал она.

Долгую, болезненную минуту он смотрел ей в глаза, потом встал.

— Если ты так считаешь...

Выходя, он бросил официанту монету. Элизабет не окликнула его, не попросила остаться.

Задумавшись, она поднесла свою чашку к губам. Положение Земли она понимала, как никто другой. Игра шла не только между Пар-Хаворлемом и Подписывающим, это была игра четырех сторон: двух людей и двух нулов. Хав и Синворет, Риварс и Гэри. И ни одна из них не доверяла остальным троим. Гэри, бывшего слабее всех, постепенно выталкивали на первый план. Должен быть какой-то способ помочь ему!

И внезапно она нашла ответ. Поставив чашку, Элизабет вышла из кафе.

Перед тем, как идти к Элизабет, Тоулер решил немного пройтись, чтобы прийти в себя. Даже сейчас он с сожалением видел, что люди Губернии отворачиваются от него, видел, как жена владельца магазина поспешно забирает своего малолетнего сына.

Перед тайным визитом к Риварсу он был настроен сделать все возможное для угнетенных жителей планеты. Но сейчас он был уже не один. Тоулер думал об Элизабет — если бы ему дали шанс, он завоевал бы ее, и потому готов был рискнуть всем.

Он вдруг сообразил, что две эти цели чудесным образом перестали противоречить друг другу. Если бы только Риварс прислал это чертовое доказательство до завтрашнего вечера! Достаточно, чтобы Тоулер вручил его Синворету. Синворет наградит его, отдав ему остров на Старье, а Пар-Хаворлем потеряет место...

С внезапным беспокойством он вспомнил о сомнениях в возможностях Риварса. Тоулер отогнал эти мысли и побежал, ему хотелось скорее оказаться с Элизабет.

Дома ее не было.

— Элизабет! — крикнул он.

Никакого ответа. Никакого сообщения. Никакого знака.

Все сомнения вернулись в новой форме. Он никому не верил. Все были против него, а значит, и против Элизабет. Это она была его будущим.

Туземцам запрещалось иметь любые устройства для связи, поэтому он не мог позвонить или передать сообщение по радио, хотя из дворца с ним могли связаться.

Тоулер выбежал из здания и направился ко дворцу. Там ее быть не должно, ее короткое дежурство закончилось часа два назад, но он должен заглянуть туда. Заметив, что нул-полицейский разглядывает его с другой стороны улицы, Тоулер замедлил шаги.

Элизабет во дворце не было, в комнате переводчиков сидели только Меллер и Джонс. Сначала они не хотели с ним разговаривать, но его волнение передалось им, и они испугались. Они не видели ее с тех пор, как она сменилась с дежурства.

Тоулеру пришло в голову, что, может, она пошла к нему домой. Это было маловероятно, поскольку после бойкота они решили встречаться у нее, но может...

В приливе надежды он схватил новый кислородный баллон, надел и немедленно отправился домой, беззвучно повторяя ее имя.

А может, ее арестовали? В городе постоянно случались неожиданные аресты. Что, если сплетни о Пар-Хаворлеме правдивы и он забрал ее? А может, Риварс взял ее заложницей, чтобы гарантировать повиновение Тоулера? Мог ли он верить хотя бы остальным переводчикам? Большинство их ненавидело его со времени дела Ведмана и Хеттла. Тоулер испытывал все большее волнение, все более безумные идеи приходили ему в голову.

— Тоулер!

Он испуганно поднял голову. Его окликнул мясник.

— Мой поставщик сегодня задержался, — сказал он. — Ели вы идете домой, может, захватите мясо, которое заказали? Оно у меня здесь.

— В таком случае дайте его мне, — нетерпеливо ответил Тоулер. Он забыл, что заказывал мясо.

Мясник вручил ему пакет, и Тоулер заторопился дальше. Быстро пройдя шлюз, он снял шлем, пробежал по коридору и влетел в комнату.

Никто его не ждал, не было никакой записки, вообще ничего. Сбитый с толку и беспомощный, он стоял, как соляной столб. Теперь уже не оставалось сомнений, что близятся страшные для него минуты. Дрожащей рукой проверил он, на месте ли стилет — если бы только знать, кого им ударить!

Ненависть переполняла его, как зверя, загнанного в ловушку.

Взгляд его остановился на свертке от мясника, лежащем на столе, и Тоулер понял, почему мясник нарушил запрет разговаривать с ним, — он же не заказывал никакого мяса.

Это доказательство от Риварса!

Что за ирония судьбы — когда оно, наконец, пришло, вождь и его проблемы были ему уже безразличны. И все-таки он должен что-то сделать, хотя бы чтобы избавиться от мучительного чувства собственного бессилия.

С большим трудом Тоулер заставил себя поднять свертки и отнести на кухню.

— Путь это будет что-нибудь приличное, — сказал он вслух. Если он убедит Синворета, возможно, тот согласится помочь найти Элизабет.

Тоулер развернул бумагу, а затем полотно, оказавшееся под ней, и лицо его вытянулось от страха. Потом страх сменился удивлением, злостью, ужасом. Хотя он и не нашел никакой объясняющей записки, пакет мог прийти только от Риварса. Но что это могло значить? Что, Риварс потерял к нему доверие? Или это какая-то жестокая шутка? И прежде всего — чья?

Судорожно держась за стол, Тоулер с ужасом и отчаянием смотрел вниз. В свертке находилась окровавленная человеческая ступня, отрубленная чуть повыше лодыжки.

11

Гэри Тоулер не прикоснулся к ступне, он был слишком ошеломлен и разочарован. Мрачные видения захлестнули его мозг, он закрыл глаза и стоял, держась за стол. На мгновение ему показалось, что он вне стен Города и едет к свободе на черной кобыле, продираясь сквозь мешающие кусты, потом он снова стал собой, но в том странном воплощении, которое переживал, говоря холодным, прозаическим языком Партассы. Кровь его пульсировала, как в нуловском эротическом танце, пережитом в «Джармбори».

Постепенно этот круговорот чувств прекратился, и Тоулер задумался, что с ним происходит. В конце концов это просто сообщение от Риварса, а с чего бы это Риварсу иметь для него такое значение?

Шок удивления подействовал на его разум.

Тоулер закрыл ступню полотном и медленно пошел в комнату, где, не снимая скафандра, опустился в свое единственное кресло. Следовало проанализировать ситуацию. Но прежде чем начать, он мрачно задумался о жизни, этой ежедневной капле сознания на холодной плите памяти, и эти мысли смыли избыток жутких дел... Почему он должен заниматься этой мертвой ступней, и всем, что с ней связано?

А потому, что все указывает на измену Риварса. Или что его самого предали!

Предположим первое. Риварс уже не хотел давать Тоулеру настоящее доказательство против Пар-Хаворлема и вместо него прислал этот ужасный знак того, что их взаимоотношения разорваны.

А если второе? Риварса предал... да, более всего подходит мясник. Если нулы перекупили его, то он очень просто мог получить такую окровавленную ступню. А Тоулер, приняв от него этот свертки, выдал себя. Если все так, нулы Маршала Терекоми вскоре явятся за ним.

Возможно, они просто прострелят шлюз, и он умрет, выхаркав легкие в их ядовитом воздухе, но скорее они заберут его в одно из зданий, куда невинные люди никогда не входят, и где умирают дольше.

Он встал.

Нужно действовать, пока есть возможность.

Надев шлем, Тоулер быстро пошел по улице. Сначала нужно связаться с мясником и узнать: враг он или союзник. Мясник уже собирался закрывать магазин и испуганно поднял голову, когда Тоулер прошел через шлюз.

— Вы не должны сюда приходить, — сказал он, моя тесак. — Никогда не знаешь, следят ли за тобой. Вы должны это помнить.

— Это посылка от Риварса — вы знаете, что в ней было?

Мясник с интересом разглядывал бледное лицо Тоулера. Отложив тесак, он вышел из-за прилавка.

— А зачем мне туда заглядывать? Это ваше дело. Кроме того, она лежала здесь всего несколько минут. Человек, доставивший ее в Город, опоздал.

Лицо у него было испуганное, и он вовсе не походил на виновного.

— Да в чем дело? — спросил он, потому что Тоулер молчал. — Зачем вы сюда пришли?

— Что-то идет не так, как нужно.

— Я ничего об этом не знаю.

— Пойдемте ко мне на квартиру.

— Я не могу! Боже, да понимаете ли вы, как подозрительно это будет выглядеть? Меня не должны видеть с вами. Я не хочу подставляться больше, чем необходимо! На этом этапе мы не можем...

— Вы должны со мной пойти. Пожалуйста, это очень важно.

Оба с удивлением отметили нотки мольбы в голосе Тоулера. Мясник пожал плечами, потом вытер руки о фартук.

— Дайте мне две минуты, — сказал он.

Он захлопнул ставень и закрыл магазин. Затем вышел в заднюю комнату, надел скафандр и выпустил Тоулера через черный ход. Тоулер облегченно вздохнул, в своей квартире он мог оказать сопротивление этому человеку. В критический момент у него будет с собой нож, а у мясника — нет. Однако то, как этот человек выполнил его просьбу, разоружило Тоулера.

— В чем дело? — повторил свой вопрос мясник, когда они вошли в дом, где жил Тоулер. — Вы не верите, что пакет пришел от Риварса?

— Посмотрите сами, — ответил Тоулер, проводя его в кухню.

Сверток лежал на столе, мясник медленно подошел и развернул его. С большого пальца ступни торчали черные волосы.

Мясник молча, с каменным лицом смотрел на нее. Тоулер подошел ближе. Пальцы казались слишком длинными, а между ними была сероватая перепонка. Мясник взял ступню в руки, поднял и раздвинул пальцы. Они соединялись прочными кожистыми перепонками, напоминая веер, а когда он их отпустил, вновь сошлись, а перепонки свернулись так, что их почти не стало видно.

— Что это? — спросил Тоулер, с трудом выговаривая слова. Голова его была пуста.

— Это ступня старьянина, — ответил мясник.

— Не человека! — Тоулер внезапно все понял.

Ступня принадлежала представителю ластоногой расы, несколько тысяч которых Маршал Терекоми привез на Землю для борьбы с Риварсом. Несомненно, кровавое доказательство было получено во

время утренней битвы и как можно быстрее прислано Тоулеру. Риварс сдержал свое обещание. Это было неопровержимое доказательство того, что правительство Земли превышает свои полномочия. Переданное в нужные руки, оно приведет к снятию Пар-Хаворлема за нарушение партассианского галактического закона, по которому пребывание одной покоренной расы на планете другой строго запрещалось.

К счастью, Синворет служил на планете Старья и, когда увидит эту ступню, поймет, откуда она. Справедливость восторжествует.

Тоулер подумал, что Риварс хорошо все спланировал — теперь ответственность ложилась на переводчика.

— Забавно, что вы впали в такую панику, увидев эту ступню, — заметил мясник. — Ваше поведение угрожает всей операции. Никак не пойму, почему вы сразу прибежали ко мне.

Мясник был низким, плотным мужчиной с жирными седыми волосами и близорукими, но быстрыми глазами. Сейчас в его поведении было больше любопытства, нежели порицания. Он смотрел на Тоулера, и тот беспомощно шевельнулся.

— Я считал, что Риварс обманул меня, — сказал Тоулер почти шепотом.

— Вас или нас? Послушайте, я полез в это дело не ради славы, а ради того, что можно получить. Я не так глуп, как выгляжу. Больше всего меня интересуют старые книги, которые мне доставляют из городов, — можно сказать, что это мое хобби. Понимаете, в старых земных городах все еще есть древние книги, и я читаю о людях и о том, что творится в их головах. Знаете, о чем я думаю?

Слегка смущенный Тоулер ответил, что нет.

— Я думаю, что по какой-то причине, о которой, возможно, и сами вы знаете, вы хотели, чтобы Риварс ошибся.

— Ерунда, полная ерунда! — запротестовал Тоулер.

Мясник только улыбнулся.

— Вы же не осмотрели эту ступню внимательно, верно? Что-то в вашем подсознании хотело, чтоб я был свидетелем ошибки Риварса.

— Я нуждался в вашей помощи.

— А теперь вы ищете оправдания.

Тоулер вдруг разозлился, он чувствовал себя оскорбленным любопытством этого хлыща, которого презирал. Он закричал и схватил его за плечо, но мясник вырвался.

— Успокойтесь-ка, — посоветовал он. — Я вам не враг, Тоулер. Подумайте над тем, что я сказал, и сделайте, что требуется с этой штукой. И советую вам поторопиться, пока Пар-Хаворлем не добрался до вас. А я ухожу.

И снова один, почти вопреки своей воле. Тоулер погрузился в раздумье. Хоть и неохотно, он вынужден был признать, что вел себя неправильно и даже иррационально. Но если даже так, то что? Кто мог выдержать это постоянное напряжение?

Он устало поднялся — только бы все поскорее закончилось. Завтра весь день не будет возможности поговорить с Синворетом. Быстрые действия сейчас могут избавить его от больших неприятностей в будущем.

Тоулер быстро упаковал ступню и спрятал в самый низ холодильника. Он решил поговорить с Синворетом еще сегодня, пока не слишком поздно. Если он скажет, что дело очень важное, едва ли Синворет со своими ассистентами откажется прийти взглянуть на экспонат. А потом он займется поисками Элизабет.

Закрыв клапан шлема, Тоулер поспешил обратно ко дворцу, показал пропуск и вошел. Пролетев суперлифтом сквозь здание, он оказался у апартаментов Подписывающего.

Дверь открылась, едва он к ней приблизился, и появился Губернатор Пар-Хаворлем с торчащим гребнем.

— Если ищите Подписывающего, — сказал он, — должен сказать, что здесь его уже нет. Пойдем со мной, Тоулер. Произошло нечто такое, о чем я должен с тобой поговорить.

12

Подписывающий Синворет вызвал Гэзера Ройфуллери и секретаря. Они появились, приглаживая в знак уважения гребни.

— Похоже, завтра у нас не будет возможности свободно поговорить, — сказал Синворет. — Поэтому давайте уже сейчас суммируем наши впечатления от того, что мы видели. Прошла половина нашего визита на Землю, так что обсудим доказательства, которые удалось собрать. Секретарь, ведите протокол.

Ройфуллери и секретарь сели.

— Что бы вы хотели обсудить вначале? — спросил Ройфуллери.

— Начнем с нашего переводчика. Думаю, ты согласишься, что здесь что-то нечисто.

— Хотел бы, но, к сожалению, не могу. То, что ему нечего сказать, значит мало, а может, и вообще ничего.

— Вот как? А я считаю, что переводчик куплен. Или запуган.

— Честно говоря, думаю, что переводчик просто глуп, — сказал Ройфуллери. — Он не может даже отвечать на вопросы. Даже удивительно великодушное предложение территории на Старье не произвело на него никакого впечатления.

— Это могла быть реакция, продиктованная осмотрительностью. Ты, Ройфуллери, не знаешь двуногих так, как я. По-моему, он подкуплен Пар-Хаворлемом.

— У меня есть два возражения, — ответил нул из ДПК. — Во-первых, если бы этот Тоулер был действительно пешкой Пар-Ха-

ворелма, то Губернатор достаточно умен, чтобы выбрать актера получше. Во-вторых, — и этот аргумент не так уж обоснован, как кажется — вы явились сюда, чтобы найти нарушения, и поэтому находите доказательства, которых нет.

— Меня интересует только правда... Впрочем, может, ты и прав, Ройфуллери. Когда нул говорит, что хочет только правды, это обычно правда-подтверждение.

— Я уверен, что прав. Впрочем, я готов принять за чистую монету заявление Тоулера, что он не мог нормально переводить в Ашкаре, потому что боялся. Признаться, я тоже был обеспокоен.

Синворет поднял руку и вздохнул.

— Теперь ты ищешь доказательства там, где их нет. Ты чрезвычайно впечатлителен, Ройфуллери.

— Нет, это вы чрезвычайно впечатлительны. На Земле я пока не заметил ничего, кроме необходимости более решительного обращения с местным населением.

Никто из них не чувствовал себя обиженным этими замечаниями. Правила официального ведения разговора, которых они никогда не нарушали по своей воле, позволяли откровенно высказывать свое мнение и вместе с тем не таить обиды.

Синворет встал, зажег конусообразный сульфет и принялся расхаживать по комнате, рассуждая вслух.

— Мы уходим в сторону. Рассмотрим этот вопрос с исторической точки зрения. Расы, покоренные военной силой или с помощью договоров, обычно не дарят симпатией чужеземных владык. Свою собственную тиранию они приняли бы, даже не замечая, но когда ее навязывают чужаки — они считают себя угнетенными.

Теоретически это ощущение несправедливости должно расти, когда чужеземцы отличаются от них формой, размерами и строением. На практике же оно уменьшается. Философы с Партассы объясняют это, утверждая, что в этих условиях не происходит явления подсознательной сексуальной ревности между победителями и побежденными. Как бы то ни было, на этом интересном факте построена Империя.

Это позволяет, с одной стороны, установить мир, а с другой — обогатиться. Миролюбиво настроенные расы принимают наше правление, а воинственным требуется какое-то время, чтобы полностью покориться. Это означает, что одним из способов решения нашей проблемы, касающейся действительной ситуации на Земле, является установление, каковы на самом деле земляне. Итак, получаем уравнение, в котором вторым неизвестным, искомым «Х», является эксплуатация. Являются ли земляне слишком непокорными, или Пар-Хаворлем слишком сильно их притесняет?

— На первый взгляд, — сказал Гэзер Ройфуллери, — они кажутся воинственными. Они не только атакуют наши базы, например,

Ашкар; но и ведут гражданские войны. Признаться, в данных условиях это похоже на исключительную способность наживать себе неприятности.

Синворет кивнул.

— Может, это психология стада, однако ты должен согласиться, что отдельные личности настроены миролюбиво. Ни во дворце, ни в Городе неприятностей нет. Тоулер, как мы знаем, даже слишком спокоен.

— Вы относитесь к ним, как к жертвам, а я думаю о них, как о существах потенциально злобных. Тоулер, например, лишь кажется спокойным.

— Возможно, как и оса.

— Тот, с кем вы разговаривали на улице сразу по приезде, выглядел настроенным миролюбиво.

— Я думал об этом разговоре, несколько раз повторял его себе. Он какой-то ненастоящий. Странно уже то, что это существо появилось так неожиданно. Если — а я считаю, что это большое «если» — Пар-Хаворлем настоящий диктатор, это существо могло быть агентом его тайной полиции.

— Маловероятно. Нет никаких доказательств существования тайной полиции. Как вам известно, наш секретарь проверил и не нашел обычных для этого случая фактов.

— Возможно. И все-таки вероятность этого существует. Нам нужно больше данных, Ройфуллери. Я хочу, чтобы ты пошел со мной и присутствовал при разговоре с другими двуногими. Я хочу, чтобы ты сам понаблюдал и проверил. Посмотрим, не покачнется ли твоя вера в Губернатора.

— Сейчас, господин? Уже поздно.

— Надеюсь, ты не устал, Гэзер?

Нул из ДПК встал, и они с Синворетом надесли скафандры. Они забрали по пути Роггбола, охрану и вышли все вместе через боковые ворота, как и в прошлый раз. Партассианцы возвращались в свои дома с работы или из магазинов или посещали кафе. Земляне тоже расхаживали по домам, причем бросалось в глаза отсутствие веселья. Впрочем, нулы и не знали, что такое веселье.

В это время дня улицы Города были, пожалуй, переполнены.

Идя за несколькими землянами, живущими в Городе, трое нулов оказались в туземном районе. Здесь не было ни одного представителя их вида. В этих узких улочках с маленькими магазинами и словно скорчившимися жилыми зданиями со шрамами воздушных шлюзов, все трое почувствовали себя туристами. Вот она — местная экзотика! Здесь живут существа, которые дышат разреженным кислородом — странным газом со слишком большой химической активностью, словно он реагировал так же эмоционально, как и создания, от него зависящие. Трудно было воспринимать двуногих иначе, чем зрелище, существующее для развлечения сынов Партассы! Впрочем, разве могла быть

иная цель у всей Вселенной? Разве Троица не сотворила нулов по своему образу и подобию?

Подписывающий тоскливо вздохнул, вспомнив молодые годы на Старье.

Большинство землян далеко обходили чужаков, и лишь один прошел мимо и при этом поклонился.

— Послушай, ты знаешь партассианский? — спросил Синворет.

— Разумеется, — ответил человек. — Я Второй Смазчик на Складах Внешней Торговли. Эта должность требует знания вашего языка.

— В таком случае мы можем с тобой поговорить?

— Я к вашим услугам.

Подписывающий и нул из ДПК переглянулись — вот еще один землянин, любящий мир.

— Мы путешественники с Партассы и можем провести на вашей планете всего несколько дней, — объяснил Синворет. — Нам нужна информация из первых рук о жизни здесь. Можем мы где-нибудь поговорить?

Землянин заколебался.

— Я живу недалеко, — сказал он. — У меня всего одна небольшая комната, но в ней поместятся двое или трое из вас. Раз уж на вас скафандры, можно пойти туда.

Они согласились и двинулись за ним следом. У шлюза здания они плотно закрыли шлемы скафандров; Рагбол оставался снаружи, а его начальники вошли.

Внутри жилище производило удручающее впечатление. Не было никаких украшений, а необходимость удерживать воздух приводила к сокращению площадей окон до минимума. Похожий на барак нижний холл являлся чем-то вроде зала для отдыха, а остальную часть здания занимали коридоры, лестницы и комнаты. Партассианцы с трудом справлялись с лестницами, а все двуногие исчезли, завидев их. Наконец все добрались до комнаты 3888, землянин вынул ключ и открыл дверь.

Внутри двум партассианцам пришлось сесть на пол, при том гребни их почти касались потолка. Второй Смазчик уселся между ними, он был очень бледен, пот выступал на его лбу и тек по щекам.

— Ты очень гостеприимен, — сказал Ройфуллери, раздраженный этой демонстрацией переживаний. — Полагаю, ты дружески относишься к нашей расе.

— Да, действительно, я уважаю вас, — ответил человек, вытирая лицо. — Когда я заболел раком горла, ваши врачи спасли мне жизнь. Да, да, я уважаю вас.

— И все же, кажется, ты боишься нас, — заметил Синворет. — А может, это болезнь заставляет тебя потеть так сильно?

Второй Смазчик проглотил слюну. Чтобы выиграть время, он вынул из кармана афрохал и дрожащими пальцами закурил.

— Вы огромны, — сказал он.

— Ты считаешь, мы можем причинить тебе вред?

— Я... я еще не совсем здоров.

— В таком случае почему ты куришь? — спросил Синворет, указывая на афрохал.

Второй смазчик беспомощно оглядывался.

— Привычка, — сказал он. — Дурная привычка. Я всего лишь Работник Третьего Уровня...

Ройфуллери ухватился за эту тему.

— У всех нас есть какие-то дурные привычки. Партассианцы, как ты знаешь, курят сульфеты. Все разумные формы жизни похожи друг на друга, несмотря на различный внешний вид. Но, вероятно, вас утомило наше правление на Земле?

— Нет, Господин, нисколько. Мы, двуногие, восхищаемся вами за установление мира во всей Галактике.

— Ха! — воскликнул Синворет.

Это существо говорило так же, как туземец, с которым он говорил на улице. Синворет не мог понять, почему представитель своеобразной культуры 5Ц, к тому же Работник Третьего Уровня, мог думать о себе таким образом? Что он мог знать и как мог его касаться мир Галактики? Сама фраза «мы, двуногие» противоречила врожденному эгоцентризму такой культуры. Он вновь заподозрил, что это существо подставлено, и заколебался лишь на мгновение.

— Снимай одежду! — приказал он.

Землянин бросился к двери, но Синворет перегородил ее ногой.

— Снимай одежду! — Его вдруг охватило возбуждение.

— Мы этого не делаем, господин, — пробормотал несчастный землянин. — Только когда ложимся спать. Прошу вас, господин...

Синворет вытянул руку, сунул палец за воротник рубашки человека и рванул. Землянин пошатнулся, его куртка, жилет, рубашка с треском разорвались. Человек отпрянул назад, и тут его схватил Ройфуллери.

Когда землянин закричал, умоляя пощадить его, Ройфуллери обвил его руками, заставив умолкнуть и перестать дергаться. Гребень Гэзера изогнулся крючком.

Синворет раздвинул одежду на груди Второго Смазчика, изогнул глазной стебель, превратив его в сильный микроскоп, и внимательно изучил шрам, тянувшийся от шишки у левого уха двуногого до второй шишки сразу под грудью. Оттуда еще шрам, обычно незаметный, тянулся к третьей, самой крупной шишке над сердцем.

Как кот высовывает когти, так Синворет выдвинул из своей руки длинный, похожий на ланцет коготь — воспоминание о временах, когда партассианцы были просто хищниками на планете без названия. Этим когтем он рассек кожу на груди двуногого.

Показался тонкий двойной провод, шедший от сердца к горлу.

— Спусти его, — сказал Синворет. — Это все, что мы хотели узнать. Я доказал, что был прав, Ройфуллери. Это типичное подслушивающее устройство.

Когда Ройфуллери отпустил его, двуногий, обливаясь кровью и хрипя, отодвинулся. Казалось, он вот-вот потеряет сознание, и при этом человек безуспешно пытался закрыться разорванной одеждой. Слезы текли по его лицу. Партассианцы смотрели на него, завороженные этим зрелищем.

— Не понимаю, что за устройство у него под кожей? — спросил Ройфуллери.

— Неужели в Департаменте Психо-Контроля не знают о сердечных насосах? Этому существу вмонтировали небольшой передатчик, действующий благодаря работе сердца. Провода идут к горлу и уху, так что он может общаться с кем-то независимо от расстояния, даже не сознавая этого.

— Я слышал о таком, но никогда не видел, — признался Ройфуллери, неохотно добавив: — Думаю, это типичный метод тайной полиции.

— Разумеется. Вернемся во дворец.

Не обращая внимания на двуногого, все еще стонавшего от страха и боли, они вышли из комнаты. Синворет испытывал что-то вроде стыда — необычного для нула, поведением которого управлял холодный селектор реакций, называемый сознанием. Подписывающий понимал, что они с Ройфуллери испытывали удовольствие от своего превосходства над двуногим. Отогнав эти мысли, он вышел из здания.

В Комиссариате Полиции Маршал Терекоми сорвал наушники, добежал до звуконепроницаемой кабины и через полминуты уже разговаривал с Пар-Хаворлем.

— Синворет провел очередную охоту на туземцев, — сообщил он. — Сейчас возвращается.

— Знаю. Я был на его квартире и никого не застал. Мы же решили, что можем ему это позволить.

— Да, конечно. Но он слишком хитер! Я подставил ему С309, тот привел Синворета и нула из ДПК к себе домой и только начал читать текст, как Синворет распорол его и нашел сердечный насос! Я слышал каждое слово через передатчик С309. Понятия не имею, как он догадался, что у двуногого вживлены провода, тот повторял все точно, как ему было велено.

— Что они делают теперь? — спросил Пар-Хаворлем. Как обычно он был вежлив и спокоен.

— Возвращаются во дворец, убежденные, что держат нас в руках. Да так оно и есть! Теперь у них появились основания для подозрений, и нам не овладеть...

— Не теряй гробня, Терекоми. Я скажу тебе, что нужно делать.

Две минуты спустя первая группа машин скорой помощи с ревом помчалась по улицам Города.

Перед внезапным звонком Терекоми Губернатор разговаривал с Тоулером.

— Я привел тебя сюда, чтобы задать несколько вопросов. Помни, ты должен отвечать откровенно.

— Постараюсь, — сказал Тоулер.

Он был встревожен. Дружелюбие, которое Пар-Хаворлем старался демонстрировать в последние дни, исчезло без следа. Теперь перед ним находился страшный зверь в мундире, высотой в три метра, сильный и коварный. Но это еще не все. Этот зверь имел почти неограниченную власть над всеми прочими существами на этой планете, за исключением одного. И этим единственным был Синворет, а не Тоулер.

— Встань на тот стул, чтобы я видел твое лицо, когда ты будешь говорить, — приказал Пар-Хаворлем.

Не имея выбора, Тоулер выполнил приказ и вскарабкался на большой стул нула, оказавшись лицом к лицу с противником.

— Так лучше. Переводчик, твой отдел доставляет мне много хлопот. Сначала Хеттли и Ведман, а теперь исчезла эта женщина, Фоллодон. Ты конечно, знаешь об этом?

— Конечно.

— Мы еще не напали на ее след.

Один из глазных стеблей Губернатора выдвинулся, как телескоп, изучая Тоулера вблизи. Его конец остановился в полуметре от шлема Тоулера, и холодный серый глаз уставился на него.

— К сожалению, в этом новом Городе я узнаю о том, что происходит, меньше, чем должен, — продолжал Пар-Хаворлем. — Но по видеозаписи старого Города мне известно, что в последние два года ты был в очень близких отношениях с Фоллодон. Это правда?

— Да.

— Значит, ты хорошо знаешь ее. Где она?

Тоулер облизал губы. Он знал, что начинается буря.

— Не знаю, господин. Я сам хотел бы это знать.

— Ты должен знать. Я сделал тебя Главным Переводчиком, и ты ответишь за нее.

— Я был с Подписывающим, когда она исчезла.

— Куда она пошла? Может быть, умерла?

— Я надеюсь, она жива.

— Надеешься? Почему?

— Я люблю ее.

Губернатор яростно зарычал, одна из его мощных рук схватила Тоулера и перегнула назад через спинку стула. Шлем Тоулера запотел, и переводчик оказался в изолированном, туманном мире, хотя злой, прозаичный язык продолжал звучать снаружи.

— Ты рассказываешь мне о любви, этом идиотском чувстве, которого не выносит ни один трехногий! Что за омерзительная планета! Как можно управлять ею при таких непонятных явлениях, как любовь? Я покажу тебе, что думает о такой слабости Партасса. Вставай. Быстро.

Нож Тоулер носил под туникой. Он не мог убить этот ненавистный цилиндр из студня, но мог отрезать один из глазных стеблей, прежде чем Губернатор ударит его о землю. И тут до него дошло, что он не может вынуть нож, не впуская в скафандр ядовитого воздуха. Тяжело дыша, Тоулер встал и снова взглянул в лицо врага, едва видимое через забрало шлема, с которого постепенно испарялась влага. Гребень Пар-Хаворлема свернулся от ярости.

— Узнай что-нибудь о Фоллодон. До завтрашнего вечера ты должен выяснить, где она.

— Ваши шпионы могут сделать это лучше меня.

— Ты так думаешь? А если они не так заинтересованы в этом, как ты? Узнаешь сам. А теперь убирайся.

Задыхаясь от бешенства, Тоулер направился к двери. Когда он уже открывал ее, Пар-Хаворлем окликнул его:

— Ты знаешь, почему меня интересует Фоллодон, правда, Тоулер? Я подозреваю, что у этого глупца Риварса есть свой человек во дворце, — может, это именно она. Я должен ее допросить.

— Мисс Фоллодон не покидала Города с момента, когда два года назад была силой привезена сюда. Это безумие — полагать, что она знает что-то о Риварсе.

— Посмотрим. Скажу тебе еще кое-что, Тоулер: все должно быть хорошо, пока Синворет здесь. Если что-то пойдет не так, ты умрешь первым, и, клянусь, я сожгу или сделаю рабом каждого двуногого на планете. Убирайся и приходи завтра с информацией.

Когда Тоулер вышел из кабинета, зазвонил специальный телефон Пар-Хаворлема — Терекоми. Тоулер, не замечая ничего, даже сочувственных взглядов других переводчиков, пошел домой спать. Всю ночь сны пролетали по его голове, как обрывки газет по пустой улице. Утром он встал с острым чувством своего тоскливого предназначения.

Зато Синворет вышел из вызванной джармом дремы с чувством удовлетворения. Он считал, что наконец-то постиг ситуацию на Земле, и чувствовал, что работа близится к концу. С легким сердцем отправился он на охоту, организованную хозяином.

Когда они мчались по одной из главных дорог, мир еще был погружен в темноту из-за разной продолжительности дня в Городе и за его пределами. Синворет думал о событиях прошлого вечера, после обнаружения сердечного насоса у Работника Третьего Уровня.

Когда они вернулись во дворец, повсюду царило плохо скрываемое напряжение. Поначалу они не обратили на это внимания, и Син-

ворет пошел прямо к Пар-Хаворлему, чтобы серьезно поговорить с ним.

— Губернатор, я должен поговорить с вами наедине.

— Разумеется, Подписывающий, но позвольте сначала закончить одно срочное дело, — сказал губернатор, распластав гребень. — Мне очень неприятно, но в туземном районе появился опасный сумасшедший. Мои люди стараются его выследить, а я должен ехать в больницу. Может, составите мне компанию? Вы, конечно, слышали машины скорой помощи на улице.

— Разумеется, слышал, — осторожно сказал Синворет, обменявшись взглядами с Ройфуллери.

— Они ехали за бедным землянином, безобидным Вторым Смазочником Третьего Уровня, на которого напали неизвестные преступник или преступники. Сейчас он в больнице, и я считаю своим долгом навестить его. Это страшное происшествие, и говорит оно только о недисциплинированности двуногих.

И Синворет с растущим интересом и неуверенностью поехал с Губернатором в больницу, где увидел человека, у которого не так давно нашел сердечный насос. Человек этот без сознания лежал на кровати, и Синворет снова почувствовал стыд. Внутренний голос шептал ему, что, кромсая это беспомощное существо, он испытывал удовольствие, что наблюдение за его страданиями доставило ему какую-то сладострастную радость. Усилиями воли Синворет заставил этот голос умолкнуть: в конце концов, он выполнял свой долг.

Однако за этот краткий миг задержки он потерял инициативу, заколебался и дал противнику шанс довести свой блеф до конца. Теперь он уже не мог признаться, что сам виновен в этом нападении.

— Эти двуногие — несчастные, хрупкие создания, — сочувственно сказал Пар-Хаворлем.

— Что с вами произошло? — спросил Синворет.

Пар-Хаворлем объяснил, что больница является одной из самых современных в секторе Вермилион и, благодаря использованию отворатительного устройства, взятого у тайной полиции, врачи могут поддерживать постоянный контакт со страдающими пациентами. Благоговейно рассказывал он о сложных болезнях этого пациента, у которого болезнь горла была связана с серьезными отклонениями в психике, и о том, как он реагировал на лечение, во время которого автоматически регистрировался его пульс и деятельность нервной системы, а пациент, независимо от местонахождения, оставался под непрерывным врачебным контролем.

Это был убедительный рассказ.

Потом Подписывающего провели в другой зал, где врачи — нулы и люди — склонились над аппаратами, считывая данные о пациентах вне больницы.

И это тоже было убедительно.

Пар-Хаворлем и Терекоми работали быстро и точно. Синворет, если не полностью переубежденный, был во всяком случае обманут и винил самого себя в слишком поспешных выводах.

— Что будет с этим двуногим? — спросил он, когда демонстрация закончилась и они вышли, оставив позади мерцающие экраны и белые халаты.

— Мы надеемся, что он выздоровеет. К сожалению, двуногий перенес серьезный нервный шок, был без сознания, когда его нашли, и до сих пор не пришел в себя. Хуже того. Наши инспектора нашли доказательства, указывающие на то, что на него напали партассианцы, скорее, даже вдвоем. Мне так неприятно, что это случилось во время вашего визита. Заверяю вас, когда мы поймаем этих опасных преступников, они будут наказаны со всей строгостью. Я не потерплю насилия в отношениях между расами.

— Гм... Да, понимаю, — сказал Синворет.

Чувствовал он себя неважно. Было уже слишком поздно, и дело слишком осложнилось, чтобы пытаться что-то объяснить.

Впрочем, он не был наивен, и ему пришло в голову, что Пар-Хаворлем блефует, хотя его история, подкреплённая доказательствами, выглядела вполне убедительно. Но если он молча примет ложь, то тем самым отдаст себя в руки Губернатора, а если сделает что-то, Губернатор может позаботиться, чтобы двуногий умер, а имена были названы. В далёкой Партассе все выглядело бы очень неприглядно, и Синворет умер бы с запятнанной репутацией.

Впрочем, эти мысли недолго занимали его. Демонстрация, устроенная в больнице Пар-Хаворлемом и Терекоми, была идеальна.

— Я был несправедливым относительно Пар-Хаворлема, — сказал себе Подписывающий, пока они ехали через город. В глубине его подсознания росло чувство вины за свое отношение к землянам, и подавить его можно было, лишь признав их не заслуживающими жалости. Именно так действовала психика поработителей.

С этой минуты его ориентация изменилась, и он все более становился жертвой Пар-Хаворлема.

Они добрались до охотничьих территорий в Северном Районе Кумбэнд. Территории эти принадлежали влиятельному семейству Пар-Джант, дальним родственникам Пар-Хаворлема. Гостей приняли щедро, относительно к Подписывающему заботливо и вежливо. За день они застрелили более трехсот диких аффризиан.

Поздним вечером, возвращаясь в Город, Синворет был очень доволен и пошел спать рано, забыв о Тоулере.

Однако Пар-Хаворлем не забыл о назначенной встрече. Ознакомившись с событиями дня, он позвонил Главному Переводчику.

Тоулер пришел бледный, но не побежденный.

— У меня нет никаких сведений о мисс Фоллодон. Она исчезла

бесследно. Лучше бы вам спросить о ней своего Маршала Терекоми — может, он держит ее в одной из своих камер.

Гребень Терекоми свернулся в виток.

— Думай, прежде чем говорить, двуногий, — сказал Маршал.

— Значит, ты не можешь или не хочешь нам помочь, — констатировал Пар-Хаворлем.

Он повернулся к охраннику.

— Приведите пленника.

Задняя дверь открылась, нул внес какого-то человека, привязанного к столбу, и поставил его так, что тот, хочешь-не хочешь, держался на ногах. Сквозь стекло шлема Тоулер разглядел испуганное лицо мясника, и сердце его забилося, как безумное.

— Ты знаешь, кто это, — сказал Терекоми Тоулеру. — Видели, как вчера он шел с тобой к твоей квартире.

— Это мой коллега, — сказал Тоулер.

— И, несомненно, хороший коллега. Поговори с ним на своем языке, спроси о Фоллодон.

Тоулер повернулся к мяснику, его душила злость.

— Я втянул тебя в это по своей глупости. Что мне говорить теперь? Что делать? Уж лучше бы мне быть на твоем месте.

— Не повезло... Это не ваша вина, — с трудом ответил мясник. — Эти чудовища убили меня, наверное, отбили желудок. Вы же не знаете их способов допроса!

— Ты сказал им все?

— Чего ради? Вы чисты... — Он помолчал, вздохнул и начал снова с видимым усилием: — Я повторил им билетик, будто Элизабет Фоллодон ускользнула из Города. Глупец! Водители и все прочие наверняка уже мертвы из-за моего длинного языка.

— Из Города!? Ты хочешь сказать, она собиралась связаться с...

— Да, с вашим приятелем. По крайней мере, она в безопасности.

— Хватит! — вмешался Терекоми, втиснувшись между мясником и Тоулером. — Нечего болтать. Что он сказал о Фоллодон, Тоулер?

Тоулер заколебался.

— Что она сбежала от вас. Слава Богу, она жива и свободна.

Пар-Хаворлем ударил рукой по столу.

— А ты ничего об этом не знал? Ты продолжаешь утверждать, что не имеешь с этим ничего общего?

— Нет, нет, клянусь!

— Довольно. — Губернатор внезапно успокоился, а потом повернулся к нулу в мундире, который держал столб с мясником.

— Охранник, разбить ему шлем, — приказал он.

— Нет! — крикнул Тоулер.

Он прыгнул вперед, но Терекоми схватил его.

— Говори правду, если хочешь спасти жизнь коллеги, — сказал

он. — Ты знал о Фоллодон. Она должна была передать Риварсу сообщение от тебя, разве нет?

— Нет! Нет! — кричал Тоулер так громко, что не слышал, как лопнул шлем мясника. Только кашель человека заставил его умолкнуть, прерывистый кашель, который начинался, смолкал и начинался снова, пока не стих навсегда в густом воздухе Партаcсы.

Пар-Хаворлем, с интересом следивший за движениями умирающего мужчины, заговорил первым:

— Тоулер, теперь я верю, что ты не виноват, как мне казалось. Это меня радует, потому что мало землян так хорошо знают наш прекрасный и сложный язык. Однако ты некоторым образом связан с виновниками, и если ты не воин, то просто глупец. Поэтому с завтрашнего дня ты лишаешься должности Главного Переводчика и присоединяешься к обычным переводчикам. Ты больше не будешь разговаривать с Синворетом, твое место займет Питер Ларденинг. А сейчас иди и пришли ко мне его.

Тоулер вышел на подгибающихся ногах. Ужас и шок заставили его дрожать всем телом, стоны мясника все еще звучали в его ушах. Единственным утешением было то, что Элизабет удалось бежать, а ее уход подтверждал ее любовь к нему. Она ушла, прежде чем прислали ступню старьянина — очевидно, сама хотела принести доказательство от Риварса.

Тоулер обещал себе одно: как только этот кризис кончится и до того, как Хав загонит их всех в несокрушимые границы настоящего Города, он выберется отсюда и найдет ее. Она так нужна ему!

А пока ступня старьянина по-прежнему оставалась у него, но теперь еще труднее будет найти возможность показать ее Подписывающему Синворету.

14

Следующий день был пятым днем визита Синворета.

Для Тоулера он прошел бесплодно. Занятый переводом многочисленных и маловажных бюллетеней Вермилиона, он даже не видел ни одного нуля.

Некоторое облегчение доставило ему возвращение в круг старых друзей. Он как мог передал Ларденингу инструкции относительно его новой работы. Видно было, что парень тоже в напряжении, но Тоулер вспомнил о его чувстве к Элизабет и лишь выразил ему свое сочувствие.

Во время осмотра нескольких подгуберний только Терекони сопровождал Синворета и показывал ему то, что тот должен был увидеть. Потом Подписывающий с большой охраной посетил старый земной город Лондон, где жило несколько тысяч двуногих и двое нулов-археологов.

Вечером Ларденинг рассказал об этой экскурсии.

— Этот старый дурак привык к стилю жизни Империи, — сказал он. — Ему не разглядеть блефа Хава. Глупо было надеяться, что он чем-то поможет нам.

— Как ему объяснили мою отставку? — спросил Тоулер. — Это его не удивило?

— Нисколько. У Хава, конечно, была готовая история. Он сказал Синворету, что ты неверно переводил слова беженцев из Ашкара. якобы они говорили, как ненавидят Риварса и его террористов. И Синворет в это поверил!

— У нас осталось всего два с половиной дня! — в отчаянии крикнул Тоулер.

— А что мы сможем сделать? Синворет уже не поверит нам, даже если услышит правду.

— Что-то нужно придумать. Теперь только ты, Ларденинг, имеешь к нему доступ. Придумай что-нибудь.

Тоулер оглядел лица переводчиков. Реонаши, Спаддер, Джонс, Юджин, Кли и Миллер собрались посмотреть, что будет происходить в эти критические минуты. Это они недавно осудили его поведение, и сейчас их беспомощность беспокоила Тоулера. Если они надеялись, это была лишь апатичная надежда, что кто-то что-то сделает. Они были конечным продуктом тысячелетнего партассианского правления, расой рабов.

Внезапно Тоулер увидел себя в ином свете. Он много выдержал, живя в постоянно страхе, но все же выдержал. У него имелось то, чем не обладали эти люди: отвага и решительность.

Похлопав Ларденинга по плечу, он вышел.

На шестой день визита Синворета Тоулер проснулся с твердым намерением.

Сначала он подумал о Риварсе. По последним донесениям, вождь вел отчаянную борьбу со старьянскими силами на мрачных склонах Холмов Верн. Несмотря на это, он явно беспокоился: доставили его посылку Синворету или нет. А она уже почти три дня лежала в холодильнике Тоулера.

До наступления ночи она должна попасть в руки Синворета... Но каким образом?

Тоулеру повезло. Едва он закончил завтрак, как его вызвали.

— Говорят из дворца, Гэри. Приходи поскорее, хорошо? Питер Ларденинг заболел, и Синворет приказал вызвать тебя, а через двадцать минут он едет взглянуть на сражение.

— Сейчас буду.

Он медленно положил трубку. Странно все это. Накануне Ларденинг выглядел вполне здоровым. Что ж, похоже, все-таки ему удастся встретиться с Синворетом. В душе Тоулер жалел, что любимая Элизабет не увидит его в новой роли героя.

И Синворет, и Ройфуллери были вежливы, но молчаливы. Их не

радовала перспектива короткого воздушного путешествия, однако они со стоическим спокойствием, как и пристало нулам, поднялись в инспекционный корабль следом за Терекоми и Пар-Хаворлем. Губернатор при виде Тоулера предупреждающе шевельнул гребнем, словно говоря: «Пока я здесь, никаких фокусов...»

Корабль стартовал и через верхние ворота вышел в земную атмосферу, а потом свернул на юго-восток, в сторону холмов Верн, где шло сражение.

Когда они оказались над целью, корабль завис в клубящемся облаке в полутора тысячах метров над землей. Благодаря инфравидению партассианцы могли наблюдать, что происходит на земле, где крупная группа старьян пробивается к более малочисленной, отрезанной силами патриотов на вершине холма. Приближенные телескопом маленькие фигуры кишели, как насекомые на смятом куске ткани. На некоторое время их действия привлекали внимание, но значения не имели.

Для Синворета это были просто земляне, сражающиеся с землянами, и он смотрел на них с позиции бога.

— Это варварское зрелище доказывает, насколько важна в Галактике миссия партассианцев, — сказал он.

— Скажите, Подписывающий, не кажется ли вам, что я слишком мягок с двуногими? — спросил Пар-Хаворлем. — Разумеется, я отвечаю за поддержание мира, но мне кажется, разумнее позволить этим существам самим решать свои непонятные конфликты. Это лучший способ избежать враждебности между нашими расами.

Синворет на мгновение задумался.

— Я думаю, вы правите справедливо, — сказал он. — Чем больше я вижу, тем более убеждаюсь в этом.

Тоулер, единственный землянин среди этих огромных существ, тяжело вздохнул. С каждым часом Синворет все более утверждался в убеждении, что Пар-Хаворлем прав. Он уже поверил, что правление Губернатора справедливо, а вскоре начнет аплодировать злу, причиняемому двуногим.

Тоулер вновь задумался.

Он единственный человек, который видит, как складывается ситуация. И должен по мере сил держаться плана Риварса, но лучший ли это план?

Вновь вернулись сомнения в возможностях Риварса, и все труднее становилось контролировать положение.

Глядя на башнеобразную голову Подписывающего, Тоулер вдруг захотел, чтобы корабль упал вниз и разбился вместе со всеми, вместе с ним самим. По крайней мере, это избавило бы его от всех проблем.

Синворету быстро наскучило смотреть на сражение за какой-то холм.

— Может, хватит разглядывать этих двуногих? — спросил он. Нельзя ли вернуться домой?

— Люди там, внизу, сражаются за жизнь и идею! — едва не крикнул Тоулер, разозленный презрением в голосе нула, однако сдержался, понимая, что, несмотря на поиск правды, инспектор все-таки нул. А нулу не понять двуногих. Если же добавить к этому хитрость и выдумки Пар-Хаворлема...

Тоулер отвернулся, он уже решил, что должен убить Синворета. Ничто другое не могло снять тяжесть с его сердца.

15

Около полудня они вернулись в Город, и Тоулер пообедал в столовой для земного персонала, но без аппетита. Ларденинг не появлялся, хотя Меллер сказал, что он чувствует себя лучше. У переводчиков часто бывает двенадцатичасовая лихорадка, так называемая «нуловская болезнь», вызванная главным образом условиями работы.

Остаток дня прошел в скучных, рутинных действиях: Тоулер ходил с группой нулов по городской ратуше.

Синворет и Гэзер Ройфуллери в обществе различных служащих провели много времени, разглядывая правительственную технику, состоявшую главным образом из Регистрирующего Аппарата, в котором собраны все данные о расходах и доходах Города. Как подозревал Тоулер, цифры были заранее сфальсифицированы, инспектора не нашли ничего особенного. Только Пар-Хаворлем знал истинный баланс доходов и потерь Земли. Вообще инспекция велась уже кое-как, и когда один из чиновников предложил напитки и сульфеты, Синворет с радостью согласился.

Все перешли в отдельную комнату, оставив Тоулера под дверью. Ожидая их, Тоулер думал о своем следующем шаге.

В его решении было что-то от отчаяния. Что бы ни делать, лишь бы быстро.

Риварс говорил о других землянах, работающих на него во дворце. Вероятно, он уже знал, что Тоулер не выполнил поручения, и беспокоился, наверняка решив, что переводчик продан за более высокую цену Синворету или Пар-Хаворлему. Если он пришел к такому выводу, легко угадать его следующий ход: он поручит другому агенту ликвидировать Тоулера.

При этой мысли по спине Тоулера побежали мурашки. Вновь у него возникло странное чувство, что Риварс был скорее врагом, чем союзником. Что ж, нужно действовать и не забывать, что он спасает не только себя.

Главная причина была очень простой. С момента встречи с Риварсом Тоулер сомневался в верности решения вождя патриотов, а

теперь эти сомнения превратились в полное отсутствие доверия. Риварс был солдатом, не знающим тонкостей дипломатии, особенно в ее партассианском варианте. Он видел в Подписывающем своего рода избавителя, мудрого и справедливого, который доберется до правды и огласит ее. Синворет совершенно не оправдал этих ожиданий.

Допустим, он показал бы перепончатую ступню Синворету. Сумеет ли этот почтенный нул спуститься с высоты софистики и поверить ему? Не отбросит ли он это доказательство, сочтя его ступней земного мутанта, не решит ли, что ее привезли с другой планеты для обоснования обвинений?

Нет, гениальное доказательство Риварса уже не было таким убедительным сейчас, когда Пар-Хаворлем держал Синворета в кулаке.

В этой ситуации Синворет мог отвергнуть любой аргумент. Так как же передать правду о Земле Совету Объединенных Миров на Королевской Планете?

Имелся лишь один способ: убить Синворета.

Синворет являлся важной фигурой в совете, и его смерть на почти неизвестной планете вызовет бурю. Вскоре следующая группа контролеров — на сей раз наверняка военных — явится, чтобы изучить дела Земли и вышестоящей планеты Кастакоры, столицы Вермилиона. Они наверняка будут искать нарушения и найдут их. И конечно, сделают Пар-Хаворлема козлом отпущения, независимо от того — виноват он или нет.

Живой Синворет не мог помочь Земле, поэтому Тоулер должен был убить его.

Два дня назад нечто подобное было просто непредставимо, а сейчас эта мысль даже доставила ему удовольствие. Однако лишение жизни такого огромного трехметрового нула было сложным заданием. У Тоулера имелся только стилет и решимость. Требовались еще благоприятные условия.

Еще до того, как делегация партассианцев закончила прием, Тоулер обдумал план действий.

Он подошел к Подписывающему.

— В подземельях дворца есть произведения искусств, созданные землянами до того, как они стали покоренной расой. Могу я их вам показать, если вы уже закончили все дела здесь?

Синворет повернул в его сторону свой глазной стебель.

— Ты думаешь, переводчик, ваше искусство что-то скажет мне? — спросил он.

— У нашего искусства множество форм. Вы убедились в нашей воинственности, а теперь должны увидеть плоды мира.

— Возможно, — без особого энтузиазма согласился Подписывающий. — Раз уж я здесь, посмотрю и это.

Они спустились в выставочный зал в сопровождении Рагббола, но

и этого было слишком много для Тоулера. Чтобы реализовать свой план, он должен был остаться с Синворетом наедине.

В подземелье хранились экспонаты многих периодов и мест, большинство их было получено нелегально и ждало нелегальной же продажи. Пока разграбленные и уничтоженные города Земли будут поставлять такие сокровища, этот зал никогда не опустеет. Все наследие Земли постепенно расплывалось по окружающим планетам, а прибыль наполняла личную сокровищницу Пар-Хаворлема.

Синворет ходил среди этой трагической роскоши молча, не задерживаясь и не спеша, непрерывно крутя глазами стеблями. Наконец вернулся к Тоулеру.

— Какое значение может иметь для других существ искусство двуногих? — спросил он. — Все это слишком поверхностно, слишком демонстративно. Я не вижу здесь ничего, что надолго привлекло бы мое внимание, хотя это не уменьшает ценности этих вещей для тебя.

— Вас совсем ничего не заинтересовало?

Партассианец заколебался, склонился над Тоулером.

— Одна вещь интересна, — сказал он.

Синворет провел переводчика между витринами и экспонатами и показал жесткий кусок какого-то материала с простым повторяющимся рисунком в виде трехлопастного вентилятора. На объясняющей табличке значилось: ЛИНОЛЕУМ. XX ВЕК. ФРАНЦИЯ. (ПАРИЖ?)

— Вам это нравится? — спросил Тоулер.

— Неплохо. По-моему, это ближе к сущности Вселенной, чем все другие вещи, которые я здесь увидел.

Тоулер облизал губы.

— Так получилось, что очень похожий образец есть в моей квартире. Собираение таких сокровищ — мое хобби. Может, вы сходите со мной? Я бы хотел дать вам это в подарок, в знак того, что работа вашим переводчиком была для меня приятной. И лучше всего сделать это у себя дома. Я еще никогда не принимал в гостях партассианца.

Синворет на мгновение задумался.

— Да, это может быть приятно.

Он уже видел себя на Партассе, представлял, как расскажет друзьям: туземцы были по-своему гостеприимны, они приглашали меня в свои жалкие дома, делали подарки...

— Да, идем, — громко сказал он.

— Правда, мой дом очень мал, и я боюсь, что Роггбол в нем не поместится.

Зайдя за партассианским скафандром, они пошли в туземный район навстречу смерти. Тоулеру казалось, что эта прогулка имеет в себе что-то нереальное. Словно актер на сцене, он знал, что идет среди недолговечных декораций. Весь этот Город был возведен поспешно, только для Синворета, а когда — то есть если — он уедет,

Город будет покинут, поскольку Пар-Хаворлем заставит всех вернуться в старый, более крупный. Мрачные, некрашенные здания будут стоять здесь совсем недолго, как сцена драмы обмана, от которой зависело будущее Земли.

Сосредоточившись на своей роли, Тоулер не видел ничего вокруг. Он пригласил Синворета к себе, поскольку там смертельной могла стать дыра в скафандре. В разорванном скафандре Синворету придется заботиться не об атаке или обороне, а о том, чтобы выжить, и хорошо направленный подмышку удар может его убить.

Они оставили Рагтбола на улице и вошли в воздушный шлюз, где крупный партассианец едва поместился.

— Со мной ты должен чувствовать себя карликом, — буркнул он, но Тоулер был слишком взволнован, чтобы ответить на это.

В комнате Синворет выжидательно принялся вращать глазами стеблями. В таком небольшом помещении он производил подавляющее впечатление.

Тоулер снял лицевую пластину и облизал губы.

— Подождите немного, — сказал он. — Это у меня на кухне.

Почти ничего не видя, он выбежал из комнаты, тяжело дыша, открыл шкафчик и вынул из глубины свой нож с ручкой из твердого дерева и лезвием длинной в двадцать сантиметров. Когда-то он принадлежал Ведману. Полезное оружие; оно выполнит свою задачу.

Тоулер сунул нож в карман и на секунду заколебался. Когда он вернулся в комнату, ступня старьянина была с ним. Хоть и не веря Риварсу, он все-таки решил выполнить его поручение. Он даст Подписывающему последнюю возможность, посмотрит на его реакцию. Тоулер положил замерзший сверток на стол.

— Что это? — спросил Синворет.

— Взгляните, господин. Вы как-то сказали, что хотите узнать истинное положение дел на Земле. Так вот она — правда. Я привел вас сюда, чтобы показать это. Взгляните! — Стилет он держал в кармане наготове.

Синворет развернул упаковку и вынул замерзшую ступню.

— Сейчас же убери этот мерзкий предмет, переводчик!

— Вы видите, что это ступня не человека, правда?

— Я не имею понятия, как выглядит человеческая ступня, глупец. Чего ты добиваешься? Рагбол! Рагбол!

Зовя своего телохранителя, Подписывающий бросил ступню на пол.

У Тоулера и в мыслях не было, что, проведя столько лет на Старье, Подписывающий не знал, как выглядит ступня старьянина. Но, знал он это или нет, он не имел понятия о ступне человека. Глупая и непредвиденная ошибка. Этот неожиданный факт заставил Тоулера действовать.

Наклонившись, словно за ступней, он вынул нож. Перепуганный

партассианец звал Рагтбола, и у Тоулера было всего несколько минут.

Он ударил изо всех сил, пропоров скафандр, увидел, как тот расходится, почувствовал запах сероводорода. И тут удар Синворета швырнул его в воздух. Тоулер перевернулся, выронил нож и рухнул на кровать.

Он лежал неподвижно и беспомощно смотрел в другой конец комнаты. Синворет прижался к стене, чтобы хоть немного закрыть дыру в скафандре, нож лежал возле его огромной ноги. Тоулер пополз в ту сторону, но Синворет изготовился для нового удара. Ситуация была патовая: пока не появится Рагбол, никто из них не сможет ничего сделать другому.

С ненавистью разглядывали они друг друга, а потом дверь с грохотом распахнулась, и телохранитель ворвался в комнату.

— Останься здесь и следи за ним, — приказал Синворет, голос его дрожал. — Останься и следи на ним, — повторил он. — Я пришлю помощь.

Он торопливо вышел, а Рагбол склонился над Тоулером.

16

Спустя восемь недель субъективного времени Синворет и его свита приземлилась на Партассе, в Королевском Городе. Для Синворета, двигавшегося в паравселенной, где свет был неподвижным телом, быстро миновали два года и несколько недель, прошедшие в нормальном мире. Время сжалось, чтобы доставить его на Партассу с ненарушенными воспоминаниями о Земле.

Зал Совета Объединенных Миров заполняли Подписывающие. После того, как воздали хвалу Троице и приветствовали Синворета и двух путешественников, отдаленные концы Империи, все шло как обычно. Это было рядовое общее заседание. Обсуждаемые вопросы мало менялись год от года: нарушения основных монополий, недоразумения между секторами, мелкие проступки, нарушения галактических законов.

Эти привычные вопросы, представляемые один за другим и решаемые лучше всего подготовленными для этого Подписывающими, были для Синворета утешением. Именно здесь, думал он, его место, он уже слишком стар для рискованных экспедиций. Он уселся поудобнее и слушал, как Трипос объявляет очередной пункт повестки дня.

— Уважаемое Собрание, на Партассу только что вернулся Ваттол Форли, уволенный с должности Третьего Секретаря на планете класса 5Ц в ГАС Вермилион. Эта планета — Земля — из системы 5417 подчинена Губернатору Его светлости Графу Хаверлему Пар-Хаворлему, против которого Ваттол Форли выдвигает следующие обвинения.

Во-первых, государственная измена, поскольку обвиняемый подвергает опасности доброе имя Партассы. Во-вторых, просто измена, поскольку обвиняемый позорит правительство, которое возглавляет...

Синворет напрягся. Он слушал внимательно, а его личный секретарь записывал. После возвращения он еще не представил официального рапорта Верховному Советнику, устраивавшему аудиенции лишь раз в месяц. Какое совпадение, что на обычной сессии совета подняли этот вопрос! Ваттол Форли, должно быть, добрался до дома почти одновременно с Синворетом.

— ...В-третьих, коррупция, поскольку обвиняемый использует свое положение для получения личных выгод. В-четвертых, эксплуатация, поскольку обвиняемый манипулирует подвластной расой для получения личных выгод...

Список обвинений содержал десять пунктов. Наконец Трипос взглянул на собравшихся.

— Пусть обвинитель покажется собранию и подтвердит свои слова, для блага Троицы и Империи, — произнес он обычную формулу.

Вдалеке от Синворета кто-то встал.

— Я здесь, — уверенно заявил он. — Это я выдвинул обвинение. И надо сказать, я попал бы сюда лишь через несколько лет, если бы какой-то благородный путешественник в паршивой дыре под названием Аппелобетнис III не дал мне десяти десятков на билет лотереи. Благодаря везению я получил деньги на билет до дома.

— Довольно, — воскликнул Трипос. — Обвинения говорят сами за себя. А ты помолчи.

По залу прокатился смешок, который быстро стих, когда председатель заговорил снова.

— Кто рассмотрит этот вопрос частично или полностью? Всех Подписывающих, которым есть что сказать по существу предъявленных обвинений, приглашаю встать и выступить.

Поднялся один Синворет.

— Ошеломляет число обвинений — целых десять. Этот уволенный Третий Секретарь пользовался услугами хорошего адвоката.

Его первые слова развеселили зал, видимо, им было приятно снова видеть его знакомое и дорогое лицо. Хотя он не готовился к выступлению, но внезапно почувствовал желание поговорить. Он выполнил свой долг перед родиной, и оставалось сделать еще одно. Слова сами просились ему на язык.

— Подписывающие, — начал он, — дело это тесно связано с инспекцией, из которой я только что вернулся. Детальное сообщение о ней будет передано Верховному в конце месяца, а пока я коротко изложу свой взгляд на выдвинутые обвинения. Большинство из вас не слышали о Земле, но я там был и только что вернулся оттуда. Из того же источника, что и сейчас, до меня дошли обвинения против Губер-

натора Пар-Хаворлема, и я отправился на Землю, чтобы изучить ситуацию.

Здесь его знали и любили, и никто из собравшихся не сомневался в его искренности. Синворет принадлежал к старой гвардии, стоящей выше корысти и коррупции. Достаточно было взглянуть на богатство его плаща, чтобы убедиться в этом.

— Позволю себе рассмотреть обвинительное заключение пункт за пунктом, — продолжал он. — Первое обвинение касается государственной измены. Полагаю, его нельзя принимать во внимание, пока уволенный Ваттол Форли не предоставит обвинений из более достоверного источника. Действие может быть признано государственной изменой только высшей инстанцией. В случае Пар-Хаворлема это была бы Кастакора, Штаб Сектора Вермилиона, но оттуда нет никаких данных на эту тему.

Второе обвинение — это обычная измена. Насколько я знаю, Пар-Хаворлем не подвергает опасности доброго имени своей должности. Во время своего визита я разговаривал с уважаемыми партассианскими хозяевами — вам, конечно, знакома фамилия Пар-Джант — и они выражались о Пар-Хаворлеме словами наивысшего уважения. Его любят даже двуногие. Двуногие на Земле ведут братоубийственные войны; я посещал поля сражений и лично разговаривал с ними. Помню город Ашкар, где сражение продолжалось неделями, мы были там под обстрелом. Вереница двуногих беженцев...

Его прервали вопросы:

— Нужно ли понимать это так, что Губернатор Пар-Хаворлем позволил Подписывающему оказаться в месте, где тому грозила опасность? Было ли это простой халатностью с его стороны?

— Он помогал мне собирать информацию. Губернатор понимал, что мой долг увидеть все. Я могу продолжать? В этом страшном месте поток беженцев следовал мимо нас, и я помню разговор с одной несчастной старушкой, потерявшей все. Ее семья погибла, дом был уничтожен. Она направлялась в Губернию, как в последнюю пристань, где могла бы провести остаток жизни. Я запомнил ее слова: «Губерния для меня единственное безопасное место, господин».

Его прервал один из длотподитов, вида, постепенно превращавшегося из спутника в почти равного партассианам.

— Вы знаете земной язык, Подписывающий?

— Нет, но...

— А не помните, знает ли его Пар-Хаворлем?

— Гм, нет, конечно. Понимаете, земного языка нет, а есть просто несколько диалектов, которыми ни один серьезный нул не будет забивать себе голову. Двуногие необычайно примитивны и всего тысячу лет находятся под нашим контролем. Я могу продолжать? Перехожу к третьему обвинению — коррупции. Никаких ее следов не нашли ни я, ни служащий департамента Психо-Контроля Гэзер Ройфуллери,

сопровождавший меня. Все документы и книги были в полном порядке. Думаю, незачем говорить, что мы проверяли их лично. Менее значительным примером аккуратности Пар-Хаворлема является виденный мною зал с произведениями земного искусства, которые Губернатор хранит, несомненно, с мыслью о дне, когда земляне станут достаточно ответственными, чтобы о них заботиться. Если он продан, в чем его довольно глупо обвиняют, то почему не продал этих вещей?

— Четвертое обвинение — эксплуатация...

Синворет сделал паузу. Этому Совету, который чуть позже будет детально знакомиться с результатами инспекции, переданными ему Верховным, он должен представить ситуацию как можно яснее. Как описать им планету, которую никто из них никогда не увидит и не захочет видеть?

Он вспомнил дни, проведенные на Земле, всевозможные мелкие происшествия. Одно особенно засело в его памяти.

— Я летел на Землю, — начал он, — как обычно, испытывая симпатию к покоренной расе, полный решимости сделать все, чтобы справедливость восторжествовала. Однако там я убедился, что это эмоционально неуравновешенные существа, характерной чертой которых является насилие. Хаворлем для них слишком мягок, он слишком слабо давит их. Чувствуя твердую руку, они меньше занимались бы сражениями. Этим двуногим не хватает здравого рассудка!

Синворет судорожно ухватился за стол, гребень на его голове поднялся дыбом. Он говорил с такой страстью, что собравшиеся вслушивались в каждое его слово.

— С одним двуногим я даже подружился — по крайней мере, так мне казалось. Он был моим переводчиком, и я даже согласился пойти к нему домой. Он якобы хотел дать мне какой-то сувенир на память, но, когда мы остались одни, безо всякой причины попытался меня убить! Он атаковал меня как трус, как дикарь... Мне чудом удалось спастись.

По всему залу прокатились возгласы ужаса и сочувствия. Снова послышался настойчивый голос длотподита:

— А почему Пар-Хаворлем допустил пребывание убийцы в Городе?

Впрочем, его тут же заглушили другие Подписывающие, выражая свое восхищение нулу, который во имя справедливости рисковал собственной жизнью.

Великолепная фигура, спокойно стоящая в старомодном плаще, олицетворяла все самое лучшее в партассианской культуре. Вот черты, сделавшие Империю великой: беспристрастность, отвага, беспокойство. Собравшиеся криками приветствовали его.

Синворет поклонился, совершенно удовлетворенный после ада, через который прошел.

Вот так на некоторое время Земля стала известна всем владыкам Партассы. Потом, разумеется, интерес постепенно угас, ведь нужно было заниматься четырьмя миллионами планет. Конечно, результатом всего этого стало то, что голубая нота с надписью «совершенно секретно» и подписанная Верховным Советником Грейликом, была проштемпелевана чиновником из Бюро Подчиненных Систем и кратчайшим путем отправлена на Землю.

На следующий день после ее прибытия в Город трое мужчин и одна женщина ехали верхом через лес.

Женщина грациозно, как на картине Модильяни, сидела на лошади. На ней была голубая блузка, отлично гармонировавшая с ее сапфировыми глазами. Это была Элизабет Фоллодон.

Мужчина рядом с ней тоже ехал легко и свободно, потому что выбрал спокойную черную кобылу. Езда верхом, которой некогда он терпеть не мог, теперь доставляла ему удовольствие. Со времени отъезда Синворета два года назад жизнь его сильно изменилась, и это было заметно с первого взгляда. Исчезла вечная покорность, теперь он ходил выпрямившись, с поднятой головой. Лицо его, за исключением минут, когда он обращался к Элизабет, выражало упрямство, а бледность, характерная для жителей Города, исчезла, и теперь он загорел, как старый матрос. Этим человеком был Гэри Тоулер.

Тоулер и Элизабет вместе с двумя мужчинами, ехавшими с ними в качестве охраны, выбрались из леса на луг, поросший травой, с островками, среди которых текли реки.

— Еще миля, и будем в Истбоне, — сказал Тоулер. — Это кружная дорога, зато самая безопасная. Видишь те холмы перед ними? Там находится Истбон. Думаю, мы опоздали, и Питер Ларденинг будет там первым.

Он с улыбкой взглянул на нее.

— Прошли два года с тех пор, как мы видели его последний раз. Когда-то ты любила его, Элизабет, помнишь?

— А я и сейчас его люблю, ведь он спас тебе жизнь.

Тоулер кивнул. Они с женой так сильно любили друг друга, что в их жизни оставалось еще много места для симпатий к другим людям. Пока они ехали по тропинке среди высокой травы, по земле, которая когда-то была дном моря, Тоулер вспомнил события двухлетней давности, в которых Ларденинг сыграл важную роль. Он помнил парализующий страх, охвативший его, когда он лежал на полу, а Рагтбол склонился над ним...

Усилием воли Тоулер заставил себя вскочить, а когда партассианец, неуклюжий в своем скафандре, махнул рукой, отпрыгнул и нырнул за ножом. Рагтбол, не колеблясь, швырнул в него стол, прижав человека к стене, а затем наклонился и схватил его за руку.

Именно тогда из кухни вышел человек, сжимавший в руке древний земной револьвер, и дважды выстрелил.

Первая пуля разбила шлем Рагтбола.

Вынужденный защищаться, нул повернулся, и следующая пуля перебила один из глазных стеблей. Как огромный баран, партассианец всей своей массой ударил в дверь и вывалился в коридор.

Сунув револьвер в карман, Питер Ларденинг подбежал к Тоулеру.

— С тобой все в порядке? Все объяснения потом. Нужно отсюда уходить, пока Хав не приказал нас окружить.

— Иду, — дрожащим голосом сказал Тоулер.

Он поднял нож, и они вместе выбежали из комнаты. Рагтбол умирал в коридоре, задыхаясь в кислородной атмосфере. Он уже не мог им помешать.

Ларденинг первым вышел на улицу. Они пробежали два квартала и ворвались в овощной магазин, где работал знакомый Ларденинга. Не говоря ни слова, тот кивнул и провел их в заднюю комнату, где зашил в два мешка из-под картофеля и спрятал среди других мешков.

Снаружи уже стрекотали коптеры.

Нулы Маршала Терекони появлялись в туземных районах, и с каждой минутой их становилось все больше. Весь район бы окружен и обыскан. Однако Маршал переусердствовал: полицейских было столько, что они мешали друг другу. В магазин заходили дважды, но переводчиков так и не нашли.

Явился Пар-Хаворлем собственной персоной. Мстя за нападение на почетного гостя, он приказал уничтожить весь туземный район. Создали отряды уничтожения, которые принялись рушить здания, а перепуганные жители собирали, что могли, и в панике бежали.

В Городе царил хаос. Не имея возможности покинуть его, сотни бездомных людей бродили по улицам среди свертков и узлов. Ларденинг и Тоулер связались с мусорщиком, который уже вывозил Тоулера, и в полночь покинули Город в его машине.

— Все-таки удалось, — вздохнул с облегчением Ларденинг, когда они шли к лагерю Риварса.

— Мы сунули палку в муравейник, но кончится ли это добром? Если бы я убил Синворета...

— Не переживай, Гэри, ты вел себя правильно. Помни, что я все слышал из кухни.

— А я тебя не заметил.

Ларденинг рассмеялся.

— Когда ты вошел, я втиснулся за дверь. Кроме того, ты был слишком занят.

— А что ты там делал? Я думал, ты болен.

— Я притворился, чтобы дать тебе еще одну возможность поговорить с Синворетом, чтобы обыскать твою квартиру и забрать ступню старьянина. Как ты, конечно, догадался, я тоже работаю на Риварса. Он сказал тебе обо мне, не называя имени. По мере того, как прохо-

дили дни, а ты не давал Синворету доказательства, мы теряли к тебе доверие... — он вдруг смущенно замолчал.

— Порой я и сам себе не верил, — резко сказал Тоулер. — Продолжай.

— Риварс приказал тебя убить.

Снова вернулось странное чувство, возникавшее каждый раз, когда Тоулер думал о Риварсе. Он все больше убеждался, что вождь — его противник. Теперь он, наконец, получил доказательство, что даже лишенный воображения Риварс почувствовал, что их интересы противоположны.

— Прикинувшись больным и дав тебе еще один шанс, я нарушил приказ Риварса, — сказал Ларденинг. — Он не понимает трудностей, с которыми мы сталкиваемся в Городе. К счастью, я оказался у тебя, когда ты привел Синворета.

Хотя в Городе было еще только начало второго, снаружи уже светало. Тоулер взглянул на товарища.

— Ты пришел мне на помощь вовремя, и я очень тебе благодарен. Жаль что, ты не раскрылся раньше, мы могли бы сделать больше.

— Знаю. Но Риварс не сказал мне, что ты тоже работаешь на него. Не будь он таким таинственным, мы могли бы сотрудничать. Впрочем, добились мы чего-то или нет, мы сделали все, что могли.

— Да, — сказал Тоулер. — Хорошо это или плохо, но наша работа в Городе закончилась. Мы больше не нужны Риварсу.

Дальше они шли молча. Дважды над ними гудели партассианские корабли, и люди на всякий случай прятались в кусты.

Через полчаса их насторожили какие-то звуки впереди, и они снова спрятались. Вскоре стало ясно, что в их направлении движется большая группа людей. Через минуту над кустами показались головы.

— Привет, друзья, — громко сказал Тоулер, вставая.

Его удивило зрелище колонны мужчин, хорошо вооруженных, но измотанных. От командира группы Тоулер и Ларденинг узнали, что встретили остатки крупного отряда Риварса, отрезанного старьянами. Они уходили от патруля нулов.

— Что происходит в Городе? — спросил командир. — Начались какие-то беспорядки? До сих пор нулы просто контролировали радиус нашего действия, а сейчас хватают всех, кого найдут.

— Кто-то пытался прикончить гостя Хава, — сказал Тоулер. — Поэтому они разозлились и перевернули все вверх ногами. А вы потеряли ориентацию и идете прямо им в лапы. Еще полчаса, и вы будете в Городе.

— За нами нулы, мы должны идти, — ответил командир, но продолжал стоять в нерешительности.

Тоулер взглянул на его отряд. Одна из женщин вышла из строя и подошла к нему — это была Элизабет.

Мгновение спустя они уже стояли обнявшись.

— Я так хотела тебе помочь, Гэри, любимый, — сказала она и смеясь, и плача одновременно. — Я не дошла до Риварса. Я думала, что, если мне удастся выбраться из Города и увидеться с ним, я смогу объяснить ему, в каком трудном мы положении,

— Доказательство Риварса пришло сразу после твоего ухода, — сказал Тоулер, держа ее за руку. — Но почему ты не оставила записки? Если бы ты знала, что я пережил, когда ты исчезла!

— Но я оставила тебе записку!

— Я ее не нашел!

Подошел Ларденинг, виновато глядя на них.

— Прости, Элизабет, — сказал он. — Это я нашел твою записку и уничтожил ее. Помнишь о встрече в кафе, когда я разозлился и ушел? Почти сразу же я пожалел, что вел себя так, пошел к тебе домой, чтобы извиниться, и нашел записку. Ее мог увидеть любой, и нас арестовали бы, поэтому я уничтожил ее.

Элизабет с улыбкой смотрела на него.

— Но я написала так, что только Гэри мог ее понять.

Ларденинг быстро взглянул на нее и закусил губу, бормоча, что считал необходимым уничтожить записку. Гэри хотел было продолжить разговор на эту тему, но Элизабет положила руку ему на плечо. Она поняла, что Ларденингом руководила не осторожность, а ревность.

— Это все равно уже не имеет значения, — сказала она. — Хоть я и сумела выбраться из города, но не смогла встретиться в Риварсом. В той стороне, на Холмах Верн, кишели старьяне; я встретила этот отряд и осталась с ними. Похоже, мы даже не знаем, куда идем.

Тоулер и Ларденинг объяснили, как обстоят дела. Люди расположились на траве, чтобы поесть или покурить, они слишком устали, чтобы интересоваться разговором, шедшим над их головами.

— Значит, мы недалеко от свалки, где могли бы выбраться на главную дорогу, — задумчиво произнесла Элизабет. — Сколько сейчас времени в Городе, Питер?

Ларденинг прикинул в уме.

— Около двух ночи, — ответил он.

— Три часа до их рассвета. Времени достаточно... Слушайте, у меня есть план. Он совершенно безумен, и, может, вы скажете, что нам не справиться, но... хотите послушать?

Они сели и с удовольствием выслушали план Элизабет. Он был не сложен, скорее, хитер, рискован и, хотя вполне очевиден, все-таки вызывал удивление.

— Клянусь, мы сделаем так, даже если всех нас ждет гибель! — воскликнул Тоулер, вскакивая на ноги. — Элизабет, дорогая, ты гений! Если нам повезет, мы будем... будем непобедимы!

Через час они добрались до свалки и заняли позицию Свалка

была, конечно, полностью автоматизирована, поэтому никто не мешал им установить контейнеры с мусором поперек дороги. Свои силы они сосредоточили в двух местах: одна группа укрылась за очистной станцией, откуда могла следить за дорогой, вторая разместилась на дороге, а контейнеры закрывали их на случай, если бы кто-то появился со стороны Города.

Они рисковали, что их заметят с машины, возвращающейся в Город, но в это время не было никакого движения.

Скорчившись на своих местах, люди ждали. Время шло, и наконец, согласно двадцатishестичасовому дню, в Городе наступил рассвет.

— Они появятся в любую минуту, — тихо сказал Тоулера.

Он лежал за низкой стеной очистной станции, сжимая в руках оружие. Рядом с ним затаились Элизабет, Ларденинг и все остальные, быстро двигавшиеся в полуметре над землей. Это был ежедневный утренний транспорт с приказом и грузом для секретного Города Пар-Хаворлема.

Машины остановились перед баррикадой, мягко опустившись на дорогу, из каждой выскочили по три нуля и побежали смотреть, что происходит.

Люди из засады открыли огонь.

Даже почти неуязвимый партассианец умрет, если его тело разлетится на куски. Когда стих заградительный огонь, двенадцать массивных тел лежали на дороге. С криком радости люди выскочили из укрытия.

Трупы оттащили в сторону, баррикады разобрали. Все работали с оживлением. Вывалив груз из машин, вооруженные люди расселись по ним сами.

— Гэри, кому-то из нас придется остаться. Я лично готов, — сказал Ларденинг, дернув Тоулера за рукав.

— Нет, Питер, ты должен ехать. Мы не можем оставить тебя здесь на верную смерть. Залезай в машину.

— Ничего со мной не случится, я знаю, что делаю. Я доберусь до Риварса и расскажу ему, что происходит и что делалась ты. Мы скоро соединимся с тобой.

— Ты должен ехать с нами, Питер, — вставила Элизабет. — А потом мы сообщим Риварсу.

Он взглянул ей прямо в глаза.

— Езжай с Гэри, Элизабет. Думаю, мне лучше какое-то время побыть одному.

Располагая лучшим оружием нулов, новые хозяева машин поехали дальше под командованием Тоулера. Командир колонны должен был с остальными идти за ними пешком. Люди разразились радостными криками, когда машины, чуть приподнявшись над дорогой, стали набирать скорость.

Вот так большой Город попал в руки людей.

Ничего не подозревая, нулы-охранники впустили колонну, как обычно, через главные ворота, после чего пали под смертельным огнем. В течение нескольких часов весь немногочисленный гарнизон Города был ликвидирован. Стычек было на удивление мало. Тоулер просто завладел Атмосферным Комбинатом и закачал повсюду кислород.

Город был неприступен, и наказать его обитателей было невозможно.

Пеший отряд, добрался до ворот в тот же день. Известие о крупной победе Земли быстро разошлось по планете, и земляне поодиночке или группами потянулись в город, бывший некогда тюрьмой, а теперь ставший их крепостью.

Уверенный в своих силах Тоулер сразу же отправил к старьянам парламентаров с предложением мира. В течение трех дней перемирие было подписано, и старьяне тоже начали прибывать в Город. Вскоре гарнизон его значительно вырос.

Весь этот маневр застал Пар-Хаворлема и Терекоми врасплох. Однако не шок удержал их от немедленного ответа, они не могли ничего сделать, пока не уехал Синворет. Большой Город существовал нелегально, как гигантское материальное доказательство их проступков. Что бы ни случилось — а произошло худшее, — они не могли рисковать тем, что Синворет начнет их подозревать.

Двадцать минут спустя после отправки на ПартаССу корабля с Синворетом и сопровождающими на борту, силы Пар-Хаворлема нанесли удар и были отбиты. Большой Город был непобедим, чего и добивался Губернатор.

— Ты чудотворец, — восторженно сказала Элизабет Тоулеру.

— Ты тоже, дорогая. Я же говорил, что в нас обоих сидят тигры.

Все это Тоулер вспоминал, пока ехал рядом с женой в сторону Истбона.

Теперь он был вождем, потому что Риварс погиб. Он не хотел приехать в Город, он боялся Городов и знал только жизнь партизана. Когда большинство людей покинуло его, чтобы присоединиться к Тоулеру, он с небольшой группой разбойничал в Долине канала, пока их всех не прикончил патруль нулов. Питер Ларденинг, находившийся с ним, бежал, но оставался с разведчиками в Городе Пар-Хаворлема. Это именно Ларденинг собрал сведения, которые Тоулер приехал забрать лично.

Они въехали в центр Города. Мужчины и женщины выбежали им навстречу, размахивая руками и крича. Людям теперь было удобнее жить в своих старых городах. Хотя карательные экспедиции Пар-Хаворлема участились, теперь земляне располагали стереосоническим оружием из арсеналов большого Города. Их сила равнялась силе Пар-Хаворлема, и людей с каждым днем становилось все больше.

Тоулер и Элизабет подъехали к укрепленной части города. К ним подошел офицер, отсалютовал и попросил спешиться, лошадей тут же увели, чтобы напоить.

— Прошу следовать за мной, — сказал офицер.

Следом за ним они вошли в частично разрушенную сводчатую галерею, где звук шагов эхом отражался от стен. Из дальнего конца навстречу им торопливо шел Питер Ларденинг.

— Что за встреча, Гэри! Рад тебя видеть, Элизабет, ты как всегда прекрасно выглядишь. Два года прошли с нашей последней встречи, и у меня для вас хорошие новости.

Смеясь, они обменялись рукопожатиями. Теперь смеяться было легче, чем последнюю тысячу лет. Надежда вновь ожила, и люди подняли голову.

После приветствия Ларденинг провел их в один из разрушенных магазинов, превращенный в его контору, и они выпили за встречу.

— Питер, — сказала Элизабет, — что у тебя за хорошие новости для нас? Какое решение приняла Партасса после рапорта Синворета? Надеюсь, твои люди доставили тебе полноценную информацию?

Ларденинг улыбался, довольный их нетерпением. Прислонившись к стене, он развязно сунул руки в карманы.

— Верховный Совет Объединенных Миров снял с должности Пар-Хаворлема и его команду...

Его прервали крики радости, а когда он все-таки закончил фразу, гости громко расхохотались.

— Это невозможно! — воскликнул Тоулер. — Кто, кроме тебя, знает это?

— Никто, разумеется. Я сохранил новость специально для тебя.

— Вот это номер! Но мы должны рассказать об этом всем. Идем, Элизабет! Скажем всем. Это лучшая шутка за тридцать поколений.

Следом за ним они выбежали на залитую солнцем улицу.

Глаза Тоулера сверкали. Он запрыгнул на какую-то машину и, когда люди увидели его, они собрались вокруг, предчувствуя сенсацию.

Он смотрел на этих изможденных людей, которым предстояло жить в совершенно новой эпохе, повел взглядом по распадающимся зданиям, по этой мертвой скорлупе старого мира, из которого должен был родиться новый. Взглянул в небо, где владыки Галактики были слишком далеко и уже не имели достаточно сил, чтобы вмешиваться в дела Земли. Потом снова посмотрел на устремленные на него лица.

— Друзья, у меня отличные новости, которые стоит выслушать! Пар-Хаворлем, наш ненавистный враг и угнетатель, уходит. Начальство вышвырнуло его, прежде чем это успели сделать мы! Он и вся его свита получили приказ в течение недели покинуть Землю и вернуться на ПартаССу.

Раздались радостные крики. Тоулер улыбнулся Элизабет и Ларденингу.

— Слушайте дальше. Это самое лучшее из всего! — крикнул он, когда шум поутих. — Новый Губернатор уже в пути сюда, это не нул, в длотподит, из вида, который наверняка поймет нашу борьбу и с которым мы сможем договориться.

Толпа вновь разразилась криками, но Тоулер попросил тишину.

— Мы будем избегать кровопролития, его и так было слишком много на Земле. К счастью, Город в наших руках, и мы выступаем с позиции силы. Уверен, что мы добьемся независимости и изгнания с Земли всех партассианцев. А потом постараемся, чтобы Земля стала миром, указывающим путь другим поработанным планетам!

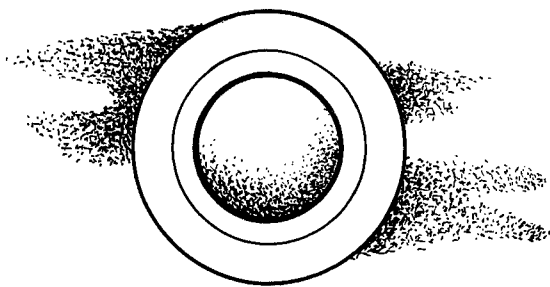
И вновь толпа хотела его прервать, но он успокоил ее, подняв руку. Ему легко давалась власть над другими.

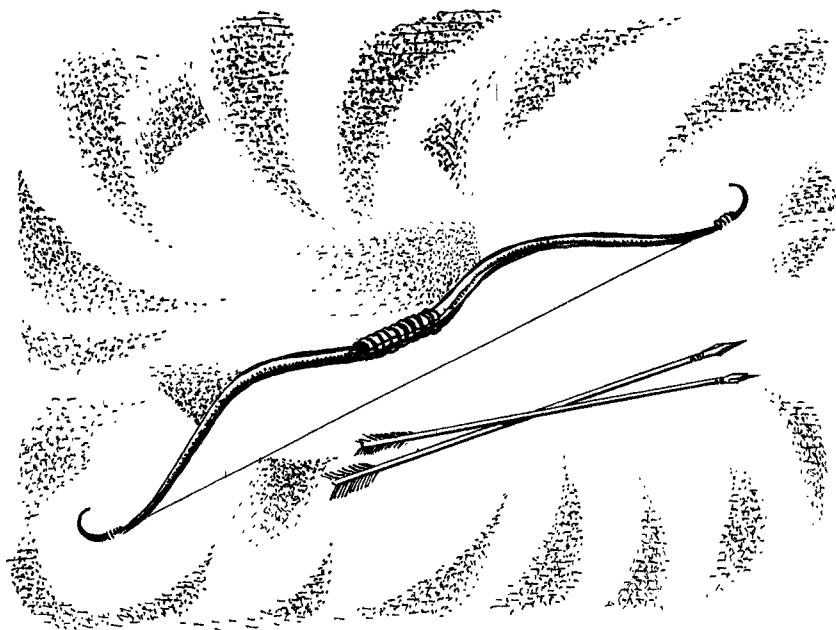
— Вас, конечно, интересует, как получилось, что Пар-Хаворлема сняли, ведь все наши попытки сообщить правду Синворету ничего не дали. Так вот, Синворет информировал своих начальников о моем покушении на его жизнь, и это произвело на них тягостное впечатление. Наши люди из города прислали нам полный текст ноты, отзывающей Пар-Хаворлема с должности, поэтому мы знаем, за что его выгнали. Он уходит потому, что судьи Партассы решили, что он правит нами слишком снисходительно.

— Пар-Хаворлем снисходителен... слишком снисходителен... — Люди повторяли эти слова с нарастающим весельем.

Тоулер смотрел вокруг, потом расхохотался и над иронией судьбы, и от искреннего веселья. Ни в его родном языке, ни в партассианском не было слов для выражения того, что он чувствовал.

Его радость передалась толпе. Смех распространялся широкой волной, и смеялись даже люди на улицах, не знавшие причин веселья. Даже солдаты на баррикадах внезапно почувствовали, что губы их сами растягиваются в улыбке. Словно огромная очищающая радость обрушилась на старый город и непрерывно росла, чтобы добраться когда-нибудь до самых дальних уголков планеты.

Верже Фори

ПОГРАНИЧНИЦЫ

1

— Я полагаю, вы — Райял Промтон, — уверенно промурлыкал женский голос позади Гвенвин Остер. Она обернулась и посмотрела на улыбающуюся женщину. Потом поднялась со своего рабочего места и подошла к двери.

— Да, я — Райял Промтон, — сказала Гвенвин, — а вы, должно быть, Марвис Джанс из службы безопасности.

Женщина кивнула.

— И вы так сразу меня узнали? — спросила она.

— Ну, я же вами интересовалась и знаю, что вы тоже интересуетесь всем на Нарве и особенно тем, что происходит здесь, в Гордиен. И раз уж вы приехали сюда, я была уверена, что вам захочется взглянуть на вашу генетическую сестру. Я и сама сейчас вижу, насколько ваш нос похож на мой... Те же постоянные кости вместо обычных хрящей...

— И все-таки, что у вас здесь делается, Райял? — мягко спросила Марвис Джанс.

Гвенвин рассмеялась:

— Это дружеский визит или допрос агента безопасности? Ладно, сразу сознаюсь, что я знаю о нашем проекте несколько больше, чем мне полагалось бы. Тебя это удивляет?

— Нет, — улыбнулась Марвис, — разумеется, твоему острому уму тесно в рамках чисто технических проблем. Тебе следовало бы быть пограничницей, как и мне. Это гораздо более подходящая для тебя работа...

— Не знаю, — пробормотала Гвенвин, — я об этом думала, но диверсии, шпионаж, контр-шпионаж и тому подобное... Мне кажется, что это, скорее всего, работа для крутого мужчины...

— Ах вот как? Я похожа на мужчину!

Гвенвин засмеялась.

— Не кокетничайте, мисс Джанс. Может, и у меня было бы больше желания покрасоваться с пистолетом на бедре, если бы бедра у меня были бы такие же крутые, как у вас. — Она замолчала, демонстративно любуясь зрелой фигурой женщины. — Черт возьми! Как ты великолепна. Я надеюсь, что буду так же хорошо сложена, когда повзрослею.

— Спасибо, дорогая, — промурлыкала Марвис. — Тебе сейчас двадцать семь стандартных лет?

— Да. А тебе около тридцати четырех?

— Верно. Если ты будешь развиваться в стандартные сроки, я думаю, ты очень скоро начнешь формироваться, Райял.

— Я уже почти начала, — рассмеялась Гвенвин, — и жду не дождусь, когда это начнет проявляться внешне. Мне так надоело выглядеть мальчишкой-подростком.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты в самом деле была мальчишкой, — грустно заметила Марвис.

— Пари держу, тебе этого хотелось, — хихикнула Гвенвин. Потом она спросила более серьезно: — Ты так и не нашла никаких фактов, указывающих на то, что где-то есть мужчина нашего вида?

— Нет, до сих пор ничего.

Гвенвин хорошо поняла тон, каким это было сказано.

— И тебя это тревожит? — спросила она.

— Когда ты станешь такой же, как и я... — Марвис пожала плечами и отвернулась. — Здесь можно где-нибудь выпить кофе?

— Конечно. Прямо над нами.

Гвенвин проводила ее в кафе и принесла горячий кофе для себя и Марвис. Она усадила гостью за столик и сама устроилась рядом.

— Почему бы нам с тобой не поговорить об этом? — спросила она. — То, что ты ищешь таких мужчин, для меня давно не секрет.

— Ага! Значит, шпионим за агентами безопасности? — рассмеялась Марвис.

— Ой, давай не так грозно, — фыркнула Гвенвин. — Конечно, я

всегда интересовалась тобой, и ты всегда об этом знала. У меня есть свои приятельницы в вашей службе безопасности. Не беспокойся, они не раскрывают мне никаких ваших секретов, зато о тебе рассказывают все, что могут. Так что я в курсе всех твоих поисков.

Марвис прихлебнула кофе.

— Я немножко пошутила, дорогая. Конечно, я знала, что ты этим занимаешься. Но я ни от кого не держу в секрете, что веду охоту на мужчин. Ведь не исключено, что где-то мужчина нашей породы так же нуждается во мне, как и я в нем. Мне была нужна реклама.

— И что, никто не появился?

— Ой, явилось великое множество, но ни одного подходящего. Некоторые выглядели многообещающе. Но, как выяснилось, среди обычных хомо сапиенс тоже встречаются случаи задержанного развития. Такими они все и оказались. — Она вопросительно посмотрела на Гвенвин: — И все-таки, что конкретно рассказывали тебе твои приятельницы?

— Да так... Они рассказывали мне, что ты добыла пропуск в Центральную регистратуру Федерации и проверила по компьютеру все генетические карты, похожие на твою. Там выпала и моя карточка — так ты узнала обо мне.

Марвис кивнула:

— Продолжай.

— Ладно. Вскоре ты завербовалась на обслуживание «Монте». Оно помогло вам выработать план проникновения одного из ваших агентов в регистратуру Коммуналити. Ты немедленно этим воспользовалась...

— О «Монте» лучше говорить «он», не «оно», — прервала ее Марвис, — в нем определенно чувствуется мужской разум. Так говорят все, кто с ним сталкивался.

— Ну, мне пока не приходилось, — заметила Гвенвин, — но мне кажется, что скоро мы здесь, на Нарве, тоже познакомимся с разумом «Монте». Конечно, если проект будет удачен. Правда?

Марвис холодно улыбнулась:

— Хотя я и агент безопасности, но на твоем месте я бы хорошенько подумала, прежде чем так болтать о секретном проекте. Вернемся лучше к нашей прежней теме.

— Ну вот, это практически все, что я знаю, кроме того, что тебе не повезло с регистратурой Коммуналити. Это поиски дали только одну карточку — какая-то девушка, примерно моего возраста, по имени Гвенвин Остер.

Марвис тихо кивнула. Так и не дождавшись, когда она заговорит, Гвенвин добавила:

— Похоже, ты знаешь что-то большее об этой девице.

Марвис натянуто улыбнулась: — Не спрашивай меня сейчас, Райял. Проверь это у своих шпионов. Может, они тебе и расскажут что-нибудь интересное.

— Это ни к чему, — спокойно заметила Гвенвин, — если ты

узнаешь, что мисс Остер знает, где находится хотя бы один мужчина нашего вида — а это единственное, что тебя сейчас интересует — это сразу же станет известно. Как только объявят, что ты перешла на сторону Коммуналити.

Марвис негромко захихикала.

— Ты думаешь, я могу поступить так непатриотично только из-за того, что здесь нет подходящих мужчин?

— Уверена.

— Ладно... Может, ты и права, — пробормотала Марвис. — Действительно, Райял, я не знаю, что тебе говорили о Гвенвин Остер, но она в своем роде чудо. Она пограничница Коммуналити. Мы так и не сумели установить, где она находится сейчас и чем занимается...

— Тогда... может, она тоже отправилась искать мужчину! — выдохнула Гвенвин, притворяясь, что это ей только что пришло в голову.

— Маловероятно. Абсолютно точно мы знаем только одно — что она сейчас на задании и ей запрещено себя расшифровывать.

— А...а!

Какое-то время Марвис молча разглядывала Гвенвин.

— Не смотри на меня так, словно я — это она, — запротестовала Гвенвин, — я не Гвенвин Остер и в доказательство могу рассказать тебе всю родословную до десятого колена.

— Немного жаль, что это не так, — проворчала Марвис.

— Почему? Только для того, чтобы ты и вся твоя служба безопасности могли порадоваться очередной победе?

— Я тут долго размышляла над одной странностью...

— Какой еще странностью?

— Мы знаем трех женщин нашего вида и ни одного мужчины. — Она нахмурилась. — И не говори, что ты сама об этом не думала.

Действительно, Гвенвин об этом не думала, потому что она-то знала только двух таких женщин. Она поняла, что совершила ошибку, задав этот дурацкий вопрос, незначительную ошибку, но и она могла полностью разрушить ее маскировку... и именно теперь, когда ее задание почти выполнено. Может, стоит разыграть удивление? Нет. Лучше продемонстрировать, что она умеет владеть собой не хуже Марвис.

— Но ты же должна знать теорию вероятности, — воскликнула она, — или это работа в безопасности так притупила твои мозги!

Марвис спокойно ответила:

— Я просчитала все шансы. Если бы ничто не препятствовало рождению мужчин нашего вида, тогда вероятность была бы пятьдесят на пятьдесят, и тогда по крайней мере одна из нас троих должна была родиться мужчиной.

Гвенвин засмеялась.

— Ты никогда не пробовала проверить это практически, ну хотя бы бросая монетку? — спросила она.

— Конечно, нет! Чего ради?

— Попробуй это как-нибудь. Может, тогда и разберешься в своих странностях. Я пыталась как-то, довольно давно. Я последовательно выбросила пять орлов, одну решку, один орел, три решки, два орла, две решки, еще орел и так далее. Может и твоя «странность» что-то вроде моего начала, когда подряд выпало пять орлов?

— Так... тридцать два к одному. Но согласишься, что это достаточно необычно?

— Конечно, но это просто удача! Я потом сделала больше сотни бросков и ни разу не получила такой последовательности. Но три раза у меня выпадало четыре орла подряд и пять раз по три решки.

Дело в том, Марвис, что то, что мы называем «законом усреднения», срабатывает только тогда, когда мы имеем дело со статистически значимым числом случаев... Игрок может сделать счастливый ход, ему может повезти. Но если на этом не остановится, то быстро потеряет свой выигрыш. При достаточно долгой игре вступит в действие закон усреднения. Это не зависит от твоих желаний, Марвис, — заключила она с усмешкой. — Возьми монетку и начинай подбрасывать. Результаты будут для тебя убедительнее теории.

Марвис с минуту обдумывала сказанное.

— Ты права в отношении математической вероятности, Райял, — сказала она наконец, — но обстоятельства все-таки наводят на мысль, что нечто препятствует проявлению мужчин нашего вида.

Гвенвин пожала плечами.

— Возможно, и так. В этом случае мы с тобой не следующая ступень в развитии человечества, а просто три потенциальных старых девы. Ну и что? Пока, как мне кажется, человечество не деградирует и без появления новых видов. Хотя у меня есть кое-какие свои догадки. Мне кажется, что такая задержка в распространении нашего вида временна, пока не минет какая-то неблагоприятная полоса.

— Хочу надеяться, что ты права. Я... — Марвис замолчала, внимательно прислушиваясь, и Гвенвин поняла, что кто-то связывается с ней по рации. — Уже иду, Тайден, — ответила она вызывавшему, затем повернулась к Гвенвин. — Извини, дорогая, но мне пора идти. Я договорилась с этими людьми вместе позавтракать.

— Ой, извини, мы заболтались, — сказала Гвенвин поднимаясь.

— У нас еще будет время встретиться, — заверила ее Марвис. Они обе направились к дверям. — Я надеюсь, мы с тобой еще успеем подружиться.

Гвенвин осторожно тронула ее за руку.

— Об одном я должна спросить тебя прямо сейчас. Ты вполне зрелая и очень привлекательная женщина, Марвис. Ты уверена, что у нас не может быть потомства с обычными мужчинами?

Марвис остановилась на балконе, ведущем в западную часть здания, и повернулась к Гвенвин.

— В этом я абсолютно убеждена. И не только теоретически. —

она ехидно улыбнулась. — Монетку я не бросала, но ЭТО я лично проверила экспериментально. И далеко не один раз. Мы действительно представляем два разных вида. И новый не скрещивается со старым.

— Этого я и боялась, — спокойно кивнула Гвенвин.

— Извини, дорогая, мне и правда пора бежать. Увидимся позже.

Марвис шагнула с платформы, включила нейтрализатор. Возможно, она направляется в секретные лаборатории, — сообразила Гвенвин. Она знала, что проект очень скоро должен быть завершен, возможно, даже сегодня вечером. Об этом свидетельствовало и пришествие Марвис Джанс.

Прямо напротив ее кабинета был балкон и открытая дверь в кабинет Дона Плакмона. Свой письменный стол он специально поставил так, чтобы удобно было наблюдать происходящее снаружи. Она взглянула туда и увидела, что Дон тоже смотрит на нее. Она помахала ему рукой, и он махнул в ответ. Дон был талантливый и увлеченный технарь... это совсем не мешало его привлекательности... но она подозревала, что он, кроме того, работал на систему безопасности. В подобных проектах, скорее всего, каждый второй сотрудник имел отношение к контрразведке.

А сколько здесь было шпионов? Похоже, она единственная. Для таких операций требовалась сверхтщательная подготовка. Во-первых, кандидатов готовили к работе с детектором лжи и эко-манипуляторами — а с этим мог справиться один из тысячи. Затем нужно было составить биографию, которая выдержала бы самые пристрастные проверки контрразведчиков Федерации. Потом надо было подобрать давно проживающую здесь семью, завербовать хотя бы одного человека из нее и научить его при этом внешне выглядеть вполне лояльным гражданином Федерации. И в этой семье ей было надо заново родиться — с минимальной и тщательной подделкой в официальных документах, — на этот раз в качестве Райял Промтон. И, кроме того, чтобы проникнуть в подобного рода проект, требовалось так проявить себя, чтобы ее туда пригласили. Она напечатала несколько работ по технологии сопряжения, зная, что это будет необходимо в проекте, и создала себе репутацию более чем хорошего специалиста. С ее подготовкой это не составляло особого труда. Коммуналити несколько опережала Федерацию в этих вопросах, и Гвенвин перед отъездом получила консультацию у лучших специалистов. Она знала о технологии сопряжений больше, чем ей могло понадобиться в этом проекте — и вложила в него многое, о чем и не подозревали ее сослуживцы.

Итак, она реально помогла осуществлению этого проекта, и, если она провалит задание и Федерация получит работающую установку, то в этом отчасти будет и ее вина. Она вернулась к своему рабочему месту. Когда она села, экран осветился и показал ей график, над

которым она работала, когда явилась Марвис Джанс. Это был результат ее работы — излучение альтернативных возможностей для Лонтестанской версии «Игрушки». Все это было воплощено в жизнь и теперь стояло в хорошо охраняемых подвальных лабораториях. Пока оно не работало.

Но она знала, что это будет работать... И теперь размышляла над другими вещами, далеко не столь приятными для Лонтестана. Ученые Коммуналиты изучили эту схему десять лет назад, сразу после успеха первой «Игрушки». Тогда были созданы системы телепатической связи человека и машины. И было проведено множество экспериментов по созданию разнообразных устройств, использующих принципы «Игрушки».

А что сейчас происходит в этих лабораториях? Все так же пристально глядя на экран на своем рабочем месте, она покинула свое тело и — в виде эхо-поля — спустилась в подвальную комнату. Здесь она осторожно коснулась «Игрушки» и, не входя в полный контакт с ней, проверила те цепи, о которых никто в Лонтестане не подозревал.

Похоже, здесь ничего не изменилось. Прибор, подобно жемчужине величиной с пляжный мячик, покоился на плоском основании. И в контакт с ним никто не входил. Она не заметила ни электрического поля, ни постороннего присутствия. Судя по тишине в комнате, сейчас здесь никого нет. Значит, Марвис и другие, прибывшие на испытания, возможно, действительно обедают. Вероятно, еще несколько часов ничего не произойдет.

Они там закусывают... И ей не мешало бы заняться тем же самым. Если в ее планах есть хоть небольшая ошибка, ее «крыша» рухнет, и тогда неизвестно, когда ей еще удастся как следует поесть.

2

Она вышла на свой балкон и, включив нейтрализатор, прямо через площадь направилась к кабинету Дона Плакмона. Он заметил ее издали и встретил в дверях. Обнял и поцеловал ее, что она приняла с обычным удовольствием. Дон был мил — и к тому же красив.

Через минуту оторвавшись от него, она сказала:

— Я знаю, что пришла раньше, чем ты собирался обедать, но я так проголодалась! Может, пойдем прямо сейчас?

— Конечно, Райял, — согласился он, обнимая ее. — Ты всегда возбуждаешь во мне аппетит.

— И только?

Он рассмеялся.

— Смотри-ка, прямо к нам топает старый Маршал. Конечно, лучше бы пообедать наедине, но боссу не отказывают. Лучше уж его пригласить.

— О'кэй, — кивнула она.

Дон включил языком свой зубной микрофон и заговорил с Болом

Маршалом, а Гвенвин в это время думала, что Маршала, видимо, не пригласили обедать с высокопоставленными гостями, и, значит, он вряд ли будет присутствовать на решающих испытаниях. Похоже, безопасность всерьез взялась за это дело, если из испытаний исключили даже начальников лабораторий.

Дон закончил разговор и сказал:

— Бол разрешил нам идти и сам подойдет через пару минут.

— Ладно, пошли.

Они вышли из кабинета и на нейтрализаторах поднялись над площадью на уровень обеденного сада. Там они заказали столик на троих поближе к выходу, чтоб Маршал сразу увидел, где они разместились.

— Я сегодня собираюсь попробовать кое-что из меню Древнего Египта, — сказал Плакмон.

— Смелее. Я же настроена на кусок мяса с картошкой.

Он рассмеялся:

— Похоже, ты действительно проголодалась.

Они сделали заказ и закурили. Плакмон спросил:

— Что за дама была с тобой сегодня на балконе?

— Интересно, когда ты работаешь, если постоянно глазеешь на девиц? — колко ответила Гвенвин. — Это одна моя приятельница — мутант Марвис Джанс.

— Она тоже красивая, но, на мой взгляд, ты — лучше, — прошептал он, склонившись к ней. — Ей не хватает таких очаровательных пухлых губок.

— Да, но ей хватает пухлости в других местах, — парировала Гвенвин, — а мне, как ты успел заметить, этого пока недостает.

— Придет и твое время, Райял, — рассмеялся Дон. — Ты очень мило расцветешь.

Тут прибыл заказанный обед, но прежде, чем всецело заняться едой, он сказал: — Мне трудно думать о тебе, как о мутантке. Ты непохожа на всех этих ненормальных. Так же, как и она. Трудно представить, что вы так уж сильно от меня отличаетесь.

— Генетическое напряжение, — ответила Гвенвин, отправляя в рот самый аппетитный кусок.

— Напряжение?

Она кивнула.

— Это часть эволюционной теории, созданной Дарвином несколько веков назад, а последующие генетики объяснили, как это реально происходит. Ты принадлежишь к виду, который называется хомо неандерталенс, который обкалывал камни на Земле тридцать тысячелетий назад. Он, так же как и ты, был Человеком Разумным, но, если бы ты его увидел, ты вряд ли признал его за человека — как и он тебя. Но при желании ты мог бы среди них найти пару и произвести потомство. И мне кажется, именно так ты бы и сделал.

— Только если бы не было другого выхода, — рассмеялся он.

— Разницу между тобой и неандертальцем можно коротко обозначить как «генетическое напряжение», — продолжала она объяснять. — Вид изменился, адаптировался к новым условиям обитания, и тело наше приняло современную форму.

В процессе этой адаптации происходят и изменения в генной структуре, но они не затрагивают то, что приводит к образованию новых видов. Они обуславливают только разницу между индивидуумами или расами внутри одного вида.

Но они как бы расшатывают старый застывший образец. Эти накапливающиеся изменения в конце концов проходят к точке, после которой невозможна никакая перемена, не ведущая к разрушению первоначального образца. Человечество достигло этой стадии, как мне кажется, в последние века на Земле.

Но с тех пор мы решительно изменили свою среду обитания. Мы научились пользоваться имплантатами, которые повышают наше жизнеобеспечение и дают нам возможность выжить на почти непригодных для обитания планетах — или путешествовать в открытом Космосе. Мы создали телеуправляемую технику, с помощью которой смогли разобраться в собственном организме, устранили болезни и научились пользоваться эко-полем. Мы ведем экономическую войну просто потому, что без конкурентов жизнь была бы скучна и легко было бы скатиться в застой. Все это говорит о том, что должен возникнуть совсем новый вид Человека, так же отличающийся от хомо сапиенс, как ты от обитателя пещер. Но Человек уже не может изменяться, его генетический потенциал исчерпан.

— И вот, — закончила она, — тут на сцену появляемся мы, я, Марвис и еще какая-то Гвенвин Остер из Коммуналити. У нас есть некоторые явные физические отличия от хомо сапиенс — например, носовые хрящи, сменившиеся настоящей костью. Также мы медленнее созреваем и, возможно, дольше живем. Но действительно важное отличие — то, что мы генетически новый вид, с нулевым генетическим напряжением. Наши потомки, если они у нас будут, сохраняют способность к адаптации еще невообразимо долгое время.

Плакмон осторожно кивнул и собрался что-то ответить, но в этот момент к ним подошел Бол Маршал.

— Надеюсь, я не слишком помешал вам, — заметил он, одарив Гвенвин сальным старческим взглядом.

— Райял тут объясняла мне, почему моя любовь к ней не имеет будущего, — ответил Дон. — Присаживайтесь, Бол.

Маршал устроился за столом и занялся меню.

— Генетически неподходящий любовник?

— Я думаю, — сказала Гвенвин, — что по-настоящему Дона взволновала моя пышногрудая подруга, которую он увидел утром. Его глаза тогда горели через всю площадь, как прожектора.

— Марвис Джанс? — спросил Маршал.

- Да. Вы ее знаете?
- Довольно коротко.
- И что вы о ней думаете?

— Думаю, что если женщины вашей породы таковы, то я ни за что не хотел бы встретиться с таким мужчиной! — засмеялся Маршал. — Она совершенная куколка, но для меня чересчур жестконоса.

— Следующий шаг по эволюционной лестнице от гладколицей обезьяны, — насмешливо пояснила Гвенвин. — Вы действительно находите ее отталкивающей?

— Разумеется, черт возьми. Так же, как и вас. Вот почему я заранее уверен, что мужики вашей породы будут еще страшнее.

Гвенвин озадаченно задумалась.

— Может, это потому, что вы подсознательно воспринимаете их как соперников, — рискнула заметить она.

— Я понимаю, что это не так, — сказал он, — но, когда подумаю, какими грозными эко-воинами они будут... Если они вообще не бросят эту забаву и не займутся настоящей войной.

Гвенвин с интересом выслушала эту точку зрения. Раньше ей как-то не приходилось раздумывать, какими именно будут мужчины их вида. Все, что сейчас говорил Маршал, было бы верно, если роли Мужчины и Женщины, принятые в Человечестве, останутся такими же и для нового вида.

— Что бы вы назвали чисто мужским занятием? — спросила она.

— Разумеется, флирт с женщинами, — сказал Маршал.

— Я серьезно спрашиваю.

— Вот я и отвечаю. У меня сложилось впечатление, что Марвис Джанс пытается играть сразу и мужскую и женскую роль. Биологически роль женщины заключается в том, чтобы известить о своей зрелости и ждать, пока ее выберут. Мисс Джанс делает это. Но, кроме того, она пытается искать сама, а это уже чисто мужская роль.

Гвенвин рассмеялась.

— Значит, вы считаете, что нам с Марвис нужно просто повесить объявление: «Я здесь. Приходите и берите меня». И сидеть и ждать, пока покажется мистер Супер-воин.

— Возможно. Ну а тем временем развлекайтесь, скажем, этим проектом или беднягой Доном, или как Марвис с ее игрой в пограничников и любым мужчиной, который ей приглянется.

Он помолчал, а потом резко сменил тему разговора.

— Знаете ли, я подозреваю, что с этим проектом что-то не ладится. И не прикатила ли эта красotka Марвис искать здесь шпионов. Как бы нам не потонуть в проверках.

Плакмон усмехнулся.

— Вы все еще думаете, что конечная цель проекта — создать что-то вроде еще одного «Монте»?

— Что тут можно думать? — пожала плечами Гвенвин. — Наша

Нарва — глухое захолустье, и единственное наше достоинство, что от нас всего шесть световых лет до Оррбаума, где находится «Монте». И когда именно у нас начинают строительство...

— Если тебя тянет пофантазировать о природе проекта, — резко прервал ее Дон и потянулся к кнопке на пульте стола, — то пусть это останется между нами.

Завеса экрана окружила столик, надежно скрывая сидящих и их разговор от всех остальных посетителей сада. Маршал рассмеялся.

— Рядом с Доном не надо никаких агентов безопасности, — сказал он.

— Мне и самой порой кажется, — заметила Гвенвин, — что он интересуется мной скорее по долгу службы, чем из нежных чувств.

— Просто я всегда сознаю себя немного эко-воином, — решительно продолжал Плакмон. — Вы же сами только что об этом говорили.

— Ну, ладно, я продолжу, — сказала Гвенвин. — В нашем секторе строят прибор, который, как мы надеемся, будет являться копией созданного в Коммуналити телспатического трансферта «Игрушка». Мы не знаем, — точнее, я не знаю, — что делается в других секторах. Но я догадываюсь, что они работают над линиями связи с Оррбаумом, с «Монте». Для этого и нужна «Игрушка» здесь, на Нарве. Пока наша «Игрушка» мертва, — продолжала Гвенвин, — тогда как «Монте» живой. Он не только может принимать и передавать телепатические сообщения. Он еще сам по себе может мыслить. Это ставит его далеко впереди и делает его гораздо более сильным, чем когда-нибудь может стать «Игрушка». Но у них есть и один общий недостаток: ограниченный радиус действия. «Монте» может накрыть своим полем планетную систему и не больше.

Так что нам, чтобы серьезно обогнать Коммуналити, нужно создать нечто, способное распространить свое поле на всю известную часть Галактики. Может быть, этого можно добиться, создав сеть подсобных «Игрушек»... Хотя, насколько я знаю, Коммуналити уже пробовали что-то подобное и у них ничего не вышло. Во-всяком случае, у нас есть «Монте» и мы собираемся включить его в нашу сеть. И если нам удастся создать звенья системы, которая свяжет его с «Игрушкой» через межзвездное расстояние, то первую «Игрушку» логичнее всего расположить именно на Нарве. А иначе это было бы последнее место в Федерации, где стоило бы строить «Игрушку».

Она замолчала и вопросительно посмотрела на Бола Маршала, затем спросила:

— Ну, а вы что думаете по этому поводу?

Маршал усмехнулся.

— Я думаю, что сам черт не свяжет «Монте» с «Игрушкой» в одну систему, когда между ними шесть световых лет.

— Да, — кивнула она, — именно это мне и понравилось. Наш

сектор только и делал, что пытался поточнее скопировать созданное в Коммуналити. Но вот сектор Говарда Дивнора... Черт побери! Я бы все, что угодно, отдала, чтобы узнать, чего смогли достичь они!

— Тебе и отдавать-то особенно нечего, — заметил Плакмон.

— Просто так обычно говорят, — смеясь, ответила она. — Конечно, по-настоящему дальний сигнал должен распространяться быстрее всех известных нам средств подпространственной связи. Что меня действительно озадачивает, так это природа связи между «Монте» и трансмиттером на Ортбауме и между приемником и «Игрушкой» здесь, на Нарве. Другими словами, как телепатический посыл трансформируется в сигнал и как этот сигнал потом опять переходит в телепатический? Это и есть самое крупное открытие, заключенное в этом проекте.

— И вы этого не понимаете? — спросил Маршал.

— Нет. В самом деле. Пари держу, что все это рассчитал сам «Монте». Кто еще может столько знать о телепатии? — Она внимательно посмотрела на него. — Вы, Бол, знаете, права я или нет, — сказала она, хотя была уверена, что он и сам не знает, — но мне вы, конечно, не скажете.

Он рассмеялся.

— У нас между секторами тоже своего рода эко-война. Пусть ваша правая рука не ведает, что творит левая.

— Ну, предположим, что ты все угадала, Райял, — сказал Плакмон, серьезно сдвинув брови. — Тебе не кажется, что успех подобного проекта может вызвать серьезные осложнения?

— Не вижу, почему бы это должно случиться, — солгала она. — Я думаю, это может обеспокоить разве что моего нового друга Марвис Джанс. Если телепатический посыл «Монте» будет распространяться на всю Федерацию, все агенты безопасности, включая и ее, останутся без работы.

— Это я и имел в виду, — сказал Плакмон. — Тогда можно будет в любую минуту проверить мысли любого гражданина Федерации. Сейчас, по крайней мере, те, кто предпочитает сохранять душевную неприкосновенность, могут выбрать себе место жительства подальше от Ортбаума. А если ваши догадки справедливы, то уже ни у кого не останется возможности выбора.

— Но это же не повреждает сознание, — снова солгала Гвенвин. Но на самом деле она и сама задумывалась, что это такое — утрата душевной неприкосновенности. — Но если все будут в равном положении... И люди на Ортбауме, кажется, совсем не беспокоятся по данному поводу. Они видят в «Монте» настоящего джентльмена, очень корректного и сдержанного. Он обычно не лезет в те мысли, которые хочется оставить неприкосновенными. А так как он не человек, не имеет значения, если он узнает что-то глубоко личное. И он не ищет выгоды. И если вас беспокоит, не может ли он управлять вашими мыслями, то могу вас порадовать, что это пока невозможно.

— И ты уверена, что так будет всегда? — возразил Плакмон.

Гвенвин пожала плечами:

— Что значит «всегда»?

Маршал добавил:

— Коммунальщики довольно давно отказались от такой независимости. Там используют вживленный эко-экран, и это им не причиняет беспокойства. Просто еще один канал связи.

— Мы уже сейчас могли бы иметь вживленные эко-мониторы, — сказала Гвенвин, — хотя, если проект будет успешен, они нам будут не нужны. А так они уже внедряются в производство.

— Ты говоришь обо всем этом так уверенно, — засмеялся Плакмон. — Это потому, что ты женщина, или это свойство твоего нового вида?

— Скорее потому, что у меня есть доказательства, — ответила она. — Если я права относительно целей проекта, то я не хочу портить мое грядущее торжество всякими «возможно» и «может быть». А если я ошибаюсь, то вы будете надо мной смеяться независимо от этих осторожных оговорок.

3

Застольный разговор несколько разочаровал Гвенвин. Она надеялась услышать что-нибудь от Маршала о планах испытаний, но, очевидно, он сам знал не больше ее.

После обычного послеобеденного отдыха она вернулась на свое рабочее место и притворилась погруженной в работу. Потом она снова вышла из тела и вернулась в лабораторию к «Игрушке». Здесь пока еще ничего не было потревожено, но тишины и запустения уже не было. Она почувствовала, что оборудование уже включено.

— Осторожно! Поверни этот выключатель влево, — услышала она чей-то голос.

— Так достаточно? — спросил другой голос.

— Да. Хорошо. Теперь поверни этот тумблер. Это откроет контакт с «Игрушкой».

— Так... А это что?

Гвенвин ощутила контакт. Что-то проникло в «Игрушку» и задействовало около трети ее поверхности. А! Вот это где! Та система передачи, которую она искала. Она сосредоточила все свое внимание на этой части поверхности «Игрушки», но ничего не почувствовала. Интерфейс не действовал.

— Может, попробуем включить на минутку и проверить контакты?

— Нет. Мы ничего не включим, пока не начнутся испытания. И не беспокойся о контактах, там все в порядке.

Шаги быстро удалились, и в лаборатории снова наступила тишина.

Гвенвин воспользовалась передышкой, чтоб еще раз просчитать все возможные случайности. Здание Объединения Гордеан строилось

не для удобства шпионов-диверсантов. Его наружные стены были высокими, прочными и без окон. Для того, чтобы выйти отсюда, ей приходилось подняться на балкон, пересечь открытую площадь, добраться до проходной на семьдесят первом этаже, и там один из охранников проверял ее документы и выпускал.

Минимальный расход времени — десять секунд... — если она не попадет в толчею и если не перестараются охранники.

Правда, это самый легкий выход, если у нее хватит времени им воспользоваться. Если же нет...

Она открыла ящик стола, посмотрела на царящий там беспорядок и, покопавшись, достала световой карандаш. Прочертив им пару линий на чертеже на экране, она внимательно изучила результат.

Баракло в ящике стола было точно таким, какое собирается за несколько лет работы. Кое-что, скажем, тот же световой карандаш, и должно было здесь находиться. Другое, вроде старой батарейки или покоробленной связки ненужных бумаг, могло бы тут и не лежать, но все-таки валялось на случай, если когда-нибудь вдруг понадобится. Например, листы наждака, которые она откопала в одной лзвочке и давно хотела отнести домой, чтоб попробовать шлифовать золотые статуэтки, которыми занималась в свободное время.

И все же многое в этой свалке было далеко не так бесполезно и безобидно, как казалось на первый взгляд. К некоторым вещам стоило приглядеться повнимательнее, чтоб понять, что они представляют из себя на самом деле.

К сожалению, подумала она, если она сейчас подсоединит свою вживленную батарею к аккумулятору, это сразу же привлечет излишнее внимание. А ей понадобится много энергии, если дело повернется круто. Конечно, она могла бы объяснить любопытным, но все-таки лучше не рисковать...

Внизу в лаборатории раздалась шаги и разноголосый гомон.

— Занимайте свои места, — произнес властный голос. — Благодарю вас. Так, как у нас насчет безопасности, Марвис?

— Все в порядке, Тайден, — ответил голос Марвис Джанс. — Люди Гордеана проделали большую работу, чтобы полностью обезопасить данный проект.

Послышалось возбужденное бормотание, в котором Гвенвин выделила только басовитый рокот Фейлора Дампля:

— Благодарю вас, мисс Джанс.

— Эту комнату невозможно прослушать? — требовательно спросил незнакомый голос.

— Нет, если, конечно, в Коммуналити не открыли совершенно новую технологию, — ответила Марвис Джанс. — Но это мне представляется невероятным. Даже если бы они ее и создали, вероятность того, что они знают об этом проекте и имеют здесь своих агентов, по нашим подсчетам почти нулевая.

— Прекрасно, Марвис, — засмеялся человек, которого называли Тайденом. — У меня есть еще один специальный вопрос. Что вы скажете о Райял Промтон?

— Здесь все чисто, и мне кажется, что служба безопасности уделяет ей больше внимания, чем она заслуживает. И только потому, что она случайно соответствует по возрасту и генетическим данным штатному агенту Коммуналити. Конечно, очень соблазнительно ответить положительно на вопрос: «Может, Райял Промтон и есть Гвенвин Остер?»... Но в командовании Коммуналити не такие дураки, чтобы отправлять Остер туда, где она неминуемо попадет под подозрение.

— А может, они и рассчитывали, что так вы и будете рассуждать, настаивал Тайден, — и мне кажется это очень разумно.

— Ладно... для нас сейчас важнее всего, что она работает в своем кабинете сорока двумя этажами выше нас и находится под постоянным наблюдением.

— Хотел бы я быть уверен, что там она и останется, — проворчал человек, спрашивавший о подслушивании.

— Это не сложно устроить, если вам кажется необходимым, — сказала Марвис.

— Прекрасно. Организуйте это.

— А еще меня беспокоит, — сказал Тайден, — то, что эта мисс Промтон так точно угадала природу проекта и выкладывает свои догадки первому встречному.

— Она очень сообразительная девочка, — резко вступила Марвис. — Если бы я была на ее месте, возможно, я тоже пришла бы к подобному заключению. И она не так уж неосторожна — делится своими мыслями только со своим начальником или с агентами, вроде Дона Плакмона или меня. Очевидно, ей хочется «заставить побегать этих лентяев из безопасности», — как они нас называют. Мы еще найдем случай преподнести ей хороший урок.

— Позвольте мне вставить слово, — загремел бас Фейлора Дампля, — мисс Промтон немало поспособствовала осуществлению проекта. Без нее эта «Игрушка», которую мы здесь видим, до сих пор была бы только в чертежах. Мне кажется, такие действия, мягко говоря, необычны для вражеского агента.

— В любом случае, — нетерпеливо сказала Марвис, — если испытания, ради которых мы здесь собрались, пройдут успешно, «Монте» сразу же скажет нам, является ли Райял Промтон или еще кто-то на Нарве шпионом Коммуналити.

— Прекрасно, — ответил Дамплъ. — Почему же вы сразу об этом не сказали?

— Ладно, — согласился Тайден. — Марвис, вы направили Плакмона проследить за мисс Промтон?

— Об этом позаботятся.

— Хорошо. Мистер Дампл, как председатель «Гордеан Консолидейшен» я доверяю вам честь самому нажать эту кнопку.

И тут началась настоящая работа. Сейчас Гвенвин не волновало, что ей перекрыли самый удобный путь отступления. Сейчас надо было отбросить все посторонние мысли и полностью сосредоточиться.

Для начала она полностью вошла в «Игрушку». И сразу ощутила разницу с такими же устройствами Коммуналити. Прежде всего, здесь не было идентификатора эго-полей и, кроме того, сказывалось различие психологического уровня. Ее это порадовало. Теперь, если бы кто-то из окружающих попытался прервать процесс, она могла войти с ним в телепатический контакт через «Игрушку» и оглушить эмоциональным ударом.

Теперь она все внимание сосредоточила на том участке поверхности, под которым скрывался интерфейс. В ее мозгу возникла путаница светящихся черточек. Это было очень красиво, но любоваться времени не было. Что означают эти черточки? Что они делают? Как функционируют?

И что это ей напоминает? ...какое-то природное образование... Она позволила себе не обращать внимания на проходящие секунды. Наблюдать надо ровно столько, сколько необходимо, и даже дольше.

Когда снова заговорил Тайден, его голос с трудом дошел до нее, и она почти не разобрала слов:

— Показывает оптимальную готовность. Сейчас я приглашу Оррбаум включиться.

Может, это похоже на схему глаза? Тысячи клеток сетчатки, принимающие цельные зрительные образы?.. Нет... Что-то еще...

... Слуховое! Комплекс взаимосвязанных нервных клеток, объединенных обратной связью, и резонансом, и дюжиной других факторов, которые позволяют слушателю различать тончайшие оттенки в высоте и тоне звука. Так вот это что... В какой-то мере и очень неточно. Гвенвин ухватила за этот образ, пока вся остальная картина полностью не прояснилась. Она поняла природу связи и могла, исходя из этого, прикинуть параметры системы обеспечения. Она могла прервать контакт прямо сейчас, заблокировать игрушку и при первом же удобном случае отправиться домой. Для этого вполне достаточно будет взять отпуск после того, как высокая комиссия доложит о провале испытаний. И, вернувшись на Коммуналити, она сможет написать подробную инструкцию, как построить систему связи «Игрушка» — «Игрушка».

Только эта система не работает. Понимание этого возникло почти интуитивно, по мере того, как она разбиралась в характеристиках интерфейса. Эта не работало. Могло. Как древний автомобиль с неисправным стартером: он мог работать, но не работал, пока что-то не давало внешний толчок. Такая же ситуация была и с этой системой. Здесь была почти неуловимая неправильность в ориентации и настройке полей. В результате система будет оказывать сильнейшее сопротивление прохождению любого сигнала. Но дайте правильный

толчок, неустойчивость полей выравнивается и сопротивление исчезнет.

Хотя, какого рода толчок здесь нужен? И кто или как мог его дать? Гвенвин не могла даже предположить ответа на эти вопросы. Но через секунду она сама увидит ответ на них.

Она понимала, что сейчас не может оставить «Игрушку». Жизненно важный вопрос был еще не решен. Она останется... возможно, до тех пор, когда уходить будет уже поздно.

Она осталась. Но в это же время она заставила свое тело действовать по прежней, четко продуманной программе. Ее руки открутили кончик светового карандаша и пальцы ловко извлекли набор инструментов и миниатюрный кристалл. Потом она вынула из ящика старую батарейку, приставила ее к концу светового карандаша, и та с легким щелчком встала на место...

— Оррабаум готов включиться немедленно, — доложил Тайден.

Гвенвин целиком сосредоточилась на интерфейсе, стараясь понять, что же там происходит.

... Теперь ее пальцы подключили к получившемуся приборчику сверхпроводящую проволоку. Два свободных конца она закрепила на изоляторах пробоотборника...

Интерфейс начал изменяться от центра к периферии. Что-то там происходило. Гвенвин вплотную придвинулась к этому участку. Да, это действительно было похоже на полученный извне толчок.

... Ее руки положили законченный прибор на консоль и взяли из ящика два листа наждачки. Ее тело поднялось и направилось к дверям...

Похоже, толчком здесь служило магнитное поле. Она дало нужную ориентацию разбалансированным полям. Но все-таки, как конкретно это было сделано?

... Ее пальцы расстелили два листа наждака и приклепнули их рабочей поверхностью к двери, перекрывая край двери и косяк. Она аккуратно разгладила руками эти полосы и покрепче вдавила их в поверхность. Теперь дверь эту было проще вышибить, чем оторвать наждак...

А! Теперь она поняла! В схему вошел «Монте». И в мгновение, когда он проходил открытый интерфейс, он сам настроил его на себя. Гвенвин видела от начала до конца всю работу. Она видела, как это делается.

... Ее тело вернулось к столу. Руки сняли контактные приборы с пробоотборника и присоединили к батарее, вживленной в правое под ребере...

Злость! Одна вспышка ярости, и она может считать эту работу законченной. Но холодная мысль оказалась быстрее, чем эмоции, пусть даже управляемые. Ей требовались доли секунды, чтобы вызвать в себе взрыв ярости, но она не успела. «Монте» почуял ее. Черт возьми! Ее ярость полыхнула быстрой вспышкой и исчезла. Но контакт с «Монте» уже состоялся.

— Нарушение безопасности! — пронзительно завопил Тайден. —

Это Гвенвин Остер! Я поймал ее мысли через «Монте»! Включите «Игрушку»!

...Гвенвин, усмехаясь, направила свой прибор на стену, противоположную двери своего кабинета, и включила его. Тонкий сверхжаркий лазерный луч прорезал полукруг в стене. Одновременно автоматически включился ее защитный экран и прикрыл ее от отраженного жара...

Она вышла из сожженной «Игрушки», оставив только поверхностный контакт со звуко-чувствительным участком поверхности, который не был поврежден эмоциональной перегрузкой и еще функционировал.

— Я пойду за ней! — донесся до нее резкий выкрик Марвис.

...Гвенвин снова прицелилась и провела второй полукруг в стене. Они сошлись вместе в двух точках, и двухфутовой ширины металлический кусок закачался и выпал наружу. У Гвенвин был гравитатор, и она выскользнула в отверстие задолго до того, как выломанный кусок достиг земли. Она устремилась вверх от Нарвы так быстро, как только позволяло сопротивление атмосферы.

— Внимание, охрана! — донесся до нее голос Тайдена. — Она покинула здание и уходит!

— Что случилось с «Игрушкой»? — раздался бас Фейлора Дампля.

— Откуда я знаю? — огрызнулся Тайден. — Среди того, что она вложила в этот проект, наверняка найдутся штучки, о которых она вам не докладывала. Я попробую спросить об этом «Монте», может быть, он знает, что произошло.

... Гвенвин позволила себе секунду прямого полета вверх прежде, чем начала менять направление. Еще до того, как охранники успели подняться по тревоге, она подошла к краю атмосферы. Вот и выход в открытый космос. Скоро здесь окажется вся охрана, но у нее еще были шансы. Она держала наготове свой лазерный прибор. Это было неуклюжее маленькое оружие величиной с руку, безумно расходующее энергию и действующее только на короткой дистанции через ее вживленную батарею. Его и сравнить нельзя с настоящим лазерным пистолетом, хотя работал он на том же принципе. Она очень надеялась, что больше ей не придется пускать его в ход...

— «Монте» сказал, что теперь она знает, как работает интерфейс! — раздался встревоженный голос Тайдена. — И, возможно, она сейчас нас слышит! Давайте уйдем отсюда!

4

Гвенвин полностью вышла из «Игрушки». Конечно, это было не слишком удачно придумано — отправить в полет тело с отстающим от него эго-полем. Но что было делать...

Она настроила свой микрофон на «семейную частоту».

— Эй, Понс! — окликнула она.

— Привет, Райял! — ответил знакомый голос, раздавшийся в ее левом ухе.

— «Крыша» рухнула. Я ухожу.

— Понял, Гвенвин. Счастливого пути.

Это предупреждение давало ее «семье» шанс убраться отсюда прежде, чем до них доберется Федеративная контрразведка.

Но ее припекло по-настоящему. Эта передача от «Монте» к Тайдену привела к тому, что она получила информацию, которую ей никогда не позволят донести до Коммуналити. И, возможно, стража уже получила приказ стрелять в нее сразу, как увидит...

Вот и первый выстрел. Правда, она сейчас проходила на высоте четырех миль, и луч пистолета прошел мимо, чуть ли не в трех метрах от нее. Второй стрелок промахнулся не больше, чем на пять футов, а мог и вообще не промахнуться, если бы на долю секунды раньше она не сделала обманный финт.

Она рискнула уйти в прыжок — опасная штука на краю атмосферы — и вышла из него семью милями выше, собрав, наконец, вместе тело и эго-поле. Ее детектор немедленно засек с полдюжины охранников вокруг нее. Она влетела прямо в середину взвода! Ей пришлось быстро прыгать, и, выйдя из искривления, она увидела характерный огненный цветок на том месте, которое только что покинула.

Но на этот раз никто не успел сделать по ней прицельного выстрела; ее детектор показывал, что сейчас все небо было полно стражей, и сверху, и снизу, и со всех сторон. Пора удирать, решила она, и чем скорее, тем лучше.

Она рискнула на настоящий дальний прыжок. Когда она вернулась в нормальное пространство, солнце Нарвы сжалось в точку, и сама она была в безопасности далеко за рядами охранников. Это удалось ей только потому, что она успела выбраться из Гордеан Центра и отправиться в путь прежде, чем началась тревога. Опоздай она две секунды, и ей бы никогда оттуда не выбраться.

Конечно, преследование еще продолжалось, и охранники со всех планет Федерации поднимались сейчас в космос, надеясь перехватить ее. Но межзвездное пространство велико, а масса у нее куда меньше, чем у любого из охранников, — а туда подбирали, в основном, крупных мужчин, и следовательно, скорость в прыжке у нее значительно выше. А уж она постарается обойти любого, кто попытается поймать ее или преградить дорогу.

И все же она понимала, что без посторонней помощи ей до Коммуналити не добраться. Уносить ноги пришлось второпях, и она многого не успела. Эти два удара ее самодельного лазера хоть и длились недолго, здорово истощили батарейки. Такие батарейки не рассчитывались на экономный расход энергии: часто человеку в трудном

положении необходимо было быстро взять всю энергию, и батареи подзаряжали по мере надобности... если было где провести подзарядку.

А при такой работе, да еще через сверхпроводимую проводку, вживленные батареи могли полностью разрядиться за десять секунд. Батарея Гвенвин с самого начала не была полностью заряжена и добрых три секунды работала на выброс. В ней осталось не больше половины обычного заряда. А до Коммуналити было еще далеко...

Нарва располагалась на дальней стороне Лонтестанской Федерации, и отсюда до ее родной планеты было около двадцати тысяч световых лет. А энергии хватит не больше, чем на две трети этого расстояния.

В крайнем случае, можно было отправиться в другом направлении, в ненаселенный район галактики, за мирами Лонтестана. Этот район был неплохо изучен. Здесь были планеты, где она играла в Робинзона Крузо, отдыхая от опасностей жизни. Но батареи здесь не подзарядишь...

И было еще одно место в пределах достижимого, о котором стоило подумать — Независимая Республика Хальстайн. Республика располагалась примерно на одной линии с Федерацией Коммуналити, слегка отклоняясь к Оррбауму. Она не участвовала в эко-войне. Ее населяли люди, которые считали конкуренцию пережитком детства человечества, своеобразным атавизмом, не успевшим еще отмереть.

Гвенвин думала о хальстайнианах так же, как большинство эко-воинов — что они какие-то полуживые и с каждым годом становятся все меньше похожи на нормальных людей. Но когда кто-нибудь из Федерации или Коммуналити попадал в республику, правда, это случалось не часто, хальстайниане были достаточно дружелюбны — хоть и смотрели на гостей снисходительно, как на расшалившихся детей. Там она вполне могла бы пополнить заряд своих батарей, а потом без проблем добраться до Коммуналити.

И самое главное, ее энергии как раз хватит, чтоб достичь Республики.

Немножко подумав, она решила избавиться от лишней массы. Она выбросила свой самодельный лазерный пистолет. В дороге он ей не нужен, а после того, как она вышла за пределы Федерации, стрелять ей больше не придется. Потом она решила было избавиться от одежды, но ее легкая блузка и шорты представляли такую маленькую массу, что она на этом ничего не выигрывала. Оставались пояс и сумка, они имели массу, но их нельзя было выбрасывать. Ну хотя бы потому, что там лежали пищевые таблетки, которые больше некуда было положить. Она удовлетворилась тем, что выпотрошила сумку и выбросила все, без чего могла обойтись.

После этого она совершила короткий подпространственный прыжок, скоординировалась по звездам на облако газа, прикрывавшее с этой стороны подходы к Республике, и снова ушла в прыжок.

Больше ей ничего не нужно было делать, только расслабленно

дремать от одного приема таблеток до другого, в течение нескольких дней, которые займет подобное путешествие. И хотя Лонтестан объявил тревогу по всей Федерации, она не встретила на своем пути ни одного охранника.

Газовые облака, лежащие между Землей и Хальстайном, сказались на существовании Республики. Когда человечество начало расселяться по звездам, создавая колонии, которые со временем превратились в Коммуналити и Федерацию, никому не хотелось забираться в эти облака. Много позже, когда были найдены и нанесены на карту свободные от газа проходы через облако, ни Коммуналити, ни Федерация не захотели заниматься освоением этих трудно достижимых миров.

Сюда уходили разочарованные или небольшие группы, которые не хотели принимать участие в эко-войне. Гвенвин никогда не нравилась подобная философия. До сих пор ей не приходилось бывать в Республике. Но это было частью ее работы: знать все, что можно, об обитаемой части Галактики. Она изучала карты прохода через облака и характеристики обитаемых миров.

Также она достаточно знала об истории Республики, чтобы иметь представление о том, что ее ожидает. Примерно столетие назад, когда более благоразумная часть человечества объединилась в Республику, это было вполне процветающее общество. Но потом все изменилось. Большинство свободных хальстайниан считало, что общество, запрещающая дух конкуренции, в сущности выступает против основ человеческой природы... главного, что составляет сущность жизни. Было очевидно, что такое общество должно измениться или погибнуть.

Хальстайниане, которые видели эти недостатки, обычно принимали решение об эмиграции в Федерацию или Коммуналити. Редко кто оставался дома и пытался пробить революционные реформы, противоречащие самим принципам существования этого самоуспокоенного народа. В результате Республика стала захолустьем. Она даже не пыталась перенимать технологию у занятых эко-войной обществ. А та технология, которая когда-то у нее была, постепенно забывалась... Население уменьшалось.

С точки зрения Гвенвин все было справедливо. Этого они хотели, это они и получили. Ей надо только подзарядить батареи и добраться до дома.

Она преодолела уже больше половины коротких изогнутых проходов, отмеченных на карте, когда ощутила приступ тревоги. Батарея подсказывала ей, что израсходовано девяносто процентов энергии. Она заворчала. Но теперь она, по крайней мере, знала, сколько энергии у нее осталось и как экономно она должна ее расходовать. Но, двигаясь по узкому проходу, углы не срежешь.

Когда она, наконец, вышла из облака и увидела солнце Хальстайна, у нее оставалось энергии на один длинный или два коротких прыжка.

Так какую ей выбрать планету? Бернсва была, по слухам, наиболее развитой из миров Хальстайна, но с таким запасом энергии туда не добраться. И Фелис, с вполне приличной репутацией, тоже далеко. Единственной реально достижимой планетой была Арбора. Она так далеко находилась от развитых планет, что хальстайниане объявили ее заповедником и собирались еще лет пятьдесят сохранять в первозданном виде.

Гвенвин жевала пищевую таблетку и размышляла о своем положении. Рисковать не хотелось. Если она сейчас промахнется, она может навсегда закончить свои странствия в космосе... А у хальстайниан сейчас нет службы космических перевозок. И даже добравшись до Арборы, она может надолго застрять там, если у них нет работающих подзарядников.

Прежде чем решиться, ей нужно собрать побольше информации. Она включила свой приемник на самонастройку и несколько часов просеивала пространство, пока не выловила несколько стоящих фактов.

Как обычно, больше всего было музыки и разной болтовни. Но была пара упоминаний об Арборе, которые показали ей, что мир этот не безлюден.

Во всяком случае, нужно было решаться, тем более, что Арбора была совсем рядом, а энергия могла кончиться в любой момент.

Она придирчиво рассчитывала координаты для точного прыжка, когда что-то отвлекло ее внимание. На обзорном экране, окружавшем ее голову, появилась маленькая светящаяся точка. Кто-то находился не более чем за тысячу миль отсюда и, похоже, следовал за ней через облако. Агент Лонтестана у нее на хвосте? Очень может быть. Гвенвин, пока слушала свой приемник, двигалась по инерции, экономя последние капли энергии. Значит, преследователь пока еще не обнаружил ее, хотя она его уже видела. И не обнаружит до тех пор, пока она не включит энергию.

Она затаилась, наблюдала. Прошла пара минут, точка на экране мигнула, исчезла и появилась снова. Преследователь совершил прыжок. Но ей хотелось выяснить, не следуют ли за ним другие.

Больше никто не появился, и это было странно. Неужели это агент Лонтестана, играющий наудачу в одиночку? В таком случае Гвенвин прямо сейчас могла сказать, кто это.

Для нее было очевидно, что это могла быть только Марвис Джанс. И не трудно было догадаться, как это произошло. Марвис не могла преградить ей путь из Гордеан Центра просто потому, что в этом здании запрещено ношение оружия. Ей пришлось сначала забежать за пистолетом. Затем она, скорее всего, обнаружила, что силовая установка здания заблокирована в целях безопасности.

И Марвис, конечно, поняла, что ей придется использовать вживленную батарею, чтоб прорваться через стену. Потом Марвис проверила, когда Гвенвин подзаряджалась последний раз. После этого не-

трудно было догадаться, что Гвенвин может направиться только в Республику, единственное в пределах досягаемости не враждебное ей место.

Однако все это были только догадки, доказательства быть не могло. И так похоже на Марвис — или на саму Гвенвин, если б она была на ее месте, — полагаться на собственные догадки. А может, Марвис заранее разузнала об Арборе? Возможно. Трудно предсказать действия квалифицированного агента. Да и ей больше незачем торчать возле планеты. Скоро она будет на поверхности и уж там постарается сделать так, чтобы ее невозможно было найти.

Она прыгнула к Арборе... и промахнулась. Только каких-то двести тысяч миль, но из-за этого пришлось сделать добавочный прыжок. На этот раз она вышла в обычное пространство в пятистах милях от поверхности. Теперь она могла идти по инерции, позволяя арборианскому притяжению нести ее вниз. Она понимала, что может не уловить момента, когда нужно включить нейтрализатор, и что у нее может просто не хватить энергии для его работы.

Когда воздух нагрелся, автоматически включился ее защитный экран, прикрывая ее от трения и жары. Он растянулся, как парашют, замедляя ее падение и давая возможность планировать. Похоже, не важно было, где она приземлится — везде внизу были леса и луга и ни малейших признаков человеческого жилья.

Опустившись поближе к поверхности, она повернула к маленькой, заросшей травой долине. Нужно спуститься еще футов на сто, прежде чем попытаться включить нейтрализатор для мягкой посадки. Но когда наконец она его включила, он не сработал. С жутким грохотом она плюхнулась на землю. И если бы защитное поле не смягчило удар, на этом все ее приключения бы и закончились.

Она села в высокой траве. Защитный экран исчез, и теперь, впервые за долгое время, она дышала настоящим воздухом. Она еще раз ткнула в кнопку нейтрализатора и снова безрезультатно. Это могло означать только одно: энергетическая батарейка выжата досуха. Так оно и было. Она попыталась снова включить экран, но он не среагировал.

Теперь она будет прикована к Арборе, пока не найдет подзарядник, и искать его придется пешком и в одиночестве.

Но сейчас ей важнее было решить вопрос с пищей. Она теперь перешла на внешнее дыхание и с наслаждением вдыхала разнообразные ароматы леса и полей, но они же пробудили в ней зверский голод. Она давно сидела на пищевых таблетках, и теперь опустевший желудок настоятельно требовал хорошей еды.

Она поднялась и прямо по высокой траве направилась к маленькому ручью, протекавшему через долину, но глаза ее сами собой искали что-нибудь съедобное. Арбора, настолько она помнила, была заповедником с земной экологией — кажется, единственно удачной

эксперимент хальстайниан. Она узнала несколько видов шиповника, на которых могли быть съедобные ягоды. Но прохладный воздух и желтизна далекого леса подсказывали ей, что сейчас не сезон. В этом районе Арборы была осень.

Она наклонилась к ручью, напилась и умыла лицо чистой проточной водой. Сначала она хотела пойти по руслу ручья вниз по течению, но густые заросли шиповника и травы совсем загородили дорогу. Тогда она поднялась повыше к деревьям.

Здесь ей повезло. Некоторые деревья оказались американским орехом, и вся земля под ними была усыпана мелкими орешками. Не меньше двух часов провела она, разбивая камнями жесткие скорлупки и выковыривая крохотные, но очень вкусные ядрышки.

Потом она направилась к скальному выступу на вершине холма. Была уже середина дня, она с надеждой оглядывала горизонт, отыскивая струйку дыма или другой знак присутствия людей.

— Эй! — крикнула она с вершины во весь голос. — Есть тут кто-нибудь?

Взлетевшие рядом с ней птицы вежливо замолчали, пока она прислушивалась в ожидании ответа. Ничего.

Она повернулась крутом и крикнула снова. Результат был тот же. Так... придется идти — или попытаться разжечь огонь и соорудить какое-нибудь укрытие на ночь. Опускающееся солнце определило ее выбор.

Попытаться разжечь огонь... Проще всего выбить искру в какой-нибудь горючий материал, ударив металлом по кремню. Но все металлическое она выбросила, когда потрошила сумку. Она попыталась стукать камнем о камень, но камни поблизости совсем не подходили для такой работы. Они крошились и никаких искр не давали.

Так... еще можно потерять две палки друг о друга. Несколько минут она энергично это проделывала, и, к ее удивлению неожиданно появился дымок. Она перенесла эту палку в кучу кедровой хвои и раздула настоящий огонь. Несколько минут спустя пламя уже гудело.

Пока она сидела у огня, отогревая руки и расслабившись, спустились сумерки. Тогда она поднялась и пошла искать хвойный лапник, чтобы соорудить себе постель. Это лучше, чем кишашие насекомыми сухие листья.

5

— Эй! Это вы недавно кричали? — донесся из мрака мужской голос.

Гвенвин обернулась, пытаясь рассмотреть говорящего.

— Я... и мне никто не ответил.

— Я в это время скрадывал оленя. Нельзя было издать ни звука, — объяснил мужчина. Он вышел прямо к огню, и она увидела, что он

несет на плечах что-то тяжелое. — Я закончил это занятие выстрелом из лука и уложил его. Потом я решил взглянуть на вас и вышел к вашему костру.

Он принялся разглядывать ее, и она тоже хорошо видела его смуглое лицо в свете костра. Он был гладко выбрит, чего она совсем не ожидала от человека, живущего в пустыне и одетого в оленью шкуру, и выглядел лет на тридцать.

— Похоже, что вы далеко забрели от дома, юная леди, — сказал он. — Вы с Бернсвы?

— И даже еще дальше. С Коммуналити, — ответила она. — Истопилась моя батарея. Я здесь приземлилась в надежде дозаправить ее.

— Зарядить на Арборе? — засмеялся он. — Ладно... может, это и можно сделать. Здесь еще должно остаться несколько подзарядников. Хотя я, честно говоря, не уверен.

— Вы не знаете? — настойчиво спросила Гвенвин, — а куда вы сами ходите подзаряжаться?

Он захохотал.

— Единственное, что я здесь подзаряжаю, мой желудок. Я прямо сейчас собираюсь этим заняться. Если вы позволите мне пристроиться к вашему огню, эта оленья нога очень скоро будет готова. Вы голодны?

— Смертельно.

— Тут хватит нам обоим. — Он сбросил тяжелую поклажу с плеч и начал нарезать ножом куски мяса с оленьей ноги.

— Значит, у вас нет системы жизнеобеспечения? — спросила она.

— Только сама Арбора. Ничего встроенного, если вы это имеете в виду. Вам, наверное, это кажется примитивным?

— Скорее оригинальным, — дипломатично ответила она. — И никто на Арборе не использует имплантанты?

— Очень немногие. Поэтому я и сказал, что, возможно, вы сумеете подзарядиться. Здесь есть поселок под названием Высокие Сосны, а в пяти днях пути отсюда к западу и еще в восьми днях к югу есть Лопейт. Вам он показался бы почти настоящим городом.

— А что между ними?

Он пожал плечами и неуверенно указал на окружающий лес.

— Вот это. Прекрасная страна для охоты. И не так много охотников. Я здесь встречаю людей не чаще трех раз в год.

Гвенвин приняла это к сведению. Подумав немного, она сказала:

— Тогда мне лучше с утра отправиться в Высокие Сосны, если вы объясните дорогу.

— Конечно, — согласился он. — Или вы можете отправиться в Лопейт. Идти туда дольше, но зато... нет, не могу сказать с уверенностью, где у вас больше шансов подзарядиться, но мне кажется, что в Лопейте.

Они помолчали. Гвенвин ожидала, что мужчина предложит ей свою помощь, возможно, сходит в Лопейт, пока она сама пойдет в Высокие Сосны. Но он ничего такого не предложил. Возможно, жизнь

в пустыне отучила его от галантных замашек, а может, он просто хотел побольше узнать о ней, прежде чем что-то делать.

— Меня зовут Гвенвин, Гвенвин Остер. Можно просто Гвенни.

— Рад встретить тебя, Гвенвин. Я — Хальм Оканон.

— В Коммуналити много Оканонов, — сказала она.

— Вот и прекрасно, — ответил он.

И это, как она поняла, было окончанием разговора.

Когда все было готово, они присели к огню и занялись мясом, жареным с какими-то похожими на картофель клубнями, но с приятным ореховым вкусом, и другими травами, которые Хальм достал из сумки. Также у него оказалась припасена пачка чая, вкусного и бодрящего, и даже немного сахара.

— У меня есть одеяло, и я советую тебе в него закутаться, — сказал он. — Ты так легко одета, что без него просто замерзнешь.

— Спасибо. Мне немного странно пользоваться одеялом на удобной планете земного типа, хотя обычно я вполне хорошо чувствую себя и в межзвездном пространстве. С встроенной системой жизнеобеспечения там не испытываешь никаких неудобств.

— Воображаю, — пробормотал он, — конечно, очень удобно. Но ты же полностью от него зависишь! Случись любая поломка, и с чем ты останешься?

— Конечно, ваше жизнеобеспечение более надежно, но не совсем удобно, — улыбнулась Гвенвин. — Может, в поселках тут жизнь полегче?

— Конечно. Но ведь и жизнь в Коммуналити была бы легче, если бы не эко-война? — вернул он.

— Возможно. Мы испытали это несколько десятилетий назад, когда война стала почти односторонней и практически прекратилась.

— Да, это после того, как Лонтестан нашел телепата-нечеловека — они называют его «Монте» — и переманил его на свою сторону, — сказал Хальм. — Мы слышали об этом. Тогда твоя сторона изобрела «Игрушку» и вы снова сравнялись.

— Я глубоко поражена, встретив здесь, на Арборе, в живописной пустыне, поклонника эко-войны, — улыбаясь сказала она.

— Ну, всегда интересно посмотреть на игры других людей, даже если сам не играешь, — извиняющимся тоном сказал он.

— Это правда, — заметила Гвенвин. — Вот и я смотрю со стороны на твою игру и пытаюсь понять, почему ты выбрал подобное отшельничество. Я бы на твоём месте предпочла играть в создание семьи и воспитывать кучи детей.

Он тихонько кивнул.

— Я бы тоже играл в эту игру, если бы мог.

— А что тебе мешает? На Арборе не хватает женщин?

— Нет, с женщинами все в порядке. Просто я не могу иметь детей.

— Но, на мой взгляд, ты кажешься вполне нормальным мужчиной, — сказала Гвенвин, — и даже вполне привлекательным. — Она еще надеялась этой невинной лестью обеспечить себе его помощь.

Он рассмеялся.

— Я и сам себя таким чувствую, особенно когда ты сидишь рядом со мной. Но детей у меня быть не может.

— О... Я кое-что слышала о этих проблемах.

— Мне кажется, ты не понимаешь. Это не стерильность. Врачи-медики объяснили мне, что это какое-то изменение наследственности. В общем, я не похож на всех остальных.

Гвенвин насторожилась.

— И чем же ты отличаешься?

— Если бы здесь было побольше света, — грустно улыбнулся он, — ты бы сразу заметила, что у меня не хрящи, а настоящая носовая кость.

Она вплотную придвинулась к нему:

— А можно мне потрогать? — выдохнула она.

— Зачем... А впрочем... Давай, — рассмеялся он.

Ее пальцы в темноте нашли его нос и прошлись по гребню. Плотная кость, покрытая кожей! В точности, как у нее самой! И у Марвис!

— Господи Боже! Неужели правда! Господи!

Он рассмеялся.

— Обычно мой нос не вызывает столь бурной реакции. Что тебя так поразило?

— Повернись и посмотри на мой нос, — смеясь, предложила она.

Когда он выполнил это и удивленно уставился на нее, она захохотала и долго не могла остановиться.

— Это невообразимо, — сказала она, задыхаясь от смеха. — Мы перерыли все генетические картотеки Коммуналиты и Федерации, проверили генетические карты миллиардов людей. Потом я приземляюсь на Арборе, в первом попавшемся месте, и ты первый выходишь к моему костру! О, Хальм, это просто чудо! Я тебя нашла!

Хальм долго сидел молча и не двигаясь, словно изваяние. Потом он вскочил и заорал:

— Черт меня побери, это я тебя нашел! — И поднял ее на руки.

Когда Гвенвин проснулась на следующее утро, Хальма уже не было, только у костра лежала его сумка. Она нашла немного теплых углей в золе костра и раздула огонь. Потом она сходила к ручью, искупалась, умылась и уже подходила к костру, когда увидела возвращавшегося Хальма. Он тащил на спине грубо скатанный выюк, и Гвенвин с надеждой подумала, что в нем находится завтрак.

— Ну, — прошептала она, — ты охотился?

— Да, — рассмеялся он, легонько целуя ее в щеку. — И даже лучше, чем охотился. Я ушел сразу после полуночи. Ты не слышала?

— Нет, — ответила она. Она почувствовала его уход, но до конца не проснулась.

— Я тут навестил одну хижину, до нее всего пара часов ходу, — пояснил он. — Тут конечно довольно пустынно, но зато условия хорошие. И мы вполне можем побыть там, если ты, конечно, не решишь запереться в каком-нибудь поселке.

Он вынул из своего свертка посуду, разложил продукты и принялся готовить завтрак.

— Хальм, я не могу остаться, — тихо сказала Гвенвин.

Он недоуменно посмотрел на нее: — А в чем дело?

— Мой долг. Моя служба на эко-войне. Я шпион — диверсант Коммуналити. Я возвращаюсь домой доложить о деле, которое может окончательно сдвинуть военное равновесие. Я каким угодно способом должна зарядить свою батарею и все выполнить. Потом я могу выйти в отставку и вернуться.

Хальм поставил на огонь чайник и принялся крошить жир на сковородку.

— И сколько у тебя это займет? Пару месяцев?

— Я боюсь, что не меньше трех лет. Видишь ли, мне придется докладывать о технологии, которую я видела в действии и которую я могу воспроизвести, но описывать ее слишком сложно. Я могу только показать, как это делается. Но для этого нужно построить специальное оборудование. И все это, конечно, займет время.

Помедлив минуту, Хальм кивнул:

— Ладно, Гвенвин. Я согласен на все. Я только не хочу, чтоб ребенка от меня ты родила в Коммуналити.

— Не беспокойся! — засмеялась она. — Я могу подождать, пока не вернусь сюда.

— Но сначала тебе предстоит нелегкая дорога через лес, — добавил он. — Для этого тебе понадобится пара дней, чтоб научиться всем пользоваться. Тебе нужна теплая одежда, так что останемся здесь, в хижине, хотя бы дня на три, пока все это для тебя подготовим. Затем ты пойдешь в Высокие Сосны, а я сбегаю в Лопейт. Это самый надежный путь отыскать то, что надо, если такой подзарядник остался еще на планете. Потом мы снова встречаемся здесь. Согласна?

— Прекрасно. Но есть еще одна вещь, которую тебе надо знать. Я уверена, что за мной сюда в Республику пришел, по крайней мере, один агент Лонтестана.

Он кивнул:

— Правильно. Я буду держать рот на замке. Но думаю, ты напрасно беспокоишься. Люди здесь не сотрудничают с Лонтестаном. И Арбора, наверное, последнее место во вселенной, где могли бы ожидать твоего приземления. А кроме того, на Арборе деревень тысячи, и вряд ли они соберутся обыскивать их все. Так что я не вижу шансов у этих агентов найти тебя прежде, чем ты покинешь Арбору.

— Приятно слышать, — благодарно сказала она. Но ни за что она не стала бы ему рассказывать, что преследующий агент — очаровательная женщина с пышным бюстом и костяным носом. Она ни за что не позволит Марвис Джанс и Хальму Оконону встретиться. Если подумать, вероятность этого была невелика, особенно если учесть, что увлекшийся игрой в дикаря Хальм почти не имел связи с внешним миром.

Но даже само присутствие Марвис Джанс в Республике несло в себе больший риск, чем Гвенвин могла допустить. Она уже решила, что, когда отправится домой, нарочно попадет на глаза Марвис, чтобы, преследуя ее, та ушла подальше от Республики.

Три дня в хижине пришли быстро и весело. Она многому научилась, прежде чем предпринять свое двухнедельное путешествие... Как управляться с луком, который смастерил ей Хальм, как найти в поле или лесу съедобное растение, как быстро построить шалаш, надежно укрывающий от дождя. Она оказалась способной ученицей. А на некоторые ее вопросы даже Хальм не мог ответить. Возможно, думала она, это не те вопросы, над которыми обычно размышляет лесовик. В конце концов, Хальм прожил в этом лесу дольше, чем она вообще прожила на свете, и не обязан знать о том, что происходит в мире сейчас.

Он часто покидал хижину часов на десять, обходя далеко разбросанные охотничьи избушки в поисках крох необходимого ей снаряжения. Ему удалось найти хороший нож, кусок пушистой ткани, из которой она сделала теплые штаны и куртку, несколько котелков и кремневую зажигалку для костра.

И вот одним ясным утром они начали свое путешествие. Она направилась на запад, он на юго-восток. У нее была карта, предложенная ей Хальмом в качестве проводника, на которой он обозначил основные приметы дороги в Высокие Сосны. Но даже с помощью такой карты идти было трудно. Гвенвин окончательно вымоталась, обходя непролазные чащи и болота и потеряв на этом кучу времени.

Как они и рассчитывали, дорога заняла у нее семь дней. Но в конце концов она пришла в поселок Высокие Сосны — два десятка широко разбросанных домиков под деревьями и полосы обработанных полей за околлицей.

Здесь ее гостеприимно встретили, хорошенько накормили и предоставили на ночь удобную кровать.

Но подзарядника здесь не было.

Может, они знают, есть ли подзарядник в Лопейте или еще где-нибудь поблизости? Нет... никто ничего не знал. Из деревенских только семеро имели встроенные батарейки и практически ими не пользовались. Последний человек, которому нужно было зарядить батарею, летал для этого в Бернсву — и это было семнадцать лет назад.

Когда она отправилась в обратный путь в хижину, настроение у

нее было самое мрачное. Судя по тому, что она слышала, было очень мало шансов на то, что Хальм найдет подзарядник в Лопейте.

Ладно, если уж так предначертано, она осядет здесь окончательно, и пусть эко-война продолжается без нее. Возможность появления нового человеческого типа имеет ничуть не меньшее значение, чем все технологические новинки Федерации.

А когда-нибудь она сможет и домой слетать. Двое стариков в Высоких Соснах сделали ей оригинальное предложение: когда один из них умрет, она сможет забрать энергию неиспользованной батареи с его трупa. Оба они выглядели безнадежно цветущими и здоровыми. Она прикинула, будет ли представлять ее информация ценность для Коммуналити лет эдак через двадцать.

Когда она добралась до хижины, Хальм уже поджидал ее.

— Бедная Гвенвин, — пробормотал он, приподнимая ее на руки и целуя. — Ты выглядишь до смерти уставшей.

— Охотно в это верю. Ну а ты как, с удачей?

— Да. Я принес подзарядник, — неожиданно ответил он. — Он там, в хижине.

— Ну это просто чудо! После того, что мне рассказали в Высоких Соснах, я думала, что ближе Бернсы этой штуки не найти.

— Последняя, — улыбнулся он, обнимая ее, — и ты ее получишь!

— Боже мой! Не знаю, как благодарить тебя, Хальм!

Он рассмеялся:

— Может, я еще передумаю тебе отдавать.

— Ты меня этим просто убьешь, — рассмеялась она.

— Не знаю, не знаю. Я вернулся три дня назад. И с тех пор раздумывал, не спрятать ли эту штуку подальше.

— Как тебе удалось его достать?

— У меня хорошая репутация в Лопейте; вот один парень и дал мне взаймы этот подзарядник. Но он так хотел знать, где будет его сокровище, что сам лично доставил сюда и меня и прибор.

Гвенвин на минуту насторожилась.

— А может, его кто-то попросил отыскать наше любовное гнездышко?

— Не думаю. Этого парня я знаю. Он не будет болтать ни с какими агентами Лонтестана.

— А эти агенты были в Лопейте?

— Не слышал. Конечно, я сам не справлялся, но о таких необычных гостях весь город судачил бы еще пару месяцев.

Гвенвин кивнула и больше вопросов не задавала. Хальм был не так осторожен, как бы ей этого хотелось, но все-таки он не был пограничником, на собственном опыте знающем, что прятаться всегда легче, чем искать. Учитывая, насколько далек он от эко-войны, он выполнил все как нельзя лучше.

Они вошли в хижину, и он вынул из шкафа подзарядник. Это

оказалось большое неуклюжее устройство в пластиковом ящике. Весом по крайней мере футов двадцать, вполне типичное для технологии Республики десятилетней давности.

Но он работал. Он давал энергию. Гвенвин воткнула его разъемы прямо через кожу в контакты своей батареи — немного поморщилась, потому что иглы были жутко тупые — и через тридцать минут была полностью подзаряжена.

— Когда ты улетаешь? — спросил Хальм.

— Скоро... Завтра утром. Я действительно должна лететь, Хальм.

— Ладно. Мне это совсем не нравится, но ты сама это знаешь.

— Возвращение доставит мне больше радости, чем отлет, — сказала она. — И Хальм, я не хочу, чтобы ты видел, как я уйду. Мне кажется, тебе лучше уйти из хижины прежде, чем я перейду на энергию.

— Это на случай, если лонтестанцы засекут твой отлет и выяснят, откуда ты взлетела?

— Да. Мой легкий вес дает мне возможность обогнать в прыжке любого агента, которого я могу встретить. Так что шансы поймать меня у них невелики. Но они после этого явятся сюда, и тебе придется отвечать на неприятные вопросы.

Он рассмеялся:

— Я им тут такого порасскажу!

— И сам не заметишь, как наговоришь гораздо больше, чем собирався, — сказала она мрачно. — Ты об этой жестокой игре знаешь не больше, чем я о жизни лесовиков. И если они узнают, что я собираюсь вернуться... тогда можешь надолго проститься с нашими планами.

Он минуту помолчал, а потом тихонько сказал: — Я уйду в полночь, Гвенвин, так же, как в первый раз. И когда ты отправишься, я буду уже миль за двадцать отсюда.

Она уходила на следующее утро. Гвенвин приготовила плотный завтрак и не торопясь поела. Она не спешила подниматься, так как каждая лишняя минута давала возможность Хальму отойти подальше. Конечно, мало вероятно, что ее выследят, но она не хотела оставить даже слабого шанса, способного свести вместе Марвис и Хальма.

Она прекрасно понимала, что поступает не совсем разумно. Но, окажись на ее месте Марвис, она и сама поступила бы так же. Будь они с Марис родными сестрами, они смогли бы делить единственного встреченного мужчину их вида. Но они не были сестрами. Они были участниками эко-войны: они были соперницами и вдобавок были пограничницами, то есть принадлежали к той небольшой группе эко-воинов, которые при необходимости могли вести борьбу на уничтожение друг друга.

Разумнее было бы делить единственного мужчину. Это был самый верный путь к тому, чтоб создать новый вид и обеспечить ему

продолжительное существование, но обстоятельства не позволяли ей быть разумной...

И даже если бы позволяли, она бы этого не сделала. Она рассмеялась. Забавно было превзойти Марвис с ее шикарнейшей фигурой и пышным бюстом...

И этот Хальм... Ну скажем, не ее идеал. Боже мой! Он же прожил шестьдесят лет, он по возрасту ей в отцы годится! Хотя для нормального хомо сапиенс он выглядит лет на тридцать.

Конечно, он сразу влюбился в нее, это очевидно. И, несмотря на это, без всяких скандалов отпустил ее на три года, а может, и дольше, хоть ему это явно не нравилось.

А потом. Нельзя же надеяться, что единственный мужчина окажется именно тем, в какого она может влюбиться. Во всяком случае, она находит его вполне приемлемым. И он станет самым необычным отцом на Арборе. Она сразу поняла, что его лесное отшельничество было вынужденным, и вряд ли он мог надеяться приучить к этому ее.

Он даже не всегда мог понять, о чем она ему говорила...

Но зато он делал... Например, как он отыскивал для нее снаряжение, когда она собиралась в Высокие Сосны... И этот лук, который он для нее сделал, такой же хороший или даже лучше, чем те, что дают на соревнованиях в Коммуналити за хороший выстрел... И эти любовно приготовленные завтраки. Сколько бы он не объяснял ей, она так и не научилась находить гнезда диких кур, но, когда Хальм шел собирать яйца, он всегда возвращался с полной сумкой.

И если ему не доставало молодости, то он был очень мужественным. И секс с ним уже не был пустой игрой. Она знала, что ее необычность до их пор заставляла ее с прохладцей относиться к обычным мужчинам.

Что же это за цитата, которую она вычитала в одном старинном трактате об экспериментальном скрещивании осла и лошади с целью получить мула? А, вспомнила!

«... забавный факт, что если хоть однажды самец осла обслужит самку осла, то после этого переключить его внимание на лошадь почти невозможно...»

«Забавный» факт, разумеется. Похоже, даже ослы инстинктивно отдают предпочтение производству жизнеспособного потомства своей породы.

Она поднялась из-за стола и подготовилась к уходу. Это заключалось в том, что она сняла с себя теплую одежду, которая теперь, когда она перешла на энергию, была уже не нужна. Она прошла через хижину и остановилась, глядя на лук, который сделал для нее Хальм. Это было прекрасное изделие, и ей захотелось взять его с собой на память.

А почему бы и нет? Если Марвис Джанс все еще где-то рядом, то масса лука, который она засечет своим детектором, заставит ее задуматься и удержит от поспешных действий.

Она повесила лук через плечо и положила в колчан на пояс шесть стрел.

Гвенвин вышла наружу, последний раз огляделась вокруг, а затем включила нейтрализаторы и защитное поле. Скоро она парила высоко в ясном утреннем небе, поднимаясь прочь от планеты, и наслаждалась комфортом, который давала ее система жизнеобеспечения.

На детекторе она увидела пятнышко энергетической активности к юго-востоку... поселок Лопейт, насколько она понимала. Высокие Сосны она не увидела, видимо, никто из нескольких владельцев систем жизнеобеспечения не включал их в этот момент.

Пока не было никаких признаков погони. Она не рассчитывала на что-то так быстро. Марвис вполне могла оставаться все это время около Арбора, рассчитывая на то, что если Гвенвин все еще была в Республике, то только потому, что оказалась на планете, где трудно найти подзарядник. Короче, на Арборе. Но вряд ли Марвис приземлится. Скорее, она могла быть в космосе, готовая перехватить Гвенвин на выходе из атмосферы.

Гвенвин надеялась, что она поджидает ее. Это было бы разумней, чем обыскивать каждую планету.

Скоро она вышла из атмосферы и немедленно прыгнула к проходу в газовом облаке, который вел в Коммуналити. Пару минут подождала и увидела, что Марвис не засекала ее.

Она нахмурилась. Может, Марвис все-таки, бесполезно погонявшись по Республике, уже отправилась домой? Или, может, она ожидает в засаде где-то в проходах газового облака?

Вряд ли, решила она. Если Марвис не висела около самой Арборы, это, скорее всего, говорило о том, что она все-таки приземлилась и встретилась с кем-то, кто сказал ей: «Эй, а я здесь знаю парня с носом точь-в-точь, как у тебя». Нет, это было почти невозможно.

Проще было предположить, что Марвис все-таки была около Арборы, но Гвенвин уходила так быстро, что застала ее врасплох. Или что как раз в это время между ними находилась планета и блокировала показания детектора.

Ладно, это нетрудно проверить. Гвенвин сделала новый прыжок и вернулась в систему Арборы, появившись примерно в тридцати тысячах миль от поверхности. Уходила она с утренней стороны, а сейчас висела над вечерней, пристально следя за экраном своего детектора.

Но во всем ближнем космосе не обнаружилось ни одного источника энергии. Только светлые пятнышки от самой планеты и больше ничего. Одна из этих точек мигала, указывая на то, что источник энергии быстро движется вверх через атмосферу планеты. Марвис Джанс? Мало вероятно.

Гвенвин была в нерешительности. Что еще сделать, прежде чем отправиться домой? Ладно... Неважно. Настало время, когда лучшее, что она могла сделать, это оказаться отсюда подальше.

Движущееся пятнышко на ее экране вспыхнуло, и Марвис Джанс вышла из прыжка в каких-то пятидесяти ярдах от нее. Прежде чем Гвенвин успела среагировать, лонтестанка выстрелила из лазерного пистолета.

Невыносимая боль пронзила левое бедро Гвенвин. Она поспешно прыгнула, и в передатчике в ее левом ухе зазвучал мурлыкающий голос Марвис.

— Бедная маленькая Гвенвин! Я, кажется, проделала неприятную дырку в твоем бедре? Извини, в следующий раз постараюсь целиться лучше!

Гвенвин была занята расчетом нового прыжка, стараясь не обращать внимание на жгучую боль. Ее система жизнеобеспечения уже обрабатывала рану. Защитный экран сразу прижал края и остановил кровотечение. В те же секунды реактивы сформировали стенку из псевдо-ткани, которая должна была прикрывать органы, пока не завершится процесс регенерации естественных тканей.

Если, конечно, она до этого доживет.

Лазерный луч снова прошел рядом с ней, чуть не задев вживленную батарею. Сам прибор не пострадал, но она знала, что в условиях высокой ионизации он может разладиться. Правда, прибор саморегулирующийся... но для этого тоже нужно время.

А сейчас она никак не могла набрать скорость и вышла из прыжка далеко от намеченной точки. В таком состоянии она не могла уйти от Марвис!

— Мне и правда жаль, милая Гвенвин, — раздался голос старшей женщины. — Если бы у меня был хоть какой-то приемлемый выбор — но его у меня нет. У тебя есть немного шанса, дорогая. Ну... счастливого перевоплощения.

Гвенвин почувствовала, что Марвис и вправду искренне жаль ее. Любой пограничник терпеть не мог убивать без достаточных оснований. А Марвис, кроме того, понимала, что она уничтожает половину женской популяции своего собственного вида. Но Гвенвин ее хорошо понимала. Агенту Коммуналити, который получил столь жизненно важную информацию о планах Лонтестана расширить сферу влияния «Монте», безусловно нельзя позволить уйти домой.

Она продолжала совершать минипрыжки, зная, что Марвис, двигаясь быстрее, может перехватить ее в любую секунду. Они все еще были в системе Арборы и по изломанной линии двигались к газовому гиганту, похожему на Юпитер.

Хоть Марвис и не сумела убить ее с первого выстрела, она явно не

оставила своей затее. На этот раз Марвис вышла из прыжка настолько близко, что могла видеть свою добычу без экрана детектора. Слишком близко для лазерного выстрела.

От лазерного пистолета потянулся тонкий световой шнур. На этот раз Марвис поспешила, и луч ушел в сторону. Гвенвин снова ушла в прыжок и снова вышла из него гораздо раньше намеченного. Значит, батарея еще не восстановилась.

При таких обстоятельствах Марвис оставалось только выйти из прыжка одновременно с ней и прожечь в ней аккуратную дырку, прежде чем она успеет среагировать и уйти из обычного пространства.

Возможно, подумала Гвенвин, если я доберусь до газового гиганта, я смогу надолго ее запутать...

Но снова она вышла из прыжка слишком рано. Она заметила на детекторе крупную массу слева от себя и без раздумий прыгнула, ставя ее между собой и преследовательницей. На этот раз она рассчитала довольно точно. Она вышла из прыжка в половине мили над поверхностью одной из маленьких безвоздушных лун газового гиганта. Она медленно отключила всю энергию, кроме защитного поля и детектора, и пошла по инерции. Мгновением позже экран детектора показал, как заматалась Марвис, отыскивая внезапно пропавшую добычу. Она отскочила за несколько сотен миль и теперь крутилась и оглядывалась. Гвенвин под действием притяжения луны тихонько опускалась на поверхность.

— Очень умно, дорогая, — раздался голос Марвис, — это укрытие прибавит еще несколько минут оставшейся тебе жизни.

Все прошло достаточно аккуратно, решила Гвенвин, коснувшись ногами почвы и тут же опускаясь на четвереньки, чтобы удержаться на поверхности. Надо было осмотреться и поискать укрытия, а то на этой плоскости ее нетрудно было заметить и без экрана детектора. И тогда Марвис могла просто подлететь на нейтрализаторе и стрелять по ней, как по мишени.

Гвенвин огляделась вокруг, но не увидела ни хорошо укрытого места, ни входа в какую-нибудь пещеру. Зазубренные вершины утесов пылали в солнечном свете, и глубокая тень у их подножий была единственным более-менее укрытым местом. Несколько длинных прыжков перенесли ее в тень, и она остановилась, прижавшись спиной к утесу, и снова посмотрела на детектор. Черт возьми, оказаться вот так захваченной без оружия и с неисправной батареей! — горько сказала себе она.

— Безоружной?

Она сдернула с плеча лук и проверила натяжение тетивы. Неожиданно дерево отозвалось нормально, словно оно было специально обработано составом, защищающим от воздействия вакуума, как это делается у луков, изготовленных профессионально. Она мимолетно

удивилась, как это Халым мог так обработать дерево, но сейчас это была невероятная удача.

Она наложила стрелу на тетиву и держала оружие наготове, уверенная, что и остальные стрелы можно так же быстро вытащить из колчана.

Нелепое положение... Лук против лазерного пистолета. Она мрачно усмехнулась, подумав об этом. Марвис могла выстрелить, прыгнуть и снова выстрелить прежде, чем стрела доползет до того места, где она была вначале!

Но если она попадет, стрела может прочикнуть внутрь защитного экрана. В этом случае она страшнее, чем пуля или другие гораздо более совершенные снаряды, которые защитный экран остановил бы или отбросил.

Дело в том, что стрела движется относительно медленно и именно это позволяет ей проникнуть в защитное поле. Это неисправимый дефект такого экрана, и они не раз пользовались им на тренировках.

Во всяком случае, это была единственная возможность рискнуть. Она рассчитывала на прицельность и на то, что Марвис растеряется, так как вообще не подозревает, что у нее есть оружие.

А вот и Марвис! Она появилась одновременно в поле зрения и на экране детектора, медленно летящая над вершинами утесов не так далеко от Гвенвин.

Гвенвин подняла лук, натянула тетиву и пустила стрелу. Не дожидаясь результата и опасаясь, что Марвис заметит ее и снова выстрелит, Гвенвин прыгнула прямо от поверхности в точку пятидесятью футами выше врага. Здесь она перешла на инерционный полет и опустилась прямо на Марвис. Она испытала легкий толчок, когда ее защитный экран соприкоснулся с полем лонтестанки, и сокрушительный удар, когда он резко сбросил их обоих на поверхность луны. Силовое поле не выдержало нагрузки.

7

Гвенвин сидела там, куда ее отбросило, в десяти футах от лежащей Марвис. А где же пистолет? А, вон он, сзади Марвис. Она перегнулась через лежащую женщину и схватила оружие прежде, чем Марвис успела шевельнуться.

Гвенвин сунула пистолет себе за пояс и осторожно посмотрела на лонтестанку. Насколько она пострадала? Тяжело ранена или просто притворяется? Хотя она не собирается помогать своему раненому врагу, Гвенвин отделилась от тела и направила эго-поле осмотреть раны женщины. В этом случае эго-поле могло сделать много больше, чем руки, потому что забота о теле была его основной функцией.

Все осмотрев, Гвенвин отступила и замерла, пристально глядя на старшую женщину.

Марвис не была сильно покалечена. Пара сломанных ребер, небольшое внутреннее кровотечение и торчащая из левого плеча стрела. Ничего такого, что ее жизнеобеспечивающая система не залечила бы за несколько часов, стоило только извлечь стрелу. И Гвенвин шагнула вперед и осторожно вытащила стрелу.

Да, Марвис была прекрасна. И такими же будут ее дети.

— Беременность!

Около двух недель или чуть больше, догадалась Гвенвин.

Ах, эта очаровательная деревенщина, Хальм Оканон! Он и здесь успел!

— Марвис, — позвала она.

Женщина медленно поднялась,

— Ох!

— Ты скоро будешь в полном порядке. Я вытащила стрелу. А мне лучше уйти прямо сейчас.

Марвис с трудом приоткрыла глаза и вопросительно уставилась на нее.

— Куда ты пойдешь?

— В Коммуналити, естественно. Если ты не забыла, у меня есть, что там рассказать.

— А... Мы еще увидимся?

— Нет, если это будет зависеть от меня. Прощай.

Гвенвин поднялась от поверхности. Она не стала возвращаться, чтобы подобрать лук, забытый у подножия утеса. Но прежде чем прыгнуть из системы Арборы, она остановилась и задумалась. Несмотря на то, о чем сказала ей беременность Марвис, оставалось только обещание вернуться через три года...

Она включила свой микрофон, настроила на широкий спектр частот и позвала:

— Хальм Оканон?

Молчание.

— Отвечай, Хальм, — жестко сказала она, — Я все знаю.

— Да, Гвенвин, — зазвучал в левом ухе ее голос. — Я очень сожалею.

— Уж в этом-то я уверена, — проворчала она, точнее настраиваясь на его приемник. — Но зачем же ты все так тайком... Я даже не слишком виню тебя. Возможно, мужчины нашего вида будут такими же полигамными, как хомо сапиенс. Плохо только, что на этот раз ты промахнулся. Боже, как ты мог так поступить?

— А... что с Марвис?

— Не беспокойся! Сейчас она лежит и стонет, но через пару часов будет в полном порядке.

— Она знает что-нибудь о нашей встрече?

— Только не от меня. Но сейчас тебе больше нет смысла притворяться, так почему бы тебе не быть искренним хотя бы с ней?

— Может, я так и сделаю, — задумчиво сказал он. — Как ты догадалась?

— У нее первые недели беременности. Как глупа я была, восхищаясь твоей лесной жизнью! У какого фермера ты покупал те яйца? А лук купил в спортивном магазине в Лопейте или слетал в большой город, чтобы найти его? Может, в город за полпланеты от того места, где я приземлилась, но близко к тому, где приземлилась Марвис? И не на Бернсу ли ты летал, чтобы достать подзарядник? Проклятье! Не удивительно, что твоя карта заводила меня то в болото, то в заросли шиповника. Ты же составлял ее, просто пролетая на низкой высоте!

— Гвенвин, я сделал все это потому, что давно об этом думал и ждал подходящего случая. Попробуй меня понять, ладно? — убеждал он. — Мы новая порода и только недавно мы узнали, что вообще существуем. У нас даже нет собственного имени. Мы и наши дети должны развиваться в нормальных условиях, а не среди дряхлого человечества, ведущего бесконечную эко-войну. Мы должны найти свои пути к цели, Гвенвин, и мы сможем сделать это здесь, на Арборе. Ты понимаешь, что это разумно?

— А я решила до завтра не быть разумной, — ответила она. — Во всяком случае, я не вижу разумности в том, чтобы начинать становление нашего вида с обмана людей. Черт побери, Хальм, я же тебе ничего не говорила о лонтестанке! И все-таки...

Она замолчала, так как в голову ей пришла другая мысль.

— Но вообще-то ты здорово все проделал, как настоящий пограничник! Ты с Лонтестана или с Коммуналити?

— С Коммуналити, — проворчал он.

— Попробую найти твою карточку, когда буду дома, — сказала Гвенвин. — Интересно, как удалось тебе изъять все данные из компьютеров. И как ты получил данные на меня и на Марвис, когда мы даже не подозревали о твоём существовании. Думаю, это было ловко сделано. Ты за несколько часов мог предвидеть, что я и она появимся у Арборы, и сумел встретиться с каждой наедине. Ладно, прощай, Хальм. Живите с Марвис и рожайте побольше детей.

— Ты вернешься, Гвенвин, — уверенно сказал он.

— Я так не думаю.

— Ты сейчас слишком рассержена, но за время пути образумишься, — рассмеялся он. — И не забывай, что я единственный подходящий для тебя мужчина.

— На это, пожалуй, не рассчитывай. И не обманывайся. Может быть, где-то рядом есть точно такие же. А если и нет, то даже тогда я скорее останусь старой девой, чем буду твоей второй женой.

— Я тебя не понимаю, — жалобно сказал он.

— А я неразумна. И если бы ты это понимал, то мог бы предвидеть мое глупое стремление увести Марвис прочь от Арборы, раз уж я сама

ухожу. Если б я этого не сделала, может быть, я и не раскрыла бы твоего обмана.

— Ладно, — успокаивающе сказал он, — такую ревность мне и правда трудно понять. Но, улетаая сегодня утром, ты была уверена, что вернешься?

— То есть ты хочешь знать, люблю ли я тебя? — усмехнулась она. — Ха, если ты и вправду думал, что мы можем не соперничать с Марвис, я тебе не завидую. Мы же и вправду стреляли друг в друга. Вот это я и пыталась предотвратить, а не заботиться о том, чтобы выиграть тебя. Люблю тебя? Черт возьми, Хальм, ты мне даже не нравишься!

С этим она прыгнула к дому. Она сказала все, что хотела сказать. Но, черт возьми, как она теперь будет искать нужного мужчину, когда достигнет возраста Марвис?

Несколько часов спустя и далеко от Арборы, какой-то голос зазвучал в ее приемнике.

— Счастливого пути, Гвенвин Остер.

— А? Кто это?

Нет ответа.

Кто же это мог быть? Звонкий голос, как у двадцатилетнего мальчишки. Но что здесь мог делать этот малыш, и откуда он ее знает?

Через несколько лет она узнала точный ответ. К тому времени голос мальчишки превратился в мужской баритон...

Гвенвин никогда не вернется на Арбору. Вернутся ее дети.

Фрэнк Башби

ВЕРХОМ НА ЕДИНОРОГЕ

Я все еще никак не поверю в то, что никому не нужна в свои семнадцать лет. Меня, наверное, считают просто сукой, да, кобылой на машине.

Рилло часто говорит мне:

— Не выражайся так непристойно. Ты разрушишь свой проклятый имидж.

Мне кажется, я его уже давно разрушила — ну и черт с ним, в этом повинна не одна я.

Рилло Фурилло — мой муж, кинозвезда, известен вам наверняка — большой, красивый парень с нагловатой поросычьей улыбкой. На вид он вполне располагает к себе окружающих, если они не знают того, что он всегда играет колодой, в которой тридцать восемь карт. И меня вы наверняка знаете — очаровательную крошку Вендину Ториз, уже не первый год являющуюся самой популярной детской актрисой, с огромными голубыми глазами и длинными белокурыми

локонами, до которых никому не разрешается дотронуться. Этакая шестнадцатилетняя очаровашка — ни разу не целованная. Может, и осталось такое место, куда меня еще ни разу не целовали — думается, это гланды. Хотя, кое-кто пытался...

Все произошло прошлой осенью, когда мы едва-едва завершили съемку фильма для телевидения, где я играла главную роль вместе с известным актером Арни Каразнеком. Должна заметить, что все фильмы Арни всегда идут с многочисленными рекламными паузами. Как вы правильно считаете, мне часто приходилось делить с ним постель, и вот в один из таких моментов, как вы догадываетесь, зазвонил телефон.

Я сказала:

— Проклятье! — и это того стоило, однако он снял трубку.

— Хэллоу? А, это ты, Фил. Да-да, продолжай. Я сейчас не занят. Конечно нет, дура! Фил? Заткнись, я сказал! Да нет, не тебе, Фил. Тупица проклятая. Да нет, не ты, Фил. Вендина, заткнись, черт возьми, не то сейчас схлопочешь! Забудь, что ты слышал, Фил. О'кей? Хорошо, Фил. Что? Нет, о боже. Нет. На приеме? В юниорской высшей школе? Хорошо, хорошо. Теперь послушай, что необходимо сделать...

Здесь я всегда прекращаю слушать. Обычно «это необходимо сделать» затягивается у Арни на целый час. Я преспокойно удалилась на остаток разговора в уборную, где принялась читать статью Кливленда Эйворда в «ТВ Гайд», где говорилось о моем сериале «Венды Вендины». Я была почему-то уверена, что сериал ему нравится, но критик Эйворд оказался форменным мерзавцем.

Я перечитывала статью третий раз, когда Арни постучал в дверь:

— Выходи оттуда, слышишь? Ты разрядишь все батареи в вибраторе. — Дурила Арни — батареи не работали еще со времени его последнего телефонного разговора. И все-таки я вышла.

— Меня не интересуют эти чертовы батареи Арни. Я просто хочу, чтобы когда-нибудь...

— Идем, Вендина. Серьезное дело.

— Да? И у меня серьезное. Ладно, говори, кто звонил?

— Рилло. Но лучше бы он не звонил. Ему, похоже, приказали позвонить.

Я промолчала — что можно было подумать о Рилло? Потом нашла немного выпить, зажгла сигарету в ожидании, когда Арни начнет рассказывать.

— Я объяснил Филу, что все можно уладить, но его проблему решить не совсем просто. Я могу рассчитывать на тебя, Вендина?

— В чем?

— Это будет роман века!

— Какой роман? — Я уже все поняла, но хотела услышать собственными ушами, чтобы удостовериться окончательно.

— Роман между тобой и Рилло. Что скажешь?

Вместо ответа я швырнула в него свой бокал. Арни успел увернуться, и бокал разбился о камин, но это было лучше, чем ничего.

— Я не собираюсь выходить замуж за чертова придурка Рилло!

— Послушай, малыш. Рилло не придурок, он слегка странный. Вот и все.

— Он слишком странный, хотя и дьявольски популярен. И, тем не менее, я попытаюсь, Арни.

Наша помолвка была подробнейшим образом описана во всех журналах и газетах.

— Я просто не в состоянии выразить всю глубину своих девичьих впечатлений, когда мы с Рилло наконец-то остались наедине со своей страстной, большой любовью, — так я заявила репортерам и, наверное, была искренна — его мощное тело, мужественная улыбка, ясные глаза и страстный голос повергли меня в трепет.

Мы действительно явились настоящей сенсацией для газетчиков, и три месяца подряд я не замечала Джекки* на обложках журналов.

Кризис наступил, когда мы с Рилло снялись в новом фильме — жизненном, честном фильме, совсем не для телевидения, ибо он был без рекламных вставок.

Мы сделали этот фильм очень быстро, и я очень хотела, чтобы его считали большим, приносящим радость событием, несмотря на явную развращенность. В первую очередь я ждала этого от Арни, однако по его мнению, мнению опытного кинооператора, во время съемок с самого начала был задан неверный ритм, и с неделю телефон молчал — Арни никто не звонил, и он не звонил мне. Таким образом, единственное, в чем мне повезло, это в том, что мы с Рилло поженились.

Очень плохо, что кинематограф сейчас в загоне, ведь раньше это был мир фантазий и сказок, своеобразный Диснейленд для людей среднего возраста и столь же среднего достатка. Вообще-то, сам Арни выдвинул идею снимать фильм в строжайшей тайне и сразу показывать по телевидению, дабы произвести ошеломляющий эффект.

После того, как он прочитал книгу Горальда Роббинса, босс Арни Карзнека идет в новых фильмах под своей настоящей фамилией.

* Очевидно, имеется в виду Жаклин Кеннеди Онассис.

Многие считают, что это немного вызывающе, но он, кажется, не обращает внимания.

Вы знаете Франклина Улиссеса? Как бы там ни было, старик Франклин прочел в газетах об одном научном открытии и незамедлительно использовал его, отчасти, конечно, но использовал.

Знаете, я далеко не глупа, просто неразговорчива и весьма критически воспринимаю многое из происходящего вокруг. Клянусь, что понимаю не меньше босса Арни в том, как ученые при помощи достижений в генетике смогли вывести ранее вымерших животных. К примеру, из ящерицы им удалось получить доисторического динозавра. Возможно, не стоит всему этому особенно доверять, но в Западном Берлине действительно есть загон, полный каких-то зубров — настоящих суперзубров, словно вышедших из каменного века.

Босс Арни прочел в одном популярном журнале, что кто-то в Африке смог вывести единорогов. Вы слышали когда-нибудь о таких зверях? Думаю, вряд ли они вообще существовали, но, по крайней мере, это были не однорогие лошади, ведь однорогих животных не бывает в действительности — у носорогов имеется костное уплотнение, у нарвала, своеобразного уродливого дельфина — один-единственный зуб, только очень длинный. Все это я помню со времени обучения в колледже, естественно, до того момента, как меня оттуда выгнали, прежде чем я его бросила по собственной инициативе. Возможно, это и к лучшему. Но кто-то рассказывал про особый вид антилоп — их рога растут настолько близко друг к другу, что похожи на один. И вот какой-то африканский выродок превратил бедных антилоп в единорогов.

Новый фильм должен был называться «Приманка для единорога», и босс Арни собирался сорвать на нем большой куш. Старик Франклин Улиссес заплатил кругленькую сумму за то, что смог быстро достать нам антилопу для роли единорога, которая, впрочем, оказалась слишком глупой, с трудом поддающейся дрессировке тварью. Ее флегматичная морда очень походила на верблюжью, и нам пришлось с ней повозиться, прежде чем антилопа усвоила все трюки.

Когда я впервые увидела ее на съемочной площадке и она доверчиво подошла ко мне и положила голову на колени, то я, вместо того, чтобы угостить ее кусочком приготовленного заранее сахара, заорала как сумасшедшая. В тот момент я думала, что это был настоящий единорог. Много пленки пошло в мусорную корзину, прежде чем я привыкла в виду антилопы, но я все равно часто ловила себя на мысли: «Снимая фильм, мы все подвергаемся опасности». Рилло и я, а также Арни и даже Франклин Улиссес считали, что мы проделали огромную и многотрудную работу.

— «Приманка для единорога» станет своеобразным телевизион-

ным шоу — так мы представим свой фильм — сказал Арни. — Он должен стать одним из наиболее удачных моих фильмов.

К тому времени я уже слегка пополнила в области живота, но Арни успокаивал меня:

— Твоя легкая беременность лишь сделает фильм еще более пикантным. — Помнится, он сказал это на одной из встреч со зрителями. Во время подобных встреч у него всегда хватало чувства такта, а вот если бы мы с ним находились наедине, он выразился бы следующим образом:

— Ты чертовски здорова, Венда. Что тебе еще сказать? — После таких слов мне дьявольски не хочется, чтобы мой будущий ребенок стал кинорежиссером.

Поначалу сценарий фильма не казался нам таким плохим, как после съемок. В нем предлагалось обыграть легенду о единороге применительно к барану мистера Нильсона, вскормленному на взбитых сливках. Предполагалось, что этим займется Рилло, однако в то время у него были проблемы с наркотиками, и пришлось занять исполнителя второй роли в фильме Милана Бэнфилда.

Далее мы с Рилло должны были продемонстрировать основную часть нашей центральной сцены, где единорог показывает один из своих трюков. Единственное, что мне предстояло делать — спокойно сидеть и не переигрывать, а Рилло должен был сидеть рядом со мной и не суетиться. Никаких проблем.

— Послушай, Арни, — сказала я. — Почти все журналы обсасывают сейчас на своих страницах мое замужество и тот факт, что я сейчас беременна. А мы тут с единорогом по сценарию занимаемся, сам знаешь, какими вещами. Тогда, ответь, какой остолеп поверит, будто эта антилопа соображает, что делает со мной во время финальной сцены?

— Да такие же недотепы, как все прочие, которые смотрят подобные телевизионные шоу и даже покупают на них билеты. — Я не стала спорить — иногда Арни действительно разбирался в своем деле.

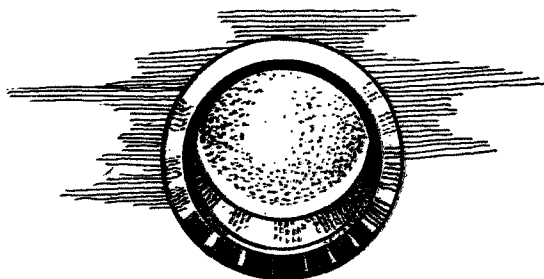
Погода в тот день благоприятствовала съемке — солнце серебрилось на утренней росе, вот только от сырой травы мерзла задница, но я улыбалась своей обворожительной улыбкой Венды Вендины и думала о том, что все это, к счастью, будет продолжаться недолго. Я посмотрела на Рилло и подумала: «У него действительно кремниевая улыбка — никогда не замечала его смущения».

Когда настала наша очередь отрабатывать свой хлеб, мы с Рилло приступили к делу. Казалось, все шло нормально, до тех пор, пока глупая антилопа не выбежала из кадра. Ход съемки нарушился, и я, чтобы заполнить паузу, стала импровизировать, произнося банальные реплики, а Рилло импровизировать совершенно не способен, и

мне пришлось на половину своих реплик отвечать самостоятельно. Наконец ассистент подтолкнул единорога в кадр. Почти вовремя. Но дальше все пошло к чертям.

Эта проклятая скотина — единорог — провалил все шоу. Перед миллионами телезрителей, которым только что сообщили о наших с ним отношениях весьма сенсационную новость, проклятое животное лениво подошло и потерлось головой о колено Рилло. Это был удар для Арни.

Я думаю, что даже подобные антилопы должны хоть иногда поступать по правилам.

Крис Невил

МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА СРЕДИ БЕССМЕРТНЫХ

Разве это не прекрасно — жить вечно и путешествовать к звездам?

Услышав трель звонка, доктор медицины Феликс Вивер понял, что пришел ремонтник. Он торопливо встал — ведь каждый сигнал звонка стоил денег. Открывая дверь, доктор Вивер с удовольствием отметил, что мастер сменился. Предыдущий работал не так хорошо, как следовало бы, поэтому плитка снова стала барахлить. Новый же (а если повезет, то и его семья), возможно, нуждается в медицинских услугах. Имея в перспективе гарантированное бессмертие, никто не хотел бы оказаться преждевременно выбывшим из-за какой-нибудь вполне исправимой неполадки, какой бы малой ни была ее вероятность.

— Опять плитка, — сказал доктор Вивер.

— Можно ее посмотреть?

— Да, проходите.

Доктор Вивер жил в одном из тех старых домов, которым требовался основательный ремонт. То, что раньше было кухней, сейчас представляло собой его медицинскую лабораторию. За ней располагался кабинет — переоборудованная каморка, в которой стояли два стула и стол красного дерева. На собственно кухню, где готовили еду, вела из столовой бетонная лестница.

Доктор Вивер включил на лестнице свет, и оба они спустились вниз. Ремонтник бегло осмотрел плиту, затем вернулся к своему чемодану, который он оставил у подножия лестницы. Он открыл его и стал выкладывать инструменты. Вскоре вокруг него лежали индикаторы, зонды, осциллограф и маленький компьютер.

— Давайте включим эту штуку и посмотрим, — сказал он.

Доктор Вивер вынул свою визитную карточку и беспокоило теребил ее в руках. Приходилось постоянно искать клиентов — такова уж судьба врача. Иногда под действием ночного воздуха возникали странные болезни. От них прописывали универсальные прививки. Время от времени можно было воспользоваться всеобщим страхом перед эпидемией, и тогда дела шли хорошо неделю, а то и две. Если не было эпидемий, всем рекомендовалось на всякий случай по крайней мере раз в полгода выводить из организма вредные вещества, поскольку никогда нельзя знать с уверенностью, какой смертельный яд может случайно попасть в воздух или в пищу. Кое-какой заработок приносило выписывание болеутоляющих, кислородных препаратов от похмелья и другие всевозможные услуги. Очень редко встречались случаи, когда требовалось хирургическое вмешательство, так что гонорар уплывал от обнаружившего это к хирургу. Одним словом, не бог весть что, хотя жить можно.

Вивер стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Цены на хлеб сегодня опять выросли, — сказал ремонтник.

— Такая жизнь пошла, что рабочему человеку не свести концы с концами.

— Да, пожалуй, — ответил доктор Вивер. Он почувствовал непреодолимый прилив гнева. Убийства, хоть и сурово наказуемые, все же случались. Доктор Вивер был твердым сторонником президента.

— Хочу вас порадовать: компьютер нашел неисправность и я сейчас мигом ее починю.

— Будет ли у вас после этого время выпить чашечку кофе? — Доктор Вивер предложил это, заведомо зная, что ему в любом случае придется потратить целый час.

— Это было бы неплохо, — сказал мастер.

— Сразу, как только вы закончите, — сказал доктор Вивер, наклоняясь и заглядывая ему через плечо.

Ремонтник, не очень довольный тем, что у него стоят над душой, остановился и присел.

— Давайте, я объясню, что я делаю, — предложил он. — Видите,

эта плитка соединена с холодильным отделением, где хранятся продукты, а вот здесь есть маленький переключатель, который должен включать ее, когда продукты подаются оттуда, соскальзывая по желобу. Сейчас этот маленький переключатель создает нам проблемы...

— Так позовите меня, как только закончите.

— ...проблемы при включении, поскольку устройство довольно сложное. Вам надо учитывать, что плитка должна поддерживать разный уровень температуры в разных местах, если вы хотите, чтобы все блюда были готовы одновременно.

— Я это понимаю, — сказал доктор Вивер, — но мне сейчас действительно нужно идти. — Он оставил ремонтника одного. Этот человек, если его достаточно рассердить, может следовать за ним по дому от комнаты к комнате и объяснять работу оборудования. Как известно, ремонтник вполне на это способен.

Доктор Вивер ждал в своей лаборатории, которая использовалась и как кухня, если еду готовили вручную. Все, что в ней находилось, ему выдали при окончании медицинского училища, поскольку при доходах от его практики ему потребовалось бы десять жизней, чтобы оплатить все это. Поэтому он не мог производить крупного ремонта оборудования. Это могли бы сделать инженеры, которые учились намного дольше, чем он. Человеческое тело, если даже рассмотреть его во всех деталях, намного проще, чем многие электронные устройства. В человеческом организме могут пока что плохо работать с полдюжины важных химических реакций да несколько механизмов. Как и радио, он сравнительно прост, самообновляем и построен раз и навсегда.

Вскоре пришел мастер.

— Все нормально, — сказал он. — Я думал, что, может, придется заменить переключатель, но вам на этот раз повезло. Скажите жене, чтобы она следила за показаниями разности температур. Если обращаться с ней так грубо, то она и года не протянет. Надо учиться правильно пользоваться ей, если вы хотите, чтобы она работала.

— Я ей скажу.

Ремонтник уселся, явно довольный тем, как быстро он обнаружил и устранил поломку.

— Я работаю здесь по двадцать часов в неделю, — сказал он, — и остальной мир, надо сказать, неплохо устроился без такой тяжелой работы. Почему, вы думаете, наши налоги тратят на попытки индустриализировать Азию?

Доктор Вивер вдруг с отчаянием подумал, что будущее определяется настоящим. Большинство, в конце концов, пойдет туда, куда оно хочет идти. Промышленно развитой Азии будет нужно больше ремонтников, чем докторов. И он мало что может тут поделать. Им снова овладел гнев. Он налил кофе для двоих, его рука дрожала. Еще

тридцать минут, оставалось тридцать минут от стосемидесятипяти-долларового часа. Он знал, что рано или поздно он кого-нибудь убьет.

Рабочий сказал:

— Сколько лет мы носились с этой наукой, а? И сколько денег из нашего кармана спустили в эту прорву?

Доктор Вивер заметил:

— В настоящее время трудно догадаться, какой новый способ сойти с ума еще могут выдумать.

— И очень трудно, насколько могу судить я, инженер, понять, здоров ли человек, думающий, что владеет фундаментальным строением пространственно-временного континуума, и ожидающий при этом успеха.

— Я не силен в теории, — сказал доктор Вивер, — но разве вам бы не хотелось, чтобы мы имели возможность исследовать другие звездные системы, а не только наши восемь маленьких планет? Когда-нибудь мы сможем летать туда, если только сконструировать соответствующие аппараты, и тогда нам может понадобиться помощь Азии в их создании. Мне кажется, нам следует поддержать президента в этом вопросе.

— И все-таки, можете вы мне сказать, зачем нам это нужно? Вот что меня интересует.

Доктор Вивер мысленно представил себе картину других планет, вращающихся вокруг других звезд.

— У нас появится множество технологических новшеств.

— У нас уже есть все, что нужно.

Слепой гнев снова переполнил доктора Вивера, но он почему-то никак не мог дать ему выход в словах, и гнев жег его изнутри. Почему он должен так беспокоиться о полетах к звездам? Что, в самом деле, нужно человеку кроме того, что у него есть? Почти каждый думает так же, как этот рабочий. И все же доктор Вивер был убежден, что это неверно. Они все заблуждаются. Необходимо привести планету в порядок и путешествовать к звездам.

— Если бы не высокие налоги и не необходимость надирать пупок на работе каждую неделю, — продолжал мастер, — я был бы совершенно счастлив, уж поверьте моему слову.

Доктор Вивер почувствовал, что гнев отступает и его сменяет отчаяние.

— Хорошее у вас тут место, — сказал рабочий, накладывая себе в кофе четыре ложки сахара и помешивая.

— Да, нам нравится. Я всего лишь врач, доктор медицины, так вот и живем. У вас есть дети?

— Один. Ему два года. Мы планируем еще одного, когда этот кончит колледж. Я думаю, лучше, чтобы разница в возрасте была большой. Я знаю много людей, завязавших с этим, не желая беспокойств со вторым ребенком. Но я думаю все же пойти этим путем.

— Мы тоже, — сказал доктор Вивер. — Нашему сыну семнадцать, и мы всерьез подумываем завести второго.

— Семнадцать? — переспросил рабочий. — Ну и как по-вашему, о чем думает молодежь? Совершенно непонятно. На что они надеются? Носятся по всем этим аграрным странам и расстраивают экономику.

Доктор Вивер понял, что развернувшееся обсуждение только отпугнет потенциального клиента. Не говоря уже о том, что ввергнет его в новые волны гнева и отчаяния.

— Возьмите, пожалуйста, мою визитную карточку, — предложил доктор Вивер, — на случай, если вам потребуются услуги врача. Помоему, это правильно, что вы растите пока одного ребенка. Ведь он, действительно, требует полного внимания, по крайней мере, первые пятнадцать лет. Вы приняли мудрое решение. Не хотите ли посмотреть мою маленькую лабораторию? Она очень хорошо укомплектована.

— Давайте посмотрим. Вот это — клеточный монитор отличной модели.

— Вам, конечно, не нужно разъяснять, как он устроен, но его здорово сконструировали. С его помощью я могу обнаружить любой органический дефект. Теперь, конечно, большинство из них несущественно, лишь один требует постоянного внимания, но вы никогда не можете быть уверены, что все в порядке, без профессиональной консультации.

Рабочий приготовился слушать с интересом, хотя, конечно, знал, что, если исключить несчастный случай, яд и неизлечимую наследственную болезнь, он может жить сколько угодно долго. По сути дела, долговечность — это просто вопрос устранения желания смерти и поддержания в порядке эндокринной системы, чтобы предотвратить старение.

— Такое обследование стоит всего пятьсот долларов, — сказал доктор Вивер. — А затем я даю вам все необходимые лекарства бесплатно. Теперь, конечно, есть рутинная проверка, которая фактически то же самое и которую я могу сделать за семнадцать с половиной плюс шесть долларов и двадцать пять центов за каждую дозу лекарства; их число редко бывает более десяти. Вы, возможно, найдете ее более предпочтительной. Многие мои пациенты находятся под постоянным наблюдением, которое включает периодическое выведение ядов и рекомендуется медицинской ассоциацией. Я думаю, вам следовало бы всерьез подумать о такой лечебной программе.

Рабочий пообещал о том, чтобы как-нибудь зайти. Он был у врача месяцев шесть назад, но по нему трудно было определить. То, что один прослушает, другой запомнит, так что он может назначить предварительный визит для жены и ребенка. Если они сочтут, что стоит попробовать, тогда он уже и сам придет на процедуры.

— Конечно, буду рад вас видеть, — сказал ему доктор Вивер.

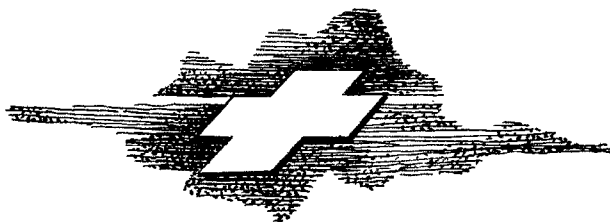
В это время доктор Вивер пожалел, что он не хирург и вынужден вот так заманивать клиентов. Однако хороший хирург — это специалист высокой квалификации, и, без сомнения, требуется исключительный талант и тяжелая работа, чтобы сохранить хорошую форму при редкости операций. Каждая из них подробно изучалась, и если человека уличали в какой-нибудь уловке, то его увольняли, а оставшись без работы, которой он научен, человек обычно умирал между 65 и 70 годами, если не раньше.

Так что, может, оно и к лучшему, что он всего лишь доктор медицины, а не хирург. Доктор Вивер собирался жить хорошо и долго. Он поблагодарил мастера у дверей, подписал квитанцию и еще раз повторил, как он был бы рад видеть у себя его жену и ребенка.

Он вернулся в свой кабинет. Было еще рановато для следующего посетителя, миссис Кристиансон. Она, непонятно по каким причинам, хотела внести химические изменения в волосяной покров своего тела.

Доктор Вивер бросил взгляд на газету.

Передовица была о человеке, только что отметившем сто двадцатилетие. Действительно, редкость. Доктор Вивер посмотрел список самоубийц — нет ли там кого из знакомых.

Ричард Мэйсон

КОРАБЛЬ СМЕРТИ

Первым его увидел Мэйсон.

Он сидел перед большим обзорным устройством и делал какие-то пометки, в то время как их корабль проплывал над новой планетой. Карандаш Мэйсона быстро скользил по карте-сетке, которую он держал в руках. Еще немного, и они опустятся на поверхность, чтобы взять образцы. Минералы, растения, животные. Если, конечно, они что-то найдут. Там специалисты все осмотрят, исследуют и дадут оценку. Затем, если все нормально, на их рапорте будет поставлен большой черный штамп «ПРИГОДНАЯ ДЛЯ ОБИТАНИЯ», а это значит, что они открыли еще одну планетку, куда в самом скором времени придут колонизаторы с перенаселенной Земли.

Мэйсон делал приблизительную топографическую схему, когда вдруг заметил на поверхности блестящий предмет.

— Я что-то видел.

Он получше настроил свой обзорник и повернул его обратно курсу.

— Что ты видел? — спросил Росс. Он сидел за пультом управления.

— Что-то сверкнуло, не обратил внимания?

Росс заглянул на свой экран.

— По-моему, мы прошли над озером.

— Это не озеро, — возразил Мэйсон, — это было что-то на участке рядом с озером.

Он быстро набрал на пульте команду, и большой корабль мягко повернулся, сделал дугу и направился обратно.

— Сейчас следи внимательно, — сказал Росс, — нужно проверить. У нас не так уж много времени.

— Слушаюсь, сэр.

Мэйсон, не мигая, прильнул к обзорному устройству. Далеко внизу медленно проплывали, чередуясь, леса, поля и реки. Навязчивая мысль о том, что вот он — заветный момент, настал, вертелся в голове. Момент долгожданного контакта землян с иной, неведомой жизнью, с расой существ, возникших из других клеток, развившихся на другой почве. Это была мысль, не дававшая покоя. И год этот, 1997, может быть, войдет в историю. Может быть, сейчас он, Росс и Картер управляют современной «Санта-Марией» на пути к открытию новой Америки. Они — у руля серебристой стремительной каравеллы, бороздящей космические просторы.

— Смотри, — крикнул он, — вон там.

Он посмотрел на Росса. Капитан пристально следил за поверхностью. Мэйсон знал это выражение лица. Тщательный анализ ситуации, за которым вот-вот последует решение.

— Что это такое, как ты думаешь? — Мэйсон хотел сыграть на честолюбии капитана.

— Может быть, и корабль, но точно сказать нельзя.

Ну что же ты, решай быстрее! Спустился и посмотрим. Мысленно Мэйсон убеждал капитана, зная, что советовать ему он не в праве. Решение должно быть принято Россом. Иначе они даже не остановятся.

— Мне кажется, ничего особенного, — еще раз уколол он капитана.

Мэйсон сгорал от нетерпения. Он следил за пальцами Росса, настраивающими обзорник.

— Садимся, — произнес Росс, — в любом случае нам необходимо взять образцы. Единственное, чего я опасюсь...

Он тряхнул головой. Ну садимся же! Мэйсон едва сдерживался. Быстрее вниз и... Росс размышлял. Его полные губы были плотно сжаты. Он взвешивал. Мэйсон затаил дыхание.

Росс медленно покачал головой. Решение назревало. Мэйсон

вздохнул. Он следил за капитаном, как тот крутил настройку, потом перешел к приборам управления. Корабль наклонился и начал переходить в вертикальное положение. Кабина слегка дрожала в ответ на отработку гироскопов. Небо над ними развернулось на девяносто градусов, в иллюминаторах появились облака. Корабль сейчас смотрел прямо на солнце новой планеты. Росс выключил маршевые двигатели, и после секундного зависания они почувствовали, что быстро летят вниз.

— Что такое? Уже садимся?

Микки Картер вопросительно выглядывал из левой двери, ведущей к багажным контейнерам. Он вытирал свои жирные руки о бока зеленой спецовки.

— Мы что-то заметили там, внизу, — объяснил ему Мэйсон.

— Шутить небось, — Микки подошел к обзорнику Мэйсона, — дай-ка взглянуть.

Мэйсон настроил объектив получше. Они оба следили за надвигающейся планетой.

— Не знаю, сможем ли мы... вон оно, смотрите, — Мэйсон обернулся к Россу.

— Два градуса восточнее, — последовала команда.

Росс дотронулся до шкалы, и направление падения сразу изменилось.

— И что вы об этом думаете? — спросил Микки.

— Ну и ну!

Микки все с большим интересом следил за экраном. Его широко раскрытые глаза не отрывались от крошечной точки, которая постепенно становилась все больше и больше.

— Похоже на корабль, — сказал он, — очень похоже.

Медленно выпрямившись, он встал позади Мэйсона и продолжал наблюдение.

— Реакторы, — произнес Мэйсон.

Росс резко нажал на кнопку, и двигатели сразу же отреагировали выбросом раскаленных газов. Скорость упала. Ревущие огненные сопла плавно замедляли снижение. Росс сидел за пультом.

— *А по-твоему*, что это такое? — спросил у Мэйсона Микки.

— Я не уверен. Но если это окажется корабль... — Мэйсон задумался. Он знал, что не должен давать волю фантазии. — Может ли этот корабль быть земного происхождения. Это-то нам и предстоит выяснить.

— Может быть, сбились с курса? — неуверенно предположил Микки.

Мэйсон пожал плечами.

— Вряд ли.

— А что, если это все-таки корабль? И не наш корабль? — Картер облизывал пересохшие губы.

— Страшно представить. Ты только подумай.

— Воздушное торможение! — скомандовал Росс.

Мэйсон включил систему воздушного торможения. Она обеспечивала мягкое касание, как будто на подушки падаешь. Можно было стоять и не заметить момент приземления. Но такая штука имелаась только на последних моделях правительственных кораблей.

Касание. Корабль встал на задние опоры.

Появилось характерное неприятное чувство слабого покачивания. Корпус корабля замер, задрав свой нос кверху и ярко сверкая под незнакомым солнцем.

— Всем держаться вместе. Никаких лишних действий. Это приказ.

Росс встал со своего кресла и жестом дал команду наполнить атмосферным воздухом маленькую камеру в углу кабины.

— Три против одного, придется одевать шлемы, — снова начал Микки их игру с Мэйсоном.

— Проиграешь. — На каждой новой планете они спорили, есть ли там воздух, пригодный для дыхания. Микки всегда ставил за скафандры, Мэйсон — против. Пока счет был равный.

Мэйсон включил заполнение. В камере глухо зашипело. Микки вытащил шлем, напялил его и прошел в двойные двери. Слышно было, как он закрыл их изнутри. Мэйсону хотелось включить боковой обзорник и взглянуть, что же там снаружи. Но он медлил. Он растягивал удовольствие.

В переговорное устройство послышался голос Микки.

— Внимание, снимаю шлем.

Некоторое время он молчал, потом выругался.

— Опять проиграл.

Росс и Мэйсон последовали за ним.

— О боже! Вот это грохнулись!

Микки ужаснулся. Лицо его выражало неподдельное сожаление. Три астронавта стояли на зелено-голубой траве и молча смотрели.

Это действительно был корабль. Вернее, то, что от него осталось. Он врезался в поверхность с огромной скоростью, носом вперед. Корпус вошел в твердую почву футов на пятнадцать. Обшивка и надстройки корабля почти полностью отлетели и валялись далеко вокруг. Кабина была полупридавлена и вырвана из своих креплений двигателями. Ничто не нарушало мертвую тишину. Катастрофа была настолько ужасной, что невозможно было определить даже тип корабля. Он напоминал большую игрушку, попавшую в руки огромного ребенка, который потерял терпение, бросил ее о землю, растоптал и в яростном безумии швырнул о скалу.

Мэйсон содрогнулся. Давненько он не видел таких игрушек. Он уже начал забывать, что корабль может потерять управление, беспомощно падать и закончить свое существование в результате мощного

взрыва. Он слышал, что такое, как правило, случается после схода с орбиты. От неприятного вида трагедии у Мэйсона засосало под ложечкой. Он вспомнил разговор на эту тему накануне.

Росс подошел к груде обломков и пнул их ногой.

— Ничего не понимаю, — сказал он, — а ведь корабль-то как наш.

Мэйсон хотел что-то возразить, но потом передумал.

— Если бы меня спросили, чей это двигатель там валяется, я бы сказал — наш, — ответил ему Микки.

— Ракетные двигатели делаются по определенному стандарту, — как бы со стороны услышал сам себя Мэйсон. — Везде.

— Это невозможно, — возразил Росс, — таких совпадений не бывает. Ясно, что эта штучка с Земли. Им здорово не повезло. Но, по крайней мере, смерть наступила мгновенно.

— Мгновенно? — вопрос Мэйсона повис в воздухе. Все сразу подумали об экипаже. Как это должно быть страшно, когда твой корабль неотвратно падает вниз. Было ли это прямое падение с ускорением пушечного снаряда, или же сплошное беспорядочное вращение, когда кажется, что гироскоп «сошел с ума», не в состоянии удержат кабину горизонтально.

Крики, команды, обращения к небесам, которые ты больше не увидишь, к богу, который тебя оставил. С дикой скоростью увеличивающаяся планета подставляет свое жесткое тело, невероятно сжимаемая корабль и вырывая из легких последнее дыхание. Они снова содрогнулись.

— Давайте посмотрим, — сказал Микки.

— Я не уверен, что нам лучше сделать, — Росс не торопился. — Да, он похож на наш. А если это чужой?

— Пресвятая дева, уж не думаешь ли ты, что там кто-нибудь остался? — спросил капитан Микки.

— Кто знает.

Но он, как и остальные, глядя на бесформенную металлическую массу, думал то же самое. Шанса выжить здесь не было.

Они не видели его взгляд, сомкнутые губы, подергивание лицевых мускулов. Надо обойти корабль.

— Внутрь зайдем вот здесь. Держаться вместе. У нас еще много работы. Попробуем выяснить и доложить на базу. — Для себя Росс уже решил, что этот корабль с Земли.

Они подошли к тому месту, где боковая обшивка была разорвана вдоль сварочного шва. Длинная толстая пластина была согнута с такой силой, как если бы это был листок бумаги.

— Не нравится мне все это, — сказал Росс, — мне кажется...

Кивком головы он указал на отверстие, и Микки начал пробираться туда, тщательно ощупывая каждый сантиметр обшивки. Рабочие защитные перчатки помогли ему благополучно миновать острые

края, скользить по ним, и остальные, видя это, быстро полезли в карманы комбинезонов. Микки сделал первый шаг в темное чрево корабля.

— Только не торопись, — раздалась команда Росса, — жди меня.

Капитан подтянулся, тяжелые ботинки царапали гладкое тело ракеты. Он тоже шагнул в отверстие, Мэйсон последовал за ними.

Внутри корабля было темно. Мэйсон прикрыл глаза, чтобы адаптироваться к недостатку света. Когда он их окрикнул, два ярких луча уже быстро шарили по замысловатым переплетениям балок и платформ. Он вытащил свой фонарик и щелкнул выключателем.

— Этим беднягам здорово досталось, — сказал Микки, потрясенный представшим перед их взором развороченным нутром корабля. Голос его эхом отозвался в металлическом корпусе. Наступила полная тишина. Они стояли в полутьме, и Мэйсон почувствовал едкий запах, оставшийся после пожара двигателей.

— Поосторожнее с этим запахом, — посоветовал Росс Микки, который пытался взобраться на следующую опору, — не хватало еще интоксикации.

— Не беспокойся за меня, — Микки карабкался наверх по всевозможным выступам, держа в одной руке фонарь, а другой подтягивая вперед свое крепкое, мощное тело.

— Кабину совсем смяло, — покачал он головой.

Росс не отставал от него. Мэйсон лез последним. Его фонарь высвечивал все новые лопнувшие крепления и невообразимые разрывы в корпусе того, что некогда являлось новым космическим кораблем. И каждый раз, увидев еще одно страшное увечье, он невольно присвистывал в недоумении.

— Дверь задраена. — Микки стоял, балансируя на искореженном парапете, и, опираясь на внутреннюю стенку ракеты, несколько раз дернул за ручку, пытаясь ее открыть.

— Дай мне фонарь, — попросил Росс. Теперь он направил на дверь два пучка света, и Микки возобновил свои усилия. Лицо его покраснело, он пытался и задыхался.

— Нет, — произнес он наконец, отрицательно помотав головой. — Заело.

Сзади подошел Мэйсон.

— А вы не допускаете, что кабина все еще может быть загерметизирована? — мягко заметил он, неприятно поежившись от странного эха собственного голоса.

— Сомневаюсь, — задумчиво возразил Росс, — косяк двери, скорее всего, сдвинулся.

Потом он кивком головы приказал помочь Картеру.

Мэйсон взялся за одну ручку, а Микки — за другую. Они изо всех сил уперлись ногами в стену и потянули дверь на себя, но та не поддавалась. Тогда они перехватились по-другому и дернули снова.

— Эй, она сдвинулась с места, — вскрикнул Микки, — мы с ней все-таки справились.

Двое друзей попрочнее расположились на искореженных переплетениях и медленно потащили дверь на себя. Каркас ее был весь погнут, и она держалась только одним концом. Далее им без труда удалось отодвинуть дверь настолько, чтобы боком протиснуться внутрь.

Первым в кабину пролез Мэйсон. Там было совершенно темно. Он направил фонарь на кресло пилота — кресло было пустым. Переводя луч света на место штурмана, он услышал, что следом в кабину проник Микки.

В штурманском кресле тоже никого не было. Переборка рядом с ним была проломлена вовнутрь; обзорник, стол и само сиденье — придавлены массивными погнутыми листами металла. Мэйсон моментально представил себя сидящим за этим столом, на этом месте, под этой обрушивающейся перегородкой, и в горле у него пересохло.

Последним в кабину забрался Росс. Три луча света перескакивали с одного предмета на другой, со стены на стену. Стоять приходилось, широко расставив ноги, потому что пол был сильно наклонен.

Глядя на наклонный скользкий пол, Мэйсон сразу же подумал о том, как он начал уходить из-под ног, как все поехало и стало падать... падать туда — в дальний угол, который он дрожащей рукой пытался сейчас осветить.

Сердце Мэйсона дернулось и запрыгало, по коже пробежали мурашки, широко раскрытые глаза не мигая смотрели перед собой. Ноги сами, повинаясь какой-то силе, понесли его вперед и вниз — туда, куда уходил пол.

— Вон там, — голос его стал хриплым и не повиновался.

Перед ними лежали тела людей. Ботинок ударился в одно из них, и он остановился, чтобы на него не наступить.

Сзади с громким топотом подбежал Микки. Послышался его шепот, приглушенный и испуганный.

— О-о, Боже ты мой!!!

Росс молчал. Сейчас уже все молчали, с ужасом рассматривая представшую их взору картину и судорожно дыша.

Три тела, застывшие на полу в предсмертных судорогах, были их собственными. Это были они сами, все трое... и все трое были мертвы.

Мэйсон не ответил бы, сколько они там так простояли. Не проронив ни слова, глядя под ноги, на распростертые на палубе корабля фигуры.

Да и как может реагировать человек, стоящий над своим собственным трупом? Вопрос этот неотвязно точил мозг. Что человек дол-

жен говорить в таком случае? Какие слова? Позерство все это, и ни к чему такие провокационные вопросы.

Но все это происходило на самом деле. Он стоял там и смотрел на себя мертвого. Руки онемели и не слушались. Он медленно раскачивался из стороны в сторону на накренившейся поверхности пола.

— О Боже!

И снова Микки. Он направил фонарик вниз, на свое лицо под ногами. Рот у Микки искривился. Сейчас они смотрели каждый на себя самого. Яркие полосы света соединяли их с двойниками.

Наконец Росс с шумом вдохнул застоявшийся в кабине воздух:

— Картер, — попросил он, — попробуй включить свет дублирующим выключателем. Может быть, он работает, — голос капитана звучал глухо и неестественно.

— Не понял, сэр?

— Включите свет — вторым выключателем! — раздраженно приказал Росс.

Мэйсон с командиром в каком-то оцепенении наблюдали, как Микки, шаркая ногами, пошел вперед. Слышно было, как его башмаки щелкают по полу, запинаятся об обломки. Мэйсон закрыл глаза. Он был не в состоянии оторвать соприкасавшуюся внизу с собственным телом ногу. Как будто его кто привязал.

— Не понимаю, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Держись, — подбодрил Росс.

Непонятно, однако, было, кого капитан хотел подбодрить, себя самого или его — Мэйсона.

Послышался характерный завывающий звук запускаемого генератора. Система освещения заработала, но сразу же погасла. Генератор кашлянул, потом загудел ровнее, и яркий свет залил помещение.

Все снова посмотрели вниз. Микки соскользнул от генератора и встал рядом. Он рассматривал свое тело. Голова была проломлена. В ужасе раскрыв рот, Микки отпрянул назад.

— Это невозможно, — вырвалось у него, — просто невозможно. Что все это значит?

— Картер, — одернул его Росс.

— Но это же я! — воскликнул Микки. — Мама родная, это же я!

— Успокойся!

— Мы трое, все вместе, — спокойно заговорил Мэйсон. — И все мертвы.

Необходимость разговаривать, казалась, отпала. Это был какой-то безмолвный кошмар. Сдвинутая набок кабина сплющена и изуродована. Три застывшие в агонии трупы сброшены в один угол, руки и ноги их запутались друг о друга. Единственное, что оставалось — это сморщиться.

Росс снова заговорил.

— Подите принесите презент. Вы — оба.

Мэйсон повернулся. Быстрее. Хорошо, что можно заняться выполнением указания. Хорошо, что можно отодвинуть этот ужас на задний план и действовать. Широкими шагами он направился к выходу. Микки попятился следом, все еще не в силах оторвать взгляд от массивного скрюченного трупа в зеленом джемпере с окровавленной разбитой головой.

Мэйсон приволок тяжелую свернутую парусину из багажного отсека и втащил ее в кабину. Руки и ноги его двигались механически, как у робота. Он попытался отключить свое сознание и ни о чем не думать, пока не пройдет первый шок.

Одеревеневшими движениями они вдвоем с Микки развернули тяжелое брезентовое полотно, расправили его и накинули блестящий материал на окоченевшие тела. Очертания трупов, их плечи и головы отчетливо проступали сквозь брезент, а одна рука торчала вверх, как копье, и кисть ее свесилась, перегнувшись вниз, словно некий зловещий маятник.

Мэйсон отвернулся. Его трясло. Он проковылял к сиденью пилота, рухнул в кресло и уставился на свои вытянутые ноги и тяжелые ботинки. Протянув вперед руку, он схватил себя за бедро и сильно ущипнул. Резкая боль показалась облегчением.

— Уйди оттуда, — услышал Мэйсон голос Росса. — Я сказал: уйди оттуда!

Он обернулся и увидел, что Росс пытается оттащить Микки, который стоял на коленях перед укрытыми трупами. Росс взял Микки за руку и повел вверх по поднимающемуся из угла к центру полу.

— Мы мертвы, — подавленным тоном произнес Микки, — это мы там лежим. *Мы мертвы.*

Росс подтолкнул Микки к треснувшему иллюминатору и заставил выглянуть наружу.

— Посмотри, — сказал он, — наш корабль — вон там. Такой же, каким мы его оставили. А этот корабль — не наш. И тела эти... они... не могут быть нашими, — закончил он не очень уверенно.

Для человека трезвомыслящего, каким он себя считал, слова эти казались какими-то чужими и экстравагантными. К горлу подкатил комок, а нижняя губа упрямо выдавалась вперед, отказываясь верить в реальность происходящего. Росс не любил загадки. Он привык быстро принимать решения и действовать. Сейчас ему не хватало именно действия.

— Но ты же сам себя там видел, — возразил Мэйсон, — неужели ты сейчас будешь говорить, что это был не ты?

— Именно это я и хочу сказать, — ошетинился Росс, — хотя это и вопреки всякой логике, но какое-то объяснение должно быть. Все на свете можно объяснить.

Лицо его исказилось. Он с силой ударил себя кулаком по руке.

— Вот он я, — громко заявил Росс, — вот мое тело. — Он вызывающе посмотрел на Микки и Мэйсона. — Я живой!

Они растерянно молчали в ответ.

— До меня не доходит, — слабо начал Микки, — не доходит. — Он уже в который раз покачал головой и облизал пересохшие губы.

Мэйсон обвис на пилотском месте. Он изо всех сил надеялся, что догматизм Росса им в этом деле как-то поможет, что его твердое предубеждение против всего не поддающегося объяснению как-то поправит этот день. Он попробовал было сам что-нибудь придумать, но потом решил, что лучше будет оставить права выбора за командиром.

— Мы все мертвы, — сказал Микки.

— Не будь дураком! — крикнул Росс. — Возьми же себя в руки!

Мэйсон подумал: интересно, а сколько это будет продолжаться? Он начал ждать, что с минуты на минуту проснется, вздрогнув, и окажется, что он по-прежнему сидит на своем рабочем месте, а напарники его заняты каждый своим делом и все это — не более, чем дурацкий сон.

Но сон не кончался. Он откинулся в кресле ощутил его твердую спинку. Не наклоняясь вперед, он пробежал пальцами по кнопкам и рычажкам управления, все настоящее. Это не сон. И не надо больше себя щипать.

— Может быть, это видение, — попытался он вслух высказать новую догадку. Так завязнувшее в трясине животное пробует ногами на ощупь, а где же твердая почва.

— Достаточно, — сказал Росс.

Глаза его сузились, а на лице отразилась внутренняя решимость. Мэйсон почувствовал, что ожидание становился невыносимым. Он пытался представить себе, как это все объяснит наконец Росс. Видение? Вряд ли. Росс не верил ни в какие видения. Мэйсон увидел, что Микки с открытым ртом тоже смотрит на командира. Ему тоже поскорее хотелось получить какое-нибудь разумное истолкование случившегося.

— Временная петля, — сказал Росс.

Никакой реакции.

— Что? — переспросил Мэйсон.

— Послушайте, — Росс приступил к изложению своей версии. Это была даже более, чем версия, потому что цепочка объяснений отсутствовала и сразу заменялась конечным выводом.

— Пространство искривляется, — продолжал Росс, — а время и пространство образуют один континуум. Правильно?

Ответа не последовало. Но он его и не ждал.

— Помните, как нам на курсах говорили о возможности обогнать время? Идея в том, что можно улететь с Земли в определенный момент, а вернуться обратно на год раньше, чем полагается по расчетам. Или на год позже.

Но тогда для нас это была лишь теория. Ну так вот — сейчас это самое с нами и произошло. Это просто логично. Запросто может быть.

Возможно, мы прошли через временную петлю и находимся сейчас в другой галактике. Здесь по-иному расположено пространство, а значит — по-иному течет и время.

Росс прервался, оценивая произведенное впечатление.

— Я хочу сказать, что мы попали в будущее.

Тогда заговорил Мэйсон.

— Ну а нам-то что от этого? Даже если ты и прав?

— А то, что мы не мертвы. — Росс, казалось, был удивлен тем, что друзья его не понимали.

У Росса приоткрылся рот. Об этом он не подумал. Он не подумал, что своей версией только осложнил ситуацию. Потому что хуже, чем смерть, может быть только одно — это знать наверняка, что скоро ты умрешь. Знать где. И знать как.

Микки потрянул головой. Руки его беспорядочно ощупывали костюм. Он провел ладонью по лицу и начал нервно грызть почерневший ноготь.

— Нет, — слабо проговорил он, — я что-то никак не пойму.

Росс молча смотрел на Мэйсона затравленным взглядом. Он лихорадочно кусал губы, чувствуя, как неизвестность заполняет его сознание и вытесняет отсюда такое приятное и дающее успокоение чувство здравого смысла. Он боролся с неизвестностью, гнал ее прочь. Только не сдаваться.

— Послушайте, — снова начал он, — все, по-моему, согласны с тем, что те тела — не наши.

Никакого ответа.

— Пошевелите же мозгами! — закричал Росс. — Ощупайте себя!

Мэйсон онемевшими пальцами прошелся по джемперу, по шлему, потрогал торчавшую из кармана ручку. Да, действительно, это был он, из мяса и костей. Все на самом деле, — подумал он. Мысль эта придавала Мэйсону силы. Несмотря ни на что, несмотря на отчаянные попытки Росса объяснить неведомое, он был жив. Собственные плоть и кровь не оставляли никаких сомнений.

Мозг начал работать. Усиленно соображая, он нахмурил брови и выпрямился. Мэйсон задержался глазами на лице Росса, который, похоже, немного расслабился и смотрел уже с каким-то облегчением.

— Ну, хорошо, — сказал Мэйсон, — мы находимся в будущем.

Микки в напряженном волнении стоял у иллюминатора.

— И к чему же таким образом мы пришли? — спросил он отсюда.

— А как узнать, насколько далеко мы проникли в будущее? — задумчиво продолжал Мэйсон. Гнетущая атмосфера неопределенности усиливалась. — Как узнать? А может быть, мы опередили события всего на полчаса?

Росс напрягся. Он с силой ударил кулаком по ладони.

— Как узнать? Но мы же не взлетаем, а следовательно — не можем разбиться. Так и узнать.

Мэйсон посмотрел на него.

— А не может так случиться, — опять заговорил он, — что если мы взлетим, то уйдем куда-нибудь в сторону от этой нашей гибели? И она так и останется в этой пространственно-временной системе? Мы можем вернуться обратно, в нашу систему и в нашу галактику, и тогда...

Слова его повисли в воздухе. Обрывки каких-то мыслей возникали в мозгу и тут же исчезали.

Росс нахмурился. Он пожегил и облизал губы. То, что вначале казалось так просто, теперь обрастало осложнениями. Ему не хотелось новых сложностей, так непрошенно вторгающихся в их жизнь.

— Сейчас мы живы, — сказал он, пытаясь в уме все расставить по полочкам и обрести прежнюю уверенность в правильности своих действий, — и существует только один способ оставаться живым и дальше.

Росс посмотрел на остальных. Решение принято.

— Нам необходимо оставаться здесь.

Микки и Мэйсон безучастно смотрели на командира. Россу хотелось, чтобы хоть кто-нибудь из них согласился с ним или, на худой конец, высказал бы хоть какое-то мнение.

— Но... у нас же есть приказ, — еле слышно произнес Мэйсон.

— Но приказ не обязывает нас убивать себя! — зло возразил Росс. — Ну уж нет. Это — единственный выход. Если мы не поднимемся — то никогда и не разобьемся. Мы... мы избежали этого. Мы предотвратили это.

В подтверждение своих слов он решительно склонил подбородок. Для Росса все было решено. Мэйсон же отрицательно покачал головой.

— Не знаю, — сказал он, — право, не знаю.

— А я знаю! — оборвал его Росс. — И давайте-ка убираться отсюда. Этот корабль действует мне на нервы.

Капитан рукой указал на выход, и Мэйсон поднялся. Микки последовал за ними, но остановился. Он еще раз обернулся в сторону укрытых брезентом тел.

— А может быть, нам?.. — хотел он спросить, но не успел.

— Ну, что еще? Что еще там? — нетерпеливо перебил Росс.

Микки смотрел туда, где лежали тела. Ему казалось, что вот-вот начнется какое-то большое, дикое безумство.

— А может быть нам... похоронить себя?

Росс судорожно сглотнул. Больше ему не вынести. Он поспешно вытолкнул Микки и Мэйсона из кабины и, пока они начали спускаться по обломкам, в последний раз посмотрел в угол. Росс с остервенением стиснул зубы.

— Я живой, — яростно пробормотал он, повернулся и, плотно сжав фонарь, вышел.

Они сидели втроем в кабине своего корабля. Росс приказал принести из запасов что-нибудь подкрепиться, но ел он один. С воинственной суровостью он двигал челюстями, как будто хотел зубами перемолоть все то, что не поддавалось разуму.

Микки не шевелясь смотрел на еду.

— Сколько мы здесь будем? — спросил он, как будто не понимал всю очевидность необходимости находиться здесь постоянно.

В разговор включился Мэйсон. Наклонившись на сиденья вперед, он обратился к Россу:

— А на сколько у нас хватит продовольствия?

— Не сомневайтесь, что там, снаружи, можно найти много съедобного, — жуя ответил капитан.

— А как узнать, что годится в пищу, а что нет?

— Мы понаблюдаем за животными, — не сдавался Росс.

— Но здесь совершенно другая жизнь, — возразил Мэйсон, — то, что едят они, может оказаться отравой для нас. А кроме того, неизвестно, есть ли тут вообще какие-нибудь звери или птицы.

Короткая, горькая усмешка промелькнула у него на губах. И подумать только, а они-то еще надеялись выйти на контакт с другими расами. В данной ситуации это было просто смешно.

Росс опять ошетинился в ответ.

— Мы пойдем вперед... будем исследовать каждый ручей, который нам попадется, — выпалил он, как будто разом хотел покончить со всеми возможными возражениями.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Мэйсон.

Росс встал.

— Послушайте, вы! Задавать вопросы легче всего. Мы все вместе приняли решение здесь остаться и давайте теперь конкретно об этом подумаем. Только не надо говорить о том, чего мы не можем сделать. Я это представляю не хуже вас. А что по-вашему мы могли бы сделать в нашем положении?

Он повернулся на каблуках, отошел к пульту управления и какое-то время смотрел на погасшие лампочки и замершие приборы. Затем вдруг Росс сел и начал быстро писать в бортовом журнале, словно боялся что-то забыть. Немного позднее, заглянув туда, Мэйсон увидел, что капитан настрочил целый абзац из длинных предложений, где излагалось с неопровержимой, но неправдоподобной логикой, почему они до сих пор еще живы.

Микки встал и уселся на свое место. Он сильно сжал голову большими ладонями и очень сейчас походил на провинившегося мальчишку, который, несмотря на запрет матери, объелся зеленых яблок и ждал неприятностей сразу с двух сторон. Мэйсон знал, о чем думал Микки — об этом нелепом застывшем трупe с проломленным черепом. О собственной дикой смерти при столкновении с поверхностью планеты, да и сам Мэйсон думал о том же. И Росс, наверняка, тоже, хотя по поведению его этого и не видно.

Мэйсон подошел к иллюминатору и посмотрел на притихшую громаду, лежащую неподалеку. Наступала темнота. Последние лучи далекого солнца неведомой планеты поблескивали на корпусе потерпевшего крушение корабля. Мэйсон отвернулся и бросил взгляд на датчики внешней температуры. Уже семь градусов минус, а снаружи все еще светло. Правым указательным пальцем он слегка сдвинул иглу термостата.

«Остываем», — подумал он. Энергия корабля, который находится на поверхности планеты, используется все быстрее и быстрее. Корабль пьет собственную кровь, и нет никакой возможности найти донора. Только операция может подзарядить энергетическую сеть. Без движения это невозможно. Неподвижность — это ловушка.

— Сколько мы можем продержаться? — снова спросил Мэйсон, отказываясь хранить молчание перед лицом возникшей проблемы. — Мы не можем жить в неопределенности. Пища закончится через несколько месяцев, но задолго до этого разрядится энергетическая система. Прекратится выработка тепла. Мы замерзнем.

— А откуда мы знаем, что при здешней внешней температуре можно замерзнуть? — показной оптимизм Росса выглядел неубедительно.

— Но солнце только садится, — сказал Мэйсон, — а уже... минус тринадцать.

Росс тупо уставился в пространство. Потом он оттолкнулся руками от кресла и принялся мерить шагами кабину.

— Если мы взлетим, — начал он, — то рискуем оказаться в положении того корабля.

— Неужели? — удивленно возразил Мэйсон. — Умирают только однажды. И с нами это, похоже, уже произошло. В этой галактике. Может быть, умирают по одному разу в каждой галактике? А может, это — загробная жизнь? А может?..

— Ты закончил? — холодно спросил Росс.

Микки поднял глаза.

— Давайте отправляться, — сказал он. — Я не хочу здесь торчать как дурак.

Он посмотрел на Роса.

Тот ответил:

— Я считаю, нам лучше не высовываться, пока мы точно не решим, что делать. Нужно все хорошенько обмозговать.

— У меня жена, — сердито перебил его Микки, — и если ты, будучи холостяком...

— Заткнись! — крикнул Росс.

Микки бросился на койку и уткнулся лицом в перегородку. Он ничего не говорил, а только тяжело дышал. Мощные плечи его ходили то вверх, то вниз, пальцы теребили и комкали одеяло.

Росс метался по помещению, беспрестанно ударяя себя кулаком

по ладони. Сжимая и разжимая зубы, он с силой встряхивал головой всякий раз, когда у него в уме рассыпался очередной довод за или против. Вдруг он замер, взглянул на Мэйсона, но тут же зашагал снова. Один раз он даже включил наружный прожектор, чтобы убедиться, что ему это чудится.

Яркий свет озарил разбитый корпус корабля. Он загадочно светился и напоминал гигантское надгробие. С громким стоном Росс щелкнул выключателем и повернулся к Микки и Мэйсону. Грудь его вздымалась, как в лихорадке.

— Ну что ж, отлично, — сказал он, — это, конечно, и *ваши* жизни. За вас я решать не могу. Будем голосовать. Но учтите — та штукавина снаружи может оказаться совсем не тем, за что мы ее принимаем. Если вы оба решите, что надо рискнуть жизнью и подняться, то... то мы поднимемся.

Росс пожал плечами.

— Итак, голосуем. Я за то, чтобы остаться здесь.

— Я считаю, — надо лететь, — сказал Мэйсон.

Оба посмотрели на Микки.

— Картер, — обратился к нему Росс, — твое мнение?

Микки уныло уставился через плечо и молчал.

— Голосуй же, — настаивал Росс.

— Лететь, — произнес Микки, — надо лететь. Я скорее погибну, чем останусь здесь.

Сжатые губы Росса побледнели. Он глубоко вздохнул, расправил плечи и спокойно сказал:

— Ну хорошо, мы взлетаем.

— Боже, сохрани нас и защити, — побормотал Микки, наблюдая, как Росс усаживается за пульт управления.

Несколько секунд капитан сидел неподвижно, потом включил двигатели. Зажигание. Мощные газовые струи вырывались из хвостовой части корабля, сотрясая его огромное тело. Рев двигателей показался Мэйсону успокаивающим. Он пребывал в каком-то состоянии безразличия. Как и Микки, он хотел испытать судьбу. Несколько часов прошло с момента их посадки на планету, а казалось, все это было год назад. Медленно тянулось время, минута за минутой. Гнетущее воспоминание о только что пережитом не отставало. Мысленно они все еще были там, в разбитом звездолете, рядом с тремя мертвыми телами, но одновременно не могли не думать и о Земле, которой, кто знает, может быть, никогда больше не увидят, о родителях, о женах и детях и всех им дорогих и близких, с кем, возможно, они расстались навеки. Но нет, они попробуют к ним вернуться. Сидеть и ждать — всегда было самым трудным для человека. Человек не создан для этого.

Мэйсон сел к своему пульту. Он напряженно ждал. Он слышал, как включил и перешел к панели управления двигателями Микки.

— Я постараюсь взлететь как можно мягче, — сказал Росс, — не вижу пока никакого повода для... беспокойства.

Он что-то еще хотел сказать, но замолчал. Микки и Мэйсон повернулись к нему в нетерпеливом ожидании.

— Вы готовы? — спросил Росс.

— Давай вверх, — ответил за обоих Микки.

Росс стиснул зубы и нажал кнопку с надписью «Вертикальный взлет».

Корабль затрясся, затем приподнялся, завис над поверхностью и с нарастающей скоростью пошел вверх. Мэйсон прильнул к заднему обзорнику. Темная поверхность планеты уходила все дальше вниз. Он старался не смотреть на блестящее белое пятнышко в углу экрана.

— Пятьсот... — считывал он показания шкалы, — семьсот пятьдесят... тысяча... тысяча пятьсот...

Каждую секунду он ждал, что что-нибудь произойдет. Ждал взрыва. Или отказа двигателя. Ждал, что корабль остановится.

Но набор высоты продолжался.

— Три тысячи, — сказал Мэйсон. В голосе его появились нотки усиливающегося ликования. Планета стремительно уносилась назад. Тот, другой корабль был сейчас не более, чем воспоминанием. Мэйсон взглянул на Микки. Тот сидел, застыв с полуоткрытым ртом, готовый во всю глотку кричать «Быстрее! Быстрее!», но молчал, потому что боялся лишний раз искушать судьбу.

— Шесть тысяч... семь тысяч... есть! — объявил Мэйсон торжествующим тоном. — Мы выбрались!

Микки с облегчением вздохнул и широко ухмыльнулся. Он поднес руку ко лбу, крупные капли пота упали на пол.

— О, Боже, — простонал он, — о, милосердный Боже!

Мэйсон подошел к креслу Росса и хлопнул командира по плечу.

— Все в порядке, — сказал он, — отличный взлет.

Росс казался раздраженным.

— Нам не надо было улетать, — проворчал он. — Все это было несерьезно с самого начала. А теперь придется искать другую планету, — он покачал головой и добавил: — Зря улетели.

Мэйсон пристально посмотрел на капитана и отвернулся. Он думал...

Никто не выиграл.

— Но если опять что-нибудь где-нибудь сверкнет, — заметил он вслух, — я буду держать язык за зубами. К чертям все другие цивилизации!

Все замолчали. Он вернулся к своему месту и стал изучать карту. Обстоятельно и не торопясь. «Пусть теперь Росс за все отвечает, — подумал Мэйсон, — мне наплевать». Все снова вернулось на свои

места. Однако мысли упорно возвращались к тому, что осталось внизу.

Несколько минут спустя он украдкой взглянул на Росса.

Росс тоже о чем-то задумался. Губы его были плотно сжаты. Иногда он что-то бормотал себе под нос. Неожиданно их глаза встретились.

— Мэйсон.

— Что?

— Другие цивилизации, ты сказал?

У Мэйсона холодок пробежал по спине. Он видел, как знакомый большой подбородок снова решительно опустился вниз. Что за дикая мысль? Росс этого не сделает! Только чтобы успокоить уязвленное самолюбие? Или сделает?

— Я не... — начал было Мэйсон, заметив краешком глаза, что Микки тоже следит за командиром.

— Послушайте, — сказал Росс, — сейчас я вас расскажу, что произошло там внизу. Я вам *покажу*, что там было.

Оба уставились на капитана, замерев от страха. Росс развернул корабль и направил его обратно.

— Что ты делаешь! — закричал Микки.

— Послушайте же, — ответил Росс, — неужели вы меня не поняли? Разве вы не видите, что нас одурачили?

Они непонимающе смотрели на командира. Микки сделал шаг в его сторону.

— Другая цивилизация, — сказал Росс, — в этом-то и суть. Пространственно-временные связи тут не при чем. Сейчас я вам объясню, в чем дело. Итак, мы улетели оттуда. И каково же сейчас наше первое желание? Доложить, что планета необитаема? Нет, мы пойдем дальше. Мы вообще не сообщим об этой планете.

— Но, Росс, ты что, намерен вернуться туда? — воскликнул Мэйсон, вскакивая на ноги и вновь испытывая ужас предыдущих часов.

— Именно это я и делаю, — ответил командир. Он был странно возбужден.

— Но ты же спятил! — заорал Микки, угрожающе приближаясь и сжимая кулаки.

— Слушай меня! — закричал Росс в ответ. — Кто выигрывает оттого, что мы не сообщим об этой планете?

Ответа не было. Микки сделал еще один шаг.

— Дураки? Разве не ясно? Там внизу есть *жизнь*! Но они не могут нас убить или выгнать силой. И что им остается делать? А нас у себя они не хотят. Ну так что же им остается делать?

Он задавал вопросы тоном учителя, который потерял всякую надежду получить правильный ответ от двух последних классных болванов.

Микки подозрительно смотрел исподлобья. Ему, конечно, было и

любопытно узнать, что задумал капитан, но он его все-таки всегда немного побаивался. Он признавал авторитет Росса и восставать против его решения не считал возможным, даже если бы он и вел их к гибели. Микки перевел взгляд на экран обзорного устройства и смотрел, как снизу наступает огромной темной массой угрожающая земля.

— Мы живы, — сказал Росс, — мы осмелились заявить, что никакого корабля внизу никогда и *не было*. Да, мы видели его. Да, мы его трогали. Но можно увидеть что угодно, если сильно захотеть. Чувства будут говорить о том, что там что-то есть, в то время как на самом деле вокруг одни только голые камни. Главное, что здесь требуется — это верить в то, что видишь.

— К чему ты клонишь? — коротко спросил Мэйсон. Ему стало страшно. Как и несколько минут назад, он не отрываясь следил за высотомером. — Тысяча восьмьсот... тысяча семьсот... тысяча шестьсот пятьдесят...

— Телепатия! — торжествуя объявил Росс. — Эти существа внизу, не знаю, как их назвать, заметили наше приближение. Но мы им чем-то не понравились. Они каким-то образом проникли в наше сознание и обнаружили там страх смерти. Тогда они решили, что лучший способ от нас избавиться — это напугать нас. Они показали нам наш корабль терпящим катастрофу и нас самих... мертвых. И это сработало. Но...

— Действительно сработало! — взорвался Мэйсон. — Ты что, хочешь еще раз попытать счастье, разобьемся мы или нет? И все это ради твоей чертовой теории?

— Дело здесь не только в моей теории, — огрызнулся Росс и добавил, как бы защищая свою репутацию:

— У меня приказ — брать образцы с каждой планеты. Я всегда неукоснительно выполнял приказы. И, черт побери, выполняю и на этот раз!

— Но ты же видел, как холодно, — возразил Мэйсон, — ни о какой жизни не может быть и речи. Ты только подумай как следует.

— К черту! Капитан этого корабля пока я! И приказания отдаю я! Микки бросился к Россу.

— Но не тогда, когда от этого зависит наша жизнь!

— Назад! — приказал Росс.

В этот момент один из двигателей остановился и замолк. Корабль резко повалился на бок.

— Идиот! — не контролируя себя заорал Микки. — Ты этого добился! Ты этого добился!

Густая темнота залепила иллюминаторы.

Корабль сильно трясло. «Предсказание сбылось», — единственное, о чем мог думать Мэйсон. Все, что он представил себе — вопли, крики, леденящий страх, напрасные мольбы и просьбы к глухим не-

бесам — все сбылось. Через пару минут их корабль превратится в грудку обломков. И те три тела окажутся...

— Провались все пропадом! — заорал он что было сил, в бессильной ярости проклиная Росса за упрямое желание вернуться и встретить, наконец, свою страшную судьбу. Дурацкое тщеславие!

— Нет, они нас не обманут! — кричал Росс, уцепившись за свою мысль, как умирающий бульдог за ногу врага.

Он отчаянно манипулировал ручками управления, пытаясь выровнять корабль. Но падение продолжалось. Корабль несся вниз, увеличивая скорость. Гироскоп не справлялся с резкими толчками и наклонами, кабину бросало из стороны в сторону, удержаться на ногах на ходящей ходуном палубе было невозможно.

— Резервный двигатель! — прокричал Росс.

— Бесполезно! — ответил ему Микки.

— Проклятье! — Цепляясь за что попало, Росс добрался до пульта управления двигателями. Кабину сильно швырнуло вправо. Трясущимися пальцами он один за другим начал проверять переключатели.

Внезапно на заднем обзорном экране Мэйсон увидел вспышку. Вслед за ней появилось ровное пламя. Корабль выровнялся, тряска прекратилась, кабина установилась горизонтально. Они продолжали спуск, как ни в чем не бывало.

Росс грохнулся в кресло и с ожесточением ухватился за панель. В следующее мгновение он уже опять управлял кораблем. Он был очень бледен. Мэйсон тоже следил за действиями Росса, боясь заговорить.

— А сейчас заткнитесь и помалкивайте, — ни на кого не глядя презрительно проворчал Росс, как будто разговаривал с провинившимися сыновьями. — Когда мы сядем, вы увидите, что все, что я вам говорил — правда. Никакого корабля там не окажется. И мы попробуем поймать за хвост тех негодяев, которые внушили нам эту чушь.

По мере того, как корабль спускался все ниже, Микки и Мэйсон робко наблюдали за командиром, за его руками, уверенно скользящими по элементам управления. Уверенности в капитане вернулась к Мэйсону. Он больше не волновался, а спокойно стоял на палубе и ждал посадки. Микки поднялся с пола и встал рядом.

Наконец корабль коснулся поверхности. Двигатели замерли. Итак, они снова сели, и ничего с ними не произошло...

— Включите прожектора! — раздалась команда.

Мэйсон щелкнул выключателем, и все кинулись к иллюминаторам. На какое-то мгновение он подумал: а как это Росс мог снова опуститься на то же самое место. Он вроде бы даже заглядывал в данные, выдаваемые компьютером во время предыдущей посадки.

Они выглянули наружу.

У Микки оборвалось дыхание. Росс замер с открытым ртом.

Разбившийся звездолет по-прежнему лежал, где они его и оставили. Они опустились точно в ту же точку и обнаружили тот же разбившийся корабль. Мэйсон отвернулся и отошел. Он чувствовал себя жертвой какой-то дьявольской проделки, всеми проклятым и позабытым.

— А ты говорил... — обратился он к командиру, но не смог закончить фразу.

Не веря своим глазам, Росс стоял и молча смотрел перед собой.

— Сейчас мы опять взлетим, — Микки заскрежетал зубами, — и на этот раз уже разобьемся наверняка. И мы все погибнем. Как и они... эти люди...

Росс не произнес ни звука. Там, прямо перед ними, находилось убедительное опровержение его последней слабой надежды. Внутри осталась неприятная пустота. Вся вера во что-то разумное исчезла.

И тут заговорил Мэйсон.

— Мы не разобьемся, — угрюмо произнес он, — никогда.

— Что?

Микки посмотрел на Мэйсона. Росс тоже обернулся к нему.

— Хватит нам друг друга дурачить, — продолжал Мэйсон, — мы же все знаем, что это такое, не так ли?

Он сейчас думал о том, о чем минуту назад говорил Росс. О чувствах, дающих ощущение того, во что веришь. Даже если на самом деле там ничего и нет...

И зная это, он в следующее мгновение посмотрел и снова увидел Росса, увидел Картера. Такими, какими они *были*. Затем он отрывисто вздохнул, в последний раз перед тем, как иллюзия, их окружавшая, вновь обретет материальные формы.

— Ну что ж, это — прогресс, — горько заметил он. Голос его болезненным шепотом разнесся по казавшемуся призраком кораблю. — «Летучий Голландец» выходит на просторы Вселенной.

НА КРАЮ

Было уже почти два часа, когда наконец-то появилась возможность пообедать. Всю первую половину дня его стол был завален снежной лавиной требующих что-то сделать бумаг, телефон не смолкал, и целая армия настырных посетителей приступом брала дверь кабинета. К двенадцати нервы были, как натянутые до предела скрипичные струны. К часу дня струны уже нельзя было тронуть, а полвторого они начали лопаться. Ему нужно было выбраться отсюда, сейчас же, немедленно. Сбежать куда-нибудь в полутьму ресторана, выпить коктейль и как следует подкрепиться. Послушать успокаивающую музыку. Просто необходимо.

Дональд спустился вниз и шел некоторое время, пока не миновал

весь этот район знакомых ему кафе и закусочных. Совсем не хотелось, чтобы кто-то его узнал. Подвальный ресторанчик «У Франка» находился где-то в четверти мили от офиса. Зайдя внутрь, он попросил хозяйку провести его в дальнюю кабину и заказал мартини. После того, как женщина приняла заказ, он вытянул ноги под столом и закрыл глаза. Благодарный вздох облегчения вырвался откуда-то изнутри. То, что надо. Мягкий полусвет, дрожащая на грани слышимости мелодия, исцеляющий глоток. Он снова вздохнул. Еще несколько таких дней, подумал он, и все.

— Привет, Дон!

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда мужчина уже опустился напротив него.

— Ну, как жизнь? — спросил тот.

— Что-что? — уставился на него Дональд Маршалл.

— Да ничего, — сказал мужчина. — Ну и денек! Черт знает что! — Он устало улыбнулся, — И ты тоже?

— Просто не верится... — начал было Маршалл.

— А-а, — сказал мужчина, удовлетворенно кивая, когда официантка принесла мартини. — Это по мне. Еще пожалуйста. Сухое-пресухое.

— Одну минуту, — сказала официантка и ушла.

— Ну вот, — сказал мужчина, потягиваясь, — если хочешь уйти от всего этого, то самое лучшее посидеть «У Франка», точно?

— Послушайте, — сказал Маршалл, неловко улыбаясь в ответ.

— Да? — мужчина нагнулся вперед, улыбаясь в ответ.

— Я боюсь, что вы ошиблись.

— Я? — переспросил мужчина. — Может, я что-нибудь не так сделал, забыл побриться? Это со мной бывает. Или еще что? А может быть, галстук не тот?

— Вы не поняли меня, — сказал Маршалл, нахмурившись.

— Что?

Маршалл слегка кашлянул и продолжил:

— Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— А? — мужчина снова наклонился вперед и прищурился. Потом он выпрямился, засмеялся и сказал:

— Ну что еще за дела, Дон?

Маршалл провел пальцем по основанию своего стакана.

— Действительно, что за дела? — сказал он уже менее вежливо.

— Я что-то не понимаю, — сказал мужчина.

— Как вы думаете, кто я такой? — голос у Маршалла повысился. Мужчина начал что-то говорить, открыл рот и замолчал, потом снова заговорил:

— Что ты имеешь в виду... — он прервался, потому что официантка принесла мартини. Пока она не ушла, оба сидели тихо.

— Послушайте, — мужчина начал нервничать.

— Не надо. Я не собираюсь ни в чем вас обвинять, — прервал его Маршалл, — но вы меня не знаете. Вы со мной никогда в жизни не встречались.

— Я просто не могу, — мужчина не закончил; вид у него был просто весьма озадаченный. — Я тебя не знаю?

Маршалл искусственно засмеялся.

— Это уже просто смешно, — сказал он.

Мужчина понимающе улыбнулся.

— Я знал что ты меня дурачишь, — он покачал головой, — знаешь, я уже почти начал сомневаться.

Маршалл поставил стакан. Лицо его напряглось.

— Мне кажется, это уже слишком, — сказал он, — у меня сегодня совершенно нет настроения...

— Дон, — перебил его мужчина, — что случилось?

Маршалл сделал глубокий вздох, затем медленно выдохнул.

— Ну что ж, — сказал он, — предположим, что это случайная ошибка, — он через силу улыбнулся, — и кто же, вы думаете, я такой?

Мужчина не отвечал. Он в упор смотрел на Маршалла.

— Ну давай, говори. — Маршалл начал терять терпение.

— Так это не шутка? — спросил мужчина.

— Нет, я еще раз хочу...

— Подожди, подожди, — сказал мужчина, поднимая его руку. — Предположим, что два человека могут до такой степени походить друг на друга, и они...

Он резко замолчал и посмотрел на Маршалла.

— Дон, ты ведь шутишь со мной?

— Но послушайте же меня...

— О'кей, тогда я прошу прощения, — сказал мужчина. Он все еще сидел, уставившись на Маршалла. Потом он пожал плечами и изобразил улыбку. — Я мог бы поклясться, что передо мной Дон Маршалл, — сказал он.

Маршалл почувствовал, как что-то у него холодеет внутри.

— Он самый, — произнес он, слыша себя как бы со стороны. Ничего не нарушало тишину ресторана, кроме музыки и негромкой возни на кухне.

— И что это значит? — спросил мужчина.

— Да я бы сам хотел знать, — голос у Маршалла стал совсем тихий.

— Так ты... — мужчина внимательно смотрел на него, — так это не шутка.

— Ну я прошу, послушайте!

— Ладно, ладно, — мужчина поднял руку в примиряющем жесте, — это не шутка. Ты утверждаешь, что это я тебя не знаю. Хорошо. Тогда мы имеем следующее: один человек не только похож на мое-

го друга, как две капли воды, но он и носит то же самое имя. Это реально?

— Получается, что да, — сказал Маршалл, поднял стакан и на какое-то мгновение забылся в мартини. Мужчина сделал то же самое. Официантка подошла принять следующий заказ, но Маршалл попросил подойти позднее...

— Как вас зовут? — спросил он.

— Артур Нолан, — ответил мужчина.

Маршалл сделал движение руками, обозначающее: — Ну вот видите, я вас не знаю.

Под ложечкой у него засосало.

Мужчина откинулся назад и уставился на Маршалла.

— Потрясающе, — сказал он и покачал головой, — просто потрясающе.

Маршалл улыбнулся и опустил взгляд на стакан.

— Где ты работаешь? — спросил мужчина.

— Пароходство «Америкэн-Пасифик», — ответил Маршалл, поднимая глаза. Он почувствовал, что его начинает разбирать любопытство. По крайней мере, весь этот сумасшедший день уже не казался ему таким скучным.

Мужчина испытывающе смотрел на него. Маршалл почувствовал, как любопытство исчезает. Внезапно мужчина засмеялся.

— Да, приятель. Утро у тебя, должно быть, было не позавидуешь.

— Какое утро?

— Да никакое, — сказал мужчина.

— Но я повторяю...

— Я сдаюсь, — ухмылялся Нолан, — у меня просто волосы дыбом.

— Но послушайте же, черт вас возьми! — взорвался Маршалл.

Мужчина больше не ухмылялся. Он открыл рот и опрокинул туда содержимое стакана.

— Дон, ты что? — спросил он уже на полном серьезе.

— Вы меня не знаете, — сказал Маршалл, четко произнося каждое слово, — и я вас не знаю. Будьте добры с этим согласиться.

Мужчина посмотрел вокруг, как бы ища помощи. Затем он наклонился поближе к Маршаллу и спокойным твердым голосом произнес:

— Слушай, Дон, давай честно. Ты меня не знаешь?

Маршалл набрал побольше воздуха и, сдерживая нарастающую ярость, сжал зубы. Мужчина отпрянул от него. Выражение его лица испугало Маршалла.

— Один из нас спятил, — сказал Маршалл. Но получилось это совсем не с той легкостью, с какой он хотел.

Нолан судорожно сглотнул. Он не поднимал глаза от стакана, словно боясь взглянуть на собеседника.

Внезапно Маршалл расхохотался.

— Бог ты мой! — сказал он. — Ну и сцена! Вы наверное, на самом деле думаете, что знаете меня?

Губы мужчины слегка искривились.

— Тот Дон Маршалл, которого я знаю, — сказал он, — тоже работает в «Америкэн-Пасифик».

Маршалла передернуло.

— Но это невозможно, — сказал он.

— Нет, — без всякого выражения добавил мужчина. В следующую секунду Маршаллу показалось, что он стал жертвой какого-то коварного замысла. Но полная растерянность на лице собеседника сразу же заглушила это подозрение. Он пригубил martini, поставил стакан и осторожно положил ладони на стол, как бы надеясь, что это придаст ему силы.

— Пароходство «Америкэн-Пасифик»? — спросил он.

Мужчина утвердительно кивнул.

— Да.

Маршалл упрямо покачал головой.

— Нет, — сказал он, — другого Маршалла у нас в конторе не числится, — и тут же быстро добавил: — если, конечно, это не кто-нибудь из клерков там внизу.

— Но ты... — мужчина явно нервничал, — ты работаешь администратором, — сказал он.

Маршалл убрал руки со стола и зажал их между ног.

— Тогда я не понимаю, — сказал он. И тут же пожалел, что произнес это.

— И этот... э... человек сказал, что он именно там и работает? — В голосе Маршалла звучал вызов, голос дрожал. — И вы можете доказать, что его действительно зовут Дон Маршалл?

— Но, Дон, я...

— Так вы можете доказать или нет?

— Ты женат? — спросил мужчина.

Маршалл медлил с ответом. Наконец, кашлянув, он ответил:

— Да, женат.

Нолан наклонился вперед:

— На Рут Фостер? — спросил он.

Скрыть непроизвольное удивление Маршаллу не удалось.

— Ты живешь на Острове? — настойчиво продолжал Нолан.

— Да, — слабо сказал Маршалл, — но...

— В Хантингтоне?

Маршалл не мог уже даже кивать.

— Учился ли ты в Колумбийском университете?

— Да, но... — Губы у него слегка дрожали.

— А закончил ли ты в июне сорокового?

— Нет. — У Маршалла появилась какая-то надежда. — Я закончил в январе сорок первого. Сорок первого.

— Ты был лейтенантом в армии? — Нолан не обращал никакого внимания.

Маршалл почувствовал, что куда-то провалился.

— Да, — пробормотал он, — но вы сказали...

— В Восемьдесят Седьмой дивизии?

— Подождите минутку. — Маршалл отодвинул в сторону почти уже опорожненный стакан, как бы освобождая место для опровержения.

— Я могу дать вам очень хорошее объяснение этого... того дурацкого совпадения. Во-первых: кто-то, кто очень похож на меня и знает обо мне довольно много, притворяется, что он — это я и есть. Бог знает зачем. Во-вторых: вы все это знаете и пытаетесь заманить меня в какую-то ловушку. Ну нет! Вы можете приводить какие угодно доказательства.

Мужчина хотел что-то возразить, но Маршалл, будучи уже почти в отчаянии, не дал ему сказать ни слова:

— Вы можете задавать мне любой вопрос; но я знаю, кто я такой, и я знаю, кого я знаю.

— А так ли это? — спросил мужчина. Он был явно озадачен.

Маршалл резко поджал ноги.

— Ну вот что. Я не собираюсь здесь с-сидеть спорить с вами, — сказал он, — это совершенно бессмысленно. Я пришел сюда немного отдохнуть... Туда, где некогда раньше не был, и вдруг...

— Дон, мы всегда здесь обедаем в это время. — Видно было, что Нолану трудно говорить.

— Чепуха какая-то.

Нолан потер рукой подбородок.

— Ты... ты правда думаешь, что это игра, что тебя хотят надуть? — спросил он.

Маршалл смотрел на него, как замороженный. Он чувствовал, как тяжело бьется пульс.

— Ты думаешь, что... О, мама родная... ты думаешь, что есть человек, который притворяется, что он — это ты? Но Дон... — Мужчина посмотрел вниз. — Мне кажется, если бы я был на твоем месте, то я бы, — тихо закончил он, — пошел к доктору, я бы пошел к...

— Может быть, закончим об этом? — холодно прервал его Маршалл. — Я думаю, один из нас должен уйти. — Он окинул взглядом ресторан. — Да, здесь же полно места. — Он быстро отвел глаза от окаменевшего лица собеседника и поднял мартини. — Итак? — сказал он.

Мужчина покачал головой.

— Боже правый, — пробормотал он.

— Я сказал: закончим об этом, — сквозь сжатые зубы произнес Маршалл.

— Закончим? — Нолан не мог поверить. — И ты хочешь вот так это оставить?

Маршалл уже почти поднялся.

— Нет, нет, подожди, — сказал Нолан, — я уйду. — Он тупо смотрел на Маршалла. — Я уйду, — повторил он.

С большим усилием он выпрямился и встал, как будто на плечах у него была тяжелая ноша.

— Не знаю, что и сказать, — произнес он, — но ради всего святого, Дон, сходи к доктору.

Он постоял еще чуть-чуть рядом с кабиной, посмотрел на Маршалла. Потом очень быстро повернулся и пошел к выходу. Маршалл проводил его взглядом.

Когда мужчина вышел. Маршалл откинулся на стенку кабинки и уставился в стакан. Он взял зубочистку и механически помешивал ею остатки коктейля. Затем подошла официантка, и он заказал первое, что увидел в меню.

Пока ел, он думал о том, что все это похоже на сумасшествие. Если, конечно, этот Нолан не... Но тогда он непревзойденный актер. Он был искренне расстроен тем, что случилось. А что случилось? Если это какой-то экстраординарный случай, когда одного человека принимают за другого, то это одно дело; ну а если этот другой и ты сам — в общем-то одно и то же, то это совсем другое. Знает о Рут, о Хантингтоне, об «Америкэн-Пасифик» и даже о лейтенантстве в 87-ой Дивизии? Откуда? Внезапно его осенило.

Много-много лет назад он здорово увлекался фантастикой. Различными рассказами о полетах на Луну, о путешествиях во времени и тому подобное. И везде там постоянно повторялась мысль о некой второй Вселенной. Это такая теория для лунатиков, предполагавшая, что существуют две различные Вселенные. Исходя из этой теории, где-то вполне могла быть другая Вселенная, в которой он знал этого Нолана, регулярно обедал с ним в ресторанчике «У Франка» и где он закончил Колумбийский университет семестром раньше.

Это, конечно, абсурд, но куда от этого не денешься. Что, если, войдя в ресторан, он по какой-то случайности попал во Вселенную, немного сдвинутую относительно той, в которой он пребывал в офисе? А что, если (мысль его работала дальше), многие люди, сами того не осознавая, постоянно перемещались в этих двух Вселенных? А что, если и сам он так вот перемещался до сих пор, но узнал об этом лишь сегодня — пока случайно не сделал какой-то лишний шаг?

Он закрыл глаза и содрогнулся.

«О, Боже, — подумал он. — О всемогущий великий Боже, я действительно переработал». Он почувствовал себя стоящим на краю скалы в ожидании толчка в спину. Изо всех сил он постарался не думать о разговоре с Ноланом. Если бы он продолжал думать об этом, то ему бы пришлось найти этому какое-то место в своей новой схеме. К такому он еще не был готов.

Посидев еще немного, он заплатил и вышел из ресторана. Все

съеденное лежало в желудке холодным комком. До Пенсильвании Стэйшен он доехал на такси, там несколько минут подождал и сел на Северобережный поезд. В вагоне всю дорогу до Хантингтона он следил за мелькающей в окне сельской местностью, сигарета в пальцах так и осталась незажженной. Тяжелый комок в желудке не исчезал.

По прибытии в Хантингтон Маршалл прошел через станцию, напрямую к стоянке такси, и специально сел в одну из знакомых машин.

— Пожалуйста, отвезите меня домой, — внимательно посмотрел он на водителя.

— С превеликим удовольствием, мистер Маршалл, — ответил водитель.

Маршалл с облегчением расслабился на сиденье и закрыл глаза. Кончики его пальцев зачесались.

— Вы сегодня рано, — заметил водитель, — плохо себя чувствуете? Маршалл поежился.

— Да голова что-то болит, — сказал он.

— Извините, пожалуйста.

По пути домой Маршалл внимательно рассматривал город. Вопреки своей воле он искал несоответствия, различия. И ничего не находил. Все было то же самое. Дискомфорт в желудке проходил.

Рут сидела в гостинной. Она шила.

— Дон, — она встала и поспешила ему навстречу, — что-нибудь случилось?

— Нет, нет, — ответил он, снимая шляпу, — просто голова болит.

— Ну ничего, — она взяла его руку и проводила до кресла. Помогла ему снять пиджак и обувь. — Сейчас я тебе что-нибудь принесу, — сказала она.

— Спасибо.

Когда она ушла наверх, Маршалл осмотрелся в знакомой комнате и улыбнулся. Все было в полном порядке.

Рут спускалась по лестнице, и в это время зазвонил телефон. Он вздрогнул, хотел встать, но она сказала:

— Сиди, дорогой, я возьму.

— Да-да, конечно, — сказал он.

Он смотрел, как она пересекла холл, взяла трубку и ответила. Она слушала.

— Да, милый, — сказал она почти автоматически, — значит, ты... — И вдруг она остановилась. Держа телефонную трубку перед собой, она смотрела на нее, как будто это было что-то необыкновенное. Потом она вновь поднесла ее к уху и сказала:

— Значит, ты придешь... домой очень поздно? — Голос у нее был какой-то слабый.

Маршалл уставился на нее, открыв рот. Сердце его готово было выпрыгнуть. И даже когда она обернулась к нему, все еще держа в опущенной руке телефонную трубку, он не мог отвести взгляд.

«Ну, пожалуйста, — подумал он. — Пожалуйста, не говори это!»
Ну, пожалуйста!
— Кто вы такой? — спросила она.

ЧЕЛОВЕК-ПРАЗДНИК

— Ты опоздаешь, — сказала она.

Он устало откинулся на спинку стула и ответил:

— Да, я знаю.

Они сидели на кухне, завтракали. Дэвид съел очень мало. В основном он пил черный кофе и внимательно смотрел на скатерть. Вся она была покрыта тонкими линиями, казавшимися Дэвиду своеобразными автострадами.

— Ну что? — спросила она.

Он вздрогнул и оторвал глаза от скатерти.

— Да, — сказал он, — все правильно.

— Дэвид! — повторила она.

— Да, да. Я знаю, — ответил он, — я опаздываю.

Он не сердился. На это его уже не хватило бы.

— Ты определенно опоздаешь, — еще раз сказала она, намазывая хлеб маслом, а потом сверху — толстым слоем малинового джема. Она с хрустом откусила и начала жевать.

Дэвид встал, прошел через кухню к двери, повернулся и замер. Он смотрел ей прямо в затылок.

— А почему бы и нет? — опять спросил он.

— Потому что тебе нельзя, — сказала она. — Вот и все.

— Но почему?

— Потому что ты им нужен, — сказала она. — Потому что они тебе хорошо платят, и что бы ты еще без них делал. Разве не ясно?

— Но они могли бы найти кого-нибудь.

— Ну хватит, прекрати, — сказала она. — Ты же знаешь, что нет.

— Но почему именно я? — спросил он.

Она не отвечала, жевала свой бутерброд.

— Но Джин?

— Больше говорить не о чем, — сказала она, продолжая есть. Наконец она повернулась:

— Так ты еще здесь? Сегодня тебе не следовало бы опаздывать.

У Дэвида что-то случилось внутри.

— Нет, — сказал он, — только не сегодня.

Он вышел из кухни и поднялся наверх. Там почистил зубы, надраил ботинки и надел галстук. Затем вновь спустился вниз, восьми еще не было. Заглянул на кухню.

— Ну, пока, — сказала она.

Джин слегка приподнялась и подставила ему щеку для поцелуя.

— Пока, милый, — сказала она. — Желаю... — и внезапно замолчала.

— ...хорошо поработать? — закончил он. — Спасибо. — Дэвид повернулся. — Сегодня я отлично поработаю.

Вот уже много лет, как он перестал водить машину. По утрам приходил на железнодорожную станцию пешком. Придя на станцию, Дэвид, как обычно, вышел на платформу и стал ждать поезд. Газеты у него не было. Он больше не покупал газет. Ему не нравилось их читать.

— Доброе утро, Гаррет!

Он обернулся и увидел Каултера, который тоже работал в городе. Каултер похлопал его по спине.

— Доброе утро! — ответил Дэвид.

— Как дела? — спросил Каултер.

— Спасибо, нормально.

— Рад слышать. Скорее бы Четвертое, не правда ли?*

Дэвид судорожно вздохнул.

— Да знаете ли... — начал он.

— Ну, а я собираюсь вывезти все семейство в лес, — продолжал Каултер. — Эти отвратительные фейерверки не для нас. Заберемся в старенький автобус и поедем туда, где их нет.

— Помчитесь, — сказал Дэвид.

— Так точно, сэр, — ответил Каултер, — Как можно дальше.

Это началось само собой. Нет, подумал он: не сейчас. С усилием он заставил это вернуться обратно, в темноту, откуда оно появилось.

— ... ламном деле, — закончил Каултер.

— Что? — переспросил он.

— Да я надеюсь, все идет нормально в вашем рекламном деле.

Дэвид прокашлялся.

— Да, конечно, — ответил он. — Все прекрасно. — Он всегда забывал об этой лжи, сказанной как-то Каултеру.

Когда поезд подошел, он сел в вагон для не курящих, так как знал, что Каултер в дороге всегда курит. Сидеть рядом с Каултером ему не хотелось. По крайней мере, сейчас. Всю дорогу до города он смотрел в окно. В основном следил за обочиной и движением на автостраде. Один раз, когда поезд с грохотом въехал на мост, он взглянул вниз на зеркальную поверхность озера, в другой раз он откинул голову назад и посмотрел на солнце.

Он остановился, когда уже почти вошел в лифт.

— Вверх? — спросил человек в коричнево-красной униформе. —

* 4 июля — национальный праздник Соединенных Штатов Америки. В этот день, в 1776 году, принята Декларация Независимости.

Вверх? — настойчиво, глядя на Дэвида, повторил он. Потом человек закрыл скользящие двери.

Дэвид стоял не двигаясь. Вокруг него начали накапливаться люди. В считанное мгновение он повернулся и, расталкивая их плечами, выбрался обратно. Когда Дэвид вышел на улицу, страшная июльская жара сразу же окутала его. Он шел по тротуару, как во сне. Дэвид пересек дорогу и нырнул в бар.

Внутри было темно и прохладно. Никаких посетителей. Бармена и того не было видно. Дэвид опустил в полутьму кабинки и снял шляпу. Он наклонил назад голову и закрыл глаза.

Он не в силах был это сделать. Он просто не мог встать и подняться в свой офис. И не важно, что Джин сказала и что все остальные говорят. Ухватившись руками за край стола, он сжал его с такой силой, что пальцы побелели. Конечно же, он не сделает.

— Хотите чего-нибудь? — раздался голос.

Дэвид открыл глаза. Бармен стоял рядом с кабинкой и смотрел на него сверху вниз.

— Да, пожалуйста... пиво, — ответил он. Дэвид ненавидел пиво, но он знал, что придется что-то заказать, иначе он лишится этой привилегии спокойно посидеть в прохладной тишине. Пиво можно и не пить.

Бармен принес пиво, и Дэвид заплатил. Затем, когда бармен отошел, он стал медленно поворачивать стакан по поверхности стола. И вот в этот момент оно началось снова. Затаив дыхание, он попытался оттолкнуть его. НЕТ! — сказал он, впадая в бешенство.

Еще через минуту он встал из-за стола и вышел из бара. Уже перевалило за десять. Хотя это, конечно, не имело никакого значения. Они знают, что он всегда опаздывает. Они знают, что он всегда пытается побороть это. Безуспешно.

Офис находился в глубине помещения, небольшая загородка, снабженная самым необходимым: коврик, диван и небольшой стол с лежащими на нем карандашами и белой бумагой. Это все, что ему нужно. Одно время он держал секретаршу, но потом ему не понравилось, что кто-то за дверью может услышать его крик.

Никто не видел, как он вошел в кабинет из холла, через потайную дверь. Оказавшись внутри, он запер дверь, затем снял пиджак и расстелил его на столе. В офисе было душно. Дэвид приблизился к окну и поднял раму.

Далеко-далеко внизу жил город. Дэвид стоял и смотрел туда.

— Сколько же из них? — промелькнула мысль.

Тяжело вздохнув, он отвернулся. Итак, он пришел. Нет смысла тянуть дальше. Он связан этим. Лучше будет поскорей закончить и убираться.

Он задернул жалюзи, подошел к кушетке и лег. Устроился на

подушке, вытянулся, как следует, и замер. Конечности, интересное чувство, почти сразу же онемели.

Началось.

Сейчас Дэвид это не останавливал. Оно капало в его мозг, как тающий лед. Врывалось, словно зимний ветер. Кружилось в нем подобно холодной, скользкой химере. Дэвид оцепенел и начал задыхаться. Грудь его содрогалась, сердце билось резкими толчками. Пальцы, окостенелые, словно когти, царапали кожу кушетки. Сейчас он весь дрожал, стонал и извивался. Наконец он закричал и кричал довольно долго.

Это было сделано. Вялый, без движения, лежал Дэвид на кушетке с глазами застывшими, как стекло. Когда немного отпустило, он поднял руку и взглянул на часы. Было почти два. С трудом он поднялся. Тело было свинцовым. Еле-еле добрался до стола и сел. Там он что-то написал на листке бумаги и, уронив голову на стол, впал у глубокий, бесчувственный сон.

Прошло несколько часов, прежде чем он проснулся и отнес исписанный листок бумаги своему старшему. Тот просмотрел его и кивнул.

— Четыреста восемьдесят шесть, так я понял? — сказал старший. — А ты уверен?

— Я уверен, — спокойно ответил Дэвид. — Я смотрел за каждым. — Он не упомянул, что Каултер и его семейство тоже были среди них.

— О'кей, — сказал старший, — давай посмотрим. Четыреста пятьдесят два в дорожно-транспортных происшествиях, восемнадцать утонули, семь от солнечного удара, три от фейерверков, шесть — по другим причинам.

— Такая маленькая девочка и обожглась до смерти, — сказал Дэвид. — А мальчик, совсем малыш, съел муравьиный яд. И та женщина, надо же, ее ударило током. Мужчины, — от змеиного укуса.

— Ну что ж, — сказал старший, — хорошо, но мы сделаем лучше. Скажем, — четыреста пятьдесят. Это всегда впечатляет, когда погибает больше людей, чем мы предсказали.

— Конечно, — сказал Дэвид.

В тот вечер прогноз был на первых страницах всех газет. По пути домой Дэвид слышал, как сидящий перед ним мужчина повернулся к своему соседу и сказал:

— Что бы я действительно хотел знать, это как они угадывают?

Дэвид поднялся и отошел в противоположную часть вагона. И пока не сошел с поезда, он все стоял там, слушая стук колес, и думал о следующем празднике — Дне Труда.*

* Национальный американский праздник — первое воскресенье сентября.

ПЛЯСКА МЕРТВЕЦОВ

А я лечу вперед
С девчонкой Рота-Мотой!
Сам черт нас не возьмет,
На скользких поворотах!
Куда бы нам забраться,
Залечь и потолкаться!

(по/толкать/ся, — гл., жарг., — обозначает любую случайную половую связь, в данном значении стало употребляться во время III Мировой войны.)

Два пучка света, выпускаемые автомобильными фарами, быстро ложились на шоссе. Следом за ними неся «Ротор-Моторс» амфибия, модель «С», 1987 года выпуска. Яркие желтые струи рвались вперед и стремились удрать от 12-цилиндрового тяжело дышащего преследователя. Застывшая крошечная темень с бешеной скоростью исчезала под колесами. Дорога мелькала все быстрее. «Сент-Луис, 10 км».

— А ты летишь со МНОЙ, — пели они, — мы Рота-Мота дети! С глазами за СПИНОЙ, — пение усиливалось, — и с мыслями в кювете!

Певцов было четверо:

Лен, 23 года,

Бад, 24 года,

Барбара, 20,

Пегги, 18.

Лен с Барбарой, Бад с Пегги.

Бад вел машину. Она с визгом вписывалась в крутые виражи, громко ревела на мрачных горных подъемах, как пуля проносилась по затихшим равнинам. Одна лишь Пегги пела не надрываясь, у остальных слова вылетали из готовых разорваться легких, смешиваясь и соревнуясь с ветром, бившим в их лица и хлеставшим по ним спутавшимися волосами:

К бесу тихие прогулки
При светящем месяце!
На стомильных скоростях
Мне про иное грезится!

Стрелка подрагивала на 130. Еще две пятимильные отметки и конец шкалы. Внезапно автомобиль куда-то нырнул. Вся компания подскочила, и ночь тут же подхватила и унесла с собой дикий хохот трех молодых глоток. Еще вираж. Еще подъем, затем спуск. Молниеносный скачок через долину — корпус цвета полированного черного дерева едва касался земли.

Водно — роторно — моторный —
И удобный и просторный.
Хоть по суше, хоть по морю
Как ни в чем я рот-моторю!

Голос на заднем сиденьи:

— Уколись, Барбарис!

— Спасибо, я уже. Сразу после ужина. — Иголка с приделанной к ней капельницей для глаз перешла обратно.

Голос на переднем сиденьи:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это твой первый залет в Сент-Лу?

— Ну да, ведь в сентябре начались занятия.

— Брось об этом, ты же своя чувиха.

Заднее сиденье, обращаясь к переднему:

— Эй, чувиха, ты что, не хочешь вкусно взлететь?

Иголка перешла вперед, светло-янтарное содержимое капельницы заманчиво переливалось.

— Давай, будет здорово!

(взлететь, — гл., жарг., — обозначает переход в состояние эйфории, следующее за приемом наркотика. В данном значении стало употребляться во время III Мировой войны.)

Пегги попыталась улыбнуться, но губы не двигались. Пальцы чуть-чуть дрожали.

— Нет, спасибо, я не...

— Давай, не дрейфь. — Лен навалился на сиденье всем телом, светлые брови выделялись под растрепавшейся черной шевелюрой. Он держал иглу прямо перед лицом Пегги. — Будет здорово, вот увидишь. Взлетишь и все забудешь!

— И все-таки я бы не хотела, если, конечно, ты...

— Ну и девица попалась! — взорвался Лен и с силой прижался бедром к ждущему этого бедру Барбары.

Пегги тряхнула головой, и ее золотистые кудри упали на лицо, полностью скрыв глаза и щеки. Где-то там внутри, под желтой тканью платья, под белым нижним бельем, под молодой грудью тяжело стучало сердце. *Будь внимательна и осторожна, детка. Это все, чего мы просим. И помни, кроме тебя у нас на этом свете никого нет.* Слова матери звенели в ушах. Вид иглы заставил ее отпрянуть поглубже в кресло.

— Ну ты даешь, чувиха!

Машина застонала, входя в очередной поворот, и центробежная сила сдвинула Пегги прямо на худые колени Бада. Рука его моментально спустилась, и пальцы сдавили упругое тело. Под желтой тканью платья, под тонким чулком дрожь пробежала по коже. Губы снова не повиновались, вместо улыбки получилась жалкая гримаса.

- Я клянусь, это черт знает как здорово!
- Отстань, Лен. Если хочешь, коли своих подружек.
- Но должны мы научить ее поймать кайф.
- Лен, отвяжись, это моя девчонка!

Черный автомобиль, рыча, продолжал погоню за собственным светом. Пегги нашла и сжала в руке теплую ладонь. Ветер свистел над ними, запуская холодные пальцы в их волосы. Она бы и не хотела таких пожаров, но сейчас была просто благодарна Бад.

Пытаясь скрыть безотчетный испуг, Пегги молча следила, как асфальт исчезает под капотом. Сзади началась возня. Чувствовались объятия напряженных тел, слышно яростное слияние губ. Тем сладострастнее, чем больше миль на спидометре.

— С девчонкой Рота-Мотой! — страстно выдавил из себя Лен, оторвавшись, чтобы вздохнуть. Молодое девичье сердце на переднем сиденье падало и замирало. «Сент-Луис — 6 км».

— Ты не врешь, что никогда не была в Сент-Лу?

— Да нет же, я...

— И значит, ты никогда не видела пляску хмурых?

Огромный комок подступил к горлу.

— Нет. Я... А мы разве... мы для того туда едем?

— Ну и девица, никогда не видела танцы хмуриков! — отозвался сзади Лен

Во рту у Пегги пересохло. Она аккуратно и демонстративно одернула юбку.

— Значит, не врешь, — Лен все больше воспалялся. — Тогда считай, что ты еще не жила.

— Она во что бы то ни стало должна увидеть *это*, — вторила Барбара, крутя пуговицу.

— Так в чем же дело, — не отставал Лен. — Да, чувиха, потешим мы тебя сегодня.

— Ничего, все в порядке, — сказал Бад и слегка сжал ее ногу. — Все о'кей, верно ведь, Пер?

Никто в темноте не видел, что Пегги содрогнулась. Ветер продолжал играть ее прядями. Она слышала об этом, даже читала, но ей и в голову не приходило, что можно и самой...

И тщательно выбирай друзей, дочка. Не дай себя обмануть.

А что, если целых два месяца с тобой никто не разговаривал? Как хочется поболтать, посмеяться, побыть с приятелями. И что я могла ответить, когда на меня обратили внимание и пригласили на пикник?

— Давайте познакомимся, я — Поппи-морячок! — пропел Бад.

Сзади прозвучало кукареканье в знак высшего одобрения. Бад изучал доверенные комиксы и мультфильмы, и на этой неделе они проходили Пегги. Он буквально влюбился в одноглазого пирата и рассказывал о нем Лену и Барбаре, которые уже наизусть знали все его песенки и диалоги.

— Поплавать бы немножко с девчонкой-кривоножкой, я — Поппи, Поппи, Поппи, я — Поппи-морячок.

Взрыв хохота. Пегги стало немного стыдно. Бад убрал руку у нее с ноги и ухватился за руль. Резкий наклон на следующем зигзаге дороги, и Пегги отбросило к двери. От прохладного воздуха слезились глаза и ныло в затылке. 110-115-120 миль в час. *Будь очень осторожна, родная.* «Сент-Луис — 3 км».

Поппи недвусмысленно подмигнул ей.

— О, Олив Ойл, милашка, тебя я обожаю.

Последовал толчок локтем в бок: — Будешь моей Олив Ойл, *ты?* Пегги нервно засмеялась: — Только не я.

— *Именно ты.*

На заднем сиденье Уимпи набрал воздуха и продекламировал:

— Я во вторник заплачу, а пожарть сейчас хочу!

Пронзительное трио и робкий четвертый голос продолжали концерт под аккомпанемент воющего ветра: — Когда полно шпионов, то лучше и не надо. Я — Поппи, Поппи, Поппи, я — Поппи-морячок. Трум! Бум!

— Я есть только то, что я есть, — помрачнел Поппи, и рука его потянулась к ногам Олив Ойл под желтой юбкой. Задний ряд квартета возобновил возню и замолк в жарких объятиях.

«Сент-Луис — 1 км». Рев мотора гулко отдавался в неосвещенных пригородах.

— А ну надеть! — протяжно скомандовал Бад. Все быстро вытащили и прицепили пластиковые защитные лепестки, прикрывающие органы дыхания.

Нос и рот прикрой скорее,
Биопреп тебя хитрее.

(биопреп — сущ., разг., — общее название биологических препаратов для уничтожения гражданского населения. Вошло в употребление во время III Мировой войны.)

— Тебе понравится танец хмурых! — донеслись сквозь дорожный свист слова Бада. — Это сногш...ш!

У Пегги было ощущение, что холод идет отовсюду, ночь и ветер здесь не при чем. *Помни, милая, сейчас в мире происходят ужасные вещи. Держись в стороне от них.*

— А не могли бы мы еще куда-нибудь съездить? — спросила Пегги и тотчас же поняла, что никто не слушает. Бад продолжал пение — «поплавать бы немножко с девчонкой-кривоножкой». Рука его снова оказалась на бедре соседки. А на заднем сиденье в это время поцелуи уступали место более интимным и откровенным действиям.

Пляска мертвецов. Что-то леденящее душу почувствовалось Пегги в этих словах.

«Сент-Луис».

Черный автомобиль летел среди развалин.

Местечко, бывшее целью их путешествия, встретило дымом и вульгарными возгласами. Всеобщее шумное животное веселье подогревалось сумасшедшим диссонансом, исходящим из доброй дюжины медных инструментов — музыка стиля 1987 года. Пульсирующие, трущиеся друг о друга, танцующие тела заполняли все крохотные подковообразные пространства пола вокруг оркестра. В вырывающемся из дыма и духоты всеобщем поддыхании, сопровождающем ритмичные движения этой массы людей, можно было разобрать слова:

Рви меня, кусай меня!
В кровь мою добавь огня!
Я — твоя, возьми меня!
Милый, милый, милый,
Ты — мой — дикий — зверь!

Что-то взрывоопасное, готовое вот-вот разлететься осколками, но пока еще единое целое, таилось в этой шевелящейся толпе. «Зверем, зверем, зверем, будь со мною ЗВЕРЕМ!»

— Ну и как тебе э т о, Олив Пегги Ойл. — Во взгляде Поппи появилась испытывающая искорка. Они с трудом протискивались вслед за официантом. — В Сикесвилле ничего подобного не увидишь, не правда ли?

Пегги улыбнулась, сжатая Бадом ладонь онемела, но она покорно следовала за своим кавалером. В тот момент, когда они обходили едва освещенный столик, она вдруг почувствовала чье-то прикосновение. Пегги попыталась отстраниться от невидимых пальцев, но сразу наткнулась на острое, твердое колено. Приходилось изгибаться, лавировать, уворачиваться. Десятки жадных глаз раздевали ее и приглашали предаться похоти. Бад помогал распахивать окружающих. Губы непроизвольно дрожали.

— А вот здесь тебе нравится? — удовлетворенно воскликнул Бад, когда они уселись наконец у самой сцены.

Из сизых сигаретных клубов вынырнул официант. Казалось, он парит над полом с карандашом в руке.

— Что желаете? — удалось расслышать, несмотря на какофонию.

— Виски с содовой, — Бад и Лен сказали это одновременно. Потом обратились к спутникам. — Что желаете? — повторили они вопрос официанта.

— Зеленое Болото, — выкрикнула Барбара.

— Ты понял, коктейль «Зеленое Болото»? — передал официанту Лен. Джин, ром, «Кровавое Вторжение» 1987 года, лимонный сок, сахар, мятная добавка и несколько кусочков льда — этот напиток пользовался особой популярностью среди студенток колледжей.

— А что скажет вторая девчонка? — спросил Бад свою спутницу. Пегги улыбнулась.

— Я буду лимонад. — Ее негромкий, неуверенный ответ потонул во всеобщем грохоте и дыме.

— Что-что? — переспросил Бад.

— Повторите, я не расслышал, — не уходил официант.

— Лимонад.

— *Что?*

— Лимонад!

— ЛИМОНАД! — это уже вопил Лен, но барабанщик, несмотря на весь шум окружающей его банды, расслышал. Тогда Лен рукой скомандовал ему: — *Раз — два — три!*

ХОР: Лимонад, когда мы были очень молоды,
Был для нас дороже и приятней золота.
И так продолжалось, пока...

— Давайте быстрее, — торопил официант, — а то я здорово занят.

— Два виски с содовой и два «Зеленых Болота»! — пропел Лен, и официант исчез в крутящемся тумане.

Юное сердце Пегги беспомощно трепетало. *Никогда не пей, если идешь на свидание. Обещай нам, детка. Ты должна нам это пообещать.* Она попыталась оттолкнуть всплывающие в памяти советы матери.

— Как тебе здесь нравится, дорогая? Не так уж и *хмуро*, ты не находишь? — вопрос исходил от Бада, раскрасневшегося, заметно повеселевшего Бада.

(хмурый (хмурик) — сущ., жарг. — получил широкое распространение в устной речи как заменитель аббревиатуры ХМ (УР) — Ходячие Мертвецы (Условная реакция).)

Пегги из вежливости нервно улыбнулась. Она осматривалась. Лицо наклонено вниз, глаза все время возвращались на сцену. *Хмурые*. Неприятно, как острие скальпеля. *Хмурый, хмурик*.

Сценой служило невысокое деревянное возвышение полукруглой формы радиусом около пяти ярдов. По периметру, на уровне пояса, шло легкое ограждение. На каждом его конце стояли бледно-красные прожектора. Они пока не горели. Красное на белом — промелькнула мысль. *Послушай, дочка, а чем тебе не нравится бизнес-колледж в Сикесвилле? — Но я не хочу учиться бизнесу. Я хочу изучать искусство в Университете.*

Принесли заказ. Официант казался бестелесным. Она видела только руку, опустившую перед ней высокий зеленоватый стакан.

Рука исчезла. Пегги взглянула на мутную, болотисто-зеленоватую жидкость, от льдинок бежали вверх пузырьки воздуха.

— Хочу тост! Возьми стакан, Пег, — это снова Бад.

Бокалы встретились над столом и зазвенели.

— За изначальное желание! — произнес Бад.

— За неоскверненное ложе! — добавил Лен.

— За бесчувственное тело! — вставила следующее звено Барбара.

Взгляды троих сфокусировались на лице Пегги. Они ждали, Пегги не понимала.

— Последнюю строчку, — подсказал ей Бад. Помоги преодолеть медлительность новичка.

— За... за нас, — но получилось неестественно.

— О-ри-ги-нально, — хмыкнула Барбара, Пегги почувствовала, что краснеет. Но этого никто не заметил, потому что Молодость Америки, Для Которой Время Остановилось, уже неистово поглощали содержимое своих бокалов. Пегги вертела стакан в руке, по-прежнему изо всех сил изображая улыбку.

— пей, не бойся. — Слова Бада донеслись через стол как будто с другого конца света. — Чга-луга-лег!

— Будет здорово, вот увидишь. — Это Лен, думая о чем-то своем. Пальцы его снова искали мягкое податливое тело. Под столом они сразу успокоились.

Пегги не хотела пить, она боялась пить. Голос матери возвращался к ней. *Никогда, если идешь на свидание. Никогда, прошу тебя.* Она приподняла стакан.

— Дядюшка Бадди поможет тебе.

И вот уже дядюшка Бадди прислоняется к ней, виски уже ударил о его в голову. Дядюшка Бадди берет холодный стакан и подносит его к трясущимся хорошеньким губам.

— Будь умницей, Олив Пегги Ойл. Раз и...

Но девочка не слушалась. Она закашлялась, и несколько зеленых капель запачкали ей платице на груди. А жгучая влага тем временем достигла желудка и огненными ручейками потекла по всем жилочкам.

Бэнгити бум, крэш смэш ПУМ! Это барабанщик нанес завершающий смертельный удар по тому, что в давние времена называлось вальсом влюбленных. Свет погас. Пегги все кашляла и терла глаза. В дыму, в подвале, в другом измерении.

Она почувствовала, как невидимая рука Бада сильно сдвинула плечо. И вот, в темноте, она потеряла равновесие, стала куда-то падать, и падение это остановил влажный горячий рот, властно прижавшийся к ее губам. Пегги инстинктивно отдернулась, и в этот момент вспыхнули пурпурно-красные огни. Пестрое цветное лицо Бада отодвинулось. Он выдохнул — лучше и не надо — и потянулся к выпивке.

— Посмотрите, хмур, вон туда смотрите, — мрачно воодушевляясь закричал Лен. Он уже делал руками, что хотел.

Внутри у Пегги все перевернулось. Ей захотелось заорать, вскричать и, самое главное, бежать, бежать, куда угодно, лишь бы подальше от этой темноты и тошнотворного дыма. Но рука однокашника цепко удерживала ее на стуле, и Пегги подняла глаза. Прямо перед собой она увидела бледное, отвратительное лицо мертвого человека. Он стоял у микрофона на краю сцены, и микрофон завис над ним подобно железному пауку.

— Дамы и господа, минуточку внимания, — раздался невыразительный потусторонний голос. Взгляд его хаотично блуждал над головами зрителей, испуская зловещее мерцание. У Пегги остановилось дыхание. Тонкие щупальца болотисто-зеленой жидкости уже прошли сквозь стенки желудка, обожгли грудь. Веки отяжелели, глаза то смыкались, то открывались. М а м о ч к а, — возникло откуда-то из самых глубин ее мозга дорогое слово. Возникло и затрепетало, вырвавшись наконец на свободу. М а м о ч к а, з а б е р и м е н я д о м о й.

— Мы должны предупредить вас. То, что вы сейчас увидите, предназначено только для закаленных сердец и крепких нервов, — голос звучал приглушенно, словно из-под земли, — если же вы в себе не уверены, вам лучше уйти отсюда прямо *сейчас*. Мы ничего не гарантируем и не несем никакой ответственности. И мы не можем позволить себе содержать в штате врача.

Но смеха в ответ не последовало. «Брось трепаться и катись ты...» — буркнул сам себе Лен. У Пегги ногти врезались в кожу.

— То, что вы сейчас увидите, — представление продолжалось, и голос стоящего на сцене постепенно приобретал уверенность и звучность, — это не дешевая сенсация, напротив — это честный научный опыт.

— Х м у р д л я д у р! — реакция Бада и Лена была быстрой и непроизвольной, как слюноотделение у подопытной собаки.

В 1987 году присказка эта настолько вошла в обиход, что употреблялась уже как некая форма вежливости в ответ на любое упоминание «Ходячих Мертвецов» в вашем присутствии. В послевоенном законе существовала лазейка, разрешающая показы такого рода, но при одном условии — с предварительным устным научным разъяснением. Однако последовало столько злоупотреблений и вольных толкований этой оговорки, что всем в конце концов стало на это наплевать. А слабое правительство смотрело на подобные нарушения сквозь пальцы.

Когда свист и улюлюканье улеглись, выступающий поднял руки и молчаливо благословил и продолжал.

Пегги не отрываясь следила за заученными движениями его губ. Сердце ее с трудом наполнялось кровью и медленно, судорожно сжималось. Ноги начали деревенеть. Но все отступало по мере того, как приятное жжение проникало в глубины ее тела, а пальцы все судорожнее сжимали запотевшее стекло. Я х о ч у у й т и. П о ж а л у й с т а, з а б е р и м е н я д о м о й, — последним усилием воли обратилась она к матери.

— Итак, дамы и господа, — эта была последняя вступительная фраза, — возьмите себя и друг друга в руки.

Прозвучал гонг, заполнив пространство вибрирующим звуком, и вслед за гонгом хриплый человеческий голос медленно объявил:

— «Ходячие Мертвецы!»

Сейчас на сцене никого не было. Микрофон исчез куда-то вверх. Зазвучала музыка — приглушенная духовая мелодия. Джазовая ин-

терпретация физически осязаемого мрака. В основе ее — бьющийся, пульсирующий стук барабанов, на который нанизывались печаль саксофона, злоебщий тромбон и обузданное бление трубы. Мелодия проникала в тебя независимо от твоей воли.

У Пегги холодок пробежал по спине, она резко опустила глаза и не мигая смотрела на мутную белизну поверхности стола. Вокруг только дым и темнота, духота и ревушая слух музыка.

Сама того не замечая, движимая импульсом нервного страха, Пегги отхлебнула из стакана. Ледяные капли смочили горло и пищевод, все ее тело снова содрогнулось. Но крепость напитка сразу же пустила горячие ростки в ее венах, ощущение немоты достигло висков. Губы разомкнулись, выпуская тяжелое дыхание.

Комната наполнилась перекачивающимся бормотанием, казалось, будто ветер играет с ивами у реки. Взгляд Пегги никак не поднимался на пурпурную тишину сцены, будучи прикованным к светящемуся колыханию в стакане. Мышечные волокна желудка туго натянулись, чутко прислушиваясь к биению сердца. Я бы хотела уйти. Пожалуйста, давайте уйдем отсюда.

Диссонанс достиг климакса. Медные звуки отчаяния пытались сливаться воедино, но гармония не получалась.

Кто-то ущипнул Пегги за ногу. Это оказалась рука Поппи. Морячок возбужденно шептал: — О, Олив Ойл, побудь со мной-л.

Пегги почти ничего не чувствовала и не слышала. Рука автоматически взяла стакан, еще раз ощутив выступившие на его поверхности капли, и поднесла ко рту. Прохлада в горле моментально превратилась в обжигающую теплоту во всем теле.

ВОТ ОНО!

Занавес открылся так внезапно, что она почти выронила стакан. Он стукнулся о поверхность стола, и зеленые болотные фонтанчики выплеснулись наружу, дождем окропив ее руку. Музыкальная картель невыносимо звонко ударила по перепонкам. Пегги слегка задрожала. Пальцы ее извивались и теребили салфетку, белые на белом. А тем временем неведомая, неуправляемая сила заставила ее поднять в ужасе раскрытые глаза.

Волна музыки схлынула, оставляя в бурлящем фарватере лопающиеся пузырьки барабанных переливов.

Ночной клуб превратился в безмолвный склеп. Не слышно стало даже дыхания.

Темно-красная дымовая паутина медленно проплыла на сцене.

Ни звука. Только глухое, ритмичное соло барабана.

Пегги окаменела. Она срослась со стулом, обратилась в кусок скалы с бешено колотящимся сердцем. Сквозь двигающуюся пелену дыма и алкогольного головокружения она начала с ужасом различать происходящее.

Существо это было женщиной.

Спутанные черные волосы обрамляли одутловатое лицо, напоминающее маску. Окаймленные тенью глаза были скрыты гладкими веками

цвета слоновой кости. Рот, казалось, не имел губ. Он был похож на запекшуюся резаную рану, застывшую над подбородком. Белая шея, белые плечи, белые руки. По бокам зеленоватого прозрачного одеяния имелись рукава, из которых свешивались словно вылитые из гипса кисти.

Мраморное изваяние в красных отсветах прожекторов.

Все еще парализованная Пегги не отрываясь следила за застывшими очертаниями. Косточки накрепко переплетенных под столом пальцев побелели. Пульсирующее подрагивание воздуха проникало в самое нутро, ритм барабанных палочек управлял сокращениями сердца.

Из черной пустоты за спиной послышался шепот Лена: — Я люблю мою жену, но этот труп... — Бад и Барбара не выдержали и сдержанно засмеялись. Пегги ощутила нарастающий могильный холод, прилив беспомощного отчаяния.

Где-то впотьмах, в глубине дымного тумана, один из зрителей искусственно кашлянул, пытаясь прочистить слипшееся горло. По залу разнесся одобрителный вздох понимания.

На возвышении по-прежнему не было никакого движения. Оттуда не исходило ни звука. Только тягучие барабанные переходы метались по затихшему помещению, как будто невидимый музыкант искал и не находил какую-то потайную дверь. Обезличенная безымянная жертва недавней чумы застыла бледной статуей, и видно было, как дистилляционный раствор струился по ее сосудам, преодолевая кровяные сгустки.

И вдруг барабан захлебнулся, словно не выдержал нарастающей паники. Пегги показалось, что кто-то невидимый и холодный начал ее заглатывать. Шейные мышцы напряглись до предела, раскрытый рот прерывисто глотал воздух.

Веки стоящего перед ними мертвеца дрогнули.

В зале воцарилась мрачная напряженная тишина. Остатки воздуха застряли у Пегги в гортани, когда она увидела, как открылись, подрагивая, выцветшие глаза. Что-то скрипнуло. Это тело ее бессознательно откинулось на спинку стула. Пегги не мигала. Сквозь расширившиеся зрачки в мозгу отпечатывалось изображение мерзкой твари, бывшей когда-то особью женского пола.

Снова заиграла музыка. Снова застонали в темноте медные голоса, словно какое-то животное с клаксонами вместо рта жалобно ныло в полуночной аллее.

Внезапно бессильно висящая сбоку правая рука «ходячего мертвеца» дернулась. Сухожилия стали сокращаться. Левая рука изогнулась, вытянулась вперед и упала обратно, шлепнув по вялой бледно-красной ляжке. Правая вперед, левая вперед. Правая-левая-правая-левая. Так двигаются марионетки в любительском театре.

Музыка соответственно изменилась. Барабанные щетки задавали ритм мышечной конвульсии. Пегги откинулась еще дальше. Тело стало совершенно бесчувственным и холодным. Лицо, застывший синевато-багровый слепок.

Существо на сцене пошевелило правой ступней и неуклюже понесло ее вверх по мере того, как дистиллят оказывал действие на мышцы голени и бедра. Второе сокращение, за ним третье. И вот уже левая нога целиком двинулась вперед, а за ней и весь корпус женоподобного трупа в результате резкого мышечного спазма подался к краю сцены, вызвав движение и игру света в прозрачном облачении.

Пегги услышала свистящий выдох, вырвавшийся сквозь плотно сжатые губы Бада и Лена. Противная тошнота вспучилась у нее в желудке. Сцена пошатнулась и поплыла. Водянистое свечение движущегося мертвого тела направлялось прямо к ней.

Голова закружилась. Сдавленная ужасом Пегги теперь уже не могла оторвать взор от возбужденного неживого лица.

Она видела, как открывался рот, обнажив зияющую пустоту. Заживший, казалось, шрам разошелся и открыл саму рану. Она видела, как раздулись темные ноздри, как зашевелилась гниющая плоть под отвисшей кожей щек, как появились и исчезли на багровой белизне лба глубокие складки. Пегги видела, как один из безжизненных глаз подмигнул в пространство, и услышала всеобщий испуганный хохот.

В оркестре что-то затрещало. Припадочные движения мертвых рук и ног заставляли тело скакать по залитому светом настилу, как будто в разваливающуюся на куски огромную куклу человеческого размера вдохнули новую жизнь.

Все это казалось кошмарным сном. Пегги отчаянно, беспомощно дрожала, не в состоянии оторваться от прыжков и кружений смертельной пляски. Кровь ее обратилась в лед. Жизнь остановилась. Только сердце продолжало трепетать неровными скачками. Взгляд застыл и не замечал ничего, кроме пассивно извивающейся белой женской плоти под прилипшим к ней шелком.

Но вдруг что-то где-то испортилось.

До сих пор действие ограничивалось площадкой в несколько ярдов, обозначенной декорацией, и все мышечные схватки не выносили тело за пределы янтарно-желтого сектора. Однако внезапно, в результате непредвиденного пароксизмального возбуждения фигура «хмурика» двинулась к ограждению.

Установленные вдоль сцены деревянные стойки закрипели, когда ожившая масса налетела на них низом живота. Пегги превратилась в туго сжатый узел. Она видела, как исказилась в смертельной агонии каждая черточка озаренного тусклым пятном лица.

Зловещая фигура отлетела назад, в ритм музыке хлопая себя по шуршащим шелковым бедрам прокаженными руками.

И снова прыжок вперед. Обезумевшая кукла глухо шлепнулась бесформенным животом о деревянную загородку. Нижняя челюсть ее отпала вниз и снова защелкнулась. Медленный разворот вокруг сцены, и снова закрипело ограждение под обрушившимся на него ударом. Пегги сидела как раз внизу.

Она не дышала. Она срослась со стулом. В безотчетном ужасе разошлись и замерли побелевшие губы, кровь разрывала вены на висках. А страшное нелепое существо все кружило перед ней, скользящая белая пелена застилала глаза.

В следующее мгновение оно опять врезалось в парапет, склонилось над ним, и пылающее бескровное лицо вплотную приблизилось к Пегги. На высушенной бледно-лиловой маске жили только уставившиеся прямо в душу глаза.

Пол начал уходить из-под ног. Серовато-синее лицо исчезло в поглотившей сознание темноте, но сразу же откуда-то появилось, засияв новыми оттенками. Топот медных ног не стихал. Мозг разрывался.

Оживший труп с остервенением вдавливал свое тело в ограждение, будто хотел стереть его. И с каждым его пошатыванием просвечивающие лохмотья развевались, обнажая помертвевшую ткань, с каждым новым столкновением сильнее проступало сквозь них опухшее человеческое мясо. Застывшая Пегги безмолвно наблюдала за яростными атаками зомби на разделяющий их барьер. Ничто не ускользало от ее взгляда; ни искаженное дикими усилиями лицо, ни чернота, развевающиеся волосы.

То, что произошло потом, в считанные секунды отключило ее сознание.

Какой-то угрюмый человек выбежал на освещенную сцену. То, что некогда было женщиной, скрючилось, сжалось и повисло на перегородке, сложившись на ней вдвое и увлекая ее за собой. Еще одна спазма мышечных волокон, и узловато-мускулистые ноги взмыли кверху.

Царапая и цепляя все вокруг, существо наконец упало.

Пегги попыталась отодвинуться. Душераздирающий вопль, зародившийся было в ее горле, сменился сдавленным хрипом в тот момент, когда хмур рухнул на поверхность стола, растопылив в стороны обнаженные конечности.

Заверещала Барбара. Все присутствующие затаились. Боковым зрением Пегги заметила, что вскочил с места ошеломленный Бад.

То, что недавно было человеком, билось и извивалось на столе, как свежепойманная рыба. Музыка перестала играть, наступила шипящая тишина. Взволнованное людское бормотание отозвалось у Пегги в мозгу, вслед за ним накатила все накрывающая волна, и она почувствовала, что погружается в небытие.

Холодная белая ладонь ударила ее по лицу, бездонные глаза смотрели на нее кровавым взглядом. Пегги куда-то понесло. Наполненная ужасом комната перевернулась и начала падать.

Возвращение сознания. Оно теплилось в ее мозгу маленьким огоньком свечи, прикрытым дымчатой вуалью. Шорох, шепот, неясные плывущие тени.

Капля за каплей рот наполнялся дыханием.

— Пег, очнись, — услышала она голос Бада и ощутила на губах прохладное прикосновение металлического горлышка. Обжигающий глоток заставил ее немного поморщиться. Пегги закашлялась и ничего не чувствующими пальцами оттолкнула фляжку.

Позади кто-то зашевелился.

— Смотрите, она очухалась, — сказал Лен, — Ой, Олив Ойл очухалась.

— Как ты себя чувствуешь? — склонилась к ней Барбара.

Все было хорошо. Сердце медленно, медленно билось. Как будто кто-то не торопясь бил в барабан, подвешенный в глубине груди на фортепианных струнах. Руки и ноги по-прежнему не слушались, но холод сменился жарким оцепенением. Мысли вяло возникали и пропадали, точно после долгого, спокойного сна. Мозг казался сейчас хорошо прочищенным механизмом, уложенным в мягкую шерстяную упаковку.

Все было нормально.

Пегги сонно оглянулась вокруг. Они находились на самой вершине холма. Стоящая на ручном тормозе амфибия замерла, чуть-чуть выступая над обрывом. Где-то далеко внизу спала равнина, укрытая пестрым ковром из неяркого лунного света.

Змея, а может быть рука, обвила ее вокруг талии.

— Где мы? — томно спросила она наклонившегося спутника.

— До школы отсюда миль пять. Бедняжка. Как ты себя чувствуешь?

Пегги потянулась всем телом. Приятно хрустнули суставы. Она послушно откинулась ему на плечо.

— Замечательно, — слабо улыбаясь пробормотала она и почесала небольшую шишку на левом предплечье, прислушиваясь, как тепло разливается по телу. Траурная светящаяся ночь. Какое-то непонятное, неосоздаваемое воспоминание, которое сразу же затерялось в глубине, в тайных непроходимых лабиринтах.

— Да, подруга, крепко же ты вырубилась, — засмеялся Бад.

— Капитально, — вторили ему Барбара и Лен. — Олив Ойл отключилась!

— Я вырубилась? — удивление ее осталось незамеченным.

Фляжка пошла по кругу. Пегги снова пила и расслаблялась, все больше поддаваясь действию спиртного.

— Потрясающе! Никогда в жизни не видела таких хмуриков.

Легкий холодок вдоль спины и снова приятная теплота.

— Да-да, я ведь совсем забыла.

Пегги улыбалась.

— Я это называю «грандиозный финиш», — сказал Лен, тиская подружку.

Подружка не возражала: — О, Ленни, не так сильно.

— Х.М.У.Р. — произнес Бад. Он теребил ее волосы. — Сукины дети! — Рука его потянулась к ручке радиоприемника.

(Х.М. (У.Р.) — Ходячие Мертвецы (Условная Реакция) — это ненор-

мальное физиологическое явление было открыто во время войны. Оно возникло после применения определенных бактерио-газовых наступательных средств. Тела умерших солдат самопроизвольно поднимались и выполняли спазматические круговые движения. Позднее эти движения стали известны под названием «танцы хмуриков». Вызывающие такую реакцию микроорганизмы были выделены в отдельный препарат, и сейчас он используется в строго контролируемых экспериментах, требующих особого разрешения властей и заполнения специальной документации.)

Автомобиль наполнился музыкой. Мелодичная меланхолия брала за душу. Пегги прижалась к своему дружку и не сдерживала больше его вездесущие руки. В укромном уголке ее сознания что-то колыхалось и никак не рассасывалось. Это было как отчаявшийся мотылек, который окончательно запутался в застывающем воске, но все еще продолжает трепыхать крылышками; мотылек становится слабее и слабее, а вязкая ловушка кристаллизуется и твердеет.

Четыре голоса затянули неторопливую песню:

Все забудь на этом свете,
Ты же знаешь — я с тобой.
Сами можем не заметить,
Как умчимся в мир иной.

Пение четырех юных голосов, уходящее в бесконечность. Четыре жарких, одутловатых молодых тела, прижавшиеся друг к другу. Гармония слов и объятий. Безмолвное понимание.

Под прекрасным звездным светом
Снова мы споем об этом.

Песня оборвалась, но мелодия не кончалась.

Молодая девушка вздохнула.

— И все-таки как это романтично, — сказала Олив Ойл.

Говард Лавкрафт

ПОГРЕБЕННЫЙ ВМЕСТЕ С ФАРАОНАМИ

Одна тайна неизбежно влечет за собой другую. После того, как мое имя стало широко известно и я прославился как виртуоз своего дела, мастер невероятных трюков, я столкнулся с такими необычными изложениями фактов и событий, которые заставили людей заинтересоваться моей деятельностью и персоной. Некоторые из этих историй были банальными и неуместными, некоторые — глубоко драматичными и захватывающими, одни изобиловали рискованными поступками и таинственными приключениями, другие приписывали мне обширные научные и исторические познания. Обо многих из них я рассказывал и буду рассказывать откровенно. Но об одной я всегда вспоминаю с большой неохотой, и если сейчас о ней и расскажу, то только после настойчивых расспросов и долгих уговоров со стороны издателей этого журнала, до которых дошли кое-какие слухи от моих родных.

До настоящего времени все это имеет прямое отношение к моей

туристической поездке в Египет четырнадцать лет назад. Я избегал говорить о ней по нескольким причинам. С одной стороны, я не склонен использовать в личных интересах безошибочно подлинные факты и обстоятельства, явно неизвестные гостям страны фараонов, толпящимся возле сфинксов и пирамид, и, вероятно, с большим усердием утаиваемые в целях предосторожности властями в Каире, которые не могут совсем уж ничего о них не знать. С другой стороны, я не горю желанием подробно описывать тот случай, в котором мое распаленное воображение, должно быть, сыграло такую большую роль. То, что я видел — или представлял себе, что видел, — конечно, не имело места в действительности; но оно скорее должно рассматриваться как результат того, тогда недавнего, увлечения египтологией и раздумий на эту тему, естественно, возбуждаемых окружающей обстановкой. Эти побудительные причины, усиленные волнением в результате впечатления от подлинного события, невероятного само по себе, без сомнения, дали толчок нараставшему и достигнувшему кульминационной точки потрясению, пережитому мной в той, давно ушедшей кошмарной ночи.

В январе 1910 года подошел срок окончания моего договора в Англии, и я подписал контракт на турне с австралийскими театрами. Так как поездка эта предполагала наличие свободного времени, я решил использовать его главным образом для путешествий, которые меня, в основном, интересовали. Итак, в сопровождении жены я, полагаясь на благосклонность фортуны, поплыл вдоль континента и в Марселе сел на пароход «Мальва», приписанный к Порт-Саиду. После этого я предполагал посетить главные исторические достопримечательности восточного Египта прежде, чем окончательно отправиться в Австралию.

Наше плавание было приятным и оживлялось множеством забавных случаев, которые выпадают на долю мага-волшебника на отдыхе. Ради спокойного путешествия я намеревался держать свое имя в секрете, но был вынужден выдать себя своему же собрату по профессии, чье желание удивить пассажиров дешевыми трюками заставило меня вдвое усилить свои старания и тем самым разоблачить собственное инкогнито. Я упоминаю об этом в связи с конечным эффектом — эффектом, который мне следовало бы предвидеть, прежде чем раскрывать себя перед туристами на пароходе, которые потом разбрелись по всей долине Нила. Теперь, где бы я впоследствии ни появлялся, меня всюду узнавали. Я лишил себя и свою жену спокойной, безмятежной жизни и неприметности, о которой столько мечтал. Путешествуя ради того, чтобы побольше узнать о неизвестном, я сам в силу обстоятельств стал предметом пристального внимания и изучения, словно интригующий антикварный раритет.

Мы прибыли в Египет в поисках живописных мест, удивительных красот и волнующих тайн, но не все наши надежды оправдались,

когда судно медленно приблизилось к Порт-Саиду и всех нас пересаживали в небольшие лодки. Низкие песчаные дюны, раскачивающиеся на поверхности мелких вод буйки и отчаянно жалкий маленький город на европейский лад, где и увидеть-то нечего, кроме статуи великого Лессепса*, возбудили в нас желание продолжить путь, чтобы повидать что-то более интересное и достойное нашего внимания. Немного поразмыслив, мы надумали сразу же отправиться в Каир и к пирамидам, потом — в Александрию на австралийский пароход, осмотрев греко-романские достопримечательности, которые нам могла предложить древняя столица.

Поездка по железной дороге была вполне сносной и отняла у нас всего четыре с половиной часа. Мы увидели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого следовали, и получили беглое представление о старом Египте в быстро промелькнувшей перед глазами картине восстановленного и наполненного водой канала времен Римской империи. Потом, наконец, показался Каир, мерцающий огнями в сгущающихся сумерках. Яркие созвездия в ясном небе предстали перед нами во всем своем великолепии, когда мы остановились у знаменитого «Гаре Централь».

Но нас вновь ожидало разочарование, ибо все вокруг было европейским, кроме, пожалуй, одеяний прохожих. Обычный подземный переход вывел нас на площадь, кишашую экипажами, такси, трамваями и ярко освещенную электрическими огнями, сверкающими на высоких зданиях. Мы были рядом с тем самым театром, где меня тщательно просили выступить и который я позже посещал как зритель. Он был недавно переименован в «Американ Космограф». Мы обосновались в отеле «Шепад», до которого добрались на такси, быстро мчавшемся вдоль широких, застроенных комфортабельными зданиями улиц. Среди всей этой главным образом англо-американской роскоши, лифтов, эскалаторов, великолепного сервиса в ресторане таинственный Восток с его древним прошлым казался весьма далеким.

Следующий день, однако, вверг нас в восхитительную атмосферу «Арабских ночей» — извивающиеся улочки и экзотические силуэты Каира на фоне неба, казалось, вновь оживили Багдад Харун аль-Рашида. Мы отправились в восточную часть мимо садов Избеких вдоль Муски в поисках местного квартала и вскоре оказались в руках шумливого чичероне, который — вопреки последнему обстоятельству — был мастером своего дела.

Только позже я понял, что в отеле мне следовало обратиться к дипломированному гиду. Этот человек, бритый, с каким-то особенно глухим голосом и относительно чистоплотный, выглядел как фараон и называл себя Абдул Райс эль Дрогман. Как оказалось, он имел

* Лессепс Фердинанд — французский инженер, предприниматель, дипломат, строитель Суэцкого канала в 1859-69 гг.

большую власть над себе подобными, хотя впоследствии полицейские сделали вид, что они его не знают, и предположили, что *райс* — это просто слово, относящееся к человеку с какими-либо полномочиями, в то время как «Дрогман», очевидно, не более, чем искаженная модификация «драгоман» — термин, означающий руководителя туристической группы.

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы только читали или знали понаслышке. Древний Каир сам по себе словно удивительная книга и мечта — лабиринты узких улочек, полных необыкновенной таинственности, балконы в арабском стиле и эркеры, почти соединяющиеся друг с другом над мощеными булыжниками улицами; водоворот восточного транспорта с его необычными звуками и выкриками, шелканье кнутов, грохотанье тележек, звон монет, пронзительный крик ослов; мозаика многокрасочных одежд, паранджи, тюрбаны, фески; носильщики воды и дервиши, собаки и кошки, предсказатели и парикмахеры; и надо всем этим — заискивающее нытье слепых нищих, низко кланяющихся из своих углублений в стене, и громкое пение муэдзина в украшенном изящной росписью минарете, вырисовывающегося на фоне бескрайнего голубого неба.

Крытые и более спокойные базары вряд ли были менее притягательны. Пряности, духи, четки, бусы, коврики, шелка и изделия из меди — старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих сосудов и бутылок, в то время как молодые люди, ведущие пустой разговор, растирают в порошок горчицу в выдолбленном углублении в капители древней античной колонны — память о римском владычестве, возможно, из соседнего Гелиополиса, где Август размещал один из своих трех египетских легионов. Древность начинает смешиваться с экзотикой. Кроме того, мечети и музеи — мы все их посмотрели и всячески старались, чтобы живой и радостный арабский дух не был заслонен мрачным очарованием Египта великих фараонов, которые нам предлагали бесценные музейные сокровища. Это должно было быть нашей кульминационной точкой, а в настоящий момент мы сосредоточили свое внимание на средневековых памятниках сараинов-халифов, чьи впечатляющие мавзолеи-мечети образовали блистательный фантастический некрополь на границе с Аравийской пустыней.

Наконец Абдул провел нас вдоль Шариа Мохамед Али к древней мечети султана Хассана и к Бебель-Азабу с расположенной сбоку башней, за которой по крутой стене взбирался проход к могущественной цитадели, возведенной самим Саладином из камней заброшенных пирамид. Солнце садилось, когда мы взбирались на отвесную скалу, обошли вокруг современной мечети Мохамеда Али и посмотрели вниз с головокружительной высоты на таинственный Каир — таинственный Каир, весь сверкающий золотом резных куполов, воздушных минаретов и пламенеющих яркими багровыми красками садов.

Высоко над городом возвышался огромный римский купол нового

музея; а за ним — по ту сторону загадочного желтого Нила — прама-тери человечества и великих династий — притаились грозные пески Ливийской пустыни с ее переливающимися барханами и древними зловещими тайнами.

Низко опустилось утомленное солнце, принеся прохладу египетским сумеркам; и пока оно парило так в воздухе на краю земли, как древний бог Гелиополис — Ре-Горахт — мы увидели вырисовывающиеся на фоне его багряных лучей темные контуры пирамид Гизы — убеленные сединами веков усыпальницы, сохранившиеся с того времени, когда Тутанхамон воздвиг золотой трон в далеких Фивах. Мы знали, что на этом наша прогулка по сарацинскому Каиру завершилась, и теперь мы должны были погрузиться в более древние и глубокие тайны Египта — мрачные и зловещие свидетельства Ра и Амона, Изиды и Озириса.

На следующее утро мы побывали возле пирамид, проехав в легком двухместном экипаже «виктория» по острову Чизерех с его массивными деревьями и по небольшому английскому мосту на западное побережье. Мы ехали по дороге, окруженной рядами огромных деревьев, порой смыкающих над нами свои кроны, мимо обширного зоологического сада на окраину Гизы к тому месту, где был построен новый мост в собственном Каире. Затем, повернув вглубь вдоль Шариаэль-Харам, мы пересекли район каналов с гладкой и чистой поверхностью воды и местных деревушек с ветхими домишками, пока впереди не замаячили цели нашего путешествия, чьи вершины взмывали вверх над предрассветной дымкой, образуя опрокинутые точные копии в придорожных водоемах. Сорок веков, как сказал Наполеон участникам своего африканского похода, в самом деле смотрели на нас сверху вниз.

Внезапно дорога круто взмывала вверх, пока мы не добрались до места своей пересадки между трамвайной станцией и отелем «Мена Хаус». Абдул Райс, который умело приобрел билеты, казалось, прекрасно ладил с толпящимися здесь вопящими отвратительными бедоуинами, жившими в убогих грязных деревеньках неподалеку и докучавших каждому путешественнику. Он старался не подпускать их к нам и достал отличную пару верблюдов для нас, сам взобрался на осла и поручил вести наших животных группе мужчин и подростков, которые скорее обернулись для нас лишними тратами, чем были полезны. Местность, которую нам предстояло пересечь, была настолько мала, что вряд ли была необходимость в верблюдах, но мы не жалели о том, что обогатили свои познания и совершили путешествие на «кораблях пустыни».

Эти пирамиды стоят на высоком каменном плато рядом с самой северной группой пирамид с царскими и аристократическими захоронениями, построенных неподалеку от Мемфиса, прекратившей ныне свое существование столицы, расположенной на том же берегу Нила,

несколько южнее Гизы и процветавшей между 3400 и 2000 годами до нашей эры. Самая большая пирамида, расположенная ближе всех к современной дороге, была возведена фараоном Хеопсом или Хуфу около 2800 лет до нашей эры. Она достигает высоты более 450 футов. Юго-восточнее нее стоит Вторая пирамида, выстроенная фараоном Хефреном лет на тридцать позже. Хотя она чуть меньших размеров, выглядит она даже внушительней Первой, так как основание у нее более высокое. Значительно меньшая Третья пирамида фараона Мусеринуса относится приблизительно к 2700 году до нашей эры. На краю плато, прямо на восток от Второй пирамиды, с лицом, возможно, изображающим огромный портрет Хефрена, стоит исполинский Сфинкс — безмолвный, сардонический и мудрый, возвышаясь над всем человечеством и памятью.

Малые, не представляющие большого интереса пирамиды и остатки разрушенных малых пирамид можно обнаружить в нескольких местах. По всему плоскогорью можно найти следы гробниц и захоронений, принадлежащих жрецам и священнослужителям меньшего ранга. Эти гробницы первоначально обозначались с помощью *mastabas*, каменных сооружений вокруг находящихся на большой глубине надгробий, как это было обнаружено на других Мемфисских кладбищах. Примером тому служит гробница Пернеба в Метрополитен-Музее в Нью-Йорке. В Гизе, однако, такие зримые приметы были разрушены временем или попросту разграблены; остались только высеченные из камня надгробия, занесенные песком либо расчищенные археологами, чтобы служить доказательством своего былого существования. С каждой гробницей была соединена часовня, в которой жрецы и родственники умершего преподносили им пищу и читали молитвы витающей здесь ка* или поминали умершего. В небольших гробницах были свои часовни, расположенные в каменных *mastabas* или надстройках, но погребенные часовни пирамид, в которых покоились фараоны, были обособленными храмами. Они располагались в восточной части каждой такой пирамиды и были соединены мощеной дорожкой с массивной главной часовней или монументальной аркой, находящейся на краю каменистого плато.

Главная часовня, ведущая ко Второй пирамиде, почти засыпанная движущимися песками, открывается взору под землей юго-восточнее Сфинкса. По традиции ее называют «Храмом Сфинкса»; возможно, она так называется по праву, если Сфинкс действительно олицетворяет собой создателя Второй пирамиды Хефрена. Существует множество жутких историй о Сфинксе до того, как его переделали в Хефрена, но какими бы ни были его прежние черты, древний царь заменил их своими, чтобы люди могли смотреть на этого колосса без страха.

* Ка (*египт.*, миф.) — одна из душ человека.

Именно у входа в главный храм была обнаружена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в одном из музеев Каира, — статуя, перед которой я стоял и перед которой испытывал благоговейный трепет. Произведены ли сейчас раскопки этого величественного сооружения, я не могу сказать с уверенностью, но в 1910 году основная его часть находилась еще под землей, и по ночам вход в него был прегражден вооруженной охраной. Всеми работами тогда руководили немцы. Война или какие-нибудь другие обстоятельства могли изменить этот порядок. Я многое бы отдал, принимая во внимание свой опыт, а также распространяемые некоторыми бедуинами слухи, чтобы узнать, что же произошло в поперечной галерее, где статуи фараона были обнаружены в непосредственном соседстве со статуями бабуинов и других животных.

Дорога, по которой мы в то утро ехали верхом на верблюдах, резко сворачивала влево мимо деревянного здания полиции, почты, аптеки и магазинов, круто спускаясь на юг и восток, чтобы окончательно повернуть и взобраться на каменное плато, столкнуть нас лицом к лицу с великой пустыней, защищенной Великой Пирамидой. Мы проехали мимо гигантской каменистой клады, завернули с восточной стороны и посмотрели вниз, на долину малых пирамид, за которыми вечный Нил, блестя на солнце, нес свои воды на восток и вечная пустыня мерцала с запада. Очень близко вырисовывались три главные пирамиды. Самая большая из них была лишена внешнего покрова и стояла, обнаружив большую часть серых камней. Но другие сохранили здесь и там аккуратно нанесенную облицовку, которая делала их в свое время такими гладкими и законченными.

Вскоре мы спустились к Сфинксу и молча сидели, зачарованные его необыкновенными, невидящими глазами. На его широкой каменной груди мы с трудом рассмотрели символ Ре-Горахта, за копию которого принимали Сфинкса в более поздних династиях. И хотя надпись между огромными лапами была занесена песком, мы вспомнили, что там высек на камне Тутмос IV, и о чем он мечтал, будучи принцем. Именно тогда улыбка Сфинкса как-то смутно вызвала в нас неприязнь и заставила заинтересоваться легендами о подземных лабиринтах, расположенных под чудовищным созданием, лабиринтах, ведущих вниз на такие глубины, на которые не каждый осмелится посягнуть — глубины, связанные с тайнами более древними, чем открывшийся нам династический Египет, имевший зловещую связь с божествами с головами животных в древнем нильском пантеоне. И тут я задал себе вопрос, скрытый смысл коего стал понятен лишь позднее.

Теперь понаехавшие отовсюду туристы начали догонять нас, и мы направились к занесенному песком «Храму Сфинкса», о котором я уже упоминал, как о главной часовне, ведущей во Вторую пирами-

ду. Большая его часть все еще находилась под землей, и хотя мы спешили и спустились по современного вида проходу в гипсовый коридор и далее, в поддерживаемое колоннами просторное помещение, я чувствовал, что Абдул и местный немецкий гид показали нам не все, что здесь можно было увидеть.

Потом мы объехали вокруг плато, рассматривая Вторую пирамиду и развалины ее погребальной часовни с восточной стороны, Третью пирамиду и ее миниатюрных южных спутниц и разрушенную восточную часовню; каменные гробницы и изрытые ходами и галереями гробницы Четвертой и Пятой династий, известную усыпальницу Кэмпбелла, чей темный надгробный камень уходит вглубь на пятьдесят три фута к мрачному саркофагу, который один из сопровождавших нас расчистил от песка, спустившись туда на толстой веревке.

Тут от великой пирамиды до нас донесся крик. Это бедуины осаждали группу туристов, наперебой предлагали свои услуги, обещая как можно быстрее провести каждого туриста по тропам вверх и вниз. Говорят, рекордное время для такого подъема и спуска — семьдесят минут, но многие опытные проводники и их сыновья заверили нас, что могут сократить эту цифру в пять раз, был бы только необходимый стимул в виде щедрых *baksheesh**.

Но стимула этого у нас не было, хотя мы все-таки попросили Абдула поднять нас наверх и таким образом получили возможность полюбоваться не только небывалой красоты видом далекого, мерцающего огнями Каира, увенчанного золотисто-лиловыми вершинами гор, но и всеми пирамидами Мемфисского округа, от Абу Рош на севере до Дашура на юге. Пирамидообразное сооружение Саккара, являющее собой пример эволюции невысокой *mastaba* в собственно пирамиду, ясно и заманчиво проступило в песчаной дали. Как раз недалеко от этого места была обнаружена знаменитая гробница Пернеба — более, чем в четырехстах милях севернее фивейской долины царей, где покоится Тутанхамон. И вновь я вынужден замолчать, испытывая истинный благоговейный восторг. Вид этой классической древности и тайны, которые каждый древний монумент, казалось, хранил и вынашивал в себе, наполнили меня глубоким почтением и ощущением необъятности, какое я более уже ни перед чем не испытывал.

Устав от крутого подъема и чувствуя отвращение к назойливым бедуинам, которые дошли до того, что уже пренебрегали всеми правилами приличия, мы упустили всякую возможность пройти по тесным внутренним ходам всех пирамид, хотя мы видели, как некоторые особенно упорные готовились к тому, чтобы с трудом пробраться по душным лабиринтам величайшего памятника фараону Хеопсу.

Когда мы, снова заплатив, отпустили наших местных проводников и поехали обратно в Каир с Абдулом Райсом под спящим полуденным

* *Baksheesh* (перс.) — бакшиш, чаевые.

солнцем, мы очень сожалели об упущенной нами возможности. Столько интересного рассказывали об этих подземных ходах! Конечно, не в справочниках для туристов. Такие слухи ходили! Входы в эти подземные коридоры были заблокированы и скрыты некоторыми необщительными археологами, которые их раскопали и начали исследовать.

Конечно, на поверку часто оказывалось, что слухи эти были безосновательными: но любопытно было призадуматься над тем, с какой категоричностью запрещалось посетителям входить в пирамиды по ночам или забираться в самые нижние ярусы и подземную часть Великой Пирамиды. Возможно, последнее было психологическим эффектом, вызывающим страх, желанием заставить ослушавшихся чувствовать себя как бы заживо погребенными под гигантским монументом из прочной каменной кладки. Вернуться назад он может по единственному ходу, по которому можно прибираться только ползком. И кто знает, возможно какой-либо случай или злой дух могут перекрыть его. Все это было настолько таинственным и заманчивым, что при первой же возможности мы решили вернуться на плато еще раз. Для меня эта возможность наступила значительно раньше, чем я предполагал.

В тот же вечер, когда члены нашей группы, утомившись после напряженного дня, отправились отдыхать, я пошел погулять с Абдулом Райсом по живописному арабскому кварталу. Хотя я видел его днем, мне хотелось побродить по узким улочкам и базарам в сумерках, когда густые тени и мягкие отблески света приносили сюда романтический ореол фантастики. Прохожих становилось все меньше, однако они вели себя очень шумно. И тут в Сукен-Наххазине, базаре медников, мы столкнулись с кучкой веселящихся бедуинов. Их явный предводитель, дерзкий молодой человек с тяжелыми чертами лица и вызывающе вздернутым подбородком, обратил на нас внимание. Очевидно, он узнал, не проявив при этом большого дружелюбия, моего опытного, но, признаться, надменного и расположенного к насмешкам проводника.

Возможно, думал я, ему ненавистно было то странное сходство улыбки Абдула Райса с полуулыбкой Сфинкса, которое и я часто про себя отмечал с раздражением; или, может быть, ему не нравился низкий, замогильный голос Абдула. Во всяком случае, обмен любезностями на местном диалекте был оживленным; недолго думая, Али Зиз, так звали незнакомца, начал с силой тянуть Абдула за халат. Последний тут же ответил ему взаимностью, приведшей к горячей схватке, в которой оба потеряли свои головные уборы, свято оберегаемые. Потасовка грозила обернуться жестокой дракой, если бы я не вмешался и не растащил их по сторонам, приложив к тому немалое усилие.

Мое вмешательство, поначалу внешне принятое с неудовольствием с обеих сторон, наконец завершилось перемирием. С явной неохотой каждый из участников драки сдержал свой пыл, поднял головной убор с напускным чувством собственного достоинства, столь же глубоким, столь и неожиданно проявившимся; оба заключили любопытный дого-

вор чести — как я потом узнал, эта традиция была древнейшей в Каире. Этот договор предполагал разрешение разногласий соперников с помощью ночного боя на вершине Великой Пирамиды. Бой должен проходить после того, как любители достопримечательностей покинут это место. Каждый боец должен был пригласить секундантов со своей стороны. Кулачный бой должен начаться в полночь, проходить в несколько раундов как можно более культурным образом.

Во всех этих приготовлениях было нечто, что возбудило мой интерес. Схватка эта сама по себе обещала быть единственной в своем роде и зрелищной, в то время как мысль моя об этой удивительной сцене на вершине древней громадины, взирающей со своей высоты на не менее древнее плато Гизы при тусклом свете бледной луны в предрассветные часы заставляло работать мое воображение. К моей просьбе взять меня в качестве одного из секундантов Абдул отнесся весьма благожелательно; так что остаток вечера я сопровождал его в различные притоны в самых злочных районах города — в основном к северо-востоку от Избеких — в которых он один к одному собрал грозную, отборную шайку подходящих к данному случаю головорезов.

Вскоре после девяти часов наша группа, усевшись верхом на ослов с такими внушительными и вызывающими воспоминания именами, как «Рамзес», «Марк Твен», «Дж. П. Морган», «Миннесота», медленно продвигалась по лабиринту улиц как восточных, так и западных, пересекла мутный и заросший по берегам мачтовым лесом Нил по мосту с бронзовыми львами и устремилась легким галопом между огромными деревьями к Гизеху. Чуть больше двух часов заняло у нас это путешествие, к концу которого нам встретился последний, возвращающийся турист. Мы помахали рукой последнему трамваю и остались наедине с ночной природой, прошлым и призрачной луной.

Затем в конце дороги показались гигантские пирамиды, отвратительные в своей смутной атаквистической угрозе, которой я совсем не почувствовал при дневном освещении. Даже в самой маленькой из них было нечто омерзительное — не в ней ли погребена заживо царица Нитокрис из Шестой Династии; коварная царица Нитокрис, которая однажды пригласила на праздник всех своих врагов в храм под Нилом и утопила их, открыв затворы шлюзов? Я вспомнил, что арабы с осторожным шепотом рассказывали что-то о Нитокрис и остерегались появляться у Третьей пирамиды в определенные фазы Луны. Должно быть, это о ней размышлял Томас Мор, когда написал то, о чем загадочно бормотали мемфисские лодочники:

Подземная нимфа, что живет
Средь не знающих солнца жемчугов, —
Госпожа Пирамиды!

Как бы рано мы ни прибыли на место, Али Зиз и сопровождающие его все-таки опередили нас, так как мы увидели их ослов на фоне

пустынного плато в Каффель-Харемс. Мы несколько свернули в сторону убогих арабских поселений недалеко от Сфинкса вместо того, чтобы ехать обычной дорогой в Мена Хаус, где нас могли заметить и задержать ленивые и незадачливые полицейские. По камням и песку нас повели к Великой Пирамиде, где мерзкие бедуины ставили верблюдов и ослов в каменных гробницах царедворцев Хефрена. У обветшавших стен Пирамиды нетерпеливо переминались с ноги на ногу арабы. Абдула Райс предложил мне помощь, в которой не было необходимости.

Насколько знают многие путешественники, сама вершина этого сооружения давно разрушилась, обнажив относительно ровную поверхность площадью около двенадцати квадратных ярдов. На этой жуткой высоте был сооружен ринг, и через несколько мгновений насмешливая пустынная луна искоса поглядывала на схватку, которая вполне могла бы иметь место в небольшом атлетическом клубе Америки, если бы не крики, раздававшиеся на ринге. Пока я наблюдал за ней, я чувствовал, что не было острой необходимости во всех ее неприменных атрибутах, так как каждый удар, выпад и защитный маневр означали «потерю темпа» для моего, не сказать чтоб уж неопытного глаза. Схватка очень быстро закончилась, и, несмотря на мои сомнения относительно методов ее ведения, я испытывал своего рода гордость собственника, когда Абдул Райс был признан победителем.

Примирение было необыкновенно быстрым, и среди пения, братания и выпивки, которые за ним последовали, я с трудом мог себе представить, что ссора вообще имела место. Каким бы это ни было странным, казалось, скорее я был центром внимания, чем сами противники. Имея поверхностные знания арабского языка, я пришел к выводу, что они обсуждают мои профессиональные выступления и, прежде всего, мое искусство преодоления любого рода препятствий. Я не только понял, что они удивительно много обо мне знают, но почувствовал какую-то враждебность к себе и скептицизм относительно моих профессиональных качеств. В конце концов до меня дошло, что древнее искусство магии в Египте не могло исчезнуть бесследно, что оно пережило века и некоторые знания его тайн, знания свято охраняемых религиозных обрядов существуют и по сей день среди современных феллахов. Именно мастерство чужеземного *hahwi*, или мага-волшебника, вызывало ревнивое чувство, а иногда и негодование и ставилось под сомнение. Я думал о том, насколько мой проводник с глухим голосом Абдул Райс был похож на древнего египетского жреца, или фараона, или улыбающегося Сфинкса... и удивлялся.

Неожиданно молниеносно произошло нечто, что доказывало верность моих предчувствий и заставило меня проклинать ту беспросветную глупость, когда я принял события этой ночи за чистую монету. И действительно, как оказалось, это было ни что иное, как преднамеренный тайный сговор. Без всякого предупреждения и, без

сомнения, в ответ на тайный знак со стороны Абдула вся компания бросилась на меня и, вытянув толстые веревки, связала так крепко, как меня не связывали еще никогда в жизни — ни на сцене, ни вне ее.

Поначалу я сопротивлялся, но вскоре понял, что одному человеку не под силу справиться с шайкой более чем двадцати крепких и сноровистых варваров. Руки мои были скручены за спиной, колени согнуты настолько, насколько это было возможно, а запястье и щиколотки были прочно соединены неподатливыми узлами. Рот мне заткнули кляпом, вызвавшим приступ удушья, и туго затянули повязку на глазах. Потом, когда они несли меня высоко на плечах и начали спускать с пирамиды, во время которого меня трясло и подбрасывало, я услышал ядовитые насмешки своего недавнего проводника Абдула. Он издевался и с наслаждением глумился надо мной своим низким, загробным голосом и заверил, что скоро мне предоставится величайшая возможность проверить свои «волшебные чары» и что я быстро забуду о самомнении, которое, возможно, завладело мной после триумфального турне по Америке и Европе. Египет, напомнил он злорадно, древняя страна, полная тайн, ведущих свое происхождение с давних времен. Тайны эти непостижимы даже местным аборигенам, попытки которых заманить меня в ловушку потерпели поражение.

Не могу сказать, как далеко меня несли и в каком направлении, так как было сделано все против того, чтобы у меня сложилось более или менее точное представление о времени и пространстве. Однако, я полагаю, вряд ли расстояние было большим, так как те, кто меня нес — шли не слишком торопливо и довольно короткое время. Именно эта подозрительная краткость нашего пути заставляет меня содрогаться всякий раз, когда я вспоминаю о плато Гизы, так как близость туристических маршрутов, существовавших тогда и, должно быть, существующих поныне, весьма обманчива.

Эта зловещая видимость близкого расстояния, о которой я говорю, поначалу не была столь очевидной. Усадив меня на поверхность, которая, как я почувствовал, была скорее песчаной, чем каменистой, мои похитители обмотали мне грудь веревкой, и несколько футов тащили меня волоком к какому-то неровному углублению в земле, и вскоре опустили меня куда-то вниз, обращаясь со мной довольно бесцеремонно. Целую вечность я стучался о каменные шероховатые борта узкого, высеченного в камне колодца, пока огромная, почти невероятная глубина не лишила меня возможности строить какие-либо догадки.

Ужас от проводимого надо мной эксперимента все больше охватывал меня с каждой секундой, растянутой до вечности. То, что спуск сквозь эту отвесную твердую скалу мог быть столь бесконечным и не достигнуть центра самой планеты или что любая веревка, изготовленная человеком, могла быть столь длинной, чтобы окунуть меня в это дьявольское и, по-видимому, бездонное чрево преисподней, были

рассуждениями настолько нелепыми, что легче было усомниться в собственных неумеренно-взволнованных чувствах, чем поверить всему этому. Даже сейчас я колебался, так как знаю, насколько обманчивым становится наше восприятие, если нарушается обычная точка отсчета. Но я абсолютно убежден, что до сих пор сохранял трезвую голову. По крайней мере, я не дополнял свое разгулявшееся воображение картинами достаточно мерзкими в своей реальности, которые являются плодом рассудочной иллюзии, где-то граничащей с галлюцинацией.

Все это вместе взятое и было причиной моего первого небольшого обморока. Крайне высокая скорость спуска была тяжелым испытанием и положила начало следовавшему затем ужасному состоянию. Они очень быстро опустили эту бесконечно длинную веревку, и я сильно ободрался о шероховатости сужающихся к низу стен колодца, когда рухнул на дно. Одежда моя изорвалась в клочья, я чувствовал, как все тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками, вызывающими мучительную боль. Тут же я ощутил едва поддающуюся определению смесь запахов: всепроникающий запах сырости и затхлости, удивительно непохожий ни на что из того, что мне приходилось встречать до того, и скорее напоминающий острый аромат пряностей и благовоний от курений фимиама, что придавало всему элемент насмешки.

Затем произошел странный перелом в моей психике. Это было ужасно, отвратительно и не поддавалось никакому описанию. Меня охватило настоящее исступление — совокупность кошмара с дьявольщиной. Внезапность его была апокалиптической и демонической — в один момент я погружался, испытывая адские мучения, в этот узкий колодец-пасть с миллионами впивающихся в меня острых зубов; однако в следующее мгновение я высоко парил в ущельях ада на крыльях летучей мыши, то свободно покачиваясь в воздушных потоках, то устремляясь вниз сквозь мило безграничного затхлого пространства, взмывая на головокружительную высоту к безмерным вершинам освежающего неба, то судорожно окунаясь в засасывающие низины алчущего, отвратительного вакуума... Слава Богу за милосердие, что не допустил тех царапающих когтями фурий сознания, которые чуть было не лишили меня дара умственных способностей, хищнически терзая мою душу! Та передышка, какой бы короткой она ни была, дала мне силы и здравый ум, чтобы пересилить еще более сильные спазмы необъятного страха, которые, притаившись, ожидали меня на моем пути навстречу.

Я медленно приходил в себя после того жуткого полета через мрачное пространство. Процесс этот был бесконечно болезненным, окрашенным фантасмагорическими и невероятными сновидениями,

в которых мое состояние — я был связан и с кляпом во рту — нашло необычное воплощение. Природа этих сновидений была для меня совершенно недвусмысленной, пока я переживал их; потом стала смутным пятном в моих воспоминаниях, а вскоре и вовсе приобрела только общие очертания в связи с ужасными событиями — истинными или воображаемыми — которые затем последовали. Мне пригрезилось, будто меня охватила громадная, жуткая лапа: желтая, волосатая, с пятью когтями. Она выросла откуда-то из-под земли, чтобы поймать и поглотить меня. Когда я приходил в себя и хотел воспроизвести изображение этой лапы, мне казалось, что это сам Египет. Во сне я оглядывался на события предшествующих недель. Я видел, как мало-помалу, тонко и коварно меня искушает и опутывает своими сетями вампир-дух из древненильских заклинаний — некий дух, который существовал в Египте до появления человечества и будет существовать, когда человечества не станет.

Мне виделся ужасный и отвратительный древний мир Египта и его вызывающая суеверный страх связь с гробницами и храмами мертвых. Мне виделись призрачные процессии жрецов с головами быков, собак, кошек и козерогов; призрачные процессии, тянувшиеся нескончаемым потоком по подземным лабиринтам и дорогам вдоль колоссальных профилей, рядом с которыми человек выглядел мухой. Они предлагали богам, которых невозможно описать, жертвы, которые язык страшится назвать. Каменные колоссы шли всю ночь и гнали стада ухмыляющихся сфинксов вниз, к берегам бесконечно тянувшихся стоячих смоляных рек. А позади всего этого я видел невыразимую злобность первобытной некромантии, черной и амфорной, алчно жаждущей меня во тьме, чтобы подавить мой дух, осмелившийся насмехаться над ней, осмелившийся вступить с ней в состязание. В моем, еще находящемся в полузабытьи, сознании приобрела свои черты некая мания зловещей ненависти и преследования. Перед мной предстала черная душа Египта, избравшая и зовущая меня невнятным шепотом; манящая и соблазняющая, увлекающая ярким блеском и чарами сарацинской внешности, и одновременно толкающая вниз, в подземное кладбище, к ужасам мертвых и тайне фараонского сердца.

Потом лица в сновидениях стали напоминать человеческие, и я увидел своего проводника Абдула Райса в одеянии фараона с полуулыбкой Сфинкса на лице. И я знал, что это лицо было лицом Хефрена Великого, с высеченным на нем Сфинксом, весьма напоминающим его самого. Хефрена, который построил главный храм с несметным количеством коридоров, проложенных, по мнению археологов, в загадочном песке и неизвестном камне. И я взирал на длинную худую и негнущуюся руку Хефрена; длинную, худую и негнущуюся руку, какую видел у диоритовой статуи в Каирском музее — статуи, которую нашли в главном храме — и удивился, что не

закричал, когда увидел, что это Абдул Райс... Та рука? Она была отвратительно холодной и стискивала меня; то был холод и теснота саркофага... это сжимал меня как в тисках, до спазм, сам Египет, который не мог оставаться в памяти... Это был черный, как беззвездная ночь, Египет-некрополь... та желтая лапа... и такая жуткая молва о Хефрене...

Но тут я начал просыпаться — или по крайней мере переходить в иное состояние, так сказать, менее сонное, чем было до этого. Я вспомнил кулачный бой на вершине пирамиды, коварных бедуинов и их нападение на меня, мой жуткий спуск на веревке в бесконечные каменные глубины с головокружительным раскачиванием веревки и погружением в прохладную пустоту опьяняющей гнилости. Я почувствовал, что лежу на сыром каменном полу и веревки врезались в меня с такой силой, которую никак нельзя было ослабить. Было очень больно, и мне показалось, что я ощутил, как слабый поток воздуха овеивает меня. Многочисленные порезы и ссадины, которые я получил во время падения в колодец, невыносимо ныли. Это ощущение усиливалось до жалящей, жгучей остроты, и любого, самого осторожного движения было достаточно, что все мое тело начало пульсировать от острой и мучительной боли.

Когда я повернулся, то почувствовал, как дернулась натянутая веревка, на которой меня спустили сюда, и пришел к выводу, что она все еще достигала поверхности. Держали ее до сих пор арабы или нет, я не имел ни малейшего понятия; я также не мог сказать, на какой глубине нахожусь. Но я знал, что меня окружает ночная темнота, так как ни один лучик лунного света не проникал сквозь мою повязку на глазах. И все же я не настолько доверял своим чувствам, чтобы принять в качестве доказательства то, что находился здесь бесконечно долго.

Будучи уверен, по крайней мере, в том, что нахожусь на значительном удалении от поверхности непосредственно под отверстием, я не очень решительно предположил, что местом моего заключения, возможно, стала подземная часовня древнего фараона Хефрена — Храм Сфинкса — может быть, какой-нибудь внутренний коридор, который мои гиды-проводники утаили от меня во время утреннего посещения и из которого я мог бы без труда убежать, найди я дорогу к перекрытому ходу. Это было бы блуждание по коридору, напоминающему лабиринт, но это было бы не сложнее тех ситуаций, из которых я когда-либо выпутывался.

Первое, что мне необходимо было сделать, — это освободиться от пут, кляпа и повязки на глазах. Я знал, что это не будет для меня сложной задачей, так как более тонкие знатоки, чем эти арабы, пробовавшие испытать на мне различные приемы в течение моей долгой и разнообразной карьеры в качестве автора и исполнителя трюков. Однако успеха они никогда не добивались.

Потом мне пришла в голову мысль, что арабы могли предусмотреть такой вариант событий и напасть на меня при любом признаке возможного избавления от связывающих меня веревок. Было вполне вероятно, что они держали веревку в руках. Конечно, при условии, если считать само собой разумеющимся тот факт, что я нахожусь действительно в хефреновском Храме Сфинкса. Отвесное отверстие в своде, где бы оно ни было скрыто, вряд ли находилось на большом удалении от современного входа около Сфинкса, если, по правде говоря, оно вообще не было скрыто от любопытных глаз, так как вся площадь, доступная туристам, не столь уж велика. Я не заметил ничего подозрительного, пока блуждал здесь днем, но знал, что вполне мог не разглядеть этот вход среди дрейфующих песков.

Пока я лежал так на каменном полу, обдумывая все это, я почти забыл об ужасах, которые пережил при спуске в этот бездонный, похожий на пещеру колодец, о том, как раскачивалась веревка, на которой я висел, что довело меня впоследствии до состояния комы. Моя мысль сосредоточилась только на том, как бы перехитрить арабов, и я естественно, настроился на то, чтобы как можно скорее освободиться, приложив максимум усилий к тому, чтобы не насторожить своих похитителей и не выдать тем самым намерение избавиться от них.

Однако принять решение гораздо легче, чем осуществить его. Необходимо несколько предварительных попыток прояснить ситуацию: вряд ли можно добиться успехов без значительных усилий, а значит и движений. И я не удивился, когда, после особенно сильного рывка, веревка, свертываясь спиралью, стала падать на меня. Очевидно, подумал я, бедуины обо всем догадались и отпустили свой конец, ничуть не сомневаясь в моих заблуждениях относительно действительного входа в храм.

Перспектива была не из радостных — но я бывал и не в таких переделках и не сдавался. Не намерен я был отступать и на сей раз. Сейчас мне было необходимо прежде всего освободиться от оков и положиться на свою ловкость и изворотливость, чтобы уйти из храма целым и невредимым. Любопытно заметить, насколько безоговорочно я поверил в то, что нахожусь в храме Хефрена рядом со Сфинксом, не слишком глубоко под землей.

Но вера эта быстро пошатнулась. Во мне вновь ожило мое первоначальное опасение о сверхъестественной глубине и дьявольской тайне в связи с обстоятельством, от которого я испытывал еще больший ужас и которое приобрело еще большую значимость, несмотря на мой, казалось бы, мудрый план. Я уже упоминал о том, что падающая веревка свертывалась на мне и вокруг меня. Я заметил, что она все еще продолжала скатываться, что было бы невозможно, будь она обычной длины. Стремительность ее падения нарастала лавинообразно, и вскоре она огромной кучей лежала на полу, наполовину завалив

мое тело увеличивающимися петлями. Вскоре она полностью поглотила меня, я исчез под ее спиральными витками настолько, что мне трудно стало дышать.

Мои надежды вновь рухнули, и я тщетно пытался избавиться от ощущения безысходности, неотвратимости надвигающейся беды. Дело не в том, что меня терзали мысли о том, насколько я мог все это выдержать, не только о том, что жизнь, казалась, медленно покидала мое тело. Главное заключалось в том, что я понимал — и слишком хорошо, — что означает такая неестественная длина веревки, и сознавал, какое расстояние отделяет меня от поверхности Земли. В таком случае мой бесконечный спуск и болтание на веревке имели место в действительности, и теперь я должен беспомощно лежать в этой ужасной дыре почти у центра Земли. Такое подтверждение моих первоначальных предположений было невыносимо. Это было слишком. Бог проявил ко мне милость — я второй раз впал в забытие.

Когда я говорю о забытии, то не подразумеваю отсутствие сновидений. Наоборот, отключение сознания означало сновидения столь отвратительные, что они почти не поддаются описанию. Боже мой!.. Если бы я не читал так много по египтологии прежде, чем приехать в эту страну, полную тайн и кошмаров! Мой второй обморок вновь заставил меня содрогнуться от ощущения того, что я нахожусь в этой стране с ее архаическими секретами. По какой-то гнусной причине мои сновидения обратились к древним мифам и представлениям о мертвых, о их временном обладании душой и телом за пределами этих загадочных гробниц и склепов, скорее напоминающих жилища, чем могилы. Я вспомнил в форме видений особую, тщательно продуманную, конструкцию египетских усыпальниц и чрезвычайно странные и леденящие кровь гипотезы о предназначении этих конструкций.

Все, о чем эти люди думали — это смерть и загробная жизнь. Они действительно верили в воскрешение тела, что заставляло их с безрассудной тщательностью мумифицировать его и сохранять жизненные органы в сосудах около трупов. Они верили не только в воскрешение тела, но и в два других элемента: душу, которая, взвешенная и одобренная богом Озирисом, могла быть допущена на священную землю; и мрачную, зловещую «ка», которая вселяла страх и блуждала в небесах или на земле, требуя время от времени доступа к сохраненным останкам. Она поглощала пищу, преподносимую жрецами и благочестивыми родственниками в погребальной часовне, а иногда — ходили и такие слухи — забирала свое тело или его деревянную копию, которую всегда размещали рядом, и украдкой выносила его из гробницы с намерением, вызывающим особое отвращение.

Тысячи лет покоились эти тела, уложенные в саркофаги, глядя остекленевшими глазами, ожидая посещения «ка», ожидая того судебного дня, когда Озирис возвратит на прежнее место «ка» и душу и

поведет дальше легионы окоченевших мертвецов из домов вечного сна, находящихся глубоко под землей. Это должно было быть чудо второго рождения — но не все души к этому допускались. Некоторые гробницы считались оскверненными, в чем следовало усматривать либо нелепые ошибки, либо злодейски обдуманное нарушение правил погребального обряда. Даже в наши дни арабы шепотом говорят о неосвященных сборищах и отвратительных культах и службах, творимых в забытых гробницах и посещаемых летающими невидимыми «ка» и лишенными душ мумиями.

Возможно, самыми страшными легендами, от которых кровь стынет в жилах, являются те, что рассказывают нам о результате порочных склонностей и извращений разлагающегося духовенства той эпохи — *смешанных мумий* — искусственных соединениях человеческих туловищ и конечностей с головами животных в подражание древним богам. Во все периоды истории священных животных мумифицировали, чтобы освященные быки, кошки, ибисы, крокодилы и им подобные могли вернуться, когда наступит время, в еще большем великолепии. Но только во времена упадка Египта соединяли в одной мумии человека и животного — только во времена упадка, когда не до конца была понята сущность «ка» и души.

Что случилось с теми смешанными мумиями, об этом не говорится — по крайней мере, совершенно точно известно, что ни одному египтологу их не удалось обнаружить. То, что рассказывают арабы, слишком нелепо, на это нельзя полагаться. Они даже намекают на то, что царь Хефрен — тот, что воздвиг Сфинкса, Вторую пирамиду и главный храм — живет глубоко под землей. Он вступил в брак с царицей-вампиром Нитокрис и правит мумиями, не похожими ни на человека, ни на животное.

Именно они — Хефрен со своей супругой и их странными полчищами умерших гибридов — явились мне в видениях, которые постепенно сгладились в памяти. Но самое ужасное из них было связано с вопросом, который я задал себе вчера, глядя на высеченную из камня великую загадку пустыни и интересуясь, на какой глубине может тайно соединяться с ней храм, расположенный неподалеку. Тот вопрос, столь невинный и причудливый тогда, приобрел в моем сне неистовое и истерическое безумие... *какую же колоссальную и вызывающую отвращение ненормальность первоначально представлял собой Сфинкс?*

Мое второе пробуждение — если это было пробуждение — это воспоминание о совершеннейшей мерзости, которая ни с чем в моей жизни не может сравниться, кроме одного случая, происшедшего гораздо позже. А надо сказать, что жизнь моя была полна приключений, которых хватило бы на многих. Помните, я потерял сознание, заваленный лавиной падающей на меня веревки, бесконечность которой вскрыла ту катастрофическую глубину, на которой я находил-

ся. Теперь, когда восприятие вернулось ко мне, я уже не чувствовал на себе ее груза и, поразмыслив, понял, что, хотя я до сих пор связан, с кляпом во рту и повязкой на глазах, *какая-то сила сбросила с меня прямо-таки удушающие пеньковые кольца, чуть было не погубившие меня.* Значение происшедшего медленно доходило до моего сознания. Несмотря на это, я бы вновь впал в забытие, если бы к этому времени я не достиг такого состояния эмоциональной депрессии, когда никакие новые страхи не могли ничего добавить. Я был наедине... с чем?

Прежде чем я мог начать терзать себя новыми размышлениями или сделать еще одну попытку освободиться от веревки, еще одно обстоятельство стало очевидным. Мое тело было истерзано болью, и казалось, будто я весь покрыт толстым слоем запекшейся крови от многочисленных порезов и ссадин. Грудь моя вся горела, будто какой-то громадный злой ибис долбил ее клювом. Несомненно, сила, сбросившая с меня веревку, была враждебной и начала терзать все мои раны. Тем не менее, мои ощущения были как раз обратными тому, что можно было ожидать. Вместо того, что бы погрузиться в ад отчаяния, я почувствовал побуждение к новым действиям, так как теперь понял, что злые силы были явлением физически реальным, явлением, с которым мужественный человек мог встретиться на равных.

Под воздействием этой мысли я с усилием потянул стягивающие меня узлы и использовал все свое мастерство, накопленное с годами, чтобы освободиться, как я неоднократно проделывал при свете рампы и под аплодисменты зрителей. Знакомые ощущения начали овладевать мной, и теперь, когда исчезла длинная веревка, во мне вновь появилась вера в то, что пережитые ужасы были всего лишь галлюцинацией, что никогда не было этого жуткого бездонного колодца с бесконечной веревкой. В конце концов, действительно ли я находился в храме Хефрена около Сфинкса? Забирались ли сюда эти подлые арабы, чтобы мучить меня, пока я лежал здесь беспомощный? В любом случае я должен освободиться. Надо развязать узлы, вытащить кляп, снять с глаз повязку, чтобы поймать хоть лучик света, просачивающийся из какой-нибудь щели! И тогда я действительно буду счастлив сразиться со злыми, коварными врагами!

Как долго я освобождался от узлов и веревок, я не знаю. Должно быть, все это заняло больше времени, чем во время представления, так как я был ранен, измучен, обессилен испытаниями, через которые прошел. Когда в конце концов это мне удалось, я глубоко вдохнул прохладный, сырой, насыщенный вредными испарениями воздух, еще более ужасный теперь, когда я был без кляпа и повязки на глазах. Я почувствовал такую усталость, что не мог пошевелить пальцем. Так я лежал какое-то время, пытаюсь вытянуть свое скрюченное тело и напрягая глаза в попытке хоть мельком увидеть луч света и таким образом определить свое местонахождение.

Постепенно мои силы и подвижность вернулись ко мне, но глаза по-прежнему ничего не видели. Когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, то начал оглядываться по сторонам, но повсюду наткнулся на такую тьму, хоть выколи глаз, будто я все еще был в повязке. Я попытался опереться на ноги, покрытые кровавой коркой под изодранными в клочья брюками. Оказалось, что я могу ходить. Однако я не мог решить, в каком направлении двигаться. Очевидно, я не должен был идти наугад, чтобы не удалиться от входа, который мне предстояло найти. Поэтому я остановился, чтобы определить направление холодного и зловонного, с запахом окиси натрия, воздушного потока, который постоянно на себе ощущал. Приняв место его источника за возможный вход в пропасть, я приложил все усилия, чтобы держаться этого ориентира и последовательно двигаться в одном направлении.

У меня были с собой спички и даже маленький электрический фонарик, но, конечно, карманы моей изодранной одежды были заранее освобождены от «лишних» предметов. По мере того, как я осторожно продвигался в темноте, сквозняк становился все сильнее и неприятнее, пока, наконец, я не определил, что это было не более, чем ощущение потока зловонных испарений, выходящих наружу из некоего отверстия, будто облако с джином из сосуда рыбака в восточной сказке. Восток... Египет... истинно, это мрачная колыбель цивилизации всегда была источником несказанных ужасов и чудес!

Чем больше я размышлял над природой этого движения воздуха в пещере, тем сильнее становилось мое беспокойство. Несмотря на одуряющий запах, я искал его источник, как, по крайней мере, дополнительный ключ к выходу во внешний мир. Теперь я ясно увидел, что это отвратительное исчадие не могло иметь какой бы то ни было примеси или связи с чистым воздухом Ливийской пустыни. По существу, это было нечто, извергающееся из зловещих пещер, расположенных еще ниже. В таком случае, я шел в неверном направлении!

Поразмыслив немного, я решил не возвращаться. Если бы я пошел в другую сторону, я потерял бы этот ориентир, так как шероховатый каменный пол был лишен каких-либо отличительных конфигураций или отметин. Однако, если бы я пошел навстречу этому потоку воздуха, я бы, без сомнения, пришел к какому-нибудь отверстию, от которого смог бы направиться вдоль стен к противоположной стороне этого гигантского подземелья. Я понимал, что мои ожидания могли не оправдаться. До меня дошло, что помещение, в котором я нахожусь, является частью главного храма Хефрена, неизвестного туристам. У меня мелькнула мысль, что о существовании именно этого места могут не знать даже археологи. Просто на него случайно наткнулись излишне любопытные и зловердные арабы, лишившие меня свободы. Если это действительно так, есть ли отсюда какой-нибудь выход в известные уже части храма или на поверхность?

Было ли у меня вообще какое-либо доказательство того, что я

нахожусь в главном храме? На мгновение все самые нелепые предположения обрушились на меня лавиной. Все пережитые недавно яркие впечатления смешались у меня в голове — жуткое падение на веревке, пребывание во взвешенном состоянии, раны, видения, которые и в самом деле были видениями. Неужели наступил конец моей жизни? Может быть, и правда. Но, может, следовало бы благодарить бога, если и это и в самом деле конец? Я не мог ответить ни на один из своих вопросов, а просто продолжал движение, пока Судьба вновь не вернула меня в состояние забытья.

На сей раз не было никаких видений, так как внезапность случившегося лишила меня возможности мыслить и сознательно и подсознательно. Неожиданно я почувствовал, как ноги у меня стали подкашиваться в том месте, где сквозняк был настолько сильным, что потребовал от меня дополнительных физических усилий. Я рухнул головой вперед, скатившись по громадной каменной лестнице в бездну мерзостных испарений.

То, что я вновь дышу, так это благодаря жизнестойкости моего здорового и крепкого организма. Мысленно я часто возвращаюсь к той ночи. Воспоминания мои о тех возобновляющихся обмороках окрашены налетом юмора. Обморочные состояния, последовательность которых напоминала мне ни о чем другом, как о наивных фильмах-мелодрамах, популярных в то время. Конечно, вполне возможно, что они были мнимыми и что подземные кошмары были только видениями во время длительного пребывания в коматозном состоянии, начавшемся с шока от спуска в ту пропасть и благополучно закончившимся под влиянием целебного бальзама свежего воздуха и восходящего солнца. Я встретил день, распростертый на песке Гизы перед ухмыляющимся, порозовевшим от рассветного солнца Великим Сфинксом.

Я предпочитаю верить в такое объяснение. Следовательно, я был рад, когда в полиции мне сказали, что вход в главный храм Хефрена был найден открытым и что подходящих размеров щель действительно существует в одном углу все еще скрытой под землей части постройки. Я также был рад, когда доктора объявили, что, по их предположениям, мои раны можно объяснить внезапным нападением и захватом, натягиванием повязки на глаза, резким спуском, попыткой освободиться от пут, падением с высоты, мучительно медленными поисками выхода на волю, другими переживаниями... очень успокаивающий диагноз. Тем не менее, я знаю, что не все так просто, как может показаться. То низвержение в бездну слишком живо в моей памяти, чтобы отрицать его. Странно еще то, что никто не смог найти человека, соответствующего описаниям моего проводника. Абдула Райса эль Дрогмана — проводника с загробным голосом, который так похож на фараона Хефрена.

Я отклонился от своего рассказа — возможно, в тщетной попытке избежать описания последнего приключения. Того приключения, что, в отличие от других, несомненно, объясняется галлюцинацией. Но я обещал рассказать о нем, а обещаний я не нарушаю.

Когда я пришел в себя — или это только казалось — после того падения с каменной лестницы, я все так же был один и в темноте, как и прежде. Разносимое по всему подземелью удушающее зловоние, и без того отвратительное, стало теперь совсем непереносимым; но я уже несколько привык к нему и выдерживал его стоически. Все еще находясь в полубессознательном состоянии, я начал отползать с того места, откуда оно несло, и своими ободранными и кровоточащими руками нащупал громадные плиты невероятно огромной мощеной дороги. В какой-то момент я стукнулся головой о твердый предмет. Когда я потрогал его ладонью, то понял, что это основание колонны — колонны невероятных размеров — поверхность которой была покрыта гигантскими высеченными иероглифами, весьма ощутимыми при прикосновении.

Продолжая ползти, я наткнулся на другие колонны такого же размера, отстоящие друг от друга на неопределенном расстоянии. Вдруг я остановился, поняв, что мое внимание привлекло нечто, что, должно быть, действовало на меня задолго до того, как к этому подключилось сознание.

Откуда-то из глубокой пропасти, прямо из недр земли доносились звуки, мерные и ясные, не похожие ни на что из того, что мне приходилось слышать прежде. То, что они были совсем древними и несомненно ритуальными, я почувствовал почти интуитивно; мои познания в египтологии позволили мне предположить, что это были флейта, самбука и тамбурин. В их ритуальном жужжании, гудении, грохоте и биении я почувствовал неопишуемый ужас — ужас, никак не связанный с личным страхом, но скорее напоминающий реально существующее сострадание к нашей планете за то, что в ее потаенных недрах существует такое омерзение, которое скрывалось за этой какофонией. Звуки разносились во всей своей полноте, и я понял, что они приближаются. И тут — да объединятся боги всех пантеонов мира, чтобы уберечь мои уши от подобного — я услышал слабую и отдаленную тяжелую поступь марширующих существ.

Отвратительно было то, что звук их шагов, столь несхожий, имел такой совершенный ритм. Должно быть, за маршем этих чудовищ, обитающих в глубинах Земли, скрывалась слаженность и сноровка тысячеклетней давности... потрескивание, пощелкивание, вышагивание, громы, грохотание, ползание... и все это под вызывающие отвращение диссонансы насмехающихся и глумящихся инструментов. А затем — избави мою память, Господи, от тех арабских легенд! — мумии без души... место встречи блуждающих «ка»... полчища проклятых дьяволом фараонов-мертвецов сорока столетий... «смешанные мумии» шли, прокладывая путь сквозь самые отдаленные ониксовые пустоты владений фараона Хефрена и его царицы-вампира Нитокрис...

Тяжелая процессия приближалась — Боже, спаси меня от звука тех ног и лап, копыт, подушечек и когтей, когда все это началось проявляться в подробностях! Вдоль безграничного пространства ли-

шенной солнца мощеной дороги на зловещем ветру вспыхивал и гас проблеск света, и я спрятался за огромной окружностью гигантской колонны от того ужаса, который шествовал прямо на меня миллионами ног через громадные наплывы нечеловеческого страха и трепета перед древностью. Вспышки света участились, топот и диссонансные звучания нарастали до противного быстро. При дрожащем оранжевом свете чуть впереди я увидел действо, вызвавшее во мне такой благовейнейший и безжалостный страх, что я раскрыл рот от неподдельного удивления, подавившего собой и мой испуг и отвращение. Основание колонн, середины которых были вне пределов видимости человеческого глаза... только одни основания уже подчеркивали такие колоссальные размеры, перед которыми Эйфелева башня выглядела незначительным сооружением... иероглифы, начертанные неправдоподобно искусной рукой в пещерах, где дневной свет может быть разве что далекой и красивой легендой.

Я не буду смотреть на этих марширующих чудовищ. Доведенный до отчаяния, я решился на это, когда услышал поскрипывание суставов и тяжелое азотистое дыхание, заглушающее порой мертвую музыку и поступь мертвых. Слава Богу, что они не говорили... Но Боже мой! Мятущийся свет их факелов начал отбрасывать тени на поверхность громадных колонн. У гипнопотамов не должно быть человеческих рук, они не могут держать факелов... у людей не должно быть крокодиловых голов...

Я попытался отвернуться, но тени, звуки и зловоние заполняли все вокруг. Потом я вспомнил — когда я был мальчиком и по ночам меня мучили кошмары, то я начинал повторять: «Это сон! Это сон!» Это редко приносило облегчение. Тогда я закрывал глаза и молился... по крайней мере, мне кажется, что молился, ибо что еще можно было в моем положении предпринять. Хотелось бы мне знать, увижу ли я когда-нибудь свет божий. Если бы можно было разглядеть это место, если бы можно было запомнить его как-то иначе, не связывая с ветром, несущим запах разложения, с бесконечными, уходящими вверх колоннами и причудливыми тенями. Потрескивающее пламя факелов ярко освещало все вокруг, и если бы это чертово место было совсем без стен, я не смог бы разглядеть его пределы или какой-нибудь ориентир. Но мне вновь пришлось закрыть глаза, когда я увидел, как много этих существ здесь собралось. И тут мой взгляд упал на нечто, вышагивающее торжественно — на существо *без верхней половины туловища*.

Дьявольски завывающее трупное бульканье, напоминающее предсмертный хрип, нарушило саму атмосферу — это вступил разноголосый хор, состоящий из омерзительного легиона гибридных богохульств. Перед моими глазами, упрямо не подчинявшимися мне и остававшимися открытыми, предстала такая картина, которую ни одно человеческое сознание не осмелится себе вообразить без паники и физического изнеможения. Чудовища торжественно шествовали ше-

ренгами в одном направлении — в направлении зловонного потока воздуха. При свете факелов можно было рассмотреть их склоненные головы. Во всяком случае, у тех, кто их имел. Они молились перед огромным черным отверстием, изрыгающим зловоние. Оно так высоко поднималось вверх, что его предела не было видно, и, насколько я мог понять, располагалось под прямыми углами вблизи двух гигантских лестниц, концы которых оставались далеко в тени. Без сомнения, с одной из них я и упал вниз головой.

Размеры этого отверстия полностью соответствовали колоннам — обычный дом бы затерялся в нем. Любое средней величины здание свободно разместилось бы здесь. Оно было настолько огромным, что рассмотреть его пределы можно было, лишь поворачивая голову... такое огромное, такое омерзительное черное и с такими чудовищными «ароматами»... Прямо перед этой зияющей «дверью Полифема» существа бросали какие-то предметы — очевидно, пожертвования или ритуальные подношения и дары, если судить по их жестам. Хефрен был их предводителем. Ухмыляющийся фараон Хефрен или *проводник Абдул Райс*, увенчанный золотой короной, растягивал речитативом бесконечный догмат своим загробным голосом мертвеца. Рядом с ним опустилась на колени прекрасная царица Нитокрис, которую я на мгновение увидел в профиль, заметив, что правая сторона ее лица была изъедена крысами или другими вампирами. Я вновь закрыл глаза, когда увидел, что они бросали в качестве подношений зловонному отверстию или, возможно, его божеству.

Мне пришла в голову мысль, что, судя по тому усердию, с которым они участвовали в богослужении, скрытое божество, очевидно, было могущественным. Был ли это Озирис или Изиды, Гор или Ану-бис, а возможно, неизвестный Бог Мертвых, еще более важный и великий? Существует легенда, что в древности воздвигали внушающие ужас и трепет алтари и изваяния Неизвестному прежде, чем установили культ известным богам...

Теперь, когда пережитые трудности настолько закалили меня и я мог наблюдать за восторженным поклонением своему божеству этих безымянных существ, у меня промелькнула мысль о побеге. Зал был тускло освещен, и колонны оставались в густой тени. Так как все эти существа были поглощены изъяснением своего восторга, я вполне мог незаметно пробраться к отдаленному концу одной из лестниц и незаметно проскользнуть по ней, положившись на Судьбу и свою ловкость. Я не знал, где находился, и не задумывался над этим всерьез, но на какое-то мгновение мне показалось забавным, что я и в самом деле помышляю побег из того, что, насколько я понимал, было сновидением. Находился ли я в каком-то скрытом, неизвестном ранее царстве главного храма Хефрена — того самого, который поколение за поколением упорно именуют Храмом Сфинкса? Я не мог строить догадки, но решил подняться из этой тьмы и вернуться к жизни, если только сознание и силы вновь не оставят меня.

Распластавшись на животе, я предпринял опасный маневр к основанию лестницы, находящейся слева от меня, так как она показалась мне более доступной. Я не в состоянии описать все обстоятельства и ощущения, которые мне довелось пережить во время медленного продвижения к цели. Но если задуматься над этим, то без труда можно представить, что я испытал, чтобы остаться незамеченным при свете ярких факелов.

Как я уже говорил, основание лестницы, обнесенной перилами, находилось в тени, и это обстоятельство должно было облегчить мою задачу — подняться, не сгибаясь, на головокружительной высоты площадку над гигантским отверстием. Мне оставалось преодолеть совсем немного. Я находился довольно далеко от мерзкой толпы. Тем не менее, кровь стыла от всего этого неопишемого зрелища.

Наконец мне удалось добраться до ступенек, и я начал взбираться по ним, держась поближе к стене, на которой я заметил украшения и орнаменты самого отвратительного вида. Я надеялся остаться незамеченным, так как все внимание толпы исступленно молящихся чудовищ было занято изрыгающим зловоние отверстием и теми нечестивыми предметами, которые были набросаны на мощеную дорогу перед ним. Лестница была гигантской и крутой, выделанной из огромных порфирных плит, будто рассчитанной для великана. Казалось, ей не будет конца. Боязнь оказаться обнаруженным и боль от ран, вновь возобновившаяся при движении, все это, вместе взятое, заставляет меня испытывать сильные мучения, как только я вспомню об этом. Добравшись до площадки, я тут же намеревался взбираться наверх по лестнице, куда бы она ни вела, не останавливаясь, чтобы бросить прощальный взгляд на эту омерзительную мертвечину, стоявшую коленопреклоненно перед своим черным алтарем на семьдесят или восемьдесят футов ниже меня. Однако внезапно грянувший громоподобный хор булькающих и хрипящих звуков мертвецов — грянувший еще до того, как я взобрался на площадку, и означающий, судя по ритуальному ритму, что я не был обнаружен, заставил меня остановиться. Я осторожно подошел к краю лестницы и заглянул через перила.

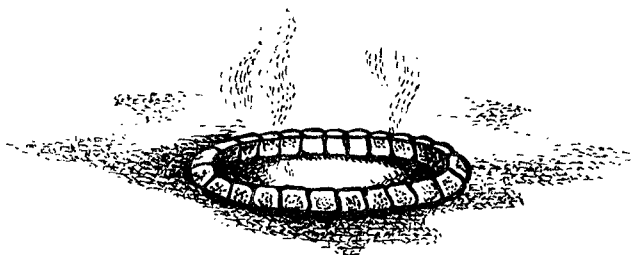
Внизу все приветствовали кого-то, кто время от времени показывался из мерзкого отверстия, чтобы схватить дьявольские подношения, предназначенные для него. Это было существо с довольно массивным туловищем, даже с этой высоты, с какой я его наблюдал, желтоватого цвета, волосатое, с нервными движениями. Пожалуй, оно было таким же крупным, как гиппопотам, и с очень странной фигурой. Казалось, у него не было шеи, но пять лохматых голов торчали из туловища примерно цилиндрической формы: первая была очень маленькая, вторая, — крупных размеров, третья и четвертая — одинаковые по величине и самые большие из всех, а пятая — довольно маленькая, но не такая, как первая.

Одна голова резко выбрасывала вперед странные негнувшиеся щупальца, которые жадно хватали в необычайно огромных количествах пищу, положенную перед отверстием в качестве священной жертвы. Время от времени существо выскакивало из своего укрытия, а затем скрывалось там же очень странным образом. Способ его передвижения был настолько непостижимым, что я замер, уставившись в изумлении и ожидании, когда оно появится еще раз из своего, похожего на пещеру, логовища.

Потом оно появилось... оно действительно появилось, и при его виде я в ужасе повернулся и стремглав помчался в темноту, спасаясь бегством, вверх по лестнице, поднимавшейся за мной. Помчался в неведомое, по невероятным и неправдоподобным ступеням, приставным лестницам и наклонным плоскостям. Я не знаю, что направляло меня. Очевидно, я должен отнести все это за счет видений, так как у меня сегодня нет никаких доказательств. Должно быть, это было видение, иначе я никогда не встретил бы день распростертым на песчаной равнине Гизы прямо перед ухмыляющимся и порозовевшим от рассветного солнца Великого Сфинксом.

Великий Сфинкс! Боже! — тот ничего не значащий вопрос, который я задал себе в то благословенное утро накануне... *какую же колоссальную и вызывающую отвращение нелепость первоначально представлял собой Сфинкс?* Будь проклято это зрелище — сон это или нет — которое открыло мне величайший ужас неизвестного Бога Мертвых, скрывающегося в своей невообразимой бездне и пожирающего в огромных количествах отвратительные дары и подношения, сделанные лишенными души нелепостями, каких на земле-то не должно существовать. Пятиглавый монстр, который появлялся... тот пятиглавый монстр, огромный, как тысяча гиппопотамов... пятиглавое чудовище — *одна его только передняя лапа!*..

Но я прошел через все опасности и выжил. И я знаю, все это было не более, чем сон.

Джон Уиндем

ПОРА НА ПОКОЙ

1

Пейзаж не радовал. Глаза, помнившие земные красоты, отмсчали в этой части Марса нечто вроде обыкновенных задворок. Широкое водное пространство, блестя серебром, простиралось до самого горизонта. Справа за жиденькими зарослями кустиков, напоминающими камыши, примерно на милю виднелась плоская насыпь красноватого песка. За ней вдалеке вставали темно-красные горы с белыми вершинами.

Берт плыл по каналу. День был ясен и мягок. Ровные волны широким всером расходились позади и затем тихо таяли, сливаясь с водной гладью. Молчаливое пространство смыкалось за его спиной, ничто не напоминало о том, что здесь кто-то был.

У Берта был катерок. Он сам его конструировал, и сооружение получилось весьма нестандартным. Во всяком случае, ни на Марсе,

ни в других местах, где ему приходилось бывать, но не видел ничего подобного. Приступая к его строительству, он даже не представлял себе, как должно быть устроено судно. Вначале у него не было не только проекта, но и сам замысел был довольно смутным. В процессе работы и он то и дело терпел изменения, поскольку все зависело от тех материалов, которые попадались под руку. Однако под конец все же вышло нечто среднее между сампаном, плоскодонкой и элементарным вездеходом. И Берт был этому рад.

Сейчас он развалился на корме катера, расслабившись и погружившись в приятное безделье: Правую руку в рваном рукаве он небрежно кинул на румпель, левой лениво почесывал грудь. На длинных, тощих ногах были плотно прилегающие сапоги оригинального фасона с брезентовым верхом и прочными подошвами из склеенных веревок. Их он сделал сам. Штаны он тщательно залатал и заправил в сапоги. Свои тощие, неуклюжие ноги он берег. Мало ли что. Из-под дырявых полей выдавшей виды фетровой шляпы торчала рыжая борода, подстриженная клинышком, и блестели неподдельным любопытством темные глаза, оживляя его серое худое лицо.

Бормотание старого мотора доставляло ему огромное удовольствие. Оно напоминало мурлыканье ластящейся кошки. Берт представлял механизм своим старым товарищем, он заботился о нем и всегда был к нему внимателен. На это тот благодарно отвечал размеренным спокойным ворчанием и уносил Берта все дальше и дальше.

Иногда Берт ловил себя на том, что разговаривает с мотором, делится своими разочарованиями и мыслями. Его пугало то, что это вошло в привычку. Он этого не одобрял, пытался с этим бороться, когда замечал за собой, но все чаще он забывался настолько, что не мог контролировать себя. В душе он испытывал благодарность к верному старому другу за то, что он пронес его через тысячи миль по воде, ни разу не высказав недовольства.

Тишина, которая нависла над пустыней и водой, словно горький упрек, не пугала Берта. Она нисколько не раздражала его, не выводила из себя, как обычно бывает с людьми. Берт жил в колонии, среди нескончаемого шума, суеты и иллюзий надежды. Вот это он ненавидел, и ненависть гнала его в неизведанное, за приключениями. Если он не находил приключений и вынужден был возвращаться, он впадал в отчаяние. Хотел-то он совсем немногого: не сидеть на месте, шататься, словно цыган.

Берт Тессел... каким он был много лет назад. Свою фамилию он слышал в последний раз так давно, что забыл, как она звучит в человеческих устах. Фамилия вроде была, как у всех, но он был просто Берт. Для тех, с кем общался — Берт, и все.

— Ну вот, почти и приехали, — пробубнил он, обращаясь к равномерно журчащему мотору и к самому себе. Чтобы лучше видеть, он приподнялся, оперевшись на локтях.

Берег теперь выглядел чуть по-другому. Между кустиками появилась жесткая трава. При малейшем дуновении ветерка длинные стебельки растений с отливающими металлическим блеском листьями наклонялись, все в них дрожало и нежно звенело. Впереди были заросли этих растений. Даже если сейчас остановить мотор и идти по инерции, то тишины уже не будет — он погрузился в тихое позвякивание миллионов маленьких жестких листьев.

— Медные колокольчики проезжаем, — констатировал он. Да, теперь уже скоро.

Он открыл сундучок, который был у него за спиной, и вытащил истрепанную карту. Он сверился с ней, потом открыл замусоленный блокнот, нашел нужную страницу и пробежал глазами список имен. Бормоча их, словно заучивая наизусть, он заложил бумаги обратно в сундучок и больше не отрывался от дороги. Примерно через полчаса на горизонте появилось темное пятно, выделяясь на однообразной береговой полосе.

— Вон оно, — громко сказал Берт, вдохновляя мотор еще на несколько миль. Последних.

То, что столь необычно выглядело даже с огромного расстояния, при ближайшем рассмотрении оказалось сплошными развалинами. Веранда у их основания носила по бокам следы украшений барельефами. Ныне они настолько стерлись, что угадать их очертания было невозможно. Когда-то за верандой начиналась башня, об архитектуре которой тоже ничего не было известно, поскольку от всего строения уцелело не более двадцати футов в высоту. На полуразрушенных стенах тоже виднелись следы резьбы, и фундамент, выложенный из темно-красной породы, был очень красив. С расстояния в сотню ярдов от берега создавалось впечатление прекрасного уединенного уголка. Только сойдя на берег, можно было ужаснуться силе разрушений, нанесенных временем и природой.

Берт шел твердым курсом прямо на развалины. Оказавшись напротив них, он развернул свою неуклюжую посудину и, включив малую скорость, направился к берегу. Наконец, достигнув песчаного пляжика, катерок ткнулся в него носом. Как только Берт выключил мотор, на него нахлынули местные звуки: позвякивание металлических листьев, надрывные скрипы ветхого колеса, вращающегося несколько левее по берегу. Из глубины развалин доносился глухой стук.

Берт нырнул в свою крохотную каюту. Она была довольно уютной и могла по ночам сохранять тепло, но в ней было темно, так как стекло для окошка он так и не достал. Пошарив в темноте, он нащупал саквояж с инструментами и пустой мешок на палубе, перебрал их через плечо и перешагнул через борт в воду, чтобы выбраться на берег. Он закрепил катер, чтобы не дай бог не унесло. Вода стоячая, но все же... Наконец он двинулся широким легким шагом по направлению к развалинам.

Со всех сторон к этим остаткам древнего строения примыкали поля, на которых взошли аккуратно посаженные хлеба. Узкие оросительные каналы разделяли поля на ровные зеленые квадраты. Под одной из стен развалин приютились ограда и навес, кое-как слепленные из обломков некогда могучей башни. Несмотря на подозрительный внешний вид, навес был довольно крепок, и из-под него доносилась успокаивающая возня и похрюкивание небольших животных. В одной из стен была прорублена дыра, служившая дверью, в остальных — закругленные отверстия, которые, без сомнения, были окнами, естественно, без стекол.

Во дворе находилась женщина. Двумя толкушками, которые она держала в обеих руках, она толкла зерно на плоском обтесанном камне. Кожа ее была красновато-коричневой, темные волосы, высоко поднятые, обвивали голову. Одеждой ей служила коричневая юбка, разрисованная цветами по старой моде. Она была уже немолода, но тело ее сохраняло упругость мышц и гибкость стана.

Когда Берт приблизился, она подняла на него глаза и произнесла глубоким грудным голосом на местном наречии,

— Привет, землянин. Тебя так долго не было. Мы заждались.

— Я старался не опоздать, Аника, — ответил Берт на том же языке. — Мне кажется, что я явился в то же время, что и прежде.

Он опустил вещи на песок. Тут же стайка маленьких банкунов кинулась на исследователя. Разочарованные, они принялись юлить у его ног, жалобно мяукать и тыкаться в него своими обезьяньими мордочками. В кармане у Берта были для них орехи. Он присел на камень и бросил им горсточку. Вспоминая имена из блокнота, он поинтересовался у Аники об остальных членах ее семейства.

Вроде, у них все складывалось неплохо. В отъезде был только старший сын, Яндодо. С ней оставались младший Тенек, две дочки — Гуика и Зейла. У Гуики была семья: муж, дети. Со времени последнего посещения Берта у них появился еще один ребенок. Сейчас все, кроме крошки, ушли на работу в поле. Скоро уже им возвращаться. Они придут вон оттуда. Он оглянулся и увидел вдалеке маленькие темные фигурки, движущиеся неровной цепью.

— Вы должны собрать неплохой урожай, — заметил он.

— Слава Могучим, — инстинктивно отозвалась она.

Она продолжала заниматься делом. Он сидел на камне и с удовольствием рассматривал ее. Цвет ее кожи, краски окружающего мира, приобретающие особый колорит в свете клонящегося к закату неродного солнца, погружали его в мир Гогена. Его картины он очень любил. Как давно все это было... Гоген... Она, конечно, не походила на женщин Гогена, и, скорее всего, художника не вдохновила бы здешняя обстановка. Берту тоже сначала все это не нравилось. Марсиане выглядели, на первый взгляд землянина, хилыми и немощными из-за своих хрупких костей и воздушного строения тела. Но

теперь Берту показалось бы невероятным присутствие в этой среде земной женщины. Она смотрелась слишком мощной и неповоротливой, как тумба, на фоне легких и гибких движений марсианок.

Аника чувствовала на себе его внимательный взгляд. На минуту она подняла глаза от работы и посмотрела на него. В глубине серьезных темных глаз он прочитал понимание и сочувствие.

— Как же ты устал, землянин, — выдохнула она.

— Да, моя усталость вечна, — ответил он.

Она понимающе склонила голову и снова принялась толочь зерно.

Берту было приятно, что его хоть кто-то, пусть по-своему, понимает. Марсиане были симпатичны ему своей искренностью и непосредственностью. Случилось так, что первые люди, высадившиеся на Марсе, воспользовались их слабостью и покорностью и стали эксплуатировать их, как только возможно. Аборигены были нищими, отверженными, бесправными. Это стало трагедией не только Марса, но и Земли, уже не первой трагедией Земли. Теперь, когда всему пришел конец, людям следовало бы постараться войти в контакт с марсианами, но они опять отгородились от них, поселились обособленными колониями. Как они так жили, Берту стыдно было даже думать.

Через некоторое время она спросила:

— Сколько же тебя не было?

— Месяцев семь. По нашему — около года.

— Да-а, долго... — она покачала головой. — Наверное, набродяжничался? Отчего земляне не любят нас? — Она пристально смотрела ему в глаза, пытаясь прочесть в них ответ. — Даже сейчас... Нисколько не лучше, чем прежде, — она опять задумчиво покачала головой.

— Все идет, как надо, — постарался Берт закончить этот разговор. — Так что же вы насобирали для меня на этот раз? — спросил он о деле.

Она вздохнула, и он стал вполуха слушать о прохудившихся кастрюлях, о том, что никто здесь не может сделать сковородку, что колесо еле-еле крутится и не поднимает достаточное количество воды на поля. Яндодо попробовал было исправить дверь, соскочившую с петель, но ничего не вышло. Он слушал уже внимательно. Мысли его неуклонно возвращались к своей собственной неустроенной одинокой жизни.

2

Сказав: «Все идет как надо», он покривил душой. Он себя не обманывал, да и ее не проведешь. Ни у одного землянина теперь не могло быть «как надо». У кого-то было чуть получше, у кого-то хуже, но трагедия была у всех. Некоторые, как он, искали забвения в путешествиях, но большинство отсиживалось в колониях, пьянствуя и медленно угасая. Кое-кто пытался «приспособиться к местным усло-

виям», под прикрытием темноты балуясь с марсианскими девицами. На их лицах и в поведении было заискивание, горечь и безысходность. Колонии были болотом, способным засосать кого угодно. Это становилось все очевиднее даже тому, кто не обладал особо развитым воображением.

Поэтому Берт выбрал беспокойную жизнь бродяги и шлялся по всему Марсу. Целый марсианский год он потратил на сооружение своего катерка. Он оборудовал себе рабочее место, наделал всякой кухонной утвари для торговли и обмена, изготовил инструменты лудильщика, собрал немного провизии. И однажды он снялся с якоря. С каким нетерпением он выбрался из колонии! К соотечественникам он заявлялся только за топливом для своего двигателя да еще зимовал. Но всю зиму он готовился к новым скитаниям, мастера кастрюли и сковородки, которые больше всего пользовались спросом. Едва дождавшись конца зимы, он вновь с неистовой радостью бежал по неизведанным дорогам Марса. Так шли годы. В колониях же становилось все тягостнее и безотраднее. Поселенцы искали забвения в вине; пьянство и безделие неумолимо приближали их конец.

Вдруг в последнее время он стал замечать в себе нечто новое. По-прежнему нетерпение не давало ему покоя. По-прежнему он не оставался в колониях дольше, чем это было необходимо, но душа его уже рвалась оттуда, как из клетки. Путешествия и приключения не приносили бывшего удовлетворения. Поселенцев он не любил, общение с ними не соблазняло его, но он стал задумываться о них, понял, почему они поддались стадному инстинкту, удерживающему их вместе, понял, почему они не могли не пить так много. Он дошел до того, что стал им сочувствовать. Такие изменения в самом себе заставляли его тревожиться, временами очень сильно.

Скорее всего, наступали возрастные изменения. В первый (и последний) свой космический полет он попал еще мальчишкой, в двадцать один год. Остальные были гораздо старше его. Теперь, через много лет, он стал испытывать чувства, которые те пережили уже давно — бесцельность, безнадежность существования, тоску по безвозвратно утраченному.

Никто не знал и теперь не узнает, что же именно случилось на Земле. Корабль, на борту которого был Берт, стартовал с лунной станции и взял курс на Марс. Они были в пути уже четвертый день. Его подтащили к иллюминатору, и вместе с другом, бывшим на несколько лет старше его, они, не отрываясь, смотрели на вспышки адского пламени на фоне черного космоса. Эта картина застыла в его глазах навсегда: Земля, расколовшаяся пополам, и ослепительно белый огонь, бушующий на ее поверхности.

Быть может, как считали одни, в каком-нибудь месте атомные запасы достигли критического уровня, и это привело к взрыву. Другие говорили, что взрыв такой силы не достаточен, чтобы расколоть Землю. Он только породил бы пылевое облако, уничтожившее все

живое. По их мнению произошла цепная реакция элементов земной коры, причем такое на Земле периодически повторялось. Да. Сейчас истинную причину не узнаешь. Для всех уцелевших важнее было то, что их Земля, распавшись, рассыпалась на бесчисленное множество астероидов, облако которых продолжало нестись по орбите вокруг Солнца. Земля превратилась в лавину космических булыжников.

Трудно было поверить в очевидное, хотя все видели все своими глазами. Не сразу до людей доходит весь ужас произошедшего, все с трудом могли такое предположить. Некоторые считали, что они сошли с ума, рассудок других отказывался воспринять всю трагедию до конца, они просто приняли это как должное и наблюдали, как со стороны. Они уговаривали себя, что Земля, хоть и существует где-то далеко, но для них она недостижима.

Как бы по-разному не восприняли это событие члены экипажа, деморализация и уныние были общими. От растерянности вначале даже хотели рвануть назад, на помощь. Смысла в этом не было, но сработал рефлекс — помочь! Сколько было негодования, когда возвращаться на место катастрофы было запрещено. Какая уж там могла быть от них польза! Капитан решил продолжать путь к Марсу.

Вскоре навигаторы обнаружили, что карты и таблицы становятся не точными из-за изменения орбиты всех небесных тел. Это вызвало естественную тревогу. Вдруг с удивлением они увидели, что Луна, теперь не удерживаемая Землей, сошла со своей орбиты и поплыла в космическом пространстве, увлекаемая могучими силами тяготения, отыскивая нового хозяина. Наконец она попала в объятия гигантского Юпитера. Тем временем несчастный корабль, благодаря невероятным усилиям, все-таки совершил посадку — свою последнюю посадку на Марсе.

Оказалось, что тут нашло приют огромное количество других кораблей. Это были и научно-исследовательские суда, возвращавшиеся с астероидов, и торговые со спутников Юпитера, которые тоже не успели дойти до Земли. Однако многих не досчитались. То ли они завернули в другие порты, то ли сгнули в космосе. Этого уже никто не мог узнать.

Таким образом на Марсе скопилось две дюжины бесполезных теперь кораблей, у которых не было больше порта назначения. Около них ютились сотни людей — космонавты, различные специалисты: шахтеры, бурильщики, инженеры, испытатели, эксплуатационники, администраторы, техники.

Волею судьбы оказавшись вместе, они попытались приспособиться как-то существовать в чужом мире.

Среди них оказались две женщины, стюардессы с каких-то кораблей. Красавицами они не были, хотя в общем-то выглядели поначалу весьма аккуратными и милыми девочками. Но среди такого скопища мужчин обстоятельства сложились против них. К тому же марсианская сила тяжести сыграла роль в разрушении их организма. Очень скоро они превратились в бесплодных, испорченных, теряющих чело-

веческий облик женщины, которые однажды стартовали в никуда. Они открыли счет самоубийств. За ними кое-кто последовал, и всякий раз такой способ окончательного расчета с жизнью выбирали наиболее изысканные и экстравагантные в прошлом земляне.

Основная масса людей забросила все попытки предпринять что-то дельное и ударилась в пьянство.

Берт убеждал себя, что все еще не так плохо, могло быть и хуже. А хуже пришлось тем, у кого на Земле оставались жены и дети. Его собственные потери в этом плане были меньше: мать умерла несколько лет назад, отец был глубоким старцем, все последние годы мечтавшим только об одном — скорее уйти к горячо любимой жене. Правда, у Берта была девушка, ласковая, симпатичная соседка с золотистыми волосами и голубыми глазами. Эльза, если имя ее еще что-то значило. Считалось, что она будет его женой, он сам по молодости еще не думал об этом серьезно. В его воспоминаниях она с каждым годом становилась все искусственней и ненатуральней.

Некоторым утешением в прозябании на Марсе ему также служило убеждение, что им еще повезло по сравнению с теми несчастными, кто попал в раскаленную венерианскую печь или мертвенный холод спутников Юпитера. Жизнь предоставила ему больше, чем борьбу за существование. Хотя это было не так уж много, но он в сложившихся обстоятельствах мог использовать свою молодость и силу, которые не собирався расходовать на прозябание и разврат. Он выбрал скитальческий образ жизни и приступил к сооружению катера.

Берт гордился принятым решением. Оно, по его мнению, было лучшим за всю его жизнь. Во-первых, работа отвлекала его от пустых, угнетающих размышлений. И еще была гордость пионера, первооткрывателя, когда он наконец отправился в путь. Он собирався исследовать огромное водное пространство, состоящее из каналов длиною в многие тысячи миль. По берегам этих каналов жили марсиане. Он знакомился с ними и неожиданно для себя пришел к выводу, что они вовсе не такие, какими их принято считать среди людей. Он с удовольствием изучал их язык, по структуре абсолютно не такой, как человеческий. Он узнал массу диалектов, на трех-четыре-х говорил лучше любого землянина, и это был еще не предел. Однажды он поймал себя на том, что думает на одном из марсианских диалектов. Он не торопясь перебирался от одного поселения земледельцев к другому по каналу, которые иногда походили на спокойное море, достигавшее в ширину шестидесяти-восемидесяти миль, но иногда сужались до мили. Чем дальше он плывал по этим водным путям и постигал их устройство, тем больше возрастало его восхищение неведомыми создателями этого рукотворного чуда. О них никто толком не знал. Даже после многих лет путешествий по каналам он не мог сказать, кто и как их строил. Марсиане были не в состоянии удовлетворить его любопытство. У них считалось, что каналы были созданы Могучими

давно, очень давно. Вопросов на эту тему марсиане себе не задавали. Берт, плывая по каналам, был благодарен Могуцам, кто бы они ни были, за прекрасное устройство планеты.

Живя на Марсе, он все более симпатизировал марсианам. Их неторопливость и размеренность в делах, их умиротворяющая философия действовали успокаивающе на его нервы, явились противовесом от тревожного состояния. Вскоре он понял, что его сородичи были неправы, обвиняя аборигенов в лени и нерадивости. Было огромное различие в мировоззрении землян и марсиан, порожденные различием в образе жизни, во взглядах на окружающее, которые были абсолютно непохожи. Земляне сами были лентяями, не потрудившимися проникнуть во внутренний мир обитателей планеты, на которую попадали. Берт очень хорошо умел ладить с ними и удачно обменивал свои поделки и помощь по хозяйству на продукты, которые выращивали и производили марсиане.

Заходя в колонию для ремонта катера и заполнения бака горючим, он никогда там не задерживался. Но в последнее время какое-то смутное беспокойство и недовольство не покидало его даже во время скитаний.

Наконец Берт совершенно запутался в своих воспоминаниях и размышлениях. Аника закончила свой рассказ, выпрямилась и оглянулась в сторону полей.

— Вот они и идут, — сказала она.

Он очнулся, тряхнул головой и посмотрел по направлению ее взгляда.

Впереди шли мужчины. Они были совершенно поглощены разговором и не смотрели по сторонам. По земным меркам они были худы и почти истощены, но Берт давно научился делать поправку на марсианские стандарты и находил их не только нормальными, а и прекрасно сложенными. За ними показались женщины. У Гуики на руках был самый маленький из троих детей, двоих постарше держала за руки ее сестра. Они весело хохотали друг над другом, шалили и прятались в полах ее юбки. Гуике можно было дать лет двадцать пять, сестре ее Зейле — года на четыре меньше. Так же, как их мать, они носили сотканные из грубой яркой ткани стоящие колом юбки, темные волосы, как и у нее, были подняты в высокие пучки и заколоты блестящими шпильками. Они двигались ритмично и с достоинством. Зейла стала неузнаваемой. Когда он приплыл сюда два последних раза, она куда-то уезжала, и теперь, увидев ее, он почувствовал внезапное смутение.

Заметив гостя, Тенек поспешил ему навстречу. Всем своим видом юноша выражал доброжелательность и радушие. Остальные тоже шумно приветствовали землянина, окружили его и наперебой делились впечатлениями, заботами и радостями.

Аника собрала муку и скрылась за каменными стенами развалин. Там, на их кухне, она должна была приготовить еду. Молодежь продолжала смеяться и болтать с Бертом, от души радуясь его появлению.

Во время трапезы Тенек как старший наследник завел разговор

обо всяких неисправностях в хозяйстве. За время отсутствия Берта износилось и поломалось много всяких вещей и приспособлений. Поломки его не очень волновали — он был неплохим техником. Он мог минут за пять установить причину неисправности и найти способ ее устранения. Но мало кто задумался о том, сколько труда, поисков и раздумий стояло за этой внешней легкостью и быстротой. Мастерство требует постоянного оттачивания, ни дня покоя, каждую минуту — вперед, к новым рубежам. Тем не менее успех в познании мира необычной механики ждал его не всегда. Удивительные, немеханические детали их устройств до сих пор приводили его в изумление. На Земле не было необходимости создавать нечто подобное, да и не получилось бы. Но современные марсиане не сами сотворили все это. В настоящее время обитатели Марса не создавали ничего нового, пользуясь готовым. Это было совершенно не свойственно землянам. Как же уйти из мира, не оставив после себя цивилизации, продвинутой поколением хотя бы на шаг вперед. Когда-то здесь обитали легендарные Могучие. Они изменили облик планеты, построили каналы, города и сооружения, ныне разваливающиеся и приходящие в негодность. Вдруг Могучие исчезли, сошли в небытие. Это было сотни, а может, тысячи лет назад. Тогда некому и не с кем стало соперничать и бороться. Возможно, из-за этого не было смысла развивать механику, что потом вошло в традицию. По некоторым признакам он догадался, что существовал некий запрет на механические изделия. Марсиане поклонялись Могучим. Берту было очень интересно узнать, что они собою представляли, но никто из современников не мог сказать ничего определенного.

После обеда Берт вышел наружу, чтобы развести небольшой горн для починки посуды. Хозяйка вынесла ему сковороды, которые прохудились, и ковши без ручек, а сами ушли по делам. Только дети остались поглядеть на диковинные инструменты. Они сидели на земле и перебирали маленькие разноцветные камешки. Дети весело болтали с ним, пока он работал. Им все было интересно: почему он не похож на Тенека или на кого из местных, почему он носил такие брюки и куртку, для чего ему борода. Вдруг Берт начал рассказывать им о Земле, о ее огромных лесах и зеленых холмах, о белых облаках, которые плыли в летнем, сверкающем голубизной небе, о зеленых волнах с белыми гребнями, о горных потоках и водопадах, о странах, где не было пустынь, о весенних цветах, о старых городах и маленьких деревеньках. Ребятишки не могли представить и половины того, о чем он говорил, а верили еще меньше, но они продолжали слушать, замороженные его необычно возбужденным состоянием. Он все рассказывал и рассказывал, забыв об их присутствии... Пришла Аника и отослала детей к матери. Она пристально посмотрела на него и села рядом, когда дети ушли.

Солнце садилось, в прозрачном воздухе чувствовалась прохлада. Казалось, Аника ее не замечала.

— Одному жить нехорошо, землянин, — промолвила она. — Пока ты молод, а вокруг есть, что посмотреть, то можно и одному. Но, когда стареешь, одному жить нельзя.

Берт ухмыльнулся, но не поднял головы от металлической кружки, которую чинил.

— Это мое дело. Я знаю, как мне жить, — сказал он ей.

Она посмотрела вдаль, за медные колокольчики, и дальше, за спокойную гладь воды.

— Когда Гуика и Зейла были детьми, ты им тоже рассказывал о Земле. Но тогда ты говорил совсем не то, что сегодня. В те дни ты вспоминал об огромных шумных городах, где жили миллионы людей, о гигантских кораблях, которые в темноте, освещенные тысячами огней, казались дворцами, о машинах, двигавшихся по дорогам на невероятных скоростях, и таких, которые летали по воздуху еще быстрее. О голосах, которые раздавались по всей Земле, и еще о всяких удивительных вещах. Тогда ты даже пел своим странным резким земным голосом, а девочки хохотали до упаду. Но сегодня впервые ты рассказывал что-то иное.

— Мало ли что я еще знаю. Не повторять же каждый раз одно и то же.

— Сегодня ты говорил о том, что значит для тебя гораздо больше. Должно быть, это действительно что-то совершенно необыкновенное, — заключила она.

Берт еще ниже склонился над работой, как будто чтобы поправить горн. Он молчал.

— Прошное не может стать будущим. Жизнь невозможно повернуть назад, — промолвила она.

— Будущее. Какое же будущее может быть у Марса? Он дряхлел и умирал. На всем здесь печать смерти, — жестко перебил он.

— А как было на Земле? Ведь до того, как она раскололась, вы не чувствовали признаков надвигающейся гибели, — сказала она. — Человечество развивалось, на Земле процветала цивилизация, и вдруг...

— Да, — он с горечью кивнул. — У нас все случилось вдруг.

— После случившегося лучше тебе вовсе не вспоминать о ней.

— Лучшее, — с вызовом откликнулся он.

Она обернулась к нему и пристально на него посмотрела.

— А ведь думаешь ты вовсе не так.

— Могу ли я думать иначе? — выдохнул он.

Темнота сгушалась. Он накрыл огонь камнем и стал собирать кастрюли. Тут Аника и сказала:

— Остался бы ты с нами, землянин. Настало время тебе уйти на покой.

Берт взглянул на нее с изумлением и не нашелся, что ответить. Машинально он покачала головой. Ему совершенно невозможно было представить такой вариант. И потом, он же был бродягой и не имел ни малейшего желания менять образ жизни.

Аника настойчиво продолжала:

— Здесь ты будешь полезен. Ты без труда делаешь то, что не под силу никому из здешних. У тебя столько силы, сколько у двоих наших мужчин вместе взятых. — Она оглянулась через плечо и окинула взглядом ровные квадраты полей. — Здесь благодатное место. С твоей помощью оно превратится в цветущий край. Мы возделаем больше земли и будем собирать богатые урожаи. И вообще... ты ведь любишь нас, правда?

Берт сидел, вперившись взглядом в темноту. Он застыл от неожиданно нахлынувших на него непривычных чувств. В карман к нему забрался маленький любопытный банинчук и копошился там, среди всякого хлама. Берт очнулся и вытряхнул его.

— Да, — сказал он. — Мне с вами хорошо. Но...

— Зачем сомневаться, землянин?

— Ты говоришь «Землянин». А ведь я не принадлежу никакой стране и никакому народу. Я болтаюсь в пространстве. Разъезжаю. Странствую.

— Ты можешь стать здесь своим. Стоит только захотеть. Если бы Земля воскресла, она стала бы для тебя более чужой, чем Марс.

Он несогласно покачал головой.

— Ты считаешь, что я святотатствую, но я уверена, что права, — сказала она.

— Да нет, этого не может быть, — он снова покачал головой. — Но если и так, что из этого?

— Это значит, — сказала Аника, — что скоро ты должен понять, что жизнь остановить нельзя. Нужно уметь оставлять позади горе и трагедии. Ты ведь являешься частью мира.

— Как это — частью мира? — спросил Берт.

— Человек становится человеком, только отдавая и получая. Человек не должен просто коптить небо. Он должен создавать.

— Та-ак, — протянул Берт.

— Такая у тебя судьба. Лучше будет и для тебя и для нас, если ты останешься. И еще... У нас есть Зейла.

— Зейла? — удивился Берт.

3

Утром он отправился на берег чинить колесо. И к нему пришла Зейла. Она уселась над обрывом, подобрав ноги и положив на острые коленки подбородок. Она наблюдала. Он поднял голову, и их взгляды встретились. На Берта нахлынуло что-то совершенно незнакомое. Вчера он видел в ней повзрослевшего ребенка и только, а сегодня было совершенно иное. Он почувствовал стеснение в груди, кровь зашумела в висках, руки так задрожали, что он чуть не выронил

доски, которые пытался приладить к колесу. Он прислонился спиной к балке, он был не в силах отвести от нее взгляда. Язык прирос к небу, он не мог произнести ни слова.

Так он простоял долго, пока наконец вновь не обрел дар речи. Он заговорил, но не узнал своего голоса. В новом, изменившемся мире собственные слова, движения казались ему грубыми и резкими. Он не помнил, о чем они говорили. Его охватывала волна ее прелести. У нее было необыкновенное нежное выражение лица, взгляд темных глаз будто звал заглянуть в глубину ее души. Губы складывались в ласковую улыбку. Ее кожа в свете необыкновенного здесь солнца сияла медным гляncем. Груды выступали мягкими овалами, из-под яркой шуршащей юбки выглядывали крошечные ступни, стоящие на песке. Он пожирал глазами ее всю до мелочей: маленькие уши, удивительные завитки волос на гибкой шее, черные локоны, которые она собрала в высокую прическу, три блестящие заколки, тонкие блинные руки и хрупкие пальчики, жемчужный блеск зубов. Все в ней было ново, свежо и прекрасно.

Событий этого дня Берт вспомнить не мог. В тот день жизнь Берта разорвалась на две части. Что было до него — было проверенным и привычным, и в какой-то мере любимым им. А что его ждало впереди?.. Когда Зейла ушла с берега и он попытался заняться колесом, чувства его были сметены окончательно. Внутренне он метался, мучился, представлял себя то в прошлой жизни, то в будущей. То он видел себя в лодке, скользящей по бесконечным каналам солнечным днем, и широкие пустынные земли спокойно лежали по сторонам, то он скрывался в своей каюте, когда внезапно налетала пылевая буря, приносящая мириады мельчайших песчинок, забирающихся во все щели. Вот он снова лудильщик, бродяга, знакомится с новыми марсианами. Он может продолжать жить такой жизнью, если... если не свяжет себя с Зейлой. И тут же он понимал, что теперь старой жизни, душевного покоя и равновесия уже не будет. Зейлу забыть ему не удастся. Перед его мысленным взором навечно останется Зейла: улыбающаяся, играющая с маленькими детишками сестры, идущая, сидящая, стоящая, просто Зейла. Теперь все мечты его были связаны с ней. Они захватывали его, как он ни сопротивлялся, они зсыплись в его сознании помимо его воли. Он как наяву ощущал тепло ее тела, лежащего рядом, мягкость кожи, он представлял, как, словно гибкий стебелек, возьмется на руки ее легкое тело, он чувствовал на себе ее ласкающую руку. И в душе наступал покой, в сердце разливалась радость.

Вечером, поужинав, он не остался поболтать в их компании, а спустился на берег и скрылся на катере. Из-за угла каюты он смотрел на нее, и ему казалось, что она видит все, что происходит внутри него, и знает о нем даже больше, чем он сам. В ней чувствовалось внутреннее напряжение, но она не сделала ему никакого знака, не посмотрела в его сторону. Он не знал, хочется ли ему, чтобы она последовала за ним на катер, или он боится этого. Она не пришла.

Стемнело, пока он сидел на корме, не чувствуя, что за воротник залез холод марсианской ночи. Через некоторое время, стряхнув с себя оцепенение, он поднялся, оттолкнулся. Тусклый свет Фобоса заливал поля и бесплодную пустыню вокруг них. Полуразрушенная башня отбрасывала уродливую темную тень.

Берт стоял на палубе и смотрел в бездонную чернь, туда, где был когда-то его дом. Марс стал клеткой, где он вынужден жить, но которой не удастся приласкать и приручить его, так же как и вывести из себя нарочитой жестокостью. Берт был верен Земле, ее памяти, ее приметам. Он считал, что ему было бы лучше погибнуть вместе с ней, когда горели горы и океаны Земли, и стало бы одной пылинкой больше среди миллионов их, несущихся во тьме бесконечной ночи. Теперешнее его существование нельзя считать жизнью, которую стоит прожить. Это можно назвать лишь уступкой злой судьбе.

Он взглянул на небо, надеясь увидеть хотя бы один из астероидов, когда-то бывших частью любимой матери-Земли. Он должен быть среди множества сверкающих точек...

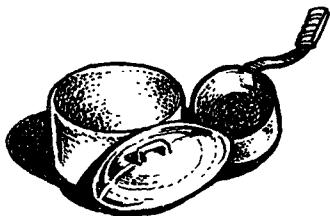
Внезапно на Берта нахлынула ледяная волна одиночества, опустошая его душу и мозг. Берт поднял сжатые кулаки высоко над головой и долго тряс ими в бессильной ярости перед далекими звездами, проклиная их, а по щекам катились слезы...

Когда замолк шум двигателя удаляющегося катера, на берег снова опустилась тишина, нарушаемая лишь позвякиванием медных колокольчиков, будившим тревогу в ночи. Зейла оглянулась на мать, в глазах ее блеснули слезы.

— Уехал... — с отчаянием прошептала она.

Аника взяла ее руку и с чувством сжала.

— Он сильный. Его сила происходит от жизни, но сильнее самой жизни он не сможет стать. Он вернется, и вернется скоро, я думаю. — Она коснулась рукой волос дочери и после небольшого молчания добавила: — Когда он придет, Зейла, будь поласковее с ним. У этих землян сильное тело, но в душе они просто заблудшие дети.

Алан Берхоу

ОРНИТАНТРОПУС

Шеда разбудила его женщина.

Отбросив одеяло из мха, он втянул крылья, пока те не коснулись тростникового потолка.

— Небесный охотник умирает, — сказала она. — Нам надо уходить. У него оборвалось сердце.

— Умирает? Ты уверена?

— Посмотри сам. — Повернувшись, она стала собирать нехитрый скарб.

Выйдя наружу, он понял, что она говорила правду. По дрожанию гондолы чувствовалось, что небесный охотник при смерти. В нем вспыхнула ярость, которая скоро прошла, уступив место ощущению бессилия.

Бледно-желтое щупальце вползло в окно. Янтарный глаз на конце щупальца посмотрел на Шеда.

— Что с тобой случилось, мой могучий друг? — сочувственно спросил Шед.

Щупальце грустно обвилось вокруг его талии. Шед выглянул в окно и посмотрел вверх. Наполненный водородом пузырь, удерживающий небесного охотника в воздухе, изменил свой здоровый пурпурный цвет на грязно-коричневый с рыжими подтеками. Воздушные лопасти скрючились от боли. Хрящевидные ребра, к которым была подвешена гондола, повисли, не в силах больше держать ни ее, ни ста семерых членов клана Морской Скалы. Шестьдесят зеленых и красных рыболовных щупалец безжизненно свисали в полукилометре от раскинувшегося внизу моря. Единственное предщупальце, поприветствовавшее его, обмякло. Ему хотелось сказать что-нибудь утешительное небесному охотнику, живому дирижаблю, который на протяжении всей жизни был его домом, другом и защитником, успокоить...

— Шед!

Он повернулся к старику, стоявшему у него за спиной.

— Дедушка?

— У нас нет времени. Ты должен собираться.

— А ты?

— Ты знаешь, что мне повелевает сделать долг. Мы вместе жили — небесный охотник и я — и вместе умрем. Теперь ты станешь старейшиной. Ты знаешь, в чем заключается твоя обязанность.

Шед кивнул. Они пожали друг другу руки, и Шед посмотрел на усталое, изможденное лицо патриарха. Затем он вернулся в свою комнату. Прыгнув с гондолы, старик полетел к голове небесного охотника. Тот старался оттолкнуть его, но старик не сдавался и, собрав последние силы, держался в воздухе, глядя животное и что-то ласково говоря ему.

Шед собрал весь клан на открытой палубе и, убедившись, что все на месте, приказал своим людям лететь. Один за другим они устремились в небо, крепко прижимая к себе детей и пожитки. Они размахивали крыльями, пока не поймали воздушный поток, и, образовав ровный строй, заскользили в воздухе, охраняемые со всех сторон вооруженными мужчинами. Последним гондолу покинул Шед. Он бросился вниз головой и, расправив крылья, полетел.

Строй безмолвно летел к земле, пока Шед не решил, что они на безопасном расстоянии.

Обернувшись, он посмотрел на небесного охотника.

Теперь уже почти весь пузырь был рыжего цвета. Три водородные полости едва просматривались через некогда прозрачную кожу. Когда ветер развернул покинутое животное, Шед увидел старика, летающего рядом с головой небесного охотника. Он видел, как существо из последних сил попыталось оттолкнуть человека щупальцем. Но силы уже оставили небесного старика. Щупальце ласково прижало к себе старика. Бывшие враги, они стали братьями.

— Сейчас он покончит с собой, — сказал один из бойцов.

Едва он произнес это, как в глубине пузыря сверкнула искра. Небесного охотника охватило пламя, нежно окрасившее облака вверх

ху и зловеще озарившее море внизу. Человек, животное и гондола, объятые пламенем, упали в море.

Раскат грома донесся до клана Морской Скалы. Волна воздуха подхватила их, и, воспользовавшись этим, они молча продолжали планировать к гранитному берегу.

Стая крылатых амфибий, похожих на крошечных драконов, взлетела с рифов, издавая угрожающие звуки. Видя, что люди не обращают на них никакого внимания, они совсем распались, вереща во весь голос.

— Куда мы теперь полетим? — спросила у Шеда его женщина, когда он приблизился к ней.

— Дай мне доспехи, — сказал он, частично ответив на вопрос.

Он взял доспехи, сделанные из кожаных ремней с серебряными заклепками, и одел их на лету, затянув крепления на груди, а ножны забросив на спину. Вытащив костяной меч, он провел пальцами по отточенному лезвию.

— Летите в Звездный порт, — обратился он к своим людям. — Ждите меня там пять дней. Если к этому времени я не вернусь, значит, мне не удалось захватить небесного охотника и вы должны выбрать нового Старейшину.

Больше он ничего не сказал. А что было еще говорить?

Пожелав ему удачи, они улетели. Он провожал их взглядом, пока они не превратились в едва заметные точки на фоне голубого пред-рассветного неба. Затем поймал восходящий поток теплого воздуха, исходящий от прибрежных скал, и заскользил к берегу, сохраняя силы для грядущего испытания.

Они называли другой мир Пишкан, что на древнем языке Сиу означало «скала», и, действительно, это был мир скал, утесов, горных ущелий и пещер — гранитный мир, постоянно сотрясающийся от подземных толчков. Гул землетрясений был таким же привычным, как и шум океана. Когда колонисты впервые высадились здесь и назвали эту землю Пишкан, они бросили вызов дикой природе. Затем, после миллиона лет несбыточных мечтаний, возникших, еще когда первый человек увидел в небе орла и проникся к нему завистью, появились орнитантропусы, так как жизнь могла продолжаться только в воздухе.

Форма крыльев у людей-птиц определялась, скорее эстетикой, чем функциональной необходимостью. Крылья росли на лопатках и приводились в движение целым комплексом мышц, начинавшимся у грудной кости и через трапецевидные мускулы идущим к нижней части каждого крыла. Кости крыльев были легкими, а нижние веки закрывали глаза, защищая их от встречного ветра. Для обычных представителей человеческого рода люди-птицы были символом красоты и изящества.

Шед, относившийся к пятнадцатилетнему поколению, мало что знал об истории своего племени. Подростком он побывал в Звездном порту, и обычные люди рассказывали ему, как возникли люди-пти-

цы, но его это совсем не интересовало. Только жизнь, здоровье, небо, его женщина и небесный охотник имели для него значение.

Уже полностью рассвело, когда Шед поднялся еще выше, используя восходящие потоки воздуха, чтобы осмотреть окрестности. Примерно в километре от него, над морем, молодой небесный охотник, сверкая кровавыми рубинами на фоне изумрудных волн, ловил рыбу. Наевшись, он будет слишком сильным, чтобы его одолеть. Шед устремил взгляд на землю.

Его тонкие ноздри затрепетали, мускулы лица напряглись, глаза сузились, а блестящие черные волосы встали дыбом. Рука крепко сжала рукоятку меча.

То, что он увидел, казалось лишь точкой на горизонте, но инстинкт подсказывал ему, что это был небесный охотник, направляющийся к морю. Следовательно, он голоден и поэтому слаб.

Какое-то мгновение Шед колебался — не спуститься ли ему вниз в поисках чего-нибудь съедобного, — но затем отбросил эту мысль. Животное по запаху определит, полный у него живот или нет. Шед должен выступить против него голодным, вооруженный только мечом и защищенный лишь доспехами. Они должны быть в равных условиях, в этом заключалось настоящее мужество.

Шед осмотрелся и внимательно изучил все мельчайшие подробности земли под собой и окружающего его воздуха. Среди разнообразных камней и валунов кое-где виднелись зеленые островки растений, тянущихся к жизни несмотря на неблагоприятные условия. Шед отвел взгляд от израненной земли. Врожденный инстинкт помог ему разглядеть и запомнить все воздушные потоки, проходящие поблизости. Он видел, как теплый воздух стеной поднимается от морских утесов, исчезая высоко за облаками; увидел справа от берега сильный восходящий поток и проследил, откуда он берет начало; услышав шорох «пыльного дьявола» — смерчеподобного течения, поднимавшего вверх пузыри нагретого воздуха; увидел еще одну реку теплого воздуха от гранитных утесов слева от себя, которая опасно извивалась среди зазубренных скал; заметил массу неподвижного воздуха прямо перед собой, колышавшуюся под дуновением бриза.

Трудно было найти лучшее место для встречи с небесным охотником.

Охотник не сможет отступить назад или обойти его слева — ему помешают скалы. Охотнику остается только три пути справа от него, над ним и через него.

Ничего не подозревавшее животное приближалось. Шеду поразили размеры небесного охотника — таких он еще никогда не встречал.

Огромный пузырь, отливающий малиновым цветом, был не менее орока метров в ширину и ста метров в длину. Три водородные полотна увеличивались и уменьшались, когда, почувствовав дуновение риза, животное выбирало подходящую подъемную силу. Шестнадцать воздушных лопастей — по восемь с каждой стороны — разверну-

лись назад, обнажая мощные черные мембраны, чтобы создать нужную тягу. Рыболовные щупальца свернулись под хрящевидными ребрами, защищающими живот от прыгучих морских хищников. Предщупальце с ядовитыми отростками, покачивающееся над пузырем, охраняло животное от нападения сверху. Глаза охотника — два озера жидкого янтаря, в котором сужались и расширялись черные зрачки, — светились интеллектом. Сердце Шеда забилося от страха и восторга.

Он завис на пути чудовища.

— Эй, небесный охотник! Я пришел, чтобы приручить тебя для создания братского союза между нами или умереть в бою.

Глаза животного посмотрели на Шеда.

Предщупальце ринулось к нему.

Выхватив меч, Шед принялся со свистом рассекать перед собой воздух. Этому он был обучен еще с детских лет. Шед хотел показать охотнику, что мог бы разрубить его щупальце пополам, но не пожелал этого сделать.

Щупальце вернулось на свое место. Небесный охотник смотрел на Шеда непроницаемым взглядом. Затем в его глазах что-то мелькнуло. Животное двигалось.

Сначала Шеду показалось, что оно отступает, и эта мысль поразила его. Он никогда не видел и не слышал, что небесный охотник уходил от поединка, особенно с таким маленьким противником, как человек. До его ушей донесся чавкающий звук. Животное увеличивало свою подъемную силу. Оно намеревалось пролететь над ним.

Шед взмахнул крыльями в почти неподвижном воздухе и стал подниматься вверх. Небесное чудовище, лениво вращая лопастями, поднималось одновременно с ним.

Они поднимались все выше и выше, пока облака не оказались внизу. Выдыхаемый Шедом воздух тут же превращался в пар. Кристаллики льда блестели в солнечных лучах. Щупальце снова ринулось в бой, но Шед не выпускал из рук меча.

— Эй, тебе придется придумать что-нибудь получше, гигант-великан!

С глухим сипением животное стало спускаться, когда его водородные полости остыли. Шед спускался на одном уровне с ним.

Облака снова оказались над ними. Воздух стал теплее.

Шед взмахнул крыльями, чтобы притормозить снижение, и с удовольствием отметил, что небесный охотник опускается все быстрее и быстрее. Шед резко затормозил.

Не может быть! Небесный охотник падал на землю. По спине у Шеда пробежал холодок.

Животное действительно падало на усеянную камнями землю. Человек-птица потрясенно смотрел, как оно рухнуло на поверхность, едва не задев острый край скалы. Малиновый пузырь содрогнулся и, казалось, вот-вот лопнет. Оттолкнувшись от земли, охотник взвился в воздух.

Шед готов был рассмеяться от облегчения, но у него не было времени — с невероятной скоростью чудовище несло прямо на него. Шед в отчаянии замахал крыльями, пытаясь отлететь в сторону. Охотник пронесся рядом. Предшупальце промахнулось, но одно из рыболовных щупалец коснулось его левой ноги. Шед закричал от боли.

Но человек-птица стал упрямо догонять небесного охотника, пока тот не остановился на высоте четырехсот метров. Он посмотрел на свою ногу. На лодыжке набухал синий рубец.

— Эге-гей! — крикнул он, делая мечом традиционный жест восхищения смелостью противника. Небесный охотник точно скопировал жест своим предшупальцем.

Они висели друг против друга.

Очевидно, теперь небесный охотник понял, что ему придется вступить в бой с Шедом. Каждый из них должен показать свою силу и смелость. И пока они будут сражаться, возможно, между ними возникнет согласие.

Огромные глаза животного внезапно посмотрели в сторону.

Шед обернулся.

На него смотрели семь вооруженных мужчин.

Их крылья слегка подрагивали, на груди у каждого висел антиграв. В руках они сжимали мечи, сделанные из самого крепкого сплава металлов. Их доспехи были украшены узорами и побрякушками.

Фанги! Шед вспомнил, как впервые увидел их, когда летал на Звездную базу. Сколько историй рассказывали об их жестоких нравах! Хотя они и считались адаптированными формами, фанги все же предпочитали жить в плавучем городе, покидая его лишь для грабежей и убийств.

Один из фангов, повертев диск антиграва, завис метрах в десяти над Шедом, глядя то на воина, то на небесного охотника.

— Меня зовут Гарп! — заявил он.

— И что из этого? — Шед демонстративно провел пальцем по острию меча. Оглянувшись, Шед бросил взгляд на животное. Оно не предпринимало никаких действий, неподвижно зависнув в воздухе. Но Шед заметил, что небесный охотник напряжен.

— Я — главарь банды. — Его тело с выпирающим животом было покрыто искусственным загаром, а голова полностью выбрита. Шед подумал, что он напоминал Будду — возможно, у обычных людей, которых фанги всегда копировали, в моде были древние религии. Неадаптированные формы всегда делали статуи своих богов.

— Тогда уведи отсюда своих людей, если их так можно назвать. Ты должен знать, что никто не имеет права вмешиваться в поединок с небесным охотником. Уходите отсюда!

Гарп расхохотался.

— Мы проделали такой длинный путь, чтобы повстречаться с тобой. Вен, — он указал рукой на одного из фангов, который при этом

насмешливо склонил выбритую голову, — увидел твоих людей, когда они прилетели на Звездную базу, и подслушал их разговор. — Теперь Гарп потрогал пальцем лезвие своего меча. — Делать нам было нечего, и мы решили лететь сюда, чтобы помочь тебе. Вы — дети природы, и мы подумали, что тебе было бы неплохо заручиться мощью цивилизации в борьбе с этим чудовищем. — Он перевел взгляд на небесного охотника. — Никогда не видел, как такая штука убивает человека, — вкрадчивым голосом добавил он. Посмотрев на свой меч, Гарп крикнул: — Вен!

— Да?

— Трое останутся со мной. Бери двух остальных, и зайдите этой штуке в тыл, чтобы она не смылась.

— Ясно. — Покрутив диски антигравов, все трое заняли указанную позицию.

— А теперь ты. — Гарп посмотрел на Шеда.

Человек-птица почувствовал, как от ярости у него сжались зубы.

— Мой богатый опыт подсказывает, что даже самого отважного бойца надо немного подтолкнуть в нужном направлении. Мы следили, как ты бился с этой штукой, и, по нашему общему мнению, ты слишком далеко держишься от нее. Так, ребята?

Троица за его спиной хором ответила:

— Так!

— Поэтому мы решили придать тебе мужества. — Гарп подождал, пока люди поравнялись с ним, и, держа перед собой меч, полетел к Шеду. Сложив крылья, Шед упал. Затем, сделав несколько мощных взмахов, снова набрал высоту. Один из фангов устанавливал антиграв на снижение, и Шед нанес ему удар по незащищенной голове. Он почувствовал, как хрустнул череп врага. Фанг взвыл от боли.

Шед замахнулся на второго фанга, и меч прошел в миллиметре от лица противника.

Гарп заскрежетал зубами от ярости.

— Убейте его! — приказал он.

Но два фанга и так уже летели на Шеда.

Тот отпарировал удар меча первого фанга, уклонился от второго и стал искать взглядом Гарпа. То оказался более ловким бойцом, чем сначала показалось Шеду. Держа в вытянутой руке меч, Гарп крутил диск антигравы, молниеносно перемещаясь то вверх, то вниз. Шед беспомощно размахивал мечом, в то время как Гарп и два фанга по бокам теснили его к небесному охотнику.

— Вен! — закричал Гарп. — Толкайте эту тушу сюда!

Шед оглянулся. Вен и его товарищи гнали животное прямо на него. Он не столько боялся небесного охотника, — хотя знал, какая участь ему уготована, — сколько опасался, что своими мечами фанги искалечат животное. Оно неистово сопротивлялось, размахивая рыболовными щупальцами. Ядовитое предщупальце изготовилось для удара. Постоянно меняя положение лопастей, охотник не давал воз-

возможности нападающим предугадать следующее направление его атаки. Но все равно шансов на победу у небесного охотника не было. Шед знал, что существо скорее покончит с собой, чем признает поражение.

Шед пытался найти выход их положения, но фанги наседали со всех сторон. Ему все труднее было удержать равновесие в воздухе. Мышцы болели, и он впервые позавидовал той мощи, которую давал антиграв, глядя, как нападающие приближаются к нему. Шед парировал удар сверху и почувствовал, как треснуло лезвие меча. Шед сделал выпад в сторону Гарпа, и главарь мощным ударом сломал меч человека-птицы. Вне себя от ярости Шед бросился вперед, заставив обидчиков отступить. Но это длилось недолго, и троица, перегруппировавшись, устремилась на Шеду.

Ветер переменялся, и человек-птица заметил, как нисходящий поток окутал фангов. Взмахнув крыльями, он оказался над ними. Ругаясь от злости, фанги подкрутили диски антигравов и снова бросились на него.

Воспользовавшись замешательством своих врагов, Шед дал отдых мышцам. Он был удивлен. Неужели фанги не заметили воздушного потока? Как можно было его не увидеть? Шед знал, что, как бы ты ни был занят, надо обязательно следить за перемещением воздуха. Иначе ты не сможешь летать.

Гарп и двое других фангов снова набросились на него. Обломком меча Шеду удалось поцарапать бронзовый живот Гарпа, и тот отлетел назад.

Шед видел, как от земли поднимается теплый воздух. Сложив крылья, он подпрыгнул под фангом. Те опустились, готовые броситься в бой, но поток теплого воздуха поднял их вверх.

Они не видели!

Теперь Шед понял, что у него есть шанс победить. Эти люди, хотя и проводили всю свою жизнь в воздухе, на самом деле не умели летать. Их крылья служили лишь стабилизаторами, а полет осуществлялся при помощи антиграва. Не нуждаясь в воздушных течениях, они просто не замечали их. Они были слепы!

Шед снова нырнул. Сделав в воздухе петлю, он пролетел под щупальцами небесного охотника. Подкрутив диски антигравов, фанги бросились за ним в погоню.

— Вен! — закричал Гарп.

Вен посмотрел вниз и вместе с остальными полетел за Шедом. Вшестером фанги гнались за человеком-птицей.

Повернув налево, Шед полетел к морским утесам.

Когда его преследователи были совсем близко, он посмотрел на утесы и на смерчобразные потоки воздуха, поднимающиеся от нагретых камней. Инстинкт подсказывал ему держаться подальше от этого места.

Но Шед смело нырнул в слой движущейся массы воздуха. Фанги,

подкрутив диски антигравов, следовали за ним. В пяти метрах под собой Шед увидел Вена, который приближался к нему со зловещей улыбкой на губах.

Когда они подлетели к вершине утеса, Вен поравнялся с человеком-птицей. Поток воздуха пронес Шеду над острой вершиной. Одной рукой управляя антигравом, Вен бросился на Шеду.

Обломком меча Шед парировал его удар. Когда Вен замахнулся во второй раз, Шед поднырнул под фанга и ударил его в незащищенный живот. Из раны хлынула кровь, и взывший от боли Вен закрутился в воздухе, поддерживаемый антигравом.

Второму нападающему повезло. Мощным ударом он перерубил остатки меча Шеду у самой рукоятки. Шед бросил ее в лицо фангу.

Издав победный клич, Гарп бросился в наступление.

— Умри, несчастный... — заорал он, взмахнув мечом. В его глазах светилась ненависть.

Но удар не достиг цели.

Оба они находились с другой стороны утеса.

Шед видел, как поток воздуха огибал выступ утеса и резко направлялся вниз. Он и раньше видел такие коварные течения издали, но ни один человек-птица не отваживался подлететь к скалам с подветренной стороны.

Порыв ветра подхватил его и Гарпа, швырнув вниз на зазубренные края рифов. Гарп завыл и выпустил из рук свой меч, который вонзился в летящего под ним фанга. Все фанги судорожно крутили диски своих антигравов. Но ветер играл ими, как щепками. Нисходящий поток был слишком сильным, чтобы механизмы антигравов могли справиться с ним.

Шед не старался противиться мощному потоку воздуха. Прижав руки к телу, он вытянул ноги и сложил усталые крылья под таким углом, чтобы, скользя, выбраться из потока.

Он прикрыл глаза нижними веками, защищая их от порывов ветра, и теперь видел все в розовых тонах.

Первым на острые рифы упал Вен. Двое остальных ударились о камни у самого основания утеса. Ветер доносил звуки ударов и вопли фангов, когда те были уже мертвыми. Четвертый фанг упал в мелкое озеро, подняв пенистый столб брызг. Пятому удалось секундой дольше продержаться в воздухе, но и его тело разбилось об острые рифы. Его предсмертный крик долго еще разносился эхом.

Гарп скопировал форму крыла Шеду и отчаянно крутил диск антигравов, пытаясь вырваться из коварного воздушного потока. Но было уже слишком поздно. Голова поклонника Будды отлетела в сторону, когда его швырнуло на зубчатый выступ вулканического стекла.

Земля неумолимо приближалась, и Шеду охватила паника.

Но через секунду он вылетел из потока, и теплая волна воздуха понесла его вверх. Расправив крылья, он стремительно взмыл в голубое небо.

Открыв нижние веки, Шед посмотрел вниз. Изуродованные тела фангов валялись на камнях. Один из антигравов, отцпившийся каким-то образом от своего владельца, парил в воздухе, а затем полетел в сторону базы.

Небесный охотник был там, где он его оставил.

Стоило ли теперь мериться с ним силами?

Безоружный человек-птица направился к животному.

Небесный охотник, как и Шед, был измучен схваткой. Причина, по которой он не улетел в море, была только одна — он ждал его. «Возможно, охотник заманивает меня, — подумал Шед. — Чувство мести присуще не только людям».

Уменьшая скорость, он сделал круг над головой гиганта.

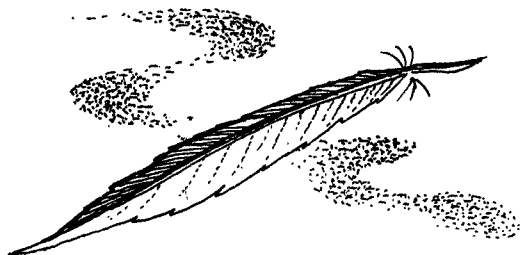
Янтарные глаза следили за его движениями.

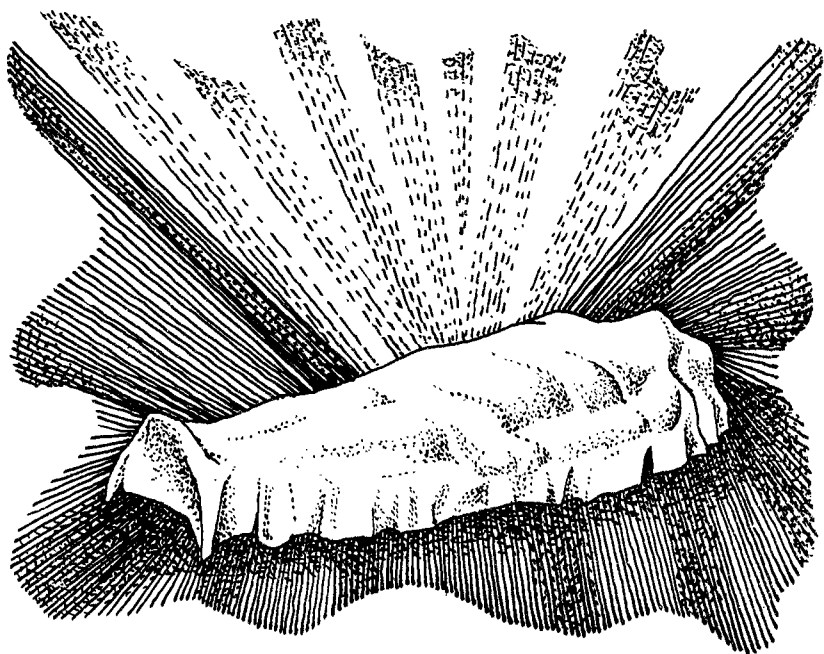
Медленно и осторожно к нему потянулось щупальце. Шед остался на месте. Глаз на щупальце открылся, и оно коснулось его руки.

Ядовитые шипы были спрятаны. Прикосновение было мягким и нежным.

Засмеявшись, Шед обнял щупальце, и небесный охотник обвил его тело.

Животное посадило Шеду на пузырь, где он мог отдохнуть. Кожа была горячей, но Шед не обращал на это внимания. Он снова засмеялся. Чудовище радостно замахало щупальцами. Осмелевшие драконы-амфибии верещали, когда они поплыли по небу. Бывшие враги, они стали братьями.

Генри Слизар

ЧУДОДЕЙСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО

Оказывало ли свое действие назначенное лекарство? Конечно. Но в чем оно заключалось?

— Ради бога, доктор, скажите мне правду! — срывающимся голосом произнесла Паула. — Весь этот год я постоянно окружена какими-то намеками и двусмысленностями, и с меня хватит.

Перед тем, как ответить, Бернштейн приоткрыл дверь белого цвета. Сумерки отбрасывали тени на простыни, под которыми лежало неподвижное тело. Он взял за руку молодую женщину и увлек ее в выложенный плитками коридор.

— По всем признакам он находится в стадии медленного умирания, — доверительно сказал он. — Мы никогда не вводили вас в заблуждение, миссис Хиллз. Это не в правилах нашей медицинской этики. Я всегда считал вас женщиной, способной оставаться хладнокровной и здравомыслящей в самых безнадежных ситуациях.

— Я была здравомыслящей, — горько ответила Паула. Они оста-

новились перед дверью рабочего кабинета Бернштейна. — Но вы пригласили меня поговорить об этом лекарстве...

— Это было необходимо. Синоплин не может быть прописан без согласия самого больного, а так как ваш муж находится в состоянии комы в течение четырех суток...

Он открыл дверь, жестом приглашая ее зайти. Поколебавшись какое-то время, она вошла. Бернштейн занял место за своим столом, загроможденным разными бумагами, и ждал, пока она сядет лицом к нему. Его угрюмый взгляд сохранял напряженность. Он снял телефонную трубку, затем в задумчивости положил ее обратно, переложил несколько бумаг с места на место и наконец сцепил пальцы рук.

— Синоплин — очень специфический препарат, — сказал он. — Он еще не апробирован должным образом. Вы, наверное, слышали самые противоречивые мнения.

— Нет, — прошептала она. — Меня ведь не волновала подобная тема, а с момента трагедии с Энди меня вообще ничего не интересует.

— Во всяком случае, вы пока единственная клиентка, решившаяся на подобное лечение своего мужа. Как я вам уже говорил, это особенный препарат, но — учитывая состояние вашего супруга, он не причинит ему вреда.

— Но... сможет ли он хоть насколько-нибудь облегчить его участь?

— Да. — вздохнул Бернштейн. — Но в этом-то и заключается предмет противоречий, связанных с этим лекарством.

Он напевал веселый мотивчик, испытывая благостный душевный подъем, в то время как холодная озерная вода лениво омывала пальцы его рук, и он медленно плыл, плыл под склоненными ивами. Руки Паулы осторожно гладили веки его закрытых глаз, и он чувствовал ее присутствие рядом. Потом он брал ее ладони и клал себе на грудь. Как бы окончательно скинув с себя оцепенение, широко открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что лодка была кроватью, вода — дождем, который барабанил в оконное стекло, и что плакучие ивы были ничем иным, как тенями,двигающимися по стене. Только руки Паулы были настоящими. Такими осязаемыми и нежными.

Он улыбался ей:

— Странно, в течение одной минуты я видел себя плывущим по озеру Фингер. Ты помнишь ту ночь, лодку, колыхающуюся на волнах? Я никогда не забуду твое платье, твое радостное выражение лица.

— Энди, — мягко сказала она, — Энди, ты знаешь, что было до твоего пробуждения?

Он почесал в затылке:

— Мне кажется, что мгновение назад здесь был врач. Он сказал

что-нибудь обнадеживающее? После того, как меня несколько раз оперировали...

— Это было одно лекарство, Энди. Ты не помнишь совсем ничего? Они использовали это новое чудодейственное средство — синоплин. Доктор Берстайн говорил тебе о нем, что надо попробовать это средство.

— О! Да, конечно, я припоминаю.

Без каких-либо усилий он сел в кровати, как будто проделывал это ежедневно. Взял сигарету с тумбочки и зажег ее. В течение некоторого времени он курил, о чем-то размышляя, затем вспомнил, что в течение восьми месяцев находился в неподвижном состоянии. Быстрыми, резкими движениями он ощупал свое тело.

— Боже милостивый, я был закован в «корсет», — сказал он ошеломленно. — И ничего больше нельзя было сделать?

— Корсет уже сняли, — сказала Паула со слезами на глазах. — Ох, Энди, его сняли. Он тебе больше не нужен. Ты выздоровел, полностью выздоровел. Это чудо!

— Чудо...

Она порывисто заключила его в объятия. Они не обнимались с тех пор, как он получил в катастрофе множественные переломы позвоночника. Тогда ему было 22 года.

Спустя три дня он покинул больницу. После многих месяцев, которые он провел в обществе тихих людей, всегда одетых в белос, город показался ему наполненным ужасным грохотом и треском, как будто здесь царствовал разноцветный карнавал. За всю жизнь Энди никогда еще не чувствовал себя так хорошо. Ему не терпелось испытать силу своих мышц. Он выслушал от Бернстайна все рекомендации и наставления относительно отдыха, но уже через неделю после выписки был на теннисном корте.

Энди всегда принадлежал к азартным игрокам, но недостаточная гибкость рук и плохая игра у сетки делали его прежде похожим на любителя, честно отрабатывающего свое время. Сейчас это был настоящий демон на корте. Ни один мяч не ускользал от его разящей ракетки. Он и сам был не в меньшей степени удивлен точностью своих подач и продуманной игрой с лета.

Паула, которая была чемпионкой своего колледжа в младшей группе, не смогла сдержать его натиска. Смеясь, она покинула корт и наблюдала, как он противостоял одному профессионалу. Энди выиграл подряд три сета с одинаковым счетом 6:0, 6:0, 6:0. Тогда он понял, что произошло нечто магическое, превышающее возможности медицины.

Возбужденные, как дети, они возвращались домой, наперебой обсуждая происходящее. До того трагического случая Энди служил в одной коммерческой фирме, где буквально умирал со скуки. Теперь он всерьез начал подумывать о карьере теннисного игрока.

Чтобы окончательно убедиться в том, что его волшебная игра не был иллюзией, на следующий же день они снова пришли в клуб. На

этот раз против него выступал один из экс-чемпионов Кубка Дэвиса. Энди победил и, замирая от радости, понял, что все происходящее было реальностью.

В ту ночь, обнимая Паулу и глядя ее длинные каштановые волосы, он сказал:

— Нет, Паула, мы заблуждаемся. Этот образ жизни не для меня. Он не захватывает меня, как игра.

— Как игра? — переспросила она насмешливым тоном. Забавное суждение будущего чемпиона.

— Нет, я серьезно! У меня нет намерения оставаться на прежней работе. То, чем я занят, не удовлетворяет больше мои амбиции. В действительности, я мечтаю о том, чтобы вновь заняться живописью.

— Живописью? Но ты не занимался этим со времени учебы в колледже. Ты веришь, что мог бы начать это снова?

— Ты сама говорила, что я всегда умел отстаивать свои интересы. Меня больше привлекают иллюстрации для коммерческих изданий, нежели просто изображение кипящего котелка. А затем, когда мы рассчитаемся со всеми долгами, я бы хотел написать несколько вещей и для себя.

— Только не стань вторым Гогеном! Не покидай жену и семью ради таитянской идиллии.

— Какую семью?

Она молча отодвинулась от него, встала и пошла опорожнить поддувало камина. Когда она вернулась, его глаза блестели от огня и радости услышанного.

В сентябре родился Эндрю Хиллз-младший. Два года спустя маленькая Дениза заняла освободившееся место в колыбели. Примерно в то же время подпись Эндрю Хиллза появилась на обложках наиболее известных американских ежедневников, что особенно способствовало их популярности среди населения. Слава, которой он пользовался как чемпион любительского тенниса, увеличивала его престиж художника-оформителя.

Ко времени, когда Эндрю-младшему исполнилось три года, Эндрю-старший пережил свой наибольший художественный триумф. Это было связано не столько с оформительской деятельностью в «Сатердэй Ивнинг Пост», но, в первую очередь, с салонами музея Современного искусства. Его первая выставка произвела подлинный фурор и получила такой поток хвалебных отзывов, что «Нью-Йорк Таймс» пометила об этом статью на первой странице. В тот же вечер чета Хиллзов устроила у себя прием для лучших друзей. Провели шуточную церемонию сожжения обложек с его именем, пепел от которых

аккуратно складывали в специальную урну, которую Паула раздобыла по этому случаю.

Месяц спустя они подписали бумаги, благодаря которым в их личную собственность передавался большой дом в Вестчестере, с отдельной студией, выполненный, в основном, из стекла, и только отдаленно напоминавший их прежнее жилище.

Энди было тридцать пять, когда он принял решение улучшить политическую ситуацию в своем городе. Его художественное и спортивное реноме позволили ему быстро войти в политические круги. Сначала сама идея баллотироваться на выборах несколько пугала его, но когда избирательная кампания началась, он уже не мог умирить энтузиазма. Он легко выиграл первый тур и прошел в муниципальный совет. Это был незначительный пост, но Энди имел честолюбивые планы в масштабах всей страны. В течение последующего года ему наносили визиты влиятельные лица из различных политических кругов. На сенатских выборах летом этого года его имя значилось в списках для голосования. В 40 лет Эндрю Хиллз был избран сенатором.

Весной того же года Паула и он провели месяц в Акапулько, в очаровательном бунгало, стоявшем в прохладной тени гор, с видом на залив. Энди продолжал разговор об их будущем.

— Я знаю, чего хочет от меня партия, — говорил он жене. — Но кресло президента пока не для меня, Паула.

В то лето Азиатский союз, приостановив бесконечные разговоры о мире, предпринял атаку на границе с Аляской. Энди был назначен командующим. Его отвага и смелость в этой акции превзошла все ожидания. За решительные действия по возвращению в прежнее владение Шактолика он был удостоен поста в штабе Верховного Главнокомандования Объединенными Вооруженными Силами.

К концу первого года войны он носил уже две серебряные звезды, и ему доверили представлять объединенные силы на переговорах в Фокс Айленде на Алеутских островах. Здесь Энди не выказывал особого дипломатического «аристократизма», тем не менее американские общественные и политические круги высоко оценили эту миссию, что позволило ему в следующем году занять место в Белом Доме. Это был небывалый триумф в политической истории.

Энди было пятьдесят, когда он покинул Вашингтон, но впереди его ждала более грандиозная победа. Ему было уготована должность первого секретаря Всемирного Совета Мира, где он проявил выдающиеся способности находить компромисс в различных идеологических противоборствах.

В шестьдесят четыре Эндрю Хиллз был избран Президентом своего народа и занимал этот пост до семидесяти пяти лет, когда добровольно ушел в отставку. Всегда активный и целеустремленный, способный мастерски сыграть партию в теннис или создать художест-

венный шедевр, что вызывало восхищение в аристократической среде, он возвратился с Паулой домой в Акапулько.

Ему исполнилось восемьдесят шесть, и жизненные заботы стали для него слишком тяжелой ношей. Эндрю-младший с четырьмя маленькими детьми и Дениза со своими очаровательными близнецами навестили его незадолго до того, как он слег в больницу.

— Но что же совершило лекарство? — спросила Паула. — Он выздоровеет? Я имею право знать!

Доктор Бернштейн нахмурил брови.

— На это трудно ответить сразу. Препарат не обладает выраженным лечебным воздействием. Последнее может сравниться, разве что, с гипнотическим влиянием, но его конечный эффект весьма специфичен. Это лекарство провоцирует мечту.

— Мечту?

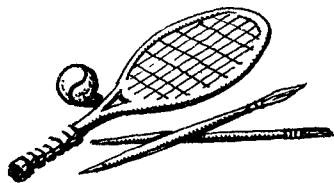
— Да. Невероятно продолжительную, во всем ее многообразии мечту, которая полностью соответствует желаниям больного и которую он осуществляет, проживая насыщенную жизнь до глубокой старости. Можно сказать, что это, своего рода, наркотик, но самый гуманный из всех известных.

Паула неотрывно смотрела на старого человека, лежащего в постели. Рука ее мужа делала медленные движения поверх простыни, как бы что-то нашаривая.

— Энди, — выдохнула она. — Энди, дорогой...

Больной, который еще находился под действием лекарства, слабо сжал ее руку.

— Паула, — прошептал он, — попрощайся за меня с детьми.

Норман Спинрад

ТРАВА ВРЕМЕНИ

Вот он я, крупинка интеллекта, представляющая мое сознание, существующее где-то вне пространства и времени. Объективное время моего существования — это сто десять лет, хотя с моей точки зрения я бессмертен — сознание моего я никогда не угаснет. Я младенец, ребенок, юноша, наконец старик, умирающий среди белизны чистых простыней. Я — все равно периоды моей жизни, всегда буду этими периодами и всегда был ими в месте, где находится мой интеллект, в вечном мгновении, оторванном от времени.

Век и десять лет — вот моя вечность. Жизнь моя, как биография, описанная в книге: неизменная, невозмутимая, постоянная в своей продолжительности и неограниченная в существовании. Я рождаюсь 3 апреля 2040 года, умираю 2 декабря 2150. Все события, заключенные между этими датами, происходят одновременно, можно сказать,

я переживаю их снова и снова до бесконечности. Однако это неправда, потому что я проживаю все мгновения своих ста десяти лет одновременно и раз и навсегда... Как же я могу рассказать свою историю? Как могу сделать ее понятной? Наш общий язык основан на понятии времени, которое различно для нас...

Для меня не существует то время, как его понимаете вы. Я не двигаюсь минута за минуту: как слепец, ошупывающий дорогу по туннелю, я нахожусь одновременно во всех точках этого туннеля, а глаза мои широко открыты. Время для меня то, чем является для вас пространство — среда, в которой я могу двигаться более чем в одном направлении.

Как это объяснить? Как передать, чтобы вы поняли? Все мы — люди, рожденные женщинами, хотя с другой стороны у вас со мной не более общего, чем с обезьяной или амебой. Но должен же я как-то вам это рассказать!

Для меня уже слишком поздно и будет то же; я попал в ловушку этого вечного ада и не смогу из нее вырваться, даже в смерть. Моя жизнь неизменна и невозмутима, поскольку я ел темпо — траву времени. Но вы этого не делайте! Послушайте меня! Поймите! Никогда не ешьте травы времени! Постараюсь вам это как-нибудь по-своему объяснить. Нет смысла начинать сначала, потому что нет ни начала, ни конца, есть только важные точки в пространстве-времени, и я опишу их вам. Может, тогда вы поймете...

8 сентября 2050 года. Мне десять лет. Я сижу в кабинете доктора Фиппса, директора психиатрической клиники, где нахожусь с восьми лет. 12 июля они наконец поняли, что я не сумасшедший. Поняли только это, но и этого достаточно, чтобы меня выпустили. Однако 8 сентября я все еще пациент психиатрической клиники.

8 сентября 2050 года — день возвращения первой экспедиции на Тау Кита. Возвращение транслируется, и потому я сижу перед телевизором в кабинете доктора Фиппса. Именно экспедиция на Тау Кита явилась причиной моего пребывания в клинике. Я болтаю о ней уже десять лет, требуя, чтобы корабль подвергли карантину, чтобы образцы растений, которые он привез, уничтожили, не допуская высадки их в почву Земли. Почти всю мою жизнь это считали признаком шизофрении, поскольку до 12 июля корабль еще не отправился к Тау Кита, а только сегодня должен вернуться.

И вот пришло 8 сентября 2050 года. Пришел день, о котором я говорил, покинув лоно матери. Пришел, и потому я сижу насдине с доктором Фиппсом, пока на экране телевизора появляется изображение корабля, опускающегося на обширную бетонную плиту.

Зная, что это ничего не изменит, я крикнул:

— Объясните им! Остановите! Доктор, остановите их!

Доктор Фиппс смотрит на меня с интересом. Его маленькие голубые глаза выражают одновременно жалость, смущение и страх. Ему хорошо знаком мой случай. На его столе возле переносного телевизора лежит пухлая папка с моей историей болезни, заполненная сотнями отчетов о терапевтических осмотрах. На каждой из этих бумажек упоминается дата 8 сентября 2050 года. Я постоянно повторяю одну и ту же историю. Корабль к Тау Кита стартует 12 июля 2048 года, вернется на Землю 8 сентября 2050 года... Экспедиция обнаружит, что вокруг Тау Кита вращается двенадцать планет, но лишь пятая похожа на Землю и имеет флору и фауну... Экспедиция доставит на Землю образцы растения с широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветами. Его назовут *tempis ceti*, однако в основном оно будет известно как темпо... и прежде чем его свойства будут изучены, семена распространятся, будут засеяны по всей Земле и взойдут. Через некоторое время люди начнут есть листья темпо, изменятся и станут говорить о будущем, из-за чего их будут считать безумцами до тех пор, пока не начнут сбываться предсказания. Тогда растение будет сочтено опасным наркотиком, употребление его станет преступлением, но, как обычно с запретным плодом, люди будут продолжать есть его, и в конце концов темпоманы станут самыми важными из преступников Земли. Правительства будут пытаться вырвать из их измученных разумов тайны будущего.

Все это можно найти в истории моей болезни, которую доктор Фиппс так хорошо знает. Восемь лет он считал это удивительно логичной психоиллюзией. Но сегодня 8 сентября 2050 года, и — как я предсказывал — корабль с Тау Кита вернулся. Доктор Фиппс бесстрастно смотрит на меня, а тем временем к кораблю подводят трап, и команда выходит. Я вижу, как челюсти его судорожно стискиваются, когда журналисты окружают капитана, высокого и худого мужчину, несущего небольшой мешочек.

Капитан качает головой, смущенный назойливостью репортеров.

— Позвольте сначала сделать краткое сообщение, — жестоко говорит он.

Бледное и худое лицо капитана заполняет экран телевизора.

— Экспедиция удалась, — говорит он. — Мы установили, что система Тау Кита состоит из двенадцати планет. Пятая похожа на Землю, и там мы нашли растительную и животную жизнь. Очень необычную животную жизнь...

— Что вы понимаете под словом «необычный»? — выкрикивает один из журналистов.

Капитан хмурится и пожимает плечами.

— Прежде всего, животные эти питаются только одной разновидностью травы, доминирующей в тамошней флоре. Хищников на планете нет, и легко понять почему. Не знаю, как объяснить это поточнее, но похоже, каждое животное заранее знает, что сделают другие жи-

вотные. Ну и, конечно, что сделаем мы. Мы считаем, что это как-то связано с растениями, которые они едят. Думаю, каким-то странным образом они влияют на их чувство времени.

— Почему вы так считаете? — спрашивает один из репортеров.

— Мы накормили этими листьями наших лабораторных животных, и случилось странное. Стало почти невозможно коснуться их. Поэтому доктор Ломинов назвал растение *tempis ceti*.

— Как выглядит это растение? — спрашивает другой репортер.

— Оно напоминает... Минуточку, у меня есть с собой образец. — Капитан лезет в мешок и что-то из него вытаскивает.

Наплыв камеры на руку капитана. Он держит растение с тонкими корнями, широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветками.

Руки доктора Фиппса начинают дрожать. Он смотрит на меня, смотрит, смотрит...

12 мая 2062 года. Я нахожусь в небольшой комнате. Можете представлять ее как больничную палату, лабораторию или тюремную камеру, поскольку она выполняет функции всех трех помещений. Я здесь уже три месяца.

Я сижу на удобном стуле, а по другую сторону стола разместился человек из безымянной разведывательной службы. На столе стоит магнитофон, катушки его вращаются. Мужчина напротив раздраженно хмурится.

— Наша тема — декабрь 2081 года, — говорит он. — Что вам известно о событиях декабря 2081 года?

Я угрюмо смотрю на него и молчу. Мне уже надоели эти люди из разведки, научные комиссии и их бесконечные вопросы.

— Послушайте, — сухо замечает мужчина. — Я знаю, что призывы к твоему не существующему патриотизму лишены смысла. Знаю я и то, что ты смеешься над тем, что твои способности могут многое значить для нашей страны. Но не забывай, что ты преступник, осужденный к пожизненному заключению. Работай с нами, и через два года освободишься. А если будешь молчать, мы продержим тебя под замком, пока не загнешься или поймешь, что единственный способ выйти отсюда — говорить. Повторяю, наша тема — декабрь 2081 года. А теперь говори!

Я вздыхаю. Бесполезно объяснять ему, что знание будущего не дает ничего, поскольку будущее изменить нельзя, потому что оно не было и не будет изменено. Эти люди не хотят понять, что выбор — просто иллюзия, основанная на факте, что пространство-время будущего укрыто от тех, кто погружен в блаженное неведение и движется с потоком времени. Они не хотят понять, что минуты прошлого ничем не отличаются от минут будущего или настоящего. Они постоян-

ны, невозмутимы и неизменны. Эти люди живут в иллюзии непрерывного времени.

Итак, я начинаю говорить о декабре 2081 года, однако знаю, что они не успокоятся, пока я не скажу всего, что знаю о годах между настоящим моментом и 2 декабря 2150 года. Я знаю, что они будут недовольны, потому что были недовольны, недовольны сейчас и будут недовольны потом.

И потому я говорю о том ужасном декабре, который наступит через девятнадцать лет...

2 декабря 2150 года. Я стар, очень стар, мне сто десять лет. Мое измученное возрастом тело лежит на белых простынях больничной койки. Мои легкие, мое сердце, моя кровеносная система — все внутренние органы больны. И лишь разум мой остается бессмертным. Разум младенца, ребенка, юноши, старика. Я умираю. После 2 декабря 2150 года мое тело перестает существовать как живой организм. Для меня время после этой даты — такая же неизвестность, как время перед 3 апреля 2040 года в обратном направлении.

В некотором смысле я умираю, а в некотором — бессмертен. Искра моего сознания не угаснет. Мой разум не имеет конца, поскольку для него нет ни конца, ни начала. Он существует мгновение, длящееся вечность и одновременно сто десять лет.

Подумайте о моей жизни, как о главе книги вечности, романа, у которого нет ни первой, ни последней страницы. Глава, содержащая мою жизнь, имеет сто десять страниц, у нее есть начало и конец, но глава существует до тех пор, пока существует книга, бесконечная книга вечности...

Или нет, представьте что моя жизнь — линейка длиной в сто десять сантиметров. Счет начинается на единице, кончается на ста десяти, но и начало, и конец относятся лишь к длине, а не ко времени существования.

Я умираю. Все время я испытываю эту агонию, но никогда не испытываю смерть. Смерть есть небытие сознания и потому не может прийти ко мне. 2 декабря 2150 года — важная дата для меня, точка пространства-времени, угрюмая стена, барьер, за которым я уже не вижу ничего. На второй стене дата 3 апреля 2040 года.

3 апреля 2040 года. Ничто вдруг кончается и начинается что-то. Я рождаюсь.

Какие впечатления сопутствуют моему рождению? Как объяснить вам это, как сказать, чтобы вы поняли? Моя жизнь, мое столетнее существование появляется внезапно, вдруг. В момент рождения я вижу минуту своей смерти и все прочие минуты, заклю-

ченные между ними. Я выхожу из лоно своей матери и смотрю на жизнь, как на картину со слишком сложным пейзажем. На нем есть все сразу. Я вижу свою обособленность, странное детство, непонимание, встретившее меня, когда я выбрался из лоно матери, говоря на чисто английском языке, искаженным лишь неразвитыми голосовыми связками.

Едва родившись, я начинаю требовать, чтобы корабль, возвращающийся с Тау Кита 8 сентября 2050 года, подвергся карантину, и знаю, что мое требование не будет выполнено, потому что оно так и осталось невыполненным. И что я не могу ничего изменить.

Я покидаю лоно своей матери, умираю среди белых простыней, сижу в кабинете доктора Фиппса, наблюдающего посадку корабля, сижу в тюрьме, рассказывая в течение двух лет о будущем, и лежу на лесной поляне, где растет трава с широкими зелеными листьями и маленькими пурпурными цветами. Я срываю это растение, ем его и знаю, что сделаю, сделал, делаю...

Покидая лоно матери, я вижу всю свою жизнь. Узор неизменных событий, нарисованных на бумаге и вечном полотне времени одновременно. Но я не только вижу ее как картину, я сам являюсь ею, будучи одновременно и художником. Я существую вне полотна, смотрю на него и — не принадлежу ему.

Я вижу неподвижное пространство-время, начавшее все это 4 марта 2060 года, изменяю его и вижу, как образ расплывается: я вижу во времени, как все прочие люди, минута за минутой, освобожденный от ада всезнания. Но изменения эти — просто иллюзия.

4 марта 2060 года. Я в лесу, возле места своего рождения, но сознание кошмара, который принес, принесет, приносит тот день, не может ничего изменить. Я делаю то, что делаю, потому что делал это и буду делать...

3 апреля я покидаю лоно матери: младенец, ребенок, юноша, старик в тюремной камере и в психиатрической клинике, умирающий среди белизны чистых простыней.

4 марта 2060 года. Мне двадцать лет, и я на лесной поляне, передо мной небольшое растение с широкими зелеными листьями и пурпурными цветами. Это темпо — трава времени, которая преследует меня — преследовала и будет преследовать бесконечно. Я знаю, что делаю, делал и буду делать, потому что делаю то, что делал и буду делать.

Как объяснить вам это, как сказать, чтобы вы поняли, что минута эта неизменна и неизбежна? Хотя я и знаю, знал и буду знать об ужасных последствиях, изменить ничего не могу.

Языка здесь мало. То, что я передаю вам, всего лишь полуправда. Все действия, совершенные мной за свою столетилетнюю жизнь,

происходят одновременно. Но это утверждение тоже лишь доля правды, поскольку «одновременно» означает «в то же самое время», а время, в вашем понимании этого слова, не имеет ничего общего с моей жизнью. Позвольте сделать этот вопрос доступнее для вас.

Допустим, все, что я совершаю, совершил и совершу, происходит одновременно. Тогда нет знания, которое могло бы повлиять на любое действие, происходящее в иной точке. Допустим, для меня понимание и действие — две совершенно различные вещи. С момента рождения я слепо подчиняюсь тому, что должен совершить в своей жизни — организованному комплексу переживаний, и лишь в следующий момент замечаю эффект действия целого множества вещей. Вот кошмар, который начался, начнется, начинается 4 марта 2060 года.

Говорят, перед глазами умирающего прокручивается вся его жизнь. В момент моего рождения вся моя жизнь промелькнула у меня перед глазами, и не только в воображении, но и наяву. Позднее я не мог ничего изменить, поскольку изменение существует лишь как связка между различными минутами времени. А для меня жизнь — бесконечное мгновение, длящееся сто десять лет. Вот так этот ужасный момент становится неизменным и неизбежным.

4 марта 2060 года я наклоняюсь, срываю темпо, обрываю широкий зеленый лист и сую его в рот. На вкус он сладкий и горький одновременно, железистый и неприятный. Я разжевываю лист и глотаю его, темпо доходит до моего желудка. Вот тогда и происходят изменения, которых не понимают даже более умные, чем я, люди. И никогда не смогут понять, во всяком случае не до 2 декабря 2150 года, после которого я уже ничто. Мое тело существует в объективном течении времени, чтобы повзрослеть, постареть, потерять здоровье и умереть, но мой разум выброшен из времени и воспринимает все мгновенья, как одно.

Я вспоминаю это *deja vu*, а поскольку оно случилось 4 марта 2060 года, я успел уже прожить двадцать лет. Это и есть отправная точка темпо-сознания в объективном потоке времени. Но объективное течение времени не имеет ничего общего с тем, что происходит...

Языка, как и этих надуманных примеров, не хватает, поэтому еще одно упрощение: в объективном потоке времени я нормальное человеческое существо, до этого 4 марта прожившее каждое мгновение предыдущих двадцати лет по порядку и по очереди, минута за минутой...

Сейчас, 4 марта 2060 года, мое я распространяется в двух направлениях течения времени. Вперед — до 2 декабря 2150 и моей смерти, и в прошлое — до 3 апреля 2040 и моего рождения. Пространство-время 4 марта изменило прошлое, как и будущее, развивая темпо-сознание до самых границ моего существования.

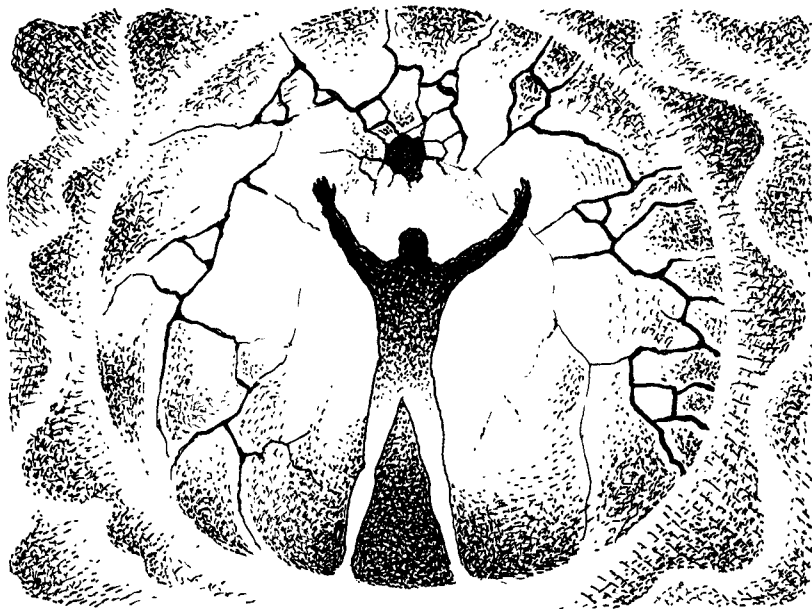
Но однажды прошлое изменилось. Прошедшее время перестало существовать, и вот я появляюсь из живота матери: младенец, ребен-

нок, юноша, старик в тюремной камере и в психиатрической клинике, умирающий среди белизны чистых простыней...

И...

Вот он я, крупинка интеллекта, представляющая мое сознание, существующее где-то вне пространства и времени. Объективное время моего существования — это сто десять лет, хотя с моей точки зрения я бессмертен — сознание моего я никогда не угаснет. Я младенец, ребенок, юноша, наконец, старик, умирающий среди белизны чистых простыней. Я — все периоды моей жизни, всегда буду этими периодами и всегда был ими в месте, где находится мой интеллект, в вечном мгновении, оторванном от времени...

Филипп Кюрваль

ЯЙЦЕКЛАДУЩЕЕ ЯЙЦО

Это была яичная скорлупа с маленькой дырочкой на тупом конце. Она лежала на обочине в серой, пожухлой от жары траве.

Я нагнулся, поднял ее, потом взвесил на руке и потряс. Она была совершенно пуста.

Надо было выбросить ее. В ней не было ничего особенного. Пожалуй, она была похожа на очень чистое круглое яйцо и белая той нейтральной белизной, которая бывает у окаменелых раковин. Однако я решил ее не выбрасывать. Сунуть в карман моих брюк было бы неосторожно, трение бедер о штанину или удары рукой при ходьбе могли повредить хрупкую скорлупу.

Из-за сильной жары, которая все еще не спала даже в начале сентября, на мне были только полотняные брюки и летняя рубашка, которую я снял, бережно завернул в нее яйцо, а рукава и ворот завя-

зал в узел. Так я понес ее домой: бесформенный узелок, словно маленький маятник у меня на руке. Путь был недолог: с возвращением летнего тепла животная и растительная жизнь снова закипела, и лес изменился.

Я положил яйцо около камина, в котором мерцал огонь. В доме — маленькой хижине, окруженной лесом, — всегда сыро, и поэтому я весь год топлю камин. Пустое яйцо лежало на том месте, где его все время обдувал теплый воздух.

Потом я забыл о нем, потому что был очень небрежен.

Однажды яйцо разбилось. Я нашел только посеребрившие осколки скорлупы. Я все вспомнил, и мне стало смешно при мысли, что огонь согрел яйцо и из него что-то вылупилось. Но что? Разве что зола?

На следующей неделе, когда я искал свою зажигалку по всем углам хижины, неподалеку от камина, в темном углу под окном, я нашел другое яйцо, похожее на первое до мельчайших подробностей: вплоть до микроскопической дырки на тупом конце и цвета.

Я разыскал обломки первого яйца, чтобы сравнить их с тем, которое только что нашел. Кусочек скорлупы, попавший мне в руки, позволил предположить, что второе яйцо было меньше первого.

Это призрачное яйцо было таким легким, что туда, где я его нашел, оно было загнано дуновением воздуха. Мне захотелось продолжить эксперимент, и я положил свою находку на то место, где обнаружил обломки скорлупы первого яйца.

Так я проводил свой отпуск и даже решил отказаться от своих прогулок по лесу и рыбалке, чтобы посвятить все свое время наблюдению за яйцом, с интересом уточняя обстоятельства откладки яйца. Первое яйцо вылеживалось около двух дней. В среду я уселся около камина и провел там около шестнадцати часов. Я немного поспал и, проснувшись около двадцати двух часов, снова стал ждать. На следующий вечер — я то бодрствовал, то дремал и даже пытался читать — мое внимание привлек чуть-слышный щелчок. Ясно видимая трещинка разделила яйцо на две части, скорлупа разошлась и развалилась. В середине развалившегося яйца было новое, еще блее и меньше размером, чем предыдущее.

Я почувствовал раздражение: эта игра показалась мне смешной и бессмысленной, но я позволил тянуть себя в нее. Даже если попаду в какую-нибудь таинственную ловушку, даже если это надувательство продлится вечно, я был готов следить за ритмом превращений, даже при условии, что наблюдать за ним придется вечно.

Моя последняя любовница — Мари, маленькая самоуверенная девушка, отношения с которой надолго испортили мое мнение о женской половине рода человеческого, имела странную привычку запасаться продуктами на многие месяцы, поэтому я мог оставаться в своей хижине и ждать, чем закончится этот феномен.

Промежутки становились короче и короче, размеры каждого сле-

дующего яйца неуклонно уменьшались. Я сравнил очередное яйцо со скорлупой, из которой оно вылупилось, и установил настоящую разницу в размерах. Однако для моих рук яйцо оставалось таких же размеров, как и первое из всех двенадцати яиц, появившихся в период моего наблюдения за ними. Это меня удивило.

Вечером того же четверга в доме царила удушающая жара из-за того, что окна были закрыты ставнями. Я решил ненадолго выйти наружу. На большой поляне, где стояла моя хижина, я не показывался недели две, и как только открыл дверь, мне в лицо ударила высокая трава. Ее толстые стебли возвышались над моей головой на несколько сантиметров. Воздух был плотен, почти вязок, я с трудом мог двигаться. Духота снаружи была еще больше, и я вернулся в хижину.

Вид гигантской травы, которая была выше молодой вишни, посаженной мной год назад, меня встревожила. Как могла трава так вырасти под палящими лучами солнца?

Сначала я отбрасывал единственное логическое объяснение, но потом был вынужден обратиться к нему: после каждого появления уменьшавшегося яйца моя хижина вместе со всем, что в ней находилось, так же уменьшалась. Мой дом и я сам будем становиться все меньше и меньше, пока наконец не исчезнем. Как это происходит, я не понимал и не знал, было ли яйцо существом или же механизмом, только мне вовсе не хотелось уменьшаться до бесконечности.

Я взял свою чековую книжку, надел костюм, который мне особенно нравился из-за своего легкого и красивого материала, и вышел наружу. Яйцо лопнуло в последний раз. Я усмехнулся; происходящее казалось смешным фарсом, потому что я собирался уйти.

Я прокладывал себе путь сквозь травяные джунгли. Дом вскоре исчез за зеленой завесой. Гараж, всегда представлявшийся мне кукольным домиком, теперь зарос угрожающей травяной чащобой. Мой автомобиль показался мне огромным автобусом с гигантской баранкой, которую я еле повернул. Я включил зажигание, мотор заработал. Мои руки и ноги оказались коротки, и вести автомобиль-автобус в город мне было очень тяжело; с большим трудом мне удалось одновременно управлять с баранкой и педалями газа, сцепления и тормоза.

В городе меня никто не хотел признавать. Директор банка, которому его служащие описали положение вещей, отобрал мою крошечную чековую книжку, которую предъявил ему грязный бородатый карлик.

Я был поставлен вне закона и вынужден был вернуться назад, к ожидающей меня судьбе. Я продолжал уменьшаться, точно повинаясь плану, родившемуся в чьем-то больном мозгу. Одиноким в замкнутом, распухшем мире, только в своем доме я еле мог надеяться на какую-то защиту.

Хотя моя прогулка длилась недолго, дом стал еще на несколько

сантиметров ниже. Последнее яйцо вылупилось незадолго до моего приезда и теперь, как и раньше, лежало в своем гнездышке из разбитой скорлупы. Похоже, что этот таинственный процесс наконец остановился.

После моего возвращения процесс уменьшения тотчас же снова возобновился. Словно открывашь русскую матрешку, где одна куколка находится внутри другой. Тут я, наконец, осознал, что отрезан от остального мира, в котором родился, что пустился в путешествие, которого не предпринимал еще ни один человек. Я сжег за собой все мосты и предался одинокой оргии, гадая, что за фантастический конец меня ожидает.

Затем этот процесс изменил направление: яйца лопались во все возрастающем темпе, только теперь они увеличивались, в то время как я продолжал уменьшаться.

Иногда я открывал дверь убедиться, что меня все еще окружает это чудовищно изменившаяся трава, и каждый раз мой взгляд упирался в этот жуткий лес, в котором обитали насекомые невообразимых размеров.

Скорлупа яйца достигла размеров дома. Теперь она дала мне новый импульс. Она опрокинулась, повернувшись ко мне отверстием на тупом конце. Значит, она должна была стать моим миром.

Со звуком «плак!», словно ударил теннисный мячик, она лопнула и вывернулась наизнанку. Теперь мой дом превратился в перчатку, и я оказался внутри огромного яйцобразного тела. Травянистый лес стал так огромен, что я не могу его разглядеть.

Мир вокруг меня --- нечто огромное и овальное, а я теперь ничто. И я жду.

Причину этого безумного явления я, к сожалению, так никогда и не узнаю. Но это еще не конец.

Я нахожусь перед высокой стеной цвета слоновой кости, края которой исчезают в бесконечности. Мои ноги стоят на огромной молекуле, а позади — жуткая пустота.

И мощный удар сотрясает мой мир...

Джон Браннер

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

I

Глядя на изможденное лицо, в котором угадывалась былая красота, на темные волосы, разметавшиеся по подушке, Сесил Клиффорд не сразу смог признать правду. Внезапно его глаза зашипало и он гневно смахнул слезы. Если бы эти слезы могли воскресить ее!

Наконец он сделал медсестре знак накрыть простыней некогда прекрасное лицо. Отвернувшись, он стал собирать инструменты и поймал взгляд сестры, одновременно сочувственный и любопытный. Он понял, что должен объясниться.

— Она... она была женой моего лучшего друга, — хрипло сказал он, и сестра кивнула. Он был благодарен ей за то, что она не стала выражать ему соболезнование. Его скорбь была сугубо личным делом.

Лейла Кент стала жертвой эпидемии.

— Если вы оформите свидетельство о смерти прежде, чем я уйду домой, — добавил он после паузы, — занесите мне на подпись.

Последний раз взглянув на неподвижную фигуру под простыней, он устало направился к следующему пациенту. В этой палате лежало около шестидесяти человек, отделенных друг от друга складными шторами, и каждый из них был жертвой Чумы.

— Вам осталось посмотреть только сорок седьмого, доктор, — сказала из-за его спины сестра. Под этим номером значилась койка Бьюэла, астронавта. Он был еще слаб, но начал поправляться, несмотря на то, что диагноз был установлен только на десятый день. Чумная бактерия находилась в своей скрытой фазе, и все симптомы указывали на обыкновенную простуду, а потом...

Неужели антибиотики действительно дали эффект, уныло подумал Клиффорд. Видимо, так оно и есть, раз он выздоравливает. Впрочем, он пробовал ту же комбинацию и на Лейле Кент...

Он решительно одернул себя. Факт оставался фактом: в одних случаях Чума убивала пациента — одного из десяти, — что бы ни предпринимали врачи, а в других пациент чудесным образом излечивался в считанные дни. Безумие, просто безумие!

Но пациент на 47-й койке усмехался, наблюдая за ним, и ему пришлось выжать ответную улыбку.

— Ну что, — бодро спросил он. — Как дела?

Астронавт закрыл журнал, расстегнул пижаму и лег на спину.

— Можете выпустить меня отсюда. Я чувствую себя прекрасно и готов отправиться в космос прямо сейчас.

— Это мне решать, а не вам, — с напускной суровостью ответил Клиффорд, держа наготове бронхоскоп. Бьюэл покорно раскрыл рот.

С первого взгляда Клиффорд понял, что был прав. Ткани, которые всего лишь сутки назад были вспухшими и воспаленно-красными, приобрели здоровый розовый цвет. Стетоскоп лишь укрепил его уверенность. Дыхание, kloкoтaвшee в легких Бьюэла, словно он умирал от пневмонии, теперь было почти бесшумным.

Повезло сукину сыну! Почему именно ему? Почему не...

Клиффорд снова усилием воли подавил внутренний протест. Рано было делать выводы: предстояло еще несколько тестов. До сих пор все те, кто выздоравливал, по всей видимости, приобретали прочный иммунитет, но эта инфекция так изменчива, непредсказуема...

— Руку, пожалуйста, — сказал он, приготовив геометр. Бьюэл закатал рукав и позволил себя уколоть. Аппарат щелкнул, и цифры на его шкале указали на то, что все кровяные показатели находятся в норме. Бьюэл, наблюдавший за его лицом, ухмыльнулся:

— Не верите своим глазам, док?

Клиффорд отреагировал с неожиданной резкостью:

— Верно, вы идете на поправку! Но каждый десятый пациент

умирает, как бы не старались его спасти, и мы хотим выяснить, наконец, что спасло жизнь вам, а не ему!

Бьюэл мгновенно посерьезнел и кивнул.

— Да, я слышал об этом. Чертовски много людей заразились Чумой, а? Ваша больница, должно быть, переполнена, судя по тому, что мужчин и женщин кладут в одну палату вроде этой, — он указал на перегородки. — Значит, вы собирались взять пробу моей крови и взглянуть, нет ли там антител, которым я обязан своим выздоровлением?

— Да, мы сделаем это, — ответил Клиффорд, устыдившись своей недавней вспышки и делая вид, что поглощен стерилизацией геометра. — Так что у нас есть причины не отправлять вас обратно на Марс.

Распутав провода своего электроэнцефалографа, он прижал электроды с присосками к выбритым участкам головы Бьюэла, спрятанным среди его темных волос.

— Закройте глаза, — произнес он, глядя на энцефалограмму на зеленом экране. — Откройте... закройте. Теперь держите их закрытыми и думайте о чем-нибудь сложном.

— В этом журнале я читал статью одного парня из Принстона. Он утверждает, что космические корабли как средство передвижения в пространстве безнадежно устарели. Так пойдет? Он вывел какую-то жуткую формулу...

— Держите так, — сказал Клиффорд, внимательно следя за графиком. Полминуты было достаточно, чтобы убедиться в том, что Бьюэл снова находится в пике своих интеллектуальных возможностей.

— Можете расслабиться, — сказал он, снимая электроды с головы Бьюэла. — Не думаю, что вам понравится, если космические корабли отправятся на мусорную свалку.

— Дело не в моих желаниях. Я более чем уверен, что этот парень прав, и не удивлюсь, если он создаст телепортатор.

Клиффорд озадаченно взглянул на него.

— А я думал, что доказана невозможность телепортации!

— О, от старой идеи превращения молекулярной структуры тела в радиоволну действительно отказались. Профессор Вейсман подходит к этому абсолютно иначе. В этой статье он пишет о создании конгруэнтных объемов в пространстве. Если это получится, то, по его мнению, помещенный в одном из объемов должен появиться и в другом. Знаете, что... гм... не могли бы вы устроить мне компьютер? Я хочу проверить выкладки этого Вейсмана.

Клиффорд заморгал. Он знал, что нужно было быть выдающимся математиком, чтобы поступить на космическую службу. Но то, что специалист среднего уровня, которым был Бьюэл по его представлениям, собрался проверять выкладки профессора из Института Новейших исследований, казалось просто невозможным. Он поздно сообразил, и вопрос уже прозвучал:

— Вы уверены, что в состоянии сделать это?

— Вы имеете в виду, достаточно ли я здоров? О, вполне... Нет, вы имели в виду другое, не так ли? — Бьюэл невесело усмехнулся. — Вот что значит выглядеть «настоящим мужчиной» в отличие от хрупкого бледного интеллектуала. Да, док, я в состоянии сделать это. Я способен заниматься космической механикой даже в уме, когда в этом есть необходимость. Пришлось однажды, когда на полпути к Марсу астероид вывел из строя наш навигационный компьютер.

На Клиффорда это произвело впечатление.

— О'кей, я сделаю все возможное. Сомневаюсь, что вам позволять воспользоваться нашей компьютерной системой: статистики и так стонут от того, что она перегружена. Может быть, вас устроит обыкновенный калькулятор?

— Лучше, чем ничего, — смирился Бьюэл.

— Пожалуйста, проследите за тем, чтобы пациент получал все, что ему требуется, — сказал Клиффорд медсестре перед уходом. — И можете перевести его в палату для выздоравливающих. Его дела идут неплохо.

«Итак, эту кровать займет другой пациент, — думал он. — Бьюэл прав: Чума пожирает страну, как лесной пожар».

Его рабочий день закончился, и он никогда еще не был так рад этому. Дежурство началось в шесть утра, а сейчас был уже пятый час. За прошедшие десять часов Клиффорд засвидетельствовал девять летальных исходов — все от Чумы.

Он устало вышел из палаты, на ходу снимая белый халат и маску, чтобы затем отправить их на сжигание. В течение пяти минут он тер себя бактерицидным мылом, стоя под душем, предварительно востребовав свою одежду из-под ультрафиолетового облучателя, где она находилась с самого утра. По всем общепринятым стандартам с тех пор, как началась эпидемия.

Когда сестра принесла ему на подпись свидетельства о смерти, он почти валился с ног. Внимательно прочитав их — не потому, что ожидал найти ошибку, а в силу профессиональной привычки — он подписал каждый и поставил отпечаток большого пальца.

Забирая их, сестра нерешительно сказала:

— Там ждет представитель полиции, доктор. Он хочет поговорить с вами лично.

— Какого черта ему нужно? — раздраженно спросил Клиффорд.

— Он не сказал. Но он настаивал на том, что это очень важно.

— О, будь он неладен... Пусть войдет.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, в дверях стоял светловолосый человек в форме инспектора полиции. Клиффорд узнал тот усталый и тревожный взгляд, который замечал у себя самого на протяжении последних недель.

— Я знаю, как вы заняты, — начал тот, но Клиффорд перебил его.

— Все в порядке, садитесь. Чем могу помочь?

— Благодарю. Моя фамилия Теккерей — инспектор Теккерей. Я занимаюсь розыском пропавших людей и надюсь, что вы сможете кое-что прояснить для меня.

— Я слишком устал, чтобы разгадывать загадки.

— Разумеется. Прошу прощения. Итак, вы занимались одним из первых случаев этой... мм... Чумы, не так ли? Я не знаю, как официально называется эта болезнь.

— До сих пор некогда было придумать ей имя. «Чума» звучит не хуже любого другого.

Теккерей кивнул.

— Меня интересует неопознанный человек, который прибыл в Лондон автобусом из Мэйденхеда. Смуглый, довольно-таки плотной комплекции, лет пятидесяти-шестидесяти. Представляете себе, о ком я говорю?

— Да, я помню. Он был без сознания, когда автобус прибыл на конечную станцию, и умер, так и не сказав ни слова. Подобных случаев было несколько. Я полагаю, люди из нашей регистратуры автоматически сообщают вам о них?

Теккерей сдвинул брови.

— Верно. В общей сложности зарегистрировано около ста подобных случаев. Этих людей находили в бессознательном состоянии в автобусах и поездах, или же они добирались до Лондона автостопом.

— Около ста? Не так уж и мало. Но при чем здесь я?

— Одну минуту, — Теккерей поднял палец. — Это еще не все. Все эти люди, независимо от пола и возраста, имели одну общую черту. Они не были бродягами, которые довольно редко встречаются в наше время. Все они были хорошо одеты, и большинство из них имело при себе приличные суммы денег. Но ни у кого из них не оказалось каких-либо документов, удостоверяющих личность.

— Довольно-таки странно, — согласился Клиффорд.

— Это не просто странно. Поверьте моему опыту, это неслыханно! Сколько разных документов обычно носит с собой средний человек? Водительские права, кредитную карточку, страховой полис, визитки, иногда даже личные письма... В крайнем случае, на его одежде должна быть метка прачечной или чистки. Как правило, мы находим девяносто процентов пропавших людей, даже в случаях полной амнезии. У оставшихся десяти процентов чаще всего имеются веские причины скрываться — от долгов, беременных подружек, занудливых родителей. Но я не помню буквально ни одного случая за восемь лет моей службы в отделе, когда было бы абсолютно не за что зацепиться. И вот, ни с того ни с сего, мы сталкиваемся со ста такими случаями в течение нескольких недель!

Так что, сами понимаете, мы не зря переполошились. Нам пришлось в голову посоветоваться с вами, поскольку вы чаще, чем любой

другой доктор из Лондона, сталкивались с подобными случаями. Скажите, могла ли эта Чума повлиять на их психику так, что они намеренно уничтожили все свои документы?

Изменяющимся тоном он добавил:

— Если вам показалось, что вы — наша последняя надежда, то вы абсолютно правы.

Клиффорд невесело рассмеялся.

— Инспектор, я погрешил бы против истины, если бы дал утвердительный ответ. Мы слишком мало знаем об этой болезни, чтобы с уверенностью судить о том, что она может вызвать, и чего не может. Я наблюдаю психические нарушения в результате Чумы, но они сильно походят на бредовые состояния, вызванные любой лихорадкой. У нас есть основания думать, что в некоторых случаях эти нарушения могут иметь необратимые для психики последствия, но пока это остается гипотезой, и, кроме того, это не мой профиль.

Поколебавшись, он добавил:

— Даже если я скажу «да», это едва ли решит вашу проблему.

Теккерей тяжело вздохнул.

— Видите ли, не похоже, чтобы этих людей разыскивали родственники или друзья, и это самое странное во всей ситуации! Кроме того, нам не удалось проследить за их действиями дальше начала их последней поездки. Да, мы отыскиали людей, которые видели их ожидающими автобус или поезд, и даже тех, кто продавал им чашку чая. Но до сих пор не попало никого, кто знал бы имя кого-либо из них или откуда тот прибыл. И никто из этих ста человек перед смертью так и не пришел в сознание.

— Неужели не было ни одного запроса о ком-либо из них?

— Ни одного. Поэтому мы начали тщательное расследование в том районе, откуда они прибыли.

— Вы хотите сказать, что все эти люди прибыли из одного места?

— Более или менее. Из западной части Лондона. Потому-то большинство из них оказались в вашей больнице. Впрочем, пока это мало чем помогло нам. В поисках отправной точки каждого из них мы продолжаем наткаться на стену. — Он развел руками. — Создается впечатление, что они упали с неба!

— Кстати, — поколебавшись, сказал Клиффорд, — это отчасти совпадает с одним распространенным в последнее время мнением. Вы, очевидно, слышали о том, что эта Чума абсолютно не похожа на любую другую медицинскую болезнь. Не могло ли случиться так, что переносчики этой болезни в буквальном смысле слова упали с неба? Я имею ввиду, не явились ли они из космоса, избежав карантина?

Теккерей вздохнул.

— Доктор, вы меня удивляете. Я знал, что уже несколько лет ходят слухи об астронавтах, которые якобы незаконно провозили какие-то вещи с Луны. А если вещи, то почему бы не людей, так? Но,

поверьте мне, не зря Космический Транспортный Контроль взял себе такой девиз.

— Что-то вроде: «И мышь не скользнет незамеченной»?

— Именно. Это невозможно! Мы тесно сотрудничаем с Таможней и отделом Иммиграции, потому что самый простой способ исчезнуть, это, конечно, бежать за границу. Я видел, как работают их специалисты. Известно ли вам, что даже в наземный телескоп на поверхности Луны можно разглядеть футбольный мяч, и даже теннисный, и даже шарик для пинг-понга?

Клиффорд покачал головой, изо всех сил сопротивляясь желанию сомкнуть веки.

— Детский лепет, — продолжал Теккерей. — В следующий раз, когда кто-нибудь будет рассказывать вам о контрабанде чего бы то ни было с Луны, пожалейте свое время. Да, и если к вам снова попадет с этим диагнозом хорошо одетый пациент без документов, не могли бы вы сразу связаться с нами? Похоже, вы делаете успехи, и рано или поздно кто-нибудь из пациентов поправится настолько, что сможет говорить.

— Мне хотелось бы разделить ваш оптимизм, — усмехнулся Клиффорд.

Прежде чем удалиться, Теккерей еще раз извинился и рассыпался в благодарностях.

Несколько минут Клиффорд продолжал сидеть в кресле, наморщив лоб. К величайшему множеству загадок, связанных с Чумой, прибавилась еще одна. Эта болезнь вызывала просто немыслимые патологии, абсолютно непредсказуемо реагировала на терапию, а что касается микроба-возбудителя... За невероятную способность к мутации его окрестили *Bacterium Mutabile*. Медицина научилась выявлять около двух десятков болезнетворных микробов во всех фазах развития. Но эта проклятая Чума являла собой нечто абсолютно иное.

Сначала, разумеется, никому не пришло в голову, что пятьдесят — сто случаев заболевания одновременно означают начало эпидемии. Истина была установлена по чистой случайности. Одна из первых жертв Чумы работала красильне, после смерти ее труп окрасился в ярко-оранжевый цвет.

Так появился критерий для распознавания новой болезни, и были сделаны ужасающие выводы: то, что на первый взгляд представлялось церебральным менингитом, обыкновенной инфлюэнцей или тяжелой формой пневмонии, на самом деле оказалось Чумой. Способы, которыми она убивала, были неисчислимы, но убивала она не всегда. По какой-то причине микроб уходил в фазу покоя и оставался невыявленным; симптомы были выражены очень слабо и легко приписывались какому-нибудь безобидному заболеванию, а после самых простых лечебных процедур бесследно исчезали.

Более десяти процентов населения уже поражены Чумой и являются бациллоносителями — в большом Лондоне, центральных промышленных районах вокруг Бирмингема, на густонаселенных курортах Южного побережья. Сколько еще миллионов живут, не подозревая о том, что инфицированы Чумой?

И есть ли смысл обследовать миллионы человек, заранее зная, что до сих пор не существует способа от нее избавиться?

Возможно, мы сами виновны во всем. Возможно, опрометчиво смешивая органические компоненты, мы сами создали новую форму жизни, которая может уничтожить нас.

Впрочем, над этой проблемой работали специалисты, сейчас бессмысленно было ломать над этим голову.

Он вышел из больницы и направился по дорожке к стоянке, где был припаркован его маленький «стимер». Приложив палец к глазку электронного замка на дверце машины, Клиффорд услышал позади себя гудок и обернулся. Газетный автомат предлагал ему последний выпуск. Заголовок на его щитке гласил:

ЧУМА: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ЗВОН ЗВУЧИТ ВСЕ ГРОМЧЕ!

Не хватает только узнавать об этом из газет!

Когда Клиффорд отвернулся и распахнул дверцу машины, автомат отъехал в поисках более заинтересованного клиента. Опустившись на сиденье, Клиффорд заколебался. С одной стороны, не мешало бы поехать домой и отдохнуть, но стоило ему сформулировать эту идею до конца, как он понял, что поступит иначе.

На нем лежало еще одно обязательство.

2

Он припарковался прямо под большим фирменным знаком, извещавшим мир о том, что здесь располагается «Кент Фармацевтикалз Лимитед». На стоянке для посетителей находилась лишь одна машина, и, несмотря на усталость, Клиффорд остановился и восхищенно оглядел ее. Ему всегда нравилась красивая техника, и сейчас перед ним был алый сверкающий «хантсмен» новейшей модели с откидным верхом, элегантными крыльями и блестящим хромированным радиатором.

Хмм... В следующий раз — что-нибудь в этом роде, если повезет!.. Он оторвался от машины, поймав себя на том, что теряет время, и вошел в апартаменты фирмы.

«Кент Фармацевтикалз» была преуспевающей фирмой, и ее заново отстроенные и переоборудованные менее десяти лет назад корпуса отвечали самым современным требованиям.

В огромной пустынного вида приемной не было никого, кроме секретарши Кента. У нее был все тот же потерянный взгляд, отличав-

ший всех, так или иначе включенных в выматывающую борьбу против Чумы. Когда Клиффорд вошел, ее лицо немного просветлело.

— Добрый вечер, доктор Клиффорд! Редко доводится видеть вас последнее время. Как поживаете?

— Работаю как проклятый, — лаконично ответил он. — Рон здесь?

— Да, но в данный момент он водит гостя по нашим лабораториям. Приехал какой-то человек из Балмфорт Латимер.

Клиффорд насторожился.

— Балмфорт Латимер? Не то ли это местечко, где был зарегистрирован самый первый случай Чумы?

— То самое. Он сказал, что у него есть какие-то гипотезы... — Ее глаза внимательно и тревожно изучали лицо Клиффорда, и вдруг она спросила:

— Доктор, как миссис Кент? Дурные новости?

«О Боже, неужели это заметно по моему лицу?»

Не было смысла лгать, и он устало произнес:

— Боюсь, что так. Она умерла примерно час назад.

— Боже мой, какой ужас... Мистер Кент знает?

— Ему должны были позвонить из больницы, Я... — Клиффорд проглотил комок в горле. — Я пришел, чтобы выразить ему свои соболезнования, — Он подумал, до чего пустыми и стерильными были эти слова. — Как вы думаете, скоро уйдет этот человек?

— Не знаю. — Она обернулась и застыла. — О, вот и он!

На другом конце приемной из кабинета Рона Кента вышел мужчина с темными волосами, слегка тронутыми сединой, и осторожно прикрыл за собой дверь. Он пошел прямо в выходу, едва кивнув на прощание секретарше и швейцару. По прямой осанке и официальной манере держаться Клиффорд определил его как отставного военного. За последние двадцать лет большая часть вооруженных сил была распущена, и многие офицеры, уйдя в отставку, осели в спокойных провинциальных городах, где платили более высокие пенсии.

Селектор на столе секретарши отдал какое-то распоряжение, и, выслушав его, девушка ответила:

— Да, мистер Кент. Но только что прибыл мистер Клиффорд, и...

Но Клиффорд не стал дожидаться приглашения и уже был у двери кабинета.

Рон сидел за столом, сцепив толстые пальцы и склонив рыжеволосую голову. Когда Клиффорд вошел, Кент не шевельнулся.

Клиффорд смущенно прочистил горло и рискнул заговорить:

— Я полагаю, тебе уже известна новость?

Словно в замедленной съемке, Рон качнул головой вперед, затем назад.

— Я просто хотел сказать тебе, что мне страшно жаль...

Рон заставил себя поднять на него глаза.

— Можешь не говорить мне, Клифф, я знаю. Входи, садись.

Клиффورد послушался, и Рон продолжал:

— Мне очень хотелось быть там. До самого конца. — В его тоне послышался отдаленный упрек.

— Поверь мне, Рон, это абсолютно невозможно. Кроме того, от этого вряд ли была бы какая-то польза. Никогда нельзя с уверенностью сказать, когда наступит конец. Утром, как я и сказал тебе, Лейла чувствовала себя хорошо. Около полудня она вдруг впала в коматозное состояние, и... — он тяжело покачал головой.

— Сейчас, ее, наверное, уже кремировали, — монотонно произнес Кент.

— Боюсь, что да. До тех пор, пока мы не научимся обращаться с Чумой, нам придется соблюдать все возможные меры предосторожности. После случая с тем бедолагой, который работал у нас в морге...

Он оборвал себя, ужаснувшись той чепухе, которую нес, но Рон, похоже, его не слышал. Он взял ручку и стал вертеть ее в своих коротких пальцах.

— Спасибо, что пришел, Клифф. Я оценил это, тем более, что знаю, как ты загружен работой и... о, проклятье. — Ручка сломалась, и он с остервенением швырнул ее в корзину для мусора.

— Господи, лучше бы я продолжал практиковать! Лучше бы я делал что-то, а не сидел здесь, сходя с ума!

— Ты на своем месте, — горько сказал Клиффورد. — Как ты думаешь, что мы реально *делаем*? Ничего! Чума поступает по своему усмотрению! Да, нам удалось спасти нескольких больных, находившихся в пограничном состоянии, но мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, кто будет жить, а кто умер. Ей-богу, я не уверен, что мы спасли хоть одного пациента, который не мог бы поправиться сам. И, в конечном счете, эту проблему могут решить только твои люди. Мы используем лекарства, но даешь их нам ты. — Он ощутил потребность сменить тему, так как этот разговор слишком огорчал их обоих. — Что за человек только что вышел от тебя?

— Его зовут Борган. — Рон потер глаза кончиками пальцев, потряс головой, словно хотел прояснить ее, и взял сигарету из коробки. Яростно откусив ее кончик, он продолжил:

— Он из местечка Белмфорт Латимер. Помнишь, один из первых зараженных Чумой работал садовником? Борган нанял его за пару недель до того, как он заболел.

— Он сообщил тебе что-либо ценное?

— Конечно же, нет, — пренебрежительно скривился Рон. — Я и не ожидал услышать от него что-нибудь путное, хотя он и пытался чем-то оправдать свое желание посмотреть лабораторию. Впрочем, спасибо на том, что это отвлекло меня.

Рон зажег спичку и выплюнул дым, словно он был отвратительным на вкус.

— Он... он военный, не так ли? — спросил Клиффорд, отчаянно стараясь поддержать умирающий разговор.

— Какого дьявола мне знать? Думаю, что да. Похож на офицера, — он пожал плечами.

— Послушай, — вспомнил вдруг Клиффорд. — Кажется, ты говорил мне сегодня утром по телефону о каких-то успехах? Боюсь, я был слишком занят, чтобы обратить на это должное внимание, но у меня сложилось впечатление, что...

— О, ты имеешь ввиду К-39, — сказал Рон. — Успех — это слишком сильно сказано, но кое-какой прогресс есть. — Он расслабился в кресле. — Это уже известный тебе кризомицетин.

— Кризомицетин? Но я сам пробовал этот препарат, и от него было не больше толку, чем от пантомицина, пенициллина и...

— Ты знаком с нашим биохимиком, Вилли Джеззардом? — перебил его Рон. — Ну так вот, примерно год назад он сказал мне, что собирается синтезировать серию производных от кризомицетина — в десять раз большую, чем от пенициллина. Но это было безумно дорого, и нам пришлось прикрыть его работу до тех самых пор, когда разразилась эпидемия Чумы. Теперь я дал ему карт-бланш и неограниченное финансирование. И вот он делает успехи. Господи, если бы я послушался его год назад! Может быть, Лейла была бы сейчас жива!

— Перестань! — проскрежетал Клиффорд, привстав с кресла.

С минуту они напряженно смотрели друг другу в глаза, потом Рон тяжело вздохнул и впервые стряхнул пепел.

— Знаю, — пробормотал он. — И о том, что слезами горю не поможешь, и о том, что после драки кулаками не машут... О, забудь об этом. Я тоже постараюсь. Некогда скулить, тем более сейчас, когда мы добились все же кое-каких успехов. К-39 имеет тридцатипроцентный тормозящий эффект, который держится четыре-пять дней.

Клиффорд присвистнул.

— Чудеса! Я на собственном опыте убедился, что можно дать один и тот же препарат двум пациентам, после чего один из них выздоравливает, в другой — нет. Иногда чувствуешь себя просто шаманом... Но тридцать процентов — это кое-что. Да, во многих случаях это сможет вытащить больного с того света, а защитные механизмы организма закончат работу. А как насчет побочных эффектов?

— Конечно же, они есть, — фыркнул Рон, — иначе над чем еще мы, по-твоему, сейчас работаем? Даже не испытывая на ком-нибудь этот препарат, мы точно знаем, что он вызовет лихорадку пятой степени и общий отек из-за увеличения проницаемости клеток. Но мы знаем также то, что этот препарат всегда убивает бациллу Чумы и не всегда убивает пациента.

— Тогда почему...

— Почему мы не сообщали никому эту новость? Пошевели мозга-

ми, парень! Почти три месяца мы провозились с этой *Bacterium Mutabile* и до сих пор не смогли зафиксировать повторную фазу ее адаптивного цикла. Господи, это все равно, что делить иррациональную дробь! — Он выпустил облако дыма. — О, этот микроб оказался крепким орешком. Известно ли тебе, что он может жить в среде, на девяносто пять процентов состоящей из его же собственных экскрементов? В своем развитии он проходит через короткую вирусную фазу, когда он ни что иное, как голый ген; есть у него также три большие вирусные фазы и несметное число бактериозных фаз. И есть еще фаза псевдоспоры, в которую он может переходить из любой другой. Находясь в этой фазе, он занят ни чем иным, как почкованием, и при этом у больного отсутствуют какие бы то ни было симптомы! И к тому же...

— Я знаю, как вам трудно, — мягко перебил его Клиффорд.

— Вот поэтому-то мы и не спешим обнародовать результаты своей работы. Потому что в данный момент мы можем сказать только то, что микроб легко адаптируется буквально во всему. На ранних стадиях исследования мы кормили их сульфаниламидами. Теперь они съедают пинту на завтрак и смеются над нами! Одно время нас сильно обнадежил антитоксин скарлатины: девять поколений погибли под его воздействием. Но десятое — устояло!

— И это все тот же микроб, а не лабораторная мутация?

— Черт возьми, да он сам по себе есть мутация! Безостановочная, в каждом поколении! Это молекула, в которой закодированы основные признаки этого организма и которая может маскироваться и принимать любую форму. Это молекула устойчива почти к любым ядам, способным погубить организм пациента. Мы можем нейтрализовать ее с помощью краски — ты, наверное, знаешь об этом. Оранжевый цвет свидетельствует о необратимых изменениях в молекуле — можно считать ее нейтрализованной. Но дело в том, что краска нейтрализует также гемоглобин и еще шесть жизненно важных ферментов. А Вилли Джеззарду удалось сделать вот что: он каким-то образом заместил левую группу радикалов молекулы правой, и... Черт, да что я взялся тебе рассказывать! Я ведь уже не первый год полирую стул на административной работе и не уверен, что еще сумею перевязать растянутую лодыжку. Давай спустимся в лабораторию, и ты услышишь все из первых уст. Они были страшно недовольны визитом Боргама, но ты — совсем другое дело!

3

Модернизация лаборатории в «Кент Фармацевтикалз» означала прежде всего систему дистанционного управления всеми опасными экспериментами, подобную той, что использовалась для работы с радиоактивным материалом. Джеззарда и троих его помощников отде-

ляла от самой лаборатории герметичная стеклянная стена, по периметру которой располагались многочисленные рычаги управления искусственными руками, поблескивавшими по ту сторону стекла, словно никелированные ноги огромного паука. Две другие стены были заняты компьютерными терминалами, дисплеями и множеством приборов, которые Клиффорд видел впервые.

Джеззард сидел спиной к пневматическим дверям, сосредоточенно изучая стопу карт Великобритании, исчерченных голубым мелком.

— Не обращайтесь на нас внимания, — сказал Рон, входя. По его поведению никто бы не догадался, что совсем недавно он потерял жену. До тех пор, пока Чума воспринималась лишь как интеллектуальный вызов, оставался шанс добиться объективных результатов. Клиффорд восхитился его умению держать себя в руках.

Джеззард оторвал взгляд от карты.

— Вернулся, Рон? О, Клиффорд! Какими судьбами?

В первое мгновение Клиффорд удивился тому, что Джеззард, с которым они встречались лишь однажды, сразу узнал его, но затем вспомнил, что неоднократно слышал о его великолепной визуальной памяти.

— До меня дошли слухи о вашем успехе с К-39. Это с ним вы сейчас работаете?

— Со всей К-серией. — Джеззард кивнул на стеклянную стену. — В общей сложности шестьдесят семь производных. Но К-39 — самый перспективный вариант из всей серии, здесь вы правы.

Он снял очки, быстро протер их рукавом халата, и, немилосердно отогнув уши, вернул на место.

— Ну как там, Фил, варится? — спросил он у одного из помощников, который неотрывно наблюдал за чем-то в бинокляр. — Знакомьтесь: это Фил Спенсер, а это — Сесил Клиффорд.

Молодой ассистент, взлохмаченный и довольно утомленный на вид, ответил со сдержанным оптимизмом:

— Я полагаю, закипает!

Он оторвался от бинокля, чтобы внести данные в компьютер, жестом приглашая Клиффорда занять его место. Прильнув к биноклю, Клиффорд стал фокусировать его, пока не увидел знакомые очертания чашки Петри, наполненной розовой питательной средой. На ее поверхности виднелись четыре группки бактерий, расположенных симметрично под прямым углом к кусочку золотистого кристалла кризимицетина.

Он потянул на себя рычаг манипулятора, и объектив плавно переместился к соседней чашечке Петри, затем к следующей. Это была серия К-39 — девять чашек, в каждой из которых содержалась микробная масса на разных фазах развития и выросшая в разной питательной среде. Клиффорд заметил, что, независимо от фазы, размно-

жение шло довольно-таки вяло, а в центре возле кристалла оно не происходило вообще.

Впечатленный, он вернул бинокляр Спенсеру.

— Весьма многообещающе! — сказал он Джеззарду.

— Если бы не один маленький недостаток, — кисло ответил тот. — Только что вы видели девять десятых всего существующего в мире ДДК.

— Девять десятых чего?..

— ДДК! Ди-декстро-кризомицетина. Того самого вещества, которое и дает эффект, насколько я понимаю. Исходная молекула содержит два левосторонних радикала, которые не только не наносят вреда бактерии, но даже утилизируются ею. Весь фокус состоит в том, чтобы активизировать пару правосторонних радикалов. Но ДДК не существует в природе, а синтезировать его невероятно трудно. В результате синтеза получается в лучшем случае четверть процента чистого вещества, а отделить его кажется просто невозможным! И все же придется это сделать. Потому что это единственный просвет в темном туннеле, который затягивает всех нас...

Он потянулся и зевнул в голос.

— Кстати говоря, Рон, — продолжил он, — я рад, что ты вернулся. Этот малый из Балтимор Латимер напомнил мне об одной гипотезе, которую и я собираюсь проверить. Знаешь, что это такое? — он постучал по карте на столе.

— Похоже на карты Министерства Здравоохранения, где они ежедневно отмечают распространение эпидемии, — ответил Рон.

— Верно. Но, как известно, они начали публиковать их только через две с половиной недели после начала эпидемии, когда число жертв уже перевалило за тысячу. Вот эта — первая, — он вытащил одну из карт, на которой мелом были отмечены Лондон и Бирмингем. — Я как следует рассмотрел их, а компьютер как раз заканчивает анализ тенденций, на которые они указывают. А что, если нам попробовать экстраполировать эти тенденции в обратном направлении?

Он нажал кнопку, и на небольшом мониторе появилось изображение карты, которое начало быстро меняться. Нанесенные мелком линии стали таять, сжиматься, превращаясь в скопление точек, все более и более изолированных друг от друга, пока на карте не осталась одна-единственная точка.

Джеззард присвистнул.

— Черт меня побери! — сказал он. — Я и не думал, что с первого раза так получится! Смотрите, эта точка находится в пределах... даже меньше, чем за десять миль от Балтимор Латимер!

— Вы хотите найти первого носителя? — не вполне понимая, спросил Клиффорд.

— Можно сказать, что так, — согласился Джеззард.

— Минутку! — воскликнул Рон. — Людям из министерства при-

шло в голову заняться этим в первую очередь, но потом они пришли к выводу, что в разгар эпидемии разброс случаев был слишком велик...

— О, я исхожу не из официальных отчетов, — оборвал его Джеззард. — Я же сказал, что хочу экстраполировать тенденцию назад. И вот результат, — он указал на оставшуюся точку. — Кроме того, кто сказал, что был один-единственный носитель?

— Как думаешь, Клиффорд, есть что-нибудь в этом? — с сомнением спросил Рон.

— Думаю, есть, — ответил Клиффорд, вспомнив свой недавний разговор с Теккереем. — Мне кажется, что нужно немедленно сообщить обо всем этом в Министерство.

— О'кей, я позвоню им и поручу кому-нибудь переписать твои выкладки, — сказал Рон Джеззарду. — Если, конечно, ты не возражаешь.

Джеззард так дернул головой, что очки едва не слетели с его носа.

— О Боже! Не думаешь ли ты, что я озабочен первенством в публикации этого материала? Тем более сейчас, когда мы столкнулись с чем-то абсолютно новым?! Ты, должно быть, шутишь!

— Ты уверен, что это нечто абсолютно новое? — спросил Клиффорд.

— О, это нечто настолько новое, что я даже сомневаюсь, могло ли оно развиваться на нашей планете. Да, очень может быть.

На мгновение повисла тишина, затем Клиффорд подал голос:

— Но не могло же оно попасть к нам из космоса. Сейчас в моей палате выздоравливает один астронавт, и я знаю, насколько основательна его поправка. Кроме того, сегодня я разговаривал с полицейским, который...

— Знаю, знаю, — недовольно замахал на него руками Джеззард. — Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что оно не могло *развиться* на нашей планете само по себе.

Он с вызовом взглянул на каждого из собеседников.

— Сами подумайте: нам не удалось заразить этим вирусом обезьян! И в то же время, он легко распространяется среди людей. Если бы этот микроб попал на Землю из космоса в виде споры, он обязательно поразил бы какое-нибудь животное, разве не так? Но получается, что он живет и размножается только в человеческих тканях! Сопоставьте это еще и с тем, что до сих пор эпидемия ограничивается Великобританией, и...

— Ты хочешь сказать, что этот вирус создан искусственно? — не выдержал Рон. — И что он был намеренно распространен?

— Не такая уж смешная идея, — заявил Джеззард. — Тебе же известна заболеваемость на данный момент: примерно каждый десятый.

Из них еще одна десятая часть умирает. Если так будет продолжаться, мы потеряем один процент населения — шестьсот тысяч! Это уже начало сказываться на экономике, потому что даже те, кто оста-

ется в живых, около месяца проводят в стационаре, и еще два месяца длится восстановительный период...

— Ради Бога! — взмолился Рон. — И кто же, по-твоему, этот злодей?

— Есть у меня кое-какие догадки... Весь этот век мы живем в неболаполучном мире. Зная, что мы разоружились, демобилизовали большую часть наших вооруженных сил, враг мог... — он смущенно умолк.

— Твоя работа — искать средство против Чумы, — неожиданно начальственным тоном сказал Рон, — а не выдумывать параноидальные теории на эту тему! Надеюсь больше никогда ничего в этом роде не слышать от тебя. Нам пора, Клифф, уже почти пять, а они хотят поскорее освободиться и уйти домой.

Покраснев, Джеззард возразил:

— Что касается меня, то я не спешу уйти отсюда. Я собираюсь оставаться здесь до полуночи с перерывом на ужин.

— А я думал, что сегодня дежурит Дилис, — сказал Рон, кивая в сторону девушки.

— Так оно и есть, — отозвалась та, не поднимая головы. — Но я буду рада компании.

— Дело ваше, — пожал плечами Рон.

Когда пневматическая дверь бесшумно закрылась за ними, Кент смущенно сказал:

— Не придавай этому значения. Джеззард — один из лучших наших специалистов, хотя ему и свойственны некоторые причуды. Он происходит из старого военно-морского семейства, и наш психиатр считает, что Джеззард воспринимает борьбу с Чумой как настоящий крестовый поход, сублимируя таким образом свойственную его натуре тягу к насилию. Я думаю, на нем сказывается напряжение последних недель. Но что касается его теории в целом, то должен признаться, что она звучит адски правдоподобно, не находишь?

Клифффорд собрался что-то ответить, но из кармана Рона раздался сигнал. Пробормотав извинения, он вытащил рацию и слушал с полминуты.

— Не слишком веселые новости, — заметил он, кладя рацию обратно в карман и поджимая губы.

— Что стряслось на этот раз? Новая вспышка эпидемии?

— Очень может быть. Как бы то ни было, министерство обратилось во Всемирную Организацию Здравоохранения с просьбой объявить Великобританию зоной бедствия.

— В самом деле? Что, это значит, что мы сможем запросить дополнительный медицинский персонал...

— Но с другой стороны — ни туризма, ни экспорта, ни космических полетов... Сам знаешь, какие меры предосторожности принимаются в таких случаях.

— Знаю, — вздохнул Клиффорд. — По-моему, впервые целая страна объявляется запретной зоной.

— Такой величины, как наша — да. Хм! Я рад хотя бы тому, что буду вне пределов досягаемости для Джеззарда, когда он узнает новости, потому что они чуть ли не подтверждают его правоту!

Они снова оказались у двери кабинета Рона и, остановившись, повернулись друг к другу. Клиффорд хотел было предложить ему пообедать вместе, но внезапно остро и болезненно осознал, что его долг перед пациентами отодвигает на второй план даже такую важную дружбу. Они с Роном познакомились еще в колледже, потом вместе работали в госпитале, и, возможно, одновременно поднялись бы на следующую ступеньку карьеры, если бы неожиданная смерть отца Рона не сделала его главой фирмы. Клиффорд был свидетелем на свадьбе Рона и Лейлы...

Которой теперь нет в живых...

Рон избавил его от мучительных попыток найти нужные слова.

— Почему ты так и не женился, Клифф? — резко спросил он. — Может быть, потому что боялся, что когда-нибудь с тобой случится такое?

Он развсрнулся и вошел в кабинет, оставив Клиффорда мрачно уткнувшимся в полированный стол.

«Нет — тихо сказал он белым стенам — нет, не поэтому...»

4

Пронзительный телефонный звонок нарушил его приятный, глубокий сон. Он лениво потянулся, не сомневаясь в том, что у него достаточно времени, чтобы быть в госпитале к шести. Он лег в постель в девять вечера и сейчас чувствовал себя почти отдохнувшим.

Но взглянув на светящийся циферблат, он вздрогнул от неожиданности: часы показывали половину четвертого утра — слишком рано для будильника! Он вскочил и бросился к телефону, заранее готовый к неприятным сюрпризам.

— Клифф, это Рон Кент, — сообщил в трубку убитый голос. — Слушай, мне только что звонили из полиции. Кто-то вломился в лабораторию, нокаутировал Джеззарда, едва не задушил Дилис Хоббс и разнес вдребезги всю серию К!

Клиффорд почувствовал, как сердце превратилось в кусок свинца.

— Кого-нибудь подозреваешь?.. — начал он и осекся.

— Джеззард описал его. Высокий, темноволосый, немолодой, но очень спортивный... Похоже на Боргама, не находишь?

— Похоже, к тому же я имел возможность убедиться в том, что он обладает отличной памятью.

— Это верно, но хуже всего то, что Джеззард рассказал полиции о своих догадках насчет искусственного происхождения Чумы.

— И они приняли его всерьез?

— Теперь я и сам готов принять его всерьез! Потому что иначе выходит, что Джеззард спятил и уничтожил все сам! Но мы не можем позволить себе потерять такого специалиста. Послушай, я звоню тебе вот зачем: нужен кто-то, кто видел, как Боргам покидал оффис, а свою секретаршу я найти не могу; она ночует у друзей или что-то в этом роде. Полиция утверждает, что сигнализация осталась нетронутой, и поэтому они хотят знать, не мог ли он прятаться где-нибудь в здании и выскользнуть после того, как с прибытием полиции сигнализацию отключили.

— Я видел, как он выходил, — ответил Клиффорд. — Хотя, конечно, ему ничего не стоило вернуться обратно. Знаешь, я предлагаю вот что: я уже достаточно отдохнул, а в больницу мне к шести, так что, если нужно, я приеду в лабораторию.

— Ты в самом деле можешь приехать? — в его голосе зазвучали патетические нотки. — Стоит мне подумать о том, что вся наша работа полетела к чертям, я готов просто разорвать на части ублюдка, который это сделал!

— Я выезжаю, и через полчаса буду на месте, — заверил его Клиффорд.

Натянув в спешке слаксы и свитер, он бегом отправился в гараж по пустым ночным улицам. По пути к «Кент Фармацевтикалз» ему не встретилось ни одной машины, если не считать полицейского патруля, который рванул было за ним, когда он превысил скорость, но отстал, стоило ему включить мигалку амбулатории.

Возле «Кент Фармацевтикалз» царил хаос. Четыре патрульных машины и автомобиль Рона стояли посреди дороги, перегородив проезд. Везде и всюду суетились люди с камерами, диктофонами и разнообразной аппаратурой судебной экспертизы. При свете портативного прожектора кто-то из полицейских устанавливал «ищейку» — электронное устройство для опознания следов.

Когда он притормозил, полицейский потребовал у него документы и, взглянув на них, пустил Клиффорда в здание. Во избежание недоразумений он позволил «ищейке» обнюхать себя и вошел в холл, напоминавший огромную пещеру. Сейчас его наполнял непривычный шум: крики, гудение аппаратуры, топот ног. Клиффорд осторожно приоткрыл дверь в кабинет Рона и услышал благодарный возглас:

— О, слава Богу, наконец-то!

Рон, Джеззард, Диллис Хоббс и трое полицейских воззрились на него. Челюсть Джеззарда была разбита и смазана какой-то мазью, а девушка то и дело осторожно касалась своего горла, словно оно у нее болело.

— Доктор Клиффорд? — спросил один из полицейских. — Входи-

те, садитесь. Моя фамилия Вентворт. Я не задержу вас долго. Итак, доктор Джеззард, вы говорили, что...

Сержант проворно поднес микрофон, и Джеззард начал излагать происшедшее таким тоном, словно объяснял отсталому ребенку основы арифметики.

Как и планировал, он оставался в лаборатории вместе с Дилис Хоббс в течение всего вечера. Около десяти он выходил перекусить и вернулся примерно через пятьдесят минут. Охранник подтвердил это, так как ему пришлось отключить сигнализацию, чтобы впустить Джеззарда. Около полуночи доктор Хоббс вышла к кофеварочному автомату, так как доктор Джеззард перед уходом захотел выпить кофе. Джеззард остался в лаборатории, и, когда пневматические двери открылись, он решил, что вернулась Дилис, но, обернувшись, увидел Боргама и получил сокрушительный удар в челюсть.

Придя в себя, он обнаружил, что Боргам не только воспользовался дистанционным управлением, чтобы уничтожить опытную серию, но и выплеснул на нее сильнейшую кислоту, предназначенную для тех случаев, когда бактерии было слишком опасно уничтожать на открытом воздухе.

— Это просто бессмысленное преступление! — воскликнула Дилис, голос которой был хриплым не только от возмущения. Джеззард взглянул на нее так, словно хотел возразить, но промолчал.

— А что произошло с вами? — обратился к ней Вентворт.

— Я была возле кофеварки, — сказала она, беспомощно пожав плечами. — Потом кто-то схватил меня за горло, и я потеряла сознание. — Она снова коснулась горла и болезненно поморщилась. — Кем бы ни был тот человек, он действовал со знанием дела. Во всяком случае, сразу сумел найти сонную артерию.

— Но вам не удалось его как следует разглядеть?

— Нет, — Дилис покачала головой.

— А вы, мистер Клиффорд, — переключился Вентворт. — Если я правильно понял, вы видели этого Боргама.

— Да. Этот человек как раз покидал здание, когда я сегодня сюда прибыл... вчера, я хотел сказать. И когда я спросил, кто он такой, мне ответили, что его зовут Боргам.

Вентворт потер подбородок, шершавый от утренней щетины.

— Понятно. А что привело вас сюда вчера?

— Я приехал, чтобы выразить свои соболезнования мистеру Кенту. Его жена умерла вчера в моем госпитале.

— Очень сожалею... Я не знал об этом. Она скончалась от... от Чумы?

— Да.

— Примите мои соболезнования, мистер Кент. По несчастливому совпадению всего лишь на прошлой неделе мой сын... Впрочем, не будем об этом. Прошу вас, мистер Клиффорд, опишите этого человека.

— Ему около пятидесяти, волосы темные, седеющие на висках и

затылке. Рост примерно шесть футов и два или три дюйма, смуглый, нос с горбинкой. Возможно, он араб или еврей. Держался с военной выправкой.

— И вы видели, как он покинул здание?

— Я видел, как он шел к выходу. И когда около пяти я вернулся на стоянку к своей машине, автомобиля, рядом с которым я припарковался, уже не было.

— Вот как? Что это была за машина?

— «Хантсмен» новейшей модели с открытым верхом, алого цвета. Кажется, номер начинался с 9Г, но я не уверен.

— Очень хорошо. Сержант, свяжитесь с центральным транспортным управлением и проверьте, зарегистрирована ли такая машина под именем Боргама.

— Слушаюсь, сэр, — ответил сержант и стал набирать длинный номер на одном из телефонов, стоявших на столе Рона. Остальные ждали в напряженном молчании. Лейтенант долго слушал, затем положил трубку.

— Так точно, сэр. Ему принадлежит новый «хантсмен».

— Отлично. Объявите общенациональный розыск машины и пошлите местную полицию к нему домой в Латимер.

— Не лучше ли подождать, пока «ищейка» выдаст результаты, — рискнул возразить сержант.

— К тому времени, когда они отличат его дневные следы от тех, что он оставил ночью, тот человек уже покинет пределы страны.

— Он не сможет покинуть пределы страны, вы же знаете, — возразил Рон.

— Что?

— В полночь ВОЗ объявила Великобританию Зоной бедствия, и все границы закрыты. Разве вам это не известно?

— Нет... Я ничего не слышал об этом, — воскликнул Вентворт. — Что ж, это сыграет нам на руку. Впрочем, я совершаю самый тяжкий для полицейского грех, делая преждевременные выводы. Лучше поступим так, как предложил сержант, иждемся результатов.

Они вышли из лаборатории в холл. Клиффорд взглянул на Рона, который обеспокоенно следил за снующими по лаборатории полицейскими.

— Какая сигнализационная система установлена у вас здесь? — спросил Клиффорд.

— Не система, а полдюжины взаимосвязанных систем! Не так уж и много, потому что мы боялись не столько ограбления, сколько того, что какой-нибудь идиот заберется в лабораторию и заразится. Ты же знаешь, что мы имеем дело с жуткими микробами. Так что по периметру здания установлена сеть электронного глаза, звуковая система и множество датчиков, реагирующих на изменение давления. Чтобы войти, Джеззарду пришлось просить охранника отключить все это, иначе сирена выла бы даже в Хонслоу. Если тебя интересует, мог ли

Боргам пробраться в здание в тот момент, когда охранник отключил сигнализацию, то я тебе отвечу однозначно — нет. Перемещение любого теплого объекта сразу фиксируется инфракрасными детекторами на бумажной ленте. Мы видели ленту: на ней записаны все перемещения Джекзарда, так что эта система работала исправно. А еще по всему зданию установлены датчики давления воздуха, которые чутко регистрируют на открывание любой двери, где бы она ни находилась.

— И ни одна из дверей не открывалась?

— Кроме тех, что пришлось открыть Джекзарду, когда он возвращался в лабораторию, — Рон покачал головой. — А это означает, что тот человек попал внутрь здания, не пересекая его периметра. Либо он упал с неба, либо проник из-под земли. Но, Клифф, это же невероятно!

— В таком случае, — медленно произнес Клифффорд, — тебе следует вызвать психиатра компании и задать ему несколько вопросов насчет Джекзарда.

— Ты думаешь... Не хочешь ли ты сказать, что это сделал он сам?! Брось, я сгоряча ляпнул тебе об этом, потому что был в шоке от новостей. Он не сумасшедший, чтобы уничтожить плоды своей собственной работы!

— Разве я сказал, что он сумасшедший? — вздохнул Клифффорд. — Просто, слушая его показания, я обратил внимание на одну деталь. Он был взбешен не столько из-за нанесенного ущерба, сколько из-за того, что не сумел предусмотреть этого и принять превентивные меры. Но этого нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить! Кто психиатр вашей компании?

— Его зовут Чинелли, — Рон был потрясен. — Господи, я понимаю, что ты имеешь в виду... Он производил такое впечатление, правда? Я приму меры. Он находился под страшным напряжением все это время, как и все мы... Спасибо за предостережение.

— Я думаю, ты и сам бы пришел к такому выводу, — Клифффорд вскинул руку и взглянул на запястье, где должны были быть часы. Убегая в спешке, он забыл их надеть.

— Сколько времени?

— А... Около пяти.

— Отлично. Я успею вернуться домой и привести себя в порядок перед уходом на работу. Я позвоню тебе позже, чтобы узнать новости. Пока!

Он бегом удалился.

5

Он вспомнил этот разговор, поедая, или, вернее, пытаясь есть невкусное рагу из баранины — единственное, что подавали в больнице на ленч с тех пор, как один из постоянных поставщиков мяса

заболел Чумой и санитарная инспекция запретила потреблять в пищу мясо из той партии.

Этим утром поступило тридцать пять новых больных с Чумой и один с аппендицитом. Ситуация быстро приближалась к критической точке. Если ВОЗ ничего не предпримет в ближайшее время, врачи скоро уже перестанут справляться с работой.

И все же мысленно он все время возвращался к тому, что произошло в лаборатории у Рона Кента. Как человек мог проникнуть в помещение, не потревожив многочисленных систем сигнализации?

Если только с помощью телепортатора Вейсмана!

Что ж, это легко бы все объяснило. Но, к сожалению, все еще длилась эра космических кораблей и ненадежных ракет, годных лишь на то, чтобы долгие месяцы по инерции двигаться в космосе к Луне или Марсу. Телепортаторы оставались мечтой.

И все же...

— Черт побери, — вслух пробормотал он, отодвигая почти полную тарелку. Нужно раз и навсегда разделаться с этим призраком. Он нажал кнопку селектора и, услышав ответ медсестры, спросил:

— Сестра, куда поместили пациента Бьюэла, астронавта?

— Мм... Двадцать пятая палата. А в чем дело?

— Хочу забежать на минутку и взглянуть на него.

Быстро шагая по коридору в отделение для выздоравливающих, он спросил себя, позаботился ли кто-нибудь о калькуляторе для Бьюэла, и, открыв дверь в палату, дал утвердительный ответ. Бьюэл всю работу с калькулятором, одной рукой набирая цифры, а другой записывая что-то в блокнот. Подняв глаза и увидев входящего Клиффорда, Бьюэл расплылся в улыбке.

— А, доктор Клиффорд! Хотите убедиться в том, что я больше не доставлю вам хлопот?

Клиффорд принудил себя улыбнуться в ответ на его неудачную шутку.

— Между прочим, я зашел узнать о ваших успехах в проверке теорий Вейсмана.

Клиффорд надеялся, что Бьюэл не спросит, откуда взялся столь жуткий интерес.

— О, есть кое-какие успехи, — ответил тот, откидываясь на подушку. — Кстати, если бы вы позволили мне воспользоваться вашим компьютером, я справился бы за час. А эта штука не годится для вычислений такого масштаба. Но одно я могу с уверенностью сказать уже сейчас. Этот Вейсман абсолютно прав!

Клиффорд был так взволнован, что нервно сжал кулаки и сделал полшага к кровати.

— Значит, возможно создать телепортатор?

— О, нет. Никаких шансов.

— Тогда я вас не понимаю.

— Это сродни так называемому мраморному парадоксу. Не слышали о таком? Из пяти кусочков мрамора возможно сложить шар размером с Землю. С другой стороны, теоретически возможно сжать Землю до размеров небольшого мраморного шарика. Но фокус в том, что практически это сделать невозможно.

Он постучал ручкой по раскрытому журналу со статьей Вейсмана.

— То же самое и в этом случае. Он прав, утверждая, что достаточно создать два абсолютно конгруэнтных объема, чтобы предмет, помещенный в один из них, появился и в другом. Проблема в том, чтобы найти критерий абсолютной конгруэнтности...

Рация в кармане Клиффорда подала сигнал и заговорила:

— Доктор Клиффорд, пожалуйста, немедленно подойдите в хирургическое отделение!

Клиффорд тихо вздохнул, а вслух сказал:

— О'кей. Простите, что побеспокоил вас.

— Ничуть, — пожал плечами Бьюэл. — А почему вас ни с того, ни с сего заинтересовала телепортация? Утомляет ходьба туда-сюда?

Клиффорд выдал из себя еще одну улыбку, столь же фальшивую, как и предыдущая.

— Нет, просто пытаюсь разгадать загадку одного ограбления.

— Вот что я вам скажу, — с притворной серьезностью произнес Бьюэл. — Создатель телепортатора нашел бы себе менее рискованное занятие. Вроде моего.

По пути в свой кабинет Клиффорд страшно злился на себя за то, что принял эту идею всерьез. Пусть полиция решает загадку со взломом лаборатории в «Кент Фармацевтикалз».

Оказалось, что именно полиция поджидала его возле кабинета в лице констебля, которого Клиффорд уже видел прошлой ночью где-то возле «Кент Фармацевтикалз». Приглашая его в кабинет, Клиффорд заметил любопытный взгляд медсестры и подумал: «Интересно, какие объяснения они найдут тому, что полиция так неожиданно и настойчиво интересуется мною?»

Убрав со стола тарелку с остывшим рагу, он сказал:

— Итак, сэр, я к вашим услугам.

— Моя фамилия Фаркуар, сэр. Мне поручено поставить вас в известность о том, что мы проверили мистера Боргама, который подозревался во взломе лаборатории «Кент Фармацевтикалз».

— И?..

— Местная полиция застала его в постели. Выяснилось, что прошлым вечером он обедал с тремя друзьями в ресторане более чем в ста милях от Лондона, вернулся около восьми и больше никуда не отлучался. Даже его «хантсмену» не под силу было доставить его в Лондон и обратно за такой короткий промежуток времени.

— Значит... — начал Клиффорд и умолк, подумав, что вовсе не

обязательно подбрасывать полиции Джекзарда. Возможно, они уже сами додумались...

— Да, сэр? — быстро отреагировал Фаркуар, и под острым взглядом его ярких глаз Клиффорд почувствовал себя словно под микроскопом.

— Значит, вам придется искать кого-то другого, — с усилием выговорил он.

— Да, сэр, — расслабился полицейский. — Видите ли, мой шеф считает, что лучше, чтобы люди, которые, так сказать, в курсе дела, были предупреждены о том, что им не следует повторять обвинений мистеру Джеззарду. Мистер Боргам был страшно возмущен.

Он хотел было подняться, но Клиффорд остановил его жестом. Внезапно он вспомнил, где именно он видел Фаркуара прошлой ночью, или, вернее сказать, этим утром.

— Это не вы ли работали с «ищейкой» возле «Кент Фармацевтикалз»?

— Гм... Да, сэр. Я стажируюсь на детектива и, чтобы успешнее сдать экзамены, должен ознакомиться со всей современной техникой, используемой в полиции.

— Она нашла что-нибудь? Я имею в виду «ищейку».

Фаркуар слишком долго колебался, и Клиффорд воскликнул:

— Значит, нашла! Что? Свежий след? В лаборатории, я полагаю?

Фаркуар совсем смешался под его натиском. Клиффорд не унимался:

— И больше нигде следов не было! Я прав, не так ли?

Фаркуар сдался.

— Не знаю, что навело вас на эту мысль, сэр... да, вы правы. Мы проследили автоматический след, оставленный мистером Боргамом во время его дневного визита к мистеру Кенту: он вел с улицы в кабинет мистера Кента, оттуда — в лабораторию и обратно. И, как вы верно догадались, «ищейка» нашла следы, оставленные поверх всех прочих, лишь в одном помещении, — он говорил так, словно признавался в утрате святости, в которую верил с детства.

— Вы хотите сказать, что эти новые следы попросту обрывались? Словно мистер Боргам растворился в воздухе?

— Более или менее, — вздохнул Фаркуар и поспешил добавить: — но, видите ли, «ищейка» — экспериментальное средство. Ее свидетельство пока еще не признают в суде.

— Черт меня побери, — задумчиво пробормотал Клиффорд. — Спасибо вам, сэр. Вы очень помогли мне.

— Это вам спасибо, сэр, — поправил полицейский, смутно чувствуя, что ситуация складывается неправильно.

Клиффорд, окончательно сбитый с толку, несколько минут изучал пустую белую стену. Что делать с этой проклятой загадкой? Сначала он уверовал в телепортатор как ключ решения всей проблемы, потом услышал авторитетное мнение о том, что никакого телепорта-

тора не существует, и в конце получил подтверждение первой гипотезы не менее авторитетным устройством!

О, это просто смешно!

Нет, видимо, взломщику попросту удалось каким-то образом перехитрить все те датчики, о которых распространялся Кент, и очень может быть, что полиция уже докопалась до этого. Вместо того, чтобы ломать голову, Клиффорд решил позвонить Кенту.

Но Рон сообщил ему только то, что он уже слышал от Фаркуара.

— Как обстоят дела в лаборатории? — спросил Клиффорд.

— Еще хуже, чем показалось на первый взгляд, — удрученно ответил Рон. — Видимо, нам придется повторить все восемьсот восемь экспериментов.

— Что? Но ведь у вас должны были остаться записи!

— Вот поэтому я и говорю, что все обстоит гораздо хуже, чем показалось сначала. Этот сукин сын вдоволь поработал с нашим компьютером, прежде чем ушел.

— Ты хочешь сказать, что ваш компьютер не был снабжен защитным кодом?

— Конечно, был, и знал его только персонал лаборатории! Думаешь, я идиот?! — прорычал Рон. — Но когда этот сукин сын понял, что не может уничтожить сведения, он выкинул другой фокус. О, он умен, как черт! Дело в том, что в лаборатории лежали кое-какие распечатки с адресами файлов, содержащих данные по кризомицетину. И вот что он сделал: к каждому адресу он внес новый разрешительный код. И теперь на каждый запрос компьютер требует с нас доказательств того, что мы имеем на него права. Что мы можем ему ответить? — Рон истерически рассмеялся. — Хитро придумано, не правда ли? Конечно, сведения физически продолжают оставаться там, но у нас уйдут дни, а возможно, и недели на то, чтобы вытащить их оттуда!

— Кто-нибудь еще работает над созданием кризомицетина? — спросил Клиффорд после паузы.

— О, да. Еще с полдюжины фирм. Но все они отстают от Джекзарда на мило, насколько я знаю. Знаешь, какой вопрос крутится сейчас в моей голове?

— Не причастен ли к визиту кто-нибудь из них?

— Вот именно. Но почему, Клифф? Почему? Если это была единственная надежда спасти людей от Чумы?

Вдруг та часть существа Клиффорда, которая годами молчала, закричала от боли. В эту секунду он растерялся перед внезапным осознанием того, как сильно он любил Лейлу Кент...

Сквозь пелену черной тоски он услышал, что Рон о чем-то спрашивает его, и попросил повторить.

— Я говорю, что ты оказался прав насчет Джекзарда!

— Что ты имеешь в виду?

— Слышал утренние новости?

— Не было времени. Первая свободная минута выдалась за ленчем. Люди поступали каждую минуту — и все с Чумой.

— Так вот. Чума распространилась за пределы Великобритании. Уже есть случаи на континенте и в Нью-Йорке. Возможно, благодаря тем, кто выехал из страны до закрытия границ.

— Боже мой... — медленно и глупо, как ему самому показалось, выговорил Клиффорд. — Именно этого и следовало ожидать. Но что там насчет Джекзарда?

— Когда я рассказал ему об этом, он заявил, что все это ложь, выдуманная для отвода глаз.

— Не может быть!

— Боюсь, что это так. Мне пришлось вызвать Чинелли. Джекзард начал буйствовать, и пришлось его усмирять. Возможно, пройдет месяц, прежде чем он снова будет способен работать.

— Всем нам не мешает успокоительное, — горько сказал Клиффорд. — И чем дальше, тем чаще будут случаться подобные вещи. Она из моих медсестер вбила себе в голову, что у нее Чума, и сегодня утром с ней случилась истерика. Никакие тесты не могут убедить ее в обратном.

— Могу себе представить ее чувства, — пробурчал Рон. — А этот бедняга Вентворт, потерявший сына на прошлой неделе, получил нагоняй за то, что объявил общенациональный розыск Боргама, который, как выяснилось, в момент происшествия был в ста милях от Лондона... О, черт, Клифф, у меня море работы, да и у тебя тоже, наверное. Я позвоню тебе вечером, о'кей?

6

Больные все прибывали и прибывали. К четырем часам все койки в больнице были заняты, и Клиффорд потерял целый час, обзванивая другие больницы, в которых дела обстояли точно так же. В конце концов он позвонил в Министерство Здравоохранения и получил указание отправлять выздоравливающих по домам на попечение их личных врачей.

В течение дня Клиффорд стал свидетелем еще нескольких неожиданных летальных исходов. (Неужели он никогда не сможет забыть прекрасное обескровленное лицо Лейлы Кент, ее темные волосы, разметавшиеся по подушке?) Пациенты со всеми признаками выздоровления среди них составляли один процент.

Тем не менее ему приходилось мириться с этой фатальностью.

Когда наконец его рабочий день окончился, он был еще более утомлен, чем вчера, подозревая, что завтра обещает быть еще хуже. Он наспех поел и через семь часов снова был в больнице, где его

встретила первая за все дни радостная новость. ВОЗ прислала спецбригаду врачей из Америки.

Когда в четыре часа утра он подъехал к больнице, у главного подъезда разгружались машины с оборудованием и медикаментами, прибывшими трансатлантическими грузовыми лайнерами.

Следующие два часа он водил группу чернокожих докторов и медсестер по палатам. Никто из них явно не представлял себе истинной природы болезни, с которой им предстояло иметь дело. Это было закономерно, поскольку до сих пор Чума не распространялась за пределы Великобритании. Но Клиффорд видел, как потрясли их его бесстрастные описания наиболее непредсказуемых случаев течения болезни. Он предложил им поставить диагноз нескольким пациентам, и они дали точные на первый взгляд ответы: запущенный бронхит, почечная недостаточность, сепсис в результате инфицированной раны... а затем одна из сопровождавших медсестер делала быстрый и наглядный тест, и на глазах у всех плазма крови, или слюна, или моча пациента приобретали ужасный оранжевый цвет.

Чума.

И все же само присутствие этих людей вселяло надежду. Подобно лейкоцитам, стремящимся противостоять инфекции в организме, эти люди выбились из своего обычного ритма и, перемахнув через океан, оказались в самом центре зоны бедствия. Это был показатель того, что современный мир может сделать в борьбе против своих скрытых врагов.

Закончив обход, все они собрались в кабинете у Клиффорда.

Клиффорд обвел взглядом всех присутствующих и обратился к щуплому человеку со следами операции на щитовидке по фамилии Маккаферти.

— Ну, что скажете?

— Хорошего мало, — лаконично ответил тот. — Почему вы раньше не запросили помощь?

Клиффорд пожал плечами.

— Не знаю. Мы не сразу сообразили, в чем дело. Вам известно о том, что эпидемия уже достигла Европы и Соединенных Штатов?

— Еще бы! — подала голос самая симпатичная из медсестер. — Вам повезло, что мы успели вылететь к вам. Сразу после вас позвонили из Бруклина — двести случаев за один день!

— Это еще не все, — вставил Маккаферти. — Ходят слухи, что планируется послать еще пятьдесят спецбригад в Китай. Сначала медики думали, что страну поразила какая-то новая разновидность инфлюэнцы. Кому-то пришло в голову испробовать тест, который вы только что продемонстрировали нам, и выяснилось, что это Чума.

У Клиффорда упало сердце. Даже помня о поразительных достижениях китайских медиков, Клиффорд ужаснулся. Гордые китайцы могли обратиться за помощью лишь в самом крайнем случае.

— Ну что ж, думаю, нам пора приступить к работе, — сказал Маккаферти и направился к двери.

Клиффорд несколько преждевременно настроился на невыносимо тяжелый каждодневный труд. Благодаря оборудованию и медикаментам, которые прибывали в течение всего дня, американцы взяли на себя почти половину всей работы. К полудню они справились с больными, которые поступили за прошлые сутки; еще через несколько часов в Гайд-Парке был разбит полевой госпиталь, и машины, выделенные полицией, доставляли в него пациентов. К вечеру на компьютерах были распечатаны списки адресов, по которым медсестры отправились помогать перепуганным добровольцам из Гражданской обороны отличать заболевание Чумы от прочих больных.

Посреди этой суматохи Клиффорд выделил несколько минут, чтобы ответить на звонок Кента. Рон просто ликовал.

— Клифф, случилась просто фантастическая вещь! Слышал когда-нибудь о женщине по имени Сибил Марш?

— Она биохимик? Работает в одном из американских университетов, верно?

— Вот именно! Она — одна из лучших специалистов в мире. И знаешь, что она сделала? Час назад она позвонила сюда и долго разговаривала с Филом Спенсером. Она утверждает, что синтезировала кризмицетин и уже грузит всю лабораторию на самолет, чтобы лететь сюда. Суммировав свои результаты с нашими, она попытается синтезировать кризмицетин в чистом виде!

— Но ведь Джеззард говорил, что создание кризмицетина...

— Она сказала, что может получить двадцать-тридцать процентов вещества! — возбужденно перебил Рон. — Это невероятно! Просто чудеса!

— Фантастика, — согласился Клиффорд и впервые за многие дни позволил надежде овладеть собой.

Эйфория длилась всего лишь сорок восемь часов, по истечении которой в Лондонском аэропорту был взорван самолет с лабораторией Сибил Марш.

Когда одного из ассистентов-биохимиков удалось вытащить из пламени, он невнятно сказал, что видел в самолете незнакомого высокого темноволосого мужчину. Но пожарные обнаружили среди обломков самолета лишь осколки фосфорной гранаты.

Клиффорд узнал об этом из утреннего выпуска новостей, одеваясь на работу. В панике он сразу позвонил в госпиталь, чтобы убедиться в том, что там все в порядке. Опустив трубку на рычаг, он горько сжал губы в плотную линию.

Значит, кто-то решительно препятствует созданию кризомикетина. Но кто? И, главное, *почему*?

Диктор говорил о случаях Чумы в Малайзии и Индонезии, когда зазвонил телефон. Сняв трубку, Клиффорд услышал незнакомый голос.

— Доктор Клиффорд?

— Да, кто это?

— Моя фамилия Чинелли, доктор. Психиатр компании «Кент Фармацевтикалз»

— О, да. Рон Кент говорил мне о вас.

— Да, я знаю, что вы были его другом.

— Был? С ним... с ним что-нибудь случилось?

Клиффорду показалось, что пол стал уходить из-под ног.

— Мне очень тяжело сообщать вам эту новость, — сказал Чинелли. — Он умер сегодня ночью.

— О, господи, — проговорил Клиффорд. Его ладонь так вспотела, что он едва не выронил трубку. — От Чумы?

— Нет. Он принял яд.

Повисла тишина, словно Вселенная застыла в нерешительности, не смея продолжить свое движение.

После паузы Чинелли сказал:

— Я виню себя в том, что вовремя не обратил внимания на его опасное состояние. Я видел, в каком напряжении он находился, когда с доктором Джеззардом случился срыв, но... Мне кажется, последней каплей был взрыв самолета с лабораторией. Слышали об этом?

— Только что по радио...

— Мистеру Кенту сразу сообщили об этом. Дело в том, что он распорядился послать туда все остатки этого кризомикетина. И, насколько я понимаю, все это было уничтожено. Он оставил записку, в которой говорится, что взрыв самолета окончательно убедил его в том, что кто-то преднамеренно распространяет Чуму — как и думал доктор Джеззард. Впрочем, записка очень неразборчивая...

Ответом ему была мертвая тишина. Чинелли обеспокоенно спросил:

— Вы слушаете, доктор Клиффорд?

— Да, да, слушаю... — ценой невероятного усилия ответил Клиффорд. — Спасибо, что дали мне знать. До свидания.

Но это была ложь, сказал он себе. На самом деле его уже не было здесь. Он находился в странной новой вселенной, полной хладнокровных беспощадных монстров, которые отняли у него сначала любимую женщину, затем лучшего друга, а потом то, что могло спасти жизнь — или это только видимость — миллионам людей, которых он никогда не знал.

Он сел на край своей постели, уронил голову на руки и обнаружил, что все еще способен плакать, как ребенок.

— Доктор Клиффорд?

Он поднял взгляд от стопки историй болезни, которые взял из регистратуры в слабой надежде отыскать секрет изменчивости микроба.

— В чем дело, сестра? — недовольно спросил он у женщины, стоящей в дверном проеме.

— Вы просили дать вам знать в случае, если поступит хорошо одетый пациент без документов.

Клиффорд отодвинул бумаги и вскочил на ноги.

— Где его нашли?

— На Пэддингтонском вокзале около часа тому назад. Мы пробуем поддержать его с помощью кислорода, но он в очень тяжелом состоянии. У него доктор Маккаферти.

Это значит, что предстоит спор, мрачно подумал Клиффорд. Впрочем, положение было таково, что любые средства оправдывали цель — разгадку тайны этой болезни.

Новый пациент лежал в помещении, которое недавно из приемной было переоборудовано в палату. Маккаферти склонился над ним с фонендоскопом. У пациента было характерно обескровленное лицо, и даже на расстоянии нескольких ярдов Клиффорд слышал хрипение в его груди.

— Клифф, я ничего не понимаю, — сказал Маккаферти. — Судя по состоянию, в котором он сейчас находится, его должны были госпитализировать неделю назад. Ума не приложу, как он добрался до поезда!

Клиффорд внимательно разглядел пациента.

— Никаких документов не было? — спросил он у медсестры.

— Никаких. При себе он имел только пятифунтовую банкноту, немного мелочи и билет до Лондона. Ни бумажника, ни ключей, ни даже носового платка.

— Платок был ему необходим, чтобы содержать в порядке свой нос, так по-вашему? — с мрачным юмором заметил Маккаферти.

Клиффорд глубоко вздохнул.

— Ладно. Позвоните в Скотланд-Ярд, позовите к телефону инспектора Теккерей из отдела по розыску пропавших без вести. Запомнили? Скажите ему, что к нам поступил один из загадочных пациентов, и попросите немедленно приехать сюда.

Сестра кивнула и поспешила к телефону.

— Что там насчет Скотланд-Ярда? — поинтересовался Маккаферти.

Клиффорд пропустил его вопрос мимо ушей.

— Как думаете, нам удастся разговорить этого пациента?

— Что?

— Вы же слышали, что я сказал! — рявкнул Клиффорд.

— Да, но... — Маккаферти облизал свои толстые губы. — Думаю, можно высушить его трахею, дать ему лошадиную дозу стимулятора, например, РП-икс... Но черт побери, это ж наполовину сократит его шансы остаться в живых!

Он взглянул Клиффорду прямо в глаза.

— Я бы сказал, что вы буквально подписываете его смертный приговор.

— Знаю, — ответил Клиффорд. — Но этот инспектор Теккерей занимается выяснением личностей более чем ста таких пациентов, прибывших в Лондон с запада и не имеющих при себе документов. Есть основание считать их переносчиками болезни. А еще мне кажется, что они знают об этом.

— Что? — голова Маккаферти дернулась назад, как у цыпленка с перерезанным горлом.

— О, у меня нет доказательств! — резко сказал Клиффорд. — Но вы, очевидно, слышали о том, что кто-то учинил погром в лаборатории фирмы «Кент Фармацевтикалз»? И о взорванном в Лондонском аэропорту самолете, в котором прибыли американские биохимики вместе со своей лабораторией? Разве это не наводит на мысль о том, что кто-то старается помешать нам бороться против Чумы?

Повисло напряженное молчание. Затем Маккаферти сказал:

— О'кей, Клифф. Вы боретесь с этим уже не первый месяц, а я только что прибыл сюда. Но я достаточно наблюдал за вашей работой, чтобы не сомневаться в том, что у вас имеются веские причины поступить так, а не иначе. Если это повлечет за собой осложнения... — он поколебался, — то я разделю их с вами. Это справедливо?

— Более чем, — ответил Клиффорд и хлопнул его по руке.

Они знали, что пациента не просто будет привести в сознание, и перенесли его в операционную, где имелось реанимационное оборудование. Когда приехал Теккерей, Клиффорд вызвал его в коридор и объяснил ему всю рискованность шага, на который они идут.

Когда он кончил, Теккерей сказал:

— Что ж, я готов взять на себя половину ответственности. После инцидента с самолетом у нас практически не осталось сомнений в том, что имеет место саботаж. Министр внутренних дел уже собирает по этому поводу начальников полиции, а министр здравоохранения разослал циркуляр во все медицинские учреждения. Нас, конечно, это тоже коснулось, поскольку мы регистрируем все случаи подобного рода. — Он указал большим пальцем на дверь операционной. — А что именно вы собираетесь с ним делать?

— Пренеприятные вещи. — ответил Клиффорд. — Начать с того, что он едва может дышать, и нам придется высушить его трахею. Далее, микроб атаковал его нервную систему, и... О, можно до вечера объяснять, что инфекция делает с человеческими нервами. В общем,

это самый короткий путь, которым она убивает. Так что нам придется ввести в его спинной и головной мозг стимулятор РП-икс, после чего между микробом и стимулятором начнется битва не на жизнь, а на смерть за власть над его синапсом. Если повезет, у нас будет пятнадцать минут, чтобы допросить его, прежде чем он полностью отключится и вернется в то состояние, в котором находится сейчас.

Из операционной послышался голос Маккаферти:

— Клифф, вы готовы?

— Иду, — ответил Клифффорд. — Дезинфицируйтесь, одевайте халат и входите.

— Вы слышите меня? — спросил Клифффорд человека, лежащего на операционном столе.

После того, как Маккаферти и медсестра десять минут напряженно работали над ним, пациент наконец шевельнулся и провел языком по губам. Его голову пришлось закрепить, потому что возле шейного позвонка через трубочку в спинномозговой канал поступал раствор РП-икс. На всякий случай Клифффорд предложил привязать его конечности, прекрасно понимая, что едва ли желал бы себе самому такое пробуждение. Но он вспомнил о Лейле и Роне, и о том, что человек, рапластанный на столе, может быть массовым убийцей.

На мгновение глаза пациента приоткрылись, но увидев перевернутые лица врачей в белых масках, он с хрипом схватил ртом воздух и снова сомкнул веки.

— Доктор, взгляните! — резко сказала сестра, наблюдавшая за электроэнцефалограммой.

Клифффорд и Маккаферти одновременно обернулись к дисплею. Маккаферти присвистнул:

— Черт возьми, я слышал об этом, но не приходилось видеть такого собственными глазами!

Клифффорд подавленно кивнул. Линия на экране выравнивалась буквально на глазах.

— Этому может быть только одно объяснение. Он приказывает себе умереть. И мы должны остановить его! Сестра! Неоскоп — десять кубиков!

— Десять? Но, доктор...

— Я сказал десять, значит, десять! Быстрее!

Сестра все еще колебалась. Клифффорд с проклятиями бросился к препаратам и схватил шприц. До сих пор он не слышал, чтобы кто-нибудь вводил неоскоп одновременно с РП-икс, но предполагал, что результат будет радикальным, возможно, даже трагическим.

Но это был единственный выход.

Он медленно и осторожно ввел препарат в сонную артерию пациента, каждую секунду напряженно ожидая, что его попытаются остановить. Но никто не остановил его, и...

Лекарство сработало!

Едва он успел вынуть иглу, как губы пациента дрогнули и он заговорил с сильным акцентом, но очень отчетливо. Глаза его при этом оставались закрытыми.

— Попался — умри! Умри! Они здесь, мы проиграли, мы проиграем!

Теккерей нажал на клавишу, и чутким микрофоном стал улавливать каждый звук. Пациент немного шепелявил и все короткие гласные произносил почти одинаково.

— Провалился... — пробормотал он смиренно, — значит, вышел из игры... Умри... Все кончено...

— Кто вы? — громко спросил Клиффорд. — Как ваше имя?

Пациент боролся некоторое время с эффектом, который производил на него неоскоп, но в конце концов сдался. Снова облизывая губу, он выговорил:

— Имя? Сион... Фаматеус.

— Что это за имя? — недоуменно спросил Макафферти, но Клиффорд не обратил на него внимания и снова спросил пациента:

— Откуда вы прибыли?

— Откуда? Откуда... куда... туда-куда... туда...

— Он пытается уйти в эхололию, — сказал вдруг Маккафферти. — Что за чертовщина, он боится настолько, что предпочитает лишиться рассудка? — в его голосе послышался холодок ужаса.

Внезапно подал голос Теккерей.

— Сион Фаматеус! Это приказ! Откуда вы явились?!

— Откуда-оттуда. Откуда-куда... Куда-туда... туда-куда...

— Приказываю вам отвечать!

На этот раз прием сработал. Лицо пациента расслабилось.

— Сион Фаматеус, — сказал он почти нормальным голосом, — прибыл из Пудаллы в Тоу-Сити...

Бросив встревоженный взгляд на энцефалограмму, Клиффорд спросил, пытаясь подражать властным интонациям Теккерей:

— Зачем вы здесь? Какова ваша цель?

— Распространять... — далее очень невнятно, — как можно дальше... Если ты попадешься... — в его голосе снова послышалась тревога, — должен сразу умереть. Попался — умри! Должен умереть!..

Его тело вдруг содрогнулось в конвульсиях и обмякло. Медсестра, наблюдавшая за дисплеями, сказала:

— Доктор, у меня везде нули.

Клиффорд стащил с лица маску и произнес:

— Что бы мы ни делали, он добился своего. Он мертв.

— Но почему? — спрашивал Маккафферти, когда они вернулись в кабинет Клиффорда. — Мне доводилось слышать о том, что в примитивных культурах люди могут приказывать себе умереть, но никогда

по-настоящему не верилось, что такое бывает. С другой стороны, я не нахожу других объяснений тому, что сделал с собой этот парень.

— У меня есть одна гипотеза, — задумчиво произнес Клиффорд и взглянул на Теккерея. — Можно еще раз прослушать вашу запись?

Пожав плечами, инспектор перемотал пленку обратно, и в третий раз они услышали задыхающуюся речь незнакомца:

Когда запись окончилась, Клиффорд сказал:

— Вы согласны со мной в том, что этот человек боялся чего-то неопишимо страшного, чему он предпочел смерть?

— Я... — начал Маккаферти и помедлил в раздумьи. — С этим я согласен. — Он подался вперед. — Но остальное звучит просто бессмысленно. На Земле не существует места под названием Тоу-Сити! Я, во всяком случае, не слышал о таком.

— Он говорил не о городе, — сказал Клиффорд. — Дело в его произношении. Мы с вами произнесли бы это название как «То-Сети».

После паузы, в течение которой стояла мертвая тишина, Теккерей взорвался:

— Черт возьми! Но ведь так называется *звезда*!

— Да, я знаю.

— Но... О, нет. Нет, док, извините меня. Я знаю, к чему вы клоните, но не могу с вами согласиться.

— Что ж, раз вы не хотите слушать меня, я готов призвать на помощь авторитет. — Клиффорд достал из кармана рацию: — Сестра, астронавт Бьюэл еще не выписался?

— Бьюэл? — переспросил голос медсестры. — Кажется, сегодня должны были выписать... Да, как раз сейчас он собирается покинуть больницу. Хотите, чтобы я задержала его?

— Будьте любезны. Скажите ему, что я прошу его срочно зайти ко мне в кабинет! — Клиффорд повернулся к собеседнику. — Далее. Вы слышали, как этот Сион Фаматеус сказал, что ему было приказано что-то распространять, верно? А что в данный момент распространяется с бешеной скоростью? Не Чума ли?

— Вторжение со звезд? — пробормотал Теккерей. — Нет, слишком притянуто за уши. Как такое возможно, если до сих пор идут споры о том, может ли космический корабль достичь ближайших звезд...

— И тем не менее, — не сдавался Клиффорд.

— Клифф, вы сошли с ума! — рассердился Маккаферти. — Перемещения к звездам невозможны без перемещения во времени, если хотите знать. В таком случае, мне непонятны причины, по которым будущее стремится заразить смертельной болезнью свое собственное прошлое!

— На этот вопрос у меня пока нет ответа, — сказал Клиффорд. — Но вы забываете о том, что мы живем в четырехмерном континууме. Есть ли путешествия в космическом пространстве... Да?

Его прервал стук в дверь, и вошел озадаченный Бьюэл.

— Док, в чем дело? Я уже собирался выписаться отсюда и отпра-

виться в приличный отель... — он умолк при виде человека в полицейской форме с диктофоном в руках, серьезного лица Маккаферти и напряженного выражения, застывшего на лице Клиффорда.

— Я знаю и прошу меня извинить, — ответил Клиффорд. — Дело в том, что я хочу убедить этих двоих и еще Бог знает скольких людей в том, что перемещения во времени столь же возможны, как и перемещения в пространстве.

— Вы все еще не выбросили из головы теорию Вейсмана? — спросил Бьюэл. — Я же сказал вам, что для нее пока нет практического приложения!

— А если бы было? — настаивал Клиффорд.

— Тогда, конечно, перемещение во времени было бы неизбежным. Если вы перемещаетесь в неоднородном пространстве на большие расстояния, так или иначе вы будете двигаться назад во времени, потому что скорость света — C — является конечным пределом скорости. Я полагаю, что в этом случае уравнение будет читаться наоборот и получится, что вы начали свое путешествие позже, чем достигли пункта назначения!

— О'кей, теперь я кое-что вам объясню, — сказал Клиффорд и, откинувшись на спинку кресла, сложил вместе ладони. — Когда полиция с помощью «ищейки» проводила расследование в «Кент Фармацевтикалз», она нашла след того человека, который подозревался в разгроме лаборатории. Но они нашли также и более поздний след этого человека, который начинался и кончался внутри самой лаборатории. Внутри не только прочнейших стен, но и ультрасовременной системы сигнализации. Далее, когда был взорван американский самолет с биохимической лабораторией, один из оставшихся в живых сказал, что видел в самолете постороннего человека. Когда прибыли пожарные, его уже не было там. И в первом, и во втором случае приметы этого человека соответствуют приметам одного типа, который смог доказать, что находился в сотне миль от места происшествия. Мне продолжать?

Бьюэл был сбит с толку.

— Док, вы хотите сказать, что кто-то имеет в своем распоряжении телепортатор?

— Не имеет. Будет иметь. У вас есть, что возразить?

— Нет... не думаю... — Бьюэл нервно сглотнул.

— В таком случае, мы должны поставить на него капкан, — сказал Клиффорд. — С сотней дьявольски острых зубов!

8

Лаборатории в «Барнади и Глод, Лимитед» были оснащены куда более скромно, чем в «Кент Фармацевтикалз», но это не имело значения. «Барнади и Глод» была известной фармацевтической фирмой, преуспевающей в производстве антибиотиков, что вполне соответ-

вовало широко разрекламированному сообщению о ее успехах в синтезе кризомицетина. В действительности это было неправдой, хотя уже в течение пяти лет эта фирма поставляла «Кент Фармацевтикалз» и многим другим высококачественные натуральные культуры бактерий. Но сообщение о ее успехах должно было прозвучать убедительно. Просто не могло быть иначе...

Клиффорд до боли в глазах вглядывался в темный проем герметичной двери, сжимая рукоятку пистолета. Позади него Фаркуар осваивал очередное хитрое устройство, следя за стрелкой инфракрасного детектора, который должен был отреагировать на появление человека в соседнем помещении. По всему зданию в ожидании гостя притаились мужчины и женщины, вооруженные пистолетами и газовыми баллончиками. Клиффорду стоило большого труда убедить власти в необходимости устроить засаду. Вот уже две ночи они ждали безрезультатно, и Клиффорд знал, что, если ничего не произойдет и на этот раз, на него попросту махнут рукой.

Какой бы безумной ни казалась его гипотеза, Клиффорд оставался уверен в том, что только она могла объяснить факты.

Часы показывали десять минут третьего ночи — мертвое время суток. Мысли Клиффорда блуждали; он вспомнил Рона и Лейлу и все те ошибки, которые совершил.

Вдруг Фаркуар тронул его за локоть и потянулся к выключателю на стене. Клиффорд моментально рванулся к двери, забыв обо всем.

В следующее мгновение посреди лаборатории, залитой безжалостным светом прожекторов, стоял высокий мужчина с проседью в темных волосах. Он дико озибался, но бежать было некуда. Отовсюду к нему бросились люди с веревками, моментально связали по рукам и ногам и, не слишком с ним церемонясь, уволокли прочь из лаборатории. Главным для них было удалить его из пространства, конгруэнтного тому, на которое был настроен телепортатор.

Меньше чем через минуту его доставили в другое помещение, где что-то завывало и вспыхивало, кожу покалывало от электрических разрядов, а зубы ломило от боли. В этой комнате было собором воедино все, что могло, по их представлениям, нарушить работу телепортатора. Среда в этом помещении менялась каждую долю секунды.

Там они освободили его конечности, и он поднялся на ноги, представ перед их беспощадными взглядами.

— Разве вы не собираетесь умертвить себя? — громко спросил у него Клиффорд.

Боргам с достоинством покачал головой.

— Это выход, к которому мы прибегали, попадая в плен к Дорри'ни. Но откуда вам это известно? Пытали кого-нибудь из моих людей?

Клиффорд пропустил язвительное замечание мимо ушей и спросил, вложив всю свою надежду в один-единственный вопрос:

— Откуда вы и из какого времени?

Боргам уставился на него в искреннем удивлении.

— Никогда бы не поверил, что вы настолько развиты, чтобы так ставить вопрос. Но раз это так, я отвечаю прямо. Я родился здесь, на Земле, но... позвольте мне сосчитать... примерно в 2620 году по вашему календарю.

— Это вы занесли к нам Чуму?

— Да.

— Но *зачем*? — Клиффорд сделал полшага к нему, борясь с желанием изрешетить пулями этого гордого незнакомца.

— Сначала ответьте мне на один вопрос, — произнес Боргам, не отрывая взгляда от дула пистолета в руке Клиффорда. — Правда ли, что эта Чума, как вы ее называете, вышла из-под контроля и вы не в силах противостоять ей?

— Да, черт возьми! Да, это так!

Боргам расслабился и широко улыбнулся.

— Значит, мое задание выполнено, — просто сказал он. — А теперь позвольте представиться: генерал-полковник Андрем Аль-Мутавакиль Боргам. Я имею честь командовать корпусом Коррекции Времени в армии людей.

Его слушатели ошеломленно молчали, затем Клиффорд глуповато произнес:

— А, так вот почему... Я хочу сказать, что сразу подумал о том, что вы военный... Но вы не ответили на мой вопрос!

— Теперь я могу сделать это, поскольку мне нечего терять даже в том случае, если вы меня убьете. Все, что я мог потерять, уже кануло в бездну нереализованного будущего.

На его высоком лбу заблестел пот, но голос оставался твердым.

— Я вижу, что вы пока еще не способны создать телепортатор, но зато знаете способ, которым можно его вывести из строя, — он кивнул в сторону электрического оборудования, которое обеспечивало постоянное изменение среды в помещении. — Слава богу, что вы не догадались установить такую систему в лаборатории у Кента! Иначе... Впрочем, я забегаю вперед.

Постараюсь быть краток. Итак, в том времени, из которого я вернулся, мы располагаем целой сетью телепортаторов, соединяющей большую часть ближайших звезд. Существует более дюжины наших колоний на других планетах. Существуют? Будут существовать? Нет, точнее будет сказать — с у щ е с т в о в а л и, потому что мне удалось изменить ход событий, которые привели к их созданию.

В ходе наших космических исследований мы вошли в контакт с другими разумными существами, которые называли себя Дори'ни.

Говоря вашим языком, я назвал бы их расой душевнобольных. Поверьте, мы не сделали им ничего дурного: наоборот, мы отнеслись к этому событию, как к исполнению вековой мечты. На наши привет-

ствия они отреагировали безумной атакой. Благодаря эффекту неожиданности и нашей многовековой привычке мыслить мирными категориями, им удалось оттеснить нас к планетам Солнечной системы прежде, чем мы успели опомниться и собрать силы для защиты.

И все же у нас было одно существенное преимущество перед ними: у нас был телепортатор. Мы держали это в строжайшем секрете от них, под гипнозом внушая своим солдатам приказ умереть в случае попадания в плен к Дори'ни. Вы узнали об этом, и я теряюсь в догадках, как вам это удалось, ведь человек, которого вы допрашивали, находился в гипнотическом трансе и не знал о том, что находится на Земле, а не в плену у Дори'ни.

Конечно, основной ценностью телепортатора было не то, что он являлся средством передвижения среди звезд, а его способность перемещать людей и предметы *во времени*. Доказательство тому — мое положение здесь, не правда ли?

Крайним средством, к которому мы прибегли, из опасения, что Дори'ни атакуют наше последнее прибежище — саму Землю, стало основание корпуса Временной Коррекции. С помощью телепортатора мы стали изменять историю всех битв, которые мы проиграли в этой ужасной войне. Какое-то время удача была на нашей стороне, но удар, который Дори'ни припасли напоследок, был наиболее хитрым и убийственным. Роковую роль сыграл тот факт, что на протяжении почти трехсот лет, каким бы невероятным это ни показалось, люди не переболели ни одной болезнью.

Блестящим от возбуждения взглядом он обвел лицо ошарашенных слушателей.

— Вы не верите мне, не так ли? Но обратите внимание вот на что: уже сейчас на вашей Луне живут дети, которые никогда не сталкивались со многими инфекциями, знакомыми их родителям. Процесс отдаления от Земли с ее микрофлорой развивался по нарастающей: от Луны мы двигались к Марсу, к лунам Юпитера, другим планетам. С каждым шагом мы больше и больше отвыкали от микробов, которые легко переносятся вами. Мы разработали метод обнаружения инфекции в течение нескольких минут и привыкли носить при себе маленькие универсальные антитоты, которые быстро идентифицируют и убивают чужеродный микроорганизм. Это превратилось в рефлекс: понюхал, проглотил, и болезни как не бывало!

Узнав об этом, Дори'ни создали Чуму.

Не бывает и двух одинаковых случаев течения этой болезни. Она мутирует в соответствии с сопротивлением, которое встречает. Чем настойчивее мы боролись с ней, тем вернее она нас убивала. Сейчас у вас умирает каждый десятый пациент. В том времени, откуда я прибыл, лишь один из ста имел шансы выжить, потому что мы лишились всего того иммунитета, который, как само собой разумеющееся, имеется у вас. Сколько болезней победил каждый из вас, пока не стал

взрослым? Сто? Тысячу? О существовании большинства из них вы даже не догадывались!

И мы стали умирать от Чумы как... есть у вас очень точное выражение.. А! Как мухи! Мы умирали, зная, что это последнее оружие у Дори'ни, и если бы не оно, мы выиграли бы войну.

Голос его задрожал, и он провел рукой по лицу.

— Необходимо было хотя бы зафиксировать тот момент, когда Дори'ни инфицировали нас. Но они оказались хитрее, чем нам казалось сначала. У болезни, которую они создали, был длинный инкубационный период. Прежде чем мы поняли это, буквально сто миллионов человек уже разнесли эту болезнь по всей цепочке планет, одновременно соединенных телепортаторной сетью. Эпидемия разразилась одновременно на таком огромном пространстве, что уже невозможно было отыскать ее источник.

Когда-то мой корпус насчитывал миллион мужчин и женщин. А знаете, скольким удалось добраться до вашего времени? Ста четырнадцати! И все же я привел их сюда, в прошлое, чтобы пресвести самую главную в нашей истории операцию по коррекции времени, которая может дать единственный для человечества шанс выжить.

Он уронил голову, и теперь им пришлось напрячь слух, чтобы услышать его слова.

— Мы вынуждены были принести вам эту Чуму... от которой не существует панацеи.

— Что вы сказали? — воскликнул Клиффорд.

— Увы, да. В этом и суть, неужели вы не поняли? — Он тяжело задышал, словно сам был на грани обморока. — Неужели вы думаете, что мое сердце не обливалось кровью, когда я уничтожал драгоценные результаты ваших усилий по созданию кризомиксина? Неужели я стал бы делать это, если бы не имел на то веских причин? Теперь, когда каждый будет подвержен ее влиянию, для многих появился шанс выжить, как это ни парадоксально!

На этот раз все случится иначе. Дори'ни снова встретятся с нами — пусть с немногими из нас — и снова начнут свою невероятную войну. Но теперь мы сможем противостоять их последнему оружию — чудовищной инфекции. Я знаю, что так будет, потому что здесь и сейчас говорю с вами, которые уже столкнулись с этой болезнью и, возможно, когда-нибудь научатся справляться с нею, как с обыкновенной простудой. В каждом поколении кто-то будет погибать от нее — неизбежный и жестокий отбор! Но само существование такой болезни не позволит медицине деградировать до уровня обыденной привычки, не подкрепленной научным поиском и практическим искусством. Поэтому многие, кто в будущем был обречен на гибель, теперь останутся в живых.

После длинной паузы Клиффорд спросил:

— Почему выбор пал именно на нашу страну?

— Из-за высокой плотности населения и потому, что здесь перекрещиваются большинство транспортных линий, соединяющих вас с остальным миром. Похоже, мы сделали правильный выбор. Потому что... — внезапно его речь прервал судорожный кашель и он повалился на пол.

Когда Клиффорд присел возле него на корточки, он в последний раз открыл свои пронзительные темные глаза и произнес:

— Видите: я — венец многовекового процесса в медицине — умираю! Если бы я мог вернуться и принять антидот...

На его тонких губах выступила пена, он захрипел и снова закашлялся, на этот раз громче и дольше.

— Почему вы открыто не обратились к нам? — спросил Клиффорд.

— Дело ведь не только в Дори'ни... Мы не должны вечно видеть в них врагов... Мы... — он умолк и скорчился в неподвижности.

Повисла мертвая тишина. Наконец подал голос Фаркуар:

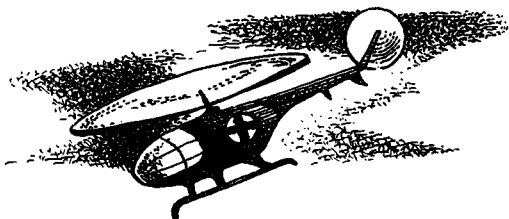
— Доктор, вы верите тому, что он рассказал?

— Не знаю, — ответил Клиффорд. — Как бы то ни было, мы поставлены перед фактом.

Он вышел на холодный ночной воздух. Высоко над ним мерцали звезды. Со всех сторон доносились звуки города, который из последних сил боролся со смертельной угрозой: вой сирен «скорой помощи», жужжание вертолетов, приглушенное гудение многочисленных механизмов.

Он устремил взгляд в темноту, где умирали мужчины и женщины. Существует ли цель, которая может оправдать это? Верит ли он истории, рассказанной Боргамом? Примирились бы Рон и Лейла с мыслью о том, что должны умереть?

Долго еще не будет ответов на эти вопросы. До тех пор, пока человечество не столкнется с врагом, которого, может быть, и не существует. Но если этот враг все-таки будет существовать, то он уже проиграл войну Клиффорду, и Маккаферти, и миллионам других.

Джеймс Ганн

БЕССМЕРТНЫЕ

Клиника была пуста.

Генри Эллиот, направляясь к задрапированному операционному столу, подавил зевок. Стол стоял под холодным, не дающим тени светильником в глубине большого зала, выложенного антисептическим белым кафелем и насыщенного невидимым противобактериальным излучением. Генри зажег бунзеновские горелки, стоящие по обе стороны стола, и включил вентиляторы, размещенные под фреской, изображающей Бессмертие, поражающее Смерть медицинским шприцом. Воздух, идущий прямо из Медицинского Центра, был чистым, свободным от бактерий, с запахом больничного ладана — алкоголя и эфира. Знания, хирургия и исцеление — клиника могла дать каждому то, в чем он нуждался.

Гарри пришел в вывод, что, вероятно, это будет еще один обычный день. Вскоре зазвучит ужасающая какофония сигналов, означающих, что уже шесть часов, и заводы выбросят человеческий поток в

каналы между высокими стенами. И, значит, через час или два у него будет масса работы.

Однако это была неплохая смена. Он был занят только между шестью и комендантским часом и время от времени мог заглянуть в Гериатрический Ежедневник, чтобы спроецировать пару катушек текста на внутреннюю поверхность стекол своих очков. Он носил их не затем, чтобы лучше видеть (возникли такая необходимость, он пользовался бы контактными линзами), а потому, что они хорошо подходили для проекции и выглядел он в них важнее и взрослее.

Для восемнадцатилетнего Гарри это имело большое значение... Воскресенье было отвратительно, но воскресенье было отвратительно для каждого.

Хорошо бы, все уже закончилось. Еще неделя, и он снова будет работать внутри. Еще шесть месяцев, и он будет удовлетворять всем условиям постоянной работы в институте. Как только комиссия его примет — а он не сомневался, что именно так и будет, — он наконец покончит с клиником. Нести лекарство в массы — да, это прекрасная идея, об этом, кстати, говорит и клятва Гиппократ, но медик должен мыслить практически. Невозможно обеспечить медицинское обслуживание всем. Лечить одному воспаление уха, а другому триппер, все равно, что выливать антибиотики в реку. Результат незаметен. С людьми же, имеющими шансы на бессмертие, дело выглядело иначе. В этом случае спасение жизни имело смысл. Это даже могло дать ему отсрочку, когда она понадобится, а отсрочки могли перерасти в бессмертие.

Впрочем, перспективы были не очень-то розовыми. Лучшим способом было бы придумать такое, благодаря чему он стал бы человеком, которого стоит охранять. Тогда благодарные избиратели проголосуют за наделение его бессмертием. Именно потому Гарри и решил специализироваться в гериатрии.

Самое главное — это синтез. Мир не может вечно зависеть от Картрайтов. Они были слишком эгоистичны и предпочитали скрывать свое случайное бессмертие, нежели через равные промежутки времени сдавать некоторое количество крови. Если проведенный Фордайсом статистический анализ работ Локка верен, в мире достаточно Картрайтов, чтобы дать бессмертие 50000 человек — и число это будет возрастать в геометрической прогрессии, по мере того как будут рождаться новые Картрайты. Если бы только они не были такими самолюбивыми...

До сих пор их нашли всего столько, чтобы обеспечить бессмертие ста или двумстам людям — никто точно не знал скольким. Они могли давать свою бесценную кровь только в небольших количествах, и из нее получали ничтожные части гамма-глобулина, содержащего иммунизирующий агент. Даже применяя самое точное дозирование, приходилось ограничивать доступ к вакцине очень небольшим чис-

лом самых необходимых людей. Так поступали еще и потому, что иммунизация имела временный характер и сохранялась от тридцати до сорока дней. Если же удастся синтезировать протеины крови...

Он медленно шел к выходу на улицу, минуя размещенные по обеим сторонам длинного коридора кабинеты со стоящими в них диагностическими лежанками. Потом остановился между жезлами Эскулапа, поддерживающими потолок прямо над воздушным занавесом, закрывающим доступ летней жары, зимним холодам, пыли и болезням города.

Здание клиники боком касалось стены Медицинского Центра. Напротив возвышалось высокое ограждение завода, производящего бронированные машины, экспортировавшиеся потом в пригороды. Именно отсюда Центр получал свои санитарные машины. Чуть дальше находилась вторая, меньшая пристройка, и на ее крыше красовалась неоновая надпись: ЗАКУПКА КРОВИ. У входной двери висело еще одно, меньшее объявление: «Сегодня платим 5 долларов за пинту».

Уже через несколько минут техники банка крови будут трудиться в поте лица, вонзая иглы в покрытые шрамами вены предплечий рабочих, которые после знаменующего конец работы свистка начнут проходить через лабораторию, расходуя свои жизненные силы. Многие из них вернутся еще до того, как пройдут две недели, другие, менее многочисленные, — через два месяца. Избавиться от них невозможно, они будут делать все: торговать удостоверениями личности, сдирать кожу с внутренней стороны предплечий, чтобы замаскировать след недавнего укола, клясться, что шрамы остались после инъекций антибиотиков...

А потом они одним глотком выпьют апельсиновый сок — некоторые дети сдавали кровь только потому, что никогда прежде не пили сока — схватят свои пять долларов и помчатся к ближайшему торговцу нелегальными антибиотиками и другими лекарствами.

Или отдадут их знахарю, чтобы смазал бальзамом какого-нибудь пожилого инвалида или пробормотал заклинания над умирающим младенцем.

Ну что ж, граждане тоже нужны, об этом не следует забывать. Они представляли собой огромный источник иммунологических препаратов, а сами были отданы на милость различных болезней, возникающих от нужды, невежества и грязи. Благородные нуждались в гамма-глобулине своих граждан, в их антителах. Благородным требовалась сыворотка крови, которую производили тела граждан, вакцины, производимые благодаря реакциям их организма.

За банком крови стена Центра резко поворачивалась, и дальше начинался город. Город не умирал, он уже был мертв.

Деревянные дома превращались в груды гниющих развалин, доходные дома рассыпались, и лишь кое-где стояли фрагменты стен.

Стены из алюминия и магния были поцарапаны и побиты, повсюду царило запустение. Однако, подобно тому, как свежие побеги пробивают в лесу слой мертвых листьев, так и город рождался снова. Из досок, собранных на свалках, строили двухкомнатную хибару; за руинами доходного дома стоял кирпичный домик, а металлические стены превратились в ряд шалашей.

Замкнутый круг, подумал Гарри. Из смерти рождается жизнь, кончающаяся гибелью. Только человек может вырваться из него. От предыдущего города остались только окруженные заборами заводы и обширные комплексы больничных зданий. Они высились за своими стенами — высокие, могучие и безжалостные. На стенах в оранжево-красных лучах солнца поблескивали бронированные сторожевые вышки.

Зазвучали свистки разных тонов и громкости, создавая удивительный, пугающий контрапункт, гармонирующий с видом заходящего солнца. Было в этом что-то первобытное и возбуждающее, что-то напоминающее дикую церемонию с целью умолить богов вернуть солнце.

Ворота свернулись, открыв отверстия в стенах завода, и рабочие хлынули на улицу — мужчины и женщины, дети и старики, слабые и сильные. Они были чем-то похожи друг на друга: оборванные, грязные и испуганные — жители города. Им бы надо чувствовать себя несчастными, но обычно они были веселы. Если от реки еще не тянуло сомог, они смотрели вверх, на голубое небо, и смеялись без причины. Дети под ногами родителей играли в пятнашки, крича и смеясь, и даже старики снисходительно улыбались.

Это здоровые благородные всегда были степенны и озабочены. Что ж, это вполне понятно: те, что живут в неведении, могут веселиться. Гражданам незачем переживать о здоровье или бессмертии. Впрочем, это просто превосходило возможности их понимания. Они появлялись, как поденки, чтобы беззаботно полетать и умереть. Знание же несло с собой заботы, за бессмертие требовалось платить.

Настроение Гарри улучшилось, когда он подумал об этом. Видя толпы граждан, не имевших ни малейшего шанса на бессмертие, он сразу понимал свое превосходство. Его воспитывали на пригородной вилле, вдалеке от болезней и отвратительных испарений города, с младенчества ему был обеспечен тщательный медицинский контроль. За его спиной были четыре года средней школы, восемь лет обучения медицине и почти три года интернатуры.

В борьбе за бессмертие это давало ему явное преимущество, и он считал, что беспокойство и тревога — справедливая цена за это.

За стенами взывали сирены, и Гарри повернулся. Ворота Медицинского Центра свернулись.

Сначала выехал эскорт на мотоциклах. Люди на улицах разбега-

лись под стены, оставляя свободной полосу посреди мостовой. Полицейские небрежно проехали рядом с ними — здоровенные парни с фильтрами в ноздрях, надменностью в прикрытых очками глазах и с револьверами, висящими на бедрах. Полицейский — это да! — подумал Гарри. И если приписываемые им успехи у женщин только на одну десятую соответствовали истине, не было женщины — начиная с гражданки и кончая дамами из пригородов — которые могли бы устоять перед ними.

Ну что ж, пусть развлекаются. Он выбрал более безопасный и верный путь к получению бессмертия. Немногие полицейские добились его.

За мотоциклистами появилась санитарная машина. Ее бронированные люки были закрыты, автоматическое сорокамиллиметровое орудие нервно искало цель. Позади ехала на мотоциклах очередная группа полицейских. Внезапно над колонной появился вертолет, что-то сверкнуло в лучах солнца и превратилось в ряд небольших округлых предметов, отделяющихся от машины и падающих на улицу. С тихими хлопками они лопались один за другим, ложась вдоль всей колонны. Полицейские повалились на мостовую, как марионетки, у которых перерезали ниточки. Сила инерции еще тащила их вперед, а мотоциклы затормозили и останавливались.

Санитарная машина остановиться не смогла. Переехав тело одного из мотоциклистов, она ударила с мотоцикла, столкнув его с дороги. Сорокамиллиметровое орудие нервно подергивалось, пытаясь поймать вертолет в радарный прицел, но машина летела над самыми крышами и исчезла, прежде чем прозвучал хоть один выстрел. Гарри почувствовал резкий, пронзительный запах, голова его как будто распухла и стала удивительно легкой. Улица накренилась и выпрямилась снова.

В толпе за санитарной машиной кто-то взмахнул рукой, что-то мелькнуло в воздухе и разбилось о крышу машины. Во все стороны брызнуло пламя: оно стекало по бортам, проникая в амбразуры и смотровые щели, его втянуло в воздухозаборник.

Следующую минуту ничего не происходило. Все это напоминало живую картину — машина и балансирующие мотоциклы, полицейские и ближайшие граждане, лежащие на мостовой, зеваки, пламя, рвущееся вверх, клубы черного, жирного дыма...

Открылась боковая дверь машины, и, пошатываясь, вышел медик. Он судорожно стискивал что-то в одной руке, пытаясь другой погасить лижущее его белую куртку пламя. Граждане смотрели молча, никто не спешил помочь ему, но никто и не мешал. Из толпы вышел черноволосый мужчина, поднял руку с чем-то темным и опустил ее на голову медика.

До Гарри не доносился ни один звук, все заглушал рев работающих на медленных оборотах двигателей мотоциклов и санитарной машины.

Пантомима продолжалась, и он был частью аудитории, которая

смотрела, как медик падает, мужчина останавливается, голыми руками сбивает пламя, вынимает из руки медика предмет, который тот сжимал, и смотрит на дверь машины.

Гарри заметил, что в ней стоит девушка. С этого расстояния он видел только, что она темноволосая и стройная.

Огонь на машине погас, девушка стояла в дверях, не двигаясь. Мужчина, стоявший около лежащего медика, взглянул на нее и начал было поднимать руку, но остановился, опустил руку, повернулся и исчез в толпе. Прошло всего две минуты с тех пор, как завывли сирены.

Граждане молча двинулись вперед, девушка повернулась и отступила в глубь машины. Граждане забрали у полицейских одежду и оружие, а из машины черную сумку и запас медикаментов, подобрали своих лежащих товарищей и исчезли.

Это смахивало на колдовство. Минуту назад улица была полна народу, а в следующий момент на ней не осталось никого.

За стенами Медицинского Центра вновь завывли сирены, и это словно сняло заклятие с Гарри. Он побежал по улице, крича что-то бессмысленное.

Из санитарной машины вышел маленький худенький мальчик, не старше семи лет, с коротко подстриженными светлыми волосами, темными глазами и смуглым лицом. Одет он был в потрепанную, некогда белую тенниску и обрезанные выше колен джинсы.

Он вытянул руку в сторону машины, а из двери навстречу ему высунулась желтоватая ладонь с пальцами, как когти, и рука, похожая на перекрученную ветку, сплетенную вьющимися, как лианы, шнурами голубых вен. Это была рука очень старого человека, стоявшего на негнувшихся, как ходули, ногах. Его волосы были тонкими и белыми, как шелковые нити, кожа на лице и черепе напоминала сморщенный пергамент. Лохмотья туники свисали с костлявых плеч и согнутой спины, закрывая бедра. Мальчик медленно и осторожно вывел старика на мостовую. Старик был слеп, его плоские темные веки прикрывали пустые глазницы. С трудом наклонился он над медиком, ощупал его голову. Потом подошел к полицейскому, переехавшему санитарной машиной. У него была раздавлена грудная клетка, и когда он пытался втянуть воздух в легкие, на его губах лопались пузырьки розовой пены.

В сущности, он был уже мертв. Медицина была бессильна при таких тяжелых и обширных повреждениях.

Гарри схватил старика за костлявую руку.

— Что ты хочешь делать? — спросил он.

Старик не шевельнулся. Он подержал руку полицейского в своей ладони, потом выпрямился под аккомпанемент трещащих суставов.

— Я лечу, — ответил он голосом, похожим на скрип наждачной бумаги.

— Этот человек умирает, — сказал Гарри.

— Мы все умираем, — ответил старик.

Гарри взглянул на мотоциклиста: тот дышал с меньшим трудом, а может, ему только показалось?

Именно в этот момент подбежали санитары с носилками.

Гарри с трудом нашел кабинет декана. Медицинский Центр занимал площадь нескольких сотен городских кварталов, его увеличивали под влиянием каких-то особых, непонятных импульсов. Никто и никогда не планировал, что он будет таким большим, но вдруг достроили крыло, когда не хватило места для лабораторий, потом еще одно, затем переходы, коммуникационные артерии — внизу, вокруг, через самый центр...

Его проводником был светящийся указатель, ведущий через никак не обозначенные коридоры, и Гарри пытался запомнить дорогу, но напрасно. Оказавшись на месте, он вложил указатель в замок бронированной двери, тот всосал его, и дверь открылась. Как только Гарри вошел, она вновь захлопнулась и закрылась на засов. За дверью оказалась пустая приемная, у одной из стен на металлической, прикрепленной к полу скамье сидели мальчик и старик из санитарной машины. Мальчик с любопытством взглянул на Гарри, потом стал смотреть на свои сложенные ладони.

В некотором отдалении от них сидела на скамье девушка, похожая на ту, что стояла в дверях машины, но Гарри казалось, что та была ниже и помоложе. Лицо ее было бледно, и только глаза при виде его вспыхнули какой-то необычной мольбой, а затем снова угасли. Гарри окинул взглядом ее мальчишескую, еще не сформировавшуюся фигуру. Одета она была в простое, подпоясанное в талии коричневое платье, и Гарри подумал, что вряд ли ей больше двенадцати-тринадцати лет.

Динамик, видимо, уже не первый раз повторил вопрос:

— Фамилия?

— Доктор Гарри Эллиот, — ответил он.

— Подойдите для идентификации.

Он подошел к стене, рядом с находящейся в глубине помещения дверью, и приложил ладонь к вмонтированной в нее плите. В его правый глаз сверкнуло светом — сравнивался узор сетчатки.

— Прошу положить все металлические предметы в контейнер, — приказал динамик.

Гарри заколебался, затем вынул из кармана блузы стетоскоп, снял часы, освободил карманы брюк от монет, перочинного ножа и гипноизлучателя.

Что-то щелкнуло.

— Фильтры, — сказал динамик.

Гарри вынул из ноздрей фильтры и тоже положил их в контейнер. Девушка наблюдала за ним, но, когда он взглянул в ее сторону, отвернулась. Дверь открылась, он вошел, и дверь закрылась снова.

Кабинет декана Мока находился в великолепной комнате длиной в тридцать и шириной в двадцать футов и был обставлен в викторианском стиле. Мебель, особенно сделанный из желтого дуба стол со шкафчиком красного дерева для врачебных инструментов, выглядела подлинным антиквариатом.

Комната впечатляла богатством обстановки, однако Гарри предпочитал модерн двадцатого века. Его чистые линии, стеклянные и хромированные части производили приятно эстетическое впечатление. Кроме того, это был стиль зарождения медицинской науки — периода, когда человечество начало понимать, что хорошее здоровье — это не случайность, что его можно купить, если люди захотят за него заплатить.

Гарри уже приходилось видеть декана Мока, но он не разговаривал с ним.

Его родители не могли этого понять, считая, что раз он врач, то тем самым равен по рангу всем работникам Медицинского Центра. Он постоянно объяснял им, насколько велико это место и как много людей в нем работало: 75 000-100 000 — только статистики знали точно. Однако это не помогало, они по-прежнему не могли его понять, и Гарри прекратил попытки объяснить что-либо.

Декан его не знал. Одетый в белую блузу, он сидел за столом, изучая бумаги Гарри, проецируемые на вкладке из матового стекла.

Черные волосы декана начинали редеть, ему было почти восемьдесят, хотя выглядел он моложе. Он был из хорошей генетической линии и имел репутацию отличного врача. Протянет еще лет двадцать, подумал Гарри, даже без уколов долголетия. Разумеется, к тому времени, принимая во внимание его должность и достижения, ему наверняка дадут отсрочку.

Мок вдруг взглянул вверх, и Гарри опустил глаза, но все-таки успел заметить в глазах Мока что-то вроде страха или отчаяния.

Этого Гарри понять не мог. Налет действительно был дерзким, под самыми стенами Центра, но ведь в этом не было ничего нового. Налеты уже бывали и наверняка будут совершаться и дальше. Если появляется что-то ценное, неблагонадежные люди пытаются это украсть. Во времена Гарри такой ценностью были лекарства.

Мок наконец заговорил:

— Значит, ты видел этого человека? Ты мог бы опознать его, если увидишь снова или если тебе покажут хороший солидограф?

— Да, сэр, — ответил Гарри. Почему Мока так взволновало это дело? Ведь он уже рассказывал обо всем главному врачу и коменданту полиции.

— Ты знаешь губернатора Вивера? — спросил Мок.

— Бессмертный!

— Не в том дело, — нерешительно прервал его Мок. — Ты знаешь, где он живет?

— Во дворце губернатора. Сорок миль отсюда, почти строго на запад.

— Да, да, — сказал Мок. — Ты отнесешь ему известие. Известие. Груз похищен. Похищен. — Мок имел обыкновение нервно повторять слова, и приходилось слушать внимательно, чтобы не потерять нить рассуждений. — Пройдет неделя, прежде чем мы подготовим следующий транспорт, неделя. Не знаю, как мы сумеем его доставить. Не знаю. — Последние две фразы Мок пробурчал себе под нос.

Гарри пытался понять, для чего все это. Отнести губернатору известие?

— Почему вы не позвоните ему? — бездумно спросил он.

Вопрос вырвал Мока из задумчивости.

— Подземные провода перерезаны. Перерезаны. Нет смысла их чинить. Люди, которых мы посылали для этого, гибнут, и даже если им удастся, на следующую ночь провода перерезают снова. Радио и телевидение глушатся. Приготовься. Тебе придется поспешить, чтобы добраться до юго-западных ворот до комендантского часа.

— Но ведь меня впустят, если я покажу пропуск, — сказал Гарри, ничего не понимая. Спятил он, что ли?

— Я тебе не сказал? Не сказал? — Мок провел рукой по лбу, словно убирая паутину. — Ты идешь один, пешком, переодетый гражданином. Конвой был бы полностью уничтожен. Уничтожен. Мы пытались. Три недели у нас нет связи с губернатором. Три недели! Он наверняка начинает беспокоиться. Нельзя допустить, чтобы губернатор начал беспокоиться, это нездорово.

Только теперь Гарри понял смысл приказа декана.

— Но мой район...

Мок нетерпеливо махнул рукой.

— Губернатор может сделать для тебя больше, чем дюжина комиссий. Больше.

Гарри закусил губу и начал перечислять, загибая пальцы.

— Мне понадобятся: фильтры в нос, малый медицинский набор, пистолет...

Мок покачал головой.

— Ни в коем случае. Это не будет соответствовать твоей роли. До дворца губернатора ты доберешься не потому, что будешь хорошо защищаться или лечить свои раны, а потому, что будешь хорошо изображать гражданина. День или два без фильтров не уменьшат твоей продолжительности жизни. Ну как, доктор? Пройдешь?

— Клянусь бессмертием! — взволнованно ответил Гарри.

— Хорошо, хорошо. И еще одно. Ты возьмешь с собой людей, которых видел в приемной. Мальчика зовут Кристофер, старик назы-

вает себя Пирсом. Он что-то вроде знахаря. Губернатор просил прислать его.

— Знахаря? — недоверчиво спросил Гарри.

Мок пожал плечами. По его лицу можно было понять, что он считает это восклицание бестактным, но Гарри не мог остановиться и продолжал:

— Если бы устроили пару показов для этих обманщиков...

— То клиники были бы еще более забиты, чем сейчас. Сейчас. Они играют положительную роль. И кстати, что мы можем сделать? Он не называет себя врачом, говорит, что он целитель. Не применяет лекарств, не оперирует, не дает советов... К нему приходят больные, и он их касается. Касается их. Можно ли это назвать врачебной практикой?

Гарри отрицательно покачал головой.

— А что делать, если больные уверяют, что излечились? Пирс ничего подобного не говорит. Ничего. Он не берет никаких гонораров. Никаких. Если больные ему благодарны и хотят что-то дать, кто может им запретить?

Гарри вздохнул.

— Мне нужно будет спать, и они убегут.

Мок насмешливо улыбнулся.

— Слабый старик и мальчик?

— Девушка довольно проворна.

— Марна? — Мок полез в ящик стола и вынул серебряный обруч, состоящий из двух половинок, соединенных шарниром. Он бросил его Гарри, тот подхватил обруч и осмотрел.

— Это браслет. Надень его.

Действительно, выглядело это как браслет. Гарри пожал плечами, надел его на запястье и защелкнул. Сначала ему показалось, что он слишком велик, но внезапно браслет сжался. Кожа под ним начала чесаться.

— Он настроен на браслет, который сейчас на руке девушки. Настроен. Когда она будет от тебя удаляться, запястье у нее начнет зудеть, и чем дальше она уйдет, тем сильнее это будет. Так что вскоре она вернется. Я бы надел такие же браслеты мальчику и старику, но они действуют только парами. Парами. Если кто-то попытается снять браслет силой, девушка умрет. Умрет. Браслет соединен с нервной системой, и ключ только у губернатора.

Гарри взглянул на Мока.

— А мой?

— То же самое. Для тебя это будет сигнальным устройством.

Гарри глубоко вздохнул и посмотрел на свое запястье. Ему казалось, что серебро поблескивает, как холодные глаза змеи.

— А почему один из них не надели медику?

— Надели. Пришлось ампутировать руку, чтобы спасти его.

Мок повернулся к столу, и кадры микрофильмов вновь замелькали на экране. Через минуту он поднял голову и, казалось, удивился, что Гарри не сдвинулся с места.

— Ты все еще здесь? Иди. Если хочешь успеть до комендантского часа, не теряй времени.

Гарри повернулся и пошел к двери.

— Берегись вампиров, — крикнул ему вслед декан Мок. — И избегай охотников за головами.

Еще до того, как они дошли до юго-западных ворот, Гарри разработал способ передвижения их небольшой группы, способ, который был одинаково неудобен для обеих сторон.

— Торопитесь, — говорил он. — До комендантского часа осталось несколько минут.

Девушка посматривала на него и отводила взгляд, а Пирс, который и так двигался быстрее, чем ожидал Гарри, говорил:

— Спокойно. Мы успеем.

Никто из них не хотел спешить. Тогда Гарри резко ускорял шаги, обгоняя остальных. Запястье его начинало чесаться, потом щипать жечь и болеть. Чем дальше позади оставалась Марна, тем сильнее становилась боль. Тогда мысль, что она испытывает то же самое, поддерживала его.

Вскоре боль начинала ослабевать, и, даже не глядя в ту сторону, Гарри понимал, что сломал ее сопротивление. Он оглядывался, зная, что она идет футах в двадцати за ним, предпочитая терпеть, чем подойти ближе.

Тогда он останавливался и ждал старика. В первый раз она прошла мимо, но вернулась, когда боль стала слишком сильной. В других обстоятельствах Гарри считал бы Марну прелестным созданием. Она была стройна и изящна, со светлой кожей и правильными чертами, а контраст между черными волосами и голубыми глазами был просто поразительным. Однако она была молода, озлоблена и связана с ним ненавистным для нее образом.

Они добрались до ворот за минуту до закрытия.

По обе стороны, насколько хватало глаз, тянулось колючее ограждение, полностью окружавшее город. По ночам через него пропускали ток высокого напряжения, а между двумя рядами сетки бегали собаки.

Однако граждане каким-то образом выбирались из города, создавая банды, и нападали на незащищенных путников. Это была одна из опасностей.

Начальник охраны был темнокожим благородным средних лет. В свои шестьдесят он уже потерял надежду на бессмертие и теперь старался взять от жизни все, что ему оставалось. В число его развлечений входило и издевательство над более слабыми.

Он взглянул на голубой дневной пропуск, затем на Гарри.

— Топека? Пешком? — От хохота его большой живот затрясся. Наконец благородный закашлялся и перестал смеяться. — Если вы не попадете в лапы вампиров, вас схватят охотники за головами. А за головы сегодня платят двадцать долларов. Правда, только за головы изгнанников, но ведь они не говорят. Наверняка не говорят, если их отделить от тела. Но я знаю, что вы собираетесь сделать. Вы хотите присоединиться к волчьей стае. — Он сплюнул на тротуар рядом с ногой Гарри.

Гарри с отвращением убрал ногу. Глаза охранника вспыхнули.

— Так вы пропустите нас? — спросил Гарри.

— Пропущу ли? — Начальник посмотрел на часы. — Не могу, уже начался комендантский час.

Гарри машинально нагнулся, чтобы посмотреть.

— Но ведь мы пришли до... — начал он, но кулак охранника ударил его за ухом, и юноша едва не упал.

— Вернись, откуда пришел, и останься там, ты, вшивый гражданин! — заорал охранник.

Гарри машинально потянулся к карману, в котором всегда держал свой гипноизлучатель, но карман был пуст. На языке его крутились самые страшные проклятия, но он не осмелился даже пикнуть. Он не был уже доктором Эллиотом, не был им до тех пор, пока не доберется до дворца губернатора. Он превратился в Гарри Эллиота, гражданина, которого каждый мог ударить кулаком и который должен быть счастлив, что это всего лишь кулак.

— Но если, — продолжал охранник, — вы оставите девушку заложницей... — Он закашлялся.

Марна отпрянула, случайно коснувшись при этом Гарри. Впервые, несмотря на тесную, особую связь, соединявшую их в боли и освобождении, они соприкоснулись, и с Гарри что-то произошло. Его тело рефлекторно отпрянуло, как от раскаленного стерилизатора.

Гарри обеспокоенно заметил, что Пирс, ориентируясь по голосу, идет в сторону охранника. Вытянув руку, он шарил ею в воздухе, потом коснулся мундира стражника, его плеча и вел ее вниз, пока не дошел до ладони. Гарри стоял неподвижно, сжимая кулаки, ожидая, когда охранник ударит старика. Однако благородного остановило уважение к возрасту, и он только удивленно смотрел на Пирса.

— Слабые легкие, — прошептал Пирс. — Будь внимателен. Воспаление легких может убить до того, как антибиотики успеют помочь. А в левом нижнем конце начинается рак...

— Эй ты... — Стражник резко отдернул руку, но в его голосе звучал страх.

— Рентген, — прошептал Пирс. — Не тяни.

— Я... у меня ничего не болит, — выдавил охранник. — Ты пробуешь меня испугать. — Он кашлянул.

— Избегай усилий. Сядь. Расслабься.

— Почему... — Он закашлялся сильнее и движением головы указал на ворота. — Идите, — сказал он. — Убейтесь и сдыхайте!

Кристофер взял старика за руку и вывел за ворота. Гарри схватил Марну — снова это прикосновение — и, то ли помогая ей идти, то ли подталкивая, прошел с ней через ворота, внимательно следя за охранником. Однако того интересовали гораздо более важные для него вопросы.

Как только они вышли, ворота с грохотом опустились. Гарри словно с отвращением выпустил Марну. Они вышли на правую часть заброшенной шестиполосной автострады. Некогда великолепная поверхность выщербилась и потрескалась, из трещин торчала высокая густая трава. По обе стороны росли сорняки, высокие, как молодые деревья, тут и там спокойно покачивались окруженные желтыми лепестками большие коричневые колеса подсолнуха.

А дальше тянулись руины того, что когда-то называлось пригородом. Когда-то от города его отделяла лишь нарисованная на карте линия, не было никаких заборов. Когда его построили, дома, оставшиеся за ним, вскоре развалились.

Настоящие пригороды находились гораздо дальше. Поначалу важнее расстояние оказалось время езды на машине, затем полета на вертолете. И наконец жизнь города кончилась. Стало ясно, что город превратился в рассадник болезней и канцерогенных факторов, и тогда его связь с пригородами была прервана. В город тянулись транспорты с продуктами и сырьем, из города вывозили готовую продукцию, но никто больше туда не приезжал, разве что в медицинские центры. Они сосредоточились в городе, поскольку именно там находились источники их сырья: кровь, органы, болезни, тела, на которых можно было экспериментировать...

Гарри шел перед Кристофером и Пирсом, рядом с Марной, но девушка не смотрела на него. Она шла, глядя перед собой, словно была совершенно одна. Наконец Гарри сказал:

— Слушай, я не виноват. Я этого не хотел. Почему бы нам не стать друзьями?

Она коротко взглянула на него.

— Нет!

Стиснув губы, он немного отстал — пусть ее пощипет. Какое ему дело до того, что тринадцатилетняя девчонка его не любит.

Небо на западе меняло цвет с пурпурного на темно-фиолетовый. Ничего не шевелилось среди руин и на дороге, они были одни в этом океане разрушений. С тем же успехом они могли быть последними людьми на опустевшей Земле.

Гарри вздрогнул. Вскоре станет трудно находить дорогу.

— Поторопитесь, — сказал он Пирсу, — если не хотите провести ночь здесь — среди вампиров и охотников за головами.

— Иногда бывает и худшее общество, — прошептал Пирс.

Прежде чем они добрались до мотеля, воцарилась глухая безлунная ночь, а старые пригороды остались далеко позади. Территория мотеля была погружена во тьму, светилась только большая неоновая реклама «МОТЕЛЬ», надпись поменьше: «Свободные места», а у ворот в ограждении на коврике третья гласила: «Добро пожаловать».

Гарри как раз собирался это сделать, когда Кристофер резко сказал:

— Доктор Эллиот, посмотрите! — Палкой, поднятой с земли в полумиле отсюда, он указал направо, в сторону ограждения.

— Что там? — рявкнул Гарри. Он устал, нервничал и был ужасно грязным. Внимательно взгляделся в темноту. — Мертвый кролик.

— Кристофер хотел сказать, что ограждение находился под напряжением, — объяснила Марна, — а коврик, на котором ты стоишь, металлический. Думаю, нам не стоит сюда заходить.

— Взор! — решительно ответил Гарри. — Вы что, хотите остаться здесь, на милость всем, бродящим по ночам? Я уже останавливался в таких мотелях, и все было в порядке.

Кристофер протянул ему палку.

— И все же лучше вам нажать кнопку этим.

Гарри нахмурился, взял палку и сошел с коврика.

— Ну, хорошо, — буркнул он. Со второй попытки у него получилось, и матовое стекло превратилось в глаз телекамеры.

— Кто звонит?

— Четверо идущих в Топеку, — ответил Гарри и поднес к объективу пропуск. — У нас есть чем заплатить.

— Добро пожаловать, — произнес динамик. — Домики номер тринадцать и четырнадцать откроются, когда вы бросите нужную сумму денег. Когда вас разбудить?

Гарри взглянул на своих спутников и сказал:

— На рассвете.

— Спокойной ночи, — сказал динамик.

Ворота свернулись. Кристофер провел Пирса мимо коврика, и они направились вниз по аллее. Марна шла следом. Гарри перепрыгнул через коврики и присоединился к ним.

Тонкая линия стеклянных кирпичей по краю дороги флуоресцировала в темноте, показывая путь. Они миновали противотанковый ров и несколько пулеметных гнезд. Везде было пусто.

Дойдя до домика № 13, Гарри заметил:

— Нам не нужны оба, переночуем вместе. — И он бросил в отверстие три двадцатидолларовые урановые монеты.

— Спасибо, — ответила дверь. — Прошу входить.

Как только дверь открылась, Кристофер прыгнул внутрь. В небольшой комнате находилась двойная постель, стул, стол и торшер. В углу размещалась небольшая ванна с душем, умывальником и унита-

зом за перегородкой. Мальчик быстро подошел к столу, взял лежащую на нем пластиковую карточку с отпечатанным меню и вернулся к двери. Там он помог войти Пирсу и дождался Гарри и Марну. Затем он переломил платиновую карточку пополам и, когда дверь начала закрываться, сунул одну часть между краем двери и фрамугой. Повернувшись, чтобы подойти к Пирсу, он споткнулся о лампу и повалил ее. Остался только свет, идущий из ванной.

— Чертов увалень! — выругался Гарри.

Марна, подсев к столу, что-то писала, потом повернулась и подала Гарри листок бумаги. Повернувшись к свету, он прочел:

«Кристофер разбил объектив, но комната по-прежнему прослушивается. Мы не можем уничтожить это, не вызывая подозрений. Можно поговорить с тобой во дворе?»

— Это самое идиотское... — начал Гарри, но его прервал Пирс.

— По-моему, это правильно... — прошептал он. — Вы оба можете спать в четырнадцатом номере. — Его лицо с невидящими глазницами смотрело на Гарри.

Гарри вздохнул. Ну хорошо, он доставит им это удовольствие. Открыв дверь, он вышел вместе с Марной в темноту. Девушка придвинулась к нему поближе, закинула руки на шею и прижалась щекой к щеке. Гарри обнял ее за талию, губы девушки прижались к его уху, и он наконец сообразил, что Марна говорит ему.

— Я не люблю тебя, доктор Эллиот, но не хочу, чтобы нас всех перебили. Ты сможешь заплатить за второй домик?

— Конечно, но... я не собираюсь оставлять этих двоих одних.

— С нашей стороны было бы глупо, если бы мы не держались вместе. А теперь слушай меня и не задавай вопросов. Когда войдем в номер четырнадцатый, сними рубашу и брось ее на стоящую лампу. Остальное я сделаю сама.

Гарри позволил подвести себя к соседнему домику и заплатил двери. Она приветствовала их и впустила внутрь. Комната ничем не отличалась от номера тринадцатого. Когда дверь начала закрываться, Марна сунула кусок пластика между фрамугой и краем двери, потом выжидательно посмотрела на Гарри.

Пожав плечами, он снял рубашу и набросил ее на лампу; тени, вползавшие в комнату, придали ей зловещий вид. Марна нагнулась, свернула дорожку, а затем сняла с кровати покрывало. Потом она подошла к висящему на стене телефону, легонько потянула, и плоский экран отошел на шарнирах. Девушка сунула руку внутрь, схватила что-то и вытащила наружу. Это выглядело как намотанные на катушку сотни витков медного провода.

Марна вошла за перегородку с душем, разматывая по дороге провод. Став перед кабиной, она привязала один его конец к крану с горячей водой, протянула провод по периметру комнаты, оторвала и закрепила второй конец на канализационной трубе в полу, под ду-

шем. Затем так же точно протянула еще один провод — рядом с первым, но так, чтобы они не касались. Старательно избегая контакта с проводами, она сунула руку в кабинку душа и открыла кран с горячей водой. В кране что-то забулькало, но вода не пошла. Осторожно выбравшись из проводов, девушка подняла свернутый коврик и бросила его на кровать.

— Ну что ж, спокойной ночи, — сказала она, жестами показывая Гарри, чтобы он шел к двери, не касаясь провода. Когда он без осложнений добрался до выхода, она погасила лампу и сняла с нее рубашу. Захлопнув дверь, вздохнула с облегчением.

— Ну и накрутила ты там! — яростно прошептал Гарри. — Я не могу принять душ и вынужден спать на полу.

— Душа ты не принял бы так или иначе, — ответила Марна. — Это был бы твой последний душ в жизни. Там все под напряжением. Если хочешь, можешь спать на постели, но лично я советую лечь вместе с нами на полу.

Гарри никак не мог заснуть, ему мешала мрачная и тихая комната и дыхания — тяжелое Пирса, более легкие Кристофера и Марны. Он не привык спать в одной комнате с другими людьми.

Потом у него зачесалось запястье, правда не сильно, но вполне достаточно, чтобы не давать заснуть. Встав с кровати, он подполз к месту, где лежала Марна. Она тоже не спала, и Гарри жестами попытался убедить ее лечь рядом с ним на кровати, заверяя, что не тронет ее. Ему вовсе не хотелось ее трогать, а если бы и пришлось в голову, он же давал обет воздержания. Ему хотелось только, чтобы зуд стал менее докучливым и можно было наконец заснуть.

Она показала, что он может спать рядом с ней на полу, но он отрицательно покачал головой, и наконец она согласилась лечь возле кровати. Лежа на животе с опущенной рукой, Гарри настолько ослабил зуд, что сумел погрузиться в беспокойный сон. Ему снилось, что он проводит долгую и трудную резекцию легкого. Микрохирургические манипуляторы скользили в его потных руках, скальпель перерезал аорты. Пациентка вскочила с операционного стола, кровь хлестала из ее сердца — это была Марна. Она начала преследовать его по длинным коридорам больницы. Лампы над головой становились все реже, и в конце концов Гарри бежал в полной темноте, разбрызгивая теплую, липкую кровь, которая поднималась все выше, пока не закрыла его полностью.

Проснулся он полузадушенный, борясь с чем-то, полностью закутавшим его. Рядом слышалась возня, потом что-то затрещало и кто-то выругался.

Гарри боролся изо всех сил, но напрасно. Наконец что-то с треском разорвалось, потом еще раз, Гарри заметил пятно более светлой

темноты, передвинулся в ту сторону и выбрался сквозь большую дыру в подвернутом со всех сторон под край кровати сильно натянутом одеяле.

— Быстрее! — воскликнул Кристофер, складывая нож. Он направился к двери, у которой терпеливо стоял Пирс.

Марна схватила металлическую ножку, которую открутила от стола, Кристофер отодвинул стул, которым с вечера подпер ручку, и тихо открыл дверь. Он вывел наружу Пирса, затем вышла Марна; ошеломленный Гарри последовал их примеру. В доме номер четырнадцать кто-то дико заорал, сверкнула голубая вспышка и запахло горелым мясом. Марна побежала к воротам, уперла ножку стола одним концом в землю и опустила ее на ограждение. Забор плюнул голубым огнем, который, потрескивая, пробежал вдоль металлического прута. Ножка раскалилась докрасна и прогнулась. А потом погас свет.

— Помоги! — крикнула Марна, тяжело дыша.

Она попыталась поднять ворота. Гарри сунул руки под нижний край и дернул его вверх. Ворота поднялись на фут и замерли.

В глубине аллеи послышался нечеловеческий крик, и Гарри изо всех сил рванул ворота вверх. Поддавшись наконец, они бесшумно поднялись. Он держал их, пока Марна, Пирс и мальчик выбирались наружу, затем выскользнул сам и позволил воротам опуститься. Мгновением позже электричество включилось снова, ножка стола расплавилась и упала.

Гарри оглянулся назад. В их направлении катилось самоходное инвалидное кресло, в котором сидело нечто массивное и ужасное, грозящее чудовишной опасностью. Вскоре Гарри увидел отчетливо: плетенка, а в ней то, что осталось от человека после четырехкратной ампутации. Закрепленная сзади аппаратура легкие-сердце казалась второй головой. За креслом бежало существо, похожее на пугало, одетое в женское платье.

Гарри стоял, как загипнотизированный. Кресло резко остановилось возле пулеметного гнезда, из спинки выдвинулись похожие на волосы Медузы манипуляторы и соединились с управляющим механизмом. Пулемет затарахтел, и что-то рвануло рукав Гарри.

Чары рассыпались, Гарри повернулся и побежал в темноту.

Через полчаса он понял, что заблудился. Марна, Пирс и мальчик исчезли. Он чувствовал дикую усталость, рука горела, а запястье болело сильнее, чем когда-либо. Гарри коснулся руки, — рукав был мокрым. Он поднял пальцы к лицу — кровь. Пуля задела его.

В густой как сажа темноте он тяжело сел на бордюр и посмотрел на светящийся циферблат часов. Двадцать минут четвертого. Два часа до рассвета. Вздыхнув, он попытался ослабить боль в запястье, растирая кожу вокруг браслета. Кажется, это помогло. Через несколько минут он испытывал уже простой зуд.

— Доктор Эллиот, — мягко сказал кто-то.

Гарри повернулся, чувствуя облегчение и что-то похожее на радость. На фоне бледных звезд он увидел Кристофера, Пирса и Марну.

— Ну что ж, — буркнул Гарри. — Я рад, что вы не попробовали удрать.

— Мы не сделали бы этого, доктор Эллиот, — сказал Кристофер.

— Как вы меня нашли? — спросил Гарри.

Марна молча подняла руку.

Ну конечно, браслет. Я слишком высоко оценил их, горько подумал Гарри. Марна искала его, потому что не могла сама справиться с ним, а Кристоферу нужна помощь, ведь иначе он остался бы один со стариком, требующим ухода. Однако с другой стороны, он был вынужден признать, что в мотеле именно ему нужна была помощь, а не Кристоферу или Пирсу. Если бы они ему поверили, их головы уже лежали бы в сушилке, ожидая минуты, когда за них выплатят награду. Или их еще живые тела везли бы в какой-нибудь банк органов.

— Кристофер, — произнес Гарри, обращаясь к Пирсу, — видимо, прошел практику у человека, специализирующегося на избегании сборщиков безнадежных долгов.

Пирс воспринял эту фразу именно так, как и хотел Гарри — как комплимент и извинение.

— Избегание ловушек налоговых органов и ускользание от инспекторов здоровья, — прошептал он, — ведет к тому, что воспитание в городе дает хорошую подготовку к жизни... Ты ранен.

Гарри вздрогнул — откуда старик узнал об этом? Даже если бы он мог видеть, было настолько темно, что различались только силуэты. Наверное, это инстинкт, подумал Гарри и успокоился. Он слышал, что у диагностов с большой практикой появляется нечто подобное. Они чувствуют болезнь, прежде чем пациент окажется на лежанке. Данные индикаторов только подтверждают диагноз.

Неожиданно мягкие пальцы старика коснулись его руки, но Гарри отвел их.

— Это просто царапина.

Пальцы Пирса легли на его руку.

— Она кровоточит. Кристофер, найди немного сухой травы.

Пирс оторвал рукав блузы.

— Вот трава, дедушка, — сказал Кристофер.

Каким образом этот парень нашел в темноте сухую траву?

— Надеюсь, ты не собираешься приложить это к ране? — резко спросил Гарри.

— Это остановит кровотечение, — прошептал Пирс.

— Но микробы...

— Микробы не причинят тебе вреда, разве что ты сам этого захочешь. — Он положил траву на руку и обернул ее рукавом.

— Скоро будет хорошо.

Гарри подумал, что надо бы снять это, когда они пойдут дальше. Но потом решил, что раз уж зло совершилось, пусть все останется как есть.

Когда они отправились дальше. Гарри оказался рядом с Марной.

— Ты тоже получила воспитание, удирая от инспекторов здоровья, а? — сухо спросил он.

Она покачала головой.

— Не от инспекторов, хотя, сколько себя помню, я всегда пыталась удрать. Однажды мне удалось, и я была свободна. — В голосе прозвучало забытое счастье. — Двадцать четыре часа я была свободна, а потом меня нашли.

— А я думал... — начал Гарри. — Но кто ты?

— Я? Дочь губернатора.

Гарри резко отпрянул. Его потрясло не само заявление, а горечь, с которой она это произнесла.

Рассвет застал их на автостраде. Они миновали последний разрушенный мотель, и теперь по обе стороны дороги тянулись волнистые, покрытые травой холмы и заросшие деревьями долины.

День был жаркий. Небо голубело над их головами, и лишь на западе плыли небольшие облачка. Временами дорогу перед ними пробегали кролики, исчезая в кустах по другую сторону. Однажды они увидели серну, стоящую, подняв голову, у протекающей поблизости речки и удивленно смотрящую на них.

Гарри проводил ее голодным взглядом.

— Доктор Эллиот, — сказал Кристофер.

Гарри повернулся к нему. На грязной ладони мальчика лежал бесформенный кусок коричневого сахара, облепленный обрывками ниток и еще чем-то непонятным. Для Гарри сейчас это был предел мечтаний. Слюна заполнила его рот, и он с трудом проглотил ее.

— Дай это Пирсу и девушке. Им нужно сохранить силы. И тебе тоже.

— Все в порядке, — ответил Кристофер. — У меня есть еще. — В другой руке он держал еще три куса, один из которых он подал Пирсу, а другой Марне. Старик впился в сахар остатками зубов. Гарри отковырял самые крупные посторонние частицы, но не мог уже больше сдерживаться. Это был несбычайно сытный завтрак. Они шли не очень быстро, но равномерно, Пирс не жаловался, ковыляя впереди на своих кривых ногах, и Гарри перестал его подгонять.

На далеком холме они заметили пригородную виллу, но рядом с ней никого не было видно. Внезапно Кристофер крикнул:

— В канаву! Падай!

На сей раз Гарри среагировал молниеносно, без вопросов. Он помог Пирсу спуститься по склону — старик был очень легким — и упал на дно канавы рядом с Марной. Через несколько секунд мимо промчались мотоциклисты. Когда они проехали, Гарри отважился вы-

глянуть из-за края рва. Группа мотоциклистов удалялась по дороге к городу.

— Что это было? — спросил он.

— Волчья стая! — ответила Марна голосом, полным отвращения и ненависти.

— Но они выглядели, как полицейские, — сказал Гарри.

— Когда вырастут, станут полицейскими, — отрезала Марна.

— Я думал, что волчьи стаи состоят из беглых граждан, — сказал Гарри.

Марна презрительно посмотрела на него.

— Так тебе говорили?

— Гражданин, — прошептал Пирс, — может сохранить жизнь, если будет один. Группа не протянет и недели.

Они вернулись на дорогу и пошли дальше. Кристофер, ведя Пирса, то и дело нервно поглядывал по сторонам и назад.

Постепенно его беспокойство передалось и Гарри.

— Падай! — крикнул вдруг мальчик.

Раздался свист, и сразу затем, когда Гарри падал на мостовую, что-то сильно ударило его по спине и швырнуло на землю. Марна пронзительно закричала.

Гарри несколько раз перевернулся, гадая, не сломан ли у него позвоночник. Кристофер и Пирс лежали рядом, но Марна исчезла. В воздухе над ними взревел ракетный двигатель, потом еще один.

Гарри посмотрел вверх: в небо свечой поднимался ракетоплан, а под ним извивалась и дергалась Марна, пытаясь освободиться. Со второго ракетоплана свисали пустые захваты, едва не поймавшие Гарри — такие же крюки с прокладками, которые мгновение назад похитили Марну.

Гарри сел, сжимая запястье. Рука его болела все сильнее, и только ярость, черной волной захлестнувшая его, не дала ему упасть на землю корчась в муках. Он погрозил кулаком накренившимся на вираже ракетопланам. Из их двигателей тянулись полосы дыма.

— Доктор Эллиот! — позвал Кристофер.

Гарри взглянул туда, откуда доносился голос. Кристофер лежал в канаве, старик тоже.

— Они вернуться, — сказал Кристофер. — Вам лучше лечь.

— Но ведь они схватили Марну, — ответил Гарри.

— Вы ничем не поможете ей, если дадите себя убить.

Один ракетоплан спикировал, как сокол на мышь, второй, уносящий Марну, продолжал спирально подниматься вверх. Гарри прыгнул в канаву, а секундой позже пулеметная очередь прошла по тому месту, где он только что стоял.

— Я думал, они хотят нас захватить, — выдавил он.

— Они охотятся и за головами, — ответил Кристофер.

— И все, чтобы пощекотать нервы, — шепнул Пирс.

— Я никогда не делал ничего такого, — пробормотал Гарри. — Я не знаю никого, кто бы этим занимался.

— Ты был занят, — ответил Пирс.

Это было правдой. С тех пор, как ему исполнилось четыре года, он все время был в школе, только иногда появлялся дома на один короткий день: он уже почти забыл своих родителей. Что мог он знать о развлечениях молодых благородных? Но это... Эта волчья стая... Такое оподление жизни наполняло его страхом.

Первый ракетоплан был уже лишь маленьким крестиком, а висащая под ним Марна — точкой. Ракетоплан выровнялся и с выключенным двигателем начал планировать к городу. Второй следовал за ним.

Внезапно Гарри заколотил болящей рукой по земле.

— Ну почему же я увернулся! Нужно было, чтобы и меня схватили. Она же погибнет.

— Она сильная, — прошептал Пирс. — Сильнее тебя или Кристофера, сильнее многих других. Но сила порой становится чем-то ужасным. Иди за ней и освободи ее.

Гарри взглянул на браслет, от которого боль расходилась по руке и всему телу. Да, он может идти по ее следам. Пока он может двигаться, он будет ее искать. Но до чего же шаги медлительны по сравнению с ракетопланом!

— Мотоциклы скоро вернутся, — сказал Кристофер. — Им сообщили с ракетопланов.

— Но как мы добудем мотоцикл? — спросил Гарри. Боль не позволяла ему четко мыслить.

Кристофер тем временем уже стянул тенниску; вокруг пояса у него была обмотана нейлоновая веревка.

— Мы иногда ловим рыбу, — сообщил он.

Он пересек веревкой обе полосы автострады, замаскировав ее растущей в трещине травой. Потом сделал знак Гарри, чтобы тот лег на землю по другую сторону.

— Мы пропустим их всех, кроме последнего, — сказал он. — Будем надеяться, что кто-нибудь отстанет достаточно далеко, чтобы остальные не заметили нас, когда мы встанем с земли. Оберните веревку вокруг пояса, а потом поднимите, чтобы она оказалась на уровне его груди.

Гарри лежал за бордюром, чувствуя, как его рука превращалась от боли в шар. Прошла целая вечность, прежде чем донесся звук моторов. Когда первые мотоциклы проехали мимо, Гарри осторожно приподнял голову. Да, был отставший. Он ехал от них футах в ста и теперь увеличивал скорость, чтобы догнать.

Мотоциклы проехали, и, когда последний приблизился на дюжину футов, Гарри вскочил, напрягая мышцы, и стал ждать рывка. Кристофер вскочил в ту же секунду. Молодой благородный успел только удивленно взглянуть на них и налетел на веревку, выдернувшую

упирающегося каблуками Гарри на середину дороги. Кристофер привязал конец своей веревки к молодому дереву. Благородный рухнул на мостовую, мотоцикл затормозил и остановился.

Гарри выпутался из веревок и подбежал к благородному. Они были одногодки, одного роста и комплекции, но у благородного была заячья губа и усохшая нога. К тому же он был мертв — череп его раскололся от удара о мостовую. Гарри закрыл глаза. Он уже видел умирающего, но никогда не становился виновником чьей-то смерти. Это пахло нарушением клятвы Гиппократ.

— Такие должны умирать, — прошептал Пирс. — Лучше, когда злые умирают молодыми.

Гарри быстро переоделся в одежду благородного. Нацепив очки, он закрепил пистолет на бедре и повернулся в сторону Кристофера и Пирса.

— А что будет с вами?

— Мы не будем пытаться удрать, — ответил Пирс.

— Я не о том. Вы справитесь один?

Пирс приложил ладонь на руку мальчика.

— Кристофер мне поможет. Мы найдем тебя, когда ты освободишь Марну.

Уверенность, с которой Пирс произнес это, добавила Гарри сил. Негатив, теряя времени, он сел на мотоцикл, крутанул ручку газа и стремительно умчался. Езда на мотоцикле требовала ловкости, но Гарри уже имел опыт управления подобными машинами, полученный в подземных артериях медицинского центра. Рука его болела, но теперь боль стала чем-то вроде системы наведения. Он заметил, что по мере езды боль уменьшается — это означало, что он приближается к Марне.

Прежде чем он нашел ее, опустилась ночь.

Асфальтовая дорога, вся в выбоинах, повернула на восток, и боль в руке Гарри заметно уменьшилась. Дорога оборвалась перед плотной стеной заросли, и Гарри затормозил в последний момент. Неподвижно сидя на сиденье, он задумался.

До сих пор он не думал о том, что будет делать, когда найдет Марну, просто бросился в погоню, ведомый частью болью от браслета, а частью рождающимся чувством привязанности к этой девушке.

— Ральф? — спросил кто-то из темноты, и отступление стало невозможно.

— Да, где остальные? — прошептал он.

— Там, где всегда, — под откосом.

Прихрамывая, Гарри двинулся в сторону, откуда доносился голос.

— Ничего не вижу.

— Я посвечу.

Что-то осветило дерево, и впереди Гарри появился черный силу-

эт. Гарри моргнул, украдкой огляделся и ребром ладони ударил благородного по четвертому шейному позвонку. Пока тот медленно опускался на землю, Гарри подхватил его фонарь и поддержал падающее тело. Положив человека на траву, он ошупал его шею. Она была сломана, но благородный еще дышал. Гарри выпрямил ему голову, чтобы уменьшить давление на нервную ткань, и посмотрел вверх.

Где-то впереди мерцал огонек, но не слышно было ни одного звука — наверняка, никто не заметил. Включив фонарь, Гарри увидел тропу и пошел через молодой лес.

Костер разложили под глиняным склоном, нависшим таким образом, что сверху ничего не было видно. На нем целиком жарилась молодая серна, которую крутил на вертеле один из благородных. Гарри определил наконец сверлящую его боль — это был голод.

Остальные благородные сидели полукругом возле костра, Марна со связанными руками находилась чуть дальше. Голова ее была поднята, глаза внимательно вглядывались в темноту за огнем, словно ища кого-то. Кого? Конечно, его. Браслет сообщил ей, что Гарри где-то близко. Ему очень хотелось дать ей какой-нибудь знак, но это было невозможно. Он приглядывался к благородным: один был альбиносом, другой макроцефалом, третий горбуном. У остальных Гарри не заметил видимых физических недостатков, за исключением одного, выглядевшего старше других членов группы. Он стоял, опершись о колено, и был слеп, но в его глазницы хирургически вживили бинокль с электронным управлением. На спине у него находился аккумулятор с усилителем, от которого провода тянулись к биноклю и закрепленной на куртке антенне.

Гарри осторожно прошел по краю леса на ту сторону костра, где находилась Марна.

— Сначала пир, — разглагольствовал альбинос, — а потом развлечение.

Тот, что вращал вертел, возразил:

— А я считаю, что сначала нужно повеселиться — тогда будет хорошо, и мы проголодаемся.

Они начали спорить, сначала добродушно, потом, по мере того, как в дискуссию включались все новые участники, все более яростно. Наконец альбинос обратился к человеку с биноклем:

— А ты что считаешь, Глазастый?

Глазастый ответил глубоким, низким голосом:

— Девушку продать. Молодые части ценятся выше всего.

— Да, — согласился альбинос, — но ты же не видишь, какая она красotka. Для тебя это просто картинка из белых точек на сером кинескопе, а для нас она белая, розовая, черная и...

— Когда-нибудь, — спокойно сказал Глазастый, — ты зайдешь слишком далеко.

— Но не о ней. Я не...

Под ногой Гарри хрустнула ветка, все замолчали и начали прислушиваться. Гарри вынул пистолет из кобуры.

— Это ты, Ральф? — спросил альбинос.

— Да, — ответил Гарри, выходя на освещенное место и стоя так, чтобы костер не освещал его лицо. Пистолет он держал у самого бедра.

— Представь себе, — сказал альбинос, — эта девушка говорит, что она дочь губернатора.

— Да, — с нажимом вставила Марна. — И отец велит сорвать с вас шкуру.

— Но это я губернатор, дорогуша, — фальцетом зашипел альбинос, — и мне...

— Это не Ральф, — прервал его Глазастый. — У него здоровая нога.

Гарри мысленно выругался — вот невезенье! Бинокль был настроен на прием не только радарного сигнала, но и рентгеновского излучения!

— Беги! — заорал он, используя мгновение тишины, воцарившейся после слов Глазастого.

Он выстрелил, целясь прежде всего в Глазастого, и попал в усилитель. Благородный пронзительно вскрикнул и схватился за вживленный в глазницы бинокль, но Гарри уже не обращал на него внимания. Он опустошил магазин в нависающий над костром склон. Разогретая огнем глина обрушилась на них, засыпав костер и сидевших ближе к склону благородных.

Гарри метнулся в сторону, а там, где он только что стоял, просвистело несколько пуль.

Углубившись в лес, он побежал, налетая на деревья, но все-таки продолжал бежать. Фонарь где-то потерялся. За его спиной звуки погони становились все слабее и наконец совершенно стихли.

Внезапно Гарри со всего разгону налетел на что-то мягкое и теплое, подавшееся под его напором и упавшее на землю. Спотыкаясь, он упал, занося кулак, готовый к удару.

— Гарри, — позвал вдруг голос Марны.

Занесенная для удара рука замерла, потом мягко опустилась.

— Марна! — вздохнул он. — Я не знал, что это ты. Не думал, что у меня получится. Я думал, ты...

Их браслеты лязгнули друг о друга, и мягкое тело Марны вдруг напряглось. Девушка сильно оттолкнула его.

— Не распускай сопли, — сказала она. — Я знаю, почему ты это сделал. Кроме того, нас услышат.

Гарри глубоко вздохнул. Марна начала вставать.

— Сиди! — рывкнул он. — Подождем, пока нас перестанут искать.

Они сидели в темноте и ждали, вслушиваясь в звуки ночного ле-

са. Прошел час, и Гарри хотел уже сказать, что можно идти, как вдруг услышал шелест. Зверь или человек? Марна, которая до сих пор ни разу не коснулась его, изо всех сил ухватила за его руку.

— Доктор Эллиот! Марна! — услышали они шепот Кристофера.

Гарри облегченно вздохнул.

— Вот дьяволенок! Как ты нас нашел?

— Дедушка помог, он это чувствует. Я тоже немного, но он лучше. Идемте. — Гарри почувствовал, как маленькая ладонь берет его за руку.

Кристофер вел их долго, пока они не оказались на небольшой полянке. Под прикрытием шалашика из листьев горел небольшой костерок, возле которого сидел Пирс, медленно вращая вертел, сделанный из свежесрубленной ветки, лежащей на двух рогаatinaх. На вертеле шкворчали золотисто-коричневые тушки кроликов.

Когда они оказались на полянке, Пирс повернулся к ним.

— Добро пожаловать, — сказал он, и Гарри вдруг подумал, что это напоминает возвращение домой.

— Спасибо, — хрипло сказал он.

Марна присела перед костром, грея над ним руки. С ее запястий свисала перетертая веревка, которую она старательно расщепляла перед тем, другим костром.

Когда Кристофер снял кролика с вертела, мясо почти рассыпалось на куски. Обернув задние части влажными зелеными листьями, он сунул их в холодное углубление между двум корнями.

— Это на завтрак.

Все четверо принялись за еду. Даже без соли это был самый лучший ужин, который Гарри приходилось есть. Закончив, он облизал пальцы, вздохнул и опустился на грудy старых листьев. Он был счастлив, как никогда прежде. Слегка донимала жажда, поскольку он не хотел пить из протекавшего от их импровизированного лагеря ручейка, но он мог и потерпеть. В конце концов, человек не должен отказываться от всех своих принципов. Было бы иронией судьбы умереть от тифа в двух шагах от бессмертия. Он не сомневался, что губернатор дарует ему бессмертие или по крайней мере даст должность, на которой его можно будет добиться.

Ведь он спас его дочь.

Марна красивая девушка, жаль, что она еще ребенок. Гарри снова вздохнул и вытянулся поудобнее. Этой ночью он будет спать хорошо.

Марна умылась в ручейке, лицо ее светилось чистотой.

— Ты будешь спать рядом? — спросил Гарри, указывая на сухие листья. Потом извиняющимся жестом поднял руку с браслетом. — Он не дает мне спать, если ты слишком далеко от меня.

Она холодно кивнула и села рядом с ним — так, чтобы случайно не дотронуться.

— Не понимаю, — сказал Гарри, — почему мы встретили так

много случаев уродства? Во время практики в Медицинском Центре я не видел ни одного.

— Ты работал в клинике? — спросил Пирс, и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Медицина все больше переключается на лечение чудовищ. В городе они умерли бы, но в пригородах им поддерживают жизнь и позволяют размножаться. Дай я посмотрю твою руку.

Гарри вздрогнул. Пирс сказал это таким обычным тоном, что он на мгновение забыл о слепом старике. Осторожные пальцы развязали повязку и осторожно убрали свалившуюся траву.

— Это тебе больше не нужно, — сказал он.

Гарри удивленно коснулся раны ладонью. Уже много часов он не чувствовал боли, а сейчас на этом месте был только шрам. Чувствуя рядом Марну, он лег на подстилку. Ему хотелось вытянуть руку и коснуться ее, но он не сделал этого, иначе исчезнут закон и безопасность, исчезнет бессмертие.

Разбудил его браслет. Запястье начало зудеть, потом болеть, и Гарри вытянул руку. Постель из листьев была еще теплой, но Марна исчезла.

— Марна! — шепнул он и приподнялся на локте. В проникающем между ветвями деревьев свете звезд он заметил, что кроме него на поляне никого нет. Места, где спали Пирс и мальчик, тоже опустели.

— Где вы? — сказал он немного громче.

Тишина.

Гарри вполголоса выругался. Выбрали момент и ушли. Но в таком случае, почему Кристофер нашел их в лесу и привел сюда? И на что рассчитывает Марна? Что доберется до дворца одна?

Гарри вздрогнул, слыша чьи-то шаги, и замер неподвижно. В следующий момент его ослепил яркий свет.

— Не двигайся, — сказал кто-то высоким голосом. — Иначе мне придется тебя застрелить. А если потребуется удрать, Искатель тебя найдет.

— Я не двигаюсь, — ответил Гарри. — Кто ты?

Ответа не последовало.

— Вас было четверо. Где остальные?

— Они услышали, как ты идешь, и сейчас ждут случая, чтобы напасть.

— Лжешь, — презрительно ответил голос.

— Послушай, — напористо сказал Гарри. — Судя по голосу, ты не гражданин. Я врач — если не веришь, можешь задать мне вопрос из области медицины — и несусь срочное сообщение губернатору.

— Какое сообщение?

Гарри проглотил слюну.

— Груз похищен. Следующий будет готов не раньше, чем через неделю.

— Какой груз?

— Не знаю. Если ты благородный, то должен помочь мне.

— Сядь. — Гарри сел. — У меня для тебя тоже есть сообщение: ты не передашь своего.

— Но... — Гарри вскочил.

Где-то за фонарем раздался тихий хлопок, — чуть громче резкого выхода, и что-то кольнуло Гарри в грудь. Он посмотрел вниз: между лапами его рубахи торчала маленькая стрела. Он попытался дотянуться до нее, но не смог, вообще не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Гарри повалился набок, не чувствуя падения, ему казалось, что только зрение, слух и легкие продолжают работать. Он лежал парализованный, и мысли переполняли его голову.

— Да, — спокойно произнес голос, — я вампир. Некоторые из моих друзей охотятся за головами, но я предпочитаю тела и доставляю их живыми. Это интереснее и выгоднее. Головы стоят всего двадцать долларов за штуку, тела — более сотни. Некоторые, с органами такими молодыми, как у тебя, стоят гораздо больше. Иди, Искатель, ищи остальных.

Свет погас, что-то затрещало в кустах и удалилось. Привыкнув к темноте, Гарри увидел черную фигуру, сидевшую на земле ярдах в десяти.

— Ты, конечно, хочешь знать, что тебя ждет, — сказал вампир. — Найдя твоих товарищей, я парализую их и вызову свои носилки. Потом доставлю вас к вертолету и, учитывая, что вы пришли из Канзас-Сити, отвезу в Топеку.

Гарри почувствовал, как гаснет в нем последний лучик надежды.

— Я убедился, что это лучший способ, — продолжал высокий голос. — Позволяет избегать осложнений. Больница в Топеке, с которой я связан, купит ваши тела без лишних вопросов. Ты парализован навсегда, а потому, не теряя сознания, не будешь испытывать боли. Таким образом органы не будут портиться. Если ты действительно врач, то знаешь, что я имею в виду. Может, ты даже знаешь научное название яда, используемого в этой стрелке. Я же знаю только, что он выделен из яда осы-могильщицы. Благодаря внутреннему питанию, эти банки органов можно хранить годами, пока не придет их время...

Голос говорил дальше, но Гарри уже не слушал. Ему казалось, что он сходит с ума. Так бывало часто. Он видел людей, лежащих на полках в банках органов, с глазами, полными безумия. Тогда он говорил себе, что они оказались там именно из-за своей болезни, но теперь понял правду. Скоро он сам станет одним из них.

Может, ему удастся задохнуться, прежде чем его доставят в больницу, воткнут в горло трубку, положат на грудь респиратор и подсоединят к руке капельницу. Иногда они задыхались, несмотря на присмотр.

Нет, с ума он не сойдет, его психика слишком сильна. Он выдержит много месяцев.

В зарослях что-то шевельнулось, и в глаза ему ударил свет. Послышалась возня, кто-то охнул, кто-то другой вскрикнул, раздалось тихое — пuffed! После этого во внезапно воцарившейся тишине слышно было лишь чье-то учащенное дыхание.

— Гарри! — обеспокоенно произнес голос Марны. — С тобой все в порядке?

Когда приземистый Искатель, приволакивая ноги выбрался на полянку, снова стало светло. Через полосу света проковылял Пирс, за ним Кристофер и Марна. Недалеко от них на земле лежало скрюченное тело. Гарри никак не мог сообразить, что это такое, и лишь через некоторое время понял, что это карлик, человек с маленькими, тонюсенькими ножками, изогнутой спиной и большой головой. На ее макушке росли черные волосы. Глаза его горели ненавистью ко всему миру.

— Гарри! — на этот раз голос Марны прозвучал как стон.

Юноша не откликнулся, просто не мог этого сделать. На мгновение мысль, что он не в силах ответить, доставила ему удовольствие, но тут же его охватила жалость к самому себе.

Марна подняла с земли стреломет и зашвырнула его далеко в кусты.

— Отвратительное оружие!

Значит, они не сбежали, подумал Гарри, а, как он и сказал вампиру, исчезли, чтобы прийти к нему на помощь, как только появится возможность. Но они вернулись слишком поздно: он парализован навсегда. От этого яда нет противоядия. Может, теперь они убьют его. Как бы дать им знать, что он хочет этого?

Он часто заморгал.

Марна придвинулась к нему, положила его голову себе на колени. Пирс осторожно вынул стрелку и втоптал ее в землю.

— Не теряй головы, — сказал он, — и не сдавайся. Постоянного паралича не существует. Если ты попытаешься, то поймешь, что можешь шевелить мизинцем. — Он поднял ладонь Гарри и осторожно похлопал по ней.

Гарри попытался шевельнуть пальцем, но напрасно. Чем занимается это старый шарлатан? Почему не его убьют, покончив со всем этим? Пирс говорил что-то еще, но Гарри не слушал его. К чему напрасные надежды? Это причиняет еще большую боль.

— Ему может помочь переливание, — сказала Марна.

— Да, — подтвердил Пирс. — Ты согласна?

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно. Кристофер, обыщи вампира. У него должны быть иглы и катетеры. — Пирс вновь обратился к Марне. — Кровь будет немного смешиваться, и яд проникнет в твой организм.

Голос Марны был полон горечи.

— Мне не повредит даже цианистый калий.

Начались приготовления. Гарри не мог на них сосредоточиться, предметы перед ним расплывались, время ползло, как ледник.

Когда серый свет наступающего утра пробился сквозь ветви деревьев, Гарри почувствовал, что жизнь болезненно дрогнула в его мизинце. Это было хуже всего, с чем он до сих пор сталкивался, во сто крат хуже боли, причиняемой браслетом. Боль перетекала в другие пальцы, потом проникла в тело. Он хотел попросить Пирса вернуть состояние паралича, но, прежде чем смог говорить, боль почти исчезла. Сумев наконец сесть, Гарри поискал взглядом Марну.

Она сидела, прислонившись к стволу дерева, закрыв глаза, и была очень бледна.

— Марна! — позвал он. Ее глаза медленно открылись, в них сверкнула радость, и девушка снова опустила веки.

— Со мной все в порядке, — сказала она.

Гарри почесал место, где была воткнута игла.

— Не могу понять... ты и Пирс... ты вытащила меня из этого... хотя....

— Не пытайся этого понять, — посоветовала она. — Просто прими к сведению.

— Это невозможно, — буркнул он. — Кто ты?

— Дочь губернатора.

— А кроме этого?

— Картрайт, — с горечью ответила она.

В голове у него все перепуталось. Одна из бессмертных! Ничего удивительного, что ее кровь победила яд. Кровь Картрайтов особым образом воздействовала на посторонние вещества.

— А сколько тебе лет?

— Семнадцать, — ответила она и окинула взглядом свою фигуру. — Мы, Картрайты, созреваем поздно. Потому-то Вивер и отгравил меня в Медицинский Центр, — проверить, могу ли я рожать. Зрелый Картрайт не должен терять времени, отпущенного на размножение.

Сомнений не было — она ненавидела своего отца.

— Он заставит тебя рожать, — угрюмо сказал Гарри.

— Сам попробует это сделать, — спокойно ответила девушка. — Он не очень-то плодовит, и потому мы там только вдвоем — моя бабка, мать и я. Мы можем контролировать процесс зачатия, особенно, когда уже созреем. Мы не хотим его детей, даже если после этого станем ему менее нужны. Но боюсь, — голос ее задрожал, — боюсь, я еще недостаточно созрела.

— Почему ты не сказала об этом раньше? — настойчиво спрашивал Гарри.

— Чтобы ты относился ко мне как к Картрайту? — Глаза ее зло сверкнули. — Ты же знаешь: Картрайт не человек. Это ходячий банк крови, живой фонтан молодости, то, что можно иметь, использовать, сохранять, но что не может жить самостоятельно. А кроме того, — она опустила голову, — ты не веришь тому, что я говорю о Вивере.

— Но ведь он губернатор! — воскликнул Гарри, увидев выражение ее лица, и отвернулся. Как объяснить ей это? У человека есть своя работа и обязанности, он не может выйти за их пределы. Кроме того, браслеты. Только у губернатора есть ключ. Соединенные ими, они не протянут долго. Их снова разделят — случайно или силой, и тогда он умрет. Гарри поднялся. Лес некоторое время кружился у него перед глазами, потом успокоился.

— Я снова твой должник, — обратился он к Пирсу.

— Ты очень тверд в своих убеждениях, но в тебе есть доля здравого смысла, которая помогла мне. Говорят, что лучше здоровый человек с искалеченными взглядами, чем калека с твердым убеждением.

Гарри испытующе посмотрел на старика. Или он действительно целитель, который не может объяснить, как совершает свои чудеса, или мир еще более безумен, чем считал до сих пор Гарри.

— Если мы выйдем немедленно, — сказал он, — доберемся до дворца к полудню.

Дворец губернатора стоял на вершине холма, напоминающего букву L и расположенного в месте слияния двух рек. Когда-то на этом месте размещался большой университет, но в свое время ассигнования, предназначенные на его содержание, были переданы на более важные дела. Число финансирующих его людей уменьшалось по мере того, как рос интерес к медицинским исследованиям и врачебной опеке. Вскоре научными пустяками перестали интересоваться вообще, и университет умер.

Губернатор построил здесь свой дворец семьдесят пять лет назад, когда в Топеке стало невозможно жить. Задолго до этого должность его стала пожизненной — а он мог жить вечно.

Штат Канзас являлся владением барона. Этого определения Гарри не понимал, поскольку его знания истории ограничивались исключительно историей медицины. Губернатор был феодальным бароном, его дворец — замком, а вассалами были благородные из пригородов, которым он платил бессмертием или надеждой получить его. Как только кому-то из них делали укол, у него оставалась только одна альтернатива — быть лояльным по отношению к губернатору и жить вечно (если не случалось несчастного случая) или умереть через тридцать дней.

Губернатор уже четыре недели не получал посылки, и благородные оказались в отчаянном положении.

Дворец был, собственно говоря, крепостью. Его внешние стены толщиной в пять футов были сделаны из уплотненного бетона, усиленного пятидюймовыми броневыми плитами. Вокруг стен тянулся ров, полный пираний.

За первой линией стен вздымалась вторая. Пустое пространство между ними, покрытое плитами, в любой момент можно было залить напалмом, в стенах скрывались дистанционно управляемые снаряды.

Сам дворец поднимался как зиккурат — уступами. На каждой крыше находилась гидропонная ферма, а на самом верху здания размещалась стеклянная надстройка. На торчащей недалеко от нее мачте вращалась тарелка радара.

Большая часть дворца, подобно айсбергу, скрывалась под землей, вгрызаясь в известняк и гранит на милю вглубь. Здание было почти живым существом, автоматы следили за ним, подводили воздух и воду, обогревали и охлаждали, защищали от врагов и убивали их, когда они подходили слишком близко.

Всем дворцом мог управлять один человек, да так оно и было на самом деле.

Во дворец не вело ни одного входа. Встав перед стенами, Гарри принялся размахивать своей блузой.

— Эй, во дворце! Сообщение губернатору из Медицинского Центра. Эй, там, во дворце!

— Кто пришел ко мне с сообщением? — спросил дворец могучим голосом бога.

— Доктор Гарри Эллиот. Со мной дочь губернатора, Марна, и знахарь.

Над внешней стеной показалась стрела крана, на которой висел большой автомобиль. Когда он оказался на земле, открылась дверца.

— Предстаньте пред мои очи, — сказал дворец.

Автомобиль оказался полон пыли, как и пристройка, в которой их выпустили. Огромный бассейн был пуст, цветы, кусты и пальмы засохли.

В сверкающей как зеркало центральной колонне, словно черные губы, раскрылись двери.

— Входите, — сказали они.

Лифт долго вез их вниз. Наконец дверь открылась в обширный салон, выдержанный в разных оттенках коричневого. Одну из стен целиком занимал экран.

Марна выбежала из лифта.

— Мама! — закричала она. — Бабушка! — Она побежала дальше, Гарри медленно пошел следом.

Из длинного холла двери вели в шесть спален, в самом конце находилась детская. С другой стороны салона были двери в столовую и кухню. В каждой комнате одну из стен занимал экран, и все комнаты были пусты.

— Мама? — снова позвала Марна.

Экран в столовой осветился, и на нем появилось изображение огромного существа, покачивающегося на пневматических подушках. Оно было невероятно толстым и обнаженным, но пол его оставался загадкой. Груды казались огромными валами жира, но между ними виднелись редкие волосы. Похожее на полную луну лицо было непропорционально мало в сравнении с этим фантастическим телом, глаза смотрели на нем, как две изюмины.

Существо тянуло из трубки какую-то субстанцию, а когда увидело их на экране, раздутой рукой отвело трубку в сторону и захохотало. Это прозвучало, как смех богов.

— Хэлло, Марна, — сказало оно, и гости узнали голос дворца. — Кого-то ищешь? Знаешь, твои мать и бабка сопротивлялись моим планам. Бесплодные создания! Я подключил их прямо к банку крови — больше задержек с поставками не будет...

— Ты убьешь их! — У Марны перехватило дыхание.

— Картрайтов, глупая девчонка? А кроме того, сегодня наша брачная ночь, и нам ни к чему иметь их рядом. Правда, Марна?

Марна выскочила в салон, но существо и там смотрело на нее с экрана. Потом обратило свой похожие на изюминки глаза на Гарри.

— Это ты врач с сообщением? Говори.

Гарри нахмурился.

— Значит вы... губернатор Вивер?

— Собственной персоной, мальчик. — Существо сдавленно рассмеялось, и волны жира прокатились по его телу.

Гарри глубоко вздохнул.

— Груз похищен. Следующий будет готов через неделю.

Вивер нахмурил брови и похожим на сардельку пальцем коснулся чего-то за пределами поля зрения камер.

— Вот так! — Он смотрел на Гарри с улыбкой идиота. — Я только что взорвал кабинет Мока. Он сидел в нем. Думаю, это справедливо. Двадцать лет он систематически поставлял мне эликсир.

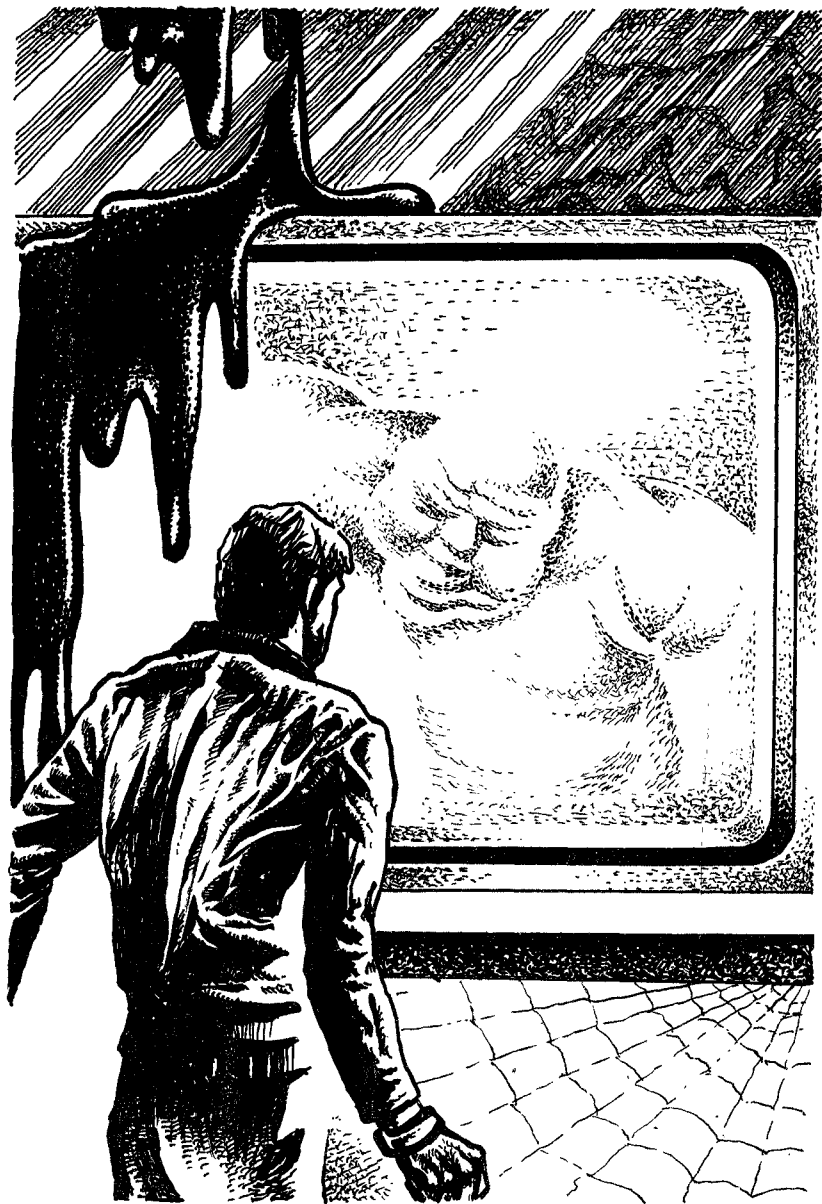
— Эликсир? Но... — Известие о Моке было слишком невероятным, чтобы беспокоиться о нем. Гарри ему не поверил, его потрясли слова об эликсире.

Губы Вивера вытянулись трубочкой, словно выражая сочувствие.

— Вижу, тебя это потрясло. Тебе говорили, что до сих пор не удалось синтезировать эликсир. Неправда, несколько сотен лет назад это уже сделал врач по имени Рассел Пирс. А ты собирався разработать способ синтеза и, возможно, получить в награду за это бессмертие? Нет, я не телепат, просто пятьдесят врачей из ста мечтают об этом же. Скажу тебе кое-что — выбор зависит от тебя. Только я решаю, кто останется бессмертным, и это доставляет мне удовольствие. Боги всегда самоуправны, именно это и делает их богами. Я могу дать тебе бессмертие и сделаю это, сделаю. Если ты будешь хорошо служить, доктор, когда ты начнешь стареть, я снова сделаю тебя молодым. Могу назначить тебя деканом Медицинского Центра. Что скажешь?

Вивер снова нахмурился.

— Нет, этого я не сделаю, — ты, как и Мок, будешь красть эликсир и не поставлять дозы для моих благородных. — Он почесал между грудями. — Что мне делать? Умирают мои вернейшие. Я не могу дать им уколов, и их собственные дети нападают на родителей. Однажды

Уйти забрался к своему отцу и продал его мусорщику. Старики защищали своих детей от опасностей, однако старики умирают, а детям эликсир не нужен. Пока не нужен. Но он им потребуется. Тогда они приползут ко мне на коленях, умоляя, но я буду смеяться им в лицо и позволю умереть. Как это делают боги, понимаешь?

Вивер почесал запястье.

— Я вижу, ты никак не придешь в себя после известия об эликсире. Думаешь, его можно было бы производить галлонами и сделать всех молодыми? Подумай об этом трезво. Мы же знаем, что это абсурд, верно? Его бы все равно не хватило, да и чего будет стоить бессмертие, если все будут жить вечно? — Тон его внезапно изменился, став очень деловым. — Кто похитил груз? Этот человек?

В нижней части экрана появился портрет.

— Да, — ответил Гарри. Голова у него кружилась, новости обрушились на него слишком внезапно.

Вивер потер ладонью пухлые губы.

— Картрайт! Как он может? — В голосе звучал ужас. — Рисковать вечностью! Этот человек безумен, он хочет умереть. — Огромное тело задрожало. — Пусть попытается со мной, и я дам ему желанную смерть. — Он снова посмотрел на Гарри.

— Как вы сюда попали?

— Пришли.

— Пришли?! Невероятно!

— Спросите управляющего мотелем возле Канзас-Сити или волчью стаю, которой почти удалось похитить Марну, или вампира, который меня парализовал. Они подтвердят, что мы пришли пешком.

Вивер почесал свой огромный живот.

— Ах, эти волчьи стаи. Они могут быть обременительны, но с другой стороны, нужны, чтобы держать страну в повиновении. Однако, если тебя парализовало, почему ты здесь, а не ждешь, пока тебя положат на полку в каком-нибудь банке органов?

— Знахарь сделал мне переливание крови от Марны. — Гарри слишком поздно заметил, что Марна делает ему знаки не отвечать. Вивер заметил.

— Ты украл мою кровь? Теперь я месяц не смогу взять у нее крови! Мне придется тебя наказать. Но не сейчас, потом, когда я подумаю, что будет подходящим наказанием за твое преступление.

— Месяц — это слишком мало, — сказал Гарри. — Не удивительно, что девушка так бледна, ведь ты каждый месяц пускаешь ей кровь. Ты убьешь ее.

— Но она же Картрайт, — удивленно ответил Вивер, — а мне нужна кровь.

Гарри стиснул губы и поднес руку к браслету.

— Можно попросить ключ?

— Скажи, — произнес Вивер, скребя под грудью. — Марна может рожать?

— Нет, сэр. — Гарри посмотрел губернатору Канзаса прямо в глаза. — А ключ?

— Ай-ай-ай, — воскликнул Вивер. — Кажется, я где-то потерял его. Придется вам немного поносить эти браслеты. Ну что ж, Марна, посмотрим сегодня ночью, как у тебя дела с созревaniem. Найди что-нибудь подходящее для брачной ночи, хорошо? И не порти торжества плачем, стонами и криками боли. Будь полна достоинства и радости.

— Если уж у меня будет ребенок, — ответила Марна, — то только с помощью партеногенеза.

Огромное тело яростно заколыхалось.

— Кажется, сегодня ночью будут крики. Эй, знахарь! Что за мерзкий старик. Говорят, ты целитель?

— Так меня называют, — прошептал Пирс.

— Я слышал, ты творишь чудеса. Можешь сотворить одно и со мной. — Вивер почесал тыльную сторону ладони. — У меня все зудит. Врачи у меня ничего не нашли и умерли. Этот зуд приводит меня в бешенство!

— Я лечу прикосновением, — ответил Пирс. — Каждый лечится сам, я только помогаю.

— Никто не может прикоснуться ко мне, — заявил Вивер. — Ты вылечишь меня прежде, чем наступит ночь, и безо всяких уверток. Иначе я рассержусь на тебя и этого мальчика. Да, очень рассержусь, если у тебя ничего не получится.

— Этой ночью, — ответил Пирс, — я сотворю для тебя чудо.

Вивер усмехнулся и потянулся за трубкой, подводящей пищу. Глаза его поблескивали, как черные шарики, погруженные в большую миску пудинга.

— До вечера! — Его изображение исчезло с экрана.

— Червяк! — прошептал Гарри. — Большой червяк в бутоне розы, который грызет — слепой, самодовольный и разрушительный.

— Он как плод, — сказал Пирс, — плод, который не желает родиться. Находясь в безопасности в лоне матери, он убивает ее, не понимая, что одновременно убивает и себя. — Он повернулся к мальчику. — Здесь есть объектив камеры?

Кристофер взглянул на экран.

— В каждой комнате.

— Подслушивание?

— Повсюду.

— Приходится рассчитывать, что он не прослушивает все записи, или нам удастся отвлечь его внимание до тех пор, пока не сделаем все, что нужно, — сказал Пирс.

Гарри посмотрел на Марну, потом на Пирса и Кристофера.

— Что будем делать?

— Ты согласен? — спросила Марна. — Готов отказаться от бессмертия? Бросить все на весы?

Гарри скривился.

— А что мне терять? Такой мир, как этот...

— Где находится Вивер? — прошептал Пирс.

Марна беспомощно пожала плечами.

— Не знаю. Мои мать и бабушка так и не смогли обнаружить его. Он посылает лифт, ни лестницы, ни другого входа туда нет. А лифт управляется с пульта рядом с его кроватью. Там тысяча переключателей, и он контролирует все здание — свет, воду, воздух, отопление и доставку продовольствия. Может выпустить отравляющие и усыпляющие газы или горящий бензин, может взорвать заряды не только здесь, но и в Канзас-Сити или Топеке, может запустить ракеты в сторону других районов. До него невозможно добраться.

— Ты доберешься, — прошептал Пирс.

Глаза Марны сверкнули.

— Если бы я могла взять с собой оружие... Но в лифте есть контрольная аппаратура, магнитные детекторы и флуороскопы.

— Даже имея нож, ты не смогла бы нанести ему смертельного удара, — вздохнул Гарри. — А кроме того, даже если он не может джигаться, руки у него должны быть необычайно сильны.

— Возможно, есть один способ, — сказал Пирс. — Если нам удастся найти листок бумаги, Кристофер тебе напишет.

Невеста ждала у дверей лифта, одетая в белое атласное платье и серебристые кружева, наброшенные на голову, как фата. Перед экраном в салон в большом коричневом кресле сидел Пирс, о его костлявое колено, полулежа на полу, опирался Кристофер.

Экран осветился, и на нем появился Вивер, скалясь в улыбке бога-идиота.

— Ты нетерпелива, Марна. Я рад, что ты хочешь броситься в объятия своего возлюбленного. Вот моя свадебная карета...

С тихим шипением открылась дверь лифта, невеста вошла в кабину. Когда дверь закрылась, Пирс встал, чуть отодвинув в сторону Кристофера, и сказал:

— Ты ищешь бессмертие, Вивер, и думаешь, что получил его. Но все, чего ты добился, это смерть при жизни. Я покажу тебе настоящее бессмертие.

Кабина лифта двинулась вниз, опускаясь под аккомпанемент свадебного марша из «Лоэнгина». Детекторы обыскали невесту и не нашли ничего металлического. Лифт начал тормозить. Когда он остановился, дверь мгновение оставалась закрыта, потом со скрежетом открылась.

Вонь разложения заполнила кабину. В первый момент невеста резко отпрянула, однако потом вышла из кабины. Когда-то комната

эта была чудом техники — нержавеющей стальной матка. Комната, немногим большая, чем гигантский пневматический матрац, находящийся в центре, была полностью автоматизирована. Термостаты поддерживали в ней температуру на уровне теплоты человеческого тела. Пища поступала без участия человека по трубам прямо из кухни. Под самыми стенами размещались мусоросборники, водяные опрыскиватели должны были смывать грязь и отходы, а душ, находящийся наверху, должен был обмывать лежащее на матраце существо. Рядом стоял пульт управления, напоминающий пульт гигантского органа с десятками тысяч клавиш и кнопок. Прямо над матрацем в потолок был вмонтирован экран.

Несколько лет назад, видимо, в результате каких-то мелких повреждений в земной коре, лопнули трубы, подводящие воду. Опрыскиватель перестал действовать, а обитатель этой комнаты либо боялся, что враги узнают об убежище, либо его больше не заботила чистота.

Пол покрывали разлагающиеся продукты, банки, коробки и другой мусор.

Когда невеста вошла в комнату, во все стороны разбежались стаи тараканов, испуганных ее появлением. Мыши торопливо бросились в норы.

Невеста приподняла длинное платье из белого атласа повыше и сняла тонкую нейлоновую веревку, обмотанную вокруг пояса. На конце ее была сделана петля, и она встряхнула веревку так, что петля повисла свободно.

Вивер смотрел на экран словно в гипнотическом трансе, а Пирс говорил:

— Старение — это болезнь не тела, а психики. Разум начинает уставать, и это приводит к смерти тела. Своей сопротивляемостью смерти Картрайты лишь наполовину обязаны крови, остальное — их непреклонная воля к жизни.

Тебе сто пятьдесят три года. Я ухаживал за твоим отцом, умершим до твоего появления на свет — сам того не зная, я сделал ему переливание крови Маршалла Картрайта.

— Значит, тебе... — прошептал Вивер, и голос его больше не напоминал голоса бога.

— Почти двести лет, — ответил Пирс. Голос его стал глубже и сильнее — это был уже не шепот. — Безо всякого переливания крови Картрайтов или эликсиров жизни разум может добиться контроля над нервной системой, над каждой клеткой, производящей кровь, и над телом.

Невеста склонила голову, чтобы увидеть экран на потолке. Пирс выглядел как-то странно. Он был выше, ноги его стали прямыми и мускулистыми. Пока невеста смотрела, под кожей Пирса начали развиваться мускулы и жировая ткань, укрепляя ее, разглаживая мор-

щины. Кости лица покрыла свежая кожа, шелковистые белые волосы потемнели и стали гуще.

— Тебя удивляет, почему я был стар, — звучным голосом произнес Пирс. — Потому что знание это нельзя использовать только для себя. Его получают отдавая, а не беря.

Его ввалившиеся глаза заполнились плотью, посветлели и открылись. Пирс взглянул на Вивера — высокий, сильный и прямой — ему нельзя было дать более тридцати. Лицо его выражало силу, но силу, находящуюся под контролем. Вивер отпрянул.

Глаза его полезли из орбит, и он повернул голову в сторону невесты. Гарри сбросил фату и раскрутил веревку, держа ее двумя пальцами. Первый бросок должен быть точным, для второго может не оказаться времени. Его пальцы хирурга были подвижны, но он никогда не бросал лассо. Кристофер объяснил ему, как это делать, но у Гарри не было возможности хотя бы для одного тренировочного броска.

Если он окажется в пределах досягаемости этих могучих рук, они раздавят его.

Ошеломленный Вивер поднял голову, и рука его устремилась к пулту. Гарри бросил лассо, и петля захлестнула шею губернатора.

Несколько раз обернув веревку вокруг руки, Гарри сильно потянул за нее, а Вивер рванулся назад, затягивая петлю еще сильнее. Тонкая веревка полностью исчезла в складках жира, пальцы Вивера дергали ее, разрывая кожу, тело его металось на матрасе.

«У меня на крючке Бессмертный, — мелькнула у Гарри безумная мысль, — большой белый кит, который хочет освободиться и жить вечно, плескаться в этих пневматических волнах». Все это было как кошмарный, невероятный сон.

Страшным усилием Вивер сумел перевернуться, встал на четвереньки и принялся тянуть лассо, подтягивая к себе Гарри. Глаза его вылазили из орбит.

Гарри уперся каблуками в пол. Вивер поднялся, как выскакивающий из воды кит, и стоял бесформенный и ужасный, лицо его краснело все больше. Наконец сердце не выдержало, тело вдруг обмякло и упало вновь на матрац, на котором провело почти три четверти века.

Гарри машинально снял веревку с ладони; она глубоко врезалась в тело, и из раны сочилась кровь. Отбросив шнур, он не почувствовал ничего. Потом закрыл глаза и задрожал всем телом.

В себя его привел голос Марны:

— Гарри! — звала она. — Что с тобой? Гарри, ну, пожалуйста, отзовись!

Он глубоко вздохнул.

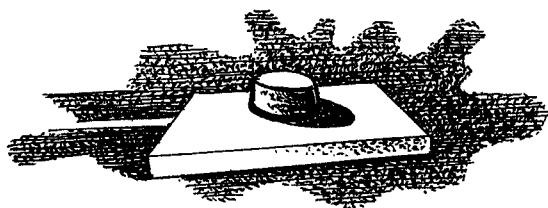
— Да, да, все в порядке.

— Подойди к пульта, — сказал молодой человек, бывший когда-то Пирсом. — Нужно найти нужные кнопки и освободить мать и бабушку Марны. А потом поскорее убираться отсюда. Маршалл Картрайт ждет снаружи и, сдастся мне, начинает беспокоиться.

Гарри кивнул, но не двигался с места. Придется собрать всю отвагу, чтобы выйти в мир, где бессмертие становится фактом, а не просто мечтой.

Ему придется освоиться с этими и вытекающими отсюда проблемами. Проблемами, превосходящими его воображение.

Гарри шагнул вперед и начал поиски.

Марк Клифтон

УСТЫДИСЬ, ВАНДАЛ!

На одной из башен пустующего ныне марсианского космодрома висит набитый стружками скафандр.

Никто не знает, кто повесил его и что хотел этим сказать. Может, это было просто пугало, предупреждающее всех, идущих за нами следом?

А может, просто символ человеческого присутствия, как инициалы, вырезанные на стене великолепного древнего здания и словно говорящие: «Я слишком глуп, чтобы творить, но уничтожить могу. И вот свидетельство этому».

А может, это было символическое убийство: выражение чувства вины, такой огромной, что человек совершил экзекуцию над самим собой на месте преступления.

Капитан Лейтон увидел куклу в день нашего отлета. Первым его желанием было приказать немедленно снять ее и найти виновного. Однако гнев его угас, прежде чем были произнесены слова приказа.

В позе висящей куклы было что-то, пробившее даже застывший панцирь воинской дисциплины. Какая-то безмерная печаль, сожаление и чувство вины, переполняющей нас всех.

Трудно сказать, упал ли шлем скафандра вперед потому, что вандал не хотел набить туда больше стружек, или то было сделано сознательно, ради выражения доступными средствами переживаний всех членов экспедиции.

Капитан не приказал снять куклу, и никто не спросил его, нужно ли это сделать — даже вездесущий курсант, готовый на все, чтобы понравиться командиру.

Потому-то на опустевшем марсианском космодроме и висит старый скафандр — чучело человека со стружками вместо сердца, мозга и души.

В то время это казалось единственным логическим решением почти неразрешимой проблемы.

Доктор Ван Дам предложил его в своем памятном выступлении на Ассамблее ООН. Если он при этом и видел перед собой ряды лиц, заполняющих аудиторию, зрелище это не закрывало гораздо более величественной картины бездонной пропасти неба, усеянного звездами.

Возможно, он даже не отдавал себе отчета в политической неизбежности, постоянно смущающей людей. Во-первых, все сказанное им будет воспринято делегатами в категориях их собственных выгод. Во-вторых, слова его будут оценены в категориях интереса народа. В-третьих, с точки зрения выгоды, которую получают различные расовые, религиозные и тому подобные группировки. В-четвертых, как это может повлиять на отношения между малыми государствами и великими державами. В-пятых, будет ли проект способствовать сохранению статус кво так, чтобы находящиеся у власти остались на своих местах, создавая при том видимость прогресса, чтобы заткнуть рты вечно недовольной оппозиции. И наконец, на шестом, глубочайшем уровне (если кто-то вообще забирался так глубоко) могла появиться мимолетная мысль о том, что это будет благо для человечества.

Если доктор Ван Дам и понимал, что такого рода политическая действительность всегда берет верх над желаниями ученых, он никак это не показал. Говорил он так, словно все его мысли занимали звезды и извечные мечты человека об их достижении.

— Проблему можно охарактеризовать следующим образом, — говорил доктор Ван Дам. — Есть некая граница, до которой можно развивать научные теории без проверки их на практике. Рано или поздно ученый должен представить свою теорию инженерам, которые беспристрастно проверяют ее на практике.

Мы отлично знаем, что ракеты, используемые для предварительной разведки космоса, доставят нас не дальше ближайших планет,

поскольку время полета зависит от однажды приданной кораблю скорости. Если не найти решение этого вопроса, всей нашей короткой жизни не хватит, чтобы достигнуть ближайшей звезды. Не хватит и наших ограниченных запасов топлива. Мы должны научиться использовать как источник энергии наших кораблей космическую пыль.

Нам кажется, что мы уже можем получать ядерную энергию не из какой-то особой руды, а из любой материи. Мы считаем, что сумеем держать под контролем эту реакцию. Так говорит теория, но пока она не проверена на практике.

Мы не можем проводить подобные испытания на Земле из риска, что эксперимент выйдет из-под контроля. Не хотим мы использовать для этого Луну, поскольку она из-за небольшой силы притяжения слишком ценна для будущих межзвездных путешествий как незаменимая стартовая база.

Одним словом — тупик. Мы не можем продвинуться вперед без продолжения опытов, и в то же время не можем проводить их на Земле и Луне. Нужно искать новый испытательный полигон.

Недавно наши ученые окончательно доказали, что Марс — мертвая планета, непригодная с точки зрения жизни, а также как источник минеральных ресурсов, поскольку наши хрупкие ракеты не годятся для перевозок в промышленных масштабах. Из-за разреженной атмосферы и отсутствия воды планета непригодна и для колонизации. Людям придется находиться там в герметически закрытых помещениях или в скафандрах. Короче говоря, совершенно бесполезная планета.

Но именно потому она бесценна для науки. Именно там мы можем проверить свою теорию, не подвергая человечество опасности. Мы считаем, что сумеем начать ядерную реакцию в обычном камне и получить постоянный источник энергии. Мы верим, что сможем не допустить взрыва.

Если даже многочисленные опыты, которые потребуются провести, приведут к радиоактивному заражению или даже постепенному уничтожению планеты, выигрыш будет неизмеримо больше потери этой никуда не годной планеты.

Последняя фраза вызвала движение в зале: что-то среднее между дрожью страха и восхищением отвагой человека, приносящего целую планету в жертву науке. Видимо, их удивило, что мы зашли так далеко.

После недолгого раздумья пришло чувство облегчения. Вот простое решение вопроса! Перенести подальше от Земли не только эксперименты Ван Дама, но все испытания ядерных устройств. Успокоить страхи и заставить заткнуться тех гуманистов, которые предпочитают обрекать человечество на застой, чем рисковать его будущим. С их точки зрения это может принести одни выгоды. И если кто-то из

присутствующих вообще думал в этих категориях, решение могло быть выгодным для всего человечества.

— Я не верю в чудеса, — продолжал доктор Ван Дам, когда зал успокоился, — но положение этой планеты, такой далекой, что потребовался большой прогресс науки, чтобы до нее добраться, и вместе с тем достаточно близкой, чтобы можно было использовать ее для нового прыжка в науке — кажется чудом.

(Это для тех, кто ищет санкции высшей силы для оправдания того, что все равно требовалось сделать.)

А теперь я спрашиваю: согласны ли народы мира, чтобы мы использовали для научных целей этот такой убогий и со всех иных точек зрения бесполезный естественный полигон, который тысячелетия ждал, пока нам понадобится?

Ответ Генеральной Ассамблеи был положительным.

Ни доктор Ван Дам, ни кто-либо из присутствующих в зале, которые, как и пристало политикам, не заглядывали в будущее дальше ближайшего голосования, не сказали кое-чего до конца:

«Это правда, что мы разработали теорию запуска управляемой ядерной реакции для любого вида материи, однако пока нам не известен способ остановить начатую реакцию.

Мы считаем, что в будущем нам удастся этот способ найти, что медленная реакция не выскользнет из наших рук и не поглотит всей планеты, прежде чем мы найдем возможность ее остановить; что в будущем наука сможет даже найти способ дезактивации зараженной планеты. Мы надеемся, что так оно и будет.

Однако мы знаем наверняка, что без дальнейших экспериментов развитие ядерной техники затормозится, поэтому, если даже целая планета будет уничтожена, жалеть не о чем».

Как всегда, впрочем, нашлась группа скептиков, усомнившихся в нашем праве уничтожать какую-либо планету. Всегда находятся недовольные, но, как всегда, так и на этот раз, большинство перевесило.

Впрочем, результаты решения должны были сказаться на наших потмах — по крайней мере, так мы тогда считали.

Я говорю «мы», потому что входил в группу, проводящую эксперимент, причем вовсе не был героем. Героев там вообще не было. Правильно или нет, но решили, что это не зрелищное мероприятие, которое можно показывать широкой публике, поэтому никто не искал фотогеничного ученого, который мог бы олицетворить эксперимент в глазах миллионов телезрителей.

Журналисты, верные своей традиции приведения даже самых значительных научных достижений к минимальному общему знаменателю, то есть дешевой сенсации или слезливый сентиментальности, попытались сделать звезду из доктора Ван Дама, бывшего научным руководителем всего предприятия. Доктор, однако, не захотел сотрудничать.

— Вам не кажется, господа, — сказал он им, — что пора уже общественности поддерживать научные исследования потому, что они необходимы, а не потому, что ей нравится какой-то щеголь, которого выбрали на роль героя?

Ответ этот не привел журналистов в восторг, и они попытались уцепиться за капитана Лейтона, отвечающего за транспорт, но его ответы оказались совершенно нецензурными.

До меня они так и не добрались. Я был начальником связи, или, говоря попросту, телетехником, с массой дополнительных обязанностей. Даже если бы они ко мне пришли, это ничего бы им не дало.

Во мне нет ничего от популярного героя. Если я и эксперт в своей области, то лишь потому, что рано постиг истину, которую понимает каждый лентяй, если у него голова работает как надо: жизнь эксперта легче, чем жизнь невежды.

Есть одно обстоятельство, предопределившее мой рассказ об этой истории.

Начальник связи сидит в своей норе, окруженный экранами мониторов, показывающими все участки работы — поэтому я видел все, что произошло.

Потому и только потому именно я рассказываю об этом. Я не был и не буду героем. Просто я видел, что произошло. И мне стало плохо, как и всем, кто видел. Сейчас я стараюсь избегать людей, мучимый стыдом и чувством вины. Нет, все мы далеко не герои.

С самого начала все было задумано как истинный научный эксперимент, как совместная работа, в которой индивидуальные амбиции полностью подчинялись высшим целям.

Корабль экспедиции собирали на лунной базе из частей, присылавшихся с Земли небольшими ракетами.

Благодаря слабому тяготению Луны старт с ее поверхности легче, чем с Земли. Не расходуя ценных запасов топлива, нужных на обратную дорогу, мы достигли скорости, гарантирующей достижения Марса в течение месяца. Не буду рассказывать об этом полете двенадцати человек, собранных на небольшом пространстве, свободном от запасов и инструментов — вряд ли это кого-то заинтересует.

Строители корабля и ученые не подвели. В рассчитанное время мы совершили маневр и мягко опустились на поверхности Марса, к востоку от цепи невысоких холмов.

Все, смотревшие наши фильмы, представляют отталкивающие пейзажи этой планеты: разреженная атмосфера, сквозь которую даже днем видны звезды, безводная пустыня, скачки температур и главное — гнетущая пустота.

На Луне человек чувствует себя не лучшим образом, но там по крайней мере виден огромный шар Земли, не искаженный атмосферой, он кажется таким близким, что достаточно протянуть руку, что-

бы его коснуться; человек знает, что там его дом, и с помощью воображения почти может его увидеть.

На Луне рассказывают такую шутку:

— Видишь маленький полуостров на восточном побережье Северной Америки? Там мой дом!

— Да-а-а, — отвечает другой. — А что это за тип, которого так сердечно встречает твоя жена?

На Марсе Земля только одна из множества ярких точек на черном небе. Она так далеко, что первым чувством бывает отчаяние, непреодолимое предчувствие, что больше никогда ты не увидишь своего дома, мягких летних сумерек, никогда больше не познаешь любви в объятиях женщины.

Ученые не лгали. Трудно представить что-то более бесполезное и чуждое человеку, чем Марс. Его можно использовать только для целей, подобных нашей.

Мы укрылись под поверхностью планеты.

Все наверняка видели документальные фильмы, поэтому ни к чему рассказывать, как мы делали выемки под жилые помещения и лаборатории. Извлекаемый камень шел в бетон не лучшего качества, но вполне достаточный на время, которое мы должны были там провести. Этим бетоном мы накрыли весь наш поселок, образовав посадочное поле и вместе с тем дополнительно защитившись от утечки воздуха из помещений.

Кроме того, он служил защитой от убийственного излучения, которое мы собирались вызвать.

Мы установили металлические шахты, по которым одетые в скафандры люди опускались на нижние уровни, где через шлюзы могли войти в свои жилые помещения. Одна башня была рассчитана на шестерых человек и настроена на сигнал их скафандров. Это делалось на случай тревоги и паники, чтобы избежать скопления людей у одной шахты.

Все работы мы закончили в течение нескольких первых недель — до начала ядерных экспериментов. Люди, черпающие сведения о науке из популярных телепередач, понятия не имеют, сколько тяжелой работы приходится выполнять ученым.

Закончив наконец строительство и отделившись от гнетущего, равнодушного мира на поверхности, мы вздохнули с облегчением. (Гораздо проще смириться с тем, что мир враждебен человеку, чем с фактом полного равнодушия.) В своих герметичных помещениях мы могли воображать, что работаем в лабораториях где-то на Земле.

Так было легче, значительно легче.

Но не думайте, что работы стало меньше. Чтобы наблюдать за происходящим в разных местах, где работали группы ученых, требовалось установить там телекамеры. Весь персонал марсианской экспедиции подбирался на основании суровых экзаменов, однако оба

мои помощника попали в нее явно по протекции, и помощи от них было мало.

Кроме того, в критический момент чаще всего оказывалось, что нет самой нужной детали, вычеркнутой из составленного мною списка ретивыми чиновниками, таким образом проявившими заботу об успехе экспедиции.

Каким-то образом мы справлялись, но я составил для себя другой небольшой список — людей, которым после возвращения дам по морде. На первом месте крупными печатными буквами записан конструктор скафандров, воображающий, что можно монтировать хрупкие электронные устройства в его творении.

И все же мы справлялись, и постепенно из хаоса возникал порядок. Велись эксперименты, иногда теории подтверждались, но чаще приходилось вздыхать, пожимать плечами и начинать расчеты сначала.

Спустя три месяца нам преподнесли сюрприз — приземлился корабль с припасами: в основном продукты и даже немного шампанского! Вещи, которые, — как кому-то казалось — больше всего нам нужны: даже снимки обнаженных девиц, словно у нас было мало хлопот без напоминания об этом. Не было только того, о чем мы просили. Широкая общественность не понимала, что нам нужно оборудование, вот нам его и не прислали. Чудеса, как известно, не нуждаются в нем, они происходят потому, что общественность их желает.

Пачки печенья были милым разнообразием нашего стола, но я бы предпочел вместо них немного таких нужных транзисторных цепей.

Экипаж корабля обещал перед отлетом передать наши просьбы, но сомневаюсь, чтобы они когда-либо дошли до сведения общественного мнения. Ученые — это, как известно, существа холодные и бесчувственные, они умны, благородны и стоят выше всего этого.

Поначалу я считал, что после окончания монтажных работ смогу какое-то время ходить с благородным и умным выражением лица, но как бы не так. Как только заканчивалась подготовка одного эксперимента, нужно было снимать оборудование и переносить его на другое место. Мы думали, что меньшая гравитация на Марсе (всего 38 процентов земной) облегчит нам жизнь, но все-таки подъемов, толканий, перетаскиваний и проклятий было более чем достаточно.

Но ведь никто не желает слушать, что ученым приходится работать для подготовки своих чудес. Все держится на уверенности, что чудеса возможны и без труда.

Ну, вот мы и добрались до нашего чуда.

Наконец все было готово к главному эксперименту — цели нашей экспедиции.

Ван Дам выбрал для него небольшое углубление посреди группы холмов, известных по телепередачам, посылаемым на Землю.

Тогда мы не знали, что зрелище этих холмов вызвало многочисленные толки среди археологов. В составе экспедиции археолога не было, и теперь они рвали волосы на голове, потому что эти холмы показались им весьма подозрительными. Многие говорили о том, что это могли быть пирамиды, невероятно старые, разрушенные эрозией во времена, когда планета еще имела атмосферу, но до сих пор хранящие свое содержимое.

Мы на Марсе ничего об этом не знали. Администрация сочла, что нечего забивать голову такими глупостями. В сущности, вопли археологов никогда не дошли до широкой публики. Разумеется, администрация должна была их выслушать, но с каких это пор человек считается с тем, что может заставить его отказаться от своих планов?

Мы подготовили все для нашего великого эксперимента в той долине между холмами. Место было выбрано идеально, поскольку мы могли установить наблюдательные камеры на холмах и направить их в точку начала реакции.

От меня потребовали массу камер, и пришлось их забрать (вопреки протестам) с других, менее важных участков.

Теория Ван Дама подтвердилась.

Поначалу лишь чувствительные приборы показывали, что что-то происходит, однако постепенно даже невооруженным глазом стала видна углубляющаяся и расширяющаяся яма.

Я не специалист, но, насколько понимаю, дело заключалось в том, что реакции подвергся только один слой частиц, а их распад в свою очередь активировал следующий слой.

Эксперимент шел не точно по плану. Процесс распада должен быть полным, не должно быть ни дыма, ни огня, ни каких-либо других признаков, за исключением медленно расширяющегося кратера в скале.

Однако в действительности образовывались какие-то побочные продукты, создающие столб тяжелого дыма, поднимающегося в разреженной атмосфере благодаря своей высокой температуре. После остывания радиоактивные частицы дыма оседали, заражая все вокруг.

Физики психовали, поскольку не располагали аппаратурой для наблюдений в инфракрасном свете, позволявшей бы видеть сквозь дым. Проклинаая экономных чиновников, я каким-то чудом собрал из доступных мне деталей несколько ноктовизоров, после чего клубы дыма и огня, заполняющие кратер, перестали нам мешать.

И мы увидели.

Было около полудня (кое-кто помнил, что на Земле вторник), примерно через три недели после начала эксперимента. Кратер был уже диаметром в тридцать футов и такой же глубины, расширяясь чуть быстрее, чем показывали расчеты, но не настолько, чтобы возникла опасность взрыва. Так или иначе, мы не могли остановить однажды начатой реакции. Просто не знали, как это сделать.

Я как раз регулировал одну из камер, чтобы получить лучшее изображение южной стены кратера, когда стена эта исчезла, словно лопнувший мыльный пузырь. Изображение было отличным.

Настолько отличным, что я ясно увидел внутренность подземного убежища. Увидел живых марсиан, корчившихся в агонии, и бесценные творения неземной цивилизации, вспыхивающие огнем или рассыпающиеся в пыль.

В одно мгновение ученые, смотревшие на экраны мониторов широко раскрытыми от ужаса глазами, почувствовали, что триумф сменяется сознанием страшной вины.

Я тоже чувствовал это, потому что, следя за всеми передачами, видел все.

Я видел этих маленьких прекрасных людей, которые мгновенно чернели, падали и превращались в пыль.

На Земле раз в поколение рождается и вырастает лилипут, имеющий настолько идеальные пропорции, что нормальные, большие и неуклюжие люди могут только с восторгом разглядывать его, чтобы до конца жизни сохранить воспоминания об этом совершенстве.

Быть может, из подобных встреч и родились легенды об эльфах и феях. А может, в древние времена существовала связь между Землей и Марсом? Или даже Земля — давняя колония Марса, на которой мутация породила гигантов? Несомненно, это были люди, наши миниатюрные подобия.

Я хорошо рассмотрел их. В том помещении находились несколько десятков — а в других? А во всей сети подземных убежищ? Может, целая цивилизация, подобно нашей экспедиции, спряталась под поверхностью планеты?

Мы же начали реакцию, ведущую к уничтожению всей планеты. Начали, не зная способа остановить.

Я видел, как они умирали, почти чувствовал их предсмертные муки, но не умер вместе с ними.

Я ношу их муки в себе, и они будут со мной до конца моей жизни. Вот и все.

Спустя много лет люди, не видевшие того, что видели мы, не обремененные чувством вины, будут думать над нашим поведением.

Во всем этом множество загадок. Откуда эта цивилизация черпала продукты питания? Если они могли превращать камень в продукты, то почему не могли остановить начатый нами распад своей планеты? Если смогли потрясти нашу совесть так, что мы ходим с опущенными головами, как сопляки, пойманные на месте преступления, то почему не сделали этого раньше, прежде чем стало слишком поздно?

На множество подобных вопросов нет ответов. Люди будут также гадать, почему мы бросили большую часть нашего оборудования и не закончили эксперимент, почему около часа смотрели, а затем безо всякого приказа стали готовиться к отлету.

Возможно, через какое-то время мы начнем искать оправдания. Может, даже во время долгого обратного пути на Землю.

Мы начнем утверждать, что это не наша вина, что они виноваты ничуть не меньше. Ну, разумеется!

Даже больше того — их вина превосходит нашу!

Почему они не вылезли из своих нор, чтобы нас прогнать? Хотя бы голыми руками, если не имели оружия. Они должны были выйти и защитить свою родину, флаг, матерей и детей!

Вероятно, со временем мы будем говорить именно так. Это вполне естественно, если хочешь оправдать преступление. И очень по-людски.

Однако пока единственное наше желание — не смотреть друг другу в глаза.

На покинутом марсианском космодроме висит на одной из башен скафандр, набитый стружками из ящиков, в которых мы привезли свои точные приборы.

Нужно сказать, что, отправляясь в обратный путь, мы не совсем потеряли голову и забрали с собой часть самого ценного оборудования.

Единственный несовершенный, примитивный инструмент, который мы везем с собой, — это человек.

НА ЛЕНТЕ МЕБИУСА

Пятница, 11 июня.

Трехлетняя девочка не должна обладать настолько высоким интеллектом, чтобы вырезать из бумаги и склеивать ленту Мебиуса.

И даже если бы это ей случайно удалось, она ни в коем случае не должна иметь таких ассоциативных способностей, чтобы взять мелок и старательно нарисовать непрерывную линию, доказывая таким образом, что у ленты всего одна сторона.

Если же благодаря таинственному стечению обстоятельств это произошло, как объяснить факт, что моя обычно беспокойная дочь — я знаю, что говорю, используя слово «беспокойная» — битые полчаса сидит, подперев подбородок рукой, смотрит прямо перед собой и думает о чем-то так интенсивно, что смотреть на нее просто-напросто больно.

Я сидел в кресле, занятый какой-то работой, а Стар на полу в кругу света, с детскими ножницами в ручке и раскиданными вокруг кусочками бумаги.

Удивленный продолжительной тишиной, я взглянул вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как она склеивает концы бумажной ленты. Тогда я считал, что она чисто случайно повернула один из них на пол оборота.

— Ребенок открывает тайну века, — улыбнулся я, когда она взя-

ла свое творение пухлыми пальчиками. Однако вместо того, чтобы забросить его или разорвать на кусочки, как обычно делают дети, она разглядывала ленту со всех сторон.

А потом схватила мелок и принялась рисовать непрерывную линию, словно проверяя вывод, к которому пришла!

Итак, мои предчувствия подтвердились; до сих пор я боялся четко их сформулировать, но сейчас сомнений больше не осталось.

У Стар был очень высокий показатель интеллекта.

Полчаса я смотрел, как она сидела неподвижно на полу, подогнув одну ногу и подперев подбородок рукой. Ее широко открытые, удивленные глаза изучали потенциальные возможности только что открытого явления.

Воспитание ее после смерти моей жены было немалой проблемой, а теперь еще и это. Если бы она была тупа, как все другие дети!

Глядя на нее, я решил, что нужно делать. Раз уж ребенок этим занялся, придется смириться. Моя задача — облегчить ей жизнь, подготовить ко всем неприятностям, ждущим впереди. По крайней мере, пусть знает, как с ними справиться.

Используя существующие методы исследований, я могу определить ее уровень интеллекта и тем самым установить хотя бы общие размеры проблем, с которыми придется иметь дело. Двадцатипунктовая разница в показателе интеллекта переносит вопрос в совершенно иную фазу. Ребенок с ПИ 100 не имеет ни малейшего понятия о мире, в котором живет ребенок с ПИ 140, а при показателе равном 120 может иметь о нем очень смешное представление. Разницу между 140 и 160 можно сравнить с полевой мышью и парящим над ней соколом. Мне нельзя совершить ошибку и зачислить Стар не в ту категорию, к которой она действительно принадлежит. Я должен знать точно. А пока буду вести себя, словно ничего не произошло.

— Это называется лента Мебиуса, — прервал я ее раздумья.

Она словно проснулась от глубокого сна, и мне не понравился ее взгляд — словно я застал ее на месте преступления.

— Кто-то уже сделал? — разочарованно спросила Стар.

Так она знала, что открыла? Что-то во мне замерло от ужаса и тоски, но я постарался, чтобы мой голос звучал как обычно.

— Да, один человек по фамилии Мебиус. Очень давно. Я расскажу тебе, когда ты станешь постарше.

— Нет, сейчас, когда маленькая, — потребовала она, хмуря лоб. — И не рассказывай. Читай.

Что она хотела этим сказать? О, наверно, повторила то, что не раз говорил я, когда хотел услышать от кого-то одни факты, а не общие слова. Да, наверняка так оно и есть.

— Ну хорошо, молодая дама. — Я поднял брови и посмотрел на дочь с деланной строгостью, что обычно вызывало у нее радостный смех. — Сейчас ты сбавишь обороты!

На этот раз она даже не улыбнулась.

Я воспользовался справочником по физике. Он написан не самым простым языком, а я к тому же читал так быстро, как только мог, желая заставить ее признаться, что она ничего не понимает, а потом повторить все более доступно.

А ее реакция?

— Ты читаешь слишком медленно, папа, — пожаловалась она. — Ты говоришь слово, я долго думаю, а потом ты говоришь другое слово.

Я знал, что она имеет ввиду. Помню, в детстве мои мысли кружились вокруг слов, медленно cedимых взрослыми. Паузы между ними были достаточно длинными, чтобы возникали и исчезали целые неизвестные никому вселенные.

— И что? — спросил я.

— А то, — сказала она, подражая звучанию моего голоса, — что научи меня читать. Тогда я смогу читать так быстрый, как хочу.

— Быстро, — поправил я не очень уверенно. — Наречие, а не прилагательное.

Она нетерпеливо посмотрела на меня, словно давая понять, что знает все штучки взрослых, желающих выставить детей невежами, и я почувствовал себя дураком.

1 сентября.

Многое произошло за последние несколько месяцев. Я несколько раз пытался так направить разговор со Стар, чтобы затронуть вопрос о ее «недуге», но она проявляет необычайную способность к перемене темы, словно заранее зная, о чем я хочу с ней говорить, и не проявляя к этому интереса. Может быть, несмотря на свою сообразительность, она слишком молода, чтобы понимать, как враждебен мир к интеллекту, выходящему за пределы нормы.

Навещающих нас соседей веселит зрелище Стар, растянувшейся на полу с энциклопедией, почти такой же большой, как она сама, и переворачивающей страницы одну за другой. Только Стар и я знаем, что она читает эти страницы. Соседям хватило объяснения, что она разглядывает картинки.

Они говорят с ней, как с картинкой, и она отвечает как ребенок. Откуда она знает, что нужно вести себя именно так?

За эти месяцы я пытался установить ее показатель интеллекта, используя таблицы для измерения чего-то, о чем мы не имеем понятия. Но либо таблицы нигде не годятся, либо Стар вышла за их пределы.

Итак, Пит Холмс, как ты собираешься браться за проблемы, с которыми должна столкнуться твоя дочь, и помочь ей в их решении, если не имеешь ни малейшего понятия о том, как они могут выглядеть? А ведь я должен знать. Я должен попытаться понять хотя бы

часть того, что может стать ее уделом. Не могу же я просто смотреть и ничего не делать.

Только спокойно. Никто лучше тебя не понимает бессмысленности борьбы в весе, значительно превосходящем твой. Сколько студентов, подчиненных и начальников пытались с тобой состязаться? Ты наблюдал за этим и тебе их жаль, ведь они походили на ослов, пытающихся выиграть скачку у чистокровного рысака.

Каково тебе теперь оказаться в шкуре осла? Ты всегда удивлялся, почему они сами не могут понять, что шансов на победу у них нет.

Но ведь это моя дочь! Я ДОЛЖЕН знать!

1 октября.

Стар уже четыре года, и по закону она достигла уровня развития, позволяющего ходить в детский сад. Я в очередной раз попытался подготовить ее к тому, что может там ждать. Она выслушала две мои фразы и тут же сменила тему. Просто не знаю, что об этом думать. Может, она уже знает все ответы? А может, просто не понимает, в чем тут дело?

Я чертовски боялся вести ее вчера утром в первый раз в детский сад. Вечером, когда я сидел в кресле и читал, Стар отложила игрушки, подошла к полке с книгами и вынула том сказок.

Это ее очередная необычная черта. Она усваивает все невероятно быстро, и вместе с тем ее реакции — это нормальные реакции четырехлетней девочки. Она любит куклы, любит читать сказки и играть во взрослых. Нет, она ни в коем случае не чудовище.

Стар притащила книгу к креслу.

— Папочка, почитай мне сказку, — попросила она совершенно серьезно.

Я удивленно уставился на нее.

— Что за новость? Сама прочти.

Она подняла бровь, подражая моей характерной гримасе.

— Дети в моем возрасте не умеют читать, — объяснила она. — Я научусь читать только в первом классе. Это очень трудно, а я еще слишком маленькая.

Она нашла решение ждущих ее проблем: конформизм! Научилась скрывать свой интеллект. Многим из нас это умение дорого стоило.

Но зачем демонстрировать это передо мной, Стар?

Впрочем, я могу сделать вид, что купился, если ей так хочется.

— Понравилось тебе в детском саду? — задал я классический вопрос.

— Да! — с энтузиазмом ответила она. — Было здорово!

— А что ты сегодня делала?

— Немного. Я пробовала вырезать кукол из бумаги, но ножницы у меня скользили.

Показалось мне, или в ее серьезных глазах прыгали веселые огоньки?

— Только без крайностей, дорогая, — предупредил я. — Это так же опасно, как чрезмерная сообразительность. Самое главное — быть посредине. Только это мы терпим. Четырехлетняя девочка должна знать, как вырезать бумажных куколок.

— Да? — задумчиво нахмурилась она. — Это, пожалуй, самое трудное, правда, папа? Знать, сколько можно знать.

— Да, это очень трудно, — подтвердил я.

— Да все в порядке, — утешила она меня. — Одна из глупиков показала мне, как это делать, и теперь любит меня. Она помогала мне и сказала другим детям, чтобы тоже меня любили, что они и делают, потому что она главная. Так что я правильно сделала.

«О, нет», — мысленно простонал я. Она уже научилась управлять людьми. Однако потом внимание мое привлекло другое: впервые она назвала обычных людей «глупиками», но сказала это так естественно, что я не сомневался: Стар думала о них так уже долгое время. А потом мои бегущие одна за другой мысли наткнулись еще на один аспект вопроса.

— Да, пожалуй, ты хорошо сделала, — сказал я. — То есть, с этой девочкой. Но не забывай, что за тобой все время следит взрослая воспитательница. А она умнее.

— Ты хотел сказать — старше, папочка, — поправила меня Стар.

— А может, и умнее. Заранес же неизвестно.

— Известно, — вздохнула она. — Просто старше.

Охвативший меня страх заставил перейти к обороне.

— Это хорошо, — решительно произнес я. — Это очень хорошо. Значит, ты можешь от нее многому научиться. Нужно много учиться, чтобы знать, как быть глупым.

Я вспомнил собственную, полную хлопот жизнь, и мысленно добавил: «Иногда мне кажется, что я никогда этому не научусь».

Могу поклясться, что не произнес этого вслух, но Стар утешительно похлопала меня по колену и сказала, словно отвечая на мои слова:

— Это потому, папочка, что ты только немного быстрее. Ты средник, и тебе труднее, чем быстрикам.

— Средник? А что такое средник? — пробормотал я, пытаюсь скрыть замешательство.

— Вот видишь, — вздохнула Стар. — Медленно соображаешь. Средник — точно. Другие люди — это глупики, я — быстрик, а ты — средник. Я придумала эти названия, когда была маленькой.

Боже мой! Вдобавок к сообразительности еще и телепатия!

Все, Пит, доигрался. Если бы только интеллект, у тебя были бы шансы, но телепатия...

— Стар, — спросил я, — ты можешь читать мысли людей?

— Конечно, папочка, — ответила она, словно я задал самый очевидный из возможных вопросов.

— Ты можешь меня научить?

Она взглянула на меня с лукавой улыбкой.

— Ты уже этому учишься. Но как медленно! Видишь, ты даже не знал, что уже начал учиться.

В ее голосе появилась жалостная нотка.

— Я бы хотела... — начала она, но тут же умолкла.

— Чего бы ты хотела?

— Ты уже понял, папа? Ты спрашиваешь, но у тебя идет медленно.

И все же я догадался, что она хотела сказать. Она тосковала о ком-то, кто мог бы стать для нее настоящим партнером.

Каждый отец готов к тому, что однажды потеряет дочь, но не так быстро, Стар...

Не так быстро...

Снова жизнь.

У нас новые соседи. Стар говорит, их зовут Хоувеллы. Билл и Рут Хоувелл. У них сын, Роберт, скоро ему пять лет.

Стар очень быстро с ним сошлась. Он хорошо воспитан и составляет для нее отличную компанию.

И все-таки я боюсь. Стар как-то связана с их переездом сюда, я в этом уверен. Уверен я и в том, что Роберт — быстрик и телепат.

Неужели Стар, не надеясь, что я скоро сравняюсь с ней, искала все дальше и дальше, пока не установила контакт с другим телепатическим разумом?

Нет, это слишком фантастично. Даже будь это так, как она могла повлиять на события таким образом, чтобы заставить родителей Роберта переехать сюда? Хоувеллы приехали из другого города. Случайно оказалось, что как раз в это время наши прежние соседи уехали, и дом выставили на продажу.

Случайно? Интересно, сколько таких быстриков? И каковы шансы, что один из них «случайно» поселился возле другого?

Я знаю, что он телепат, потому что чувствую, как он читает эти слова.

Я даже слышу его. «О, простите мистер Холмс, я не хотел».

Кажется ли мне, или Стар действительно удалось привить мне зачаток своих способностей?

«Роберт, нехорошо заглядывать без разрешения в чей-то мозг», — сурово подумал я. В качестве эксперимента.

«Я знаю, сэр, и прошу прощения». — Он лежал в постели в своем доме по другую сторону аллеи.

«Да, папочка, он правда не хотел», — добавила Стар из своей комнаты.

Не могу описать своих чувств. Бывают минуты, когда слова ка-

жутся пустой оболочкой. Меня изводит беспокойство, и вместе с тем я благодарен, что из меня сделали неуклюжего и заикающегося, но все-таки телепата.

Суббота, 11 августа.

Придумал одну шутку. Я не видел Джима Пьетра уже месяц, с тех пор, как он начал свои исследования в музее. Неплохо было бы вытащить его из норы, а рекламная безделушка, которую потеряла Стар, должна для этого подойти.

Признаться, выглядит она довольно странно. Необычайно Тайный Талисман Подпольной Организации Юных Разведчиков или что-то в этом роде. Необычно то, что нет никаких рекламных надписей. Просто старинная бронзовая монета, даже не совсем круглая. Довольно топорная работа. Чеканят, наверное, миллионами, не меня матрицы.

Но тем более она годится для того, чтобы послать ее Джиму и попортить ему немного крови. Он всегда умел оценить хорошую шутку. Интересно, как он воспримет новость, что не поднялся выше среднего?

Понедельник, 13 августа.

Уже час сижу за столом, глядя перед собой. Не знаю, что обо всем этом думать.

Около полудня в контору позвонил Джим Пьетр.

— Слушай, Пит, — начал он безо всяких вступлений, — что это за шуточки?

Я мысленно захохотал и решил еще сильнее его завести.

— О чем ты? — спросил я. — Шуточки? Какие шуточки? Понятия не имею, что ты имеешь в виду.

— Монету, — откликнулся он. — Монету. Помнишь, ты отправил мне ее по почте?

— Ах, да, — я сделал вид, что только сейчас вспомнил. — Слушай, ты большой специалист по металлу, настолько большой, что забываешь своих старых друзей, и я подумал, что, может, таким образом обращаю на себя твое внимание.

— Ладно, ты выиграл, — тихо сказал он. — Где ты взял эту монету.

Он выглядел совершенно серьезно.

— Да успокойся, Джим. Я признаю, что это шутка. Стар потеряла ее пару дней назад. Какая-нибудь детская рекламная штуковина или что-то вроде.

— Я говорю совершенно серьезно, Пит. К рекламе это отношения не имеет.

— То есть?

Когда мы учились, Джим умел повернуть острое шутки и уколоть им в шесть раз сильнее.

— Откуда это взяла Стар? — резко спросил он.

— Понятия не имею. — Мне это перестало нравиться. Шутка развивалась не так, как я планировал. — Я ее не спрашивал. Сам знаешь, дети собирают всевозможные вещи. Ни один отец не сосчитает того, что они притаскивают домой из магазина.

— Она не могла получить ее в магазине, — сказал он, старательно выговаривая слова. — Она не могла получить ее нигде и ни за какую цену. В сущности, если следовать логике, эта монета вообще не существует.

Я рассмеялся. Это был все тот же старый, добрый Джим.

— Ладно, ты отыгрался. Один — один. Может, заглянешь как-нибудь на ужин?

— Загляну. И еще сегодня, — мрачно ответил он. — Как только ты вернешься домой. Это вовсе не шутка, дубина, понимаешь? Ты говоришь, что получил от Стар, и я тебе, конечно, верю. Но это не мусор и не игрушка. Это настоящее. — Он помолчал, а потом с беспомощным удивлением добавил: — Вот только это не может существовать.

Постепенно меня начал охватывать страх. Когда Джим говорил, что не шутит, ему можно было верить.

— Ну хорошо. Может, ты все-таки объяснишь, в чем дело?

— Так-то лучше, Пит. Вот что нам удалось узнать об этой монете. Она из Египта, вероятно, эпохи фараонов, сделана вручную, из неизвестного сегодня сплава бронзы. Ее возраст мы оцениваем в четыре тысячи лет.

— Но в этом нет ничего таинственного, — заметил я. — Вероятно, какой-то коллекционер рвет сейчас волосы на голове, пытаясь найти. Он потерял, а Стар ее нашла. В музеях и частных коллекциях должна быть масса таких монет.

Я говорил скорее для себя, чем для Джима, он знал все это и без моих напоминаний. Дождавшись, когда кончу, он продолжал свою лекцию:

— Во-вторых, у нас в музее один из ведущих экспертов-нумизматов всего мира. Как только я увидел, из какого металла сделана монета, я отнес ее к нему. А теперь сядь поудобнее, Пит. Так вот, эксперт утверждает, что такой монеты нет ни в одном музее и ни в одной коллекции мира.

— Вы там в музее иногда превосходите самих себя. Спустишь на Землю, Джим. Где-нибудь когда-нибудь какой-нибудь коллекционер включил ее в свою коллекцию и сидел тихо — ты сам знаешь, что они за люди. Целыми днями сидят в затемненных комнатах и разглядывают свои сокровища, о которых не знает никто, кроме...

— Ну, хорошо, умник, — прервал он меня. — Вот тебе в-третьих.

Этой монете по крайней мере четыре тысячи лет и вместе с тем она совершенно НОВАЯ! Интересно, как ты это объяснишь?

— Новая? — спросил я слабым голосом. — Не понимаю.

— По старым монетам видно, что они использовались. Острые края закругляются, поверхность окисляется, меняется молекулярная структура, образуются кристаллы. На этой монете нет никаких закруглений, никаких окисных пленок, никаких изменений в молекулярной структуре. Словно ее отчеканили вчера. ОТКУДА ВЗЯЛА ЕЕ СТАР?

— Подожди минуточку, — попросил я и мысленно вернулся в субботнее утро. Стар и Роберт играли. Если над этим задуматься, это была какая-то особенная игра.

Стар вбегала в дом и останавливалась перед стеллажом, на котором стоит энциклопедия. Роберт считал вслух, стоя во дворе перед деревом, а Стар довольно долго разглядывала энциклопедию.

Потом я услышал, как она буркнула:

— О, это хорошее место.

А может, она просто подумала, а я услышал. В последнее время такое случается часто.

Потом она выбегала наружу, а минутой позже появлялся Роберт и останавливался перед тем же стеллажом. Следующие несколько минут царила тишина, нарушаемая наконец громким смехом и криками, после чего перед полками снова появлялась Стар.

«Как он меня находит? — услышал я как-то ее мысли. — Никак не могу понять».

В одну из пауз Рут через изгородь окликнула меня:

— Эй, Пит, не знаешь, куда делись дети? Пора выпить молока с печеньем.

Хоувеллы очень хорошо относятся к Стар. Я встал из-за стола и подошел к окну.

— Не знаю, Рут. Крутились здесь еще несколько минут назад.

— Я вовсе не беспокоюсь, — откликнулась она, стоя на лестнице, ведущей в кухню. — Они хорошо знают, что им нельзя одним переходить через дорогу. Наверное, пошли к Мэри. Как вернутся, скажи им о молоке и печенье.

— Сделаю, Рут.

Она исчезла в кухне, а я вернулся к работе.

Вскоре после этого ребятишки ворвались в дом, и мне удалось задержать их настолько, чтобы сказать о ждущих лакомствах.

— Я первый! — крикнул Роберт.

Не задерживаясь, они наперегонки помчались к двери. Именно тогда Стар потеряла монету, а я поднял ее и отправил Джиму.

— Алло, Джим? Ты еще слушаешь?

— Слушаю и жду ответа.

— Знаешь что, лучше всего приходи сейчас же. Я уйду из конторы, и встретимся у меня. Сможешь?

— Смогу ли я? — воскликнул он. — Шеф велел мне бросить все и заняться только этой монетой. Буду через четверть часа.

И он положил трубку. Я задумчиво сделал то же самое и спустился к машине. Поворачивая в нашу улицу, я увидел Джима, подъезжающего с другой стороны. Детей нигде не было видно.

Когда Джим вылез из машины, на его лице я увидел выражение такого нетерпения, какого не видел еще никогда. Я не думал, что по мне видны все мои опасения, но, когда Джим на меня взглянул, он сразу посерьезнел.

— Что происходит, Пит? — спросил он почти шепотом. — Что происходит?

— Не знаю. Во всяком случае, не уверен. Пошли в дом.

Я провел Джима в кабинет. Большое окно из него выходит в сад позади дома, и мы видели все как на ладони.

Поначалу все выглядело вполне невинно — просто трое ребят-шек, играющих в прятки. Мэри, дочка соседей с другой стороны улицы, стояла у дерева.

— А теперь слушайте, — сказала она. — Прячьтесь так, чтобы я могла вас найти, или не буду играть.

— Мы далеко не прячемся, — упирался Роберт. Как большинство мальчиков его возраста, он использует при разговоре полный объем легких. — Только гараж, деревья и те кусты. Ищи лучше.

— И еще другие дома, деревья и кусты! — возбужденно крикнула Стар. — Там тоже можно искать.

— Точно! — подхватил Роберт. — Целая куча домов и деревьев, особенно деревьев. Ищи лучше.

Мэри раздраженно покачала головой.

— Я не знаю, о чем вы, и мне это не интересно. Прячьтесь так, чтобы я могла вас найти.

Она повернулась лицом к дереву и принялась громко считать. Будь я один, наверняка бы решил, что у меня нелады с глазами или начались галлюцинации. Но рядом стоял Джим, видевший то же самое.

Когда Мэри начала считать, остальные двое и не подумали убежать. Они взялись за руки, потом словно замерцали... И ИСЧЕЗЛИ!

Мэри закончила счет и быстро проверила немногочисленные уголки двора, где можно было спрятаться. Не найдя никого, расплакалась и побежала к дому Хоувеллов.

— Они снова убежали! — пожаловалась девочка Рут, занятой чем-то на кухне.

Мы с Джимом продолжали стоять у окна. Я взглянул на него: он был бледен, как труп, и я вряд ли выглядел лучше.

Снова что-то замерцало. Стар, а секундой позже и Роберт появились из воздуха и побежали к дереву, крича:

— Раз, два, три, а вот и мы!

Мэри зарыдала еще громче и убежала домой.

Я позвал Стар и Роберта. Они пришли, по-прежнему держась за руки, пристыженные и вместе с тем воинственные.

С чего же начать? Что, черт возьми, я должен им сказать?

— Это нечестно, — пальнул я наугад. — Мэри же не может вас там найти.

Стар побледнела так, что на носу ее проступили веснушки, обычно скрытые загаром, а Роберт покраснел и резко повернулся к ней.

— Я же говорил, Стар! Говорил, что это неспортивно! — сказал он обвиняющим тоном, после чего обратился ко мне:

— Все равно Мэри не может играть в прятки. Она только глупик.

— Оставим это на минутку. Стар, а где вы, собственно, были? — спросил я.

— Недалеко, папа, — неуверенно ответила она, стараясь выкрутиться. — Играя с ней, мы уходим совсем недалеко. Она должна нас там найти.

— Ты не ответила на мой вопрос. Куда вы уходите?

Джим показал ей бронзовую монету, которую я ему прислал.

— Видишь, Стар, — сказал он на удивление спокойно. — Мы нашли это.

— Я не должна вам говорить. — Она с трудом сдерживала слезы. — Вы только средники и не поймете. — Потом почти с раскаянием обратилась ко мне: — Папа, я пыталась тебе это передать, но ты ничего не можешь прочесть. — Она хлопнула Роберта по плечу. — А Роберт делает это очень хорошо. — Она сказала это так, словно хвалила за умение пользоваться ножом и вилок. — Даже лучше меня, потому что я не знаю, как он так быстро меня находит.

— Могу тебе сказать, Стар! — выкрикнул Роберт, пытаясь скрыть смущение за потоком слов. — У тебя просто нет воображения. Никогда не встречал никого с таким слабым воображением!

— А вот и есть! — запротестовала она. — Ведь это я придумала игру. Это я тебе показала, что нужно делать, разве нет?

— Ладно, ладно! — откликнулся он. — Но тебе нужно смотреть на книгу, чтобы знать, что в ней есть, и потому остается след. Я только проверяю, куда он идет, переносюсь в это место — а ты там. Все просто.

Стар от удивления открыла рот.

— Я никогда об этом не думала, — призналась она.

Мы с Джимом прислушивались к их разговору. Значение того, что они говорили, постепенно проникало в наши отупевшие мозги.

— Так или не так, а все равно у тебя нет воображения, — закончил спор Роберт и сел по-турецки на пол. — Ты не можешь телепортироваться в место, которого нет.

Стар села рядом с ним.

— А вот и могу! А Лунные Люди? Ведь их еще нет, они только будут.

Роберт посмотрел на нее.

— Ты же знаешь, что они уже были. — Он развел руки, словно бейсбольный судья. — То есть для твоего папы их еще не было, а для тех существ с Арктура — уже были.

— Ты тоже не телепортировался в место, которого нет, — парировала Стар. — Что, съел?

Я указал Джиму на кресло, а сам упал на другое. Наконец-то контакт с чем-то привычным и ощутимым.

— А сейчас, ребята, — прервал я их попытки уйти от ответа, — начнем сначала. Если я правильно понял, вы можете переноситься в прошлое и будущее?

— Ну, конечно, папа, — ответила Стар, развязно пожав плечами. — Просто телепортируемся туда, где хотим оказаться. Это совсем не опасно.

И эти-то дети слишком малы, чтобы в одиночку переходить улицу!

Пару раз в жизни я уже переживал шок и сейчас испытывал то же самое — я слишком отупел, чтобы реагировать на что-либо. Все казалось мне почти нормальным.

— Хорошо, хорошо, — сказал я, с удивлением отметив, что пользуюсь тем же тоном, как во время спора о том, кому достанется самый большой кусок торта. — Я еще не знаю, опасно это или нет. Нужно об этом подумать. А пока скажите, как вы это делаете.

— Было бы гораздо проще, если бы ты мог это прочесть, — с сомнением сказала Стар.

— Допустим, я глупик и вам нужно рассказать это словами.

— Помнишь ленту Мебиуса? — спросила она начиная с самых азов, словно объясняла что-то ребенку.

Да, я помнил. Помнил и когда это было: более года назад. Значит, ее беспокойный, гениальный ум все время работал над этим вопросом. А я-то решил, что она давно все забыла.

— Это полоска бумаги, один конец которой закручивают на сто восемьдесят градусов и соединяют с другим, — добавила она, словно подгоняя мою работающую слишком медленно память.

— Да, знаю. Мы все знаем эту ленту Мебиуса.

Джим производил впечатление слегка удивленного — я никогда ему об этом не говорил.

— А потом идет листок, который закручивают на полоборота и склеивают края...

— Бутылка Клейна, — вставил Джим.

Стар облегченно взглянула на него.

— Хорошо, что вы это знаете, так будет легче. А теперь следующий шаг: берем куб... — По лицу ее мелькнула тень сомнения. —

Этого нельзя сделать руками, а только в уме, потому что это воображаемый куб.

Она вопросительно посмотрела на нас, и я сделал знак продолжать.

— А потом с ним делают то же, что и с бутылкой Клейна. Если сделать это с очень большим кубом, в котором можно разместиться, то можно телепортироваться, куда захочешь. Вот и все, — торопливо закончила она.

— Где вы были? — спросил я, не повышая голоса.

Нужно будет еще подумать над техникой, которой они пользовались. Моих знаний физики хватало, чтобы понять: именно так множились измерения — линия, плоскость, куб: геометрия Эвклида; лента Мебиуса; бутылка Клейна, не названный еще перекрученный куб: эйнштейновская физика. Да, это выглядело правдоподобно.

— Ну... — неуверенно начала Стар. — В Риме, в Египте... В разных местах.

— И в одном из мест вы нашли эту монету? — спросил Джим.

Он как мог старался, чтобы его голос звучал естественно, и, признаться, у него неплохо получалось. Я отлично понимал, что он должен чувствовать, видя открывающуюся перед ним неисчерпаемую сокровищницу знаний.

— Это я ее нашла, папочка, — ответила Стар. Слезы выступили на ее глазах. — Она лежала на земле, и Роберт меня уже почти нашел, а я забыла о ней, так быстро убегала. — Она умоляюще смотрела на меня. — Я не хотела ее украсть, папочка, я никогда ничего не крада. Я хотела оставить ее, где она лежала, но потеряла, а потом прочла, что ты ее нашел. Наверное, это очень плохо с моей стороны.

Я потер ладонью лоб.

— Оставим оценки на потом, — сказал я, чувствуя что-то вроде головокружения. — А как насчет переноса в будущее?

На этот раз заговорил Роберт.

— Нет никакого будущего, сэр. Я все время говорю это Стар, но она девочка и не понимает. Это все прошлое.

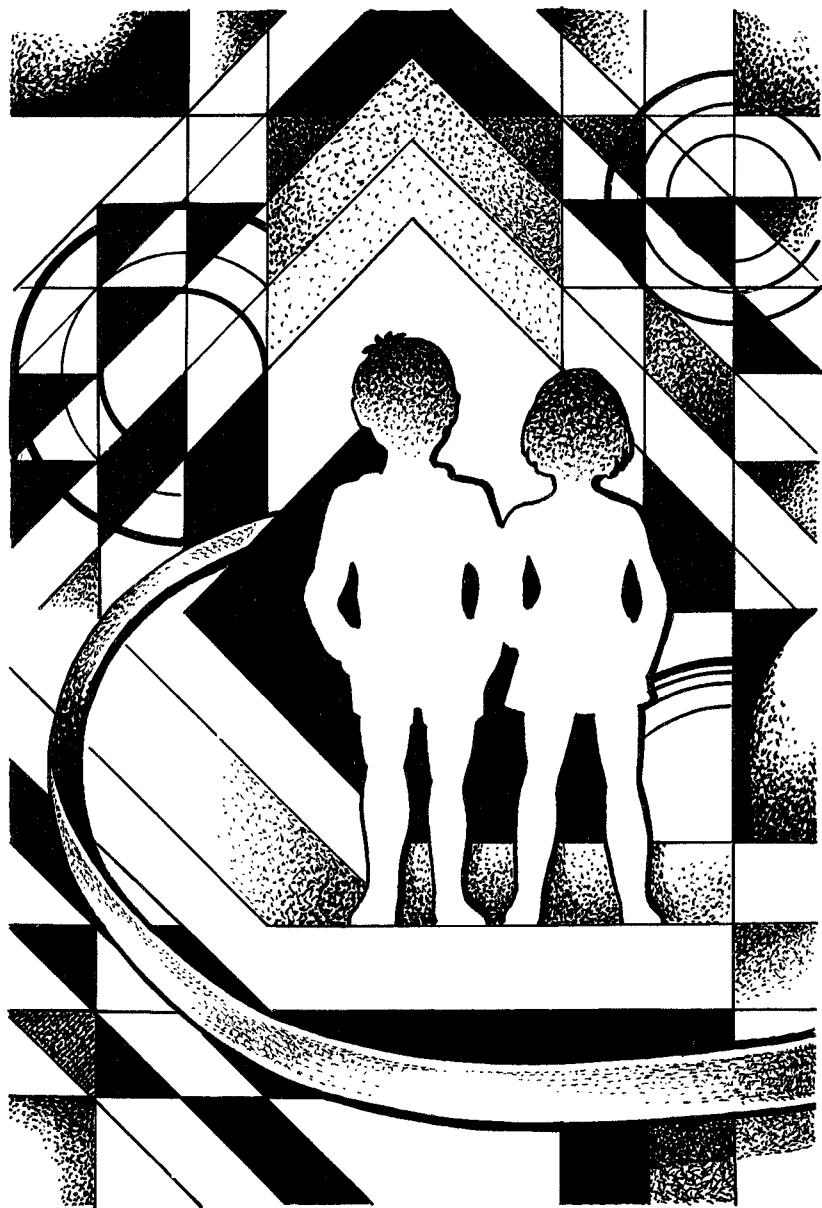
Джим выглядел так, словно в него ударила молния. Он уже открыл рот, желая возразить, но я отрицательно покачал головой.

— Может, ты объяснишь, Роберт? — попросил я.

— Ну, это не так просто, — сказал он, хмурия брови. — Даже Стар не понимает, а ведь она быстрик. Но я старше ее. — Он снисходительно посмотрел на нее, но, впрочем, тут же встал на ее защиту: — Когда ей будет столько лет, сколько мне, она поймет. — И он утешительно похлопал девочку по плечу.

— Возвращаешься в прошлое — дальше, чем Египет и Атлантида — и вдруг попадаешь в будущее.

— А я делала вовсе не так, — покачала головой Стар. — Я ПРИ-

ДУМЫВАЛА будущее. Придумывала, как оно будет выглядеть, переносилась туда, придумывала снова и так далее. Я тоже умею думать.

— Это одно и то же будущее, — авторитетно заметил Роберт. — Так должно быть, потому что все это случилось. Ты не могла найти рая, потому что никогда не было Адама и Евы, — это он Стар. А потом мне: — Это вовсе не значит, что человек произошел от обезьяны. Человек породил самого себя.

Джим был уже на грани удара. Он наклонился вперед с налитым кровью лицом и вытаращенными глазами.

— Как? — с трудом выдавил он.

Роберт смотрел куда-то прямо перед собой.

— В далеком будущем — я говорю о будущем, как его понимают глупики — у людей начались неприятности. Очень большие неприятности. Среди них были такие, кто открыл тот же способ путешествий, что мы со Стар. Когда Солнце должно было взорваться и стать новой звездой, целая их толпа телепортировалась во времена, когда Земля была молодой, чтобы начать все сначала.

Джим таращился для него, не в силах выдать ни слова.

— Не понимаю, — сказал я.

— Не все могли это сделать, — терпеливо объяснял Роберт. — Только несколько быстрыков. Но они забрали с собой много других людей, и все перенесли. — Он заколебался. — Думаю, потом быстрыки перестали интересоваться не быстрыками. Во всяком случае, глупики становились все глупее и в конце концов почти не отличались от животных. — Он на мгновение заткнул нос. — Они плохо пахли и считали быстрыков богами.

Взглянув на меня, он пожал плечами.

— Я не знаю точно, что произошло. Я был там всего несколько раз. Это не очень-то интересно. Впрочем, — закончил он, — быстрыки в конце концов исчезли.

— Хотела бы я знать, куда они пошли, — вздохнула Стар. Я погладил ее по руке и вновь занялся Робертом.

— Я все еще не понимаю.

Он схватил ножницы, кусочек пластыря и лист бумаги, быстро вырезал узкую полоску и склеил из нее ленту Мебиуса, после чего принялся писать на ней: «пещерные люди, люди те, люди эти, люди Му, люди из Атлантиды, египтяне, исторические люди, мы, люди атома, лунные люди, люди планет, люди звезд...»

— Вот, — сказал он, — лента заполнилась. Теперь ясно видно: после людей звезд сразу идут пещерные люди. Все друг с другом связано. Это не прошлое и не будущее, это просто существует. Понимаете?

— Интересно, как быстрыки спрыгнули с ленты, — буркнула Стар.

Я к этому времени дошел уже до точки.

— Дети, — умоляюще простонал я, — не знаю, опасная это игра

или нет. Ведь вы можете попасть напрямик в пасть льва или еще куда...

— Да нет же, папочка! — радостно пискнула Стар. — Мы бы сразу оттуда телепортировались.

— И быстро, — согласился с ней Роберт.

— Все равно мне нужно это обдумать, — упирался я. — Правда, я только средник, но еще я твой папа, Стар, ты должна меня слушать.

— Я всегда тебя слушаю, — энергично ответила она.

— Разве? А обещание не уходить со двора? Экскурсии к грекам и людям звезд не очень-то вяжутся с этим, не так ли?

— Но, папа, ты же сказал, чтобы мы не переходили через дорогу, и мы не переходили! Правда, Роберт?

— Мы никогда не переходили ни через какую дорогу, — подтвердил Роберт.

— Боже! — простонал Джим, безуспешно пытаюсь закурить.

— Ну, хорошо, хорошо! В таком случае запрещаю вам покидать это время!

— Подожди! — крикнул Джим, сломав сигарету и швырнув ее в пепельницу, — Пит, музей... — умоляюще начал он. — Подумай, что это может дать. Снимки, образцы, записи... И не только из прошлого, но и из будущего. Люди звезд, Пит! Люди звезд! Может, пусть посетят места, о которых мы знаем, что они безопасны? Конечно, не должно быть никакого риска, но...

— Нет, Джим, — решительно ответил я. — Это твой музей, но МОЯ дочь.

— Понятно, — вздохнул он. — Пожалуй, я и сам бы сделал так же.

— Стар, Роберт, — снова обратился я к детям. — Обещайте, что без моего разрешения не покинете нашего времени. Я не могу вас наказать, если вы нарушите слово, потому что не умею делать того, что вы, но хочу получить ваше слово чести, что вы этого не делаете.

— Обещаем, — сказали оба, подняв правые руки, как будто давая присягу в суде. — Мы не покинем этого времени.

Я отпустил их во двор. Довольно долго мы с Джимом молча смотрели друг на друга, тяжело дыша, как после быстрого бега.

— Извини, — сказал я наконец.

— И ты тоже, — ответил он. — У меня нет к тебе претензий. Просто на минуту забыл, что значит ребенок для отца. — Потом он с ироничной улыбкой добавил: — Я почти вижу, как рассказываю все это в музее.

— Надеюсь, ты не собираешься этого сделать? — обеспокоенно спросил я.

— Чтобы меня подняли на смех? Я не настолько глуп.

10 сентября.

Неужели я постепенно учусь этому? У меня было что-то вроде озарения, когда я долго думал о триумфальном вступлении Цезаря в Рим. На какое-то мгновение я УВИДЕЛ это! Я стоял у дороги, глядя на происходящее, но все были неподвижны, и только я мог двигаться. Длилось это всего мгновение.

Была ли это просто галлюцинация, вызванная сосредоточенностью и горячим желанием увидеть это зрелище?

Попробую еще раз. Нужно представить себе куб, потом мысленно повернуть его на сто восемьдесят градусов и... Минуточку, тогда у него только одна поверхность... Значит, эту поверхность соединить по краю...

Порой мне кажется, я знаю, в чем это заключается, но потом вновь накатывает отчаяние. Эх, будь я быстриком, а не каким-то средником!

23 сентября.

Не знаю, что меня смущало в этой телепортации, оказалось, это простейшая вещь. Даже ребенок справится. Это звучит как неудачная шутка, если вспомнить, что именно двое детей показали, в чем заключается дело, но я хочу сказать, что каждый, даже самый обычный ребенок, может это повторить. Единственная трудность заключается в понимании последовательных этапов... нет, не в понимании, потому что сам я их понимаю, а скорее в старательном и внимательном повторении.

Опасности при этом нет никакой. Ничего удивительного, что поначалу я сравнил это с неподвижной картинкой, поскольку скорость огромна. Например, пуля — я мог идти рядом с ней, нисколько не отставая. Если даже те дуэлянты заметили меня, то как размазанное, мгновенно перемещающееся пятно.

Потому-то дети и смеялись, когда говорили об опасности. Даже попади они в самый центр ядерного взрыва, все вокруг происходило бы с такой черепашей скоростью, что они успели бы вовремя телепортироваться. Взрыв не может распространяться быстрее света, зато нет никаких ограничений скорости мысли.

И все-таки я еще не позволяю им покидать наше время, хочу сначала внимательно изучить, если не все, то большую часть эпохи. Не хочу рисовать, хотя, честно говоря, понятия не имею, каким образом они могли бы попасть в историю. Однако Роберт утверждает, что быстрики телепортировались из будущего в прошлое, а это значит, что они могут до сих пор крутиться по времени и вполне возможно, что на некоторых из них мы в конце концов наткнемся. И никто не может ручаться, что они будут настроены дружелюбно...

Я чувствовал себя свиньей за то, что не беру камер, коробок для

образцов и магнитофонов, которые предлагает мне Джим, но для этого еще будет время. Сначала нужно немного освоиться с историей, а десяток километров снаряжения мне в этом не поможет.

И если уж говорить об истории — удивительно, сколько сумели запутать эти ученые! Вот, например:

Эдуард III вовсе не был ни сумасшедшим, ни дебилем. Конечно, он был не очень-то симпатичен, да и кто бы им был, окруженный такой толпой льстецов! Он просто стал жертвой имперской экспансии и промышленной революции. Впрочем, как и все европейские владыки этого периода. И так ему повезло гораздо больше, чем Людовику: по крайней мере сохранил трон и голову на плечах.

Зато Джон Уилкс Бут явно был психически больным. Его могли бы вылечить, знай они наши методы психотерапии, и тогда, разумеется, не дошло бы до убийства Линкольна. Мне очень хотелось помешать этому, но все-таки я не решился... Кто знает, как это могло повлиять на дальнейший ход истории. Интересно, что менее всего удивлен покушением был сам Линкольн, и хотя было видно, что он страдает и физически, и духовно, все время казалось, что он этого ожидал.

Хеопс **ОЧЕНЬ** переживал, что на строительстве пирамиды гибнут рабы. Доставка новых была делом нелегким. В самое жаркое время дня у них было четыре часа отдыха, и сомневаюсь, чтобы рабы в какой-то другой стране лучше питались и имели лучшие условия жизни.

Ни разу не удалось мне наткнуться на следы Атлантиды или Лемурии, я только слышал рассказы о каких-то дальних странах (нужно помнить, что в те времена даже несколько сотен миль составляли изрядное расстояние), погибших под волнами моря. Склонные к преувеличениям древние любой крупный остров готовы были назвать континентом. Некоторые из этих островов действительно погружались вместе с несколькими тысячами сельских жителей и пастухов. Вот так наверняка и возникают легенды.

Колумб был упрям, как осел. Он уже хотел поворачивать, когда матросы взбунтовались, поэтому назло им решил плыть дальше. До сих пор не понимаю, что мучило Чингиз-хана и Александра Македонского. Безусловно, мне очень помогло бы знание языков, поскольку их крупные кампании начинались, как правило, как простые туристические походы. Елена Троянская была довольно хороша, но, разумеется, явилась лишь поводом для войны.

Американские индейцы несколько раз пытались объединиться еще до прихода белых, но каждый раз брало вверх желание иметь побольше жен и пленников, и ничего не выходило. Думаю, что если бы они объединились и знали, что стоит на кону в этой игре, им удалось бы удержать Америку. С помощью обмена они могли бы получить оружие и инструменты и развить промышленность, как позднее это сделали японцы. Разумеется, это лишь домыслы, но если бы им удалось, наш мир выглядел бы совсем иначе.

Когда-нибудь я запишу все это в виде ИСПРАВЛЕННОЙ истории человечества, богато иллюстрированной фотографиями, и буду смотреть, как так называемые «эксперты» из кожи лезут, дискутируя с ней.

В будущее я далеко не забирался, стараясь не приближаться к людям звезд, и уж тем более к их возвращению в прошлое. Нужно было бы изрядно поломать голову над направлением, в котором следовало двигаться, а ведь я не быстрик. Когда (и если) я туда отправлюсь, возьму проводниками Стар и Роберта.

То, что я успел увидеть в будущем, не было ни ужасным, ни великолепным. «Неприятности», видимо, начались только с появлением людей звезд, если Роберт не ошибается, а думаю, он прав. Понятия не имею, в чем они могут заключаться, но должно быть, это действительно что-то страшное, если они не справились с ними, имея такую развитую технику. А может, именно поэтому? Нечто подобное уже сейчас происходит с нами.

Пятница, 14 ноября.

Хоувеллы уехали на уикэнд, оставив Роберта под моей опекой. У меня с ним никаких сложностей. Они со Стар держат свое слово, но, кажется, готовят, что-то новенькое. Я догадываюсь, и меня мучает предчувствие, что что-то случится.

Дети становятся все более таинственными. Снова и снова я вижу, как они с видимым усилием сосредотачиваются, чтобы через минуту безо всякого повода радостно расхохотаться.

— Не забывайте свое обещание, — обратился я к Стар.

— Мы его не нарушим, папочка, — серьезно ответила она, а Роберт добавил: — Мы не покинем нашего времени.

И оба расхохотались!

Нельзя упустить их из виду. Не знаю, поможет ли это; они явно что-то готовят: но как мне их остановить? Закрывать в комнатах? Выпороть? Интересно, что сделал бы на моем месте кто-то другой?

Дети исчезли!

Я жду их уже около часа и знаю, что, если бы могли, они наверняка бы уже вернулись. Видимо, с чем-то столкнулись. Они очень умны, но это не отменяет того, что они дети.

У меня есть кое-какие подозрения. Они обещали, что не покинут наше время, а, несмотря на свою проказливость, Стар еще никогда не нарушала данного слова. Поэтому я знаю наверняка, что они в нашем времени.

Стар часто задумывалась, куда делись быстрики, которые исчезли, как им удалось сойти с ленты Мебиуса.

Итак: как можно сойти с ленты Мебиуса и вместе с тем остаться в современности?

Куб здесь не поможет. С его помощью можно только перемещаться по поверхности ленты. Есть линия, есть плоскость, есть куб и, наконец, есть суперкуб-тессеракт — так гласит математическая логика. Быстрики должны были рассуждать именно так.

Теперь я, будучи просто средником, постараюсь сделать то же самое. Несмотря ни на что, это не настолько безнадежное занятие, как попытка среднеразвитого человека создать нечто гениальное. (Разумеется, гениальное в нашем понимании, с точки зрения человека, которого Стар и Роберт окрестили средником.) Каждый, имеющий средний ПИ и подходящее образование, может повторить рассуждение гения, при условии, что знает последовательные этапы, которые должен преодолеть, и особенно, если видит практическое применение создаваемой теории. Единственное, чего он не может — это закончить мыслительный процесс, но мне это и не нужно, за меня это сделали Стар и Роберт. Мне требуется лишь определить, как применить их открытие на практике.

Итак, попробуем.

Сводя прошлое, настоящее и будущее человека к ленте Мебиуса, мы избавились от одного измерения. У ленты их всего два — нет глубины. (Это невозможно, поскольку у ленты Мебиуса только одна поверхность.)

Ограничение двумя измерениями позволяет неограниченно путешествовать через третье измерение. Третье измерение — это внутренность куба, повернутого на 180 градусов.

Сделаем шаг вперед, добавив еще одно измерение. Получим тессеракт. Чтобы получить аналог ленты Мебиуса, но с глубиной, нужно выйти в четвертое измерение, и это, как мне кажется, единственный способ покинуть замкнутый круг прошлого / настоящего / будущего. Быстрики поняли, что ничего больше не требуется, а Стар и Роберт повторили их рассуждения: не желая нарушить данное слово, они сошли с ленты Мебиуса, появившись в ИНОЙ, но по-прежнему современной, современности.

Я пишу тебе это, Джим, потому что, во-первых, знаю, что ты тоже средник, а во-вторых, ты много думал обо всем происшедшем после того, как я прислал тебе ту монету. Надеюсь, тебе удастся объясниться с Хоувеллами, по крайней мере помочь им понять правду об их сыне и Стар, и о том, куда исчез Роберт.

Я оставляю эти записи в таком месте, чтобы ты на них наткнулся, когда вместе с Биллом и Рут будете перетряхивать дом в поисках меня и детей. Если тебе представится возможность их прочесть, значит, мне не удалось найти детей. Есть, конечно, вариант, что я их найду, но мы не сможем вернуться на ленту Мебиуса. Возможно, время выглядит там совсем по-другому, а может, его вообще нет... Кто знает, как это там, вне ленты.

Билл, Рут, я хотел бы обещать, что приведу вам сына обратно, но не могу этого сделать. Оставим это в сфере желаний.

А сейчас я попробую представить шесть кубов и уложить их один на другой таким образом, чтобы каждый угол полученной фигуры был прямым.

Это совсем нелегко, но я очень стараюсь, используя способность к сосредоточению, которой научился у детей. Так, готово.

А теперь я мысленно поворачиваю тессеракт на сто восемьдесят градусов и...

ЧТО Я НАДЕЛАЛ?

Разумеется, это должно было случиться именно со мной. Глупо было бы ожидать, что тяжесть эта ляжет на какого-нибудь государственного мужа, руководителя или известного ученого. При всей своей скромности, я считаю, что являюсь одним из немногих, кто сумел бы заранее почувствовать опасность и предотвратить несчастье. У меня есть один особый талант, и ему я обязан всем. Короче говоря, я знаю людей.

Впервые я увидел его, когда расплачивался в магазинчике за сигареты. Мужчина стоял у стойки с журналами и, судя по выражению лица, никогда прежде не видел ничего подобного. С другой стороны, подобное выражение бывает у многих людей, которые не могут решиться на что-то определенное.

Обеспокоило меня только, что я не мог его определить.

Есть люди, которых можно сравнить со мной, если говорить о количестве случаев, с которыми они имели дело, но именно я обратил внимание на этого типа. Тридцать лет я слушал людей, разговаривал с людьми, советовал людям — в общей сложности более чем двумстам тысячам. И это была не просто болтовня, каждому из них я предлагал сочувствие и интерес.

Моей целью было как можно лучше узнать людей. Не так, как делает это западная наука, создающая инструменты и эталоны для измерения с максимальной точностью внешних оболочек живых роботов, игнорируя при этом кроющемся под оболочкой человека. Но и не как восточные философии, стремящиеся познать человека на основании образа, который на мгновение вызывает во мраке его дыхание.

Я стараюсь использовать обе эти школы и, признаться, не без успеха.

Опытный географ может взглянуть на фрагмент вручную нарисованной контурной карты и молниеносно определить изображенную на ней территорию, ориентируясь по характерному изгибу реки, своеобразной береговой линии озера или повороту горной цепи. Свою правоту он затем подтверждает, описывая с мельчайшими подробностями, что можно, а чего нельзя там найти.

Для меня после ознакомления с пятьюдесятью тысячами случаев,

в которых требовалось поставить диагноз, а затем наблюдать, проверяя его правильность, такими характерными чертами стали: изгиб губ, движение ладони, наклон плеч. Моими достижениями заинтересовался один из университетов. По их данным, результаты моих наблюдений подтверждались в 92% случаев. Это было пятнадцать лет назад; думаю, за это время я мог еще более улучшить результаты.

И все-таки, глядя на молодого мужчину, стоявшего у стойки с журналами, я не мог ничего прочесть. Ничего.

Будь это обычное лицо, я машинально отнес бы его к какой-то категории, после чего тут же забыл. Такие встречаются тысячами. Но это лицо нельзя было классифицировать и забыть, потому что в нем не было ничего.

Я хотел написать, что это вообще было не лицо, но это неправда. У каждого человека есть какое-то лицо.

Если говорить о фигуре, то у мужчины был невысок, довольно плечист, пропорционально сложен. У него были коротко подстриженные светлые волосы, голубые глаза, светлая кожа. Можно сказать — классический тип — но это было бы неправдой.

Я заплатил за сигареты и еще раз взглянул в ту сторону, надеясь увидеть в его чертах такое, что могло бы о нем поведать. Бесполезно. Оставив его у журналов, я вышел на улицу и повернул за ближайший угол. Сама улица, витрины магазинов, полицейский на углу, теплые лучи солнца — все было так знакомо, что я не обращал на это никакого внимания. Я поднялся на второй этаж. В свою квартиру, находящуюся в здании, одной стеной примыкающем к тому, где размещался магазин.

Приемная моей квартиры по найму был пуста. Честно говоря, мне не нужны большие очереди, они лишают возможности поговорить с людьми и углубить свои знания.

Марджи, моя секретарша, занималась подготовкой какого-то отчета, поэтому лишь кивнула мне, когда я проходил мимо ее стола. Марджи хорошая, работающая девушка, которая не может понять, почему я теряю столько времени, занимаясь разными пьяницами и всевозможными психопатами, по которым сразу видно, что они ничего не добавляют к счету фирмы.

Я уселся за стол и сказал вслух:

— Этот тип настолько фальшив! Нет никаких сомнений. Просто-напросто фальшивка!

Услышав свой голос, я на секунду задумался, не схожу ли я с ума. Что такое «фальшив»? Я пожал плечами. Просто мне наконец попался человек, против которого я бессилен — вот и все.

И только тут до меня дошло, насколько это было бы необычайно. Я не сталкивался с таким уже более двадцати лет. Представьте себе наслаждение, которое даст поединок с чем-то, кажущимся недостижимым!

Выскочив из конторы, я помчался вниз, в магазин. Халлаган, тот фараон с перекрестка, удивленно уставился на меня, и я помахал ему рукой в знак того, что все в порядке. Сдвинув фуражку на лоб, он почесал за ухом, потом тряхнул головой, передвинул фуражку на прежнее место и яростно засвистел какому-то автомобилю, за рулем которого сидела женщина.

Я вбежал в магазин. Мужчины, разумеется там уже не было. Я осмотрелся, надеясь увидеть его за каким-нибудь стеллажом, но напрасно. Он исчез.

Постояв, я направился обратно, пытаюсь вспомнить то лицо и что-то прочесть по нему. Логика подсказывала мне то же самое, и будь это возможно, проблемы бы не возникло. Однако лицо было просто пустым, лишенным каких-либо человеческих чувств и эмоций.

Нет, тут имелось кое-что еще. Оно было лишено... лишено... человечности!

Я повернул к магазину, внимательно оглядываясь по сторонам в надежде заметить его. Халлаган снова посмотрел в мою сторону, но теперь лишь криво улыбнулся. Подозреваю, что по соседству меня считают чудачком. С точки зрения дилетанта, я задаю людям самые необычные вопросы, и тем не менее уже несколько клиентов говорили, что на вопрос к полицейскому, как попасть в ближайшее бюро по найму, их всегда отправляли ко мне.

В очередной раз поднялся я по лестнице и вошел в приемную. Марджи подозрительно взглянула на меня, но сказала лишь:

— У вас клиент — сидит в кабинете.

Мне показалось, она хотела добавить что-то еще, но вместо этого пожала плечами. Или вздрогнула. Я сразу понял, что не все в порядке, раз уж она не оставила его ждать в приемной.

Открыв дверь в свой кабинет, я испытал огромное, невообразимое облегчение. Это был он. Собственно, ничего удивительного, что он оказался здесь. Я руковожу бюро по найму, и люди приходят сюда за помощью в поисках работы, так почему не мог прийти он?

Среди присущих мне талантов почетное место занимает способность скрывать любые чувства. Этот тип не должен был ни на секунду заподозрить, какое наслаждение доставила мне его история. Встреть я его на улице, то мог бы максимум задать стандартный вопрос о времени или попросить спички, в крайнем случае — спросить дорогу к мэрии. Зато здесь я мог расспрашивать его, сколько душе угодно.

Я выслушал, что он хотел мне рассказать, потом начал задавать обычные вопросы. Все было просто в невероятном порядке.

Он служил в армии, изучал астрономию в университете, стажа работы нет, опыта тоже, нет вообще ни малейшего представления о том, чем он хотел бы заниматься — одним словом, ничего, что могло бы заинтересовать возможного работодателя. Типичный случай.

И к тому же никаких чувств и эмоций. Это уже менее типично.

Обычно они раздражены и обижены, что никто не ждет их с распростертыми объятиями. Я выбрал старую схему приведения клиента хоть к чему-то практическому.

— Астрономия? — спросил я. — Значит, вы знаете математику. Математические способности часто можно использовать в работе, связанной со статистикой.

Я надеялся, что таким образом продвинуся хотя бы на шаг вперед.

Оказалось, что нет.

— Я еще не приспособил свою математику для... — тут он умолк, впервые дав по себе понять, что реагирует на происходящее вокруг. До сих пор его можно было принять за греческую статую — широко открытые, лишенные какого-либо выражения глаза, идеальные (слишком идеальные) черты, не тронутые тенью ни единой мысли.

— Просто я не слишком хорошо это знаю, вот и все, — закончил он наконец.

Я мысленно вздохнул. В этом тоже не было ничего нового. Из университета их стараются вытолкнуть как можно быстрее. Случалось, за несколько дней среди моих клиентов не встречалось никого, умеющего делать что-либо стоящее. Так что в некотором смысле и это было нормально.

Зато ненормальным было явное понимание того, что слова его звучат не лучшим образом. Обычно такие парни просто не понимают, что должны что-то уметь. Казалось, его смущает факт, что можно изучать астрономию, не зная хорошо математики. Вообще, я не удивлюсь, если астрономический факультет можно закончить, даже не зная, сколько планет в Солнечной Системе.

Кроме того, парень явно забеспокоился, и это тоже было довольно необычно. До сих пор мне казалось, что я знаю все возможные комбинации сокращений мышц тела, но его волнение проявилось так, словно он был сложной марионеткой, управляемой кукловодом-любителем. И эти глаза, по-прежнему безо всякого выражения.

Я расспрашивал о том, о сем, подкинул одну мысль, другую... Из всех фальшивых масок и искусственных поз, с которыми мне приходилось иметь дело, эта была самая неестественная. Иногда подобное встречается у людей, долго сидевших в тюрьме и после освобождения придумывающих себе прошлое. Но никогда это не достигает таких масштабов.

И еще одно. Обычно, когда клиент понимает, что его вранье не помогает, он уходит, используя первый попавшийся предлог. Этот же нет. Похоже было, что он... не знаю даже, как и сказать... проверял правдоподобность своей истории.

Я перевел разговор на астрономию, о которой, как мне казалось, имею некоторые понятия. Выяснилось, что либо действительно толь-

ко казалось, либо он в этом полный профан. Его астрономия не имела с моей ничего общего.

И вот тут-то он проговорился. Говоря о Солнечной Системе, он начал очередную фразу со слов: «Десять планет, которые...»

Впрочем, он тут же поправился.

— Ах, да, ведь их только девять.

Может, это и было невежество, но сомневаюсь. Скорее, он знал о существовании планеты, которую еще не открыли наши ученые.

Я улынулся, выдвинул ящик и вынул из него несколько журналов НФ.

— Читали когда-нибудь такое? — спросил я его.

— Пролистал несколько в магазине пару минут назад.

— Благодаря им я весьма расширил свои горизонты, — сказал я. — Настолько, что мог бы даже поверить, что где-то в космосе имеется система, населенная разумными существами.

Закурив, я ждал его реакции. Если даже ошибусь, все можно будет свести к шутке.

Глаза его изменились. Они больше не походили на глаза греческой статуи. Не были они уже и голубыми, превратившись в черную, бездонную пропасть, холодную, как сам космос.

— В чем заключалась моя ошибка? — спросил он, скривившись в улыбке, которая вовсе не была улыбкой.

Теперь я не сомневался, что действительно наткнулся на что-то необычное. Он сидел по другую сторону стола, а я даже не знал, чего он хочет и каковы мотивы его поступка. Я ничего не знал — да и откуда? Раз уж мы всю жизнь познаем наших близких, то сколько времени нужно, чтобы познать существо со звезд?

Я бы многое отдал, чтобы вести себя как герои «космических опер», которые в подобных обстоятельствах вежливо улыбаются и говорят: «Так ты с Арктура? Ну до чего тесна Вселенная!» А потом обнимают друг друга и идут в ближайший бар пропустить стаканчик.

У меня мелькнула идиотская мысль, что я даже не знаю, пьет этот тип пиво или нет. Не буду описывать борьбу со своим организмом, особенно мышцами, чтобы не дать ничего по себе заметить. Во всяком случае я сумел усидеть на стуле и сохранить вежливое выражение лица. Сказался большой опыт общения с людьми.

— Я не мог ничего в вас почувствовать, — ответил я. — Совершенно ничего, пустота.

Он и сейчас выглядел так же пусто, только глаза снова стали голубыми. Но уж лучше это, чем недавняя чернота.

В такой ситуации на язык должны проситься миллионы вопросов, но мне все время казалось, что я сижу рядом с бомбой, не зная, что может вызвать ее взрыв. Я мог решиться лишь на нечто совершенно тривиальное.

— Давно вы на Земле? — спросил я. Чем не: «Привет, Джо! Давно вернулся в город?»

— Несколько ваших недель, — ответил он. — Но сегодня я впервые среди людей.

— А где вы были до сих пор?

— Учился.

Его ответы становились все короче, и вновь что-то странное творилось с его мышцами.

— Где вы учились? — настаивал я.

Он встал с места и протянул руку.

— Мне пора, — заявил он. — Разумеется, моя просьба о работе снимается. Нам нужно еще многому научиться.

Я поднял брови.

— Вы полагаете, я обо всем забуду? О такой встрече?

Он вновь улыбнулся своей странной улыбкой.

— Кажется, на этой планете есть обычай сообщать обо всех проблемах в полицию. Можете сделать это.

Не знаю, сказал он это, движимый иронией или обычной логикой.

Он вышел, а я неподвижно стоял у стола, глядя, как закрывается за ним дверь.

Что мне делать? Идти следом?

Я пошел.

Я не шпион, но прочел достаточно детективов, чтобы знать, как следить за кем-то, самому оставаясь незамеченным. Через некоторое время мы дошли до тихого, спокойного района многоквартирных домов. Я стоял за пальмой, делая вид, что закурываю, а он вошел в один из этих домов. Какое-то время он повозился у двери, потом открыл ее и вошел, а дверь закрылась.

Выждав немного, я поднялся по ступенькам и позвонил. Открыла седовласая матрона, явно оторванная от занятия на кухне, потому что вытирала руки о фартук.

— Я ничего сегодня не покупаю, — заявила она, не успев еще до конца открыть дверь.

Тем не менее она смотрела на меня с интересом, ожидая, что я предложу.

Я вызвал на лицо лучшую из своих улыбок, предназначенных для пожилых женщин.

— А я ничего и не продаю. — И я вручил ей свою визитку.

Она удивленно изучила ее и подняла голову.

— Я бы хотел видеть Джозефа Хоффмана, — вежливо продолжал я.

— Боюсь, вы ошиблись адресом.

Я уже готовился сунуть ногу в дверь, но это оказалось ни к чему.

— Он был у меня в конторе минут двадцать назад, — объяснил я, — а уходя, оставил свой адрес. Предложение работы поступило сразу после его ухода, а поскольку я все равно шел в этом направлении, то

решил заглянуть и сказать ему лично. Это довольно срочно, — добавил я. Несколько раз такое действительно случалось, но сейчас даже я сам не верил в то, что говорю.

— Никто здесь не живет, кроме меня и моего мужа, — упиралась хозяйка. — А он уже давно на пенсии.

Мне было все равно, чем занимается ее муж, — он мог давно висеть вниз головой на дереве. Меня интересовал тот тип.

— Но я видел, как тот молодой мужчина входил сюда, — не сдавался я. — Просто я не успел его догнать.

Она подозрительно оглядела меня.

— Не знаю, куда вы клоните, — ответила женщина, поджав губы, — но я все равно ничего не куплю. И не подпишу. Я даже не хочу с вами разговаривать. — Похоже, она действительно верила в то, что говорит.

Я извинился, бормоча что-то об ошибке, которую, кажется, совершил.

— И мне так кажется, — кисло ответила она и с достоинством закрыла дверь. Готов прозакладывать голову, что это было настоящее достоинство.

Руководствуясь конторой по найму, можно завести множество друзей. В следующие несколько дней эта несчастная старая дама явно должна была решить, что дом ее подвергся нашествию.

Сначала явился монтер с телефонной станции для локализации якобы обнаруженного повреждения, потом — специалист по газу проверял пломбы на счетчике, а за ним электрик искал место короткого замыкания. Я молился только о том, чтобы ее муж не оказался, к примеру, электриком и не разоблачил весь маскарад. Последним пришел человек из Статистического Бюро, чтобы уточнить некоторые данные последней переписи.

Дом был обыскан кирпич за кирпичом, начиная от подвала и кончая чердаком. Женщина говорила правду: в нем не жил никто, кроме нее и ее мужа.

Я ждал три месяца, исходив все тротуары в поисках молодого человека, но все было напрасно.

И вдруг однажды открывается дверь моего кабинета, и Марджи вводит молодого мужчину. За его спиной она хваталась за сердце и безумно трепетала ресницами.

Он был высоким, темноволосым, красивым, с живыми, сверкающими глазами. Его обаяние ударило меня с силой кузнечного молота. Такие люди никогда не приходят в бюро по найму, им это просто не нужно. Любой хозяин примет его после трехминутного разговора, а потом будет гадать, почему это сделал.

Звали его Эйнар Джонсон, и родом он был из Норвегии. Если он

считал меня наивным, которого легко обмануть, то я сразу поставил все на свои места.

— Прoshлый раз вас звали Джозеф Хоффман, — сказал я. — А в антропологическом смысле вы были скорее нордической расы.

Огоньки в его глазах мгновенно погасли, а на лице появилось раздражение. Я бы даже сказал, изрядное раздражение. К тому же, выглядевшее совершенно искренним.

— На чем я засыпался сейчас? — нетерпеливо спросил он.

— Объяснение этого заняло бы слишком много времени. Сначала я хотел бы послушать вас.

Как ни странно, но чувствовал я себя совершенно свободно. Я понимал, что под этой внешностью человеческой оболочки кроется чужое, непонятное существо, но камуфляж был настолько совершенен, что позволял забыть об этом.

Довольно долго он разглядывал меня, потом встал:

— Мы полагали, существует не больше одного шанса на миллион, что меня опознают. Признаться, мой предшественник нам не удался, но с тех пор мы многому научились, и все это было собрано в личности, которую я теперь ношу.

— Я прошел всю южную Калифорнию, — продолжал он. — Какое-то время работал продавцом, ходил на танцы и приемы, напивался и трезвел, и никто, повторяю, никто ничего не заподозрил.

— Они были не очень-то наблюдательны, правда? — спросил я с иронией в голосе.

— Но вы-то наблюдательны, — ответил он. — Я потому и пришел сюда, чтобы пройти последнюю проверку. Мне бы хотелось знать, в чем моя ошибка.

— Сюда приходят разные люди, — начал я. — Человек, регистрирующийся в разных бюро как безработный, чтобы жить на пособие; несчастный, которого гонит сюда жена, угрожая, что, если он не найдет работу, она бросит свою; детектив, ищущий тайные букмекерские конторы. Все, кто угодно. — Он слушал с интересом, а я скривился. — Все они раскрываются в течение максимум двух минут. С вами случилось то же самое, но вы не относитесь ни к одной категории, с которыми я обычно имею дело. А кроме того... я ждал вас.

— В чем заключается моя ошибка? — повторил он.

— Слишком сильная доза обаяния. Люди такими не бывают. Я чувствую себя так, словно меня хватили по голове чем-то тяжелым.

Он печально вздохнул.

— Я боялся, что так или иначе вы меня опознаете. Мне поручено в этом случае приказать вам сотрудничать с нами.

Я удивленно поднял брови. Достаточно ли он силен, чтобы отдавать мне приказы?

— Я должен подключить вас к нашим действиям в качестве контролера и наблюдателя, чтобы никто не мог нас опознать. Это необхо-

димо для реализации основного плана. Если он провалится, нам придется реализовать резервный план.

Он говорил, как учитель, но сила его обаяния несколько не уменьшилась.

— Вам придется рассказывать мне гораздо больше, чем до сих пор, — заметил я.

Мужчина быстро взглянул на дверь кабинета.

— Нам никто не помешает, — успокоил я его. — Рассказы клиентов остаются тайной.

— Я прибыл с одной из планет Арктура, — сообщил он.

Видимо, по моему лицу скользнула улыбка, потому что он тут же спросил:

— Вы находите это забавным?

— Нисколько, — запротестовал я. Все-таки они не могут читать мои мысли. Видимо, мы для них так же чужды, как они для нас. — Я улыбнулся потому, что в первый раз, когда вы сюда пришли, подумал, что вы так же загадочны, как существо, скажем, с Арктура. Теперь оказывается, что я был прав. Видимо, я еще лучше, чем считал до сих пор.

Теперь уже улыбнулся он.

— Моя родная планета очень похожа на вашу, с одним только исключением: она перенаселена.

По спине у меня побежали неприятные мурашки.

— Мы изучили вашу планету и решили ее колонизировать. — Это была простая констатация факта, без тени колебания или сомнений.

Я удивленно взглянул на него.

— И вы ждете, что я вам помогу?

— А почему бы и нет?

— Хоты бы потому, что существует такое понятие, как лояльность к собственному виду. Еще несколько поколений, и нам тоже станет слишком тесно. Вместе мы на Земле не поместимся.

— Ну, это не проблема, — ответил он, пожимая плечами. — Для нас места хватит надолго, мы размножаемся довольно медленно.

— А мы нет, — с нажимом сказал я. Мне постоянно казалось, что этот разговор ведет с ним какой-то государственный деятель, а не я.

— Вы меня, наверное, не поняли, — снова начал он. — Вас здесь не будет. Нет никаких причин, по которым нам стоило бы сохранить ваш вид. Вы просто вымрете — вот и все.

— Минуточку, — воскликнул я. — Я вовсе не хочу, чтобы мы вымирали.

Он смотрел на меня, как на несносного ребенка, который упрямо отказывается ложиться спать.

— А почему?

Это меня добило. Это очень хороший вопрос при условии, что его задают вовремя. Попробуйте представить осмысленную аргумента-

цию в пользу того, что люди должны продолжать жить. Я попробовал.

— Человечество прошло трудный путь, — начал я. — За наше развитие приходилось порой платить страшную цену, и если сейчас вы отнимете у нас будущее, которого мы с надеждой ждем, мы окажемся в положении человека, заплатившего за то, о чем он не имеет ни малейшего понятия, — что это такое и для чего служит.

Ничего лучшего не пришло мне в голову. Аргументы о справедливости, милосердии и жалости не имели никакого смысла. Он бы меня просто не понял.

Ответа не пришлось долго ждать.

— А если никто не будет знать о нашем существовании, а мы постепенно и незаметно заберем у вас эту планету, кто будет страдать оттого, что у человечества нет никакого будущего? — Он внезапно встал и холодно сказал: — Разумеется, мы можем реализовать наш второй план и уничтожить человечество безо всяких переговоров. Мы не любим причинять любым формам жизни ненужные страдания, но можем это сделать, если возникнет необходимость. Если вы не согласитесь сотрудничать с нами, рано или поздно нас обнаружат — и тогда выбора у нас не останется.

Он улыбнулся, почти оглушив меня силой своего обаяния.

— Я понимаю, что вам нужно над этим подумать. Я еще загляну к вам.

Уже в дверях он еще раз повернулся ко мне.

— И не беспокойте больше ту старую женщину. Дверь ее дома лишь один из путей, созданных нами. Она понятия не имеет о нашем существовании и только иногда удивляется, что у нее не работает защелка. А нам вовсе не обязательно пользоваться ее домом. Можете в этом убедиться...

И он исчез.

Я открыл дверь. Марджи, накрашенная и лучащаяся женственностью, ждала за своим столом. Когда клиент не появился, она встала и заглянула в мой кабинет.

— Куда он делся? — удивленно спросила она.

— Проснись, детка, — сказал я. — Ты так размечталась, что не заметила, когда он вышел.

— Что-то тут не так, — буркнула она.

И была права. А передо мной возникла совершенно реальная, чудовищных размеров проблема.

Итак, что я мог сделать? Я мог обратиться к городским властям и оказаться в психушке. Мог обратиться в какой-нибудь институт или исследовательский центр и оказаться в той же больнице. Мог сообщить обо всем ФБР, и оказаться.... все там же. Нет, эти рассуждения явно становились слишком монотонными.

В конце концов я сделал единственное, что, по-моему, могло помочь! Я изложил всю историю на бумаге и отправил в свой любимый журнал научной фантастики, прося помощи и совета там, где мог наверняка рассчитывать на быструю реакцию и, что самое главное, на понимание.

Рукопись вернулась так быстро, словно соединялась с моим столом невидимой, протянувшейся через весь континент резиновой лентой. Я детально изучил короткий ответ редакции, обосновывающий отказ, но так и не нашел советов, что делать. Да что говорить, там не было даже предложения попробовать еще раз.

Тогда-то я впервые в жизни понял, что значит быть одиноким — совершенно одиноким.

Собственно, трудно было этому удивляться. Я почти видел редактора, с отвращением отбрасывающего мою рукопись. «Ну вот, еще одна чужая раса хочет покорить Землю. Если я это напечатаю, то уже завтра останусь без работы». Как тот патер, который, увидев написанные на стене богохульства, только буркнул себе под нос: «И к тому же с ошибками».

Еще мне вспоминалась сказка о мальчике, который слишком часто кричал «Волк! Волк!» Я был один и должен был решить вопрос сам. Несомненно, передо мной было два варианта выбора. Первый: немедленное уничтожение. Раса, умеющая переноситься из одной планетной системы в другую, наверняка имеет средства для этого. Вторым было вымирание, правда, постепенное, но такое же неизбежное. Отказавшись сотрудничать, я поставлю себя на место судьи, приговаривающего все человечество к смерти, согласившись, стану суперпредателем — с тем же результатом.

Проходили дни, а я испытывал муки нерешительности. Наконец, как обычно в таких ситуациях, я решил тянуть время. Сделав вид, что согласен с ними сотрудничать, я могу обнаружить способ, которым их можно победить.

Придя к такому решению, я принялся анализировать различные возможности. Стань я инструктором, обучающим, как нужно вести себя среди людей, они оказались бы в моих руках. Я мог привить им такие черты, научить такому поведению, что люди уничтожили бы их в мгновение ока.

А я знаю людей. Может, это даже хорошо, что они наткнулись на меня.

Я содрогнулся при мысли, что это существо могло встретить кого-то менее опытного. Вероятно, на Земле уже не осталось бы ни одного человека.

Да, да, старая, затертая идея о безымянном герое, спасающем человечество от смертельной опасности, еще может воплотиться в действительность.

Я был готов. Арктурианин мог возвращаться.

И он вернулся.

Перепуганная Марджи получила оплаченный отпуск, а я покинул бюро в обществе Эйнара Джонсона. Он располагал массой денег и не видел ничего плохого в том, чтобы тратить их. Для того, кто в любой момент может перенестись в банковский сейф, деньги не проблема.

Воображение рисовало мне несчастных чиновников, объясняющихся с контролерами, но то была уже не моя забота.

Закрыв дверь бюро, я повесил на нее объявление, что заболел и не знаю, когда вновь приступлю к работе.

Мы спустились на стоянку, сели в мою машину и в ту же секунду оказались в тенистом патио в Биверли Хиллс. Никаких фокусов с потерей сознания или выворачиванием желудка наизнанку. Вообще ничего. Просто: автомобиль — патио.

Мне бы хотелось представить арктурриан существами с омерзительными щупальцами и отвратительными пастями, но сделать этого я не могу. Я вообще не могу их описать, потому что не видел.

Увидеть мне пришлось около тридцати человек, прогуливающих по патио, плавающих в бассейне, входящих и выходящих из дома. Место было подобрано идеально: непрошеные гости не навещают имение в Биверли Хиллс.

Местные жители уже настолько привыкли к целым толпам звезд, что перестали чему-либо удивляться, а любопытные туристы могли увидеть максимум поворот аллеи, деревья, траву и, может, кусочек крыши. Если этого им хватало, тем лучше для них.

Однако, если бы даже пошли слухи, что по имению бродит толпа странных существ, никто бы этим не заинтересовался. Обитатели таких имений не слишком отличались от разношерстной компании, которую можно увидеть на улицах Голливуда.

И все-таки они отличались. Они могли бы заработать состояние, выступая как труппа марионеток в натуральную величину. Теперь я понял, почему лишенный тени жизни нордический тип, которого я не так давно встретил, был признан настолько совершенным, что его выпустили к людям. По сравнению с этой группой он был энергичным очаровательным диск-жокеем.

Сейчас же передо мной были человеческие тела, совершающие человеческие движения без малейших признаков человеческих чувств или эмоций. Задание оказалось труднее, чем я решил в первую минуту, но раз они сочли такой метод самым подходящим и быстрым — это их дело.

Любопытный человек засыпал бы их десятками вопросов: откуда у них такой дом, где они взяли человеческие тела, где научились говорить по-английски, но я не был любопытным. Меня занимали более важные проблемы. Раз уж они имели и умели все это, значит, были на это способны — вот и все.

Не буду описывать следующие недели. Понятия не имею, как может выглядеть цивилизация на их родной планете. Целой сети научной психологии не хватит, чтобы показать хотя бы кусочек внутренней жизни человека. Точно так же любые описания их цивилизации ничего не скажут нам о них. Знать что-то о человеке и знать его — это две совершенно разные вещи.

Например, все обуславливающие наше поведение реакции мозга, которые мы в просторечьи называем чувствами, им совершенно неизвестны. Идеалы типа чести, правды, справедливости, совершенства — тоже. У них нет даже разделения на полы, и, следовательно, они не могут понять, что такое любовь. Из всех фильмов и спектаклей, которые смотрели по телевидению, они понимали не больше, чем мы из поведения колонны муравьев, движущейся по тропе.

Может ли быть удачной попытка описания такой цивилизации? Человек не может ничего добиться, предварительно не пожелав этого, а они явно могли, потому что добрались сюда.

Когда я наконец убедился, что нет смысла и потребности в контакте наших двух цивилизаций, я испытал радость и облегчение. Тем самым моя задача становилась гораздо проще. Я знал, как их уничтожить, и имел основания предполагать, что они не смогут избежать расставленной им ловушки.

Не смогут именно потому, что находятся в человеческих телах. Может, они создали их из воздуха, но в их жилах текла кровь, они чувствовали боль, холод и жару, получали обычную дозу производимых железами гормонов.

Вот именно, гормонов. Они узнают, что такое эмоции и чувства, ведь я специалист по управлению и тем, и другим. Стремлением человека было достичь великих, бессмертных идеалов. Почти вся литература построена именно на этом. Всегда и везде писали и говорили о том, какими мы должны быть, и почти никогда и нигде о том, какие мы есть.

По ходу обучения я предложил им большой выбор шедевров мировой литературы, живописи, скульптуры, музыки — тех ветвей искусства, в которых лучше всего видно стремление к идеалу. Я научил их, что значит «мечтать».

Зная, что это такое и постоянно подвергаясь воздействию гормонов, они научились чувствовать. Тем большее восхищение вызывал во мне Эйнар, поскольку, ошеломляя меня обаянием, он еще ничего не чувствовал.

Из марионеток они превратились в новорожденных детей, детей, наделенных телами взрослых, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я желал чувств — и получил чувства, не ограниченные никакими тормозами, не связанные никакими запретами. Иногда я просто пугался, и приходилось использовать все свои знания об управлении

эмоциями. В других случаях они вели себя очень по-голливудски, даже для Голливуда, и я старался удержать их в пределах широко понимаемых норм.

Одно нужно признать: они учились. И быстро. Сначала марионетки, потом дети, шумные подростки, молодежь с изменчивым настроением и поведением, которое нельзя предсказать, наконец взрослые, уравновешенные мужчины и женщины. Метаморфоза совершилась у меня на глазах.

Впрочем, я сделал кое-что еще.

Я сделал их такими, какими хотел бы быть каждый их нас: мудрыми, благородными, чувствительными. Мой скромный ПИ 145 стал границей, ниже которой была уже только глупость. Самые прекрасные мечты о величии человека оказались ничем перед тем, чего они достигли и чего еще могли достигнуть.

Мой план реализовался без помех.

Я обнаружил, что все-таки у нас с ними есть кое-что общее: действия их основывались на логике, но вознесенной на такую высоту, которая мне и не снилась. И все-таки мне удалось найти то, что можно было назвать общим знаменателем.

Они понимали, что если допустят существование в своем сознании **СОБСТВЕННОЙ** чуждой мотивации, то их постоянно будет сопровождать ореол чужеродности, представляющий угрозу реализации планов. Я забеспокоился, когда они мне об этом сказали, подозревая, что теперь уже они пытаются расставить мне ловушку. Только потом я вспомнил, что не научил их лгать.

Они сочли вполне логичным, правильным, что должны мне полностью подчиниться. Окажись я на их планете и старайся им уподобиться, мне тоже пришлось бы делать все, что посоветует тамошний инструктор. Они понимали, что другого выхода у них просто нет.

Поначалу они не видели ничего странного в том, что я помогаю уничтожить свой собственный вид. По их мнению, арктуриане были лучше приспособлены для выживания, поэтому так и должно было произойти. О людях сказать такое было нельзя, поэтому они обрекались на вымирание.

Я научил их сочувствию, и наконец, начав созревать как люди, когда их холодный интеллект приглушили человеческие чувства, они поняли, в чем заключается моя дилемма.

По иронии судьбы я не мог ждать понимания от людей, а захватчики окружили меня пониманием и сочувствием. Они понимали, что мое предательство имело целью выиграть для людей еще несколько лет.

Однако их арктурианская логика был еще слишком сильна. Вместе со мной они лили горькие слезы, но не могло быть и речи об

изменении плана. План был утвержден, они же представляли просто набор инструментов, нужных для его проведения в жизнь.

И все-таки, используя их сочувствие, мне удалось его изменить. Приведу разговор, в ходе которого стало ясно, что изменение совершилось.

Эйнар Джонсон, этот самый успевающий ученик, практически не расстающийся со мной, однажды сказал:

— Все говорят о том, что мы уже люди. Ты сам сказал, что это так, и значит, это правда. Мы начинаем понимать, насколько велик и прекрасен человек. — Говоря это, он буквально лучился торжественностью. — Оставшиеся на нашей планете и не располагающие ни человеческими телами, ни равновесием между разумом и чувствами, которое ты называешь душой, не смогут оценить и понять огромный скачок, совершенный нами. Мы никогда не вернемся к прежнему состоянию, ибо слишком много потеряли бы при этом.

Наши соплеменники руководствуются в своих поступках логикой и полагаются на то, что мы им сообщаем. Мы известили их обо всем, чему научись, и план был пересмотрен. Во Вселенной достаточно места и для нас, и для вас.

Не будет миграции с нашей планеты на вашу. Мы останемся среди вас, будем размножаться и жить, как ты нас этому учил. Может, когда-то и мы достигнем того величия, которое так восхищает нас в людях.

Мы поможем вам найти свое предназначение среди звезд, как нашли его мы.

Склонив голову, я расплакался. Это была победа.

Прошло четыре месяца, и я вернулся к себе. Халлаган предоставил водителей самим себе и покинул перекресток, чтобы встретить меня вопросом:

— Куда это вы пропали?

— Болел, — ответил я.

— Заметно. Вам нужно было... Что за идиот там вылез! — И он помчался на свое место, свистя изо всех сил.

Я поднялся по лестнице вверх — да, она явно требует ремонта. Сняв с двери табличку, вошел внутрь.

Приемная имела типичный вид помещения, в котором давно никого не было. Дворник вообще не открывал окон, поэтому воздух был спертым и затхлым. Я по привычке ожидал увидеть Марджи сидящей за столом, но это было совершенно нереально. Если девушка получает жалованье и вместе с тем ей совершенно нечего делать, единственное место, где ее можно найти — это пляж.

Мой стул покрывал слой пыли, но я сел на него, не дав себе труда ее стереть. Закрыв лицо руками, я вглядывался в человеческую душу.

Все зависело именно от моего умения. Я знал людей, знал их очень хорошо, может, даже лучше всех.

А ведь единственная возможность спасти человечество заключалась в том, чтобы привить этим тридцати существам все самое хорошее и благородное, убедить их, что все люди именно таковы. Только при этом они могли счесть нас равными себе.

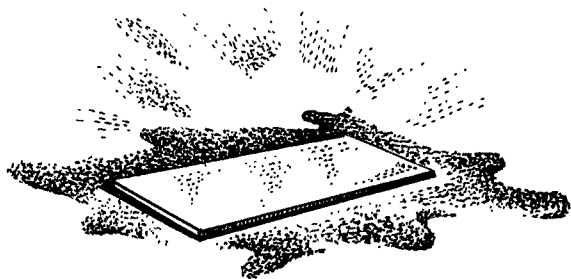
Я взглянул в будущее и увидел, как они гибнут один за другим. Я не дал им ни малейшей возможности защитить себя. Они совершенно не готовы к встрече с таким человеком, каким он является на самом деле. И не смогут этого понять.

Все то, что так восхищает человека — добро, благородство и красота, одновременно вызывает его ярость, когда он это находит.

Они беззащитны, поскольку не понимают этого, и погибнут, побежденные яростью, завистью и жадой уничтожения — именно так реагирует человек, оказавшись лицом к лицу со своими идеалами.

Я закрыл лицо руками.

Что я наделал?..

Эдмонд Гамильтон

НУ, И КАК ТАМ?

1

Выходя из госпиталя, я не хотел надевать мундир, но другой одежды со мной не было. Кроме того, я был счастлив, что меня наконец выписали. Однако, поднявшись на борт самолета, летящего в Лос-Анджелес, я тут же пожалел об этом.

Люди смотрели на меня и перешептывались, а стюардесса одарила меня лучезарной улыбкой. Видимо, она сообщила и пилоту, потому что тот вышел ко мне, пожал руку и сказал:

— Для вас такой полет просто семечки.

В самолет вошел низенький человек в очках, огляделся и сел в соседнее кресло. Ему было лет пятьдесят-шестьдесят. Несколько минут он беспокойно вертелся, прежде чем устроился удобно. Тогда он взглянул на меня, заметил мундир и бронзовый значок с цифрой 2.

— Да ведь вы из Второй Экспедиции! — сказал он, а потом добавил: — Вы же были на Марсе!

— Да, — ответил я. — Был.

Он восхищенно уставился на меня. Это не доставило мне особого удовольствия, но его любопытство было таким дружелюбным, что я не смог дать ему должного отпора.

— Ну, и как там? — спросил он.

Самолет набирал высоту, и я смотрел на убегающую назад аризонскую пустыню.

— По-другому, — ответил я. — Совсем по-другому.

Казалось, такой ответ его полностью удовлетворил.

— Верно, — произнес он. — Вы летите домой, мистер...

— Хэддон. Сержант Френк Хэддон.

— Вы возвращаетесь домой, сержант?

— Я живу в Огайо, а сейчас лечу в Лос-Анджелес, навестить кое-кого.

— Вот и хорошо. Надеюсь, вы неплохо повеселитесь, сержант. Вы это заслужили. Вы, парни, провернули великое дело. Я читал в газетах, что, если ООН организует еще пару экспедиций, у нас будут там целые города, регулярное пассажирское сообщение и тому подобное.

— Послушайте, — сказал я, — все это вздор. С тем же успехом можно построить пару городов здесь, в пустыне Мохаве. Единственная причина полетов на Марс — это уран.

Я видел, что он мне не поверил.

— Да, да, — сказал он. — Я знаю, это тоже имеет значение; уран нужен нам для электростанций, но ведь дело не только в нем, правда?

— Еще очень долго дело будет именно в нем, — ответил я.

— Но сержант, я сам читал...

Все остальное время я молчал. Прежде чем он кончил пересказывать мне статью из газеты, мы приземлились в Лос-Анджелесе. Когда мы вышли из самолета, он долго жал мне руку.

— Желая приятно провести время, сержант! Вы это заслужили! Говорят, многие из вас не вернулись.

— Да, — сказал я. — Именно.

Добравшись до города, я почувствовал себя расстроенным, поэтому зашел в бар и выпил двойное виски. Немного помогло. Выйдя из бара, я поймал такси и велел отвезти меня в Сан-Габриэль. Таксист был тучный, с апоплексическим лицом.

— Садись, братишка, — сказал он. — Ого, а вы случаем не из тех, что были на Марсе?

— Точно, — признался я.

— Ну и ну! — чмокнул он. — Ну, и как там?

— Просто тяжелая работа, — ответил я.

— Верю, — заметил он, включаясь в движение. — Двадцать лет назад, во время Второй мировой, я сам был в армии, и по большей части это тоже была тяжелая работа. Похоже, ничего не изменилось.

— Но это была не военная экспедиция, — объяснил я. — Ее организовала ООН, а не армия, хотя командовали у нас офицеры и действовал общевоинской устав.

— Это одно и то же, — сказал таксист. — Можешь не рассказывать, как это бывает, братишка. Помню, в сорок втором... или сорок четвертом... когда я был в армии...

Откинувшись на сиденье, я смотрел сквозь стекло на Бульвар Хантингтон. Солнце светило мне прямо в лицо и здорово пекло, воздух был густой и душный. В Аризоне это еще можно было выдержать, но здесь было совершенно невозможно.

Таксист спросил точный адрес в Сан-Габриэле. Я вынул из кармана пачку писем и нашел конверт с фамилией «Мартин Валинес» и адресом на обратной стороне. Прочтя его таксисту, я вновь сунул письма в карман.

Сейчас я жалел, что вообще ответил на них.

Но как можно было не ответить, когда родственники Джо Валинеса написали мне в больницу? То же самое было и с девушкой Джимми и семьей Уолтера. Я должен был ответить им и, не успев и глазом моргнуть, уже пообещал, что приеду их навестить. И если бы я не сдержал сейчас слова и поехал бы прямо в Огайо, то чувствовал бы себя последним мерзавцем. Напрасно я не решился на это.

Дом оказался в южной части Сан-Габриэля, в районе, который до сих пор сохранял в себе что-то мексиканское. Мы подъехали к деревянному продуктовому магазинчику, что служил фасадом небольшого домика, окруженного забором из штакетника — аккуратное, но удивительно скромное место среди калифорнийских мраморов.

Я вошел в магазинчик. Высокий темноволосый мужчина посмотрел на меня, хрипловатым голосом выкрикнул женское имя, а потом вышел из-за прилавка и взял меня под руку.

— Сержант Хэддон, — сказал он. — Мы надеялись, что вы придете.

Из задней комнаты прибежала его жена. Для матери Джо она выглядела старовато, ведь тот был совсем мальчишкой, но может, такой ее сделали не годы, а тяжелая жизнь.

— Подай ему стул, — велела она Валинесу. — Видишь, он устал? Человек только что из больницы.

Я сел, глядя на банки с паприкой, стоящие за их спинами, а они все спрашивали, как я себя чувствую, счастлив ли я, что возвращаюсь домой, и выражали надежду, что я застану свою семью в добром здравии.

Они были деликатны и ни слова не упоминали о Джо, надеясь, что я расскажу о нем сам. А я не знал, о чем говорить, потому что почти не знал Джо: его включили в наше отделение недели за две до старта, а поскольку он стал нашей первой жертвой, я просто не успел узнать его поближе.

Однако нужно было как-то выходить из положения, и я сказал первое, что пришло мне в голову:

— Вам ведь написали, как погиб Джо, да?

Валинес печально покивал.

— Да. Нам написали, что он умер от шока через двадцать четыре часа после старта. Письмо было очень вежливым.

— Да, очень вежливым, — шепотом повторила его жена и, взглянув на меня, кажется, поняла, что я не знаю, о чем говорить, потому что добавила: — Расскажите нам больше об этом... если вам не тяжело вспоминать.

Я мог рассказать им больше. О, я мог рассказать гораздо больше, если бы только захотел. Все это стояло у меня перед глазами, как фильм, который смотрел столько раз, что запомнил наизусть.

Я мог рассказать им о старте, который убил их сына. Длинные ряды парней, спины в мундирах, исчезающие в ракете 04 и в остальных девятнадцати ракетах, яркие огни на плоскогорье, грохот двигателей, рев сирен и внутренность большой ракеты, где мы карабкались по трапам центральной шахты.

Весь этот фильм снова прокручивался перед моими глазами с необычайной отчетливостью — я опять был в Четырнадцатом Отсеке ракеты 04; уплывали минуты, отмеряемые тиканьем, стены дрожали каждый раз, когда взмывала вверх другая ракета, а мы, десять мужчин в гамаках, запертых в этой металлической коробке без окон, ждали своей очереди. Мы ждали, и вдруг гигантская рука вдавила нас в гамаки так, что перехватило дыхание, кровь прилила к голове, а желудок подскочил к горлу, несмотря на все таблетки, которыми нас напичкали. А потом послышался громовой смех невидимого гиганта: врр...врр...врр!!!

Бах, бах и снова бах, удар за ударом разрывают наши внутренности, лишая дыхания: кто-то блюет, кто-то плачет; врр...врр...врр!!! — грохочет убийственный смех, а потом великан перестает смеяться и колотить нас, чувства помалу возвращаются в избитое тело, и человек начинает думать, все ли у него на месте.

В гамаке подо мной Уолтер Миллис ругается на чем свет стоит, Брек Джерген, наш сержант, выдирается из ремней, чтобы осмотреть нас, и тут посреди шума тонкий, прерывающийся голос неуверенно говорит:

— Брек, я, кажется, ранен...

Да, это был именно их парень Джо, на губах у него выступила кровь, и мы сразу поняли, что он не жилец... достаточно было на него взглянуть, чтобы понять: ему конец. Бледный, как смерть, парень держал руку на животе и смотрел на нас.

Первая Экспедиция показала, что при старте часть экипажа получит внутренние повреждения; в нашем отсеке, в нашей камере без окон это случилось с Джо.

Если бы он хоть умер сразу! Не тут-то было: он просто лежал в своем гамаке все эти бесконечные часы. Пришли врачи, надели на него что-то вроде смирительной рубашки, дали лекарство и ушли, а нас так мучила тошнота, что мы даже не могли пожалеть его, по

крайней мере, пока он не стал стонать и молить, чтобы с него сняли рубашку.

Под конец Уолтер Миллис готов был это сделать, но Брек ему не разрешил, и пока они ругались, а мы слушали, стоны вдруг прекратились: ничего больше не нужно было делать для Джо Валинеса — просто вызвать медиков, чтобы они пришли в нашу тесную железную тюрьму и забрали тело.

Конечно, я мог детально описать супругам Валинес, как умер их сын. Почему бы и нет?

— Пожалуйста, — прошептала миссис Валинес, а ее муж взглянул мне в глаза и молча кивнул.

И я рассказал.

— Вы знаете, что Джо умер в космическом пространстве, — говорил я. — Он получил внутренние повреждения при старте и потерял сознание, так что ничего не чувствовал. Но перед самой смертью пришел в себя. Боли он не испытывал ни малейшей, а просто лежал и смотрел в иллюминатор на звезды. Звезды в Космосе прекрасны, как ангелы. Он смотрел на них, а потом что-то тихо прошептал, вытянулся и ушел от нас навсегда.

Миссис Валинес тихо заплакала.

— Умер в Космосе, глядя на звезды, прекрасные, как ангелы... — прошептала она.

Я встал, чтобы попрощаться, но она даже не подняла головы. Я вышел из магазинчика, Валинес вышел следом и пожал мне руку.

— Спасибо, сержант Хэддон. Большое спасибо.

— Не за что, — ответил я.

Забравшись в такси, я вынул из кармана письмо и порвал одно в клочки, от души жалея, что вообще получил его. И что остальные никуда не сгинули.

2

На следующее утро я полетел в Омаху. Было еще рано, поэтому я заснул в самолете, и, к сожалению, мною овладели сны.

— Садимся, — произнес кто-то.

И действительно, ракета 04 свалилась, а мы, запертые в камере и привязанные ремнями к гамакам, ждали, сжимаясь от ужаса и жалея, что нет окна, через которое можно было бы выглянуть; надеясь, что наша ракета не разобьется, что ни одна ракета не разобьется, а если все-таки, то не наша...

— Садимся...

Мы селились, и долгая серия импульсов вдавливает нас в гамаки, но не равномерно, как при старте, а раз за разом.

Откуда-то с другого конца камеры до меня доносится голос Брека,

но я не слышу, что он говорит, из-за шума в ушах. Нет, это шумит не в ушах, этот рев идет из-за стены: мы входили в атмосферу.

Импульсы следуют один за другим: раз, два, три, четыре! На меня падают горы, значит, уже сейчас... Боже, пусть это будет не наша ракета, прошу тебя, Боже, пусть это будет не наша...

Потом — удар и темнота; наконец я слышу, что кто-то хрипло кричит мне в ухо, и вижу склонившееся надо мной мертвенно-бледное лицо Брека Джергена.

— Расстегивай ремни и выходи, Френк! Все вон из гамаков! Мы выходим!

Мы были едва живы, а они еще хотели, чтобы мы немедленно, в ту же минуту бросились к выходу, а мы не могли двинуть ни рукой, ни ногой!

— Маски! — крикнул Брек. — Наденьте маски! Мы должны выходить!

— Боже, мы только что приземлились, как же тут двигаться!

— Вы должны! Несколько ракет разбилось, и мы должны спасти с них, кого еще можно! Надевайте маски! Торопитесь!

Мы не могли шевельнуться, но выполнили приказ. Недаром за спиной у нас остались долгие месяцы армейской муштры. Джим Кли-тер уже стоял, Уолтер подо мной выпутывался из ремней, вокруг слышались яростные свистки и хриплые крики.

Когда я спрыгнул на пол, у меня колени дрожали. Молодой Лас-сен, стоявший рядом, попытался что-то сказать, но вдруг согнулся пополам, Джим склонился над ним, но Брек орал уже от двери:

— Оставь его! Идем!

Свистки подгоняли нас, пока мы спускались по трапам; маска жала мне на нос, внизу офицер в потном мундире кричал, чтобы мы выходили и присоединялись к Пятому отделению, а трап раскачивался под нашими ногами.

Холод. Ледяной холод. Слабые лучи маленького солнца на медном небе и тянущаяся вдаль охристо-красная равнина; повсюду песок, уходящий из-под ног. Наш отряд марширует за капитаном Уоллом к разбитой ракете, лежащей в неглубокой долинке.

— Поторопитесь, люди! Быстрее! Быстрее!

Это было действительно словно из дурного сна — то, как мы шли, волоча ноги в ботинках на свинцовой подошве. Голоса наши через резонаторы масок звучали искаженно и глухо.

Сон перешел в кошмар, когда мы добрались до обломков и увидели, что случилось с ракетой 07: металлический корпус разорвался, словно бумажный, изнутри выползли несколько окровавленных мужчин, из разбитых баков, булькая, вытекало топливо, а вокруг звучали стоны и крики о помощи...

Но все это еще не случилось, мы все еще были в ракете 04, летящей к цели, мы еще не сели, но должны были сесть с минуты на минуту.

— Приготовиться к посадке.

Я не вынесу этого еще раз. Крича, я начал срывать с себя привязанные ремни и проснулся... Я сидел в самолете, надо мной склонилась испуганная стюардесса.

— Омаха, сержант. Мы садимся, — сказала она.

Все пассажиры пялились на меня. Вероятно, я кричал во сне; я был весь в поту, как в те ночи в больнице, когда просыпался снова и снова, едва приходил сон.

Я выпрямился в кресле, и все быстро отвернулись, делая вид, что вовсе на меня не смотрели.

Когда мы сели, был полдень, и горячее солнце Небраски приятно грело спину. Мне повезло: оказалось, что автобус до Куффингтона как раз стоит на остановке.

Рядом со мной сел какой-то фермер, крепкий парень. Он угостил меня сигаретой и сказал, что до Куффингтона всего несколько часов езды.

— Вы там живете? — спросил он.

— Нет, в Огайо, — ответил я. — Но там жил мой друг, его звали Климер.

Он не знал его, но помнил, что один из местных парней участвовал в экспедиции на Марс.

— Да, — сказал я. — Это был именно Джим.

Тут уж он не сдержался.

— Ну, и как там?

— Сухо, — ответил я. — Ужасно сухо.

— Верю, — сказал он. — Честно говоря, в этом году и здесь слишком сухо для пшеницы. Зато в прошлом году была хорошая погода. В прошлом году...

Куффингтон в Небраске — это просто широкая улица с магазинчиком: ее обрамляют обсаженные деревьями ряды старых домов, а вокруг, насколько хватает глаз, тянутся желтые поля пшеницы. Было довольно жарко, поэтому я с удовольствием задержался на автовокзале, чтобы заглянуть в тонкую телефонную книжку.

Тут были три семьи с фамилией Грэхем, но первый же номер, по которому я позвонил, оказался верным. Мисс Айла Грэхем говорила быстро и возбужденно, она сказала, что сейчас же за мной приедет, и я обещал подождать перед вокзалом.

Я стоял под козырьком, глядя на тихую улицу, и думал, что теперь понимаю, почему Климер всегда был таким тихим и медлительным: этот городок буквально излучал спокойствие, совсем как Джим.

Подъехал кабриолет, и мисс Грэхем открыла дверцу. Она не была особенно красива, но производила впечатление милой, по-настоящему милой девушки.

— Вы очень устали, — сказала она, — и меня мучает совесть, что я просила вас ненадолго заглянуть к нам.

— Со мной все в порядке, — ответил я, — и мне вовсе не трудно остановиться в паре мест по дороге в Огайо.

Когда мы ехали через город, я спросил, нет ли у Джима семьи.

— Его родители погибли в автокатастрофе, — ответила мисс Грэхем. — Он жил у дяди на ферме под Грендвью, но они не ладили, поэтому Джим приехал сюда и устроился на электростанцию.

Потом она добавила:

— Моя мать сдала ему комнату. Так мы познакомились. И... обрuchились.

— Вот оно что, — сказал я.

Дом был большой, солидный, с обширной верандой, окруженный деревьями. Я сел в плетеное кресло, а мисс Грэхем привела мать. Мать немного поговорила со мной о Джиме и о том, как сильно ей его не хватает и что она считала его своим сыном. Когда она вышла, мисс Грэхем показала мне пачку голубых конвертов.

— Это письма, которые я получила от Джима. Их не так уж и много, и они довольно коротки.

— Нам разрешали посылать всего тридцать слов раз в две недели. Нас было две тысячи парней, а передатчик всего один.

— Удивительно, но Джим умел вместить очень многое буквально в пару слов, — сказала она и подала мне несколько писем.

В одном он писал: «Мне приходится щипать себя, чтобы поверить, что я один из первых землян, стоящих на чужой планете. Ночью я смотрю на зеленую звезду Земли, и мне трудно поверить, что я помог исполнению вековой мечты человечества. До сих пор мы не нашли ни следа жизни, за исключением лишайников, о которых сообщила Первая Экспедиция, но все еще может измениться».

— Там действительно были только лишайники и ничего больше? — спросила мисс Грэхем.

— Да, и еще два вида каких-то растений, похожих на кактусы. А кроме того — только скалы и песок.

Прочитав еще несколько голубых листочков, я понял, что теперь, когда Джима уже нет, узнал его лучше, чем когда-либо до сих пор. Он таил в себе такое, чего я никак не подозревал — он был романтиком. Мы не имели понятия об этом — он всегда был таким спокойным и медлительным, — а теперь я понял: ко всему, что мы делали, он относился по-своему.

И не выдавал этого, его просто высмеяли бы. Мы прозвали Марс «клоакой» и не говорили о нем иначе. Сейчас я понял, что, боясь наших насмешек, Джим никогда не показывал нам, как романтично выглядел Марс в его глазах.

— Это последнее письмо, которое я получила, — сказала мисс Грэхем.

Джим писал: «Завтра я отправляюсь на север с картографической экспедицией. Мы пересечем земли, на которые еще не ступала нога человека».

Я кивнул.

— Я тоже участвовал в этом походе. Мы с Джимом ехали в одном транспорте.

— Это было увлекательно, правда, сержант?

Если бы я знал. Я хорошо помнил ту экспедицию — это был сущий ад. Мы должны были провести предварительные топографические исследования и поиски счетчиками Гейгера возможных залежей урана.

Все было не так уж и плохо, пока не началась песчаная буря.

Песок на Марсе — не то, что песок на Земле. Миллиарды лет его кружило по пустыням и перетирало в порошок. Он набивался под маску, забивал легкие и глаза, проникал в двигатели машин, в продукты, воду и одежду. Три дня подряд только холод, ветер и песок.

Увлекательно? Раньше бы я со смеху полег от такого вопроса, но теперь уже и сам не знал. Может, для Джима это и было увлекательно. Он был невероятно терпелив, куда терпеливее меня. Может, это дьявольская экспедиция казалась ему поначалу чудесным приключением в неведомом мире.

— Конечно, для него это было увлекательно, — ответил я. — Да и для нас всех. И для каждого.

Мисс Грэхем взяла у меня письма и спросила:

— У вас тоже была марсианская болезнь, правда?

— Да, — ответил я, — в легкой форме, но все равно сразу после возвращения мне пришлось полежать в госпитале.

Она ждала, что я скажу больше, и я знал, что мне не открыться.

— До сих пор неизвестно — то ли это особый вирус, то ли Марс так влияет на организм человека. Заболели сорок процентов команды. Симптомы были слишком странными: в основном, горячка и вялость.

— У Джима был хороший уход, когда он заболел? — спросила она. Губы ее дрожали.

— Конечно. У него был самый лучший уход, — солгал я.

Лучший уход? Смех, да и только. За первыми больными, может, и ухаживали, но никто не ожидал, что заболест столько народу. В нашем небольшом госпитале вскоре не стало мест, больным пришлось лежать в собственных койках в алюминиевых домах-временках. Все врачи, кроме одного, тоже заболели, а двое умерли.

Мы провели на Марсе уже полгода, когда вспыхнула эпидемия, и одиночество начинало здорово досаждать нам. Все наши ракеты, кроме четырех, вернулись на Землю; мы были одни на этой мертвой планете под ненавистным медным небом, теснились в алюминиевых домишках, а сразу за ними уходили в бесконечность песок и скалы.

Достаточно поехать на Северный полюс и разбить там лагерь, чтобы убедиться, насколько одиноким может чувствовать себя чело-

век. Наше одиночество было еще хуже, гораздо хуже. Первые эмоции давно прошли, мы устали и тосковали по дому, мечтали увидеть зеленую траву, настоящее солнце и женские лица, услышать шум ручья; но приходилось ждать, пока нас вызволит Третья Экспедиция. Ничего странного, что парни сходили с ума. А тут еще марсианская болезнь.

— Мы сделали для него все, что было в наших силах, — пробормотал я.

Конечно, сделали. Я до сих пор помнил ту холодную ночь, когда, оставив с ним Брска, потащился с Уолтером в госпиталь за врачом, но, к сожалению, безрезультатно. Помню, как на обратном пути Уолтер взглянул на небо и погрозил кулаком большой зеленой звезде — Земле.

— Люди там танцуют, сидят в театрах и просто в теплых комнатах за веселым разговором! Почему хорошие парни должны умирать здесь, чтобы найти им уран?

— Успокойся, — устало сказал я. — Джим не умрет. Многие парни уже выкарабкались из этого.

Самый лучший уход? Это просто курам на смех. Все, что мы могли сделать, это обмывать ему лицо, давать таблетки, оставленные врачом, и день за днем смотреть, как он угасает и наконец умирает.

— Для него сделали все, что в человеческих силах, — повторил я.

— Это хорошо, — сказала мисс Грэхем. — Что ж... видимо, так было суждено.

Когда я встал, чтобы попрощаться, она спросила, не хочу ли я увидеть комнату Джима. Там все осталось так, как было при нем. Я не хотел, но как это ей сказать? Мы пошли на второй этаж, я осмотрел комнату и сказал, что она красива. Девушка открыла большой шкаф, он был набит журналами.

— Это комплекты старых фантастических журналов, которые он читал в детстве. Никак не хотел их выбрасывать.

Я вынул один. На цветной обложке был изображен космический корабль, не похожий на наши ракеты, но с прекрасными плавными линиями, а за ним — кольца Сатурна.

Я вернул журнал, и мисс Грэхем старательно поставила его на место, словно вот-вот вернется тот, кто должен застать здесь все в полном порядке.

Она отвезла меня в Омаху, в аэропорт. Прощалась она со мной неохотно, вероятно, потому, что я был последней нитью, соединявшей ее с Джимом. После моего отъезда все оборвется навсегда.

Я задумался, смирится ли она когда-нибудь с его смертью, и пришел к выводу, что да. Люди рано или поздно смиряются с несчастьем. Вероятно, она выйдет замуж за другого парня. Интересно, что они тогда сделают с вещами Джима, со всеми этими старыми журналами, за которыми уже никто никогда не вернется.

Я никогда не остановился бы в Чикаго, будь у меня возможность избежать этого, потому что смерть Уолтера Миллиса была последней темой, на которую я хотел с кем-либо говорить. Слишком легко у меня могло вырваться такое, о чем никто не имел права знать.

Однако отец Уолтера дважды звонил ко мне в госпиталь, а в последний раз сказал, что пригласил родителей Брека приехать из Висконсина и тоже встретиться со мной. Осталось только пообещать навестить их. Меня это вовсе не восхищало, и я знал, что должен быть осторожен.

Мистер Миллис ждал меня в аэропорту. Она пожал мне руку, сказал, что очень мило с моей стороны приехать, хотя я наверняка жду-не дождусь, когда вернусь домой, к родителям.

— Ничего страшного, — сказал я. — Они навестили меня в госпитале сразу после возвращения.

Отец Уолтера был статным мужчиной, уверенным в себе, даже слегка надменным. Он вел себя вполне дружелюбно, но мне казалось, будто он смотрит на меня и думает, почему я вернулся, а Уолтер нет. Что ж, вполне естественно.

На стоянке нас ждала большая машина с шофером. Мы ехали через город, и мистер Миллис, чтобы поддержать разговор, показывал мне разные достопримечательности, и среди них — большую атомную электростанцию.

— Это лишь одна из тысячи по всему миру, — сказал он. — Они буквально перевернут нашу экономику. Марсианский уран — великое дело, сержант.

Я ответил в том смысле, что да, наверняка.

Я потел, как мышь, ожидая его вопросов об Уолтере, и не знал, что ему сказать. Меня ждали крупные неприятности, если я начну болтать — этот эпизод Второй Экспедиции должен остаться тайной, и всем нам объяснили, почему мы должны держать языки за зубами.

Но он пока оставил меня в покое, развлекая разговором ни о чем. Я узнал, что его жена неважно себя чувствует, что Уолтер был единственным их сыном, узнал, что он сам — крупная фигура в промышленности и купается в деньгах.

Мне он не нравился. Уолтера я чертовски любил, но его старик со всей этой своей болтовней о бизнесе показался мне слишком уж напыщенным. Он хотел знать, когда мы начнем поставлять уран с Марса в промышленных количествах. Я ответил, что, по-моему, еще не скоро.

— Первая Экспедиция обнаружила залежи, а Вторая всего лишь составила карты и заложила базу. Разумеется, дело движется: я слышал, Четвертую Экспедицию составят сто ракет. Но Марс — крепкий орешек.

Мистер Миллис уверенно ответил, что я ошибаюсь, что миру нужны новые источники урана, что все пройдет гораздо быстрее, чем мне кажется. Потом он вдруг прервался, взглянул на меня и спросил:

— Кто был лучшим другом Уолтера?

Он задал этот вопрос, словно извиняясь. Хотя он был и напыщен, но в эту минуту моя неприязнь к нему исчезла.

— Брек Джерген, — ответил я. — Брек был сержантом и командовал нашим отделением; они с Уолтером сразу привязались друг к другу.

Мистер Миллис удивился, но дальше спрашивать не стал. Показав на озеро, он сказал, что мы почти дома.

Это был не просто дом, а настоящая резиденция. Мы вошли, и он представил меня жене, стройной бледной женщине, которая сказала, что ей приятно познакомиться с одним из друзей Уолтера. Мне показалось, что ее муж, несмотря на все свое позерство, переживает смерть Уолтера глубже, чем она.

Меня провели наверх, в комнату для гостей, сказав, что родители Брека приедут только к ужину, так что я могу немного отдохнуть. Я сидел, разглядывая роскошное убранство, и теперь, видя этот дом и живущих в нем людей, начинал понимать, почему Уолтер безумствовал там больше, чем мы. Он был неплохой парень, но порывистый и наверняка несколько избалованный. Ему труднее было выносить военную дисциплину.

С ужасом думал я о приближающемся ужине. Когда я взглянул в окно на бассейн и теннисный корт, мне пришло в голову, что, вероятно, никто ими не пользуется с тех пор, как не стало Уолтера. Странно, что парень из такого дома полетел на Марс и дал себя там убить.

«Командование Экспедиции с прискорбием сообщает, что ваш сын был застрелен, как собака...»

Разумеется, такой телеграммы они не получили. Но что же им написали? Жаль, что я не успел этого узнать.

Черт возьми, почему все эти люди не хотят оставить меня в покое? Из-за них все вновь предстало передо мной.

Психиатры велели мне не думать об этом, но как это сделать?

Может, самое лучшее — сказать им правду. В конце концов, не один Уолтер спятил. За последние тяжелые месяцы многие парни говорили такое.

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НЕ ПРИЛЕТИТ!

МЫ ЗАПЕРТЫ ЗДЕСЬ, А ИМ НА НАС НАПЛЕВАТЬ, И ОНИ ВОВСЕ НЕ СОБИРАЮТСЯ УВОЗИТЬ НАС ОТСЮДА!

К этому сводились все разговоры, это слышалось повсюду. Трудно винить парней: четверть из нас умерли от марсианской болезни, ряд надгробий все выше поднимался по склону долины, пайки становились все меньше, лекарства кончились, все кончилось. Мы непрестанно следили за небом, высматривая ракеты, а те все не прилетали.

На Земле возникли какие-то трудности, объяснил нам полковник Николс, принявший командование после смерти генерала Райена. Произошла некоторая задержка, но уже скоро ракеты отправятся в путь и привезут нам смену. Нам нужно лишь потерпеть немного.

Мы изо всех сил терпели — и в этих стараниях проходило время. По ночам мы сидели во времянках, слушали Лассена, уже давно лежавшего на нарах, а вокруг нашего маленького лагеря хохотали и завывали демоны ветра и холода.

— Черт возьми, раз они не прилетают, почему нам самим не отправиться на Землю? — сказал Уолтер. — У нас есть еще четыре ракеты, все в них поместятся.

Всегда серьезное лицо Брека стало совсем мрачным.

— Слушай, Уолтер, и без тебя слишком много этой болтовни. Замолчи.

— Тебя это удивляет? Мы не герои из детских сказок, и если на Земле о нас забыли, почему мы должны сидеть со сложенными руками и ждать неизвестно чего?

— Мы должны ждать. Третья Экспедиция наверняка прилетит.

Я всегда считал, что ничего не случилось бы, не будь той ложной тревоги, которая перевернула весь лагерь вверх дном. Отовсюду неслись крики:

— Прилетела Третья! Ракеты сели на западной стороне Скального Ребра!

Но, добежав туда, они обнаружили, что это были не садящиеся ракеты, а метеоритный дождь.

Думаю, во всем виновато разочарование, хотя наверняка не знаю, поскольку в тот день меня свалила с ног марсианская болезнь. Пол подскочил и ударил меня по голове: в себя я пришел на нарах, кто-то делал мне укол, голова у меня раздулась, словно шар. Я не терял сознания, поскольку болезнь протекала в легкой форме, но все равно видел все словно в тумане и ничего не знал о готовящемся бунте, пока однажды не увидел над собой Брека с пистолетом на поясе и с повязкой жандарма.

Когда я спросил его, что случилось, он ответил, что в последнее время идет столько разговоров о захвате четырех ракет и возвращении на Землю, что силы жандармерии удвоены, а Николс сделал всем серьезное предупреждение.

— Уолтер? — спросил я, и Брек кивнул.

— Он главарь, и его ждет трибунал. Чертов идиот!

— Ничего не понимаю, ведь Уолтер храбр и умен, ты же сам знаешь, — сказал я.

— Да, но он плохо переносит дисциплину. Он всегда плохо ее переносил, а сейчас, когда стало тяжело, и вовсе спятил. До свидания, Френк.

Я увидел его еще раз, но при совершенно неожиданных обстоятельствах. Это было в тот день, когда мы слышали далекие звуки

выстрелов, потом завывла сирена, началась суматоха, сорвались куда-то транспортеры. Когда я сполз с нар и вышел наружу, все бежали в сторону ракет, и какой-то капрал крикнул мне с джипа:

— Началось! Эти чертовы идиоты украли оружие и пытались занять ракеты, хотели заставить экипажи увезти их на Землю!

Я до сих пор помню чудовищные скачки джипа, который вез нас туда, группу мужчин, крутившихся на фоне ракет среди чего-то, лежащего на земле, и майора Вейлера, хриплым голосом выкрикивающего приказы.

Как оказалось, на земле лежали семь или восемь мужчин — в большинстве мертвых. Уолтер получил пулю прямо в сердце. Позднее я узнал, что он шел впереди и был убит первым.

Один из жандармов тоже погиб, а второй лежал, согнувшись пополам, с красным пятном на мундире — это был Брек.

— Да ведь это Джерген, — сказал капрал, — командир вашего отделения!

— Да, это он, — ответил я. Странно, как вязнут в горле слова, когда обрушивается удар; можно выдавить лишь что-то вроде «да, это он».

Брек умер ночью, не приходя в сознание. Из всего Четырнадцатого отделения нас осталось пятеро, в том числе больной я и умирающий Лассен.

Ясно, почему Верховное Командование держало все это в глубокой тайне. То-то была бы реклама будущим экспедициям на Марс, если бы стало известно, что члены Второй Экспедиции сломались и дошли до такого. Естественно, что нам приказали держать язык за зубами. Да мы и сами не имели ни малейшего желания говорить об этом.

Однако теперь это ставило меня в глупое положение, чертовски глупое. Вот-вот предстояло встретиться с родителями Брека и Уолтера, которые наверняка начнут выпытывать, как погибли их сыновья. Мог ли я сказать им «Ваши сыновья, вероятно, убили друг друга»? А если не это, то что же? Я знал, что Верховное Командование назвало эти жертвы «случайными смертями», и теперь мне нужно было выдумать этот случай.

Смеркалось, и мне пришлось спуститься вниз, где уже ждали родители Брека. Мистер Джерген, высокий костлявый мужчина с сосредоточенными голубыми глазами, как у Брека, был по профессии столяр. Он говорил мало, но его жена, невысокая хрупкая женщина, говорила за них обоих.

Она сказала, что я выгляжу совсем как на фотографиях, которые Брек послал домой с тренировочной базы. Сказала, что у них есть еще три дочери, две замужем, одна живет в Милуоки, а другая на побережье. Сказала, что дала Бреку имя в честь героя Роберта Льюиса Стивенсона*, а я ответил, что знаю эту книжку, читал ее в школе.

* Алан Брек Стюарт — персонаж романов Стивенсона «Похищенный» и «Катриона» (прим. переводчика).

— Это красивое имя, — добавил я.

Она взглянула на меня прояснившимся взглядом и признала:

— Да, красивое.

Ужин был роскошный. На стол подавала горничная. Они подумали обо всем, чего я мог захотеть, и все было лучшего качества, но я не чувствовал вкуса еды.

А потом все перешли в большой салон, и я понял, что теперь моя очередь. Я спросил, знают ли они какие-либо подробности происшествия, и мистер Миллис ответил, что им сообщили только, будто то была «случайная смерть».

Тем лучше, это облегчало мне задачу. Я сидел напротив четверых смотревших на меня людей и на ходу выдумывал.

— Это был один из тех случаев, — начал я, — которые случаются раз в миллионы лет. Понимаете, господа, на Марс падает гораздо больше метеоритов, чем сюда, а поскольку воздух там более разрежен, они не успевают сгореть. Один из таких метеоритов ударил в бок топливного бункера и взорвал несколько малых емкостей. Я тогда лежал больной и сам ничего не видел, но мне потом все рассказали.

Они сидели почти не дыша, а я продолжал свою историю.

— Взрыв оглушил двух парней, и они сгорели бы, не помоги им другие с пенными огнетушителями. Удалось отсечь огонь от больших емкостей, но взорвалась еще одна из малых, и Брек с Уолтером, бывшие в группе спасателей, погибли на месте.

Когда я закончил, мне показалось, что сказочка получилась слишком наивной и они мне не поверят, но никто ничего не сказал, только через некоторое время мистер Миллис вздохнул и произнес:

— Так вот, как все было. Ну что ж... если так было суждено, надеюсь, что хотя бы все кончилось быстро.

Я ответил, что да, мол, очень быстро.

— Не понимаю только, почему нам ничего не сообщили. Это... непорочно.

— Они держат это в секрете, чтобы люди не узнали об опасности, которую несут метеориты. Вот и вся причина.

Миссис Миллис встала и сказала, что плохо себя чувствует, и не обижусь ли я, если она пойдет к себе; мы увидимся завтра утром. Остальные тоже не были склонны к разговорам, и никто не запротестовал, когда чуть позже и я отправился к себе в комнату.

Я уже собирался лечь, когда в дверь постучали. Это оказался отец Брека. Он вошел и посмотрел мне прямо в глаза.

— Это все вранье, да? — спросил он.

— Да, это все вранье, — признался я.

Взгляд его пронзил меня насквозь.

— У вас наверняка есть причина молчать. Скажите только одно: что бы ни случилось, Брек вел себя, как подобает?

— Он вел себя как настоящий мужчина, от начала и до конца. Никто из нас не мог равняться с ним.

Он не спускал с меня глаз, и, видимо, что-то заставило его поверить. Пожав мне руку, он сказал:

— Хорошо, сынок. Не будем больше об этом.

С меня было достаточно. Я не хотел встречаться с ними всеми еще раз утром, поэтому написал письмо с извинениями, тихонько спустился вниз и выскользнул из дома.

Было уже поздно, но меня подбросил какой-то грузовик; водитель сказал, что едет в район аэропорта и спросил, как оно там, на Марсе. Я ответил, что очень одиноко. В аэропорту я провел ночь в кресле и почувствовал себя лучше, потому что завтра должен был явиться домой и оставить все позади.

Во всяком случае, я так думал.

4

Близился вечер, когда мы подъезжали к нашему городку: родители не знали, что я прилечу ранним самолетом, и пришлось ждать их в аэропорту в Кливленде. Когда мы въехали на Маркет-стрит, я увидел большой транспарант поперек улицы: ХАРМОНВИЛЬ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОЕГО АСТРОНАВТА!

Астронавт — это вроде бы я. Газеты называли нас так, поскольку слово подходило для заголовков, и теперь все нас так называли. Мы отсидели свое в тесной летающей тюремной камере, но зато теперь стали «астронавтами».

Под транспарантом стояла группа юношей в ярких мундирах, и я понял, что это школьный оркестр. Я ничего не сказал, но отец уловил мое настроение.

— Слушай, Френк, я знаю, что ты очень устал, но все эти люди — твои друзья и хотят достойно тебя приветствовать.

Отлично... Вот только приятная расслабленность, охватившая меня по дороге из Кливленда, исчезла бесследно. Это были мои родные места, старый добрый Огайо: маленькие аккуратные городки и плодородные земли. Здесь было хорошо в июне, очень хорошо, и я чувствовал себя все лучше до того момента, когда понял, что опять придется говорить о Марсе.

Отец остановился под транспарантом, школьный оркестр заиграл, а мистер Робинсон, дилер «шевроле» и бургомистр Хармонвиля, сел к нам в машину.

Он пожал мне руку и сказал:

— Добро пожаловать домой, Френк! Как там было на Марсе?

— Холодно, мистер Робинсон, — ответил я. — Очень холодно.

— Жаль, что тебя не было здесь в феврале! — сказал он. — Восемнадцать градусов ниже нуля, почти рекорд.

Он высунулся и сделал знак. Отец поехал по улице, оркестр шел впереди и играл. Ехать нам было недалеко, только вдоль всей Маркет-стрит, под старыми кленами, рядом с церковью и светлыми домами, до белого квадрата Гранд-Холла.

Когда мы подъехали, толпа, стоявшая перед выходом, крикнула что-то вроде приветствия, правда, довольно робко. Я вышел и начал пожимать руки людям, лиц которых ни разу не видел, а потом мистер Робинсон взял меня за руку и ввел внутрь.

Все сидения были заняты, люди стояли даже вдоль стен; над небольшой сценой в конце зала висел шар из красных роз с надписью: «Марс», — рядом — шар из белых роз с надписью: «Земля», а между ними виднелась маленькая ракета, тоже целиком из цветов.

— Это дело Кружка Любителей Роз, — сказал Робинсон. — Почти все жители Хармонвиля давали им цветы.

— Очень красиво, — сказал я.

Мистер Робинсон взял меня под руку и потянул на сцену, все заплодировали. Здесь были люди, которых я знал: фермеры, жившие по соседству, мои школьные учителя и тому подобное.

Я сел на стул, а мистер Робинсон произнес небольшую речь о том, что парни из Хармонвиля всегда участвовали во всех важных событиях: в войне 1812 года, в гражданской войне, в обеих мировых войнах, а теперь один из них принял участие в экспедиции на Марс.

— Людей всегда интересовало, — говорил он, — как там на Марсе, и теперь один из наших вернулся оттуда и все нам расскажет.

Он дал знак, люди еще немного похлопали, а я начал соображать, что бы им сказать.

И тут я вдруг понял, что нашел ответ на вопрос, мучивший нас на Марсе. Мы терялись в догадках, почему парни из Первой Экспедиции не дали нам понять, что нас ждет. Сейчас я это понял. Они не хотели, чтобы мы решили, будто они жалуются. По той же причине я тоже никому не мог сказать правду.

Я взглянул на улыбающиеся лица, любопытные лица людей, которых знал всю жизнь, и понял, что правда не принесла бы никому добра. Все они читали в газетах великолепные истории об «экзотической красной планете» и «героических астронавтах», и если бы кто-то попытался дать им другой образ, они сочли бы себя обманутыми.

— Это было долгое путешествие... — начал я. — Но межпланетный полет — чудесная штука; подняться с Земли до самых звезд... это ни с чем не сравнишь.

«Межпланетный полет», так я это назвал. Звучало хорошо и многообещающе. Откуда им знать, что весь этот «межпланетный полет» мы провели, привязанные ремнями в темной коробке, слушая, как умирает Джо Валинес, и с жаром молясь, чтобы не наша ракета погибла при посадке?

— Это великолепное чувство: выйти из ракеты и стоять на совершенно новой планете, смотреть на слишком маленькое солнце, на незнакомый горизонт...

Да, это было великолепное чувство. Особенно для парней из ракет 07 и 09, которых раздавило, как мух, и которые лежали на песке, моля о помощи. Конечно, они чувствовали себя великолепно, как и мы, пытавшиеся им помочь.

— Нужно было преодолеть много трудностей, но мы знали, что перед нами стоит важная задача...

Еще одно милое словечко: «трудности». Не такое приятное, как хрип людей, умирающих рядом от марсианской болезни. Милое и невинное слово «трудности».

— ...и знали, что там, далеко от Земли, это задание можно выполнить лишь совместными усилиями.

Что ж, в этом была доля правды, там зачем портить впечатление рассказом о том, как погибли Уолтер и Брек?

— Дело движется вперед: Третья Экспедиция строит там сейчас большую базу, и уже вскоре стартует Четвертая Экспедиция. Это значит, что у нас будет уран, будет дешевая атомная энергия для Земли.

Я сказал все это и замолчал, хотя мне хотелось добавить: «А все-таки не стоило! Не стоило жертвовать столькими жизнями, не стоило проходить сквозь этот ад только ради дешевой атомной энергии, чтобы вы могли купить побольше телевизоров, моек и духов!»

Но как я мог сказать это людям, которых знал, людям, которые меня любили? И вообще, кто я такой, чтобы выносить приговоры? Может, я вообще не прав. Разве множество вещей не были в прошлом оплачены трудом и кровью мужественных пионеров?

Откуда мне знать?

Так или иначе, говорить было больше нечего, и, когда я сел и услышал бурные аплодисменты, понял, что сделал хорошо: сказал им то, что они хотели услышать, и теперь все довольны.

Люди вставали с мест и подходили ко мне, я пожал еще два десятка рук, и, когда вышел, были уже сумерки, мягкие летние сумерки, которых я не видел так давно. Отец сказал, что пора уже ехать домой, чтобы я мог отдохнуть.

— Вы езжайте, а я еще прогуляюсь, — ответил я. — Пойду напрямую, через город.

Наша ферма лежала милях в двух от города, а напрямик, через ферму Хеллеров, как всегда я ходил в детстве, была всего миля. Отец сомневался, стоит ли мне идти так далеко, но понял, что мне это нужно, оставил меня и уехал.

Я пошел по Маркет-стрит, клены и вязы темнели надо мной, а цветы на газонах пахли, как и прежде, но все было не так, как когда-то... я думал, что все будет по-прежнему, нет, не было.

За Клубом Холостяков я встретил Хоба Эванса, механика, он был слегка под мухой и что-то напевал, как и обычно в субботний вечер.

— Привет, Френк, я слышал, что ты вернулся, — сказал он.

Я ждал, что он задаст тот же вопрос, что и все, но он не задал. Вместо того он заметил:

— Что-то ты плохо выглядишь. Хочешь выпить?

Он подал мне бутылку, я глотнул, потом он приложился сам, попрощался и, напевая, пошел своей дорогой. У него было слишком хорошее настроение, чтобы думать о том, где я был.

Я шел в темноте через пастбища Хеллера и дальше, вдоль ручья, под большими старыми вербами. Здесь я остановился, как всегда в детстве, послушать кваканье жаб — и действительно, они по-прежнему квакали; все звуки и запахи июньской ночи ничуть не изменились.

А потом я сделал такое, чего не делал уже давно. Взглянув на звездное небо, я нашел там маленькую красную точку, в которую всматривался, когда был мальчиком, начитавшимся космических приключений, ту самую красную точку, на которую мы с Бреком, Уолтером и Джимом смотрели в тренировочном зале лагеря, гадая, действительно ли попадем туда когда-нибудь.

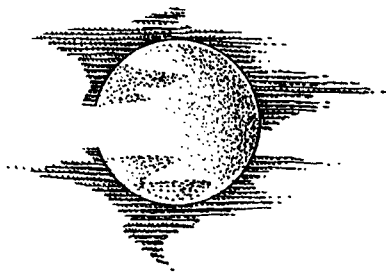
И попали, но они уже никогда не вернуться, зато с ними там останутся другие, и их будет все больше и больше.

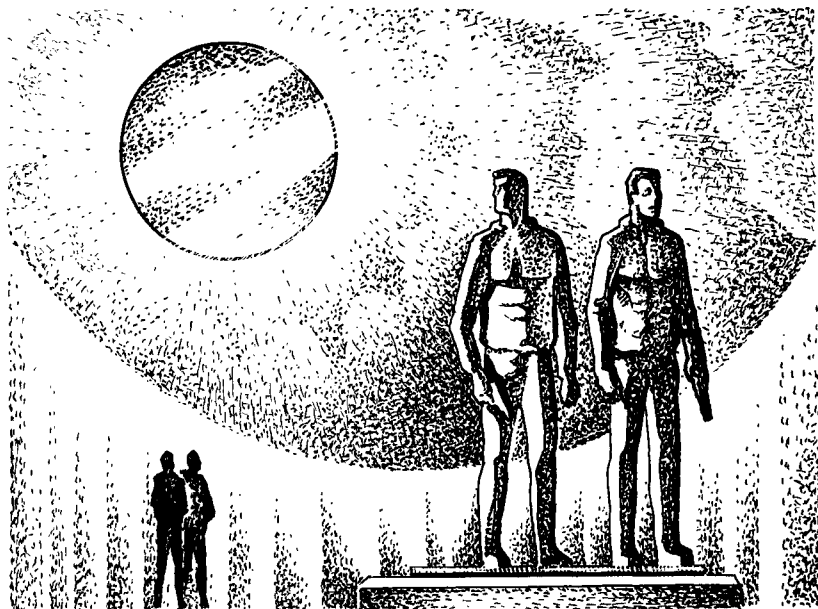
Однако сейчас, глядя на красную точку, я подумал о тех, кого знал. Я хотел как-то объяснить, оправдаться, почему не сказал правду, всю-всю правду.

— Я вовсе не собирался лгать, — начал я, — просто был вынужден. Во всяком случае, мне казалось, что вынужден...

На этом я сдался. Просто безумие говорить с людьми, которые уже умерли и к тому же похоронены за сорок миллионов миль. Они умерли, и точка. Я отвел глаза от красной звездочки и двинулся к дому.

Но я понял, что и для меня кое-что кончилось раз и навсегда... моя молодость. Я не чувствовал себя стариком, но не чувствовал больше и молодым, и знал, что беззаботная молодость минувла безвозвратно.

Клиффорд Саймак

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА

Глава первая

Прибытие

— Готово, Билл? — спросил Карл Свенсон.

Билл Крессман кивнул.

— Тогда пошли «тысяча девятьсот тридцать пятому» прощальный поцелуй! — крикнул огромный швед и повернул рычаг.

Машина затряслась, потом неподвижно зависла в абсолютной тьме. Одно движение пальца стерло яркий солнечный свет, и полнейшая тьма, тьма, нанесенная одним мазком дьявольской кисти, обрушилась на двух человек.

Электрические лампочки тускло горели над приборной доской,

свет их был слишком слаб против кромешного мрака, сгустившегося за кварцевыми стеклами иллюминаторов.

Эта внезапная перемена застала Билла врасплох. Он был готов к тому, что нечто должно было произойти, но только не к этому. Он привстал с кресла, затем снова сел.

Карл с улыбкой взглянул на него:

— Струхнул?

— Нет, черт возьми.

— Ты путешественник во времени, парень, — продолжал Карл, — и сейчас ты уже не во Вселенной. Ты в потоке времени. Вселенная огибает тебя. Невозможно путешествовать во времени, находясь во Вселенной, так как она привязывает его к своей поступи. Время идет вровень, и никогда не быстрее. Но оберни Вселенную вокруг себя, и ты сможешь путешествовать во времени. И, когда ты вырвешься из Вселенной, света уже не будет: только абсолютная тьма. Также не будет гравитации и прочих проявлений сил нашего мира.

Билл кивнул. Они много раз прорабатывали это раньше. Двойные стенки, чтобы противостоять вакууму, в который будет брошен самолет одним поворотом рычага, призванного вывести машину из обычного пространства в поток времени. Изоляционная защита против абсолютного нуля там, где не может быть тепла. Приборы искусственного тяготения на ногах, чтобы быть способным к передвижению, очутившись там, где тяготение не существует. Отопительная система, чтобы сохранить в двигателях тепло, чтобы защитить от замерзания газов, масло и воду. Мощные вентиляторы для доставки воздуха пассажирам и двигателям.

Все это родилось благодаря долгому десятилетнему труду, и семи испытаниям, окончившимся неудачей. Раз за разом они ошибались, снова и снова попадали впросак. Открытие, сделанное ими, должно было перевернуть весь мир, совершить революцию в развитии промышленности, но они не вымолвили о нем ни слова. Они думали об одном: о путешествии во времени.

Путешествовать в будущее, вторгаться в прошлое, победить время — этому молодые ученые посвятили свою жизнь, и в конце концов к ним пришла удача.

В 1933 году они достигли цели. Последние месяцы были посвящены завершающим экспериментам и созданию самолета, который одновременно мог бы передвигаться и во времени.

Один за другим возникали макеты самолетов с автоматически включающимися машинами времени на борту. Они кружили некоторое время по лаборатории и затем внезапно исчезали. Быть может, и сейчас они все еще ввинчиваются сквозь неисчислимые столетия.

Они ухватились за возможность сконструировать небольшую машину времени, рассчитанную на путешествие длиной в месяц. И ров-

но через месяц, из секунды в секунду, она материализовалась, выброшенная из потока времени, на полу лаборатории. Это удовлетворило их. Без сомнений, возможность путешествия во времени была доказана!

Теперь Карл Свенсон и Билл Крессман были сами выброшены в поток времени. Вопль изумления вырвался из толпы, которая видела, как огромный трехметровый самолет внезапно растворился в прозрачном воздухе.

Карл склонился над приборной доской. Его чуткий слух мог различить любые перебои в хриплом бормотании всех трех моторов, в пульсирующий металл которых, несмотря на предпринятые меры предосторожности, вцепились в безжалостной хватке холодные пальцы абсолютного нуля.

Это был опасный, но единственно возможный путь. Если бы они вошли в поток времени прямо с Земли, то при выходе из него вполне могли бы очутиться под толщей выросших на этом месте скал, или под огромным зданием, построенным руками людей будущего, или попасть в проложенный здесь канал. В воздухе они были защищены от всех изменений, которые могли произойти под ними в течение веков, с невероятной скоростью преодолеваемых путешественниками. Они быстро неслись сквозь время. Потом они выйдут из потока времени, и самолет снова послужит средством передвижения. Или даже средством спасения, потому что неизвестно, что они встретят через несколько тысяч лет.

Моторы хрипели, работая на низких оборотах. При обычной скорости вращения лопасти пропеллеров разорвались бы на куски.

Однако их надо было подогревать, иначе моторы заглохнут. Если они будут выброшены из потока времени с заглохшими двигателями, это будет катастрофой. И никакой надежды на спасение.

— Поддай-ка огонька, Билл, — процедил Карл.

Билл медленно нажал на акселератор. Моторы, протестуя, закашляли, потом мощно зарычали. В машине этот звук был слышен благодаря искусственному воздуху. Но снаружи, в потоке времени, не было слышно ни звука.

Карл с тревогой прислушался, надеясь, что лопасти пропеллеров не пострадают.

Билл отпустил акселератор, и моторы, еще раз взревев, заработали более ровно.

Карл посмотрел на ручные часы. Несмотря на то, что они находились в потоке времени, где время, как таковое, измерено быть не могло, часы шли, отсчитывая секунды и минуты.

Они были здесь уже восемь минут. Пройдет еще семь, и их выбросит во Вселенную.

Не более пятнадцати минут могли выдержать работающие двигатели в холодной пустоте вакуума.

Он посмотрел на счетчик времени. 2816 лет. На 2816 лет они углубились в будущее. Когда пройдет пятнадцать минут, цифра должна достигнуть 5000.

Билл тронул напарника за руку:

— Ты уверен, что мы все еще над Денвером?

— Если нет, то мы окажемся заброшенными на миллиарды миль в глубину космоса, — усмехнулся Карл. — Если следовать результатам экспериментов, то мы должны оказаться в том же месте, где когда-то нырнули в поток времени. Мы заняли в потоке дыру, которая должна оставаться на одном и том же месте.

У них заболели легкие. Или забарахлили аппараты, создающие искусственную атмосферу, или утечка воздуха была больше предусмотренной.

— Сколько прошло? — поинтересовался Билл.

Карл посмотрел на часы.

— Двенадцать минут.

Счетчик времени показывал «4224».

— Три минуты, — ответил Билл. — Бьюсь об заклад, что продержимся. Хотя холодает, и воздух становится разряженной.

— Утечка, — хрипло проговорил Карл.

Минуты тянулись.

Билл размышлял. Согласно гипотезе, они должны были висеть над Денвером. Менее чем четверть часа назад они были в 1935 году, а теперь с быстротой молнии, 350 лет в земную минуту, неслись сквозь время. Сейчас они должны были находиться где-то в районе 6456 года.

Билл посмотрел на руки. Они посинели: в кабине резко похолодало. Тепло человеческих тел потихоньку ускользало. Стало трудно дышать. Воздух стал разрежен, слишком сильно разрежен. Возможно, они потеряют сознание, затем замерзнут и будут плыть по потоку времени в бесконечность летящими сквозь эпохи мерзлыми трупами. Земля растворится во Вселенной. Возникнут новые миры, родятся галактики, пока их несет эта река.

Он потерял руки и снова взглянул на счетчик. Там были цифры «5516».

— Четверть минуты, — лязгнул зубами Карл, не отрываясь от часов и держа правую руку на рычаге.

Билл взялся за штурвал.

— Олл райт! — крикнул ему Карл и нажал на рычаг.

Они зависли в небе.

Карл изумленно вскрикнул.

Начинался закат. Прямо под ними раскинулись руины огромного города. На востоке, до мрачного горизонта, плескалось море, на берегу которого громоздились песчаные дюны.

Вновь заработавшие моторы победоносно взревели.

— Где мы? — Снова крикнул Карл.

Билл только потряс головой.

— Это не Денвер, — проговорил Карл.

— Не очень-то похоже, — все еще клацая зубами, согласился Билл.

Разогревая моторы, они сделали круг.

Внизу не было никаких следов пребывания человека.

Двигатели хрипло взревели, бросая пустыне вызов, и, повинаясь руке Билла, машина пошла на пологой дуге вниз, туда, где пески упирались в руины из белого камня.

Самолет коснулся поверхности, высоко подпрыгнул, подняв облако песка, снова ударился о грунт, опять подпрыгнул и затем спокойно покатился по земле.

Билл выключил двигатели.

— Мы на месте, — проговорил он.

Карл лениво вытянул ноги.

Билл посмотрел на счетчик времени. Он показывал «5626».

— Год 7561-й, — задумчиво проговорил он.

— Пушка с собой? — спросил Карл.

Рука Билла скользнула по боку, чтоб встретить придающую уверенность кобур с «сорок пятым».

— На месте, — ответил он.

— Олл райт, пошли наружу.

Карл открыл люк, и они выбрались из самолета. Песок скрипел под ногами. Карл закрыл люк и пристегнул ключ к поясу.

— Чтоб не потерять, — объяснил он.

Пронзительный ветер завывал среди руин, принося с собой множество острых, твердых песчинок. Путешественники во времени почувствовали холод, несмотря на утепленную одежду.

Карл дернул Билла за рукав и показал на восток.

Там висел огромный, тускло-красный шар.

У Билла отвисла челюсть: — Солнце...

— Да, Солнце, — подтвердил Карл.

Они с недоумением переглянулись в полутьме.

— Это не 7561-й год, — заикаясь проговорил Билл.

— Конечно нет, наверное, это 750 000-й год, если не больше.

— Тогда счетчик времени врал.

— Врал. Сильно врал. На самом деле мы продвигались по времени в тысячу раз быстрее.

Некоторое время они молчали, осматривая местность. Вокруг были только руины, возвышавшиеся на сотни футов над песком, сохранившие прекрасные пропорции архитектуры, еще не известной в двадцатом веке. В сумерках, который не могли разогнать лучи огром-

ного, кирпичного цвета солнца, восхитительно мерцал абсолютно белый камень.

— Вместо каждого года счетчик времени отсчитывал тысячу лет, — задумчиво проговорил Билл.

— Может быть, — угрюмо кивнул Билл, — судя по всему, он мог отсчитывать и десять тысяч.

Зверек тускло-серого цвета, с опущенным хвостом, чем-то похожий на собаку, на миг показался на вершине песчаной дюны, чтоб тут же исчезнуть.

— Это руины Денвера, — заключил Карл. — Море, которое мы видели, покрывало всю восточную часть Северной Америки. Наверное, только Скалистые Горы остались незатопленными, но и они превратились в пустыню. Да, мы наверняка покрыли по крайней мере 750 000 лет, а возможно, и все семь миллионов.

— А как же человечество? Как думаешь, остались ли люди?

— Наверное. Человек — неприхотливое существо. Его трудно умертвить, и он может приспособиться почти к любым условиям существования. Ты должен понимать, что здесь изменения происходили постепенно.

Билл оглянулся, и от его крика у Карла зазвенело в ушах. Карл быстро обернулся.

По направлению к ним, прыгая по песчаным дюнам, бежала разноликая орда одетых в меха людей. Оружия не было видно, но в их поведении угадывалось явное желание напасть.

Карл выхватил свой «сорок пятый» из кобуры. Его большая рука сжала оружие, и палец нащупал курок: Мощный шестизарядник дал ему ощущение силы.

Люди в развевающихся мехах были уже в сотне ярдов. Леденящие кровь отвратительные вопли не оставляли сомнений в их намерениях.

Оружия не было. Карл усмехнулся. Сейчас они всыпят этой рвани по первое число. В толпе было человек сорок. Преимущество большее, но не слишком.

— Пускай получают свое, — сказал он Биллу. Два револьвера прогремели. В рядах бегущих возникло замешательство, но толпа продолжала медленно двигаться вперед, оставив двух своих членов распростертыми на земле. Снова рывкнули «сорок пятые», выплунув струи огня.

Люди внезапно спотыкались и падали со стоном, остальные перепрыгивали через них и бежали дальше. Казалось, ничего не могло их остановить, менее чем пятьдесят футов отделяло их от цели.

Патроны кончились. Карл с Биллом лихорадочно выдергивали их из своих поясов, снова заряжали револьверы.

Но прежде, чем они успели выстрелить снова, на них навалилась толпа. Билл ткнул дулом в лицо набегавшему дикарю и вы-

стрелил. Быстро шагнул в сторону, чтобы свалившийся с ног противник не придавил его. Мозолистый кулак соприкоснулся с его головой, и он упал на колени. С этого положения он продырявил двоих из беспорядочно движущейся толпы, прежде чем был повержен окончательно.

Сквозь шум он слышал гром револьвера Карла.

Билл почувствовал множество вцепившихся в него рук, крепко прижавшиеся к нему тела. Растерявшись, он инстинктивно защищался.

Билл использовал руки, ноги и даже зубы. Он ощущал падающие тела, чужую кровь на руках. Песок, поднятый в воздух движением множества рук, попадал ему в нос и глаза, забиваясь в нос, слепя глаза.

В нескольких футах от него в такой же обстановке дрался Карл. Когда из их рук было выбито оружие, они вернулись к тактике боя давно забытых предков.

Им показалось, что схватка продолжалась несколько минут, но на самом деле всего лишь секунды потребовались для того, чтобы толпа всем своим весом прижала, к земле, крепко связав им руки и ноги, как гусям перед путешествием на сковородку.

— Ты не ранен, Билл? — спросил Карл.

— Нет, просто потрепали немножко.

— Меня тоже.

Сейчас они оба лежали на спине и глядели на небо. Дикари отошли и сгрудились вокруг самолета.

Раздался громкий стук: видимо, орда силой пыталась пробраться в машину.

— Пускай стучат, — проговорил Карл. — Все равно ничего сломать не смогут.

— Кроме пропеллера, — ответил Билл.

Постучав еще немного, люди вернулись и, развязав ноги пленникам, принудили их встать.

Впервые им предоставилась возможность познакомиться со своими захватчиками. Это были здоровые, хорошо сложенные люди. Однако, несмотря на все это, они были дикарями. Волосы, так же как и бороды, были неровно подстрижены, передвигались они сторбившись, волоча по песку ноги, в манере, характерной для людей, ведущих бессмысленный образ жизни. Одеты они были в хорошо выдубленные не слишком чистые меха. У них не было оружия, и глаза их все время бегали по сторонам, как у загнанных зверей в ожидании надвигающейся опасности.

— Пошли, — сказал один из толпы, здоровенный малый с выдающимися вперед зубами. Это было сказано по-английски. С немного иным произношением, чем в двадцатом столетии, но все же на старом добром английском.

Они пошли, сопровождаемые со всех сторон дикарями, туда, откуда нагрянула орда людей будущего. На убитых не обращали внимания. Судя по всему, жизнь дешево стоила в этих местах.

Глава вторая

Приказы Голан-Кёрта

Они проходили между руин гигантских строений. Дикари говорили между собой по-английски, но из-за обилия незнакомых слов и странного акцента путешественники смогли понять лишь немного.

Они подошли к подобию улицы, пролегавшей среди руин, где показались женщины и дети. Все они разглядывали пленников и возбужденно переговаривались между собой.

— Куда вы нас ведете? — спросил Билл идущего рядом с ним человека.

Дикарь запустил в бороду пальцы и сплюнул на песок.

— К арене, — медленно, чтоб человек двадцатого столетия понял, проговорил он.

— Для чего? — Билл тоже старался говорить медленно и внятно.

— Игры, — коротко ответил недовольный расспросами человек.

— Что за игры? — спросил Карл.

— Вы скоро поймете. Они состоятся сегодня, когда солнце будет стоять высоко, — усмехнулся второй сопровождающий. Его ответ вызвал взрыв грубого смеха у остальных.

— Они поймут, встретившись с любимчиками Голан-Керта, — хихикнул один из них.

— Любимчики Голан-Керта! — воскликнул Карл.

— Попридержи язык, — одернул его человек с выступающими зубами, — иначе мы вырвем его у тебя изо рта.

Больше вопросов путешественники во времени не задавали.

Они брели дальше. Хотя песок под ногами лежал плотно, идти было тяжело. К счастью, люди будущего не ускоряли шаг, видимо, вполне довольные своим времяпрепровождением.

Процессию сопровождало большое количество набежавших со всех сторон визжащих детей. Некоторые, которые подобрались слишком близко или кричали громче других, были оттеснены стражниками в сторону.

В течение пятнадцати минут они поднимались по песчаному склону. Наконец они достигли вершины, и внизу, в глубокой впадине, увидели арену. Это было огромное, открытое всем ветрам строение, которому удалось спастись от разрушения, охватившего весь

остальной город. Тут и там были видны следы ремонта, выделяющиеся гораздо худшим качеством.

Строение было округлым, около полумили в диаметре. И было построено из такого же снежно-белого камня, как и весь разрушенный город.

При виде его размеров у двух людей двадцатого столетия захватило дух.

Однако времени, чтоб осмотреть все это, не хватило, так как пленители гнали их все дальше и дальше. Они медленно спустились по склону, в сопровождении людей будущего, и вошли через огромные ворота на арену.

Ряд за рядом поднимались скамейки, готовые вместить тысячи зрителей. На противоположной стороне арены, прямо под скамейками, находилось несколько железных клеток.

Люди будущего потащили их туда.

— Наверняка, здесь нас закроют, — заметил Билл.

Дикарь с выступающими зубами рассмеялся, как будто услышал удачную шутку:

— Не надолго.

Приблизившись, они обнаружили, что некоторые из клеток уже заняты. Люди прильнули к решеткам, вглядываясь в пересекающий песчаную арену отряд. Другие безразлично сидели, равнодушно наблюдая за их приближением. Многие из них, как заметили люди двадцатого века, несли на себе печать длительного заключения.

Перед одной из клеток они остановились. Один из людей будущего подошел к двери, и, вставив в замок солидных размеров ключ, открыл ее. Отчаянно заскрипев, дверь отворилась вовнутрь. Затем им развязали руки и втокнули в клетку. Дверь снова лязгнула, и заскрипел ключ. Они выбрались из грязи и отбросов, покрывавших пол камеры, и вынуждены были присесть на корточки, чтобы пронаблюдать, как люди будущего пересекали арену и скрылись в арке.

Карл вытащил пачку сигарет. Они закурили. Дым табака, выращенного в 1935-м, поплыл над освещаемым умирающим солнцем Денвером.

Они покурили, затушили сигареты в песке. Карл стал тщательно обследовать клетку. Вскоре к нему присоединился Билл. Возможно, пробраться наружу не было. Кроме железных дверей, осмотр которых не оставлял никакой надежды, кругом была каменная кладка. Они снова присели.

Карл посмотрел на часы: прошло уже шесть часов с тех пор, как они приземлились, однако, судя по тени, солнце по-прежнему стоит высоко.

— Дни стали длинней, чем в 1935-м, — ответил Билл, — теперь

они могут длиться более двадцати четырех часов, так как Земля должна замедлить своё вращение.

— Слушай! — прошепел Карл.

До них донеслись голоса. Они прислушались. Ко всему прибавилось лязгание стали. Звуки доносились справа и становились все громче.

— Были бы у нас пушки! — простонал Карл.

Голоса раздавались совсем близко.

— Это другие заключенные, — выдохнул Билл. — Или их кормят, или еще что-нибудь.

И он был прав.

Перед клеткой появился старик. Сгорбленный, с длинной белой бородой, стекавшей на тощую грудь, с великолепными вьющимися волосами, спадавшими на плечи. В одной его руке был кувшин емкостью около галлона, в другой — вместительная корзина с пищей.

Но не это привлекало к себе внимание Билла и Карла. За набедренной повязкой, рядом с массивным кольцом с ключом, виднелись оба «сорок пятых».

Поставив кувшин и корзину, старик потянулся за ключами. Найдя нужный, он открыл замок и отодвинул засов у основания двери. Затем осторожно поставил корзину и кувшин в камеру.

Двое, находящиеся внутри, переглянулись. Захватить старика было проще простого. А получив револьверы, можно было попробовать пробраться к кораблю.

Однако старик сам стал вытаскивать оружие из-под набедренной повязки.

Путешественники во времени задержали дыхание, увидев, что оно было положено рядом с кувшином и корзиной.

— Приказ Голан-Керта, — объяснил старик. — Он прибыл, чтоб посмотреть на игры. Он приказал, чтобы оружие было возвращено. Они сделают игры интереснее.

— Интереснее, — перекатываясь с пятки на носок фыркнул Карл.

Люди будущего, казалось, не имевшие никакого оружия, наверняка не оценили по достоинству смертоносные «сорокопятки».

— Голан-Керт? — спокойно переспросил Билл.

Старик взглянул на них, как будто увидел впервые.

— Да, — ответил он. — Неужели вы ничего не знаете о Голан-Керте. О Нем, Кто-Пришел-Из-Космоса?

— Нет, — сказал Билл.

— Тогда я действительно могу поверить тому, что услышал о вас? — спросил старик.

— Что ты услышал?

— То, что вы пришли из времени. И в огромной машине.

— Это правда, — ответил Карл, — мы пришли из двадцатого века.

Старик медленно покачал головой:

— Я ничего не знаю про двадцатый век.

— Да и как ты можешь знать про это время? — спросил его Карл.

— Он должен был закончиться около миллиона лет назад.

Старик снова покачал головой.

— Лет? Что это, «лет»?

Карл глубоко вздохнул.

— Лет — это значит «годов», — стал объяснять он. — Это единица измерения времени.

— Время нельзя измерить, — безапелляционно ответил старик.

— В двадцатом столетии мы измеряли его, — ответил Карл.

— Любой человек, считающий, что он может измерить время — дурак. — Представитель людей будущего был непреклонен.

Карл протянул руку ладонью вниз и показал часы.

— Это измеряет время.

Старец едва взглянул на них.

— Это глупейший механизм, который ничего со временем сделать не может.

Билл положил руку на руку друга.

— Год, — спокойно объяснил он, — равняется полному обороту Земли вокруг Солнца.

— Так вот что это значит, — с облегчением протянул старик. — С этого надо было начинать, однако движение Земли не имеет ко времени никакого отношения. Время абсолютно относительно.

— Мы пришли из времени, мир в котором сильно отличается от этого, — проговорил Билл. — Не дашь ли ты нам некоторое представление о количестве оборотов, совершенных с того момента Землей?

— Как же я смогу, — ответил старик, — если мы оперируем понятиями, несопоставимыми друг с другом? Скажу только, что с тех пор, как из Космоса пришел Голан-Керт, Земля обогнула Солнце более пяти миллионов раз.

Пять миллионов раз! Пять миллионов лет! Пять миллионов лет с момента какого-то события, которое произошло наверняка спустя многие миллионы лет после конца двадцатого века! По меньшей мере на пять миллионов лет в будущее, и невозможно угадать, на сколько еще дальше на самом деле. Приборы ошиблись настолько, что до этого момента было невозможно и представить такое.

Двадцатый век. Отдаленное, не имеющее значения эхо. В этом мире, с тускло-красным шаром солнца и грудой руин Денвера, двадцатый век казался затерявшейся секундой в бесконечном потоке вре-

мени и был так же далек, как и век появления человека на планете Земля.

— Всегда ли Солнце было таким? — спросил Карл.

Старик покачал головой:

— Мудрецы говорят, что когда-то Солнце было таким горячим, что слепило глаза. Еще говорят, что сейчас оно остывает и в будущем вообще не будет давать света и тепла. — Старик пожал плечами. — Разумеется, прежде чем это произойдет, все люди вымрут.

Старик захлопнул дверь, запер ее и повернулся, чтобы уйти.

— Постой! — крикнул Карл ему вслед.

— Что вы хотите? — Старик обернулся, раздраженно теребя свою бороду.

— Присядь, друг, — проговорил Карл, — нам бы хотелось еще поговорить.

Тот колебался, наполовину готовый уйти, затем повернул обратно.

— Мы пришли из того времени, когда солнце слепило глаза. Мы видели Денвер в то время, когда он был большим и великим городом. В то время эта земля был покрыта травой, и шли дожди, и широкие поля лежали там, где теперь плещется море.

Старец опустил на песок перед клеткой. Глаза возбужденно загорелись, две костлявые руки вцепились в прутья.

— Вы видели мир молодым! — воскликнул он. — Вы видели зеленую траву, бродили под дождем. Теперь дожди очень редки...

— Мы видели все, о чем ты говорил, — заверил Карл, — но хотим спросить, почему нас встретили как врагов? Мы пришли как друзья, надеясь встретить тоже друзей, но готовые и к войне.

— Айе! Готовые к войне! — воскликнул дребезжащий голос старика, глядя на револьверы. — Это прекрасное оружие. Говорят, вы устали пески трупами, прежде чем вас схватили.

— Но почему нас не приняли как друзей? — настаивал Карл.

— Здесь нет друзей, — фыркнул старик, — с тех пор как пришел Голан-Керт. Все готовы перегрызть друг другу горло.

— Кто это, Голан-Керт?

— Голан-Керт пришел из Космоса, чтобы править миром, — заговорил речитативом старик, — он не человек и не зверь. В нем нет добра. Он ненавидит всех. Он чистый Дьявол. Потому что во Вселенной нет дружбы или добра. У нас нет доказательств, что Космос блажелателен к нам. Когда-то давно наши предки верили в любовь. Это обман. Дьявол могущественней добра.

— Рассказывай, — попросил Билл, прижавшись к прутьям, — видел ли ты сам Голан-Керта?

— Айя, я видел.

— Расскажи нам о нем.

— Я не могу! — Глаза старика наполнились ужасом. — Не могу!

Голос его упал до невнятного шепота, и он прижался к решетке.

— Люди вне времени! Я хочу вам кое-что рассказать. Его ненавидят, потому что он учит ненавидеть. Мы подчиняемся ему, потому что должны делать это. Он держит разум любого в своей руке. Он правит только внушением. Он не вечен... Он боится... Есть выход, если бы нашелся хоть один храбрец...

Лицо старика побледнело, глаза наполнились страхом. Все его мускулы напряглись, и похожие на клешни руки с бешеной силой вцепились в прутья. Задышавшись, он прижился к решетке. Люди прошлого с трудом разбирали его слабый, прерывистый шепот:

— Голан-Керт... ваше оружие... не верьте ничему... закройте свой разум от внушения...

Он замолк, хватая ртом воздух.

— Я боролся, — запинаясь, через силу продолжил он. — Я победил... Я рассказал вам... Он убивает меня... Но не сможет убить вас... сейчас... когда вы... знаете...

Старик был на грани смерти. Двое с широко раскрытыми глазами наблюдали за тем, как он отталкивает смерть, выигрывая драгоценные секунды.

— Ваше оружие... убьет его... его легко убить... для того, кто не... поверит в него... он...

Шепот затих, и старик замер перед решеткой на песке.

Двое продолжали смотреть на скрюченное человеческое существо.

— Убит внушением, — выдохнул Карл.

— Он был храбрым человеком, — кивнул Билл.

Карл внимательно осмотрел труп. Его глаза задержались на кольце с ключами. Опустившись на колени, он подтащил тело поближе, его пальцы сжались на кольце и выдернули связку ключей из-за набедренной повязки.

— Мы идем домой, — сказал он.

— И по дороге нам придется немало пострелять, — согласился с ним Билл. Он подобрал револьверы и зарядил их.

Карл взял ключи. После нескольких попыток он нашел тот, который был нужен. Замок заскрипел, и, дверь, протестующе скрипя, распахнулась.

Они быстро вышли из камеры и на минуту остановились, отдавая молчаливую дань почтения телу старца. Сняв шлемы, люди двадцатого века застыли перед неподвижным телом человека будущего. Героя, который бросил свою ненависть в лицо какому-то ужасному существу, обучавшему ненависти весь мир. Хотя полученная информация была скудной, она насторожила их, дав намек, чего можно было ожидать.

Повернувшись, они невольно вздрогнули. Толпы людей будущего

ввалившись в амфитеатр, торопливо занимали места. Был слышен приглушенный гул их голосов.

Население собиралось для игр.

— Это может усложнить дело, — заметил Билл.

— Не думаю, — ответил Карл, — в любом случае мы будем иметь дело с Голан-Кертом. Люди не в счет. Как я понял, они под его полным контролем. Снятие контроля может изменить их привычки и психологию.

— Единственное, что нам остается — принять бой с Голан-Кертом, а потом уже действовать по обстоятельствам, — заключил Билл.

— Люди, пленившие нас, высказывали его мысли, — задумчиво проговорил Карл.

— Может быть, он создает галлюцинации, — предположил Билл, — или в состоянии заставить ощущать что-либо, не существующее в действительности. В любом случае, людям действительно внушили, что они просто животные и обязаны собираться по первому зову и повелению.

— Но старик же знал, что это внушение, — возразил Карл. — Если и все остальные знают это, то правлению Голан-Керта должен прийти конец. Они просто больше не будут верить в его могущество, и без этой веры внушение, с помощью которого он правит, станет невозможным.

— Старик, — доказывал Билл, — добыл свои знания каким-то таинственным способом и заплатил за них жизнью. И при этом старик знал не все. Он был убежден, что это существо пришло из Космоса.

Карл задумчиво покачал головой.

— Оно могло прийти из Космоса. Помни, мы в будущем по крайней мере на пять миллионов лет. Я предполагаю, что мы обнаружили какой-либо гигантский интеллект. Он материален, потому что старик утверждал, что видел его, и это облегчит нам дело. Старик сказал, что он не бессмертен, — продолжал Билл, — следовательно, он уязвим и наши пушки могут сделать свое дело. С другой стороны, мы не должны доверять ничему тому, что будем чувствовать, слышать или видеть. Кажется, он держит власть только внушением. Он будет пытаться убить нас с помощью внушения, точно так же, как умертвил старика.

Карл кивнул.

— Дело в силе воли, — ответил он, — в уме и хитрости. Возможно, люди дегенерировали, потеряв силу воли, и Голан-Керт обнаружил, что контролировать их мысли не составляет большого труда. Под его влиянием они рождались, жили и умирали. Прибыв из тех веков, где люди были вынуждены шевелить мозгами, мы имеем преимущество. Вероятно, ум человека дегенерировал потому, что по мере того, как наука облегчала жизнь, становилось все меньше надоб-

ности его использовать. Возможно, несколько светлых голов еще осталось, но их должно быть очень немного. Мы — бунтари, интриганы, обманщики. Голан-Керту будет с нами потруднее.

Глава третья

Битва веков

Билл достал сигареты, и они закурили. Потом, с револьверами в свободно опущенных руках, медленно пошли через огромную арену. Ряды на трибунах были переполнены людьми. С трибун доносился рев. Они узнали его. Это был рев толпы, собравшейся в ожидании битвы и требовавшей крови.

— Обычное сборище футбольных болельщиков, — усмехнулся Карл.

Трибуны принимали все прибывающие толпы, но было очевидно, что собравшиеся все вместе обитатели руин смогут заполнить лишь малую часть тысяч сидений.

Казалось, путешественники затерялись в этом огромном пространстве. Почти в зените, прямо над головами, висело огромное красное солнце. Словно они шли по освещаемой закатом пустыне, обрамленной чудовищными белыми утесами.

— Должно быть, когда строили эту штуку, Денвер был огромным городом, — заметил Билл. — Представь себе, сколько народу она может вместить. Интересно, для чего это предназначалось?

— Наверное, мы никогда не узнаем об этом, — ответил Карл.

Они дошли до центра арены.

Карл остановился.

— Ты знаешь, — проговорил он, — я тут поразмыслил немного. У нас неплохие шансы против Голан-Керта. За последние пятнадцать минут каждая наша мысль содержала открытое презрение к нему, но он ничего не предпринял, чтобы уничтожить нас. Хотя, возможно, он просто выжидает. Я начинаю верить в то, что он не может читать наши мысли, как это было со стариком. Он убил его в тот момент, когда были произнесены слова предательства.

Билл кивнул.

И как бы в ответ на слова Карла сверху навалилась огромная тяжесть. Билл ощутил, как по его телу расползается беспощадная боль, слабнут колени, закружилась голова. Перед глазами закружили разноцветные пятна, ужасная боль скрутила живот.

Он сделал шаг и споткнулся. Чья-то рука вцепилась в его плечо, с силой его встряхнула. От сотрясения его рассудок мгновенно просветлел. Туман, застилавший его глаза, стал рассеиваться, и сквозь него Билл увидел бледное, перекошенное лицо друга.

Губы на лице шевелились.

— Взбодрись старина, с тобой все в порядке. У тебя прекрасное самочувствие.

Словно что-то сломалось в его голове. Это было внушение, внушение Голан-Керта, и он победил его.

Билл твердо уперся ногами в песок, с усилием расправил плечи и улыбнулся: — Нет, черт возьми, со мной все в порядке, и у меня прекрасное самочувствие.

Карл ударил его по спине.

— Это призрак, — прорычал он. — Минуту назад он чуть не свалил меня с ног. Но мы должны побить его, парень, мы его просто должны побить!

Билл хрипло рассмеялся. Голова его была чиста, сила снова возвращалась в тело. Первый раунд был выигран!

— Но где же этот Голан-Керт?! — выпалил он.

— Он невидим, — прорычал Карл. — Но у меня есть мысль, что в этом состоянии он не может показать все, на что он способен. Мы заставим его показаться, а потом зададим ему работенку.

Холодящий душу рев толпы донесся до них. Трибуны видели и по достоинству оценили маленькую драму, разыгравшуюся посреди арены. Они призвали большего.

Внезапно позы их раздался яростный перестук.

Они вздрогнули. Это было знакомое «тра-та-та» пулемета.

Они без колебания упали плашмя, прижавшись к поверхности, стараясь зарыться в песок.

Кругом их взлетали маленькие фонтанчики песка. Билл почувствовал обжигающую боль в руке. Пуля настигла его. Это был конец. На широком пространстве арены невозможно было укрыться от огня бьющего по ним сзади пулемета. Жгучая боль вцепилась в ногу: еще попадание.

Затем он дико захохотал. Не было здесь ни пуль, ни пулемета. Было просто внушение. Уловка, чтобы они поверили в свою смерть. Обман, который, продолжаясь достаточно долго, на самом деле бы их убил.

Он встал на колени, поднимая за собой Карла. Нога и рука все еще болели, но он не обращал на это никакого внимания. Он яростно внушал себе, что с ними все в порядке, все в абсолютном порядке.

— Снова внушение! — прокричал он Карлу. — Нет здесь никакого пулемета.

Карл кивнул. Они встали и повернулись. Там, в паре сотен ярдов, скрючилась за неистово плюющим красным пламенем пулеметом одетая в форму хаки фигура.

— Это не пулемет, — медленно проговорил Билл.

— Разумеется, это не пулемет, — как будто заучивая фразу наизусть, повторил Карл.

Они медленно пошли навстречу строчащему пулемету. Хотя пули по-прежнему свистели вокруг, ни одна из них не попала в цель. Боли в руке и ноге Билл больше не чувствовал.

Внезапно и пулемет, и одетая в форму хаки фигура исчезли. Еще секунду назад они были, а теперь их уже нет.

— Я полагал, что он так и сделает, — сказал Билл.

— Хотя старина все еще крепится, — ответил Карл, — здесь еще кое-что из его внушений.

Карл указал на ворота, похожие на арку. Через них, шеренга за шеренгой, проходили одетые в форму цвета хаки солдаты с железными масками на головах, с винтовками через плечо. Офицер отдал резкий приказ, и войска начали разворачиваться на поле в боевом порядке.

Пронзительный звук горна отвлек внимание путешественников, и им представилось зрелище выходящей из других ворот когорты легионеров. Щиты тускло блестели на солнце, отчетливо доносился звук бряцания оружия.

— Знаешь, в чем я уверен? — спросил Карл.

— В чем?

— Голан-Керт не может внушить нам ничего нового. Пулеметы, солдаты, легионеры, — это вещи, о которых у нас есть четкое представление.

— Но почему же тогда мы видим все это, — спросил Билл, — хотя и знаем, что в действительности ничего нет?

— Не знаю, — ответил Карл, — слишком много в этом деле необъяснимых вещей.

— В любом случае, он устроил для толпы неплохой спектакль, — заметил Билл.

Болельщики неистовствовали. Раздавались пронзительные вопли женщин и громкий рев мужчин. Публика была в восторге.

Огромный, свирепый лев, страшно рыча, прыгнул за спины двоих путешественников. Топот копыт возвестил о прибытии других созданных силой мысли животных.

— Пора что-нибудь предпринять, — проговорил Карл.

Он высоко поднял свой «сорок пятый» и дал выстрел в воздух. Воцарилась тишина.

— Голан-Керт, внимание! — прогремел его голос, слышимый теперь, наверное, в каждом уголке арены. — Мы вызываем на поединок лично тебя. Нам не страшны твои твари, потому что они не могут причинить нам вреда. Мы хотим драться с тобой!

Благоговейное молчание охватило толпу. Впервые их божество получило открытый вызов. Они ожидали, что две одинокие фигуры на арене будут тут же раздавлены в лепешку.

Однако этого не случилось.

Снова прозвучал голос Карла:

— Выбирайся из своей норы, толстобрюхая жаба! Выходи и дерись, если в тебе есть хоть капля мужества, ты, грязный, подлый трус!

Толпа, возможно, не поняла значения каждого слова, но общий смысл сказанного был вполне для нее ясен. С трибуны раздался угрожающий ропот, и внезапно толпа пришла в движение. Люди перепрыгивали через низкую стенку перед трибунами и бежали по арене.

Затем раздался звучный глубокий и сильный голос:

— Стойте! Я, Голан-Керт, займусь этими людьми сам!

Карл заметил, что солдаты и лев исчезли. За исключением его с Биллом и своры людей будущего, замиравших при звуке пришедшего ниоткуда голоса, арена была пуста.

Они напряженно ждали. Для большей устойчивости Карл зарылся ступнями в песок. Зарядил, вместо расстрелянных, новые патроны в барабан. Билл вытер рукавом пот со лба.

— Сейчас он — сплошные мозги, — усмехнулся Карл.

Билл улыбнулся.

— Два интеллекта, но посредственных, против одного, но великого.

— Смотри, Билл! — крикнул ему Карл.

Прямо перед ними и немного выше их голов сформировалось поле света, маленький яркий шар в сумрачной атмосфере. Он медленно пульсировал, разрастался.

Двое путешественников ошеломленно наблюдали за этим. Пульсация разрасталась, охватывая всю поверхность шара. По мере ее нарастания шар тускнел, и чудовище обрело форму. Вначале ее можно было рассмотреть только приблизительно, но потом со временем она становилась все ясней и ясней, приобретая четкие очертания.

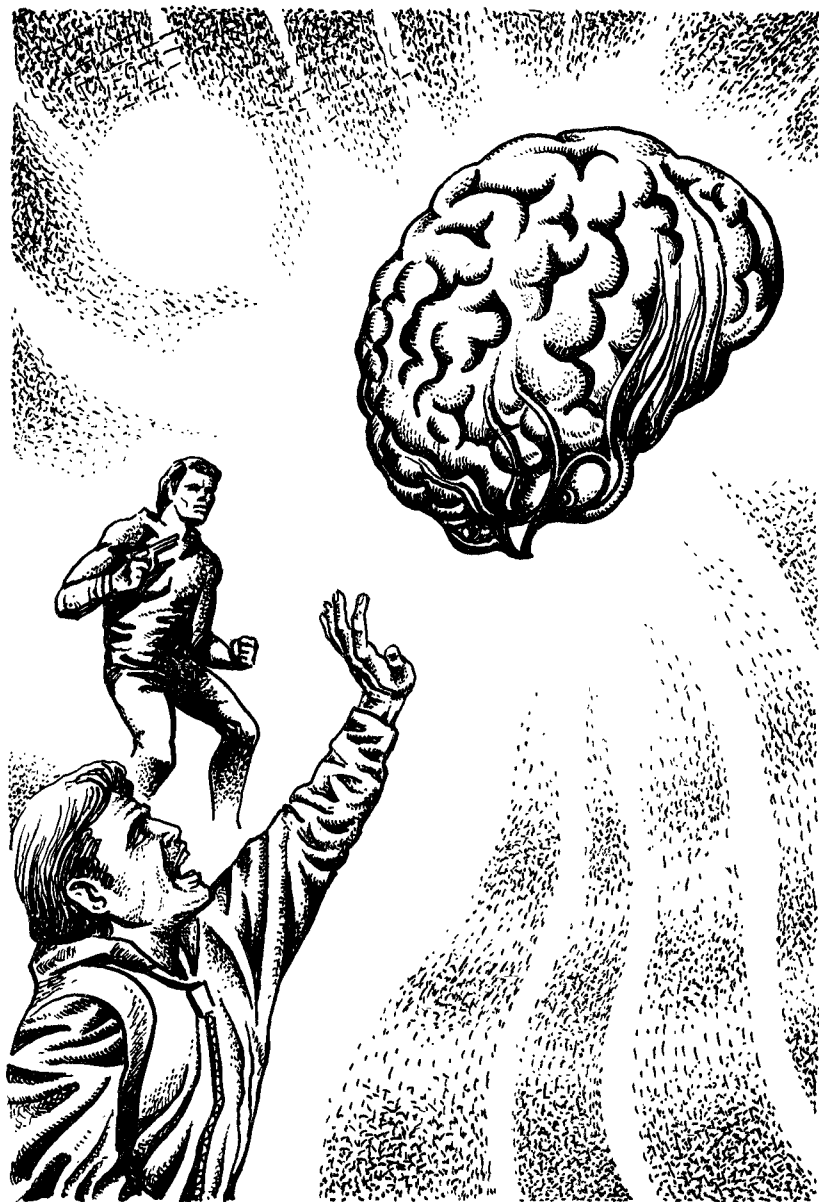
Гигантский мозг, около двух футов в диаметре, без всякой видимой поддержки висел в воздухе. Голый, изборозженный извилинами, отвратительный мозг.

Отвращение усиливалось из-за двух маленьких, как у свиньи, лишенных ресниц близко посаженных глаз и изогнутого клюва, который начинался прямо под передней частью мозга, и основывался на том, что, вероятно, было атрофированным лицом.

Оба путешественника были поражены ужасом, но громадным усилием воли сохраняли самообладание.

— Здорово, Голан-Керт, — язвительно процедил Карл. Одновременно его рука взметнулась вверх, и курок револьвера под давлением пальца медленно отошел назад. Но прежде чем он смог совместить мушку револьвера с гигантским мозгом, его рука замерла, и Карл застыл, как замороженный, скован ужасной силой, исторгнутой Голан-Кертом.

Рука Билла взметнулась вверх, и его «сорок пятый» сердитым

грохотом взорвал тишину. Однако во время выстрела его рука отлетела в сторону, словно по ней был нанесен сильный удар, и пуля на ничтожную часть дюйма ушла в сторону от огромного мозга.

— Самонадеянные глупцы! — прогремел голос, который, однако, в действительности голосом не был, так как отсутствовал звук; просто возникло чувство, что они слышат это. Двое, замершие, будто во внимании, поняли, что это телепатия: мозг, находящийся перед ними, испускал мощное излучение.

— Самонадеянные глупцы, вы хотите побить меня, Голан-Керта? Меня, чья мыслительная мощь в сотни раз превышает способности всех ваших вместе взятых умов? Меня, чьи познания беспредельны во времени?

— Мы побьем тебя! — рявкнул Карл. — Сейчас мы тебя побьем. Мы знаем, кто ты такой. Ты не из Космоса. Тебя породили в одной из лабораторий. Неизвестно, какое количество лет ты развивался в искусственных условиях. Ты не бессмертен. Нашего оружия ты испугался. Пуля, попавшая в мозг, покончит с тобой.

— Кто вы такие, чтобы судить об этом, — докатилась волной мысль, — вы, с крохотными мозгами двадцатого века? В мое время вы пришли как незваные гости и бросили мне вызов. Я уничтожу вас. Я, тот, кто пришел много веков назад из Космоса для того, чтобы править избранной мной частью пространства, не испытываю страха ни перед вами, ни перед вашим допотопным оружием.

— Когда нам пришлось использовать оружие, тебе удалось нас провести. Но если я доберусь до тебя, то оно уже мне не понадобится. Я разорву тебя вот этими голыми руками.

— Продолжайте, — громынула волна мысли. — Расскажите, кем вы меня считаете, но, когда закончите, я сотру вас в порошок. Вы станете пылью в воздухе, пеплом в песках.

Передаваемые мысли обрели торжествующе-издевательский тон.

Карл повысил голос до крика. Это было сделано специально в расчете на то, что его услышат люди будущего и, пока еще не поздно поймут настоящую сущность Голан-Керта. И они слушали его с раскрытыми ртами.

— Когда-то ты был человеком, — загремел голос Карла, — и великим ученым. Ты изучал мозг. В конце концов ты сделал открытие, благодаря которому возникла возможность развивать мозг до невероятной степени. Уверившись в своих способностях и поняв, какую силу возможно приобрести, ты превратил себя в существо, состоящее из одного мозга. Ты мошенник и обманщик. В течение миллионов лет ты издевался над человечеством. Ты не из Космоса. Ты — человек или то, что когда-то было им. Ты — жестокость, мерзость...

Даже мысль, излучаемая мозгом, казалось, пульсировала от гнева: — Вы лжете. Я из Космоса. Я — бессмертен. Я убью вас, убью...

Внезапно Билл рассмеялся, и его грубый хохот отразился эхом от белокаменных трибун. Это было единственным спасением от ужасного напряжения, но смеялся он потому, что осознавал всю комичность своего положения: путешественники из двадцатого столетия, проникшие на много лет вперед, ругались с мошенником, провозгласившим себя богом людей, родившихся намного позднее его естественной смерти.

Билл ощутил, как страшная мощь Голан-Керта концентрируется на нем. По его лицу покатился пот, тело задрожало, и он почувствовал, что силы покидают его.

Он перестал смеяться и сразу же получил сильнейший удар. Билл пошатнулся. И тут его осенило: именно смех. Смех и насмешки — только это может поправить дело.

— Смейся, дурак, смейся... — простонал он.

Карл слепо подчинился, и они оба зашлись полурычащим, полурывающим смехом. Билл чисто инстинктивно, почти не контролируя свои действия, стал обзывать гигантский мозг самыми отвратительными словами.

Карл начал понимать: Билл затеял большую игру. Огромный мозг, противостоящий им, из-за свойственного ему величайшего эгоизма не терпел насмешек и должен был ослабить свою хватку перед бурей колкостей и издевательств. Сквозь множество столетий он пронес сверхъестественную мощь, сталкиваясь только с высочайшим почтением. Никто никогда не смеялся над ним, и применение этого страшного оружия явилось для него полной неожиданностью.

Карл присоединился к Биллу и тоже стал осыпать Голан-Керта насмешками. Это был настоящий карнавал оскорблений. Они не сознавали, что говорят. Умы их подверглись вторжению Голан-Керта, и языки плели, что попало.

После каждого оскорбления они заливались смехом, переполненные сатанинским весельем. Сквозь хохот они почувствовали силу мозга и его нарастающий гнев. Их измученные болью тела стремились, извиваясь в агонии, рухнуть на песок, но путешественники продолжали хохотать и выкрикивать насмешки.

Казалось, прошла вечность с тех пор, как они сцепились с Голан-Кертом, но, несмотря на ужасную, пронизывающую с головы до пят боль, они не прекращали смеяться, продолжая издеваться над огромным интеллектом мозга и тем самым убивая его. Это было единственным оружием. Иначе всепоглощающие волны извергаемого с дикой яростью внушения разорвали бы на куски каждый нерв их охваченных болью тел.

Путешественники почувствовали ярость гигантского мозга. Он буквально обезумел от гнева. Они действительно разозлили его. Мало того, своими насмешками они высасывали из него всю жизнь!

Сами того не сознавая, они сбавили тон смеха и, испытывая полнейший упадок сил, замолчали.

И тут снова ощутили страшную силу мозга. Казалось, у него были скрытые резервы, благодаря которым он постоянно поддерживал свою мощь. Мозг нанес им ужасный удар, который заставил их согнуться пополам, затемнил глаза, затуманил головы, принес боль в каждый нерв и сустав.

Казалось, к ним прикладывали раскаленное железо, сотни иголок впивались в тело, острые, как бритва, ножи разрезали плоть на куски. Они зашатались, вслепую шаря по сторонам руками, выплескивая ругательства, стеная от боли.

Сквозь красный туман страданий пришел шепот, чарующий шепот, заманивающий, указывающий путь к спасению.

— Обратите оружие против себя. Вашим мукам придет конец. Смерть безболезненна.

Шепот проник во все уголки мозга. Вот он, выход! Зачем продолжать эту бесконечную пытку? Смерть безболезненна. Ствол к голове, нажим на курок — и забвение.

Билл приставил револьвер к виску. Его палец лег на курок. Все было шуткой, глупой шуткой: побить Голан-Керта его же руками!

Сквозь хохот прорвался голос. Это был Карл.

— Ты дурак! Это Голан-Керт! Это Голан-Керт! Дурак!

Он увидел качнувшегося к нему друга, увидел искаженное от боли лицо, шевелящиеся губы.

Билл уронил руку, и, продолжая безумно хохотать, почувствовал донесшуюся до него досаду. Ужасный мозг пустил в ход свой главный козырь и проиграл, но в то же время чуть не прикончил Билла. Если бы не Карл, лежать бы ему на песке с расколотой на части головой.

Потом они вдруг ощутили, что сила мозга постепенно иссякает. Они побили его!

Они чувствовали неимоверные усилия мозга, пытавшегося восстановить над людьми контроль. Долгие годы он жил без сражений, не сомневаясь в том, что является властелином планеты. Они чувствовали бессильный гнев и нарастающий страх, постепенно овладевающий гигантским мозгом.

Но он был побит, в конце концов, людьми из давно забытой эпохи. Он потерпел поражение из-за насмешки, с которой никогда не был знаком и, мало того, даже не предполагал об ее существовании.

Его силы постепенно убывали. Люди двадцатого века почувствовали, что мозг растерян, что его смертная хватка слабеет.

Они перестали смеяться: болели бока, першило в горле. И сразу услышали сотрясавшиеся от хохота трибуны. Вся толпа смеялась. Волна ужасного шума накрыла их. Люди будущего буквально рыда-

ли, сгибаясь пополам, топая ногами, запрокидывая головы к мрачным небесам. Они смеялись над Голан-Кертом, оскорбляли и освистывали его. Власти гигантского мозга наступил конец.

В течении многих поколений люди будущего ненавидели его той ненавистью, которой он их учил. Ненавидели и боялись. Теперь страх исчез, осталась только ненависть.

Он, бывший когда-то богом, превратился в посмешище. В жалкого клоуна с сорванной маской, одинокого и нагого, благодаря тирании проложившего себе путь сквозь века.

Словно в тумане люди двадцатого века видели огромный, корчащийся в своем бессилии противостоять граду насмешек мозг, который уже был не в состоянии править населением умирающего мира. Его близко посаженные глаза злобно горели, клюв гневно и беспомощно щелкал. Он устал, слишком сильно устал, чтобы восстановить свою власть. Голан-Керту пришел конец!

Револьверы обоих путешественников во времени поднялись почти одновременно. На этот раз прицел был точен, и не было силы, чтобы отвлечь опасность.

Револьверы торопливо заговорили, выплевывая огни ненависти. Мозг перевернулся в воздухе под ударами пуль, брызнула кровь, появились глубокие раны. Он глухо ударился о землю, вздрогнул и затих.

От пережитого напряжения глаза людей двадцатого века закрылись, колени ослабли, и, с еще дымящимися «сорок пятыми» в руках, они тяжело опустились на песок.

А над ареной раздавался рев толпы людей будущего,

— Да здравствуют освободители! Голан-Керт мертв! Его власти конец! Да здравствуют спасители расы!

Эпилог

— Нельзя повернуть время. Вам не вернуться в свой век. Я не представляю, что будет, если вы попытаете это, но знаю, что это невозможно. Мы знаем, что путешествие в будущее возможно, но секрет необходимого для этого механизма нами утерян. Во времена Голан-Керта у человечества не было прогресса — только постоянная деградация. Мы знаем, что невозможно вернуть назад время, и просим вас не пробовать делать это.

Старый Эгнар Нохл, борода и волосы которого развевались по ветру, вел серьезный разговор. Его лицо избороздили морщины.

— Мы полюбили вас, — продолжал он. — Вы освободили нас от тирании мозга, длившейся несчетные века. Вы нам нужны. Оставайтесь с нами, помогите восстановить страну, построить машины, верните удивительные знания, утерянные нами. Мы тоже многое можем

дать вам в ответ. Мы еще не забыли того, что знали до прихода Голан-Керта.

Карл покачал головой:

— Мы должны попробовать вернуться.

Два человека двадцатого века стояли у самолета, окруженные всем населением руин Денвера, пришедшим сказать свое последнее «прости». Над пустыней завывал пронизывающий ветер, принося с собой кучу песчинок. Их меха трепетали, пока он завывал в торжественной панихиде между руин величественных когда-то зданий.

— Если бы был хоть какой-то бы шанс, — продолжал Эгнар, — мы бы отправили вас в путь. Но мы через силу отпускаем вас туда, где, возможно, вас ожидает смерть. Мы предоставляем вас самим себе, и наша любовь достаточно велика, чтобы позволить вам уйти. Вы учили, что ненавидеть нельзя, и свергли ненависть, правящую нами. Мы желаем вам только добра! Невозможно вернуть время. Почему бы вам не остаться? Вы нам очень нужны. Наша земля родит все меньше и меньше. Если мы не начнем вырабатывать синтетическую пищу, то умрем с голода. Это только одна из наших проблем. Есть еще много других. Вы не должны уходить. Оставайтесь и помогите!

Карл снова покачал головой.

— Мы попробуем. Возможно, нам не повезет, но все же мы попробуем. Если повезет, то мы вернемся с учебниками и инструментами.

Эгнар запустил в голову костлявые пальцы.

— Ничего у вас не выйдет.

— Но если выйдет, то мы вернемся, — ответил Карл.

— Если выйдет, значит, вернемся, — повторил старик.

— Мы уходим, — сказал Билл. — Спасибо за мудрое слово, но все же мы должны попытаться. Поверь, нам жалко покидать вас.

— Я верю! — воскликнул старик, пожав им на прощание руки.

Карл открыл люк самолета, и Билл залез в машину.

Карл, с поднятой рукой, остановился:

— Прощайте, — проговорил он, — когда-нибудь мы вернемся.

Толпа разразилась прощальными возгласами, и Карл закрыл люк.

Моторы загудели, заглушив восклицания людей будущего, машина побежала по песку и поднялась в воздух. Билл троекратно облетел руины города, прощаясь с молчаливо наблюдающими за самолетом людьми.

Потом Карл нажал на рычаг, и снова наступила невесомость и непроглядная тьма. Моторы, недовольные переменой, едва вращались.

— Кто сказал, что мы не сможем повернуть время? — торжественно выкрикнул Карл, показав на медленно ползущую в обратную сторону стрелку счетчика.

— Может, старик ошибался после... — Билл не закончил фразу.

— Выводи ее обратно! — крикнул он Карлу. — Выводи ее, один из двигателей заглох!

Карл схватился за рычаг и отчаянно дернул его. Неисправный мотор заглох, потом снова ровно загудел.

Двое переглянулись. Их лица побледнели. Они понимали, что от возможного падения и неминуемой смерти их отделяло всего несколько секунд.

Они снова зависли в воздухе, наблюдая тускло-красное солнце, пустыню и море. И снова под ними были руины Денвера.

— Мы не могли уйти далеко назад, — проговорил Карл. — Эти же развалины мы видели и раньше.

Они сделали круг над городом.

— Нам бы лучше приземлиться здесь, в пустыне, и починить двигатели, — настаивал Карл. — Не забывай, что мы путешествуем во времени назад, и Голан-Керт по-прежнему правит страной. Со всем не обязательно еще раз кончать с ним. Возможно, нам просто не удастся это.

Самолет опустился ниже, и Карл осторожно повел его. Мотор опять закашлял и заглох.

— На этот раз с ним покончено! — проговорил Билл. — Мы должны заменить его, Карл, приземлиться и сразу его заменить.

Карл угрюмо кивнул.

Перед ними раскинулось широкое поле арены, которое одновременно могло превратиться в место крушения.

Когда Билл приземлил самолет, мотор окончательно заглох.

Они проскользнули поверх белых стен амфитеатра и опустились на арену. Самолет коснулся песка, замедлил ход и остановился.

Карл открыл люк.

— Наш единственный шанс — поскорей убраться отсюда! — крикнул он Биллу. — Если мы только не хотим снова встретиться с проклятым мозгом.

И внезапно застыл.

— У меня все в порядке со зрением, Билл? — прошептал он.

Прямо впереди, на расстоянии всего лишь нескольких футов от самолета, на песке арены возвышались две статуи, его и Билла.

Даже отсюда можно было свободно прочитать надпись, буквы которой сильно походили на английские.

Медленно, запинаясь на незнакомых словах, он прочитал ее вслух:

— «Двое людей, Карл Свенсон и Билл Крессмен, пришли из Времени, чтобы убить Голан-Керта и освободить человечество».

Ниже была еще надпись: «Может, они вернутся».

— Билл, — воскликнул Карл, — мы все время двигались вперед, в будущее! Смотри, постамент уже стал разрушаться. Этим статуям уже несколько тысяч лет!

Билл с побледневшим лицом и широко открытыми глазами рухнул в кресло.

— Старик был прав, трижды прав, — простонал он, — мы больше никогда не увидим двадцатый век!

Он склонился над машиной времени, и его лицо исказилось:

— Эти приборы, проклятые приборы! Они неисправны. Они врут! Врут!

Он ударил по ним кулаком и разбил, не обращая внимания на глубокие, кровоточащие порезы от осколков стекла.

Над самолетом нависла тишина. Не было слышно ни звука.

Первым ее нарушил Билл:

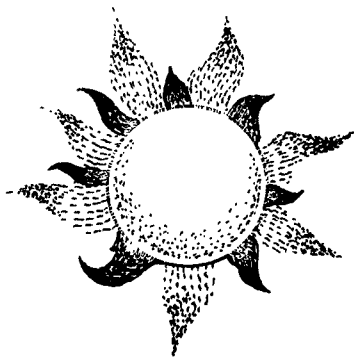
— Люди будущего! — крикнул он. — Где же вы, люди будущего?

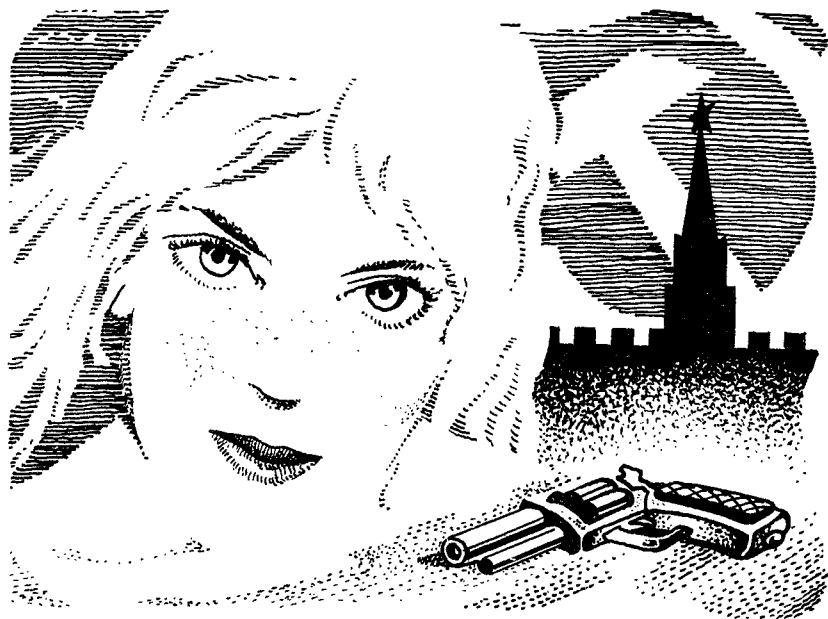
И сам же ответил на свой вопрос:

— Они все мертвы, мертвы. Они погибли от голода, потому что не смогли изготовить синтетическую пищу! Мы остались одни. Одни при конце мира!

Карл стоял у края люка.

Над верхним краем трибун амфитеатра висело свободное от облаков огромное красное солнце. Легкий ветерок засыпал песком основания разрушающихся статуй.

Мак Рейнольдс

РЕВОЛЮЦИЯ

Павел Козлов дважды небрежно кивнул, проходя между столами. Позади себя он улавливал обрывки шепота:

— Это он... охотник шефа... Знаете, в Центральной Америке его называют *pistola**, что значит... насчет Ирака... а в Египте... Вы заметили его глаза?.. Тебе бы хотелось с *ним* встречаться? Это он. Я была как-то на вечеринке в то же время, что и он. Вызывает дрожь... хладнокровный...

Павел Козлов мысленно усмехнулся. Он не просил такой славы, но не каждый человек становится легендой в тридцать пять лет. Как там было написано в «Ньюсвик»? «Т. Лоуренс Холодной Войны». Проблема была в том, что слава — не та вещь, от которой можно отвертеться. И она мешала в личной жизни.

Он подошел к кабинету шефа, постучал костяшками пальцев и толкнул дверь.

* Пистолет (исп.).

Шеф и парень-секретарь, пишущий под диктовку, подняли головы. Секретарь нахмурился, явно ошеломленный бесцеремонным появлением Козлова, но шеф произнес:

— Привет, Пол, проходите. Не ожидал вас так скоро. — Потом секретарю: — Дикенс, вы свободны.

Когда Дикенс вышел, шеф сердито посмотрел на своего специалиста.

— Пол, вы недисциплинированы. Разве вы не могли перед входом постучать? Как дела в Никарагуа?

Павел Козлов сел в мягкое кожаное кресло и нахмурился:

— Я стучал. Большая часть информации в моем отчете. В Никарагуа... спокойно. И так будет еще некоторое время. Это не больше, чем розовые либералы в гостиницах...

— А Лопес?..

Павел медленно произнес:

— В последний раз я видел его в болоте рядом с озером Манагуа. Это был действительно последний раз.

Шеф торопливо проговорил:

— Детали не нужны. Их я оставляю вам.

— Знаю, — ровно ответил Павел.

Его начальник поставил на стол банку «Сэра Уолтера Рэйли», выбрал на подставке вересковую трубку и, набивая ее табаком, произнес:

— Пол, вы знаете, какой сегодня день и год?

— Вторник. 1965 год*.

Шеф бюро взглянул на свой календарь.

— Угу. Сегодня выполнен план семилетки.

Павел хмыкнул.

— Успешно, — мягко произнес шеф. — По всем направлениям СССР перегнал нас в валовом национальном продукте.

— Вот этого я не могу понять.

— Значит, вы сделали ошибку, поверив нашей пропаганде. Это вечная ошибка, вера в нашу пропаганду. Хуже, чем верить другому человеку.

— По объему производства стали мы опять третьи, так же, как и они.

— Да, и между прочим, относительно нашей реорганизации — вспомните, когда они называли это р е ц е с с и е й, а ранее даже д е п р е с с и е й — наша сталелитейная промышленность работала меньше, чем на 60% возможностей. Советы всегда работают на все сто процентов. Им не нужно волноваться, смогут ли они или нет продать сталь. Если они производят стали больше, чем им сейчас необходимо, они используют ее, строят новые заводы.

Шеф покачал головой.

* Рассказ написан в 1960 году (прим. ред.).

— Не позднее 1958 года они начали догонять нас, продукт за продуктом. Зерно, масло, лесоматериалы, самолеты, космические аппараты, уголь...

Павел нетерпеливо наклонился вперед:

— Мы выпускаем в три раза больше машин, холодильников, кухонных плит, моек...

— Это так, — произнес начальник. — Когда мы расходуем продукцию наших сталелитейных заводов на автомобили и автоматическое оборудование, они обходятся без этих вещей и используют свою сталь на новые сталелитейные заводы, новые железные дороги и фабрики. Мы насмехаемся над их прогрессом, много говорим о нашей свободе и свободе наших союзников и нейтралов и радуемся нашим холодильникам и мойкам, пока в конце концов они не обойдут нас.

— Вы говорите прямо как в передаче ТАСС из Москвы.

— Хм-м-м, я старался, — ответил шеф. — Тем не менее, ситуация неважная. Тот факт, что вы и я, а также двести миллионов американцев предпочитают автомобили и прочие вещи большему количеству заводов и что предпочитают личную свободу и гражданские права, не относится к делу. Нам следовало бы меньше смеяться семь лет назад и больше думать о сегодняшнем дне. Если ситуация останется прежней, дайте им еще пару лет идти теми же шагами, и все нейтральные страны в мире попадут в их лапы.

— Это сделает их сильными, не так ли?

— Сильными? — с отвращением прорычал шеф. — Это мягко сказано. Даже некоторые наши союзники начинают колебаться. Восемь лет назад Индия и Китай принялись за индустриализацию. Сегодня Китай — третья индустриальная держава мира. Где в двадцатых годах была Индия? Через десять лет Китай, возможно, станет первым. Я даже боюсь думать, где они окажутся через двадцать пять лет.

— Да в Индии одни сумасброды-идеалисты.

— Наша любимая отговорка, верно? Фактически, мы, Запад, бросили их. Они не могут сойти с пути. Советы подталкивают Китай, как только могут.

Павел положил ногу на ногу и наклонился вперед.

— Мне кажется, я уже раз сто обсуждал это на всевозможных коктейлях.

Шеф рванул выдвижной ящик и взял огромный коробок кухонных спичек. Он ударил одну из них о ноготь и стал смотреть сквозь табачный дым на Козлова, после того как зажег трубку.

— Проблема в том, что система русских, которую они начали первым пятилетним планом в 1928 году — та же система используется в Китае, — работает. И нравится она нам, с нашими идеалами свободы, или не нравится, она все же работает. Каждый гражданин страны отправляется в жесточайшую мясорубку ради увеличения национального продукта. Каждый, — шеф кисло усмехнулся, — за иск-

лючением партийной элиты, которая всем управляет. Каждый приносится в жертву во имя прогресса всей страны.

— Знаю, — сказал Павел. — Дайте время, и я разберусь, к чему эта лекция.

Шеф хмыкнул.

— Комми все еще у власти. Если они останутся у власти дальше и будут развиваться теми же темпами, с нами будет покончено, полностью покончено через пару лет. Мы будем так далеко позади, что станем всемирным посмешищем, и все попадут в объятия Советов.

Казалось, он сменил тему:

— Вы хоть слышали о Сомерсете Моэме?

— Конечно. Я прочитал несколько его романов.

— Я размышлял о Моэме — британском агенте, а не о Моэме-писателе, хотя это одно и то же лицо.

— Британский агент?

— Угу. Его отправили в Петроград в 1917 году, чтобы предотвратить большевистскую революцию. Немцы отправили в заплombированном вагоне из Швейцарии, где они были в изгнании, Ленина и Зиновьева в надежде, что в царской России начнется революция. Я к чему веду, к одной из его книг — «Подводя итоги», где, насколько я помню, Моэм бегло упомянул, что, по его мнению, будь он отправлен в Петроград хоть на шесть недель раньше, он смог бы успешно выполнить свое задание.

Павел осторожно посмотрел на него.

— Да что бы он мог сделать?

Шеф пожал плечами.

— Эта была Мировая война. Британцы хотели сохранить Россию в качестве союзника, чтобы оттянуть как можно больше германских войск с Западного фронта. Немцы же хотели устранить русских из войны. Моэму была предоставлена полная свобода действий. Все, что можно было сделать. Корабли британского флота, чтобы подобрать большевиков, неограниченные денежные средства для тех, кто годился в наемники для совершения убийств. Что бы, например, случилось, если бы ему удалось устранить Ленина и Троцкого?

— Какое отношение все это имеет ко мне? — неожиданно спросил Павел.

— В этот раз мы поручаем вам эту работу.

— Работу Моэма? — не понял Павел.

— Нет, наоборот. Я не знаю, кто организовал отправку Ленина в Петроград, но ваша работа будет эквивалентной. — Казалось, он вновь переменял тему: — Вы читали лет десять назад «Новый класс» Милована Джиласа?

— Я в основном помню содержание книги. Это один из приближенных Тито, который выступал против коммунистов и совершил неплохую работу, изобличив так называемое бесклассовое общество.

— Правильно. Я всегда удивлялся, что так мало людей дали себе труд задаться вопросом, как он смог передать свою книгу из одной из самых суровых тюрем Тито и опубликовать ее на Западе.

— Никогда не думал об этом, — согласился Павел. — Так как же?

— Дело в том, — произнес шеф, вытряхивая пепел из трубки и ставя ее на полку, — что во всех коммунистических странах было и есть очень сильное подполье, не только в Югославии, но и в Советском Союзе.

Павел нетерпеливо заерзал:

— И все-таки, как это связано со мной?

— Вам предстоит с ними работать. С антисоветским подпольем. Вы получите неограниченные фонды на все нужды, все, что вы найдете нужным. Ваша работа будет заключаться в том, чтобы помочь подполью начать новую русскую революцию.

Павел Козлов с забинтованным после пластической операции лицом провел пару часов в отделе Руба Голдберга, изучая предлагаемые технические новинки.

— Шеф послал меморандум, чтобы мы познакомили вас с этой новинкой, — произнес Дерек Стивенс. — Мы назвали ее «Трейси».

Павел хмуро посмотрел на ручные часы, потрогал их и поднес к уху. Они тикали, а секундная стрелка шла по кругу.

— «Трейси»? — переспросил он.

— В честь Дика Трейси, — ответил Стивенс. — Помните этот давнишний комикс? Приемно-передающее устройство у него на запястье.

— Но это на самом деле часы? — спросил Павел.

— Конечно. Время показывают точное. Тем не менее это маскировка. На самом деле это рация. Узкий луч, направленный от вас, где бы вы ни находились, к шефу.

Павел поджал губы.

— Ребята действительно отлично делают свое дело. — Он вернул часы Дереку Стивенсу. — Покажите мне, Дерек, как работает радио.

Они потратили пятнадцать минут на изучение устройства, потом Дерек Стивенс произнес:

— Здесь есть еще одно устройство, на которое, как считает шеф, вы можете захотеть взглянуть.

Это был небольшой короткоствольный пистолет. Павел управлялся с ним с легкостью от долгой практики.

— Грубая рукоять. А каковы преимущества? Я не особенно люблю автоматическое оружие.

Дерек Стивенс покачал головой.

— Пойдемте на огневой рубеж, Козлов, и мы вам все покажем.

Павел косо взглянул на него и кивнул.

— Идемте.

На огневом рубеже Стивенс установил силуэт человека. Он отступил в сторону и произнес:

— О'кей, начинайте.

Павел непринужденно встал, левая рука в кармане брюк, поднял пистолет и нажал на спусковой крючок. Он нахмурился и качнул вновь.

— Он не заряжен, — сердито сказал он Дереку Стивенсу.

Стивенс весело хмыкнул:

— Взгляните на мишень. В первый раз вы попали прямо в сердце.

— Я... — начал было Павел. Он с удивлением посмотрел на оружие. — Бесшумное и без отдачи. Какой калибр, Дерек, и какой угол разброса?

— Мы называем этот пистолет «бесшумный» 38 калибра, — сообщил Стивенс. — Пробивная сила такая же, как у «магнума» 44 калибра, который вы обычно носите.

Плавным движением Павел Козлов вытащил из кобуры под левым плечом свой «магnum» 44 калибра и отбросил его в сторону.

— Больше этот пистолет мне не нужен, — заявил он. С восхищением взвесил в руке новое оружие. — Внешне выглядит довольно убого, и передняя часть спускового крючка защищена. Мне нужен скорострельный пистолет. — Потом он добавил с отсутствующим видом: — Откуда вы знаете, что я ношу «магnum»?

— Вы достаточно известны, Козлов, — ответил Стивенс. — Полковник Лоуренс Холодной войны. Журналистам не дают много узнать о вас, но то, что они узнают, они сообщают всем.

— Почему вы не любите меня, Стивенс? — ровно спросил Павел Козлов. — В такой игре я не ценю в вашей команде людей, которые меня не любят. Это опасно.

Дерек Стивенс покраснел.

— Я не говорил, что не люблю вас.

— Вам и не надо было говорить.

— В этом нет ничего личного, — произнес Стивенс.

Павел Козлов смотрел на него.

— Я не одобряю совершение американцами политических убийств.

Павел Козлов жестко усмехнулся без всякого веселья.

— Вам будет трудно доказать, что эти убийства возможно было совершить без ваших часов и прочих игрушек, Стивенс. Между прочим, я не американец.

Челюсть, правда, у Дерека Стивенса не отвисла, однако он заморгал.

— Так кто же вы?

— Русский, — резко ответил Павел. — И учтите, Стивенс, вы сейчас заняты, но, когда вы получите время для раздумий, изучите науку о ведении войны.

Стивенс вновь покраснел.

— Науку о ведении войны?

— Ничего особенного тут нет, — грубо сказал Павел Козлов. — В войне давно нет рыцарства, и, видимо, его никогда не будет вновь. Ни одна сторона не может себе этого позволить. Я говорю о холодной войне так же, как и о горячей.

Он сердито смотрел на Дерека:

— Или вы все еще предаетесь иллюзии, что только коммунисты имеют на своей стороне сильных людей?

Павел Козлов пересек Атлантику на сверхзвуковом ТУ-180, принадлежащем компании «Европа Айавейз». Это само по себе раздражало его. Плохо, что коммунисты обогнали развитие Запада с помощью первого реактивного лайнера ТУ-104, вошедшего в массовое производство в 1957 году. К тому времени, когда Соединенные Штаты в 1959 году создали свой первый по-настоящему практичный трансатлантический реактивный самолет, русские дошли до ТУ-114, как его создатель, старый Андрей Туполев, назвал самый большой, самый эффективный и экономичный самолет.

Гражданская авиация, которую они имели, ушла вперед, да так и осталась впереди. Субсидируемые, насколько Запад мог или, по меньшей мере, насколько это ему удавалось, авиалинии не могли себе позволить использование более медленных, меньших по размеру и гораздо более дорогих западных моделей. Мало-помалу, сначала нейтральные страны, вроде Индии, а потом даже члены Западного блока, стали приобретать для авиалиний русские самолеты.

Павел с отвращением вспоминал, какие меры пришлось принимать правительству, чтобы предотвратить в самой Америке приобретение советских самолетов, предлагаемых за фантастически низкую цену.

В Лондоне он вручил карточку, на которой добавил карандашом цифровой код, и передал ее британскому майору разведки.

— Полагаю, меня ждут, — заявил Павел.

Майор посмотрел на него, потом на карточку.

— Одну минуту, мистер Смит. Я посмотрю, здесь ли его светлость. Присядьте, пожалуйста.

И он вышел из комнаты.

Павел Козлов подошел к окну и взглянул на движущихся внизу пешеходов. Впервые он был в Лондоне тридцать лет назад. Насколько он мог вспомнить, тут не было видимых изменений за исключением внешнего вида машин. Он рассеянно размышлял, сколько ему потратится времени, чтобы заметить изменения на лондонских улицах.

Майор вернулся в комнату с новым выражением уважения на лице.

— Его светлость примет вас немедленно, мистер Смит.

— Спасибо, — произнес Павел. И вошел во внутренний кабинет.

Лорд Кэррол был в гражданской одежде, которой, тем не менее, не удалось скрыть его военную выправку. Он указал на стул рядом со столом.

— Нас проинструктировали оказывать вам всяческое содействие, мистер... Смит. Откровенно говоря, я просто не могу представить, в чем это может заключаться.

Павел заговорил, устраиваясь на стуле.

— Я отправляюсь в Советский Союз в важную командировку. Мне нужна в мое распоряжение такая большая команда, какая возможна. У вас, конечно, есть агенты в России?

Он поднял глаза.

Его светлость прочистил горло, и его голос стал еще жестче.

— Каждая крупная военная держава имеет определенное число шпионов в каждой стране. Не важно, мирный это период или нет, это обычное дело.

— Сейчас вряд ли мирное время, — сухо произнес Павел. — Я хочу получить полный список ваших советских агентов и необходимую информацию, как вступить с ними в контакт.

Лорд Кэррол уставился на него. Наконец выпалил:

— Да, почему? Вы даже не британец. Это же...

Павел поднял руку.

— Мы будем сотрудничать с русским подпольем. Сотрудничество — недостаточно точное слово. Мы намерены *подтолкнуть* их к действию, если сможем.

Глава британской разведки посмотрел на карточку перед собой — «Мистер Смит», — прочитал он. Потом поднял глаза:

— Джон Смит, я полагаю.

— А есть кто-то другой? — спросил Павел, по-прежнему сухо.

— Послушайте, вы и вправду Пол Козлов, так? — спросил лорд Кэррол.

Павел посмотрел на него, ничего не отвечая.

Лорд Кэррол нетерпеливо заговорил:

— То, что вы просите, невозможно. У всех наших людей свои собственные предписания, собственная работа. Зачем они вам?

— Самая серьезная работа — это свергнуть советское правительство. Нам надо столько людей, сколько можно заполучить в нашу команду. Возможно, мне не придется их использовать, но я хочу, чтобы они были.

— Вы все время говорите «*наша команда*», — резко произнес британец, — но, согласно нашему досье на вас, мистер Козлов, вы не британец и даже не янки. И вы хотите, чтобы я перевернул всю советскую машину?

Павел встал и наклонился к столу, от его ушей к подбородку разлилась бледность.

— Вот что, — жестко произнес он. — Если я не член команды, то команд вообще не существует. Одно притворство. Если есть хорошая команда, должен быть соответствующий дух. Командный дух. И мне плевать, играете ли вы в крикет, футбол или в холодную войну. Если есть что-либо важное для меня, на чем я основываю всю жизнь, так только это, понятно? У меня есть командный дух. Возможно, никто на Западе не обладает им, но у меня он есть.

Лорд Кэррол внутренне кипел. Он выпалил:

— Вы не британец, не американец. Другими словами, вы наемник. Откуда нам знать, что русские не предложили вам в два или три раза больше, чем вам платят за службу янки?

Павел вновь сел и посмотрел на часы.

— Мое время ограничено, — произнес он. — Я должен вылететь в Париж сегодня днем, а завтра буду в Бонне. И меня не волнует ваше мнение относительно моих мотивов наемника, лорд Кэррол. Я только что был на Даунинг-стрит. Я предлагаю вам позвонить туда. По просьбе Вашингтона ваше правительство предоставило мне полную свободу действий.

Пол прилетел в Москву рейсом Аэрофлота и приземлился а аэропорту Внуково на окраине города. Он представился американским бизнесменом, импортером фотокамер, который также интересовался туристскими достопримечательностями. Он путешествовал по категории «люкс», что давало ему право на «зил» с шофером и на гида-переводчика, когда он нуждался в нем. Он поселился в гостинице «Украина» на Дрогомилловской в двадцативосьмизэтажном небоскребе с тысячью номеров.

Это было его первое посещение Москвы, но он не был особенно выбит из строя. Он продолжал рассматривать город и осознал тот факт, что с конца 1950-х годов русские начали получать обильную пищу, одежду и, наконец, жилье. Даже эти продукты, когда-то рассматривавшиеся как настоящая роскошь, были теперь в изобилии. Если учитывать материальные факты, советский человек с улицы жил неплохо.

Несколько первых дней Козлов провел, проникаясь чувством города, а также делая предварительные деловые звонки. Его интересовали новые автоматические фотокамеры, постоянно рекламируемые русскими как лучшие в мире. Самый быстрый объектив, надежное функционирование, гарантированное на всю жизнь владельца, и все это продавалось ровно за двадцать пять долларов.

Как и ожидалось, ему сказали, что фабрика и пункт распределения находятся в Ленинграде, и он получил советы, а также рекомендательные письма.

На пятый день он сел на экспресс «Красная Стрела» до Ленинграда и остановился в отеле «Астория» на улице Герцена, 39. Это был самый старый из многих отелей «Интуриста», выстроенный еще до Революции.

Он провел следующий день, дав возможность гиду показать стандартный набор туристических достопримечательностей. Зимний Дворец, где победила большевистская революция, когда мятежный крейсер «Аврора» прошел в Неву и обстрелял его. Эрмитаж, с которым могли соперничать только Ватикан и Лувр. Александровская Колонна, самый высокий в мире монолитный каменный памятник. Скромный личный дворец Петра Великого. Кафедральный собор Петра и Павла, Ленинградское метро, в той же степени музей, как и система транспорта.

Он рассматривал все это на манер туриста, гадая про себя, что мог бы подумать интуристовский гид, если бы знал, что это был родной город мистера Джона Смита.

На следующий день он развернул перед гидом проблемы своего бизнеса. Он хочет встретиться, дайте посмотреть, ага, вот здесь, с Леонидом Шверником с завода по производству фотоаппаратуры имени Микояна. Можно ли это устроить?

Конечно, это можно устроить. Гид минут пять вещал о желании Советского Союза торговать с Западом и распространять мир во всем мире.

Беседа Джона Смита с господином Шверником была назначена на послеполуденное время.

Господин Смит и Шверник встретились в два в кабинете последнего и принялись за обычные любезности. Мистер Шверник прекрасно говорил по-английски, так что мистер Смит смог отпустить на этот раз своего гида-переводчика. Когда тот ушел и они остались одни, Шверник стал обсуждать вопрос продажи.

— Я могу уверить вас, сэр, что не далее того времени, как японцы стали удивлять мир после Второй мировой войны своими новыми фотокамерами, произошла революция в дизайне и качестве. Камеры завода имени Микояна не только лучше где-либо производящихся фотокамер, но с того времени, как наш завод полностью автоматизирован, мы продаем их за ничтожную часть стоимости камер из Германии, Японии или Америки...

Павел Козлов встал, спокойно подошел к одной из картин, висящих на стене, поднял ее, указал на обратную сторону и поднял глаза к собеседнику.

Леонид Шверник с ошарашенным видом откинулся на спинку стула.

Павел оставался у картины, пока собеседник не покачал головой.

— Вы абсолютно уверены? — по-английски спросил Павел.

— Да, — ответил Шверник. — Здесь нет микрофонов. Я точно знаю. Кто вы?

— В движении вас называют Георгий, — говорил Павел, — и вы главный человек в Ленинградской области.

Рука Шверника поднялась из-под стола, и он направил тяжелый армейский револьвер на своего посетителя.

— Кто вы? — повторил он.

Павел проигнорировал оружие.

— Некто, кто знает, что вы Георгий, — сказал он. — Я из Америки. Может кто-нибудь войти?

— Да, кто-нибудь из моих коллег. Или, может быть, секретарь.

— Тогда я предложу вам сходить в бар или какое-нибудь другое место, чтобы выпить что-нибудь, может, чашечку кофе или что там в России его заменяет.

Шверник изучающе посмотрел на него.

— Хорошо, — твердо произнес он. — На улице есть одно место.

Он начал было засовывать оружие за пояс, но передумал и положил его обратно в выдвижной ящик.

Как только они оказались на улице вне предела слышимости пешеходов, Павел произнес.

— Может, вы предпочитаете, чтобы я говорил по-русски? Мне кажется, мы тогда будем меньше привлекать внимания, чем если говорить по-английски.

— В «Интуристе» знают, что вы говорите по-русски? — напряженно спросил Шверник. — Если нет, то говорите по-английски. Так вот, откуда вы узнали мое имя? У меня нет контактов с американцами.

— Я узнал о вас от западных немцев.

На лице Шверника отразился необузданный гнев.

— Да они игнорируют элементарные меры предосторожности! Они что, готовы открыть меня каждому, кто об этом попросит?

Павел мягко ответил:

— Герр Людвиг постоянно под моим руководством. Ваш секрет в настоящий момент в той же безопасности, что и раньше.

Лидер подполья некоторое время оставался в молчании.

— Вы американец, так, и Людвиг вам обо мне рассказал? И чего же вы хотите?

— Хочу помочь, — сказал Павел Козлов.

— Что вы хотите этим сказать? «Помочь»? Как вы можете помочь? Я не пойму, о чем вы говорите.

— Помочь вам любыми средствами. Деньгами, типографиями, миографами, радиостанциями, оружием, ограниченной военной силой, обучением, всем, что вам потребуется, чтобы свергнуть Советское правительство.

Они дошли до ресторана. Леонид Шверник превратился в специалиста по экспорту. Он повел клиента к отдельному столику. Дал ему возможность удобно усесться.

— Вы действительно все знаете о камерах? — спросил он.

— Да, — ответил Павел, — мы основательно подготовились. Я могу купить у вас фотоаппараты, и они будут проданы в Штатах.

— Хорошо.

Подошел официант.

— Вы когда-нибудь ели икру по-русски? — поинтересовался Шверник.

— Не думаю, — ответил Павел. — Я не голоден.

— Голод тут не при чем, — произнес Шверник. Он велел официанту принести хлеб, несоленое масло, икру и графин водки.

Официант ушел, и Шверник произнес:

— В какой степени вы намерены нам помочь? Деньги, например. Какие деньги: рубли, доллары? И сколько? Революционное движение всегда использует деньги.

— Деньги всех видов, — ровно сказал Павел, — и в любых количествах.

На Шверника это произвело впечатление.

— В любых количествах в разумных пределах, да? — напряженно спросил он.

Павел посмотрел ему прямо в лицо и ровно ответил:

— В любых количествах на определенное время. Это могло бы и не быть особенно разумным. Единственным условием должна быть гарантия, что они пойдут на свержение Советов, а не на личные цели.

Опять подошел официант. Шверник вытащил из кармана несколько брошюр, разложил их перед Павлом Козловым и начал указывать авторучкой на особенности фотокамер завода им. Микояна.

Официант поставил заказ на стол и остановился на время, чтобы получить дальнейший заказ.

Шверник объяснил.

— Прежде всего возьмите приличные порции водки. — Официант налил им. — Теперь выпейте, вверх дном, как говорите вы, американцы. Теперь намажьте масло на маленький кусочек хлеба и положите сверху любую порцию икры. Ну как? Теперь ешьте ваш сэндвич и выпейте еще водки. И начинайте все сначала.

— Я вижу, можно довольно легко напиться, если есть икру по-русски, — засмеялся Павел.

Они вновь прошли через эту процедуру, и официант удалился.

— Я могу несколько дней провести с вами, договариваясь о сделке с фотоаппаратами. Потом я смогу отправиться в турне по стране, предположительно для осмотра туристских достопримечательностей, но фактически для того, чтобы вступить в контакт с вашими организациями. Потом я вернусь, предположим, для того, чтобы заключить еще контракт. Могу вас заверить, эти камеры будут хорошо продаваться в Штатах. Я буду возвращаться время от времени, ради бизнеса. Между прочим, у вас есть свои люди среди гидов-переводчиков в местных отделениях «Интуриста»?

Шверник кивнул.

— Да. Да. Это может быть хорошей идеей. Мы назначим вам Анну Фурцеву, если сможете договориться. И, возможно, она даже может подобрать вам шофера, который тоже будет одним из наших.

Так в первый раз Павел Козлов услышал имя Анны Фурцевой.

Утром Леонид Шверник приехал в отель на машине завода им. Мякояна, загруженной фотоаппаратами и различными принадлежностями, пригодными для основной модели. Он начал бурно излагать преимущества аппаратов завода, пока они не вышли из отеля.

В заключение того, что он сказал, когда они выходили из-под порталов отеля, было:

— Мы поедем по городу, чтобы у вас была возможность сделать какое-то количество моментальных снимков, а потом, может быть, съездим на мою дачу, где сможем пообедать...

В машине он произнес:

— Позвольте представить вам Анну Фурцеву, которая прикомандирована к вам «Интуристом» в качестве вашего гида-переводчика на тот случай, если вы останетесь. Анна, мистер Джон Смит.

Павел пожал руку.

Она была блондинкой, как почти все русские девушки, с удивительно синими глазами. Пухленькая по западным стандартам, но в меньшей степени, чем обычно бывают в России. У нее были чувственные губы, не соответствующие облику пламенной революционерки.

Машина поехала. Шверник сидел за рулем.

— Вы действительно должны сделать снимки, пока мы едем. Позднее мы проявим их на фабрике. Я сказал там, что потенциально вы крупный заказчик. Возможно, через день-два они назначат одного из моих начальников работать с вами. Если так, я полагаю, вам надо просто настоять, что вы считаете меня достаточно компетентным и хотели бы продолжить работу со мной.

— Конечно, — сказал Павел. — Как быстро наша помощь позволит вам начать дело?

— Вопрос в том, — произнес Шверник, — как много вы сможете сделать, помогая нашему движению. Например, можете ли вы снабдить нас оружием?

Бесшумный пистолет 38 калибра легко скользнул в руку Павла.

— Конечно, ясно, что мы не сможем провезти крупную партию оружия через границу. Но здесь, например, есть бесшумный не дающий отдачи пистолет. Мы могли бы передать вам необходимое количество таких пистолетов в течение месяца.

— Пять тысяч? — поинтересовался Шверник.

— Пожалуй. Конечно, вам надо будет спрятать их, когда они пересекут границу. Насколько хорошо вы организованы? Если не

очень, возможно мы бы смогли помочь вам, но тогда не успели бы передать вам пять тысяч пистолетов в месяц.

Анна была озадачена.

— Как вам удастся переправить такое количество оружия через границу? — в ее голосе слышалась волнующая славянская певучесть. Павлу Козлову пришло в голову, что это самая красивая женщина, которую он когда-либо встречал. Это позабавило его. Женщины никогда не играли большой роли в его жизни. Не было никого, кто бы ему по-настоящему, основательно нравился. Но, видимо, кровь сказывалась. Ему надо было вернуться в Россию, чтобы встретиться с подобной притягательностью.

— Югославия сравнительно открыта, и контрабанда через Адриатику из Италии является обычным делом. То, что вам нужно, мы отправим этим путем. Югославия и Польша в хороших отношениях, между ними существует широкая торговля. Мы отправим оружие по железной дороге из Югославии в Варшаву. Торговля между Польшей и СССР на высоком уровне. Наши агенты в Варшаве смогут отправить оружие в хорошо замаскированном грузе. На польско-русской границе не просматривают товарные вагоны. Тем не менее, вашим людям нужно будет забрать все в Бресте или Кобрине до того, как груз дойдет до Пинска.

Очень тихим голосом Анна произнесла:

— В Швейцарии в советском посольстве в Стокгольме есть полковник, глава ленинградского отделения КГБ по борьбе с контрреволюцией, как они это называют. Можете вы устранить его?

— Это необходимо? Вы уверены, что после не поднимется такой шум, что это привлечет к вам внимание?

Павел не любил такие дела. Они редко приносят пользу.

— Он знает, что Георгий и я — члены движения, — сказала Анна. Козлов в изумлении открыл рот.

— Вы хотите сказать, что ваше положение известно полиции?

— Пока что он держит эту информацию при себе, — сообщил Шверник. — Он обнаружил все, когда Аня старалась заручиться поддержкой их службы.

Не веря себе, Павел переводил взгляд с одного на другого.

— Заручиться поддержкой? Откуда вы знаете, что он не сообщил о вас? И вообще, что вы хотите сказать, говоря, что он держит информацию при себе?

Анна заговорила, и ее голос был таким тихим, что он с трудом улавливал звук:

— Он мой старший брат. Я — его любимая сестра. Насколько долго он будет держать все в секрете, я не знаю. При таких условиях, считаю, что нет другого решения вопроса, кроме его устранения.

Эти слова продемонстрировали Павлу Козлову, что на его стороне команда столь же преданная делу, как и он сам.

— Полковник Фурцев в советском посольстве в Стокгольме, — произнес он. — Очень хорошо. Пожалуй, лучше всего были бы венгерские беженцы. Если их поймают, причина убийства не поведет в вашем направлении.

— Да, — подтвердила Анна, ее чувственный рот скривился. — В общем-то, Анастас был в Будапеште во время подавления восстания в 1956 году. Он участвовал в этом.

Дача Леонида Шверника находилась недалеко от Петродворца у Финского залива, примерно в восемнадцати милях от Ленинграда. В Штатах дачу называли бы летним бунгало в сельской местности. Три спальни, довольно большая гостиная, кухня, ванна, даже площадка для парковки машин. Павел Козлов почувствовал слабое удовлетворение, решив, что американец на работе, соответствующей работе Шверника, смог бы позволить себе нечто большее.

— Надеюсь, вам не придется оказаться в ситуации, когда необходимо бегство, — заговорил Шверник. — Если это случится, тот дом — центр нашей организации. В любое время вы сможете найти здесь одежду, оружие, деньги и еду. Даже маленький катер у берега. Несмотря на трудности, можно будет достичь Финляндии.

— Чудесно, — сказал Павел. — Будем надеяться, этого не придется делать.

Внутри дома они сели вокруг маленького столика с неизбежной бутылкой водки, сигаретами, а потом кофе.

— Пока что, — говорил Шверник, — мы бегло упомянули полдюжины проблем, но сейчас мы должны стать точными.

Павел кивнул.

— Вы пришли к нам и сказали, что представляете Запад и что вы намереваетесь помочь нам свергнуть Советское правительство. Чудесно! Но как нам убедиться, что вы не представляете КГБ или, может, МВД?

— Я докажу это своими действиями, — ответил Павел. Он поднялся на ноги и, не обращая внимания на Анну, вытащил подол рубашки, расстегнул две пуговицы на брюках и вытащил денежный пояс.

Он пояснил:

— Мы не знаем, чего именно, в смысле экипировки, вы от нас хотите, но, как вы уже говорили, всем революциям нужны деньги. Здесь сумма, равная ста тысячам американских долларов — в рублях, конечно. — Он добавил, извиняясь: — Это самая маленькая сумма. Ваши советские деньги не так уж много стоят, чтобы один человек мог провезти действительно большую сумму.

Он бросил денежный пояс на стол, привел в порядок свою одежду и сел на стул.

— Это начало, — произнес Шверник, — но я по-прежнему считаю, что мы не должны представлять вам других членов организации, пока у нас не будет точных доказательств относительно вас.

— Разумно, — согласился Павел. — Что еще?

Шверник хмуро посмотрел на него.

— Вы называете себя американцем, но по-русски говорите не хуже меня.

— Я воспитывался в Америке, — сказал Павел, — но, когда я был мальчиком, я не стал ее гражданином из-за некоторых формальностей. Когда я стал взрослым и стал работать на правительство, было решено, что лучше, учитывая мою специальность, чтобы я по-прежнему не становился гражданином Америки.

— Но по происхождению вы русский?

— Я родился в Ленинграде, — ровно произнес Павел.

Анна наклонилась вперед.

— А, так, значит, вы предали Россию.

Павел засмеялся.

— Посмотрите только, кто говорит. Лидер подполья.

Анну это не задело.

— Но это — совсем другие причины. Я сражаюсь, чтобы спасти свою страну. Вы боретесь для Соединенных Штатов и Запада.

— Не вижу особой разницы. Мы оба стараемся свергнуть порочную бюрократию.

Он опять засмеялся.

— Вы ненавидите их так же, как и я.

— Не знаю. — Она нахмурилась, пытаясь подобрать слова, отбросила английский и заговорила по-русски. — Коммунисты совершили ошибки, ужасные ошибки, особенно при Сталине, они внушали себе, что достигнут того, чего хотели. Но все же они достигли этого. Они создали одну из сильнейших держав мира.

— Ну, если вы так счастливы с ними, чего же вы стараетесь устранить коммунист? В ваших словах нет никакого смысла.

Она покачала головой, как если бы считала, что это в его рассуждениях нет смысла.

— Они уже исчерпали свои возможности и больше не нужны. Теперь они помеха на пути прогресса. — Она поколебалась, потом продолжала: — Когда я была студенткой, на меня произвели впечатление слова Неру, которые я запомнила. Он написал их, находясь в британской тюрьме в 1935 году. Слушайте.

Она закрыла глаза и процитировала.

— *Экономические интересы формируют политические взгляды групп и классов. Ни разум, ни соображения морали не могут попортить эти интересы. Личности могут обратиться в веру, они могут отказаться от своих особых привилегий, хотя и достаточно редко, но классы и группы не могут сделать этого. Попытки убедить управляющий и привилегированный класс отказаться от власти и отдать несправедливые привилегии всегда терпели поражение, и нет никаких оснований считать, что они удадутся в будущем.*

Павел хмуро посмотрел на нее.

— И что вы думаете об этом?

— Я считаю, что коммунисты занимают как раз ту позицию, о которой говорил Неру. Они у власти и не хотят отдать ее. Чем дольше они будут оставаться у власти, с того момента как стали ненужными, тем более жестокими они должны стать, чтобы удержаться. С тех пор, как существует полицейское государство, есть единственный путь свергнуть его — через насилие. Поэтому я и оказалась в подполье. Но я патриотка России!

Она повернулась к нему.

— А вы почему ненавидите Советы, мистер Смит?

Американский агент пожал плечами:

— Мой дед был из мелкого дворянства. Потом, когда к власти пришли большевики, он отправился в Белую армию Врангеля. Когда Крым пал, он защищал тылы. Его расстреляли.

— Кем был ваш дед? — спросил Шверник.

— Правым. Тем не менее мой отец в это время был студентом в Петроградском университете. Фактически, он тяготел к левым. Думаю, он принадлежал к социал-демократам типа Керенского. В любом случае, несмотря на происхождение из привилегированного класса, он тогда жил хорошо. Он стал преподавателем, и вначале наша жизнь была неплохой.

Павел прочистил горло:

— Пока не начались Великие чистки тридцатых годов. Решили, что мой отец правый уклонист, бухаринец, кем бы он ни был. Как-то ночью 1938 года за ним пришли и забрали, и наша семья больше его не видела.

Павел не любил говорить на эту тему.

— Короче говоря, когда началась война, моя мать погибла в Ленинграде при немецкой бомбежке. Мой брат пошел в армию и стал лейтенантом. Он попал в плен к немцам, когда те захватили Харьков, вместе с сотней тысяч или около того солдат Красной Армии. Потом, через пару лет, Советы продвинулись в Польшу, и его опять схватили.

— Вы хотите сказать, он был освобожден из немецкого плена? — спросила Анна.

— Опять попал в плен, так точнее. Его расстреляли. Похоже, офицерам Красной Армии не разрешалось сдаваться.

Анна с болью спросила:

— А как вам удалось избежать всего этого?

— Должно быть, у моего отца был дар предвидения. Мне было всего пять лет, когда он отправил меня в Лондон к двоюродному брату. Через год мы перебрались в Штаты. Фактически, я почти не помню Ленинград, очень плохо помню семью. Тем не менее, я не особенно люблю Советы.

— Да, — мягко сказала Анна.

— Как звали вашего отца? — спросил Шверник.

— Федор Козлов.

— Я изучал у него французскую литературу, — произнес Шверник. Анна выпрямилась на стуле, и ее глаза расширились.

— Козлов, — повторила она. — Вы, должно быть, Пол Козлов.

Павел налил себе еще водки.

— В моей деятельности слава — это помеха. Я не знал, что она дошла до людей с улицы по другую сторону железного занавеса.

Это была не последняя поездка Павла Козлова для установления контактов с подпольем, и не последний визит на дачу в Петрограде.

В общем-то, дача стала центром встреч русского подполья со связным с Запада. В нее, как в воронку, проходили проблемы военного обеспечения. В каждом регионе страны Павел имел своих местных агентов: американских, британских, французских, западногерманских. Но центр был здесь.

Фотоаппараты завода Микояна успешно шли на американском рынке. Не удивительно. Советы не знали, что рекламная кампания в несколько раз превышала доходы от продажи. Они знали только, что заказы продолжали поступать, что мистер Джон Смит повторно приехал в Ленинград, чтобы закупить фотоаппараты. Леонида Шверника даже повысили в должности за его способности к вторжению на американский рынок. Анна Фурцева автоматически назначалась гидом-переводчиком к Павлу, когда бы он ни появлялся во второй столице Советского Союза.

Надо сказать, когда он совершал все «туристские» поездки на Урал, в Туркестан и Сибирь, у него была возможность брать Анну с собой. Это давало отличную возможность работать с другими ветвями подполья.

Когда движению стал сопутствовать успех, встали вопросы, о которых первоначально не думали, когда отправляли Павла Козлова в СССР.

В третий визит на дачу он сказал Швернику и трем другим лидерам организации, собравшимся на встречу:

— Послушайте, мое непосредственное начальство желает знать, кто возглавляет вас, кто встанет во главе государственного режима, после того как будут устранены нынешний номер первый и нынешняя иерархия.

Леонид Шверник посмотрел на него в упор. К этому времени он, так же как и Анна, стал для Павла большим, чем простая пешка в игре. По некоторым причинам обучение у старшего Козлова дало личные точки соприкосновения, которые сблизили их.

Николай Кириченко, лидер московской ветви подполья, холодно взглянул на Павла, потом на Шверника.

— Что вы говорили ему о природе нашего движения? — требовательно спросил он.

— Какая разница? — ответил Павел. — Я только хочу знать, кто будет вашим лидером.

— Вообще-то, мне кажется, у нас было мало времени обсудить природу нового общества, которое мы планируем, — сказал Шверник. — Мы были очень заняты, работая над свержением коммунистов. Тем не менее, я полагаю...

Павел ощутил неловкость. Леонид был прав. Действительно, в своем общении с Анной и Леонидом Шверником они редко упоминали, что последует за крушением Советов. Неожиданно он понял, что это страшно важно. Николай Кириченко не говорил по-английски, поэтому он заговорил по-русски:

— Вот что. Наша организация не намерена захватывать власть для самих себя.

Павел почувствовал деликатность ситуации. Революционеры редко действуют во имя реакции или даже консерватизма. Каков бы ни был конечный результат, в основе их деятельности неизбежно лежит свободолобивый идеализм и прогресс.

— Я знаю, чему посвящена ваша организация, — произнес он. — Я не хочу недооценивать ваши идеалы. Тем не менее, мой вопрос был задан с благими намерениями, и я остался без ответа. Я знаю, что вы не анархисты. Вы хотите ответственно контролируемое правительство, которое сменит полицейское государство. Поэтому я повторяю вопрос. У вас есть лидер?

— Откуда нам знать? — в раздражении выпалил Кириченко. — Мы стремимся к демократии. Это дело народа — избрать людей, которых они сочтут достойными войти в правительство.

— Однако, — заговорил Шверник, — сама идея *лидера*, как вы его называете, не соответствует нашим представлениям. Мы не ищем вождей. Их у нас было достаточно. Наш опыт таков, что они слишком легко становятся ложными лидерами. Если это столетие что-то доказало всеми этими муссолини, гитлерами, сталинами, мао, так это то, что поиски лидера, который бы взял на себя проблемы народа, напрасны. Люди должны сами решать свои проблемы.

Павел не желал вмешиваться в их политическую идеологию. Это было рискованно. Насколько он знал, внутри революционного движения могли быть крупные разногласия. Так было почти всегда. Он не мог принимать ничьей стороны. Его единственной целью было свергнуть Советы. Он запомнил это.

— Ваша позиция, конечно, понятна. Да, у нас тут есть еще тема для обсуждения... Радиостанция для ваших подпольных передач.

Этой темой они особенно интересовались. Русские наклонились вперед.

— Тут есть проблема, — сообщил Кириченко. — Как вы знаете,

Советский Союз состоит из пятнадцати республик, к тому же, на основе этих пятнадцати республик сосуществуют семнадцать автономных советских социалистических республик. Есть также десять автономных областей, как мы их называем. Более того, в каждом политическом образовании говорят на разных языках, и везде есть культурные различия.

— Значит, нужно иметь станции в каждом регионе? — решил Павел.

— Даже больше. Поскольку некоторые регионы очень большие, мы сочли необходимым иметь там более одной подпольной станции.

— И есть еще одна вещь, — тревожно сказал Леонид Шверник. — У КГБ есть новейшее оборудование для обнаружения местоположения незаконных станций. Можете ли вы что-нибудь сделать насчет этого?

— Мы засадим за работу лучших электронщиков, — заверил Павел. — Насколько я понимаю, проблема в том, чтобы метод передач был таким, чтоб его не могла засечь секретная полиция.

Казалось, они испытывали облегчение.

— Да, все дело в этом, — согласился Кириченко.

Он вновь поднял проблему позднее, когда гулял с Анной. Они шли по левому берегу Невы, параллельно Адмиралтейству, предполагалось, что они осматривают достопримечательности.

— Недавно, — говорил он, — я обсуждал с Леонидом и еще кое с кем будущее правительство. Не думаю, что я получил четкое представление об этом.

Он сообщил ей общие направления беседы.

Она скорчила гримаску.

— А чего вы ждете, возвращения к царизму? Покажите, кто сегодня претендует на трон? Какой-то там великий князь из Парижа, да?

Они дружно рассмеялись.

— Я не могу на это ответить, — признался Павел. — Мне кажется, я бы представил демократичное парламентское управление, что-то среднее между Соединенными Штатами и Англией.

— Эти формы правления основаны на капиталистическом обществе, Павел.

Ее волосы блестели в ярком свете солнца, и ему стоило усилий вернуться к теме разговора.

— Да, конечно. Но вы же свергнете коммунистов. В этом все дело, разве нет?

— Не так, как вы об этом говорите. Попытаюсь объяснить. Начнем с того, что существует только три основы для управления, созданные человеком. Начну с простейшей.

— Это не моя сфера, но пожалуйста, — согласился Павел. Она

употребляла меньше губной помады, чем американские девушки, но это очень шло к ее свежему лицу.

— Первый тип системы управления основан на семье. Хороший пример этому — ваши американские индейцы. Семья, род, племя. В некоторых случаях, как с конфедерацией ирокезов, союз племен. Вы представлены в правительстве в соответствии с семьей или родом, в котором вы рождены.

— Согласен, — произнес Павел. На левой щеке у нее появилась ямочка. Павел решил, что блондинкам очень идут ямочки на щеках.

— Другая правительственная система основывается на собственности. В древних Афинах, например, где афиняне, владевшие собственностью в городе-государстве и рабами, которые работали на них, управляли также и народом. При феодализме знатные владели страной и правили ей. Чем больше у человека было земли, тем громче был его голос в правительстве. Конечно, я говорю в общих чертах.

— Конечно, — согласился Павел. Он решил, что ее фигура в большей степени соответствует американскому стандарту, чем он обычно видел здесь. Он вновь сосредоточился на предмете: — Однако это не работает при капитализме. У нас демократия. Каждый голосует, а не только владельцы собственности.

Анна была очень серьезна.

— Нельзя использовать слова «капитализм» и «демократия» в качестве взаимозаменяемых. Можно иметь капитализм, что является социальной системой, и не иметь демократии, что лишь политическая система. Например: когда в Германии у власти был Гитлер, управление было диктаторским, но социальная система была чисто капиталистической.

Потом она шаловливо улыбнулась ему.

— Даже, я думаю, в США можно найти людей, которые, владея капиталистической страной, управляют ей. Те, кто контролирует большие состояния, имеют возможность управлять политическими партиями, как на местном уровне, так и на национальном. Чем меньше собственность, тем слабее голос в местной политике. И вообще, какое лобби имеют ваши сезонные рабочие из Техаса в Вашингтоне?

— Это сложная проблема, — ответил Павел, теперь слегка раздраженно, — и я не согласен с вами. Тем не менее, меня не интересует правительство Соединенных Штатов. Я просто хочу знать, что ваши люди приготовили для России, если... или когда вы возьмете власть.

Она покачала головой, с огорчением глядя на него.

— Это проблема, которую все пытаются разъяснить вам. Мы не собираемся брать власть. Мы не хотим этого, и, видимо, не смогли бы сделать это, даже если бы захотели. Мы защищаем новый тип управления, основанный на новом типе производства.

Он заметил очаровательные веснушки у ее носа, на плечах — в

той мере, как платье открывало их — и на руках. Ее кожа была светлой, как бывает только у северных народов.

— Хорошо, — выговорил Павел. — Теперь мы подошли к третьему типу управления. Первым была семья, вторым — собственность. Какой же третий?

— В сверхсовременном индустриальном обществе существует определенный метод создания средств жизнеобеспечения. В будущем вас будут представлять по месту работы. От вашего производства или профессии. Парламент или конгресс страны будет состоять из избранных членов от каждой отрасли производства, распределения, средств коммуникаций, органов образования, медицины...

— Синдикализм, — сообразил Павел, — с элементами технократизма.

Она пожала плечами.

— У ваших американских технократов 1930-х годов... я с ними не так хорошо знакома, но все же поняла, что власть шла сверху донизу, вместо того, чтобы по-демократически идти снизу доверху. Ранний синдикализм разработал некоторые идеи, которые позднее, я думаю, были более детально рассмотрены мыслителями. И, в конце концов, многие термины потеряли всякий смысл из-за небрежного употребления. Скажите мне, ради бога, что, например, значит термин «социализм»? Некоторые считали вашего Рузвельта* социалистом. Гитлер называл себя национал-социалистом, Муссолини одно время редактировал социалистическую газету. Социалистом считал себя Сталин, а в Британии периодически у власти социалистическое правительство** — не забудьте, да еще с королевой на троне.

— Выгоды голосования по месту работы вместо голосования по месту жительства мне не очень ясны, — заметил Павел.

— Среди прочего, люди знают квалификацию тех, с кем работают, — ответила Анна, — является ли человек ученым в лаборатории или техником на автоматизированной фабрике. Но как много реально знают люди о политическом кандидате, за которого они голосуют?

— Думаю, это можно обсуждать весь день, — заявил Павел. — Но к чему я веду, что случится, если ваша организация возьмет власть в Ленинграде? Станет ли Леонид комиссаром или главой полиции или... о каком poste вы мечтаете?

Анна засмеялась над ним, как если бы он был невыносим.

— Господин Козлов, у вас плохо варит голова. Я же говорю, мы, революционеры подполья, не стремимся к власти и не думаем, что могли бы, даже если бы стремились. Когда Советы будут свергнуты нашей организацией и власть примет новое правительство, мы как

* Президент Франклин Рузвельт (1933-1945) в 30-х годах осуществлял политику активного вмешательства государства в экономическую жизнь с целью преодоления последнего кризиса 1929-1933 годов.

** Имеются ввиду лейбористы, т.е. рабочая партия.

организация исчезнем. Наша работа будет сделана. А Леонид? Не знаю, может, его сотрудники изберут его на какой-нибудь пост у себя на заводе, если решат, что он достаточно квалифицирован.

— Ладно, — вздохнул Павел, — это ваша страна. Я положусь на американскую систему.

Он не мог отвести глаз от ее движущихся губ.

— Ты давно меня любишь? — спросила Анна.

— Что?

Она засмеялась.

— Не будь таким глупым. Было бы странно, ведь верно, если бы двое любили друг друга и никто из них этого не понял.

— *Двое*, — тупо повторил он, не веря самому себе.

Леонид Шверник и Павел Козлов склонились над картой СССР. Последний указывал приблизительное местоположение радиостанций.

— Мы не будем их использовать до последнего момента, — сказал он, — пока дело не будет сделано. Тогда они начнут одновременно работать. У КГБ и МВД не будет времени разделаться с ними.

— Дела идут быстро, — произнес Павел. — Быстрее, чем я ожидал. Мы добиваемся успеха, Леонид.

— Только потому, что созрела ситуация, — сказал Шверник. — Так всегда совершаются революции.

— Что вы хотите этим сказать? — с отсутствующим видом спросил Павел, изучая карту.

— Революцию делают не отдельные личности, а время, подходящие условия. Вы знаете, что за шесть месяцев до большевистской революции Ленин писал, что не доживет до того, что коммунисты возьмут власть в России? Дела шли так, как развивались условия. Большевики, которых было мало, практически были заброшены в кресла власти.

— И все же, — сухо ответил Павел, — было бы очень полезно иметь таких людей, как Ленин и Троцкий, под рукой.

Шверник пожал плечами.

— Время создает людей. Ваша собственная Американская революция вам, наверное, лучше известна. Посмотрите, каких людей создало время. Джефферсон, Пэйн, Мэдисон, Гамильтон, Франклин, Адамс. И опять-таки, если бы вы сказали этим людям за год до Декларации Независимости, что революция — единственное решение проблемы, с которой они столкнулись, они, возможно, сочли бы вас сумасшедшим.

Это было новое направление мыслей Павла.

— Так в чем же источник революции?

— В ее необходимости. Дело не в том, что несколько десятков

тысяч людей подполья увидели необходимость свергнуть советскую бюрократию. Это миллионы, составляющие Россию, в хождении по жизни, во всех слоях общества снизу доверху. Что должен думать ученый, когда ничего не понимающий в его специальности бюрократ приходит в лабораторию и распоряжается в ней? Что испытывает инженер на автомобильном заводе, если тупой политикан сочтет, что раз в капиталистических странах у автомобиля четыре колеса, то Россия должна превзойти их, выпустив машину с пятью колесами? Что думает учитель, когда ему указывают, чему и как учить, что писать? Как чувствует рабочий, когда видит чиновника, живущего в роскоши, в то время как его заработок в сравнении с ним кажется нищенским? Что думает молодежь в своей вечной жажде большей свободы, чем было дано их родителям? Что думает художник? Поэт? Философ?

Шверник покачал головой.

— Когда нация готова к революции, появляются и *люди*, которые ее совершают. Часто так называемые лидеры бегут из последних сил, чтобы остаться впереди.

— Когда все закончится, — говорил Павел, — мы отправимся в Штаты. Я знаю в Сьеррах городок по названию Грасс-Вэлли. Охота, рыбалка, горы, чистый воздух. Очень легко добраться до городов вроде Сан-Франциско, если захочется побегать по магазинам, сходить в ресторан или на концерт.

Она вновь поцеловала его.

— Знаешь, — продолжал Павел, — я занимаюсь такой работой — раньше, конечно, не такого уровня — с девятнадцати лет. Девятнадцать, вот ведь! И вот впервые я понял, что устал от нее. По горло сыт. Аня, мне почти тридцать пять, и впервые я хочу того, чего ждет от жизни каждый мужчина. Женщину, дом, детей. Ты никогда не видела Америку. Ты полюбишь ее. И американцы тебе понравятся, особенно те, что живут в городках типа Грасс-Вэлли.

Она легко засмеялась.

— Но я же русская.

— Так что?

— Наш дом и наша жизнь должны быть здесь, в России. В новой России, которая скоро появится.

— Жить здесь, когда есть Калифорния? — посмеялся он над нею. — Аня, Аня, ты не знаешь жизни. Почему...

— Но, Павел, я же русская. И если Соединенные Штаты более приятное место для жизни, чем будущая Россия, когда больше не будет полицейского государства, тогда это будет моя обязанность — помочь России.

Внезапно до него дошло, что она имеет в виду.

— Но я все время думал, что после всего этого мы поженимся. И я смогу показать тебе *свою* страну.

— Не знаю почему, но я думала, мы оба хотим строить нашу жизнь здесь.

Они долго молчали во взаимном страдании.

Наконец Павел произнес:

— Еще рано строить подобные планы. Мы любим друг друга, это должно быть достаточно. Когда все произойдет, у нас будет возможность изучить образ жизни друг друга. Ты сможешь съездить со мной в Штаты.

— А я возьму тебя в Армению. Я знаю городок в самых красивых горах в мире. Мы проведем там неделю. Месяц! Может, когда-нибудь мы построим там летнюю дачу.

Она счастливо засмеялась.

— Знаешь, там все живут до ста лет.

— Да, мы туда как-нибудь съездим, — спокойно согласился Павел.

Он должен был этим вечером увидеться с Леонидом, но в последний момент ему прислали Анну, чтобы передать, что состоится важная встреча. Собрание делегатов подполья со всей страны. Они примут решение, когда выступать, но присутствие Павла не нужно.

У него не было чувства, что от него скрывают что-то, что имеет к нему отношение. Уже давно было решено, что чем меньше будет известно о деятельности Павла рядовому члену движения, тем лучше. Как это говорилось в старом русском анекдоте? Когда четверо сидят и обсуждают, как делать революцию, трое полицейские шпики, а четвертый — дурак.

Фактически же, они хорошо управлялись с делами. Он действовал больше года, и не было никаких признаков, что КГБ было осведомлено о его деятельности. Леонид и его люди знали свое дело. Уж им-то приходилось знать. Коммунисты устранили тех, кто сорок лет выступал против них. Подполье научилось изощряться, чтобы выжить.

Нет, это не было ощущением оторванности. Павел Козлов разлегся на кровати в своем огромном номере в отеле «Астория», закинул руки за голову и уставился в потолок. Он суммировал события последних месяцев, с того момента, как вошел в кабинет шефа в Вашингтоне, и до последнего вечера на даче с Леонидом и Анной.

Все события.

Вновь и вновь.

В его сознании появилась тревога.

Он опустил ноги на пол и направился к шкафу. Он выбрал самые скромные брюки и пиджак, который плохо с ними сочетался. Он про-

верил свой бесшумный пистолет 38 калибра и поместил его под левой рукой. Он вытащил вставные зубы, вспоминая при этом, как лишился зубов в уличной драке с коммунистической группой в Панаме, вставил фарфоровый мост с типичным русским металлическим блеском. Засунул кепку в задний карман, очки в металлической оправе во внутренний карман и вышел из комнаты.

Он торопливо прошел по коридору, миновал стойку Интуриста, хорошо, что это был тихий день для туристической активности.

На улице он прошел несколько кварталов до улицы 25 Октября и обнаружил, что смешался с толпой. Убедившись, что за его спиной никого нет, он вошел в пивную, взял кружку пива, а потом исчез в туалете. Здесь он снял пиджак, помял его немного, вновь одел, так же надел и кепку, и очки. Снял галстук и засунул его в боковой карман.

Он вышел, более или менее смахивая на рядового ленинградского рабочего, дошел до автобусной остановки на Володарского и стал ждать автобуса до Петродворца. Он бы предпочел метро, но так далеко линия не шла.

Автобус высадил его в полутора милях от дачи, и он пошел пешком.

К этому времени Павел хорошо знал секретные меры, принятые Леонидом Шверником, и остановился. Ничто не указывало, что дача использовалась или прятала кого-нибудь от наказания КГБ. Но в такое время должны были быть трое часовых, тщательно замаскированных.

Это было своего рода коньком Павла. С девятнадцати лет, — криво усмехнулся он и спросил себя, есть ли в мире кто-нибудь, способный пройти через линию часовых так осторожно, как он.

Он направился к даче в той точке, где к ней наиболее близко подходили сосны. Лежа на животе, он наблюдал минут десять, пока не сделал решающий бросок к дому. Он вновь лег, теперь уже рядом с домом под кустом.

Из внутреннего кармана он вытащил шпионское устройство, полученное от Дерека Стивенса из отдела Руба Голдберга. Оно выглядело, как предполагалось, как большой врачебный стетоскоп. Он вставил концы в уши, а другой конец приставил к стене дома.

Говорил Леонид Шверник.

— Стать убийцами, это не слишком приятная перспектива, но именно Советы научили нас истине, что цель оправдывает средства. И диктатура, которую они установили, столь безжалостна, что практически у нас нет альтернативы. Единственный путь устранить их, это насилие. К счастью, как мы полагаем, насилие будет необходимо только по отношению к маленькой группе высшей иерархии. Когда их уберут и наши станции провозгласят новую революцию, оппозиция будет очень слабой.

Кто-то глубоко вздохнул, Павел мог уловить даже этот звук.

— Зачем это обсуждать? — спросил голос, который Павел не смог распознать. — Давайте займемся другими проблемами, наши передачи должны завершиться представлением нашей программы. Убийство номера первого и его непосредственного окружения первоначально может встретить негативную реакцию. Мы должны предоставить неопровержимые аргументы, если наше движение собирается очистить нацию, как мы планируем.

Вмешался новый голос:

— Мы засадили лучших писателей Советского Союза за работу над речами. Во всех отношениях они совершенство.

— Мы еще не решили, что говорить о водородной бомбе, ракетах и нескончаемых вооружениях, накопленных Советами, не говорили об армии, кораблях и воздушных силах.

Кто-то, чей голос напоминал Николая Кириченко из Москвы, произнес:

— Я председатель комитета по обороне. По нашему мнению, мы должны в нашей программе акцентировать, что единственный выход в том, что, пока Запад не согласится на ядерное разоружение, мы должны сохранить свое собственное.

— Но одной из основных причин революции, — произнес с дрожью в голосе Леонид, — было устранение безумной гонки вооружений, которая пожирает половину мировых ресурсов.

— Да, но что мы можем сделать? Откуда нам знать, что Запад не нападет на нас? И, пожалуйста, не забудьте, что не только Соединенные Штаты имеют ядерное оружие. Если мы забудем об обороне, нас смогут уничтожить Англия, Франция, Западная Германия, даже Турция или Япония! И также учтите, что экономика некоторых западных держав основывается на производстве вооружений до такой степени, что окончание такого производства приведет нацию к депрессии. Короче говоря, они не могут себе позволить оставить мир без напряженности.

— Эту проблему решит будущее, — сказал кто-то. — Но все же я считаю, что комитет прав. Пока не будет точно доказано, что нам не надо бояться других, мы должны сохранять свои силы.

Под кустом Павлу пришлось скрючиться, но он получил то, ради чего пришел: дискуссию о политике, не скованную его присутствием.

— Давайте перейдем к более приятной теме, — раздался женский голос. — Наши передачи должны сообщить народу, что впервые в истории России мы действительно окажемся в положении мировых лидеров! Пятьдесят лет коммунисты пытались заставить страны принять их систему. Те страны, что стали коммунистическими, сделали это либо под влиянием Красной Армии, либо под давлением полной разрухи, как в Китае. Но завтра, когда появится Новая Россия? Свободная от ненужной регламентации и неэффективной бюрократии, которой будет завидовать весь мир! — Ее голос фанатично зазвенел.

Кто-то хмыкнул.

— Если Запад считает, что соревнуется с нами, подождите, пока они не увидят Новую Россию.

Павлу показалось, что на прогалине кто-то появился. Рот его сжался, и пистолет 38 калибра как по волшебству оказался в его руке.

Ложная тревога.

Он вновь вернулся к разговору.

Говорил Кириченко.

— Мне трудно не верить, что через год полмира не последует за нашим примером!

— Полмира! — буйно рассмеялся кто-то. — Весь мир, товарищи! Новая система охватывает весь мир. Впервые в истории мир увидит, к чему в *действительности* вели Маркс и Энгельс.

Вернувшись под утро в отель, Павел вновь вытянулся на кровати, сложив руки за головой. Его глаза уставились в потолок, когда он мучительно занимался переоценкой ценностей.

Здесь была Анна.

И кроме того, Леонид Шверник и другие члены подполья. Самые близкие друзья, которых он когда-либо имел в жизни, не будучи склонным к дружбе.

Была Россия, страна его рождения. Не учитывая подпольного движения. Советского режима, царской династии Романовых. Матушка Россия. Земля его родителей, дедов, земля его корней.

Да, но, конечно, существовали Соединенные Штаты и Запад. Запад, который принял его в тяжелый момент бегства из *Матушки* России. Матушка Русь, ха! Да что за матерью была она для семьи Козловых? Для его деда, отца, матери и брата? Где бы сейчас был он, Павел, если бы ребенком его не отправили на Запад? А его работа? Как быть с ней? Его работа с девятнадцати лет, когда обычные молодые люди ходят в школу, только готовятся жить. С девятнадцати лет он был членом антисоветской команды.

Звезда, да! Пол Козлов, ремонтник, всегда надежный, холодный, безжалостный. Пол Козлов, на которого всегда можно было рассчитывать, чтобы забить гол.

Антисоветской команды или антирусской?

Зачем обманывать самого себя. Все это бессмысленно. Он был американцем. У него остались смутные воспоминания о семье и стране. Только из-за того, что люди ему об этом напоминали, он знал, что является русским. Но американцем он был, насколько только возможно.

Что он там говорил им, людям на Западе по крови и рождению вроде лорда Кэррола и Дерека Стивенса? *Если я не член команды, то команд вообще не существует.*

Но, конечно, была еще Анна.

Да, Анна. Но какое, собственно, будущее могло быть у них? Теперь обдумывая это, неужели он действительно мог представить ее, сидящей в кафе на Монтец-Стрит в Грасс-Вэлли и смакующей банановый десерт?

Анна была русской. И патриоткой настолько, насколько возможно. И так предана российской команде, насколько можно только представить. И, как член команды, она, как и Павел, знала, какому риску подвергалась. И она не колебалась в тисках сомнений, чтобы принести в жертву любимого брата.

Пол Козлов ударил по «Трейси», ручным часам, стоящим перед ним у корешка книги. Он привел аппарат в действие и стал передавать:

— Вызывает Пол. Вызывает Пол.

Наконец раздался густой далекий голос.

— О'кей, Пол. Прием.

Пол Козлов глубоко вздохнул и произнес:

— Все в порядке. Через пару дней мы свергнем их. Понимаете?

— Я понял, Пол.

— Может кто-нибудь перехватить наш разговор?

— Исключено.

— Хорошо, перейдем к делу. Эти ребята собираются начать революцию, убрав не только номера первого, но также и второго, третьего, четвертого, шестого и седьмого в иерархии. Номер пятый — их человек.

— Вы же знаете, — сообщил густой голос, — я не хочу знать детали. Оставьте их себе.

Пол скривился.

— Поэтому-то я и вызвал вас. В течение ближайших двух суток вам — или кому-то другому — придется принять решение. Я этого сделать не могу. Я не могу отмахнуться от этой проблемы вечными словами «не надоедайте мне деталями».

— Решение? Какое еще решение? Вы же говорите, что все готово, разве нет?

— Послушайте, — произнес Пол, — вспомните, как вы дали мне задание. Как вы рассказывали мне о немцах, которые отправили Ленина в Петроград в надежде, что он начнет революцию, а британцы отправили Моэма, чтобы ее предотвратить.

— Да, да. И что?

Даже на далеком расстоянии в голосе шефа слышалось удивление.

— Считалось, что немцы достигли успеха, а Моэм потерпел поражение. Но, оглядываясь назад, скажите, что выиграли немцы, под-

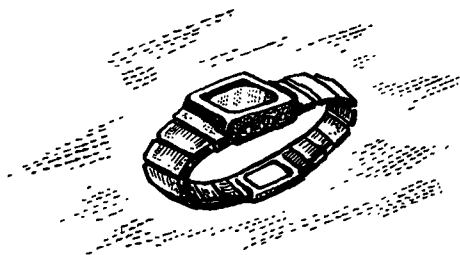
толкнув большевистскую революцию? Через двадцать пять лет Советы разбили эту мощную державу под Сталинградом.

Голос из Вашингтона был крайне нетерпелив.

— Что вы хотите сказать, Пол?

— Вот что. Когда вы дали мне назначение, вы сказали, что я нахожусь в положении немцев, которые отправили Ленина в Петроград, чтобы начать революцию. Вы *уверены*, что противная сторона ошибалась? Вы *уверены*, что я не должен совершить работу Моэма? Позвольте заметить, шеф, люди, с которыми я работаю, очень энергичны, они будут управлять страной во много раз расторопнее, чем комми.

Шеф, это решение и надо принять в следующие два дня. Просто, кого мы хотим устранить? Вы *уверены*, что не хотите, чтобы я сообщил обо всей организации КГБ?

СОДЕРЖАНИЕ

Б. ОЛДИСС Переводчик. <i>Перевод с англ. Н. Гузнинова</i>	5
В. ФОРИ Пограничницы. <i>Перевод с англ. Т. Завьяловой</i>	108
Ф. БАШБИ Однажды, верхом на единороге. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и Ю. Тянутова</i>	149
К. НЕВИЛ Медицинская практика среди бессмертных. <i>Перевод с англ. М. Черниковой</i>	155
Р. МЭТИСОН Корабль смерти. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i> На краю. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i> Человек-праздник. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i> Пляска мертвецов. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	161 180 188 192
Г. ЛАВКРАФТ Погребенный вместе с фараонами. <i>Перевод с англ. А. Сыровой</i>	206
Д. УИНДЕМ Пора на покой. <i>Перевод с англ. И. Мудровой</i>	233
А. БЕРХОУ Орнитантропус. <i>Перевод с англ. С. Коноплева</i>	247
Г. СЛИЗАР Чудодейственное лекарство. <i>Перевод с англ. Д. Изуткина</i>	257
Н. СПИНРАД Трава времени. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	263
Ф. КЮРВАЛЬ Яйцекладущее яйцо. <i>Перевод с фр. И. Горачина</i>	271
Д. БРАННЕР Жестокый век. <i>Перевод с англ. И. Синельщиковой</i>	275
Д. ГАНН Бессмертные. <i>Перевод с англ. Н. Гузнинова</i>	317
М. КЛИФТОН Устыдись, вандал! <i>Перевод с англ. И. Невструева</i> На ленте Мебиуса. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i> Что я наделал? <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	357 366 386

Э. ГАМИЛЬТОН	
Ну, и как там? <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	402
К. САЙМАК	
Мир красного солнца. <i>Перевод с англ. Б. Епифанова</i>	421
М. РЕЙНОЛЬДС	
Революция. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	447

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 8

Фантастические рассказы и повести

Составитель

БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор **Н. В. Резанова**

Художественный редактор **А. В. Гришин**

Технический редактор **Г. В. Стачева**

Корректор **И. С. Пигулевская**

Подписано к печати 30.06.93. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 31,42. Усл. кр.-отг. 29,29. Тираж 100000 экз. Заказ 3843. С 015.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в ГИПП «Нижполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ФАТА-МОРГАНА 9

**В этот сборник повестей и рассказов
войдут произведения современных
зарубежных писателей,
впервые публикуемые в России:**

Пол Андерсон «КЛАДОВАЯ ВЕКОВ»

Кордвайнер Смит «НЕТ, НЕТ, НЕ РОГОВ!»

Артур Кларк «ВОССОЕДИНЕНИЕ»

Ричард Мэτισон «КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ»

«ДЕТИ НОЯ»

«ЛЕММИНГИ»

«ЗВОНОК ИЗДАЛЕКА»

Джеймс Типтри-мл. «РАЙСКОЕ МОЛОКО»

Фриц Лейбер «237 ГОВОРЯЩИХ СТАТУЙ»

Андре Нортон «ЛОНДОНСКИЙ МОСТ»

Читатель познакомится с произведениями и других писателей.
Откроет для себя новые имена.

